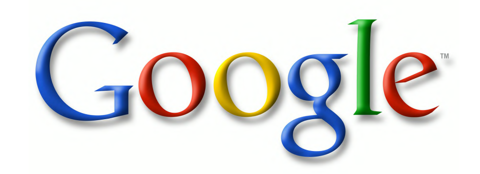
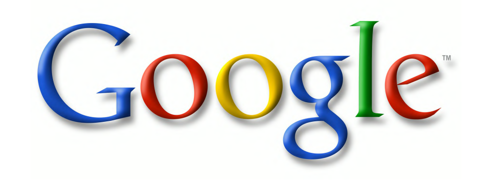
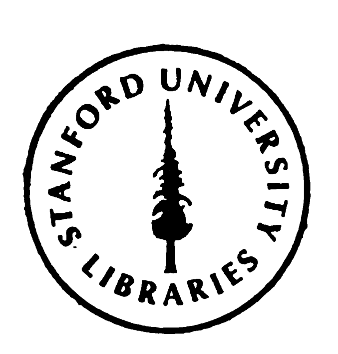
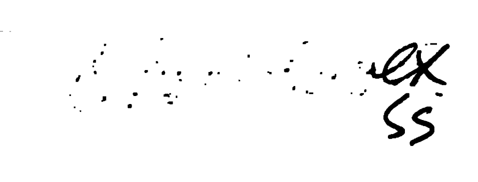
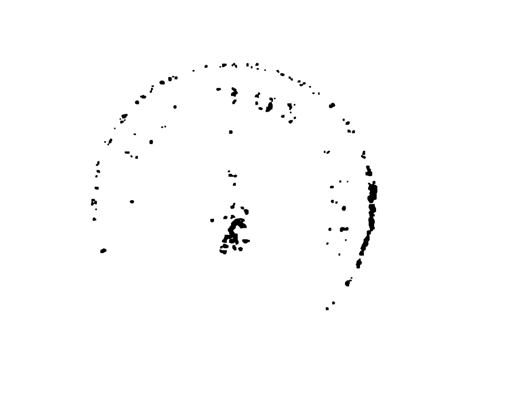





STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES





Rybnikov, P N.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

—

ЧАСТЬ II.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ,

СТАРИНЫ И ПОБЫВАЛЬЩИНЫ.

(Собственность Собирателя).

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1862.

Одобрено Ценсурою. Москва. Мая 22-го дня, 1862 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Успѣхъ изданія I-й Части въ литературѣ, въ обществѣ, въ жизни—оправдалъ ожиданія.

Но такое сочувствіе, простирающееся обыкновенно при изданіяхъ этого рода на 400 или 500 человѣкъ изъ многихъ милліоновъ жителей Руси, не выкупаетъ матеріальныхъ издержекъ: вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему такъ долго не являлась въ свѣтъ II-я Часть Сборника и почему вѣроятно задержится III-я, готовая къ печатанію.

Въ настоящемъ случаѣ Собраніе П. Н. Рыбникова не ограничено, какъ въ I-й Части, одною Олонецкой областью. Еще болѣе разнообразія должно быть въ III-й Части; впрочемъ, тамъ мы думали помѣстить однѣ уже пѣсни такъ называемыя Женскія, Обрядныя, Свадьбы, Заплачки, Заговоры и т. п.: недавняя присылка Собирателя подаетъ надежды еще и на продолженіе Былинъ.

Желаемъ, чтобы II-я Часть Сборника поскорѣе вывела за собою и III-ю, безъ тѣхъ замедленій, которыя суждены многимъ другимъ изданіямъ народныхъ произведеній Русскаго творчества.

П. Безсоновъ.
Д. Хомяковъ.

1862 года,
Мая 13 дня.

Микулушка Селяниновичъ.

ВРЕМЯ

ВЛАДИМІРОВО.

БОГАТЫРИ

КІЕВСКІЕ.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

1.

(Кижское общество).

Ай же ты, Микулушка Селяниновичъ!
Была у тебя кобыла «Подыми-голова:»
Заздынула *) она голову подъ оболоку.

—

Былъ-то онъ во городѣ во Кіевѣ:
Вывезъ онъ соли два мѣха,
А во который мѣхъ воходитъ
Пудовъ по̀ сороку.

—

А тутъ Микулушка нахалъ да оралъ:
Сосенки да елечки въ (борозду) валилъ,
Ржи напахалъ да домой выволочилъ,
Домой выволочилъ, дома вымолотилъ.

—

А я пива наварю да гостей назову,
Стану пива пить да Микулушку хвалить:
Тобѝ было, Микулушка, пахать да орать,
Тобѝ было, Микулушка, крестьянствовать!

(Отъ крестьянина Терентія Іевлева; 1861, Сентября 23).

*

*) Подняла.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

2.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ВОСПИТАНІЕ *).

(Каргопольскаго уѣзда, изъ деревни Красныя Ляги).

Города Мурома, села Карачаева,
Былъ старый казакъ Илья Муромецъ.
И тридцать лѣтъ ёнъ сидѣлъ сидуномъ,
И не имѣлъ ёнъ ногъ у себя.
И какъ тридцать лѣтъ да миновалося,
Въ само время лѣтное, въ дни сѣнокосные,
И тогда ушолъ отецъ и мать
Съ семействомъ пожни чистить,
А его одного дома оставили.
И шли люди Проходящіе, Старые **),
Мимо его село,
И пришли къ его дому,
И попросили у него напиться.
И говоритъ ёнъ има таково слово:
« Ай же вы, люди Проходящіе,
« Старички, други любезные!
« Радъ бы я вамъ подать напиться,
« Да встать не могу,
« Да что только дома у меня никого не случилося.»
И говорятъ ему старики:
— Выстань-ка, поди, и умойся,
— И пойдешь, и напиться намъ принесешь. —
И сталъ выставать на ноги свои,
Вы647сталъ и пошолъ,
И чашу взялъ со стола,
И сходилъ, и квасу нацѣдилъ,

*) Эту Побывальщину раздѣлили мы по распѣву и складу: стихъ разрушенъ. — *Изд.*

**) Перехожіе Старцы, Калѣки. — *Изд.*

И принесъ, и напиться подаваетъ старикамъ.
Ёнѣ принимаютъ,
И тотъ и другой старичокъ напилися,
Илью Муромцу подаваютъ:
— На-тко, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
— Испей-ко самъ послѣ насъ. —
И принимаетъ Илья Муромецъ,
И испиваетъ послѣ старичковъ.
Ну и спрашиваютъ у него старички:
— Что̀, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
— Каковъ ты теперь собой есть? —
Отвѣчалъ же Илья Муромецъ старичкамъ:
« Да покорнѣйше благодаримъ, старички,
« Да пооченно *) велико въ себѣ здоровье чую. »
И говорятъ старички:
— Подай-ко еще испить намъ. —
И подаваетъ старичкамъ ту же чашу,
И принимаютъ ёнѣ отъ него.
И испиваютъ опять же тотъ и другой,
И подаваютъ ёнѣ же Ильѣ Муромцу:
— На-тко, Илья Муромецъ,
— Во второй разъ послѣ насъ попей. —
Тогда Илья Муромецъ
Попилъ во второй разъ послѣ нихъ;
И спрашиваютъ у него опять старички:
— Да что̀ же, Илья Муромецъ,
— Теперече въ себѣ слышишь? —
« Да слышу пооченно велику силу въ себѣ. »
И говорятъ эти промежъ себя старички:
— Да какъ въ третій разъ дать,
— Такъ земля-мать не станетъ носить. —
И говорятъ старички:
— Выдь-ко, Илья Муромецъ,
— Сюда на улицу. —
Илья Муромецъ
Поставилъ ношу **) свою на столъ

*) Очень; слишкомъ.
**) Чашу? — *Изд.*

И выходитъ на улицу.
И говорятъ старички:
— Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ;
— Силой своей,
— Такъ и стой за вѣру Христіянскую
— И за домъ Пресвятыя Богородицы;
— На бою тебѣ смерть не писана;
— Бейся же со всею силой невѣрною
— И противу всея поленицы удалыя;
— А сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ
— Самсонъ Самойловичь да Святогоръ Колывановичь;
— Еще сильнѣе отъ матушки сырой земли
— Микула Селяниновичь.
— Поди, купи у сосѣда жеребенка однонослева,
— И дома не живи—не работай,
— А поѣзжай во стольный Кіевъ градъ.—
И простилися старички и ушли.

Илья Муромецъ пошелъ къ отцу на пожню;
Приходитъ на пожню,
Отецъ съ семействомъ отдыхаютъ-спятъ
И съ работниками своими.
И ёнъ приходитъ, и взялъ топоры,
И началъ пожни чистить:
И столько ёнѣ съ работниками и семействомъ
Не начистили въ три дни,
Сколько ёнъ одново часа.
И развалилъ поле великое,
И топоры во пни воткнулъ,
И никому не вынать.
Тогда возсталъ отецъ
Со своимъ семействомъ и съ работниками,
И таковому чуду издивился:
«« Кто этакъ подкамедилъ *)?»»
И вышелъ Илья Муромецъ изъ лѣсу,
И вынялъ у нихъ топоры изо пнёвъ.

---

*) Напроказилъ.—*Изд.*

Отецъ говоритъ: «« Слава Богу,
«« Сыну Богъ далъ здоровье,
«« Большой будетъ работникъ!»»
И тогда Илья Муромецъ
Приходитъ съ отцемъ въ домъ свой,
И говоритъ же Илья Муромецъ отцу своему:
« Батюшка, сходи къ сусѣду
« И купи жеребенка одноносцева,
« И что сусѣдъ проситъ, то и дай,
« Съ нимъ не рядись.»
И сходилъ отецъ къ сусѣду,
И купилъ жеребенка одноносцева,
И что сусѣдъ запросилъ, то ему и далъ.
И приводитъ жеребенка домой,
И заставаетъ его въ конюшню,
А Илья Муромецъ взялъ жеребенка,
И выкаталъ по три зори и по три росы:
И тутъ сталъ конь поочень сильный и храбрый.

(Отъ старика калики; Іюнь 1861).

—

3.

ОНЪ ЖЕ И ЧЕРНИГОВЪ. СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ. ПРІѢЗДЪ ВЪ КІЕВЪ.

(Тамъ же).

Сряжался Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Обсѣдлалъ-обуздалъ своего добра коня,
Садился на своего добра коня;
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву—
Отзвонили въ нижнемъ селѣ Карачаевѣ къ заутрени;
А пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Черниговъ градъ—
И выходятъ отъ заутрени.
И спрашивалъ онъ у граждань у Черниговцевъ:
« Ай же вы, граждане Черниговцы!
« Скажите-тко дорогу прямоѣзжую во Кіевъ градъ.»

Говорятъ граждане Черниговцы:
— Не проѣхать прямо ти во Кіевъ градъ:
— Есть застава стоитъ великая,
— Нѣтъ ни конному проѣзда, ни пѣшему прохода,
— Живетъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ;
— Какъ свиснетъ онъ по соловьиному,
— Тому человѣку и живу не бывати.—
Отвѣчаетъ же Илья Муромецъ:
« Ай же вы, граждане Черниговцы!
« Для того я ѣду во Кіевъ градъ,
« Что надо расчистить дорожка прямоѣзжая,
« Прямоѣзжая дорожка, прямохожая.»
И показали граждане Черниговцы
Прямоѣзжую дорожку во Кіевъ градъ.
Исправился старый казакъ Илья Муромецъ,
И поѣхалъ прямо во Кіевъ градъ.
И при пути-дорогѣ при широкіѣ,
Стоитъ на дубу Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ *).
И свиснулъ Соловей-разбойникъ по соловьиному,
И крикнулъ воръ по звѣриному,
И конь у Ильи Муромца на колѣнки палъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Бьетъ коня да по тучной ребрѣ **):
« Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« И по лѣсу ли ты не лѣсывалъ,
« И по вою ты не воивалъ,
« И не видалъ ты птички-синички?
« Какъ запищала птичка-синичка въ лѣсѣ,
« Такъ же засвисталъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.»
Какъ возьметъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ палицу,

*) Разставьте два стиха:
Стоитъ на дубу Соловей-разбойникъ,
Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.
И ниже также.— Изд.

**) Бедры, бедра.

Да какъ ударитъ Соловья-разбойника во бѣлы груди,
Да какъ улетитъ Соловей-разбойникъ со дуба долой.
И соходилъ Илья Муромецъ со добра коня,
Вязалъ Соловья-разбойника ко струмену.
Какъ садился Илья да на добра коня,
Да повезъ Соловья-разбойника у струмени:
Да ѣдетъ Илья Муромецъ—на конѣ сидитъ,
А Соловей-разбойникъ волочется у струмени.
И какъ подъѣзжаютъ онѣ къ дому Соловееву,
И увидали дочери да Соловьиныя,
Одна-то говоритъ дочь Соловьиная:
« Батюшко-то ѣдетъ, мужика везетъ. »
Мать говоритъ:—Нѣтъ, дочь моя любезная,
— Мужико-тъ ѣдетъ да отца везетъ;
— Пойдемъ-ка, дочери, на улицу,
— Не можете ли у мужика отца отнять.
А вскочила большая дочь Марья Соловьиновна,
Заскочила на ворота на широкіе,
Взяла въ руки подворотню сто-пудовую,
Хочетъ бросить на Илью-то Муромца.
Да кричитъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичь:
— Охъ ты дочь моя, да ты любезная,
— Ужь ты Марья Соловьинова!
— Не горячи удала-добра молодца:
— Возьмите-ка дровья великіе,
— Накладите злата и серебра и скачонаго жемчуга,
— Да дарите-тко удала-добра молодца:
— Не отвяжетъ ли меня, бываетъ *), отъ добра коня отъ струмена **),
— Не спуститъ ли меня во свои домы.—
Говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:—

*) Можетъ быть.

**) Опять: стихи

Накладите злата и серебра,
Злата и серебра, и скачонаго жемчуга....
Не отвяжетъ ли меня, бываетъ, отъ добра коня,
Отъ добра коня отъ струмена.—*Изд.*

« Не возьму я злата-серебра и скатнаго жемчуга,
« Не отвяжу тебя отъ добра коня отъ струменя,
« Не спущу тебя да во свои дома,
« Покажу я князю Владиміру.»
Не могли упросить Илью Муромца,
Увезъ Соловья-разбойника во Кіевъ градъ.

Пріѣзжаетъ онъ ко князю ко Владиміру;
Къ ему-то пріѣхалъ на широкій дворъ;
Идетъ тутъ отъ обѣдни Владиміръ князь,
Отъ обѣдни идетъ отъ воскресныя,
И говоритъ Ильѣ да таково слово:
— Коей земли ты, молодецъ, коей орды,
— Коего отца да коей матери,
— И какъ тебя именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя по отечеству? —
« Я есть города Мурома, села-то есть Карачаева,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;
« Я не засталъ къ обѣдни къ воскресныя,
« А пропéтался *) съ Соловьемъ-разбойникомъ воромъ Рахмановичемъ:
« Вотъ привязанъ у меня, у добра коня у струмени.»
И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Не уже ли у тебя тутъ у струменахъ
— Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ? —
« Да, тотъ самый Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.»
Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Будеть **) ты Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ,
— Засвищи-тко ты по соловьиному. —
Говоритъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
«« Не твой хлѣбъ я кушаю, не тебя я и слушаю.»»
Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!

*) Провозился.—*Изд.*
**) Если.

— Прикажи-тко ты засвистать по соловьиному.—
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
« Засвищи-ко, Соловей, хоть въ полсвиста.»
Говоритъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичь:
«« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
«« Не могу я теперь свистать и въ полсвиста:
«« Раскололо мнѣ головушку о каменья;
«« А дайте выпить чару зелена вина,
«« Зелена вина да въ полтора ведра,
«« Тожно *) засвищу я вамъ въ полсвиста.»»
Приказалъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
Налить чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимается Соловей единой рукой,
Выпиваетъ Соловей на единой здохъ,
И говоритъ Соловей таково слово:
«« Ну слушайте, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
«« Засвищу я теперича и въ полсвиста.»»
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь
Взялъ князя Владиміра подъ руку,
А княгиню Апраксію Королевичну подъ другую.
И свиснулъ Соловей-разбойникъ во весь свистъ по соловьиному,
Да крикнулъ онъ по звѣриному,—
И всѣ князья-бояра на землю припадали,
Всѣ старые домы во Кіевѣ приломалися,
А новые домы пошаталися,
Оконницы всѣ изъ домовъ припадали.
Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
— Буде спустишь экого вора по Кіеву,
— А раззоритъ у насъ и весь и Кіевъ градъ.—
Говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
« Соловей-разбойникъ ты Рахмановичь!
« Я велѣлъ тебѣ свистать въ полсвиста:
« А ты почто свисталъ во весь свистъ по соловьиному,
« Да кричалъ почто ты по звѣриному?

---

*) Тогда, въ такомъ случаѣ (то—ажно, то вотъ).—*Изд.*

« Отсѣку за то тѣ буйну голову ».
И взялъ Илья Муромецъ саблю вострую,
Отрубилъ Соловью буйну голову,
Да разсѣкъ-разрубилъ его на-мелки части;
Отвозилъ тѣ части во чисто поле;
Огня расклалъ и на огнѣ сожогъ,
Пепелъ во чисту полю развѣвалъ,
Да назадъ во Кіевъ градъ ворочался,
Задался въ услуженіе ко князю ко Владиміру.

Дунай, Дунай,
Болѣ впередъ сказать не знай.

(Записано отъ того же и тогда же).

*

ДОБРЫНЯ.

4.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

(Тамъ же).

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ
И по три году Добрынюшка пословничалъ *):
Прошло того времени девять лѣтъ.
Захотѣлось Добрынѣ походить-погулять
По стольному по городу по Кіеву:
Надоть всѣ улицы повыходить
И всѣ переулочки повысмотрѣть.
Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыня Никитичу говаривала:
« Ты ходи-гуляй по городу по Кіеву,
« По всѣмъ улицамъ ходи и переулочкамъ,
« Не завертывай во улицу Игнатьевку

*) Жилъ въ послахъ.—Изд.

«Во тѣ во переулочки Маривчаты:
«Тамъ живетъ Маришка стравница *),
«Стравница, курва, живетъ, безбожница,
«Извела она девяти молодцевъ,
«Изведетъ тебя Добрынюшку десятаго.»

Инъ Добрыня матушки не слушался,
И ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву,
По всѣмъ улицамъ ходилъ и переулочкамъ:
Завернулъ во улицу Игнатьевку,
Во тѣ во переулочки Маривчаты.
У той ли у Маришки курвы стравницы
Сидитъ голубокъ со голубушкой,
На тоемъ окошечкѣ косявчетомъ;
И натягивалъ Добрыня свой тугій лукъ,
И стрѣляетъ въ голубя со голубушкой:
Не попалъ ни въ голубя, ни въ голубушку,
А попалъ въ стекольчату околенку,
И расколол стекольчату околенку,
И убилъ у Маришки мила дружка,
Мила дружка Цугарина Гагаринова **).
И выходитъ-то Марищка курва стравница,
Сама говоритъ таковы слова:
«Поди-тко, Добрынюшка Никитиничь,
«Ко мнѣ хлѣба-соли покушати.»
Плюнулъ Добрыня и прочь пошелъ,
И тая Маришка курва стравница
Нашептала на листочки лазуревы
И бросала на Добрыню Никитича:
«Какъ сохнутъ листочки лазуревы,
«Такъ сохни по Маришкѣ Добрынюшка,
«По мнѣ по Маришкѣ, курвѣ стравницѣ.»
И не можетъ Добрынюшка Никитиничь
Безъ Маришки ни жить ни быть,

*) Иначе «стратница.» *Собир.*—Слово это, по корню одинаковое со словомъ «стерва,» въ настоящемъ случаѣ значитъ «губительница» и въ такомъ же точно смыслѣ встрѣчается въ пѣсняхъ Болгарскихъ. - *Изд.*

**) Тугарина.—*Изд.*

Ни жить ни быть, и ни ѣсть ни пить;
И приходитъ ко Маришкѣ курвѣ стравницѣ.
« Ну же, Добрынюшка Никитиничъ!
« Когда-то была твоя воля,
« А теперича моя воля:
« Что хочу надъ тобой, то и сдѣлаю.
« Ищи-тко ты, Добрыня, девяти туровъ,
« А пусть ты десятый златорогій! »
И побѣжалъ-то Добрыня туромъ во чисто поле!

И тая ли Добрынина матушка
Походила къ Маришкѣ курвѣ стравницѣ,
И нарядилася старухою старою,
И садилася она на печноё-тъ столбъ,
Сама говорила таковы слова:
« Ай же ты, Маришка курва стравница!
« Поди-тко ты во чисто поле,
« Приведи-тко ты десять туровъ,
« Поверни-ко добрыми молодцами;
« А не повернешь добрыми молодцами,
« Оберну тебя сорокой погуменною,
« И летай-ко ты вѣкъ да и по вѣку. »
Тогда-то Маришка курва стравница
Перепалася старухи старыя,
Отыскала Маришка десять туровъ.
Тая Добрынина матушка
Повернула добрыми молодцами
И взяла-то млада Добрынюшку съ собой.
Говоритъ сама таковы слова:
« Ай же вы, удалые-добры молодцы!
« Подите-тко вы по своимъ домамъ,
« По своимъ женамъ, по отцамъ-матерямъ,
« А молите Бога за старуху за старую! »

(Записано отъ того же и тогда же).

—

5.

ОНЪ ЖЕ И БИТВА СЪ НЕВѢЖЕЮ.

(Пудожскій уѣздъ, Бережнодубровскій погостъ, деревня Кузнецова).

Выходитъ Владиміръ на красное крылечушко,
Зритъ и глядитъ во чисто поле:
Летаетъ Невѣжинъ чернымъ ворономъ,
Грозитъ ему заугрозою.
Приходитъ Владиміръ во гридню столовую,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Князи вы бояра, Русскіе богатыри!
«Кто бы меня теперича повыручилъ?»
Всѣ на пиру заумолкнули:
Большій хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
И отъ меньшаго отвѣта нѣтъ.
Вставалъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Я Илья недавно изъ похода пришелъ;
«Ходилъ я въ походъ осьмнадцать лѣтъ,
«Не попалъ Невѣжинъ на ясны очи:
«Застрѣлилъ бы я Невѣжина изъ туга лука.»
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Службу-заботу наметывалъ
На племянничка Добрынюшка Никитича.

Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Походилъ Добрыня на широкій дворъ,
Пришедши Добрынюшка разжалился,
Что «Мать несчастливаго спородила,
«Смѣлостью меня не смѣлаго,
«Силою меня не сильнаго
«И красотою меня не красиваго,
«Богатствомъ меня не богатаго,
«Кудрямы меня не кудряваго.»
Говоритъ ему Мамелфа Тимоѳеевна:

Рада бы тебя, молодца, спородити
Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича,
Силою въ Самсона Колывановича,
Красотою-то во Осипа Красиваго,
Кудрямы во Царище Кудріянище,
Поѣздкою во Дюка Степановича,
Богатствомъ во Садко Новгородскаго. —

(Отъ калики Латышова).

—

6.

ТО ЖЕ. КУПАНЬЕ ВЪ РѢКѢ. ЖЕНА ВЫШЛА ЗА ДРУГАГО.

(Красныя Луги).

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка;
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала — того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.
У ласкова у князя у Владиміра
Заводился пированьице — почестный пиръ
На многихъ на князей на бояровъ
И на сильныихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыихъ.
Пиро-тъ идетъ на веселѣ,
Дене-тъ идетъ ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.
И выходилъ-то Илья Муромецъ
На красное круто крылечушко
И зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле:
Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ
И грозитъ-то на со угрозою *),
Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
«« Дайте изъ Кіева мнѣ поединщика! »»

---

*) Вм. «съ наугрозою.» Собир. — То же, что [illegible]

И приходитъ Илья въ палаты бѣлокаменны,
И говоритъ таковы слова:
« Ты Владиміръ князь, столенъ-Кіевскій!
« Тихо-гладко было во городѣ во Кіевѣ,
« А теперича во Кіевѣ не тихо.
« И глядѣлъ я теперь во чисто поле:
« Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ,
« И грозитъ-то на со угрозою,
« Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
«« Дайте мнѣ изъ Кіева поединщика!»»
И зачали между собой жеребій метать,
Кому ѣхать въ поединщики
Супротивъ Невѣжи черна ворона.
И выпалъ жеребій Добрынѣ Никитичу,
Ѣхать ему въ поединщики
Супротивъ Невѣжи черна ворона.

Закручинился Добрыня, запечалился
Той тоской-печалью великою,
И приходитъ онъ въ свои палаты бѣлокаменны,
И стрѣчаетъ его родна матушка
И молода жена Настасья Микулична.
И говоритъ ему родна матушка:
— Что же, мое чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
— Что же закручинился, запечалился?
— Развѣ тя въ пиру невѣжа обесчестила,
— Али мѣсто ти было не по разуму,
— Али чарою тебя обнесли? —
« Ай же ты, моя родна матушка!
« Невѣжа меня въ пиру не обесчестила,
« И мѣсто было мнѣ по разуму,
« И чарою меня не обнесли.
« А счастьемъ меня спородила не счастливаго,
« Красотою меня не красиваго,
« Силою меня не сильнаго.. »
— Ай же ты, мое чадо милое!
—Рада бы я тебя спородити...

— Силою въ Самсона Самойловича,
— Красотою во Осипа Прекраснаго,
— Счастьемъ во стольнаго князя Владиміра:
— А каковаго тебя Богъ далъ, дѣлать нечего!
« Были мы теперь въ почестномъ пиру,
« И былъ-то старый казакъ Илья Муромецъ;
« Ёнъ зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле,
« Насмотрѣлъ Невѣжу во чистомъ поли:
« Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ,
« И грозитъ то на со угрозою,
« Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
«« Дайте мнѣ изъ Кіева поединщика!»
« И выпалъ мнѣ-ка жеребій ѣхать въ поединщики. »
— Дитя ты мое, чадо милое!
— Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
— По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
— А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
— Берегись ты отъ Невѣжи черна ворона!
— Когда одолятъ ти жары непомѣрные,
— И тогда пойдешь во Почай-рѣку купатися,
— И за выструю плови, и за другую плови,
— Не плови, ты, дитя, за третьюю,
— Чтобы не поѣлъ тебя Невѣжа чернымъ ворономъ.—

И молодой жены Настасьѣ Никуличной
Добрынюшка наказываетъ:
« Молода жена, Настасья Никулична!
« Пожди-тко меня три года,
« Еще меня пожди до шести годовъ,
« И еще пожди до девяти годовъ,
« Еще ты пожди до двѣнадцати лѣтъ.
« Какъ двѣнадцать-то лѣтъ минуется,
« Хоть вдовой живи, хоть за мужы поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
« Хоть за сильнаго-могучаго богатыря,
« Отнюдь не ходи за Алешу Поповича:
« Мнѣ Алеша Поповичъ крестовый братъ,
« Крестовый братъ паче роднаго.»

Какъ отправился Добрыня во чисто поле,
Супротиву Невѣжи черна ворона,
И ѣздилъ-то Добрыня три году,
Не видалъ Невѣжи черна ворона;
И ѣздилъ по чисту полю до шести годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона;
И ѣздилъ по чисту полю до девяти годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона.
И одолѣли жары непомѣрные,
И пошелъ въ Пучай-рѣку купатися;
И спомнилъ родной матушки наказаньице:
И беретъ ёнъ съ собой свой тугій лукъ,
Беретъ еще съ собой калену стрѣлу.
И за выструю пловетъ, за другую пловетъ,
И заплываетъ ёнъ за третьюю, —
И налетѣлъ-то Невѣжа чернымъ ворономъ:
«« И долго я ждалъ,—дождался тебя,
«« Отсѣку тебѣ я буйну голову!»»
И охвочъ-то Добрыня ныркомъ нырять,
И нырнулъ-то Добрыня во Почай-рѣку,
И выплылъ Добрыня на крутой брежокъ;
И натягиватъ Добрыня свой тугій лукъ,
И накладыватъ Добрыня калену стрѣлу,
И звыла тетивушка шелковая,
Полетѣла стрѣла черезъ Почай-рѣку
Во того ли Невѣжу черна ворона:
Покатилась у Невѣжи голова, будто пугвица.
И только Невѣжа проговорилъ:
«« Хотѣлъ-то Добрыню я показнить,
«« А въ тѣ поры Добрыня меня показнилъ! »»
И тутъ Невѣжу ёнъ разсѣкъ-разрубилъ,
Разрубилъ-разсѣкъ на мелкіи части,
И огня-то расклалъ, на огнѣ его сожогъ.

Стоючись Добрыня пораздумался:
« Что мнѣ дѣлать во городѣ во Кіевѣ?
« И поѣду я въ королевство Заморское,
« Какія очереди—сбирать дани-пошлины;

« Проѣзжу я до двѣнадцати лѣтъ,
« Такъ меня больше на службу не потребуютъ.»
И уѣхалъ въ королевство Заморское,
И живетъ онъ тамъ — прохлажается,
Собираетъ дани-пошлины.

А во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
Приходитъ Алеша Поповичъ ко городу ко Кіеву:
« Ты Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Я былъ-то теперь во чистомъ полѣ,
« Видѣлъ у Добрынюшки головушка отсѣчена,
« А тулово лежитъ посредѣ поля,
« А голова лежитъ во ракитовомъ кусту;
« Нашелъ-то я его злаченъ перстень.
« Пошли-тко, Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Сватовъ свататься
« На молодой Настасьѣ Микуличной
« За меня за Алешу Поповича.»
И посылаетъ Владиміръ сватовъ свататься
За того Алешу за Поповича:
« И добромъ не йдетъ, такъ силомъ возмемъ,
« А силомъ не йдетъ, такъ за боемъ возмемъ!»»
И пошли — взяли Настасью Микуличну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя
И повели ко Божьей церкви, ко святу вѣнцу,
За молода Алешеньку Поповича.

И тая ли Добрынина матушка
Посылала кормленаго голубя со голубушкой:
— Полетите-тко, голубь со голубушкой,
— Ищите-тко своего хозяина.—
И прилетѣли голубь со голубушкой
Во то ли королевство Заморское,
И нашли Добрынюшку Никитича,
И сѣли на косявчето окошечко:
«« Живешь ты, Добрыня, прохлаждаешься,
«« И домашней незгоды не свѣдаешь:
«« Увели у тя молоду жену Настасью Микуличну

«« Ко святу вѣнцу за Алешу Поповича.»»
И тутъ-то Добрынѣ не долго прохлажатися:
Прямо черезъ столъ перескакиваетъ,
И садился ёнъ на добра коня,
И ѣхалъ-то онъ скоро на скоро,
Рѣки-озера перескакиваетъ,
Синія моря переплавываетъ.

И пріѣзжаетъ Добрыня по своему дому:
Ворота у Добрынюшки заложены;
Какъ ударилъ ёнъ въ ворота грудью бѣлою,
Разлетѣлися ворота на три четверти.
Вышла его родна матушка,
Жалобнехонько она расплакалась:
— Какъ не стало моего чада милаго,
— Всякъ-то сталъ насмѣхатися!—
« Не плачь ты, родная моя матушка:
« Я сдѣлаю ворота тебѣ новые.
« Дай-ка мнѣ гусли звончатыя,
« Дай-ка мнѣ шалыгу подорожную,
« Которая шалыга во двѣнадцать пудъ,
« И пойду я ко Алещенькѣ на свадебку. »
И дала ему гусли звончатыя,
И дала ему шалыгу подорожную,
И пошелъ ко Алещенькѣ на свадебку.

И идетъ во теремъ златоверховатый,
По ступенчикамъ идетъ, поколачиваетъ,
Ступенчики гибаются, весь теремъ шатается.
Зачалъ во гусли играть-приговаривать,
И всѣ на пиру пріутихли—сидятъ,
Сидятъ—на скоморошину посматриваютъ.
Говоритъ скоморошина таковы слова:
« Ай же, новобрачная княгина Настасья Никуличпа!
« Поднеси-тко скоморошины чару зелена вина,
« Зелена вина въ полтора ведра:
« Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатыя.»
И наливаетъ чару зелена вина;

Принимаетъ ёнъ чару единой рукой,
Выпиваетъ ёнъ чару на единый здохъ
И отдаваетъ Настасьѣ Никуличной:
« Новобрачная княгина, Настасья Никулична!
« Смотри-тко до дна, увидаешь добра,
« А не посмотришь до дна, не увидишь добра.»
А опустилъ ёнъ въ чару злаченъ перстень.
И посмотрѣла до дна Настасья Никулична,
И увидѣла на днѣ злаченъ перстень,
И отошла отъ Алеши Поповича,
А сѣла подлѣ Добрыни Никитича,
Сама говорила таковы слова:
— Не тотъ мнѣ-ка мужь, который подлѣ меня сидитъ,
— А тотъ мнѣ-ка мужь, который супротивъ меня сидѣлъ.—
И взялъ Добрынюшка Никитиничь
Того ли Алешеньку Поповича,
И взялъ какъ шалыгой поколачивать,
Началъ какъ Алеша поворочиваться,
Съ боку на бокъ Алеша перевертываться:
«« Да охъ, добрὸ, да нѐ ровно!
«« Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится,
«« А не всякому женидьба издавается *);
«« А мнѣ-ка Алешенькѣ не издалась!»»
И тотъ ли Добрынюшка Никитиничь
Беретъ Настасью Никуличну
За тѣ ли за рученьки бѣлыя,
Поводитъ въ свой теремъ златоверховатый.

Дунай, Дунай, Дунай,
Болѣ пѣть **) впередъ не знай!

(Отъ помянутаго выше старика, въ Іюнѣ 1861 г.).

---

*) Удается.—*Изд.*
**) Пѣть.— *Изд.*

7.

ТО ЖЕ. ЖЕНА ЗА ДРУГАГО.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости.)

Досюль Добрынюшка матушки говаривалъ:
«Свѣтъ-государыни матушка,
«Честна вдова Намельѳа Тимоѳеевна!
«На что меня несчастнаго молодца спородила,
«Гребешкомъ мою головку загладила,
«Копылкомъ *) бородку наладила,
«Спустила добраго молодца во далече-далече во чисто поле,
«Напрасно бить удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
«Проливать крови горючія,
«Оставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ,
«Скитаться женамъ молодыимъ?»
Она говоритъ ему таково слово:
— Ай же, рожоно мое дитятко,
— Молодой Добрыня Никитиничь!
— Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Алешу Поповича,
— Выступкою щапить **) въ молода Чурилу Пленкова,
— Силой могучею-богатырскою во стараго казака Илью Муромца,
— На добромъ конѣ ѣздить во Потыха Михайлу Ивановича,
— Красой-басой во Осипа Прекраснаго,
— Имѣньемъ-богачествомъ въ молода боярина во Дюка Степановича,
— Изъ туга лука стрѣлять во Тугарина во Зміевича во Заморскаго.—
Какъ вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Говорилъ онъ матушки таковы слова:
«Свѣтъ-государыни матушка!

*) Дно, задокъ гребня (кость).—*Изд.*
**) Щеголять, чтобы ты щеголялъ.—*Изд.*

« Благодарю на тѣхъ словахъ на умильныихъ,
« На рѣчахъ на разумныихъ.»
Потомъ онъ шелъ на широкой дворъ,
А со двора онъ шелъ на стойла лошадиныя,
Бралъ онъ добра коня,
Выводилъ онъ добра коня на широкой дворъ,
Сталъ онъ сѣдлать добра коня,
Кладалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
На верехъ кладалъ ковано сѣдло Черкасское,
Затягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Подпруги тѣ были чистаго серебра,
Пряжки-шпильки краснаго золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатныій:
Шелкъ-то не трется да не рвется,
Булатъ не ржавиетъ,
Красно золото не мидиетъ,
Чисто серебро не зелйзиетъ *);
Потомъ онъ шелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Кладывалъ тѣ луки во налучники,
Калены стрѣлы во колчана,
Вязалъ онъ крѣпки палицы на бедро свое,
Потомъ молился крестамъ пречуднымъ,
Отправлялся въ дорожку во дальную,
Во далече-далече во чисто поле.
Прощался онъ со своей государыней со матушкою,
Съ молодой женой съ Натальей Микуличной.
Потомъ пошелъ на широкой дворъ.
Какъ говоритъ тутъ честна вдова Памельѳа Тимоѳеевна
Любезной невѣстушки молодой Натальи Микуличной:
— Молода Наталья Микулична!
— Что ты сидишь да высиживаешь,
— А у молодаго Добрынюшки не спрашиваешь,

*) Не мѣдѣетъ, не мѣднѣетъ, не желѣзѣетъ. — Изд.

— На долго ли Добрыня поѣзжаешь во чисто поле,
— Долго ли намъ ждать его изъ чиста поля? —
Тутъ Наталья Микулична скоро бѣжала на широкой дворъ,
Брала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя:
« Мужъ ты мой любезный, молодой Добрыня Никитиничъ!
« На долго ли поѣзжаешь во чисто поле
« И долго ли намъ ждать тебя изъ чиста поля? »
Онъ говоритъ: « Ай же ты, молода жена, любима семья,
« Ты Наталья да Микулична!
« Ты жди меня изъ чиста поля ровно три года;
« Ежели не буду я черезъ три года изъ чиста поля,
« Такъ еще жди ровно три года,
« Всего-на-все будетъ шесть годовъ;
« Ежели не буду черезъ шесть годовъ изъ чиста поля,
« То тамъ, жена, хоть вдовой живи, а хоть въ за мужъ поди;
« Послухай-ко, жена, наказу да мужняго: —
« Не ходи-тко ты за смѣлаго Олешу Поповича; —
« Олеша пустохвастъ то есть; —
« Вѣкъ Олеша пустымъ хвастаетъ; —
« Еще не ходи за молодаго Чурилу Пленкова; —
« Еще не ходи, жена моя любезная, ни за купца, ни за барина,
« Ни за Московскаго гостя торговаго; —
« А поди-ка за Россейскаго могучаго за богатыря,
« Чтобы жены наши богатырскія
« Доставались Россейскимъ могучимъ богатырямъ! »
Столько видѣла молода Добрынюшку на добра коня сядучись,
Уѣхалъ тутъ Добрынюшка во чисто поле.

Тутъ не двѣ утушки сѣрыя сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невѣстушка въ одно мѣсто,
Плачутъ-обливаются,

Да молода Добрынюшку изъ чиста поля дожидаются,
Прiѣдучись не начаются *).
Тутъ-то день-то за день какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ:
Прошло тому времечки ровно три года,
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Приходитъ смѣлый душечка Олеша Поповичь-то
Къ нимъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ сполна кладалъ-то по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре стороны,
Честной вдовы Намельѣѣ Тимоѳеевной въ особину,
И молодой Натальи Микуличной въ особину,
Самъ садился на лавицу,
Началъ онъ забаивать и началъ заговаривати,
Молоду Натальюшку въ за мужь подсватывать:
— Ай же ты, молода Наталья Микуличца!
— Ты поди-ка за меня добраго молодца во замужество;
— Не будетъ Добрыня изъ чиста поля:
— Вчерась прошла круглая недѣлюшка,
— Какъ я прiѣхалъ изъ чиста поля,
— Видѣлъ во чистомъ полѣ Добрынюшку убитаго,
— Головкой онъ лежитъ во ракитовъ кустъ,
— Ножками лежитъ опачей рѣку **),
— Ясныя очи у польскихъ у вороновъ повыклеваны,
— Сквозь бѣлую грудь травка повыросла.—
Тутъ говоритъ она: «Ты поди-ка прочь, смѣлый Олеша Поповичь!
«Не пойду я за тебя въ за мужь:
«Надобно мнѣ ждать Добрынюшку
«Изъ чиста поля еще три года,
«Всего на все будетъ шесть годовъ.»
Тутъ Олешенька да не веселъ сталъ,
Самъ говорилъ Олеша таковы слова:

*) Ждуть—не дождутся, когда прiѣдеть. — *Изд.*
**) Задомъ къ рѣкѣ. — *Изд.*

— Ай же, молода Наталье Микулична!
— Хошь ты тулешься-виляешься,
— За иннаго въ за мужь не достанешься;
— Какъ будешь за мной да во замужествѣ!—
Самъ пошелъ-то изъ полатъ-то бѣлокаменныхъ;
День-то за день какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени ровно шесть годовъ;
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля,
Опять приходитъ смѣлый Олеша Поповичъ-то
Къ нимъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладалъ-то по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре стороны,
Честной вдовы Намельоѣ Тимоѳеевной въ особину,
И молодой Наталья Микуличной въ особину;
Самъ садился на лавицу,
Началъ онъ забаивать и началъ заговаривать;
Молоду Натальюшку въ за мужь подсватывать:
— Ай же ты, молода Наталья Микулична!
— Ты поди-ка за меня добраго молодца во замужество:
— Не будетъ Добрыня изъ чиста поля.—
Она ему говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, смѣлый Олеша Поповичъ!
« Ты съ добра поди съ полатъ бѣлокаменныхъ;
« Я прожила заповѣдь мужскую,
« Я еще кладу заповѣдь да женскую на шесть лѣтъ;
« Всего на все будетъ двѣнадцать лѣтъ;
« Ежели не будетъ Добрыня черезъ двѣнадцать лѣтъ,
« Тогда будетъ у меня своя воля вольная;
« Тогда хошь я вдовой живи, а хошь за мужь поди;
« Но мнѣ не велѣно итти за тебя, за смѣлаго Олешу Поповича,
« Потому что ты пустохвастъ то есть,
« Пустымъ ты, Олеша, хвастаешь;
« Мнѣ не велѣно итти за молодаго Чурило Пленкова;
« Еще не велѣно итти ни за купца, ни за барина,

Ни за Московскаго гостя торговаго;
Велѣно итти за Россійскаго могучаго богатыря, —
« Чтобы наши жены богатырскія доставались Россійскимъ богатырямъ.»
Тутъ Олешенька не веселъ сталъ,
Говорилъ опять да таковы слова:
— Хоть ты гуляешься-виляешься,
— Но за иннаго въ за мужъ не достанешься:
— Будешь за мной во замужествѣ! —
Пошелъ вонъ онъ съ полатъ бѣлокаменныхъ. —
Тутъ прошло времечки ровно двѣнадцать лѣтъ,
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
Тутъ опять приходитъ смѣлый Олеша Поповичъ-то,
Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ,
Крестъ кладалъ онъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
Кланялся на всѣ четыре стороны,
Честной вдовы Намильеѣ Тимоѳеевной въ особину,
Молодой Натальи Микуличной въ особину,
Садился онъ на лавицу и говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, молода Наталья Микулична!
— Поди ты за меня за мужъ! —
Она говоритъ: «Не йду я за тебя во замужество.»
Тутъ говоритъ солнышко Владимеръ князь:
«« Ай же ты, молода Наталья Микулична!
«« Ежели не йдешь за смѣлаго Олешу Поповича
«« Во свой городъ во Кіевъ,
«« Тамъ отдадимъ тебя во землю Литовскую
«« За мурзу-Татарина. —
Она говоритъ таковы слова:
« Я не йду за смѣлаго Олешу Поповича.»
Тутъ говорятъ они:
«« Ты добромъ не йдешь, мы силомъ возмемъ!»»
И брали ее за бѣлы руки,
Повели во церковь соборную,
Повѣнчали со смѣлымъ Олешой Поповичемъ.
Тутъ солнышко князь стольно-Кіевскій
Бралъ ихъ за бѣлы руки,

Повелъ во свои палаты бѣлокаменны,
Тутъ заводилъ для Олеши столованье — почетный пиръ,
Сбирали для Олеши на почетный пиръ многихъ тутъ,
Князей-бояриновъ, (сенаторовъ) думныихъ,
Вельможъ-купчей богатыихъ, поляницъ удалыихъ,
Росейскихъ могучихъ богатырей;
Пошло у нихъ столованье—почетный пиръ.

Какъ изъ чиста поля пріѣзжалъ Добрыня Никитиничь

Ко рѣки ко Сороги,
Становилъ добра коня ко сыру дубу,
Насыпалъ во полость во бѣлую пшеницы бѣлояровой,
Самъ садился хлѣба кушати-трапезовать.
Конь не зоблетъ пшеницы бѣлояровой,
Клонитъ буйную голову
До матушки сырой земли,
Копытомъ бьетъ во матушку во сыру землю.
Какъ говоритъ Добрыня Никитиничь своему добру коню:
« Ай же ты, добрый конь!
« Что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
« Клонишь буйную голову до матушки сырой земли
« И копытомъ бьешь во матушку сыру землю?
« Каку ты себѣ незгодушку вѣдаешь,
« Надъ моей надъ буйной головушкой или надъ своей,
« Аль во чистомъ полѣ рать-силу великую? »
Какъ конь провѣщалъ языкомъ человѣческимъ:
— Ай же, любезный хозяинъ Добрыня Никитиничь!
— Надъ твоей надъ буйной головушкой есть незгода великая:
— Какъ во славномъ-то во городѣ во Кіевѣ,
— Твоя-то молода жена
— Какъ сегодня пируетъ со смѣлымъ Олешей Поповичемъ;
— Добромъ она не шла, ей силомъ взяли,
— Солнышко князь стольно-Кіевскій.—
Онъ тутъ скоро садился на добра коня,

Билъ коня по крутымъ ребрамъ,
Поѣхалъ во всю пору лошадиную;
Конь началъ съ горъ на гору да перескакивать.
Скоро пріѣзжалъ ко славному ко городу ко Кіеву.

Пріѣзжалъ онъ къ своимъ посельямъ ко дворянскіимъ,
Ко своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Заѣзжалъ онъ на свой широкій дворъ,
Увидѣлъ онъ свою матушку сидящую
Подъ окошечкомъ слезно плачучись:
« Ай же, свѣтъ-государыни матушка,
« Честна вдова Намельөа Тимоөеевна!
« Отложай воротечка рѣшетчатые,
« Встрѣчай молодаго Добрыню изъ чиста поля!»
— Отойди ты, голь кабацкая,
— Отъ окошечекъ косивчатыхъ,
— Не надсмѣхайся надо мной,
— Надъ старухой побѣдною *):
— Кабы было рожоно мое дитятко
— Молодой Добрыня Никитиничъ,
— Такъ недосугъ было голямъ кабацкіимъ надсмѣхатися. —
Онъ и говоритъ: « Ай же ты, свѣтъ-государыни матушка,
« Намельөа Тимоөеевна!
« Отложай воротечка рѣшечаты,
« Встрѣчай молодаго Добрыню изъ чиста поля!»
— Отойди ты съ добра, голь кабацкая,
— Отъ окошечекъ косивчатыхъ,
— Не надсмѣхайся надо мной,
— Надъ старухой побѣдною:
— А то пошатаю **) своей старостью глубокою,
— Выйду на улицу — я нечестно провожу. —
« Ай же, свѣтъ-государыни матушка!
« Почему ты не узнала своего сына любимаго,
« Молодаго Добрыню Никитича? »

*) Бѣдною, несчастною.—*Изд.*
**) Встряхну.—*Изд.*

Она говоритъ:—Какъ у молода Добрыни Никитича
— На ножкахъ востры чоботы семи-шелковые;
— А у тебя, голь кабацкая, рваные-плаченые;
— Еще у Добрыни Никитича было личико бѣлое-румяное:
— А у тебя, голь кабацкая, зарудилося *);
— Очи были ясныя какъ у сокола да заморскаго;
— А у тебя, голь кабацкая, очи помутилися;
— У молодаго Добрыни Никитича были кудри желтые,
— Въ три-рядъ кудерка колечками вились на кругъ верховища:
— А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висятъ;
— На кудерышкахъ была шляпа новая пуховая:
— А у тебя, голь кабацкая, рваная-плаченая.—
« Ай же, свѣтъ-государыня матушка,
« Честна вдова Намѣльфа Тимоѳеевна!
« Черезъ двѣнадцать черезъ годиковъ
« Прервались вострые чоботы
« Отъ булатныхъ отъ стременовъ во чистомъ полѣ;
« Зарудилося личико бѣлое
« Отъ поганыя крови Татарскія;
« Помутилися очи ясныя
« Во чистомъ полѣ отъ вѣтровъ отъ буйныихъ;
« Отрослись волосы желтые
« Черезъ двѣнадцать годичковъ длинныихъ;
« Прирвалася шляпа пуховая
« Отъ дождичковъ отъ частыхъ во чистомъ полѣ.»
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Какъ у молода Добрыни Никитича
— Подъ правой пазухой есть родимая знадебка **).—
Тутъ скидывался Добрыня скоро у окошечка,
Показывалъ матери родимую знадебку.
Тутъ старуха своей старости не услышала,
Бѣжала скоро на улицу,
Брала Добрыню за бѣлы руки,

*) Замаралось, загрязнилось.—*Изд.*
**) Примѣточка.—*Изд.*

Цѣловала во уста во сахарныя,
Называла сыномъ любезнымъ
Молодымъ Добрыней Никитичемъ,
Проводила во свои полаты бѣлокаменны.
Онъ молился тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
Спасу и Пречистой Богородицы,
Онъ тутъ спросилъ:
« Гдѣ моя молода жена, любима семья
« Наталья Микулична?
« Не встрѣчаетъ что меня изъ чиста поля?»
— Твоя молода жена сегодня пируетъ
— Со смѣлымъ со Олешой Поповичемъ.—
« Вчерась прошла недѣля, какъ мы видѣлись
« Съ Олешой во чистомъ полѣ,
« Крестами мы побратались,
« Онъ назвался крестовымъ меньшимъ братцемъ;
« А теперь ужь меньшій братъ
« У большаго брата жену увелъ!
« Ахъ ты свѣтъ—государыни матушка!
« Неси ты мнѣ платье скоморошное,
« Неси гусли яровчаты.»
Она несла ему платье скоморошное
И гуселки яровчаты.
Онъ надѣвалъ одежду скоморошную
И бралъ гуселки яровчаты,
Пошелъ онъ къ Олеши на почетной пиръ.

Приходилъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Крестъ онъ сполна кладалъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
Кланялся онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Смѣлому Олеши Поповичу
Съ молодой Натальей Микуличной въ особину;
Самъ говорилъ таковы слова:
« Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
« Нѣтъ ли мѣстечка немножечко
« Малой скоморошинкѣ,

«Поиграть во гусельышка яровчаты?»
Говорилъ какъ солнышко князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, малый скоморошина!
— Всѣ мѣстечки призасѣяжены:
— Есть на печкѣ муравленой
— Мѣстечка немножечко. —
Тутъ-то Добрыня на ножку легохъ-то былъ,
Подскочилъ онъ на печку муравлену;
Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Еросолима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя моря:
Тутъ всѣ на пиру порослушалися.
Говорилъ-то солнышко Владиміръ князь:
— Ай же, малая скоморошина!
— Не твое мѣсто сидѣть на печки муравленой,
— Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини,
— Смѣлаго Олеши Поповича. —
И посадили супротивъ смѣлаго Олеши Поповича
И молодой княгини Натальи Микуличной.
И говорила тутъ малая скоморошина:
«Ай же, солнышко Владимеръ князь!
«Позвольте мнѣ налить зелена вина,
«Мѣрою чара въ полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда?»
Говоритъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же, мала скоморошина!
— За твою игру великую,
— За утѣхи твои за нѣжныя,
— Безъ мѣрушки пей зелено вино,
— Безъ расчету получай золоту казну! —
Онъ какъ налилъ чару зелена вина,
Мѣрой въ полтора ведра,
Вѣсомъ только полтора пуда,
Спустилъ онъ свой перстень обрученный,
Которымъ перстнемъ обручалися

Съ Натальей Микуличной,
Подавалъ ей чару единой рукой
И говорилъ-то ей таковы слова:
« Ай же, молода княгиня Наталья Микулична!
« Ты пей до дна, то увидишь добра,
« А не пьешь до дна, не увидишь добра.»
Она выпила чару до дна зелена вина,
Увидала она перстень свой обрученный,
Которымъ перстнемъ да обручалися,
Какъ тутъ говорила сама да таковы слова:
«« Ай же, солнышко Владимеръ-князь!
«« Не тотъ мнѣ мужь, который подъ рукой сидитъ,
«« А тотъ мой мужь, который супротивъ сидитъ,
«« Который наливалъ да зелена вина:
«« Тутъ-то сидитъ не мала скопорошина,
«« Тутъ сидитъ Добрыня Никитиничь.»»
Какъ сама-то ставала на рѣзвы ноги,
Скочила черезъ ты столы да дубовые,
Пала къ молоду Добрынюшки на бѣлу грудь,
Цѣловала его во уста во сахарныя,
Называли молодымъ Добрыней Никитичемъ.
Какъ тутъ говорилъ Добрыня Никитиничь:
« А не дивую я женщины:
« У женщины волосъ-то долгъ, да умъ-то коротокъ;
« А дивую я солнышку князю Владимеру:
« А что ежели женщина добромъ не йдетъ,
« Онъ силомъ беретъ;
« И еще дивую братцу крестовому
« Смѣлому Олеши Поповичу:
« Вчера прошла круглая недѣлюшка;
« Какъ мы видѣлись съ Олешой во чистомъ полѣ,
« Крестилися мы, браталися,
« Назвался Олешенька меньшимъ крестовымъ братьицемъ;
« Теперь меньшой братъ у большаго жену увелъ!
« Есть ли тотъ законъ на свѣтѣ,
« Чтобы отъ живаго мужа жену отобрать?
« Какъ былъ бы Олеша не крестовый братъ,
« Взялъ бы я тебя, Олешу, правой рукой,

« Правой рукой за желты кудри,
« Здынулъ *) бы тебя, Олешу, черезъ ты столбы дубовые,
« И бросилъ тя, Олешу, о кирпичный полъ:
« Столько бы ты Олеша и живъ бывалъ!
Взялъ Олешу лѣвой рукой за желты кудри,
Здынулъ черезъ ты столбы дубовые,
Бросилъ Олешу о кирпичный полъ,
Пинулъ Олешу да подъ лавицу;
Алешенька съ-подъ лавицы да выговариваетъ:
— Всякой на свѣтѣ да женится,
— Не всякому женидьба удавается:
— Удалась женидьба Дунаю Дунаевичу,
— Да старому Ставру сыну Годиновичу,
— Да еще молодому Добрыни Никитичу! —
Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Олеша на чужую дальную сторону.
Тутъ Добрыня Никитичь
Взялъ молоду жену за бѣлы руки,
Пошелъ онъ вонъ съ полатъ бѣлокаменныхъ,
Повелъ во свои полаты бѣлокаменны.
Болѣе Добрынюшка не сталъ да выѣзжать,
Выѣзжать во чисто поле,
Болѣе онъ сталъ проживать во Кіевѣ.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.)

8.

ОНЪ ЖЕ И СИЛА НЕВѢРНАЯ.

(Въ Саминскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда).

У честной вдовы Нелѳы Тимоѳеевной
Былъ сынъ Добрынюшка Никитичь.
Выросталъ онъ во двѣнадцать лѣтъ,

*) Поднялъ.—Изд.

Отдала его матушка въ грамоты учити:
Грамота ему далася.
Выросъ онъ въ пятнадцать лѣтъ,
Сталъ просить у матушки
Прощенья-благословенья
Ѣхать во чисто поле далече;
Проговоритъ ему родна матушка:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
« Поѣзжаешь ты молодешенекъ,
« Умомъ-разумомъ глупешенекъ.»
Не послушалъ Добрынюшка Никитичь
Своей родимой матушки,
Пошелъ онъ въ стойлу во конскую,
Взималъ онъ Самолета коня добраго,
Сѣдлалъ онъ сѣделышко Черкасское,
Садился онъ на добра коня,
Кладывалъ онъ стременышки серебряныкія,
Плеточкой шелковой понасвистывалъ.
Садясь его видѣли, а ѣдучи не видѣли.
Отъ того поѣзду богатырскаго
Звѣри по лѣсу разбѣжалися,
Птицы по горамъ разлеталися.

Попадала Добрынюшкѣ первая закопань *),
Ту закопань перескочилъ;
Попадала Добрынюшкѣ другая закопань,
Упалъ бурушко косматый на колѣна съ нимъ.
Говоритъ же ему Добрынюшка:
« Ай же ты, бурушко косматый!
« Чего ты спотыкаешься?
« Аль невзгодушку надо мной начаешься?»
Проговоритъ ему бурушко косматый:
— Попадетъ тебѣ третія великая закопань;
— Тебѣ этой не перескочить,
— Упадешь съ меня въ эту закопань,
— И обступитъ тебя сила невѣрная,

*) Застава.—*Собир.* Ровъ, которымъ перекопана дорога.—*Изд.*

— И попадешь въ плѣнъ нечистыъ силы. —
Лишь проговорилъ это косматый конь,
Упалъ Добрынюшка со добра коня
Въ эту великую закопаны;
Обступила Добрынюшку сила невѣрная,
Силушка поганая *),
Связали обѣ ручушки тетивками шелковыми,
Сковали ему ножки рѣзвыя
Тыми кандалами Турецкими,
Тыми ль кандалами въ девяносто пудъ.
Тутъ взимали и повели Добрынюшку
Тридцать три богатыря,
Позади — силы числа-смѣты нѣтъ,
Повели его издалеча во чисто поле
Ко тому ко кустышку ко ракитову,
Отрубить ему буйну голову.
Проговоритъ имъ Добрынюшка Никитинъ сынъ:
« Ай же вы, силушка невѣрная,
« Силушка поганая!
« Дайте мнѣ маленько поостопаться **),
« Дайте мнѣ немного пообдуматься.
« Есть ли у васъ отцы-матери,
« Молоды жены, малы дѣтушки?
« Есть ли кому по васъ плакати? »
Тутъ пораздернулъ Добрыня свои бѣлы рученьки, —
Сорвались тетивочки шелковыя;
Пораздвинулъ ножки рѣзвыя, —
Сорвались кандалы тяжелыя,
Кандаламъ девяносто пудъ.
Зачалъ Добрыня кандалами помахивать, —
Куды вернется — туда улица,
Куды перевернется — переулочекъ;
Прибилъ онъ всю силушку поганую,
Не оставилъ силушку невѣрную на сѣмена,

*) Читай:
Невѣрная силушка, поганая. — *Изд.*
**) [illegible] (на сторону). — *Изд.*

Прибилъ онъ всѣхъ Жидовъ,
Всѣхъ Татаровей невѣрныхъ,
Пролилъ крови много невѣрной.
Носъ у него что палица,
Глаза у него—пивны ланы *),
Палица у него въ рукахъ въ девяносто пудъ.

(Передано собирателю Н. В. Обручевымъ).

—

9.

ОНЪ ЖЕ И СМЕРТЬ.

(Такъ же).

Поѣхалъ Добрынюшка въ домашнюю сторонушку,
Попадалася ему Смерть престрашная.
Говоритъ она Добрынюшкѣ:
« Полно тебѣ ѣздить по бѣлу свѣту,
« Проливать крови невинныя,
« Крови напрасныя! »
— Ты кто еси, царь ли, царевичь,
— Аль король, королевичь,
— Аль сильный-могучій богатырь?—
Отвѣчаетъ ему, Добрынюшкѣ:
« Я не царь и не царевичь,
« [Не] король, не королевичь,
« Не сильный и не могучій богатырь,
« Я Смерть престрашная и прегрозная. »
— Ай же ты, Смерть престрашная!
— Коль возьму я свою саблю преострую,
— Отсѣку тебѣ голову буйную.—
« А Добрынюшка Никитинъ сынъ!
« Поспѣй проститься съ бѣлымъ свѣтомъ:
« Выну я свои пилья невиданныя, преострыя,
« Отсѣку я жилочки становыя,

*) Это обычное описаніе Татаръ, примѣненное ошибкою къ Добрынѣ. — *Изд.*

« Улетишь ты со добра коня.»
Тутъ взмолился ей Добрынюшка:
— Ай же, Смерть престрашная!
— Дай мнѣ сроку на два года
— Прощаться за свои грѣхи,
— Что много силы перебилъ напрасно
— И крови невинной пролилъ.—
« Не дамъ я тебѣ воли и на одинъ часъ.»
— Дай же ты сроку на одинъ часъ.—
« Не дамъ я тебѣ и на одну минуту.»
Выняла пилья желѣзныя,
Подсѣкла жилочки становыя,
Подсѣкла рѣзвыя ноженьки.
И упалъ Добрынюшка съ добра коня,
И вышла душенька съ Добрынюшки.

(Оттуда же. Ср. ниже Анику Воина).

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ *).

(Пудожск. уѣзда, Купецкой волости, деревни Мелентьевской).

. . . .

Изъ-подъ той съ-подъ восточнія сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичь
Со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,
Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей,
У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ:
Соколу летѣть на межейный день,

*) Ср. въ I-й части былину подъ № 60.

Маленькой птичкѣ не пролетѣть.
Не случилося во Кіевѣ богатырей;
Одна объявилась голь кабацкая,
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
Онъ двѣнадцать годовъ по кабакамъ гулялъ,
Пропилъ-прогулялъ все житье-бытье свое,
Все житье-бытье свое, все богачество.
И то не чѣмъ у Василья опохмѣлиться,
Съ опохмѣлья у Василья головка болитъ,
Съ перепоя у Василья ретиво сердце щемитъ.
Какъ беретъ свой тугій лукъ разрывчатый,
Выходилъ Василій вонъ со Кіева,
Натягивалъ Василій свой тугій лукъ,
Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій по тымъ шатрамъ,
По тымъ шатрамъ по Батыгинымъ,
Убилъ Василій три головки хорошенькихъ,
Три хорошенькихъ головки, что ни лучшіихъ:
Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Кораблнкова,
Убилъ еще дьячка-выдумщичка.
Воротился Василій взадъ во Кіевъ градъ.
Посылаетъ тутъ Батыга скорыхъ пословъ,
Стали послы виноватаго искать.
Нашли-то Василья въ кабакѣ на пеци,
Приводили Василья къ Батыгѣ на лицо:
« Ты прости меня, Батыга, во большой во вины,
« Убилъ я наилучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
« Убилъ сына Батыга Батыговича,
« Убилъ зятя Тараканчика Кораблнкова,
« Убилъ дьячка-то выдумщичка. »
И то не чѣмъ у Василья опохмѣлиться.
Съ опохмѣлья у Василья головка болитъ,
Съ перепоя у Василья ретиво сердце щемитъ;
Тутъ-то Василій сталъ выспрашивати:
« Опохмѣль-ка ты, Батыга, чарой хмѣльноей:
« Пособлю-ка я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ. »
На тыя рѣчи Батыга пріокинулся;

Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюмку сладкаго меду,
И сливали питье въ едино судно:
Становилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый дукъ,
Говоритъ Василій таково слово:
« Я могу теперь владѣть добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей.
« Ужь ты дай-ка мнѣ силы сорокъ тысячей!»
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Уѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле,
Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубилъ-пригубилъ онъ до единой головы.
Разгорѣлось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая,
Ворочался тутъ Василій къ Батыгинымъ шатрамъ,
Началъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати:
Прирубилъ-пригубилъ онъ до едной головы,
Бѣжитъ тутъ Батыга, потыкается,
Потыкается Батыга, заклинается:
« Не дай, Боже, ни дѣтямъ моимъ,
« Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ!»
. . . .

(Записано на Шугѣ, отъ слѣпаго Ивана).

11.

ТО ЖЕ.

(Каргопольск. уѣзда, изъ деревни Красныя Ляги).

Изъ подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ подъ чуднаго креста Еладіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,

И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудо,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ диво,
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
И встрѣтили турицу, родну матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
« Здравствуй, турица, родна матушка! »
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали? —
« Шли мы бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
« Мимо ту мимо стѣнку городовую,
« Мимо тѣ башни городовыя,
« И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ чудо,
« И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ диво:
« И по той по стѣнѣ городовыя
« Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
« Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
« Сколько ни читаетъ, въ двое плачетъ. »
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужь вы глупые, туры златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
— А ходила та Мать Пресвята Богородица *),
— А плакала стѣна мать городовая,
— По той ли по вѣрѣ Христіанскія, —
— Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельё:
— Подымается Батыга сынъ Сергѣевичь,
— И съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
— И съ зятемъ Тараканникомъ и съ Каранниковымъ,
— И съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ. —

*) Изъ послѣдующаго стиха ясно, что и плакала, и ходила стѣна мать городовая.

У Батыги было силы набрано,
Набрано было силы, заправлено,
И было силы сорокъ тысячей;
И у сына Батыги Батыговича
Было силы то же сорокъ тысячей;
И у зятя Тараканника Каранникова
Было силы то же сорокъ тысячей;
И у думнаго дьяка вора-выдумщика
Было силы то же сорокъ тысячей.
И не вешняя вода облелѣяла *),
Обступила кругомъ сила поганая:
Соколу кругомъ летѣть
Будетъ на меженній день.
И пишетъ Батыга князю со угрозою:
«« Ты старый песъ, ты Владиміръ князь!
«« Дай-ко мнѣ изъ Кіева поединщика,
«« А не то дай-ко мнѣ ты Кіевъ градъ,
«« Безъ бою безъ драки великія,
«« Безъ самаго большаго кровелитія.»»

Закручинился князь, запечалился
Той тоской-печалью великою;
Богатыревъ-то во градѣ не случилося:
Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые на пески,
А Добрыня Никитовичъ на Вертановыхъ горахъ,
А Самсонъ былъ богатырь—тотъ во дальнихъ городахъ,
А Олеша Поповичъ за синимъ моремъ гуляетъ;
Никакого богатыря не пригодилося.
Разсказали князю голи кабацкія:
«« Ты солнышко нашъ, Владиміръ князь!
«« У насъ есть-то Василій сынъ Игнатьевичъ,
«« И можетъ со Батыгой поправиться,
«« И пропилъ Васильюшко житье-бытье,
«« Все житье-бытье и богачество,
«« Теперь не чѣмъ Василію опохмѣлиться,
«« И лежитъ нынь Василій въ кабакѣ на печи.»»

*) Облелѣяла, удвоенное изъ «облила.»—*Изд.*

И солнышко нашъ Владимiръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
По тѣмъ ли по царевымъ кабакамъ,
По кабакамъ, по питейнымъ домамъ,
И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печѣ.
И сходитъ Васильюшко со печки долой,
Съ лица зашелъ, поклонился князю:
« Солнышко нашъ, Владимiръ князь!
« Ты не знаешь кручины моей великiя;
« У тебя есть кручина великая,
« А у меня горе-печаль еще больше твоей:
« Что трещитъ-то болитъ у меня буйная голова,
« И дрожитъ у меня жильё подколѣнное,
« Теперь не чѣмъ мнѣ, Василью, опохмѣлиться;
« Опохмѣль-ка меня чарою опохмѣльною,
« Тогда я со Батыгой поправлюся.»
И Владимiръ князь столёнъ-Кiевскiй
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Зеленаго вина полтора ведра,
Другую наливаетъ пива пьянаго,
Третью рюму меду сладкаго,
И составили питье въ одно мѣсто,
Становилося питья полпята *) ведра.
И принимаетъ Василiй единой рукой,
И выпиваетъ Василiй на единый здохъ.
И заскочилъ-то Василiй на стѣнку городовую,
И натягиваетъ Василiй свой тугiй лукъ,
И накладываетъ Василiй калену стрѣлу,
И стрѣляетъ Василiй ко Батыгѣ во шатеръ:
И убилъ три головки, кои лучшенькiя,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тараканника Каранникова
И убилъ думнаго дьяка вора-выдумщика.
И пишетъ Батыга князю со угрозою:
«« Ты старый песъ, ты Владимiръ князь!
«« Ты подай-ко мнѣ изъ Кiева виноватаго.

*) Четыре съ половиною.—*Изд.*

«« У меня кто убилъ ровно три головы.»»
И тотъ ли Василій сынъ Игнатьевичь
Пошелъ по конюшнямъ кленовыимъ,
Выбиралъ себѣ жеребчика неѣзженаго,
И садился на жеребчика неѣзженаго,
И пріѣзжаетъ Василій ко Батыгѣ на лицо,
И прощается *) Василій во первой большой винѣ:
« Прости меня, Батыга, въ первой большой винѣ:
« Я убилъ три головки, кои душенькія.
« Опохмѣль-ко меня чарою похмѣльною,
« Пособлю я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ.»
На тѣ рѣчи Батыга понадѣялся,
Наливаетъ ему чару полтора ведра вина,
И другую наливалъ пива пьянаго,
И третью наливалъ меду сладкаго,
И составили тутъ питье въ одно мѣсто,
И становилося питья полпята ведра вина.
И принимается Василій единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый здохъ,
И говоритъ тутъ Батыгѣ таково слово:
« Ай же ты, Батыга сынъ Сергѣевичь!
« Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
« Я пойду—подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ.»
На тѣ рѣчи Батыга обнадѣялся,
Давалъ ему силы сорокъ тысячей.
И отъѣхалъ Василій прочь отъ Кіева,
И прибилъ-пригубилъ всѣхъ до единаго.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорѣло у Василья ретиво сердцо
И прибилъ-пригубилъ до единаго,
Не оставилъ Батыгѣ на сѣмена.
И уѣзжаетъ Батыга прочь отъ Кіева
Со тою ли со клятвою великою:
«« Не дай Богъ бывать болѣ подъ Кіевомъ,
«« Ни мнѣ-то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
«« Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ!»»

*) Просить прощенія.—*Изд.*

Сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ;
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ во Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю морю подошли;
Щельё-каменьё въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подолы Олонецкіе;
Дубяные сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ;
Обо...... подолы по Мошѣ по рѣкѣ;
Рипсоватые подолы Почезерочки;
Рядные сарафаны Кенозерочки;
Пучеглазыя молодки Слобожаночки;
Толстобрюхія молодки Лексимозерочки;
Малошальскій попъ до солдатовъ добръ *).

Дунай, Дунай,
Болѣ пѣть впередъ не знай!

(Отъ старика калики; ср. выше).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

12.

(Княжое общество).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владимера
Былъ хорошъ въ починѣ почестной пиръ.
Всѣ тутъ на пиру были:
Были всѣ князи, всѣ бояра,
Всѣ сильніи-могучіи богатыри,
Всѣ паленицы удалыя.

---

*) Онега рѣка въ Каргопольскомъ и Пудожскомъ уѣздѣ; Моша рѣка въ Каргопол. уѣздѣ; Почезеро погостъ въ Пудожск. уѣздѣ; Кенозеро тамъ же; Лексимозеро въ Каргопол. уѣздѣ; Малошальскій погостъ тамъ же.

Всѣ были да столы посажены
И всѣмъ были кушанья налажены,
Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ,
Солнышко-то на вечерѣ,
Всѣ они стали на веселѣ,
Они тутъ да порасхвастались:
Умной хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумноё-тъ хвастаетъ молодой женой,
Молодой женой да неудачливой.
Тутъ Владимеръ князь стольно-Кіевскій
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
«« Всѣ у меня были поженены
«« И всѣ у меня были повыданы,
«« Одинъ у васъ князь не женатъ,
«« Владимiръ князь да стольно-Кіевскій,
«« Знаете ль вы да вѣдаете ль
«« Ему да супротивную, —
«« Чтобъ была бы то жена ему хорошая,
«« Она ростомъ-то высокая
«« И саномъ-тымъ она сановитая,
«« Станомъ-тымъ она становитая,
«« Красой она красовитая,
«« У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заица?
«« Было бы то мнѣ-ка-ва жить да быть,
«« Жить да быть, долгій вѣкъ коротать,
«« Было бы то вамъ кому честь отдать,
«« Да было бы кому покланятися?»»
Тутъ всѝ за столомъ-то призамолкнули,
Всѝ за столомъ прiутихнули,
Никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ;
Большой туляется за середняго,
Середній туляется за меньшого,
А отъ меньшого и отговору нѣтъ.
Тутъ выходилъ Дунай-то Ивановичь,
Выходилъ Дунаюшко изъ за печи,
Подходилъ онъ ко столу да ко дубовому,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Владимеръ князь да стольно-Кіевскій!

« Какъ подъ далече-далече, подъ сточной *) той стороны,
« У того ли короля да хоробо-Лицкаго **),
« Есть-то у него двѣ дочери,
« Двѣ дочери, обы хорошія:
« Была бы ти жена да хорошая,
« Она ростомъ была бы высокая,
« Саномъ-тымъ она да сановитая,
« Красотою она красовитая,
« У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заяца;
« Было бы то тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
« Жить да быть и долгіи вѣки коротати,
« Было бы намъ кому честь воздать,
« Было бы то кому да поклонитися.
« Но только большая дочь да мало при домѣ живетъ,
« Она ѣздитъ въ поле поляковать;
« А меньшая дочи-та всегда при домѣ;
« Меньша-то дочушка Опраксинья,
« А большая Настасья королевична.»
«« Зналъ ты, Дунаюшка, повыхвастать,
«« Дакъ умѣй-ко оттуда ю повывезти!
«« Много ли туды ты силы возьмешь,
«« Много-ли возьмешь да золотой казны?»»
« Не надобно мнѣ силы княженецкой,
« Не надобно мнѣ и золотой казны:
« Не биться мнѣ тамъ и не ратиться;
« Только дай-ко мнѣ во товарищахъ,
« Во товарищахъ Добрынюшку Никитича,
« Еще дай-ко мнѣ двухъ жеребчиковъ не ѣзжаныхъ,
« Да и два сѣделышка не держаныхъ,
« И двѣ узды—обы не держаны,
« И двѣ плетички—обы не хлыстаны,
« Да пиши-тко ерлыки о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На его дочери Опраксиньи
« За нашего князя Владимера.»

---

*) Восточной.

**) Сокращено изъ «хоробра Литва»

Тутъ они сѣдлали-уздали добрыхъ коней,
А поѣхали ко матушкѣ [къ каменной Москвы]
И къ хороброй Литвы,
Ко тому ли къ королю къ хоробо-Лицкому,
Да объ добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
На его дочери Опраксиньи на королевичной.
Подъѣхали они ко матушки къ хороброй Литвы,
[Къ хороброй Литвы да къ каменной Москвы].
Не спрашивалъ тутъ Дунаюшка Ивановичь
Ни придверничковъ, ни приворотничковъ,
Размахивалъ воротца онъ на пяту,
Ставилъ-то онъ коней да середи двора
Не привязаныхъ да не приказаныхъ.
Оставался Добрынюшка среди двора,
Бралъ онъ коней да во лѣву руку,
А во праву дубину Сарачинскую.
Тутъ говорилъ Дунаюшка Добрынюшкѣ:
« Стой-ко ты, Добрынюшка Никитиничъ,
« И гляди-тко ты на риньгу *) королевскую:
« Какова пора да каково время,
« Чтобы можно было да прiуѣхати.»

Идетъ-то Дунаюшко во риньгу *) королевскую.
Онъ крестъ несетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
А онъ королю ведетъ поклонъ въ особину:
« Ужь ты здраствуешь, батюшко король да хороброй Литвы!»
— Ты здраствуешь, Дунаюшко Ивановичь!
— Куда ты ѣдешь, куда путь держишь,
— Насъ посмотрѣть, или себя показать,
— Показать себя, или намъ послужить?—
« А васъ посмотрѣть, да и себя показать,
« Еще другое-то есте больши,—
« О добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На твоей на дочери Опраксиньи

*) Гридню.

« За нашего князя Владимера.»
Тутъ онъ выкладывалъ ерлыка на дубовъ столъ;
Тутъ король ерлыки разсматриваетъ,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Ай жо ты, Дунаюшка Ивановичъ!
— Ты бился за безумье за великое:
— Какъ вашъ тотъ князь не великъ собой
— И ваши-то царищи уродливыи;
— Возьму-то я тебя за желты кудры,
— Посажу я тебя во глубокъ погребъ:
— Пусть-ко Дунай въ горобры *) погоститъ,—
— Тошто **) Дунай объумѣется!—
Тутъ подходилъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко тому столу да ко дубовому,
Здынулъ-то онъ руки выше головы,
Допустилъ онъ до того стола до дубоваго;
Питья на столахъ да проливаются,
Альни столъ въ щепья приломается,
Альни мать-земля да сколыбается ***).
. . . .

Какъ поѣхалъ младый Добрынюшка
Отъ короля отъ Литовскаго со княгинею со Опраксіей.
И путемъ-дороженькой была за ними погоня великая.
« Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитинецъ,
« Ко стольному городу ко Кіеву,
« А я поѣду за погонею великою:
« Видно судьба меня ищетъ, крестовый брателко!»
Тутъ они простились и поѣхали.

И наѣзжалъ-то младый Дунаюшка на богатыря,
И тутъ-то оны съѣхались биться и ратися ****);
И однако Дунаю и не къ суду пришлось:

*) Въ хоробры, т. е. Литвы, Литвѣ.—*Изд.*
**) Тожно?—*Изд.*
***) До сихъ поръ со словъ Терентія Іевлева, вторая же половина хотя и съ его словъ, но пересказывалъ ее той же волости крестьянинъ Леонтій Богдановъ.
****) Ратиться.—*Изд.*

И сронилъ поганаго Татарина со бодра коня.
И уперъ въ него копьемъ долгомѣрнымъ во бѣлы груди:
« Ты скажи-ко, поганый Татаровинъ,
« Ты коей земли, ты коей орды?»
И говоритъ Татаровинъ не съ упадкою:
— Кабы я былъ на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
— И не спрашивалъ бы твоего роду-племени:
— Билъ бы тебя вострымъ мечемъ;
— Вынималъ бы сердце со печенью.—
А увидалъ младый Дунаюшко,
Что титечки-то женскія:
« И скажи-ко ты, женщина,
« Какого ты роду-племени?
« Не принимай смерти напрасныя!»
— Я есть того короля Литовскаго,
— Большая дочи на-старшая *),
— И не знаю, коли была у насъ
— Два дѣтины могущія:
— Много силушки у насъ перебили,
— Я въ дому на ту пору не случилася.
Скочилъ младый Дунаюшка со бодра коня
И взялъ ее за рученьки за бѣлыя,
Здымалъ со сырой земли,
Цѣловалъ во уста во сахарьнія:
«Поѣдемъ-ко, моя любезная, во Кіевъ градъ!»
Садилъ ее на добра коня,
Отобралъ тую палицу булатную и саблю вострую,
И взялъ добра коня за поводъ.

И пріѣхали оны ко городу ко Кіеву,
Ко солнушку ко Владиміру,
И вдругъ оны крестились, и вдругъ оны вѣнчалися.
И тутъ-то былъ великій почестный пиръ.
Послѣ вѣнца оны разъѣзжалися.
И на почестенъ пиръ опять собиралися.

*) Наи-старшая.— *Изд.*

Тутъ-то младой Дунаюшка порозхвастался:
«Нѣтъ-то меня сильнѣе
«И нѣтъ-то меня храбрѣе,
«И не кому со мной поборотися!»
За тымъ-то пиромъ за почестнымъ
Сидѣла хороша Настасья королевична,
Настасья королевична изъ хороброй Литвы,
И сама говоритъ таковы слова:
— Не пустымъ ли то младъ Дунаюшка хвастаетъ?
— Возьмемъ-ко мы тугой лукъ
— И кладемъ-ко мы колечушко серебряно во чисто поле,
— И кладемъ туда ножъ вострый,
— И стрѣлимъ въ колечко серебряно,
— И по тому ножу вострейному
— Чтобы стрѣлочки были на половиночкахъ,
— И на взглядъ ровны, и вѣсомъ ровны.—
Тутъ Дунаюшко стрѣлилъ во колечко серебряно
Той стрѣлой калёноей,—
И не дострѣлилъ;
А другой разъ стрѣлилъ,—
Перестрѣлилъ;
Третій разъ стрѣлилъ,—
И стрѣлочки найти не могли.
А Настасья королевична стрѣлила во колечко серебряно,—
И попала во колечко серебряно,
И кололя стрѣлочку калёную на половиночки:
На взглядъ ровны и вѣсомъ ровны.
— Не угодно ли тебѣ, Дунаюшка, со мной побоpотися?—
Тутъ сколыбалось его сердце ретивое,
Помутилися его очушки ясныя.
Тутъ говоритъ Настасья королевична таковы слова:
— Ты прости меня, Дунаюшка,
— Во вины да во великія!
— Бей меня плеточкой шелковоей
— За мою за вину за великую!

— У меня есть во черевѣ посѣяно два дѣтища
— И два сына будетъ любимыихъ:
— Во лбѣ-то будетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— По локоть рученьки въ золотѣ,
— По колѣнечко ножки во серебрѣ.—
Тутъ-то младъ Дунаюшка
Накладывалъ стрѣлочку на тугой лукъ
И стрѣлилъ ее во груди во бѣлыя.
Тутъ-то младъ Дунаюшка сколыбалсе:
Вынималъ-то дѣтушекъ со черева,
И увидѣлъ дѣтушекъ — во лбу-то свѣтелъ мѣсяцъ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
По локоть рученьки въ золотѣ,
По колѣнечко ножки во серебрѣ.
Тутъ-то младъ Дунаюшка
Поставилъ вострый ножь во кирпичный мостъ,
И палъ на него Дунаюшка бѣлыми грудьми,
Со досадушки со великія:
Тутъ Дунаю и славу поютъ.

От Настасьюшки протекала Настасья рѣка:
Рѣка быстрая ко королю ко Литовскому.
Отъ Дунаюшки протекала Дунай рѣка
Ко городу ко Кіеву.
Тутъ-то они въ мѣстечко стекалися,
Тутъ выростало два деревца кипарисныихъ,
Два деревца вмѣстѣ сплеталися.
Тутъ на листахъ было подписано:
« Таково дѣло случалосе,
« Молодымъ людямъ на удивленіе,
« А старымъ людямъ на утѣшеньице.»

(Отъ крестьянина Терентія Гевсева, 1861 г., Сентября 25.)

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

13.

(Красный Яръ; ср. выше).

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Заводился пированьице—почестный пиръ
На многихъ князей-бояръ,
И на сильныхъ-могучихъ богатырей,
И на всѣхъ поленицъ удалыихъ,
И на всѣхъ гостей приходящіихъ.
И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
А Иванушко Годеновичь
Не пьетъ, да и не ѣстъ и не кушаетъ,
И бѣла лебедя Иванушка не рушаетъ.
И спрашиваетъ у Ивана родной дядюшка
Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Что же ты, Иванушко,
— Не пьешь, не ѣси и не кушаешь,
— И бѣлы лебеди, Иванушко, не рушаешь?
— Мѣсто ли тебѣ не по разуму,
— Али невѣжа тебя въ пиру обезчестила?—
Говоритъ-то Иванушко Годеновичь:
« Ай ли ты, родитель *) мой дядюшко,
« Владиміръ князь столенъ-Кіевскій!
« Мѣсто-то мнѣ какъ по разуму
« И невѣжа въ пиру не обезчестила.
« У насъ-то во городѣ во Кіевѣ
« Всѣ молодцы испоженены,
« Красныя дѣвушки за мужь выданы,
« А я-то, Иванъ, не женатъ хожу.
« Кабы мнѣ-ка нажить Богосуженая,
« Кабы мнѣ-ка нажить супружница! »

*) Родной.—*Изд.*

И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери;
— Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмешь.—
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Ай же ты, любезный мой дядюшка,
« Ты Владиміръ князь столенъ-Кіевскій!
« Есть у меня невѣста-то въ городѣ Черниговѣ
« У того ли у купца у гостя Дмитрія торговаго,
« Есть же Настасья-та Дмитріевна:
« Умомъ умна и станомъ статна;
« Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
« Щечки будто маковъ цвѣтъ,
« Походочка у ней такъ павиная,
« Рѣчь-то у ней лебединая.»
И говоритъ-то Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Бери-тко казны колько надобно,
— Бери-тко ты силы колько требуется
— И поѣзжай-ко ты за Настасьей Дмитріевной.—
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Ай же ты, любезный мой дядюшко,
« Владиміръ ты князь столенъ-Кіевскій!
« Не надобна мнѣ золотая казна
« И не надобна мнѣ сила твоя (армія),
« Только дай-ко мнѣ Ефимка слугу-Паромка *),
« Мы двое съ нимъ да поправимся. »
И вставаетъ Ефимка слуга-Паромокъ:
«« Благодарствуй, Иванъ да Годеновичъ,
«« Хоша мною ты да не побрезговалъ!»»

И видѣли молодцовъ, какъ на коней садилися,
И не видѣли, куды они уѣхали,
И пріѣхали ко городу Чернигову,
И разскочилися ко гостю купцу Дмитрію торговому,

*) Екимъ Паробокъ (Екимъ Ивановичъ, Марко Паробокъ), извѣстный по другимъ былинамъ.—*Изд.*

И стали они у него свататься:
« Ай же ты, Дмитрій гость торговыій!
« Отдай же Настасью Дмитріевну
« За княженецкаго племянника за Иванушка! Годеновича. »
Говоритъ-то Дмитрій гость торговыій:
— У меня просватана Настасья-то Дмитріевна
— За царя за Кощея Трапетовича*).
Какъ хватали-то сабяю-то острую
И говорятъ-то они таково слово:
« Ай же ты, Дмитрій гость торговыій!
« Не отдашь какъ Настасья-то Дмитріевны,
« Отсѣкемъ мы тебѣ буйную голову! »
И хватили Настасью-то Дмитріевну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченые,
И выводили-то ей на широкой дворъ,
И садили-то ей на дорога коня,
И повезли-то ее да во Кіевъ градъ.

И выѣхали они да во чисто поле,
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Поѣзжай-ко ты, Ефимка слуга-Паромокъ,
« Поѣзжай ты во Кіевъ градъ
« И скажи-ко дядюшкѣ вѣсточку радостную,
« Что получили Настасью-то Дмитріевну,
« А я раскину шатеръ бѣлополотненый,
« Отдохну я съ Настасьею Дмитріевной. »
Уѣхалъ слуга-Паромокъ во Кіевъ градъ,
Оставаются Иванушко Годеновичъ
Съ Настасьею Дмитріевной во чистомъ полѣ.
И раскинули они шатеръ бѣлополотненый
И легли они спать да опочинъ**) держать.
И наѣхалъ Кощей да Трапетовичъ,
И кричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ:

*) Вѣрнѣе «Трипетовъ,» три-путный. Ср. изданіе пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.—*Изд.*

**) Опочивъ.—*Изд.*

«« Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
«« Ты почто у меня взялъ Настасью-то Дмитріевну?
«« У меня три года какъ сосватанось. »»
И вышелъ-то Иванушко Годеновичъ
Супротивъ Кощея Трапетовича,
И стали о Настасьи-то дратися,
Дратися да и боротися:
И одолѣлъ Иванушко Кощея Трапетовича,
И закричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ:
«« Ай же ты, Настасья Дмитріевна!
«« За мной тебѣ жить — такъ царицей слыть,
«« За Иванушкой жить — портомойницей слыть! »»
И скочила какъ Настасья-то Дмитріевна,
И какъ хватила Ивана за желты кудри,
И ушибла Ивана о сыру землю.
И связали у Ивана ручки бѣлыя,
И сковали у Ивана ножки рѣзвыя,
Привязали-то ко кустешку ракитовому.
И зашли-то во шатеръ бѣлополотняный,
Кощей-то Трапетовичъ съ Настасьею Дмитріевною,
И стали забавлятися.
И прилетѣли голубокъ да со голубушкой,
Садилися на кустечикъ ракитовый,
И воркуютъ-то они да приговариваютъ:
«« Хорошо стоять Иванушки у кустичка ракитова,
«« Хорошо смотрѣть на Кощея Трапетовича,
«« Какъ забавляется съ Настасьей-то Дмитріевной! »»
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
— Ой ты, Кощей Трапетовичъ!
— Отсѣки Ивану буйну голову:
— Какъ сослетятъ да голубокъ со голубушкой во Кіевъ градъ,
— Да скажутъ князю Владиміру,
— Наѣдутъ какъ Кіевскіе богатыри,
— Такъ не уѣхать намъ будетъ во свою землю. —
Такъ тутъ говоритъ Кощей-то Трапетовичъ:
«« Застрѣлю я голубка со голубушкой. »»
И натягивалъ Кощей свой тугій лукъ,

И накладывалъ Кощей калену стрѣлу,
И стрѣляетъ въ голубка да во голубушку;
И не попалъ-то Кощей ни въ голубка, ни во голубушку,
А попалъ во свою бѣлу грудь,
И разбилъ-то свою бѣлу грудь,
Разрушилъ свое сердце ретивое:
И тутъ-то Кощею слава вся прошла!
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
— Отъ бережку я отпачнулася,
— Ко другому бережку не приначнулася!
— Ой же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Не станешь меня ни бить, ни бранить,
— Такъ отвяжу тебя отъ кустичка ракитоваго;
— А станешь меня бить да бранить,
— Отсѣку тебѣ буйну голову. —
Взяла-то она саблю вострую,
И здрожали у ней ручки бѣлыя,
И выпала сабля по поводамъ шелковымъ.
И сталъ-то Иванъ на своей воли,
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
«Я не стану тебя, Настасья, ни бить, ни бранить,
« Только дамъ тѣ три угрозы, три великія, —
« Эти мнѣ руки не надобны:
« Почто меня хватали за желты кудри,
« Почто ушибали о сыру землю! »
И отсѣкъ-то у ней ручки бѣлыя.
« Эти мнѣ губы не надобны:
« Почто цѣловали Кощея Трансвѣтовича! »
И отсѣкъ-то у ней губы бѣлыя.
« Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ:
« Почто говорилъ — « отсѣки-тко Ивану буйну голову! »»
И вытянулъ языкъ у ней изо рта.
« На-тко, Настасья Дмитріевна,
« Хоть за мужъ пойди, хоть вдовой живи,
« А мнѣ ты теперь не надобна! »

И поѣхалъ Иванъ-то во Кіевъ градъ,

Одинъ-то поѣхалъ одинешенекъ.
И встрѣчаетъ его дорогой дядюшка,
Думаетъ, что ѣдетъ Иванъ съ Богосуженой.
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
«Ай ты, родитель мой дядюшка!
«Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится,
«А не всякому женидьба издавается!»

(Отъ старика [illegible])

16.

ТО ЖЕ *).

(Деревни Боярщины, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда).

Жилъ-то Буслаей девяносто лѣтъ,
Живучи онъ состарѣлся и преставился.
Оставался у Бусланея милый сынъ
Изъ-по имени Василій Буслаевичъ.
И поѣхалъ-то Василій Буслаевичъ
Съ молодой женой Настасьей Митріевичной **).
Во славное раздольице чисто поле.
Ужь онъ ѣздилъ-гулялъ по чисту полю,
Раскинулъ шатеръ бѣлый-полотняный
И ложился на покой съ Настасьей Митріевичной.
И на тую на порушку на то время
Наѣзжаетъ Кощуй сынъ Трипетовичъ
Со своею со силою проклятою,
И прогоняетъ-то Василья со бѣла шатра,
Отымаетъ-то Настасью Митріевичну,
Привязали Василья ко сыру дубу.
И на тую-то на порушку на то время
Налетѣло два сизыихъ голубя,
И голубь со голубушкой ликуется,

---

*) Хотя въ былинѣ имена и переиначены, но изъ другихъ разнорѣчій мы хорошо знаемъ, что она относится къ Ивану Годиновичу.

**) Ошибкою у другихъ — «Никуличной.»

Даетъ Василью Буслаеничу
На его ретливое сердечушко назоду великую *).
Изъ того ли изъ бѣла шатра
Выходитъ Кощуй сынъ Трипетовичъ,
И натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
И направляетъ стрѣлочку каленую,
И хочетъ стрѣлить въ сизыихъ два голубя.
Выходила Настасья Митріевична
И говоритъ Кощую сыну Трипетовичу:
« Не стрѣляй-ка сизыихъ два голубя,
« Лучше стрѣль въ Василья Бусланенча.»
Говорилъ Кощуй сынъ Трипетовичъ:
— Ужь ты экая баба неразумная!
— Связанъ человѣкъ никуда не уйдетъ,
— А улетятъ два сизые голубя.—
Какъ стрѣлилъ-то въ два сизыихъ голубя,
Высоко стрѣла подымалася
И низко она опущалася,
Она пала на Кощуя сына Трипетовича,
Расколола у него груди бѣлыя.
И говоритъ Василій Буслаеевичъ:
« Ужь ты экая баба неразумная!
« Отвяжи Василья отъ сыра дуба.»
Она громко слезамы уливалася,
Бѣлыимъ платочкомъ утиралася,
Забоялася она, застрашилася
Своего лютаго мужа Василья Бусланенча,
И отвязала его отъ сыра дуба.
. . . .

(Записано отъ племянницы крестьянина Щеголенкова).

*) Заставляетъ Василья досадовать, думою, что также ликуетъ въ шатрѣ Кощуй съ Настасьею.—*Изд.*

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ СЫНЪ ИВАНОВИЧЪ.

15.

(Красныя Ляги; ср. выше).

У ласкова у князя у Владиміра
Заводился пированьице — почестный пиръ
На многихъ на князей на бояровъ
И на сильныихъ-могучихъ богатырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыихъ.
Пиро-тъ идетъ на веселѣ,
Дене-тъ идетъ ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.
Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
Наливалъ чары зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра;
Подносилъ чары тремъ богатырямъ:
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Молодому Добрынѣ сыну Никитичу
И душечкѣ Михайлу Потыку сыну Ивановичу:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Выкушай чару зелена вина
« И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
« Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
« Собери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.
« Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Выкушай чару зелена вина
« И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
« Съѣзди-ко ты въ Цареградъ,
« Собери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.
« И ты, душечка Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Выкушай чару зелена вина
« И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою;
« Съѣзди-ко ты во царство Заморское,

« Сорбери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ. »

Садились богатыри на добрыхъ коней,
Поѣхали въ раздольице—чисто поле,
Промеждў собой уговорилися:
Братьямъ дружка дружкѣ сожидать,
Раскинуть въ полѣ шатеръ бѣлополотняный,
И вдругъ ѣхать въ столенъ Кіевъ градъ.
Въ первыхъ пріѣхалъ Илья Муромецъ,
Привезъ злата какъ сѣнну кучу,
Раскинулъ въ полѣ шатеръ бѣлополотняный
И дожидается своей братіи.
Пріѣхалъ молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Привезъ злата какъ сѣнну кучу.
И ѣдетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не везетъ злата ни одной денежки,
А везетъ душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Бѣлую и полоненую.
И говорятъ ему братія:
« Что же ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Обзарился ты на прелести женскія,
« А не везешь злата ни едной денежки?
« И съ чимъ ты теперь во Кіевъ градъ появишься?»
И говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ай же вы, братьица крестовые!
— А не давайте мнѣ красна золота,
— И не троньте душечки Бѣлой Лебеди:
— Я съ ней поѣду въ столенъ Кіевъ градъ.—

И пріѣхали братья въ столенъ Кіевъ градъ.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
Идетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не несетъ злата ни едной денежки,
А ведетъ за ручку душечку Марьюшку,

Душечку Лебедь Бѣлую и полоненую.
И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
« Чѣмъ тебя за эту выслугу будетъ жаловать?
« Селами ли жаловать со приселками,
« Городами ли ударить съ пригородками,
« Али золотой казной несчетною?»
Говоритъ Михайла таковы слова:
— А не надоть селъ со приселками,
— Городовъ не надоть съ пригородками
— И не надоть золотой казны несчетныя:
— Хоть меня чѣмъ пожалуй, я все прошью.
— Лучше дай мнѣ указъ за печатью за красною:
— Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
— И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
— И пить зелено вино безденежно,
— Чтобы съ Михайлы денегъ никогда не спрашивали.—
И дастъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
Ему Михайлу указъ за печатью за красною:
Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
И по всѣмъ кружаламъ государевымъ
И пить зелено вино безденежно;
Что ни напьетъ, все казна внесетъ.
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
« Я и тѣхъ-то посылалъ, чтобы женилися,
« А они, молодцы, не догадалися,
« Обзарились на злато и серебро.
« Въ нашу державу свято-русскую
« Пойдутъ сѣмена — плодъ богатырскій:
« То лучше злата и серебра.»

*

И говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты, душечка Марьюшка, Лебедь Бѣлая!
— Обвѣнчаемся мы съ тобой! —
« Не что, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! —
« Только съ тѣмъ обвѣнчаемся, —
« Сдѣлаемъ записи крѣпкія
« И положимъ мы за престолъ Господень:

« Который изъ насъ впереди помретъ,
« А другому живому въ гробъ легчи.
И сдѣлали записи крѣпкія,
И положили за престолъ Господенъ,
И повѣнчалися въ Божьей церкви.
Послѣ брака годъ живутъ, другой живутъ,
И живутъ они по третій годъ,
Четвертое лѣточко проходитъ.
И ходитъ Михайла все по кабакамъ
И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
Пьетъ зелено вино безденежно,
Съ Михайлы денегъ никогда не спрашиваютъ!
И пришла къ ёму въ кабакъ вѣсточка скорая,
Скорая вѣсточка, не веселая:
Померла душечка Марья, Лебедь Бѣлая.
Приходитъ Михайла въ свои палаты бѣлокаменны,
Наймуетъ онъ плотниковъ,
Состроитъ колода дубовая,
Дубовая колода, просторая,
Чтобы двоимъ легчи и сидя сѣсть.
И состроили ему колоду дубовую,
Дубовую колоду, просторую.
И беретъ Михайла запасу на два мѣсяца,
И похоронили во матушку сыру землю
Михайла Потыка сына Ивановича
И душечку Марью, Лебедь Бѣлую.

И тогда подплываетъ змѣя лютая,
Лютая змѣя пещерская,
Пролизала колоду дубовую
И хочетъ съѣсть Марью, Лебедь Бѣлую.
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захвати змѣю за гайлище *):
— Задавлю я тебя, змѣя лютая,
— И придавлю твоихъ двѣнадцать змѣенышей!
Говоритъ змѣя языкомъ человѣческимъ:

*) Хайлище, пасть. — Изд.

« Не дави меня и моихъ двѣнадцать змѣенышей,
« Я тебѣ дамъ змѣеныша порукою;
« А сама пойду по подземлѣ,
« Принесу тебѣ живой воды:
« Оживи-тко Марью, Лебедь Бѣлую. —
И дала ему змѣеныша порукою,
Сама побѣжала по подземлѣ,
Принесла ему живой воды:
И оживили Марью, Лебедь Бѣлую, стала жива.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ какъ въ сырой землѣ,
Такъ у князя Владиміра палаты зашатались;
Тогда сидѣли у князя Владиміра
Князи-бояра на почестномъ пиру:
«« Видно, тяжко живому съ мертвымъ лежать,
«« Пойдемъ, выкопаемъ Михайла Потыка сына Ивановича!»»
И выкопали Михайла Потыка сына Ивановича,
Идетъ вслѣдъ душечка Марья, Лебедь Бѣлая.

Прошла такова слава великая
По всѣмъ землямъ и по всѣмъ ордамъ:
Такова-то есть во городѣ во Кіевѣ
Душечка Марья, Лебедь Бѣлая, безсмертная *).
На тую на славу на великую
Наѣзжаетъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей, сорокъ королевичей,
Стали виноватаго розыскивать **):
«« Ай же ты, Владиміръ князь, столенъ-Кіевскій!
«« Отдай душечку Марью, Лебедь Бѣлую,
«« Намъ сорока царямъ въ замужество.»»
И призываетъ Владиміръ князь Михайлу Потыка:
« Отдадимъ Марью сорока царямъ въ замужество?»

*) По объясненію калики, «другая смерть человѣку не бываетъ.»

**) Стихъ, ошибочно вставленный изъ тѣхъ отдѣловъ былины, гдѣ Потыкъ побѣждаетъ враговъ и къ нимъ являются мучители. — Изд.

Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Отдадимъ-ко твою Опраксу королевичу?—

Нарядился Михайла въ платья женскія,
Садился Михайла на добра коня
И поѣхалъ на Оскатъ-гору высокую,
Близь сорока царей, сорока царевичей,
И близь сорока королей, сорока королевичей,
Раскинулъ шатеръ бѣлополотняный,
Надавалъ коню пшены бѣлояровой
И ложился спать въ бѣломъ шатрѣ.
Посылали посла сорокъ царей:
«« Кто пріѣхалъ къ намъ близь сорока царей?»»
Отвѣчаетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Пріѣхала Марья Лебедь Бѣлая,
— Вамъ сорока царямъ въ замужество.—
Тогда сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей
Оболокались въ платье самолучшее,
Садились на самолучшихъ коней
И пріѣхали къ шатру бѣлополотняну.
Говоритъ имъ Михайла таково слово:
— Глупы вы сорокъ царей и сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей и сорокъ королевичей!
— Я вѣдь одна, одному и достануся, а всѣмъ не достануся;
— Дай-ко я разстрѣляю сорокъ стрѣлочекъ,
— Всякому стрѣлю въ свою сторону:
— Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
— Тому я и достануся.—
На то цари согласилися.
Разстрѣлялъ Михайла сорокъ стрѣлочекъ,
Иная въ кусты, иная въ воду: часомъ ли соберешь?
Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
Михайла тому голову сѣкетъ,
Сѣкетъ голову и подъ шатеръ складетъ.
И прибилъ ѣнъ всѣхъ до одного,
По одному сорокъ царей и сорокъ царевичей,

И сорокъ королей, сорокъ королевичей,
Самъ шелъ въ стольнъ Кіевъ градъ,
Привернулъ въ кружало государево
И напился зелена вина безденежно:
Съ Михайла денежекъ не спрашиваютъ.

И пріѣхалъ король земли Польскія,
И проситъ-отыскиваетъ виноватаго,
Самого ли Михайла Потыка сына Ивановича,
За ту ли противность вѣликую,
Что увезъ ёнъ дочь любимую,
Тую ли Марью, Лебедь Бѣлую;
И увозилъ Михайла въ свою землю Польскую,
И садилъ играть его во шахматы;
«Если я тебя поиграю *), голова съ плечь долой;
«Если ты меня поиграешь, такъ въ винѣ тебя Богъ простить.»
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
А во третьихъ королю и мата далъ,—
Выигралъ Михайла свою голову.
Во второй разъ прописалъ **) король свою землю Польскую;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
А во третьихъ королю и мата далъ,—
И выигралъ Михайло державу Польскую.
Прописалъ король свою буйну голову;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
А во третьихъ королю и мата далъ,—
И надоть королю голова рубить,

*) Обыграю.—*Изд.*
**) Поставилъ на конъ.—*Изд.*

Королевство Польское на руки принимать.
Какъ пришла-то вѣсточка скорая,
Скорая вѣсточка, не веселая:
«« Пріѣхалъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ,
«« Увезъ Марью во свою землю Вахрамееву.»»
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Королю въ винѣ простилъ,
Королевство на руки возвратилъ,
И поѣхалъ вслѣдъ сугоною.

И достигъ въ чистомъ полѣ
Царя Вахрамея Вахрамеева
И Марьюшку, Лебедь Бѣлую.
И видитъ царь Вахрамей бѣду неминучую
[Затыкаетъ дыру онучею *)],
Что не состоять будетъ съ Михайломъ Потыкомъ Ивановичемъ,
И самъ и сохутился **).
А Михайла приходитъ къ Марьѣ поблизку,
И беретъ его Марья за ручки бѣлыя,
И цѣлуетъ въ уста сахарныя,
И предводитъ прелести женскія:
«Не сама я своимъ умысломъ задумала
«Ѣхать-то во землю Вохрамееву:
« Отдалъ меня князь Владиміръ за неволею.»
И поила его питьемъ пьянымъ.
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ напился,
И въ дубровушку зеленую свалился.
И Марья брала его на руки бѣлыя,
А кидала черезъ себя,
Крѣпки приговоры приговаривала:
« Былъ въ чистомъ полѣ сильный-могучій богатырь:
« Теперь стань Михайло сѣрымъ камнемъ въ чистомъ полѣ! »

*) Стихъ этотъ вставной изъ поговорки.
**) Спрятался.

И обвернула она мужа Михайла камнемъ,
Сама уѣхала въ землю Вахрамееву.

*

И во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
Были богатыри, его братья крестовые-названые:
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичевъ.
И схватились они по Михайлѣ Потыкѣ:
«« Пойдемъ искать Михайлу Потыка,
«« Что его долго нѣтъ изъ земли Вахрамеевой?»»
И пошли — нарядились каликами перехожими,
Взяли сумочки переметныя,
Взяли клюшки во двѣнадцать пудъ,
И пошли они во землю Вахрамееву.
Идутъ они путемъ-дорогою,
Вышелъ со стороны четвертый калика незнакомыій:
« Здравствуйте, калики Кіевскія!
« Возьмите-ко меня въ товарищи?»
— Рады мы товарищу. —
И пошли четверо каликъ перехожіихъ.

Пришли во землю Вахрамееву,
Клюшками поколотили *)
И милостыни попросили.
И выглянула Марья, Лебедь Бѣлая, въ окошечко,
И видитъ, что идутъ калики Кіевскія,
А четвертый калика незнакомыій.
И бѣжала на широкій дворъ,
И брала каликъ за руки бѣлыя,
А ведетъ въ палаты бѣлокаменны,
И поитъ-кормитъ, чествуетъ.
Трое калики пьютъ и ѣдятъ,
А четвертый не ѣстъ и не пьетъ;
Трое каликъ приналилися,
Приналилися, да на полъ свалилися, —
А четвертый калика не пилъ, тотъ и не пьянъ.

---

*) Клюки въ землю потыкали, или постучали ими въ окно. — Изд.

Она взяла-собрала двѣнадцать богатырей:
«Подьте, богатыри, убейте каликъ Кіевскихъ.»
И тогда пришли двѣнадцать богатырей,
Пришли—хочутъ убить каликъ Кіевскихъ.
Четвертый калика незнакомый
Бралъ какъ клюшечку въ двѣнадцать пудъ.
Сталъ какъ клюшечкой помахивать,
И убилъ всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Не оставилъ единаго на сѣмена.

И видитъ царь Вахрамей Вахрамеевичь,
Что не состоять всему царству Вахрамееву
Съ одной каликой перехожеей,
А какъ тѣ проснутся, что будетъ?
Взялъ—у нихъ котомки всѣ отобралъ,
И сходилъ во терема глубокіе,
Наклалъ котомки полнымъ-полнехоньки
Злата и серебра, и скатна жемчуга.
По утру калики просыпалися:
««Накормилъ-напоилъ царь Вахрамей Вахрамеевичь
««И на дорогу животами надѣлилъ!»»
И пошли калики во Кіевъ градъ.

И приходятъ противу этого камени,
Гдѣ лежитъ душечка Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
И говоритъ четвертый калика незнакомый:
«Давайте, братцы, животъ дѣлить?»
Калики начали животъ дѣлить.
Четвертый калика незнакомый
Животъ дѣлитъ, а на пять частей кладетъ.
А Илья Муромецъ не стерпѣлъ своего сердца ретиваго,
Самъ говоритъ таково слово:
— Что же, четвертый калика незнакомый,
— Животъ дѣлишь, а на пять частей кладешь?
— Кому часть пятая?—
Говоритъ четвертый калика незнакомый:
«Тому же часть пятая,

« Кто изъ этого камени сдѣлаетъ богатыря.»
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Батюшко, четвертый калика незнакомыій!
— Буде ты сдѣлаешь изъ этого камени богатыря,
— Пусть весь животъ тебѣ пойдетъ,
— Не надоть намъ одна денежка.—
И четвертый калика незнакомыій
Бралъ камень на бѣлы руки,
И кидалъ камень черѐзъ себя,
И крѣпки приговоры приговаривалъ:
« Стань Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! »
И выcталъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ на ноги.
И говоритъ четвертый калика незнакомыій:
« Обирайте, калики, весь животъ,
« Не надоть мнѣ моя доля;
« Молитесь вы Николѣ Святителю:
« Кабы не онъ, то бы вы убиты были!»
Три калики Кіевскія пошли во Кіевъ градъ,
А четвертый калика незнакомый пошелъ въ свою сторону.

А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Пошелъ искать Марьюшки душечки,
Лебедь Бѣлая, полоненая.

Приходитъ онъ въ землю Вахрамейскую,
Къ царю Вахрамею Вахрамеевичу;
Клюшкой поколотилъ и милостыни попросилъ.
И выглянула Марьюшка душечка,
Лебедь Бѣлая, полоненая,
И видитъ, что идетъ Михайла
Потыкъ сынъ Ивановичъ,
И бѣжала она на широкій дворъ,
И брала Михайла за руки бѣлыя,
И ведетъ въ палаты бѣлокаменныя,
И поитъ-кормитъ, и чествуетъ.
И Михайла-то порозсохся,
Напился и на полъ свалился;

А она взяла Михайла — поставила о стѣну;
И въ руки въ ноги вбила по гвоздю;
И противъ сердца былъ гвоздь грянцатый*);
Тотъ потерялся гвоздь,
То она побѣжала въ кузницу;
А кузнецовъ дома не случилося.
И той поры Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь просвалился.
И была у царя Вахрамея Вахрамеевича
Дочь Настасья Вахрамеевна.
Говоритъ она таковы слова:
« Пойти было мнѣ посмотрѣть
« Русскаго богатыря,
« Какъ жена насмѣхается?»
И пришла, сама говоритъ таково слово:
« Экіе наши глупые женскіе разумы!
« Вотъ надъ какимъ молодцомъ жена насмѣхается!
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
« Возьмешь ли меня въ замужество?
« Сей часъ я тебя со стѣны сойму!»
— Настасья Вахрамеевна!
— Сей часъ я тебя въ замужество возьму. —
Изъ рукъ изъ ногъ выдернула по гвоздю,
И принесла травки муравчатой,
И заживила раны кровавыя;
И принесла ружье богатырское.
— Ну, Настасья Вахрамеевна,
— Не боюсь я теперь вашего царства Вахрамеевскаго! —
И взялъ царя Вахрамея Вахрамеевича —
На воротахъ и розстрѣлялъ;
И Марьюшку душечку,
Лебедь бѣлую, полоненую,
Также на воротахъ розстрѣлялъ;
А Настасью Вахрамеевну за мужь взялъ.

---

*) Грядчатый, что забиваютъ грядку? — Изд.

Первая женитьба Михайлы неудачна была,
А вторая женитьба удачная.
И тутъ какъ онѣ обнялись да и оплелись,
Да и въ одно мѣсто прижались.

(Отъ старика калики; ср. выше).

16.

ТО ЖЕ.

(Кижская волость).

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимера,
Было пированіе—почестный пиръ
На многи князи да на бояра,
На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ-браныхъ,
Званыхъ-браныхъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Иной хвалится—есть—добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ шолковымъ портомъ *),
Иной хвалится—села со приселками,
Иной хвалитъ города съ пригородками,
Умный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ того стола изъ за дубова
Не золота-звонка труба вострубила,
Испроговорилъ Владимеръ стольно-Кіевскій:
« Не чѣмъ мнѣ, Владимеру, похвастати,
« Нѣту у меня золотой казны.
« Первой Русскій славный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду;
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,

*) Платьемъ, одежей.—Ж.

« За тринадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой Русскій славный богатырь,
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Съѣзди-ко ты во Турецію,
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій Русскій славный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
« Съѣзди-ко ты да во Швецію,
« Выправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною. »

Собиралися три Русскихъ три могучихъ три богатыря
Ко тому кресту къ Леванидову.
Тутъ онѣ крестами побраталися;
Который же изъ нихъ былъ большей братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ большей братъ;
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средней братъ;
Молодой Добрыня сынъ Никитичь былъ меньшей братъ.
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай вы ей, мои братьица крестовые!
« Который поранызе да повыѣдетъ
« Ко стольному городу ко Кіеву,
« Ко другому ѣхать на выруку. »
Отправился перво старый казакъ
Илья Муромецъ въ Золоту Орду,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ въ Турецію,
А молодой Добрыня сынъ Никитичь во Швецію.

Какъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взыскалъ свои дани-выходы,
Привезъ ко солнушку Владимеру,
Говорилъ Владимеръ стольно-Кіевскій,
Что « Пишетъ мнѣ Бухарь царь Заморскій:
«« Пришли ты ко мнѣ дани-выходы,

«« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
«« За тринадцать лѣтъ съ половиною;
«« Если не пришлешь даней-выходовъ,
«« Разорю я весь вашъ Кіевъ градъ.»
« Такъ отвезти надо ему дани-выходы.»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь:
— Солнышко Владимеръ стольно-Кіевскій!
— Напиши-ко скорописчетые ѐрлыки,
— Что отпущены дани-выходы
— За Михайлой Потыкомъ сыномъ Ивановымъ;
— А я поѣду безъ выходовъ.—

•

Пріѣхалъ ко Бухарю ко царю ко Заморскому.
Спрашивалъ Бухарь царь Заморскій:
« Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
« Ты коей орды, ты коей земли,
« Какъ тебя именомъ зовутъ,
« Нарекаютъ по отечеству?»
Говоритъ удалый-добрый молодецъ,
Что—Я есть изъ града изъ Кіева,
— Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь;
— Привезъ тебѣ дани-выходы
— Отъ того отъ солнышка Владимера.—
« Такъ гдѣ жь у тебя дани-выходы?»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Что—Были у меня дани-выходы
— Навалены монетою мѣдною;
— Вси телѣжачки поразсыпались,
— Колесочка разломалися;
— Такъ остались мужики тамъ починивать.—
Такъ говорилъ Бухарь царь Заморскій:
« Съ эдакихъ съ великихъ со радостей
« У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются?»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Что—У насъ въ Россіи забавляются,—
— [Играютъ въ карты беліартовы]
— Играютъ въ шашачки кленовыя

— На тыихъ дощечкахъ на дубовыихъ —
Такъ говорилъ Бухарь царь Заморскій,
Что « Станемъ играть въ шашачки кленовыя. »
Оны стали играть въ шашки кленовыя.
Тотъ Бухарь царь Заморскій
Положилъ на дощечки *) дани-выходы,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку добра коня:
Повыигралъ Бухарь царь Заморскій
Со Михайлы Потыка сына Иванова.
Наставили дощечку оны другую;
Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку буйну голову,
А тотъ Бухарь царь Заморскій
Положилъ свои дани-выходы
Да и положилъ Михайлина добра коня;
Сыграли дощечку оны другую:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
Раззадорился Бухарь царь Заморскій,
Наставили дощечку оны третьюю;
Положилъ полъ-царства полъ-имянства **)
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку дани-выходы;
Сыграли дощечку оны третьюю:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
Тутъ дубова дверь да отворяласи,
Появился старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты ей же, братецъ мой крестовыій!
« Сидишь—играешь-забавляешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
« Твоя что Марья, Лебедь Бѣлая,
« Подоленка королевична
« Уѣхала во землю Политовскую
« Со тыимъ королемъ Политовскіимъ. »

*) Т. е. поставилъ на конъ.—*Изд.*
**) Половину всего имущества.—*Изд.*

Разсердился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Тяпнетъ дощечку дубовую,
Броситъ въ дверь во кленовую,—
Что повылетятъ вонъ двери съ ободвериньями;
Отправился во землю Политовскую,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ай же, ей же, братецъ ты крестовый!
— Получай полъ-царства полъ-умянство ихъ
— Со Бухаря царя со Заморскаго,
— А я уѣду во землю Политовскую. —
Онъ уѣхалъ во землю Политовскую,

*

Пріѣзжаетъ къ королю Политовскому.
Заѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ,
Что всѣ терема пошатилися,
Всѣ околенки стали сыпаться,
Что самъ король пріужахнулся.
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевична,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Выносила чару питьевъ забудущіихъ *),
Сама говоритъ таково слово:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ;
« Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
« Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко сію чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владимиру. »
Михайла до вина былъ упачливый **),
Онъ принялъ чару единой рукой,
Да и выпилъ чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.

---

*) Которыя кидали въ забытку, въ безпамятство.—*Изд.*
**) Падкій.—*Изд.*

Хватила Михайлу за желты кудри.
Тащила Михайлу во чисто поле,
Бросила Михайлу черѐзъ плечо:
« Гдѣ былъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
« Тутъ стань бѣленькій горючій бѣлый камешокъ! »
Тутъ Михайла да окаменѣлъ.

*

Стосковалися братьица крестовые,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничь:
Накрутилися *) онѣ тутъ каликами,
Пошли искать братца крестоваго.
Идучись онѣ по широкой дороженьки,
Сустигли Старчища Пиригримища:
Клюха у него сорока пудовъ.
Говорятъ онѣ, калики перехожія:
«« Пойдемъ съ нами, Старчищо Пиригримищо! »»
Пошли онѣ во землю Политовскую.

Пришли къ королю Политовскому,
Становилиси къ нему подъ окошечко,
Закрычали голосомъ богатырскіимъ,
Попросили онѣ милостыни:
Что всѣ терема пошатилиси,
Всѣ околенки стали сыпаться,
Всѣ во-о градѣ **) пріужахнулись.
Говоритъ-то Марья, Лебедь Бѣлая:
« Ай ты ей, король Политовскій!
« Зови каликъ въ полаты бѣлокаменны,
« Корми каликъ теперь до сыта,
« Да и пой каликъ теперь до пьяна,
« Да й дари каликъ теперь до люби:
« Это есть не калики перехожіи,
« А есть Русски могучіи богàтыри. »
Отпустили каликъ перехожіихъ.

---

*) Накутались, нарядились.—*Изд.*
**) Читай: « воó »; вѣроятно о долгое.—*Изд.*

Пошли онѣ, калики перехожія,
Ко бѣлому горючему ко каменю;
Говоритъ имъ калика перехожая,
Тотъ Старчищо Пиригримищо:
« Станемте-тко, братцы, животовъ дѣлить!»
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, Старчищо Пиригримищо.—
Сталъ дѣлить Старчищо Пиригримищо,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорятъ калики перехожія:
«« Что жо ты не такъ дѣлишь животы?
«« Кому изъ насъ теперь четверта часть?»»
Говоритъ Старчищо Пиригримищо:
« Кто здыметъ *) маленькій горючій этотъ камешокъ,
« Да и бросить этотъ камень черезъ плечо,
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть.»
Прискочилъ какъ молодой Добрыня сынъ Никитиничь,
Хватилъ этотъ горючій бѣлый камешокъ,
По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;
Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Здынулъ *) онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ, казакъ, онъ въ землю угрязъ.
«« Здымай-ко ты, Старчищо Пиригримищо!»»
Какъ прискочилъ Старчищо Пиригримищо,
Хватилъ онъ камень конечь рукми **),
Бросилъ камень через плечо,
Самъ ко каменю приговаривалъ;
« Гдѣ былъ бѣленькій горючій этотъ камешокъ,
« Тутъ повыскочи Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!»
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Самъ говорилъ таково слово:
— Фу, фу-фу, братцы, какъ я долго спалъ!—
Говорилъ Старчищо Пиригримищо:
« Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!

---

*) Подыметъ; поднялъ.—*Изд.*
**) За конецъ руками.—*Изд.*

«Какъ будешь во градѣ во Кіевѣ,
«Ты поставь свѣчу Николы Угоднику.»
Тутъ пошли домой братьица крестовыя;
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ къ королю Политовскому.

*

Приходилъ какъ онъ на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко перепое,
Выносила чару питьевъ забудущіихъ,
Говорила Михайлы сыну Ивановy:
«Прими-ко сію чару единой рукой,
«Да выпей-ко всю чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ-ко ко солнышку Владимеру.»
Онъ принялъ какъ чару единой рукой,
Да и выпилъ всю чару единымъ духомъ:
Да гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
Хватила тутъ Марья, Лебедь Бѣлая,
Тащила Михайлу во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу тутъ на стѣну;
Не хватило гвоздя ему сердечнаго *):
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
Покупать гвоздя ему сердечнаго.

А тоя жь Настасья Королевична
Прибѣжала смотрѣть на богатыря:
Богатырь ей тутъ понравился.
Положилъ онъ заповѣдь великую,
Что отрубить-то Марьи буйну голову,
А взять за мужь Настасью Королевичну.
Тащила Настасья гвоздья съ него нектями **),
А прибила тутъ Татарина мертваго,
Мертваго, она, мерзлаго,
А завернула Михайлу въ шубу черныхъ соболей,

---

*) Въ сердце ему.— *Изд.*

**) Ногтями.— *Изд.*

Провела въ покои въ особые.
Увидалъ государь родной батюшко:
— Молода Настасья Королевична!
— Кого ведешь въ шубы черныхъ соболей? —
« А была со мной маленька служаночка,
« Увидала Русскаго богатыря,
« Гдѣ она увидала, испугалася:
« Такъ веду я ю въ покои въ особые. »

Какъ заростилъ эти раночки кровавыя,
Тоя Настасья Королевична
Пошла къ королю Политовскому:
« Ты ей, государь родной батюшко!
« Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
« Съѣздить во чисто поле поляковать?»
Накрутился богатырь въ платье цвѣтное,
Садился скоро на добра коня,
Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
Заѣзжалъ онъ скоро на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное;
Выносила чару питья забудущаго,
Подносила Михайлы сыну Иванову:
« Ты прими сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко чару единымъ духомъ!»
Онъ принялъ тутъ чару единой рукой;
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ, —
Тоя жь Настасья Королевична
Отворила косивчето окошечко:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
« Ты, знать, порушалъ свою заповѣдь?»
Услыхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Смахнулъ своей саблей востроей
Да отнесъ онъ Марьи буйну голову;
А взялъ за мужь Настасью Королевичну;
Поѣхалъ ко граду ко Кіеву,
Ко солнышку ко Владимеру.

Тутъ по три дни было пированьицо
Про того Михайлу Потыка Иванова,
Что сказнилъ свою Марью, Лебедь Бѣлую, —
Ту Подоленку королевичну.

Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано по порученію Собирателя г. Лысановымъ).

17.

ТО ЖЕ.

(Сѣнногубская волость).

Какъ во стольномъ было въ городи во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Было пированіе—почестный пиръ
На многіе князи да на бояры,
На всѣхъ тыхъ гостей званыхъ-браныихъ,
Званыхъ-браныихъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвасталися.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что «Не чѣмъ мнѣ, Владиміру, похвастати,
« Нѣтъ у меня золотой казны,
« Первой Русскій славный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой Русскій славный богатырь,
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
« Съѣзди во Индію во богатую,
« Выправь-ко тамъ дани-выходы.

« Третій Русскій славный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Микитиничь!
« Съѣзди-ко-сь ты да во Швецію,
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы.»

Отправились три Русскіе могучіе богатыри,
Тутъ онѣ крестами побратались:
Старой казакъ Илья Муромецъ
Былъ большой братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Былъ средней братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничь
Былъ меньшей братъ.
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Который попрежде у насъ выѣдетъ,
« Такъ ко другому ѣхать на выруку.»
И отправился онъ въ Золоту Орду;
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Отправился въ Индію во богатую;
Третій Русскій славный богатырь,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничь,
Отправился онъ да во Швецію,
Взыскивать тамъ дани-выходы.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Взыскалъ свои дани-выходы,
Привезъ ко солнышку Владиміру.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что «Пишетъ мнѣ Бухарь царь Заморскиій:
«« Пришли-ко мнѣ дани-выходы.»»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Что—Отпущены со мной дани-выходы,
— А я поѣду безъ выходовъ.—
Отправился къ Бухарю ко царю ко Заморскому.

Пріѣхалъ къ Бухарю ко царю ко Заморскому,
Подалъ ему скорописчатыи гёрлыки:
— Ай же ты, Бухарь царь Заморскиій!
— Привезъ я тебѣ дани-выходы

— За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ.—
Говорилъ Бухарь царь Заморскиій,
Что « Гдѣ у тебя дани-выходы?»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Что—Осталися онѣ во чистомъ полѣ.—
Говорилъ Бухарь царь Заморскиій:
« У васъ чѣмъ въ Росіи забавляются?»
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Что—Играютъ въ шашечки кленовыя
— На тыихъ дощечкахъ на дубовыихъ.—
Стали играть въ шашечки кленовыя.
Наставили дощечку оны первую;
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку онъ добра коня,
А Бухарь царь Заморскиій
Положилъ на дощечку дани-выходы;
Сыграли дощечку оны первую:
Проигралъ Михайла онъ добра коня.
Наставили дощечку оны другую;
Тотъ Бухарь царь Заморскиій
Положилъ на дощечку дани-выходы
И положилъ Михайлина добра коня,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ свою буйну голову;
Сыграли дощечку оны другую:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
Наставили дощечку оны третію;
Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку дани-выходы,
А Бухарь царь Заморскиій
Положилъ полъ-царства и полъ-имѣнства:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
А на тую пору, во то время
Дубова дверь отворялася,
Пріѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« А ей же, братецъ мой родимыій!
« Сидишь—играешь-забавляешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

« Твоя же Марья, Лебедь Бѣлая,
« Подоленка королевична
« Уѣхала во землю Политовскую
« Со тымъ королемъ Политовскіимъ,
« Во тою во землю Политовскую.»
Тутъ скочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Тяпнетъ дощечку дубовую,
Трепнетъ въ дверь во кленовую,—
Что повылетѣли двери съ ободвериньями.
Говорилъ казаку Ильи Муромцу:
— Ай же ты, братецъ мой крестовыйй!
— Получай полъ-царства, полъ-имѣнства,
— А я поѣду во землю Политовскую.—
Поѣхалъ онъ во землю Политовскую,
Ко тому королю Политовскому.

*

Заѣхалъ онъ на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Иванову:
« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Схватила Михайлу за желты кудри,
Стащила его во чисто поле,
Бросила Михайлу черезъ плечо:
Тутъ Михайла окаменѣлъ.

*

Его спомнили братья крестовые,
Старый казакъ Илья Муромецъ

Да молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
Накрутилися они тутъ каликами,
Пошли они во землю Политовскую.
Нашли они сорокъ каликъ со каликою:
Идетъ съ ними Старчищо Перегримищо,
Клюха у него сорока пудовъ;
Пошолъ съ ними Старчищо Перегримищо.

И пришли онѣ во землю Политовскую
Ко тому королю Политовскому,
Попросили они тутъ милостины;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевична,
Говорила королю Политовскому:
« Заведи каликъ въ покои въ особые,
« Корми каликъ теперь до сыта,
« Пои каликъ теперь до пьяна,
« Дари каликъ теперь до любя. »
Подарилъ имъ злата и серебра,
Пошли они, калики перехожіе.

Дошли они до бѣлаго до каменя,
Стали они тутъ животовъ дѣлить.
Тутъ дѣлилъ калика перехожiй,
Дѣлилъ на четыре на четверти;
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Что же ты не такъ дѣлишь животы,
— Дѣлишь на четыре на четверти?—
Говорилъ Старчищо Перегримищо:
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
« Кто здынетъ изъ насъ этотъ бѣлъ камень
« И броситъ его да черезъ плечо. »
Прискочилъ молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Здынулъ онъ камень по колѣнъ своихъ,
По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;
Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Здынулъ онъ камень по грудямъ своимъ;
По грудямъ казакъ и въ землю угрязъ.

Хватилъ Старчищо Пелегримищо,
Бросилъ камень черезъ плечо:
Раскочился бѣлый горючій камешокъ.
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Фу-фу, братцы, я какъ долго спалъ!—
Говорилъ Старчищо Пелегримищо:
« Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!»

*

Тутъ пришелъ онъ къ королю Политовскому,
Закрычалъ онъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко перёное,
Подносила чару питья забудущаго:
« Пей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Прими сію чару единой рукой
« И выпей чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ мы ко-о граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпивши эту чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья, Лебедь Бѣлая,
Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу да на стѣну.
Не хватило гвоздя ему сердечнаго:
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
Покупать гвоздя она сердечнаго.

У того короля Политовскаго
Была дочь его Настасья Красивая;
Пошла смотрѣть Русскаго богатыря;
Принагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Смолился Настасьи Королевичной:
— Повытащи гвозья хоть нектеми,
— Я тепереча Марьи голову срублю,

— А возьму тебя, Настасью Королевичну.—
Тащила гвозья она нектеми,
Прибила Татарина тутъ мертваго,
Мертваго, она, мерзлаго,
Прибила Татарина она на стѣну;
А того Михайлу Потыка сына Иванова
Завернула въ шубу черна соболя,
Провела въ покои во особые.
Увидалъ король Политовскій:
— Кого ведешь въ шубы черна соболя?—
Говорила Настасья Королевична:
« Была со мной маленька служаночка,
« Увидѣла Русскаго богатыря,
« Гдѣ она увидла, испугалася:
« Такъ веду я ея въ покои во особые.»

Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Заростилъ раночки кровавыя;
Тая жь Настасья, Лебедь Бѣлая,
У того короля Политовскаго
Просила коня богатырскаго,
Повыѣхать во чисто поле;
Онъ далъ ей коня богатырскаго;
Осѣдлали ей коня богатырскаго;
Посадили Михайлу Потыка сына Ивановича,
Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
Воротился на дворъ королевскіе,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Наливала чару питья забудущаго,
Выносила на крыльцо на переное,
Подносила Михайлу Потыку сыну Иванову:
« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Выпей сію чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ онъ чару единой рукой,

Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ;
Услыхала Настасья Королевична,
Отворила косивчето окошечко,
Крычала ему жалкимъ голосомъ:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
« Ты, знать, позабылъ свою заповѣдь?»
Услыхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Смахнулъ своей саблей востроей—
Отнесъ, де, онъ Марьи буйну голову;
Взялъ за мужь Настасью Королевичну;
Возвратился ко-о граду ко Кіеву,
Ко солнышку да ко Владиміру.

Тутъ по три дни было пированьицо
Про того Михайла Потыка сына Иванова.

Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Записано тѣмъ же по порученію Собирателя).

—

18.

ОНЪ ЖЕ И СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

(Той же волости, деревни Логмасы).

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь *).
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросолиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.
И положили они заповѣдь великую:

*) Подъ этимъ именемъ дѣйствуетъ тотъ же Потыкъ.—*Изд.*

«Кто обворуетъ и кто облядуетъ,
«Бить клюхамы каличьима,
«Тянуть языкъ со теменемъ,
«И копать очи ясныя косицамы,
«И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»
И пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли Греческой;
И взяли они по камешку Антавенту:
И скоро калики въ походъ пошли,
День идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антавенту.

И выходили они на чисто поле,
И садилися они въ единый кругъ,
Думали думушку добрую,
Совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Зайти ко городу ко Кіеву,
Поисть-попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закричали калики громкимъ голосомъ:
«« Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Пошли мы ко Еросолиму,
«« А зашли ко городу ко Кіеву
«« Поисть-попить, хлѣба покушати.»»
И тая побѣда *) учинилася:
Дома князя не случилося.
Выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ, покланяется:
«Ай же вы, калики перехожіе!
«Пойдите въ столовую богатырскую **);
«Поставлю столы дубовые,

*) Бѣда.—*Изд.*
**) Гридню.—*Изд.*

«Постелю скатерти браныя
«И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
«И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
«Ѣшьте до сыта и пейте до люби!»
И шли во столовую богатырскую:
Поставили имъ столы дубовые,
Постлали скатерти браныя,
Поставили ѣствушекъ сахарныихъ
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли калики до сыта и пили до люби,
И много они благодарствуютъ:
«« Благодарствуешь, Опракса королевична,
«« За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
И проговоритъ Опракса королевична:
«Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичъ!
«Пожалуй во спальну во теплую:
«Есть молвить словечушко тайное.»
И приходятъ во спальну во теплую,
Садились на кроваточку тесовую,
На периночку пуховую.
И проговоритъ Опракса королевична:
«Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичъ!
«Сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
Проговоритъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Не сдѣлаю съ тобой любви великія,—
— Пошли мы ко городу Еросолиму
— И положили заповѣдь великую:
—« Кто обворуетъ, кто облядуетъ,
—« Бить клюхамы каличьима,
—« Тянуть языкъ со теменемъ,
—« И копать очи ясныя косицамы,
—« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»—
Эты ей рѣчи не слюбилися,
И скорешенько бѣжитъ въ особливъ покой,

И хватаетъ чашу княженецкую,
И положила въ переплеты каличьіи.

И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садились калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:
«« Были во городѣ во Кіевѣ,
«« Кормила насъ Опракса королевична,
«« Дарила насъ чистымъ серебромъ,
«« Дарила насъ красным золотомъ,
«« А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»»
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому!»
Повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою *):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
И ж... ему плюхамы натыкали:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!

*) Безъ боязни.—*Изд.*

— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому! »
Повыскочитъ Алеша Поповичь сынъ Ивановичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
Наклескали ж... долонямы:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ ко Опраксы королевичной:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я къ кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы, калики перехожіе!

— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, хлѣба кушали,
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую.—
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У того атамана Ѳомы сударь Ивановича.
И били его клюхамы каличьима,
И копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ со теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.

И пошли ёны, калики, по чисту полю.
Напустилъ Господь на ясны очи:
И пошли они по чисту полю
Не дорогою, бездорожицею.
И за его правду великую
Послалъ Господь съ небесй двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту полю.
И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
«« Ай же ты, Ѳома сударь Ивановичъ!
«« За твою за правду за великую
«« Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
«« А за нашу за неправду за великую
«« Напустилъ темень на ясны очи.»»

(Не кончено; записано отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова, 13 Генваря 1861 г.)

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЬ И ВАСИЛИСА МИКУЛИЧНА.

19.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости).

Во славноемъ во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владимера,
Какъ былъ столованье — почестный пиръ
Для своихъ-то для князей для бояриновъ,
[Для сенаторовъ] для думныихъ *),
Для вельможъ и купцовъ богатыихъ,
Для поляницъ-то удалыихъ
И для Росейскихъ могучихъ богатырей.
Тутъ пошло у нихъ столованье — почестный пиръ.
Было красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ да на веселѣ,
Всѣ на пиру да напивалися,
На почестномъ всѣ наѣдалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Какъ иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ;
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
Какъ похвасталъ старъ Ставеръ сынъ Годиновичь
Своей да молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной:

---

*) Стихъ долженъ быть таковъ:
Для бояриновъ для думныихъ. — *Изд.*

— Моя какъ молода жена, Василиста Микулична,
— Вашъ городъ Кіевъ скупитъ и спродаётъ,
— Князей-бояръ всѣхъ обманетъ,
— Тебя, солнышко, обманетъ и проведетъ.—
Солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися:
За тѣ за рѣчи за неумильныя
Садили Ставра въ погреба да глубокіе.

Былъ при Ставрѣ тутъ свой человѣкъ.
Онъ садился на добра коня,
Ѣхалъ ко городу Чернигову,
Къ молодой Василисты Микуличной.
Пріѣхалъ къ ней да на широкъ дворъ,
Становилъ тутъ да добра коня,
Самъ шелъ во полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то сполна кладалъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре на стороны,
Молодой Василисты Микуличной въ особину.
А у ей какъ забрано столованье — почестный пиръ,
Забраны жены купечески,
Забраны жены вельможески,
Забраны жены [генеральскія].
Говорилъ какъ это свой человѣкъ:
«« Ай же, молода Василиста Микулична!
«« Пьешь и ѣшь-кушашь, прохлаждаешься,
«« Надъ собой незгоды не чаешься:
«« Во славномъ какъ во городѣ во Кіевѣ,
«« У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру,
«« Твой-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичь
«« Похвасталъ тобой, молодой женой,
«« Молодой женой Василистой Микуличной:
«« — Какъ моя, де, молода жена,
«« — Василиста Микулична,
«« — Вашъ городъ Кіевъ скупитъ и спродаётъ,
«« — Князей-бояръ обманетъ,
«« — Тебя, солнышко, обманетъ и проведетъ.—
«« За тыи-то за рѣчи не за умильныя,

«« Посаженъ въ погреба да въ глубокіе. »»
Она какъ вставала на рѣзвы ноги,
Говорила таковы слова :
« Ай же, гости баженые *) !
« Пора вамъ, гости, разъѣзжатися
« По своимъ домамъ, по своимъ мѣстамъ. »
Тутъ какъ всѣ да поразъѣхалися.
Какъ она тутъ садилась наременчатъ стулъ
И говорила таковы слова :
« Чѣмъ-то Ставра будетъ повыкупить,
« Какъ-то Ставра будетъ повывести ?
« Не выкупить будетъ Ставра несчетной золотой казной
« И не вывести будетъ силой могучей-богатырскою :
« Повывести будетъ Ставра догадками женскими ! »
Тутъ писала она ерлыки скорописчатые,
Писалась **) той земли Веденецкія ***),
Того острова Кодольскаго,
Грозенъ посолъ да Васильюшко,
О добромъ о дѣлѣ, де, о сватовствѣ
Ко солнышку князю Владиміру
На любезной на племянницѣ,
На молодой Любавы ****) Путятичной.
Сама подбрила волоса да по мужичьему,
Надѣвала платье мужское,
Кладывала туги луки да во налучники,
Калены стрѣлы да во колсана *****),
Вязала крѣпки палицы да на бедро свое;
Потомъ шла на широкъ дворъ,
Со широкаго двора шла на стойлы лошадиныя,
Брала себѣ да добра коня,
Начала сѣдлать да уздать своего добра коня,
Кладала путики на путики ******),

---

*) Прошеные, моленые.—*Изд.*
**) Въ грамотѣ выдавала себя за такого-то.—*Изд.*
***) Изъ Леденца, откуда пріѣзжалъ и Соловей Будиміровичь.—*Изд.*
****) Иначе Забавы, Запавы.—*Изд.*
*****) Колсяна, колчаны.—*Изд.*
******) Потники.—*Изд.*

Войлоки на войлоки,
На верехъ кладала ковано сѣдло Черкесское,
Затягивала двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивала тринадцату продольную;
Подруги-ты были чистаго серебра,
Пряжи-шпильки краснаго золота,
Стремены булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатныйй,
Шелкъ-то нѐ рвется и нѐ трется,
Булатъ-то не ржавѣетъ,
Золото не мѣдѣетъ,
Серебро не зелѣзѣетъ.
Тутъ садилась на добра коня,
Ѣхала ко стольному ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру,
Ко Владимеру на широкій дворъ.

Становила добра коня посередь двора широкаго,
Сама шла въ полаты княженескія,
Крестъ кладала по писаному,
Поклоны вела по ученому,
Клонилась на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину;
Кладывала ерлыки на дубовый столъ.

Тутъ вставалъ какъ солнышко Владимеръ князь,
Вставалъ на рѣзвы ноги,
Бралъ ерлыки да на бѣлы руки,
Ерлыки да распечатывалъ,
До каждаго словечка да высматривалъ,
Самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты, любезная племянница!
— Желаешь ли итти да во замужество
— Въ тую землю Веденецкую,
— Въ той ли островъ Кодольскій,
— За грозна посла да за Васильюшка?—
Она и говоритъ: «Родитель *) ты мой дядюшка!

*) Родной.—*Изд.*

«« А воля твоя то есть.»»
— Такъ надо собрать князей [сенаторовъ] все думныхъ *):—
Сбиралъ какъ онъ князей [сенаторовъ] все думныихъ
На думу крѣпкую *):
Всѣ какъ согласилися отдать да во замужество.
Говоритъ молодая Любава Путятична:
«« Ай же ты, родитель мой дядюшка,
«« Солнышко князь стольно-Кіевскій!
«« Не отдайте вы дѣвчину да за женщину:
«« У него походка-та частенька,
«« Частенька походка, же крутенька,
«« Рѣчь проговоритъ все съ провизгомъ;
«« Самы тѣ все примѣты да по женскому:
«« На лавку сидетъ — такъ стегна жметъ.»»
Онъ говоритъ: — Мы можемъ послать **) да повывѣдать,
— Пошлемъ Васильюшка на широкій дворъ,
— Со тѣми борцами да боротися:—
— Ежели женщина, такъ не пойдетъ она боротися.—

Говорятъ ему да таковы слова:
«« Ай же ты, грозенъ король Васильюшка!
«« Не угодно ли съ нашими борцами съ княженескими,
«« Не угодно ли да поборотися
«« На томъ дворѣ княженескоемъ?»»
Она говоритъ да таковы слова:
« У меня за маленька ***) да было хожено,
« У меня за маленько да было боротось;
« Горитъ душа, мнѣ хочется,
« Съ вашими борцами поборотися.»

---

*) Стихи должны быть таковы:
Такъ надо собрать князей-бояриновъ,
Бояриновъ все думныихъ...
Сбиралъ какъ онъ князей-бояриновъ,
Бояриновъ все думныихъ,
На думу сбиралъ на крѣпкую.—*Изд.*

**) Посла?—*Изд.*

***) Въ малолѣтствѣ, съ изъ маленька.—*Изд.*

Шла она на широкій дворъ,
Начала съ борцами да боротися:
Брала во праву руку да три борца
И во лѣву руку три борца,
Въ мѣсто ихъ столнула *),
На розно раскинула, —
Ты борцы да на зени **) лежать.
Тутъ не могли посла да повывѣдать,
Согласилися отдать да во замужество.
Опять и говоритъ молодая Любава Путятишна:
«« Ай же ты, родитель мой дядюшка!
«« Не отдай дѣвчину за женщину:
«« Смотри, у него походка частенька,
«« Частенька походка, ж.... крутенька,
«« Рѣчь проговоря все съ провизгомъ;
«« И тыи примѣты все по женскому:
«« На лавку сядетъ — да стегна жметъ.»» —
Онъ говоритъ: — Мы можемъ посла да повывѣдать,
— Пошлемъ его во чисто поле,
— Стрѣлять да изъ туга лука,
— Стрѣлкою каленою за триста сажень,
— Попасть во ножье острице ***),
— Чтобы расколалася стрѣлочка на двое:
— И были половиночки ровныя. —
Говорятъ ему таковыя слова:
«« Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
«« Не угодно ли тебѣ, послу,
«« Пострѣлять съ нашими стрѣльцами
«« Во чистомъ полѣ изъ туга лука,
«« Стрѣлкою каленою за триста сажень,
«« Попасть во ножнично острице?»»
Она говоритъ да таковы слова:
« У меня съ за маленька было хожено,
« Съ за маленька было стрѣляно;

---

*) Столконула. — *Изд.*
**) На земи. — *Изд.*
***) Въ ножевое востріе. — *Изд.*

« Горитъ душа, мнѣ-ка хочется,
« Съ вашими стрѣльцами пострѣлятися,
« Пострѣлятися во чистомъ полѣ. »
Шла она со стрѣльцами во чисто поле,
Стали стрѣлять стрѣльцы да княженескіе;
Первой стрѣлецъ стрѣлялъ — да не дострѣлялъ,
Другой стрѣлецъ стрѣлялъ — да перестрѣлялъ,
Третій стрѣлецъ стрѣлялъ, — онъ не попалъ теперь;
Какъ она натянула свой тугій лукъ,
Клала свою калену стрѣлу,
Стрѣляла за триста сажень,
Попала во ножнично острице:
Раскололась та стрѣлочка на двое;
Кинули половинки на вѣсы на (казенные), —
Половинки были ровныя.
И тутъ не могли посла повывѣдать.
«« Мы еще-то можемъ посла да повывѣдать, —
«« Положимъ спать во спальну во теплую,
«« На тую перину пуховую:
«« Ежели станетъ яма подъ плечами, такъ мужчина,
«« Ежели станетъ яма подъ ж...ю, то женщина. »»
Ложили его спать во спальну во теплую,
На ту перину пуховую.
Она спала — гдѣ быть плечами, тутъ ж...ю,
И сдѣлала яму подъ плечами.
Вставала по утру по раннему,
До солнышка князя до Владимера *).
Какъ приходилъ тутъ солнышко Владимеръ князь,
Говорилъ какъ самъ да таково слово:
— Ай же, грозенъ посолъ Васильюшка!
— Что же ты скоро сталъ? —
Онъ ему отвѣчалъ таковы слова:
« У насъ-то спятъ не по домашнему,
« Не по домашнему спятъ, а по дорожнему. »
Тутъ не могли посла повывѣдать.

---

*) Замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ.—*Изд.*

«« Это не правда есть,
«« Мы можемъ посла послать да повывѣдать,—
«« Стопимъ мы парную баенку,
«« Пошлемъ посла во парную во баенку
«« Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ:
«« Ежели мужчина, то пойдетъ во баенку,
«« Ежели женщина, то не пойдетъ со солнышкомъ
«« Со княземъ со Владимеромъ во баенку.»»
Взяли—стопили парную баенку,
Говорятъ грозну послу да Васильюшку:
«« Не угодно ли съ дорожки сходить да попариться
«« Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ?»»
Онъ и говоритъ: «Хорошо съ дорожки попариться.»
Исправлялася во парную баенку
Со солнышкомъ княземъ со Владимеромъ.
А у солнышка князя были справы княженецкія;
Она впереди его вбѣжала во парную во баенку,
Она одной рукой скидывалася,
А другой рукой умывалася,
Опять скоро надѣвалася,
И солнышку князю во стрѣчу попалася.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Что же ты, грозенъ посолъ да Васильюшка,
— Скоро ты упарился?—
« У насъ парятся не по домашнему,
« А у насъ парятся да по дорожнему.»
И тутъ не могли посла повывѣдать,

Тутъ и согласилися отдать Любаву во замужество,
Тутъ-то пошло у нихъ столованье—почестенъ пиръ.
Но *) всѣ на пиру пьяны-веселы,
Столько не веселъ былъ грозенъ посолъ да Васильюшка.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Кто бы могъ развеселить
— Грозна посла да Васильюшка?—
Говорятъ тутъ иные, что «Не кому

*) Ино, впрочемъ, тѣ прочіе, всѣ прочіе.—*Изд.*

«« Развеселить грозна посла Васильюшка;
«« Развеселить ли одинъ старъ Ставеръ,
«« Старъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
«« Онъ мастеръ играть во гусли яровчаты. »»
Тутъ говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— А какъ выпустить Ставра, —
— Такъ не видать Ставра;
— И розгнѣвить посла — да не хочется;
— А что *) мнѣ розгнѣвить посла,
— Лучше выпустить Ставра. —
Какъ выпустилъ Ставра съ погребовъ да со глубокіихъ,
Сталъ тутъ Ставеръ гуселокъ налаживать,
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Еросолима;
Повелъ онъ танцы великіе,
Припѣвки-то припѣвалъ изъ за синя моря.
Какъ сталъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшка, похаживати,
Сталъ онъ поплясывати,
Какъ сталъ да выговаривать:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Да-ко мнѣ Ставра сходить до бѣла шатра,
« До бѣла шатра сходить да прогулятися?»
Тутъ-то говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— Какъ дать Ставра, —
— Такъ не видать Ставра;
— И розгнѣвить посла — мнѣ не хочется;
— А лучше дать мнѣ Ставра,
— Чѣмъ розгнѣвить посла.
— Ступайте во чисто поле да прогулятися! —

Какъ она пошла со Ставромъ да во чисто поле,
Какъ выходила во чисто поле,
Сама такъ говорила таковы слова:

---

*) Чѣмъ.—*Изд.*

« Помнишь ли, Ставеръ, спаматуешь ли, Ставеръ,
« Когда мы съ тобой были маленькіе,
« Сваечкой съ тобой мы да поигрывали,
« У тебя-то была сваечка точеная,
« У меня-то было колечко золоченое ? »
Онъ говоритъ : — Я во давніе годы не упамятую. —
Она говоритъ : « Ай же, глупый Ставеръ сынъ Годиновичь!
« Этакъ ты не узнашь своей молодой жены ,
« Молодой жены Василисты Микуличной ? »
— Я свою молоду жену,
— Молоду жену Василисту Микуличну
— Узнаю черезъ тридцать лѣтъ.—
Она говоритъ : « Ай же ты , глупый Ставеръ сынъ Годиновичь !
« Не то черезъ тридцать лѣтъ,
« Не узналъ ты меня черезъ три мѣсяца :
« Вѣдь я твоя молода жена, Василиста Микулична !»
Брала его за бѣлы руки,
Цѣловала его въ уста во сахарныя,
Называла его мужемъ любезнымъ,
Старымъ Ставромъ сыномъ Годиновичемъ ;
Скидывала платье мужское ,
Надѣвала платье да женское.
Говорилъ-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичь :
— Что-то намъ будетъ отъ солнышка князя Владимера!—
Она говоритъ : « Ничего намъ не будетъ,
« Подёмъ ко солнышку князю ко Владимеру. »

Пошли они ко солнышку князю Владимеру;
Приходили во полаты княженецкія,
Говорилъ какъ старъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
Говорилъ таковыя слова :
— Ай же, солнышко Владимеръ князь!
— Ты просваталъ свою племянницу
— За мою молоду жену !—
Солнышку князю стыдно стало;
Какъ самъ говорилъ да таковы слова :

« Правдою хвастаетъ, старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
« Своей да молодой женой Василистой Микуличной!
« Въ первой вины тебя Богъ проститъ;
« Поѣзжай-ка ты по своему ко городу къ Чернигову,
« Больше нигдѣ не хвастай молодой женой!»
Они тутъ-то садились на добрыхъ коней,
Они поѣхали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своимъ поселъямъ ко дворянскіимъ,
Ко своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ.

Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодой женой,
Мододой женой Василистой Микуличной,
Сталъ онъ больше проживать во городѣ Черниговѣ,
Во своихъ поселъяхъ во дворянскіихъ.
Тѣмъ да дѣло и кончилось.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.).

20.

ТО ЖЕ.

(Кижская волость).

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Какъ было пированіе—почестный пиръ
На многіе князи на бояры,
На всѣхъ-тыхъ гостей званыхъ-браныхъ,
Званыхъ-браныхъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвасталися;
Инный хвалится добрымъ конемъ,

Инный хвалится шелковымъ портомъ,
Инный хвалится селами со приселками,
Инный хвалится городами съ пригородками,
Инный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Изъ тыя изъ земли Ляховинскія
Сидѣлъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичь:
Онъ сидитъ за столомъ — да самъ не хвастаетъ.
Испроговорилъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичь!
— Ты что̀ сидишь—самъ да не хвастаешь?
— Аль нѣтъ у тебя села со приселками,
— Аль нѣтъ городовъ съ пригородками,
— Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней,
— Аль не славна твоя родна матушка,
— Аль не хороша твоя молода жена?—
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
« Хотя есть у меня села со приселками,
« Хотя есть города съ пригородками!
« Да то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хотя есть у меня добрыхъ комоней,
« Добры комони стоятъ—все не ѣздятся:
« Да то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хоть славна моя родна матушка:
« Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хоть хороша моя молода жена,—
« Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба:
« Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ повыманитъ,
« Тебя, солнышка Владимiра, съ ума сведетъ.»
Всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
«« Ты солнышко, Владимiръ стольно-Кiевскiй!
«« Засадимъ-ка Ставра въ погреба глубокiе:
«« Такъ пущай-ка Ставрова молода жена
«« Насъ князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
«« Тебя, солнышка Владимiра, съ ума сведетъ,
«« А Ставра она изъ погреба повыручитъ!»»

А былъ у Ставра тутъ свой человѣкъ,
Садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю Ляховицкую
Ко той Василисты Микуличной:
— Ахъ ты ей, Василиста дочь Микулична!
— Сидишь ты — пьешь да прохлаждаешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Какъ твой Ставеръ да сынъ Годиновичь
— Посаженъ въ погреба глубокіе;
— Похвасталъ онъ тобой, молодой женой,
— Что «Князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— «А солнышка Владиміра съ ума сведетъ.» —
Говоритъ Василиста дочь Микулична:
«Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;
«Мнѣ-ка силой выручать Ставра — не выручить;
«Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить, —
«Своею догадочкою женскою!»
Скорешенько бѣжала она къ [цырульникамъ],
Подрубила волоса по молодецки де,
Накрутилася Васильемъ Микуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя;
Сорокъ молодцовъ удалыхъ стрѣльцовъ,
Сорокъ молодцовъ удалыхъ борцовъ,
Поѣхала во-о граду ко Кіеву.

Не доѣдутчи-до-о града до Кіева,
Пораздернула она хорошъ-бѣлъ шатеръ,
Оставила дружину у бѣла шатра,
Сама поѣхала ко солнышку Владиміру.
Бьетъ челомъ, покланяется:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
«Съ молодой княгиней со Опраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
— Ты коей орды, ты коей земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Нарекаютъ тебя по отечеству? —
Отвѣчалъ удалый-добрый молодецъ,

Что «Я есть изъ земли Ляховицкія,
« Того короля сынъ Ляховицкаго,
« Молодой Василій Микуличь, де;
« Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери.»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу—со дочерью подумаю.—

Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
— Ахъ ты ей же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,
— Того короля сынъ Ляховицкаго,
— Молодой Василій Микуличь, де,
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ любимыя на дочери;
— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
«« Ты ей, государь родной батюшко!
«« Что у тебя теперь на разумѣ:
«« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину!
«« Рѣчь поговоря—все по женскому *);
«« Перескй **) тоненьки—все по женскому;
«« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать ***);
«« Стегна жметъ—все добра бережетъ.»»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—

Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,
Молоду Василью Микуличу:
— Ужь ты молодой Василій сынъ Микуличь, де!
— Не угодно ли съ пути со дороженьки
— Сходить тебѣ во парную во баенку?—
Говорилъ Василій Микуличь, де:
« Это съ дороги не худо бы!»
Стопили ему парну баенку.

---

*) То есть: рѣчь—поговорка у ней—все по женскому.—*Изд.*
**) Перстки, персты, пальчики.—*Изд.*
***) Гдѣ были кольца, тутъ и мѣсто видно.—*Изд.*

Покуда Владиміръ снаряжается,
Посолъ той поры во баенки испарился,
Съ байны идетъ—ему честь отдаетъ:
« Благодарствуй на парной на баенки!»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что же меня въ баенку не подождалъ?
— Я бы въ байну пришелъ—тебѣ жару поддалъ,
— Я бы жару поддалъ и тебя обдалъ?—
Говорилъ Василій Микуличь, де,
Что « Ваше дѣло домашнее,
« Домашнее дѣло, княженецкое;
« А наше дѣло посольское,—
« Недосугъ-то долго намъ чваниться,
« Во баенки долго намъ париться;
« Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери.»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу—съ дочерью подумаю.—
Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
— Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говоритъ какъ дочь ему возлюбленна:
«« Ты ей, государь мой родной батюшко!
«« Что у тебя теперь на разуми;
«« Выдаешь дѣвчину за женщину!
«« Рѣчь поговоря—все по женскому;
«« Перски тоненьки—все по женскому;
«« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать.»»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—
Приходитъ ко Василью Микуличу,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Василій Микуличь, де!
— Не угодно ль послѣ парной тебѣ баенки
— Отдохнуть во ложни во теплыя?—

« Это послѣ байны не худо быть!
Какъ шелъ онъ во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился гдѣ ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Какъ шелъ туда Владиміръ стольно-Кіевскій,
Посмотрѣлъ во ложню во теплую:
Есть широкія плеча богатырскія.
Говоритъ посолъ земли Ляховицкія,
Молодой Василій Микуличь, де:
« Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери:
« Что̀ же ты со мной будешь дѣлати?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
—Я пойду—съ дочерью подумаю.—
Приходитъ ко дочери возлюбленной:
— Ай же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ посолъ земли Ляховицкія,
— Молодой Василій Микуличь, де,
— За добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что̀ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
«« Ты ей, государь родной батюшко!
«« Что̀ у тебя теперь на разумѣ:
«« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину!»»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—
— Ахъ ты молодой Василій Микуличь, де!
— Не угодно ли съ моими дворянами потѣшиться,
— Сходить съ ними на широкій дворъ,
— Стрѣлять въ колечко золоченое,
— Во тоя въ острія ножовыя,
— Расколоть-то стрѣлочка на двоѐ,
— Чтобъ были мѣрою равненьки и вѣсомъ равны?—
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ перво княжевый:
Первой разъ стрѣлилъ—онъ не дострѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—онъ перестрѣлилъ,

Третій разъ стрѣлялъ,—онъ не попалъ.
Какъ сталъ стрѣлять Василій Микуличь, де,
Натягивалъ скоренько свой тугій лукъ,
Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ въ колечко золоченое,
Во тоя острея во ножевая,—
Раскололъ онъ стрѣлочку на двое,
Они мѣрою равненьки и вѣсомъ равны.
Самъ говоритъ таково слово:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери;
« Что̀ же ты со мной будешь дѣлати?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу-пойду—съ дочерью подумаю.
Приходитъ ко дочери возлюбленной:
— Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
— Молодой Василій Микуличь, де,
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что̀ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
«« Что̀ у тебя, батюшко, на разумѣ:
«« Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
«« Рѣчь поговоря—все по женскому:
«« Перески тоненьки—все по женскому;
«« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знатьи»
— Я схожу посла поотвѣдаю.—
Онъ приходитъ къ Василью Микуличу,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Василій Микуличь, де!
— Не угодно ли тебѣ съ моими боярами потѣшиться,
— На широкомъ дворѣ поборотися?—
Какъ вышли они на широкій дворъ,
Какъ молодой Василій Микуличь, де,
Того схватилъ въ руку, того въ другую,

Третьего склеснетъ *) въ середочку,
По трою за разъ онъ на земь **) ложилъ,
Которыхъ положитъ—тыи съ мѣста не стаютъ.
Говорилъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Ты молодой Василiй Микуличъ, де!
— Укроти-ко свое сердце богатырское,
— Оставь людей хоть намъ на сѣмена!—
Говорилъ Василiй Микуличъ, де:
« Я прiѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери;
« Буде съ чести не дашь,—возьму не съ чести,
« А не съ чести возьму,—тебѣ бокъ набью!»
Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
Сталъ онъ дочь свою просватывать.

Пиръ идетъ у нихъ по третiй день,
Сего дни имъ итти къ Божьей церкви:
Закручинился Василiй, запечалился.
Говорилъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Что же ты, Василiй, не веселъ есть?—
Говоритъ Василiй Микуличъ, де:
« Что буде ***) на разуми не весело:
« Либо батюшко мой померъ есть,
« Либо матушка моя померла.
« Нѣтъ ли у тебя загусельщичковъ,
« Поиграть во гуселышка яровчеты?»
Какъ повыпустили они загусельщиковъ,
Всѣ они играютъ,—все не весело.
« Нѣтъ ли у тя младыхъ затюремщичковъ?»
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Всѣ они играютъ,—все не весело.
Говоритъ Василiй Микуличъ, де:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
« Что посаженъ нашъ Ставеръ сынъ Годиновичь

*) Сдавитъ, сожметъ, скрючитъ.—*Изд.*
**) На земь.—*Изд.*
***) Что-то.—*Изд.*

« У тебя во погреба глубокіе:
« Онъ гораздъ играть въ гуседышки яровчеты.»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Мнѣ повыпустить Ставра,—
— Мнѣ не видѣть Ставра;
— А не выпустить Ставра,—
— Такъ разгнѣвить посла!—
А не смѣтъ посла онъ поразгнѣвати,—
Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
Онъ сталъ играть въ гуседышка яровчеты,—
Развеселился Василій Микуличь, де,
Самъ говорилъ таково слово:
« Помнишь, Ставеръ, памятуешь ли,
« Какъ мы маленьки на улицу похаживали,
« Мы съ тобой свайчкой поигрывали:
« Твоя-та была свайчка серебряная,
« А мое было колечко позолоченое?
« Я-то попадывалъ тогды-сёгды,
« А ты-то попадывалъ всегды-всегды?»
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
Что—Я съ тобой свайчкой не игрывалъ!—
Говоритъ Василій Микуличь, де:
« Ты помнишь ли, Ставеръ, да памятуешь ли,
« Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамоты училися:
« Моя была чернильница серебряная,
« А твое было перо позолочено?
« А я-то помакивалъ тогды-сёгды,
« А ты-то помакивалъ всегды-всегды?—
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
Что—Я съ тобой въ грамоты не учивался!—
Говорилъ Василій Микуличь, де:
« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
« Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
« Посмотрѣть дружинушки хоробрыя?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Мнѣ спустить Ставра,—не видать Ставра,
— Не спустить Ставра,—разгнѣвить посла!—
А не смѣетъ онъ посла да поразгнѣвати:

Онъ спустилъ Ставра, съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣть дружинушки хороброй.

Пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Зашелъ Василій въ хорошъ-бѣлъ шатёръ,
Снималъ съ себя платье молодецкое,
Одѣлъ на себя платье женское,
Самъ говорилъ таково слово:
« Тепереча, Ставеръ, меня знаешь ли?»
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Молода Василиста дочь Микулична!
— Уѣдемъ мы во землю Политовскую!—
Говоритъ Василиста дочь Микулична:
« Не есть хвала добру молодцу,
« Тебѣ воровски изъ Кіева уѣхати:
« Поѣдемъ-ко свадьбы доигрывать!»

Пріѣхали ко солнышку Владиміру,
Сѣли за столы за дубовые.
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
« За что былъ засаженъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
« У тебя во погреба глубокіе?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Похвасталъ онъ своей молодой женой,
— Что князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— Меня, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ.—
« Ай ты ей, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« А нынче что у тебя теперь на разумѣ:
« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину,
« За меня Василисту за Микуличну?»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло;
Повѣсилъ свою буйну голову,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— За твою великую за похвальбу
— Торгуй во нашемъ городѣ во Кіевѣ,
— Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безпошлинно!—

Поѣхали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.

Тутъ вѣкъ про Ставра старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано по порученію Собирателя, г. Лысановымъ).

21.

ТО ЖЕ.

(Петрозав. уѣзда, Кижскаго погоста, деревни Боярщины).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Заводился пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ [1]) князей на бояръ,
На Русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Онъ хвастаетъ [2]) городомъ Кіевомъ;
Русскіе могучіи богатыри,
Тыи ль паленицы удалыя хвастали силою,
Силушкой своей богатырскою;
Гости-купцы торговые,
Хвастали оны товарамы заморскима,
Куницамы, лисицамы Сибирскима [3]);
Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ;
Умный хвасталъ отцемъ-матерью,
Безумный похвасталъ молодой женой,
И всѣ-то на пиру добра молодца безчестили [4]);

[1]) Разнорѣчіе: «на всѣхъ.»

[2]) «Похвастаетъ.»

[3]) Прибавлено: «чернымъ соболемъ заморскіимъ.»

[4]) «Ты не хвастай-ка, добрый молодецъ, молодой женой.»

Олешенька Поповичъ похвасталъ золотой казной,
Золотой казной безсчетноей:
« Есть-то у Олешеньки золота казна—не тощится,
« Малы денежки не держатся. »
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Сидитъ-то онъ—ни чимъ не хвастаетъ.
Говорилъ [1]) Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Что же ты сидишь, Ставеръ, не веселъ?
— Али не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати [2])?—
Говорилъ Ставеръ таковы слова:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Есть у Ставра чимъ похвастати:
« Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
«Тридцать молодцевъ—чеботныхъ мастеровъ,—
« Оны шьютъ сапожки съ нова на ново;
« Которы сапоги я день держу,
« День держу, я другой проношу,
« Снесу-то я сапожки на рыночекъ,
« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
« И возьму-то за нихъ цѣну полную.
« Още есть у Ставра чимъ похвастати:
« Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
« Тридцать молодцевъ—портныхъ мастеровъ,—
« Оны шьютъ-то кафтанцы съ нова на ново;
« Который кафтанчикъ я день держу,
« День держу, я другой проношу [3]),
« Снесу эти кафтанцы на рыночекъ,
« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
« И возьму за нихъ цѣну полную.
« Още есть у Ставра чимъ похвастати:
« Была кобылица златогривица [4]),

[1]) « Проговоритъ. »

[2]) « Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Что же ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь? »

[3]) « Прохожу. »

[4]) Повторяя эту былину, пѣвецъ называлъ кобылицу « златошерстною. »

« Дано-то за кобылицу пятьсотъ рублей,
« Носитъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
« Которы жеребчики получше,
« На тыхъ самъ ѣзжу;
« Которы жеребчики похуже,
« Сгоню на рыночекъ,
« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
« И возьму за нихъ цѣну полную.
« Оттого-то у Ставра золота казна не тощится,
« Не тощится, малы денежки не держатся.
« Още есть чимъ у Ставра похвастати:
« Добры молодцы на дворѣ не старятся;
« Отъ того добры молодцы не старятся,
« Что день придетъ, молодецъ со двора долой,
« А два да три—на дворъ домой.
« Още есть чимъ у Ставра похвастати:
« Есть у Ставра молода жена,
« Молода жена Василиса [1]) Микулична,—
« Во лбѣ-то у ней свѣтелъ [2]) мѣсяцъ,
« На головѣ волосы—звѣзды частыя,
« Брови у ней черна соболя,
« Очи у ней ясна сокола;
« Князей-бояръ съ ума повыведетъ,
« А Владиміра-то вонъ выведетъ [3]). »
Это слово Владиміру князю не казалося [4]):
Приказалъ-то своимъ слугамъ вѣрныимъ [5])
Засадить-то Ставра во эти погреба глубокіе
Не на много, не на мало, ровно на тридцать лѣтъ.

И написалъ-то младъ Ставеръ Годиновичъ
На свою родимую сторонушку
Ко молодой жены къ Василисы Микуличной,

---

[1]) « Василиста. »
[2]) « Младъ-свѣтелъ. »
[3]) « Повыведетъ. »
[4]) « Это слово князю не показалося. »
[5]) Прибавлено: « приказалъ-то своимъ слугамъ подданныимъ. »

Написалъ скорописчату грамотку:
« Ай же, молода жена Василиса Микуличиа!
« Засажонъ я у князя у Владиміра
« Не на много, не на мало, ровно на тридцать лѣтъ,
« Во эты во погреба въ глубокіе. »
Обрубила Василиса волоса по казачьему,
Сѣдлала она коня богатырскаго [1]),
Она ѣхала ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли князю ко Владиміру.

Она заходитъ во покои бѣлодубовы,
Крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Проговоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты, посолъ земли Гленскія!
— Садись-ка ты на дубовый стулъ
— И поотдохни съ широкія дороженьки [2]).—
Онъ проговоритъ, посолъ земли Гленскія:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
« Не за то [3]) посла скора жалуютъ.
« Я пріѣхалъ, посолъ земли Гленскія,
« Посватать-то твою любимую племницу,
« Племницу любимую себѣ, послу, въ супружество. »
Проговоритъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
— А спрошу я у племницы любимыя,
— Идетъ ли она [4]) за тебя, посла земли Гленскія.—

Онъ приходитъ въ покои бѣлодубовы:
— Ай же ты, моя любимая племница!
— А пріѣхалъ посолъ земли Гленскія,

---

[1]) « Она сѣла на добра коня богатырскаго. »

[2]) « Садись-ка ты съ широкой дороженьки за дубовый столъ,
За дубовый столъ садись и поотдохни. »

[3]) « И за то. »

[4]) « Въ супружество. »

— Посватать те за себя, посла, въ супружество.—
Говорила она таковы слова:
«« Ты дядюшка, Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Не давай-ка ты дѣвицы за женщину:
«« Походочка-то у ней частенькая,
«« Поговорочка у ней частенькая,
«« На рукахъ-то знать, гдѣ были жуковины [1]). »»
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же ты, моя племница любимая!
— Испытаемъ мы посла земли Гленскія
— И не отдадимъ дѣвицы за женщину:
— Истопимъ ему съ дороги парную-теплую баянку.—

И вытопили слуги вѣрные
Парную-теплую баянку;
Говорили слуги послу земли Гленскія:
«« Ай же ты, посолъ земли Гленскія!
«« Ступай-ка съ дороги въ парную-теплую баянку. »»
Онъ пошелъ-то, посолъ земли Гленскія,
Во этую во теплую-парную баянку,
И скоро мылся, скоро парился
Во парной-теплой во баянкѣ [2]).
Проговорятъ слуги-то вѣрные:
«« Что же ты, посолъ земли Гленскія,
«« Скоро мылся, скоро парился
«« Во этой во теплой-парной баянкѣ? »»
Говорилъ посолъ таково слово:
« Недосугъ послу долго мыться-париться. »

Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Испытаемъ мы посла земли Гленскія
— И не выдадимъ дѣвицы за женщину;
— Положимъ во покои бѣлодубовы
— На эту на перину на пуховую:
— Если мужчина спитъ, подъ плечамы яма,
— Если женщина спитъ, подъ ж.... яма.—

---

[1]) « На рукахъ-то, гдѣ были жуковины, мѣсто знать. »

[2]) Прибавлено: « и шелъ въ стрѣту слугамъ вѣрнымъ. »

Повалился посолъ на перину на пуховую,
Головой-то на круто-складно зголовьице;
Середи-то ночи темныя
Поворотился ногамы на зголовьице.
Какъ прошла этая ночь темная,
Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные,
— Ай же вы, слуги мои [1]) подданны!
— Если посолъ женщина, на перинѣ [2]) яма,
— Если посолъ мужчина, на подушкѣ яма.—
И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія.

Проговоритъ эта племница любимая:
«« Ай же ты, дяденька [3]) мой родненькій,
«« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Испытаемъ посла земли Гленскія:
«« Мы выѣдемъ во поле во чистое,
«« Поставимъ мы колечико серебряно;
«« Противу колечика серебряна
«« Положимъ мы ножичекъ булатній
«« И станемъ стрѣлять стрѣлочки каленыя
«« Изъ этого изъ лука изъ тугаго
«« Противу колечика серебряна
«« По тому по ножичку булатнему.
«« Пусть [4]) стрѣлитъ посолъ земли Гленскія
«« Изъ туга лука калену стрѣлу
«« Во это во серебряно колечико
«« По этому по ножичку булатнему
«« И разрубитъ эту стрѣлочку на полы [5]),
«« Ростомъ одна половина не больше
«« И вѣсомъ другой не тяжельше. »»
И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія:

---

[1]) « Служаночки. »
[2]) « На постели. »
[3]) « Дядюшка. »
[4]) « Если. »—Т. е., стрѣлитъ ли.—*Изд.*
[5]) « На половиночки. »

Онъ стрѣлилъ изъ туга лука калену стрѣлу
Скрозь колечико серебряно по ножичку булатнему,
Разрубилъ-то стрѣлочку на полы [1]),—
Ростомъ одна половина не больше
И вѣсомъ другой не тяжельше.
Испроговоритъ посолъ земли Гленскія:
«Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Засажонъ у тебя странникъ [2]) во погреба глубокіе
«Не на много, не на мало,—на тридцать лѣтъ:
«Отпусти-тко странника на волю вольную [3])?»

. . . .

Здѣсь пѣвецъ остановился и досказалъ содержаніе былины своими словами: Владиміръ не согласился было выпустить Ставра, но, когда Василиса одолѣла въ рукопашномъ бою всѣхъ Кіевскихъ богатырей, Ставра вывели изъ глубокаго погреба и передали женѣ.

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

---

[1]) «Выходили во поле во чистое,
Поставили кольцо серебряное,
Противу кольца серебряна
Положили ножичекъ булатній.
Онъ стрѣлилъ стрѣлочку каленую
Изъ этого изъ лука тугаго
Во это серебряно колечико
И въ этотъ ножичекъ булатній,
И разрубилъ стрѣлочку на половиночки.»

[2]) Иноземецъ, со стороны.—*Изд.*

[3]) Послѣ словъ—«и вѣсомъ другой не тяжельше:»
И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія.
И проговоритъ солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Поди-тко за этого посла въ супружество.—
Говоритъ посолъ земли Гленскія:
«Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
«Выпусти ты всѣхъ странниковъ
«Со тыихъ со погребовъ глубокіихъ,
«И не надо мнѣ дѣвицы за женщины!»

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

22.

(Въ Сѣнной Губѣ).

Было во городѣ во Кіевѣ,
Было двѣ честныхъ вдовы
На почестномъ на большомъ пиру:
Честная вдова Часовая жена
И другая вдова Блудова жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
Подносила честной вдовы Часовой жены,
И за той за чарочкой посваталась
На честной на дѣвицы на Чайной Часовичной.
И честная вдова Часовая жена,
Была ёна баба богатая,
Богатая баба — заносчива,
Заносчива баба — упрямая;
Эты ей рѣчи не слюбилися;
Взяла ёна чару въ свои ручи
И вылила чару во ясны очи
Честныя вдовы Блудовой жены,
Сама говорила таковы слова:
« Моя ли Чайная Часовична
« Сидитъ-то во теремѣ высокоемъ
« За трема замочкамы Нѣмецкима;
« Ее красное солнышко не öпечетъ,
« Буйные вѣтры не öввѣютъ,
« Частые дожжички не öбмочатъ,
« Добрые людюшки не öбгалчатъ [*]).
« А есть у меня девять сыновей,
« А у Чайной Часовичной девять братцѐвъ:
« Выѣдутъ Часовичи во чистö поле

*) Не обгалятъ, не оплшаютъ, не оговорятъ и не сглазятъ. — *Изд.*

« И полонятъ Хотёнку во чистомъ полѣ,
« И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
« И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
« Захочу,— его кладу во повары,
« Захочу,— кладу его во конюхи,
« Захочу,— продамъ на боярскій дворъ. »

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки кругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечи:
— Замарала мою шубоньку дорогую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей!—
Приходитъ ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову,
И выходитъ Хотенка на крутой крылецъ,
И говоритъ ёнъ таковы слова:
« Свѣтъ-государыня, моя матушка!
« Что̀ же ты идешь съ пиру не весела,
« И не весела идешь — не радостна?
« Видно, мѣсто было не по люби,
« Видно, чарой тебя прі̀обнесли,
« Или пьяница глупая насмѣялася?»
Говорила вдова таковы слова:
— А мѣсто мнѣ-ка-ва было по люби,
— А чарой меня не о̀бнесли
— И пьяница глупая не насмѣялася.
— А только честная вдова Часовая жена
— Замарала мою шубоньку дорогую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей.
— А я посваталась на Чайной Часовичной,
— А сама *) надъ тобой насмѣялася:
— « Моя ли Чайная Часовична
— « Сидитъ-то во теремѣ высокомъ,
— « За трема замочкамы Нѣмецкими,

*) Т. е. Часовая.—*Изд.*

— « Ее красное солнышко не опечетъ,
— « Буйные вѣтры не обвѣютъ,
— « Частые дожжички не обмочатъ,
— « Добрые людюшки не обгалчатъ.
— « А есть у меня девять сыновей,
— « А у Чайной Часовичной девять братцевъ:
— « Выѣдутъ Часовичи во чисто поле
— « И полонятъ Хотѣнку во чистомъ полѣ,
— « И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
— « И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
— « Захочу,— его кладу во повары,
— « Захочу,— кладу его во конюхи,
— « Захочу,— продамъ на боярскій дворъ.»—
Проговоритъ Хотенка таковы слова:
« Свѣтъ-государыня, моя матушка!
« Много баба бредитъ, да не будетъ такъ.»

И скоро Хотенка облатился, обкольчужился,
И накатывалъ на головушку злаченъ шеломъ;
Беретъ себѣ палицу булатнюю,
Беретъ себѣ копье вострое
И поѣхалъ по городу по Кіеву.
И будетъ у того двора у Маришкина *),
И ударилъ въ ворота вострымъ копьемъ:
И слетѣли ворота середи двора;
И ударилъ палицей булатнею
По тому по терему высокому:
Сшибъ того терема по окнамъ прочь,
И слетѣлъ теремъ во зеленый садъ.
Ходитъ дѣвица Чайная Часовична
По тому по двору по широкому,
И ходитъ она — дивуется,
И сама себѣ головушкой качается:
«« Не было ни вѣтра, ни вѣхоря,
«« Не было погоды полуденныя,
«« А слетѣлъ теремъ во зеленый садъ!»»

*) Перенесено изъ былинъ о Добрынѣ.—*Изд.*

Увидѣла Хотенку на своемъ дворѣ:
«« Ай же ты, Хотенка Блудовичь!
«« Отца-то у тя звали Блудищемъ:
«« А тебя топерь называемъ уродищемъ.»»
Проговоритъ Хотенка Блудовичь:
« Дѣвка ты б...., б.... Кіевская!
« А хочу,— тебя я возьму за себя,
« А захочу,— возьму за служку за Панюточку;
« А кладу въ [фатеру] во черную,—
« И будешь ты наша портомойница.
« А есть у тебя девять братцёвъ,
« А у Часовой вдовы девять сынòвъ:
« Такъ пожалуйте во чисто поле!»

Какъ выѣхали ёны во чисто поле
Со всею со силой подневольною,—
Такъ ёна *) была богатая,
Погреба были злата и серебра,
Такъ ёна наняла силу инную
За злато и за серебро,—
Силу эту ёнъ въ полонъ побралъ,
А наемныхъ всѣхъ прирубилъ-пригубилъ,
А девять сыновей подъ мечь склонилъ.

(Отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Иванова Романова, записано 13 Января 1861 г.).

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЬ.

23.

(Волости Бережной Дубровы, деревни Кузнецовой).

Не бѣлый заюшка проскакиваетъ,
Не мелки слѣдочки прометываетъ:
Гвоздички серебряны выраниваетъ **).
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
Гвоздички серебряны нахаживали.

*) Часовая.—*Изд.*
**) Т. е. Чурило изъ подошвъ.—*Изд.*

Загулялъ Чурила во Бермятинъ высокъ теремъ,
А старый Бермята былъ у обѣдни Христосьскія.
Говоритъ Чурила таковы слова:
« Ай же ты, Катерина Микулична!
« Давай-ка играть во шахматы:
« Первый разъ матъ дашь, выиграешь сто рублей,
« Другой разъ матъ дашь, выиграешь двѣсти рублей,
« Третій разъ матъ дашь, выиграешь триста рублей.»
Говорятъ ему Катерина Микулична:
— Полно, Чурилушка, въ шахматы играть,
— Пойдемъ, Чурила, опочивъ держать!—

А старая служанка ходитъ—ворчитъ—бранитъ:
«« Я Бермятѣ накучу-намучу!»»
Приходитъ ко церкви соборныя,
Сама говоритъ таковы слова:
«« Ай же ты, Бермята Васильевичь!
«« У тебя въ дому есть гость незваныій,
«« Незваный гость, непрошеный,
«« Молодой Чурила сынъ Пленковичь.»»
« Ты правду говоришь,—стану жаловать,
« Неправду говоришь,—голову срублю!»

Приходитъ на красное крылечушко,
Бралъ за кольцо золоченое,
Какъ ударилъ въ первый разъ,
Терема пошаталися:
Она, того не пытаючись, съ Чурилой забавляется.
Какъ ударилъ въ другой разъ,
Маковки въ теремахъ поваялися:
Выходитъ Катерина Микулична,
И пускала Бермяту Васильевича.
« Что̀ же ты, Катеринушка, не убрана?
« У насъ сегодня праздничекъ честна Благовѣщенья.»
— У меня сегодня голова болитъ,
— Голова болитъ, ретиво сердце щемитъ.—
« Что̀ же ты идешь безъ чоботовъ?»
Заходилъ Бермята во высокъ теремъ,

Увидѣлъ сапожки Чурилины,
Увидѣлъ шапочку Чурилину,
Увидѣлъ кафтанъ Чурилинъ:
«Это я на Чурилушкѣ видалъ!»
— Ты старый Бермята Васильевичъ!
— У моего-то братца съ Чурилушкой
— Платьемъ помѣнялося,
— А добрымъ конямъ побраталося.—
Заходилъ во комнату спальную,
Увидѣлъ Чурилушку: лежитъ на кроваткѣ тесовыя;
Онъ схватилъ саблю со стопочки.
Не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулася;
Не скатная жемчужинка катается:
А Чурилова головка катается
По той-то середы кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается:
Чурилина-то кровь разливается.

(Отъ калики Латышова).

24.

ТО ЖЕ.

(Тихвиноборскій погостъ, Каргопольскаго уѣзда).

На канунѣ было праздника Христова дня,
Честнова Христова Благовѣщенья,
Выпадала пороша снѣга бѣлаго.
Не ясенъ соколъ по порошѣ вылетывалъ,
Не бѣлый горносталь по порошѣ проскакивалъ:
Ѣздилъ-гулялъ купавъ *) молодецъ,
Премладой Чурила Пленковичъ.
Загулялъ онъ во улицу Ильинскую.
Ко тому Бермятину высоку терему:
Бермяты въ терему не случилося,

*) См. неоднократныя объясненія этого слова въ 1-й части и въ изданіи пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.—*Изд.*

Одна прилучилась Катерина Микулична.
Выходила на крылечко переное,
Сама говорила таковы слова:
— Пожалуй-ко, премладый Чурила Пленкович,
— Ко мнѣ Катеринкѣ во высокъ теремъ?—
Приходилъ-то Чурила во высокъ теремъ,
Садился Чурила за дубовый столъ.
— Давай-ко, Чурила, поиграемъ во шахматы:
— Ты поиграешь, такъ я тебѣ денегъ дамъ,
— А я поиграю, такъ тебѣ и Богъ проститъ.—
Играли они во шашки-шахматы.
Первый разъ игралъ Чурила,—ёй матъ давалъ,
Бралъ съ ёй денегъ пятьсотъ рублей;
А другой разъ игралъ,—ёй поддавалъ,
Бралъ съ ёй денегъ цѣлу тысячу;
А третій разъ ужь и поваливалъ,
Тогда ужь бралъ двѣ тысячи.
Тогда Катеринка говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
— Не могу болѣ играть со тобою во шахматы:
— Пойдемъ-ко мы во спальну во теплую,
— Ляжемъ на кровать на тесовую,
— На кровать на тесовую, на перинку пуховую,
— Тамъ ты со мной съ Катеринкой позабавишься.—
Легли на кровать на тесовую, на перинку пуховую.

Маленька дѣвушка Чернавушка,
Чернавушка вѣрна служаночка
На Катеринку журчитъ-ворчитъ,
Хотитъ Бермяты вѣсть подать.
Приходила она во Божью церкву,
Говорила Бермяты таковы слова:
«« Ай же ты, Бермята Васильевичь!
«« Послѣ твого отъѣзда
«« Минуло нѣсколько поры-времячка,
«« Пріѣзжалъ Чурилушка Пленковичь,
«« И съ твоей молодой женой
«« Игралъ онъ во шахматы,

«« А послѣ того легли на кроватку тесовую,
«« Легли они, позабавилися,
«« Легли, да и заспали.»»

Послѣ обѣдни Благовѣщенской
Приходитъ Бермята во высокъ теремъ:
Всѣ ворота были крѣпко заперты,
Заперты ворота, заложены.
Застучалъ онъ въ колечко золоченое:
Всѣ палаты заколыбалися;
Пробуждалася Катеринка ото сну великаго,
Тогда не умывалась, не убиралася,
Приходила въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одинхъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ.
«Что же ты, Катеринка, не въ снарѣдѣ, не въ обрѣдѣ?
«Сегодня-то у насъ праздничекъ,
«Честное Христово Благовѣщенье.»
Катеринка Бермяты отвѣтъ держитъ:
— Послѣ твоего отъѣзда заболѣла буйна головушка,
— Опустилася болѣзнь ниже пояса
— Во тѣ ли во нижни во черева.—
Онъ тому Бермята не пытаючи,
Во высокъ теремъ пробирается,
Приходитъ во спальну во теплую:
На гвоздѣ виситъ Чурилова шапочка,
На другомъ виситъ Чурилова сабля вострая,
На третьемъ гвоздичкѣ виситъ шуба соболиная.

Бермята спрашиваетъ: «Чьи это вещи висятъ на гвоздяхъ, ужь не Чурилины ли?» Катеринка спѣшитъ отвѣчать: — Не Чурилины, моего то братца родимаго.—

Приходитъ ко кровати тесовыя:
Спитъ Чурила забудущимъ сномъ.
Тутъ Бермята бралъ саблю вострую,
Вырубилъ-то головушку Чурилушкѣ.
Не два яблочка свалилося:
Двѣ головушки скатилося.
Только Чурила и живъ бывалъ.

—

25.

ПАГУБА МОЛОДАГО ДѢТИНУШКИ ГУСИНО ПЛЁНКОВИЧА БУСУРЬМАНИЩЕМЪ ШАРКОМЪ-ВЕЛИКАНОМЪ.

(Лодейнопольскій уѣздъ).

Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небёса вы синіи, роздайтеся,
Облока-тучи, во едину не скопляйтеся!
Тошнёхонько богатырьской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати.
А вотъ перьвое-то горе,—палъ его могучій конь;
А второе того горе *),—изломался его тяжелый мечь;
А третье-то горе,—обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулася ему Марья, Лебедь Бѣлая.

Ужь иде бусурьманскій сынъ, Шаркъ-великанъ прикручинившись,
Про свою горемычную жизь-горе пороздумавшись,
Про каранье Бога Руссійскаго, Христіанскаго.
Какъ во стрѣчу ему молодой дѣтинушка,
Молодой дѣтинушка самъ ёнъ Гусинко Плёнковичь.
Содружилися ёны, побраталися,
Во свои терема бусурьманщину созывае,
Во большемъ углу чевствуетъ-гоститъ.
Началъ тутъ его Шаркъ-великанъ выспрашивати:
« Ты скажи-ко мнѣ, молодой дѣтинушка Гусинко Плёнковичь:
« Кабы мнѣ мудрёно коня могучаго достати,
« Своему прежнему коню богатырьскому во смѣну положити?»

*) Т. е. горѣ, горше.—*Изд.*

— А иди-ко ты, бусурьманскій сынъ, ко вольному граду ко Новгороду:
— У того ли у князя у Новгородьскаго
— За запорамъ желѣзнымъ, за заслонамъ мѣднымъ
— Жеребенокъ е *) необъѣзженый,
— А твоей ли богатырьской силушкѣ какъ е подъ стать.—
« А и спасибо тѣ, молодой дѣтинушко Гусинко Плёнковичь!
« Ужь повѣдай-ко ты мнѣ правду-истину:
« Кабы мнѣ богатырьскій мечь во рукахъ моихъ мощьныихъ держати
« По силѣ моей богатырьскоей, непомѣрноей?»
— А иди-ко ты, бусурьманскій сынъ,
— Ко святому граду ко Кіеву, ко славному князю ко Владиміру:
— У того ли князя у Владиміра, во полатяхъ его осударевыхъ
— Разнаго орудья е, мощи богатырьскія;
— Да по силушкѣ ли твоей, бусурьманскій сынъ,
— Тыимъ ли мечемъ-кладенцомъ размахивати,
— Размахивати, перевёртывати?—
« Ой ты неразумный дѣтинушко, Гусинко Плёнковичь!
« Темному уму твоему разуму не судити
« Про силу богатырьскую не гадати.
« А скажи-ко ты мнѣ, Гусинко Плёнковичь, правдливѣе:
« Кабы мнѣ Марью, Бѣлую Лебедь, сыскать,
« Кабы мнѣ ее, Бѣлую Лебедь, поломати?
« Приглянулася ёна мнѣ нешуточно.»
— Ой ты бусурьманскій сынъ, Шаркъ-великанъ!
— Твоимъ ли устамъ рѣчи таки вымолвливать,
— За Руссійскую Марью, Лебедь Бѣлую, ухвататися?
— А и вѣру вѣруешь ты бусурьманскую,
— Бусурьманскую вѣру, Нѣмецькую:
— А то Марьѣ, Бѣлой Лебеди, не по сердцу,
— А то ей, пригожей, не по умыслу.—

---

*) Есть — *Изд.*

Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно.
Какъ впери ёнъ свои глазишши-лупы *) бусурьманскіи,
Да и возьмае ёнъ, бусурьманинишъ, что ни е,
Во вси стороны помахивать:
По стороны махне,—стѣны проломъ,
По другой перехватитъ,—розсыпаются.
А ужь и пошутилъ тутъ бусурьманскій сынъ:
Понатужился Шаркъ-великанъ крѣпко на крѣпко,
Правой рукой хватать Гусинко Плёнковича за его бѣлую грудь,
Во розмахѣ Гусинко Плёнковичь за тридесять земель улётывать,
За частыи ясныи звѣзды зацапливать.
А ёнъ-то самъ бусурьманище ухмыляется:
«А скажи-ко-сь ты мнѣ, усмѣшище,
«Во дальныихъ ли странахъ бусурьманскіихъ
«Душу свою схоронилъ не отвѣтую?!»

(Записано и доставлено Собирателю А. А. Шкалинымъ).

*

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЬ.

26.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЬ ДА ГУСИНКО ПЛЁНКОВИЧЬ ВО ГРАДѢ ВО КІЕВѢ БОГОМОЛЬНОЕМЪ.

(Тамъ же).

Отъ краснаго града отъ Волынца,
По привольной рѣкѣ по Дунаеви,
Иде удалъ-добрый молодецъ,
Боярскій сынъ Дюкъ Степановичь,
Со своей ли со дружиной боярскоей,
Ко святому граду ко Кіеву;
Ко крёстамъ его христіанскіимъ.

---

*) Ср. «лупо-глазый,» лупить, вылупливать—вытаращивать глаза. — *Изд.*

А иде ёнъ, добрый молодецъ, Богу молится,
Со честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ гоститися.

Ужь какъ слышитъ ёнъ молву неправдливую,
Неправдливую молву, неутѣшную,
Что во тоемъ ли во градѣ во Кіевѣ
Ужь давно сидитъ—богатствомъ прохваляется
Гусинко Плёнковичь со товарищьми.
Не задумамши, Дюкъ Степановичь,
Призывае ёнъ своего слугу вѣрнаго,
Такое приказаньице наставляетъ:
« Ой ты мой вѣрный слуга,
« Никита Полйца, розудалая голова!
« Ты иди-ступай ко молодой Царевнѣ во терема во темныи,
« Не трожь ты ее, а честнӧмъ проси
« Угостить-принять боярьскаго сына Дюка Степаныча
« Для-роди его прихожденія богомольнаго.»

Тутъ тесовы ворота отворяются,
Сама Царевна ко Дюку Степанычу во стрѣчу иде.
Беретъ ёна его за руку его бѣлую,
Веде его во терема свои во темныи,
Всяко чествованье ему, добру молодцу, дѣлаетъ,
А сама ёна Царевна хитро стала выспрашивати:
— Ты скажи мнѣ, добрый молодецъ, Дюкъ Степановичь,
— Отколѣва топеречу путь-дорогу держишь?—
« А держу я путь-дорогу отъ красна града со Волыиница,
« Отъ своего терема отъ отцевскаго.»
— А скажи-ко ты мнѣ, Дюкъ Степановичь,
— Много ль силы съ собой ведешь?—
« Сила-то моя—мой вѣрный слуга,
« А богатствіе все мое—могучій конь.»
— А скажи-ко ты мнѣ, добрый молодецъ, Дюкъ Степановичь,
— Много ль у тя силы богатырьскія,
— У твоего коня мощи могуліи?—

« А е у меня сила не малая:
« Все царьствіе ваше верхъ дномъ верну.
« А и е у моего коня мощь могучая:
« Не гнаться за мной самой кобылѣ Бѣлой Лебеди.»
А туть Царевна себѣ на умѣ:
Почни ёна Дюка Степаныча подзадоривать,
Чтобъ въ конецъ ёнъ рѣшилъ удалого Гусинко Плёнковича;
Супротивъ ее таки рѣчи Дюкъ Степановичь выдерживатъ:
« Ой ты ой, молодая Царевна прекрасная!
« Много у меня грѣха чернаго на̀ сердцѣ,
« А и не по тоей причинѣ я сюда пришелъ,
« Не губить пришелъ я душу христіанскую,
« Пришелъ я для-роди богомольствія,
« А не по мнѣ грѣхъ на душу пойде.»

Въ утро ранёшенько колоколъ Божій гудомъ гудитъ,
А Дюкъ Степановичь со вѣрнымъ своимъ слугой въ церьковь Божью собирается,
Тако наставленье дѣлатъ:
« Какъ пойду я въ церьковь Божію молитися,
« Ко святымъ Божьимъ Угодникамъ приклонятися,
« А во этой ли церькви Божіей
« Розокрученный-рознаряженный супротивникъ мой;
« Ужь какъ буде ёнъ, супротивникъ, выхвалятися,
« При честныхъ людяхъ надъ боярьскимъ сыномъ насмѣхатися:
« Не утерпитъ твое лютое сердце, горячее,
« Во такой обидѣ своего господина, сына боярьскаго.»

Во церьковь Божью тутъ ёны сокопляются:
Первѣй всего Гусинко Плёнковичь надуваючись,
Своимъ длиннымъ поламъ розмахиваясь,
Шапкой-мурманкой прихлопывая.
А за нимъ иде слѣдо̀мъ Дюкъ Степановичь,
Боярьскій сынъ, роду княжьяго.
А иде ёнъ, Дюкъ Степановичь, смирнёхонько,

Во синіемъ кофтанѣ—золотымъ шнуромъ.
Ужь стоитъ ёнъ, Дюкъ Степановичь, прямёхонько,
Лишь часты-часты поклоны земныи отсчитыватъ.
Тутъ весь людъ христіанскій, князья-бояре,
Гусинко Плёнковича—что могутъ,
А на Дюка Степаныча не посматриваютъ.
А и ёнъ-то, Гусинко Плёнковичь, пуще того сталъ гордится,
Пугвицамъ златымъ побрякивае,
Шапкой-мурманкой помахивае.
А почни тутъ Дюкъ Степановичь своимъ пугвицамъ поваживать,—
Во повалъ тутъ всѣ повалилися, ужаснулися:
Что во всякой во златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ змѣй пещёрскихъ шипитъ,
И во всякой того пугвицѣ
Сорокъ сороковъ звѣрей лютыихъ рёвомъ рёвитъ.
А почни тутъ въ другу сторону пугвицамъ поваживать:
Что во всякой-то златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ птицъ Божьихъ пѣсни затягиваютъ.
Весь людъ Божій тутъ удивленье взяло.
Вси ёны ко Дюку Степанычу честно приближаются,
Ко его мудрецкому кафтану старъ-младъ приклоняются,
Такія рѣчи пользительны вымолвливаютъ:
«« Гой ты гой, добрый молодецъ, Дюкъ Степановичь!
«« Почто ты насмѣханье Гусино Плёнковича принимаешь?
«« Али ему жизнь горемычную тянути,
«« Али смерётушку ему нещадную понести?»»
Ополохался тутъ Гусино Плёнковичь до смерётушки,
Кофтанъ богатырьскимъ рукамъ розлетыватся,
Шапку-мурманку свою въ клочья рвётъ,
Самъ осерчавшись изъ церькви вонъ.

А повстрѣчи ему Никита Полица, боярьскій слуга:
За ноги его горемычного захватыватъ,
До темного лѣсу-бору дотаскиватъ,
Ко вѣдьмы Кіевской во темну яму забрасыватъ;

Самъ ёнъ, Никита Полйца, приговариватъ:
«« По дѣломъ тебѣ, вражій сынъ, тую участь-горе терпѣти:
«« Посиживай себѣ, вражій сынъ, зубамъ пощёлкивай!»»
Тутъ ко своему боярину, Дюку Степановичу, возвратъ держитъ.
Царевна прекрасная часту-горючую слёзу ронитъ,
Удалъ боярьскій сынъ почаще того.
Призадумался тутъ вѣрный слуга
Про печаль-думу своего боярина со Царевною прекрасною.
Сталъ ёнъ своего боярина, Дюка свѣтъ Степановича выспрашивати,
Выспрашивати, уговаривати:
«« Ой ты еси, удалъ боярьскій сынъ, Дюкъ Степановичь!
«« Почто ты, добрый молодецъ, закручинился,
«« Свою буйную-розудалую голову повѣсиши?»»
« А за тымъ я, вѣрный слуга, запечалился,
« Что по сердцу пришла мнѣ Царевна прекрасная;
« А и жаль-то мнѣ больно ее, прекрасную, во темномъ теремѣ оставити,
« А и у отца-матери родной благословеньице мнѣ не просити:
« Грозной отецъ моихъ прозёбъ не слушатъ,
« Свою волюшку не выкаже.»
«« Гой ты еси, розудалый молодецъ, боярьскій сынъ, Дюкъ Степановичь!
«« Не кручинься ты, не печалуйся, боярьскій сынъ,
«« А возмемъ мы коня чернаго-могучаго,
«« Да и понесе ёнъ, конь могучій, своего боярина сь Царевною
«« По бѣлому люду христіанскому Русійскому таскатися,
«« Прекрасной Царевной выхвалятися.»»
« А и спасибо тѣ, Никита Полйца, вѣрный слуга,
« На твоихъ на рѣчахъ розумныихъ,
« На твоихъ на сувѣтахъ утѣшныихъ!»

Тутъ ёны коня чернаго-могучаго сѣдлаючи,
Со градомъ со Кіевомъ богомольнымъ розставаючись,
Увозили тую-то Царевну прекрасную изъ града вонъ.
Ускакивали ёны со Царевной прекрасною не тихо же,
А скакали ёны въ одинъ-то часъ по сто верстъ,
Чтобъ погони за нимъ во слѣдъ не было.

(Отъ того же).

—

27.

О ДЮКѢ СТЕПАНОВИЧѢ *).

(Кенозеро).

Изъ тоя Индѣи богатыя,
Со тоя Корелы упрямыя,
Не ясенъ-то соколъ вылетывалъ,
Не бѣлой то кречёнъ перепуркивалъ :
Выѣзжалъ удалый-добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На своемъ на бурушкѣ косматенькомъ,
На косматенькомъ бурушкѣ крылатоемъ.
Хороша его управа богатырская,
Хороши доспѣхи молодецкіе.

Богатырь просится у матушки посмотрѣть на славенъ Кіевъ градъ и на ласковаго князя на Владиміра, святымъ мощамъ поклонитися, Пресвятой Богородицѣ помолитися. А мать говоритъ ему :—Дитятко, захочешь ты спробовать силы-удачи молодецкія,

— А много въ Кіевѣ богатырей,
— Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
— Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія :
— Первая застава — сѣры волки,
— Другая застава — змѣи лютыя,
— Третья застава — стоитъ двѣнадцать богатырей. —

*) Ср. № 47-й въ 1-й части.

Не послушался Дюкъ наказу матерня и поѣхалъ ко городу ко Кіеву.

Когда ѣздилъ Дюкъ по тихіимъ по заводямъ, стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленыя, на гряночкѣ стрѣлочки точеныя; въ нихъ втерано *) было по камешку самоцвѣтному,

Вплетено по перышку орлиному,
Орла орловича Сибирскаго:
Садился орелъ на синій на камешекъ,
Щипалъ-ронилъ перьицо орлиное;
Пріѣзжали гости-корабельщики,
Подбирали это перьицо орлиное,
Возили-развозили перьицо по всѣмъ странамъ,
Дарили-то царей-царевичей,
Дарили королей-королевичей.

На пути къ Кіеву побиваетъ Дюкъ Соловья-розбойника, проѣзжаетъ первую заставу крѣпкую и другую заставу крѣпкую; какъ доѣхалъ до третьей заставы,

Не по Дюковой пало участи:
Напалъ туманъ со маревомъ, —
Не видно пути-дороженьки.
Стоючись-то Дюкъ, самъ дивуется.

Доѣхалъ онъ до третьей до заставы,
У третьей заставы пораздумался:
Стоитъ двѣнадцать богатырей могучіихъ,
Стоитъ Самсонъ Колывановичъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Сухманъ богатырь сынъ Одихмантьевичъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ.

Дюкъ видитъ, что силой проѣхать нельзя: живому не бывать; сошелъ со добра коня

И поклонился могучіимъ богатырямъ:
«Здравствуйте, Русскіе могучіе богатыри!»
— Здравствуй, заѣзжій добрый молодецъ!
— Ты коей орды, ты коей Литвы,
— Коего отца, коей матери? —

*) Вогнато, вдѣлано. — *Изд.*

« Я есть боярипъ Дюкъ Степановичъ,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
« Изъ тоя Корелы упрямыя;
« У меня терема — златоверхія маковки;
« Поберегите меня во Кіевѣ! »

Богатыри, называя его « ученымъ-добрымъ молодцемъ, » обѣщаютъ исполнить его просьбу. Остальная часть побывальщины не представляетъ ничего новаго.

(Записано проѣздомъ отъ крестьянина).

28.

ТО ЖЕ.

(Каргопольск. уѣзда, Бережно-Дубровскій погостъ).

Изъ Волынъ-города изъ Галича,
Изъ той Сорочины изъ Широкія,
Изъ тоя Корелы упрямыя,
Изъ тоя Индѣи богатыя,
Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Обсѣдлывалъ своего мала бурушка косматаго.
У его, у мала бурушка косматаго,
У его грива до сырой земли,
Во трехъ мѣстахъ грива была изукрашена,
Краснымъ золотомъ была повита,
Цёлка у него была до ноздрей,
Хвостъ покрыватъ слѣды конные,
Конные слѣды, лошадиные.

Садился на мала бурушка косматаго,
Выѣхалъ во славное чисто поле,
Натягивалъ свой тугій лукъ,
Закладывалъ онъ триста тридцать три стрѣлы,
Эти стрѣлочки разстрѣливалъ:
На дубахъ орлы воскрѐжетали,
Во лѣсахъ звѣри засвѝстали,
Лѣсъ улицмы попадалъ.
Раздумался Дюкъ, распечалился,

Сидючись на маломъ бурушкѣ косматоемъ:
« Не жалкó мнѣ триста тридцать стрѣлъ,
« Только жалко мнѣ три стрѣлы каленыя:
« Каленыя были — переныя.
« Переныя были — орленыя,
« Не того орла, который летатъ по темну лѣсу,
« Не того орла, который летатъ по чисту полю,
« А того орла, который летатъ по синю морю;
« Онъ сидитъ, орелъ, на синенькомъ нá камешкѣ,
« Ужъ онъ ронитъ перьица въ сине море;
« Ѣздили гости-корабельщики,
« Подбирали эти перьица орлиныя,
« Привозили моей матушкѣ въ подарочки;
« Да я ихъ днемъ разстрѣливалъ,
« Ночью осеннею сбирывалъ;
« Отъ стрѣлы къ стрѣлы—будто отъ звѣзды къ звѣзды,
« Врѣзано по камешку драгоцѣнному.»

Назадъ онъ, Дюкъ, ворочался къ своей матушкѣ,
Честныя вдовы Мамелоы Тимоѳеевны;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
Сходилъ съ мала бурушка косматаго,
Зашелъ въ гридню во столовую,
Бьетъ челомъ о сыру землю,
Проситъ прощеньица-благословеньица,
Съѣздить ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Говоритъ ему Мамелоа Тимоѳеевна:
— Прямоѣзжая дорога заколодила:
— Стоитъ три заставы великія.
— Первая застава — люты звѣри,
— Другая застава — люты змѣи,
— Третья застава — стоитъ Донской козакъ,
— Илья Муромець сынъ Ивановичь,
— Во вторыхъ стоитъ Добрыня Никитиничь,
— Во третьихъ Михаила Потыкъ сынъ Ивановичь.
— А кругомъ ѣхать буде на три мѣсяца.—
Онъ бьетъ челомъ, покланяется:

« Ай же ты, свѣтъ-государыня матушка,
« Честная вдова Мамелѳа Тимоѳеевна!
« Дашь прощеньице-бласловленьице,— поѣду,
« И не дашь прощеньица-бласловленьица,— поѣду.»
Выходилъ со гридни со столовыя,
Заходилъ въ конюшенку стоялую,
Выводилъ мала бурушка косматаго,
Обсѣдлывалъ бурушка, обуздывалъ,
Потнички клалъ на потнички,
Войлочки клалъ на войлочки,
Застегивалъ двѣнадцать подпруговъ шелковыихъ,
Тринадцатый подпругъ межу ноги.
Накладывалъ на сѣделко Черкасское попоночку:
Кружочекъ съ денежку стоитъ рубль серебромъ.
Отходитъ отъ своего добра коня
И глядитъ на нарядъ онъ конинный:
Подъ нарядомъ стоитъ конь будто лютый звѣрь.
Садился Дюкъ на мала бурушка косматаго,—
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли — куды поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодецъ поверхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго.

Доѣзжаетъ до первыя заставы крѣпкія,
Сталъ своего мала бурушка приправливать,
А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
И стали люты звѣри обрыскивать,
Не могли схватить удала-добра молодца;
Проѣхалъ первую заставу крѣпкую.
Доѣзжалъ до другой заставы крѣпкія,
Сталъ своего мала бурушка приправливать,
А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
И стали люты змѣи облетывать,
Не могли схватить удала-добра молодца;
Проѣхалъ другую заставу крѣпкую.

И доѣзжаетъ до третьей заставы крѣпкія,
Одержалъ своего мала бурушка косматаго,
Самъ раздумался и распечалился :
« Не честь мнѣ-ка хвала молодецкая :
« Проѣду третью заставу крѣпкую,
« По мнѣ нѣтъ заступщиковъ, попеченьщиковъ въ Кіевѣ! »
И сходилъ молодецъ со добра коня,
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Донскому казаку въ особину :
« Ты здравствуешь, Донской казакъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь ! »
И говоритъ Илья таковы слова :
— Здравствуешь, удалый-добрый молодецъ !
— Ты откулѣшный, добрый молодецъ ?—
« Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
« Изъ той Сорочины изъ широкія,
« Изъ тоя Корелы упрямыя,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
« Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичь. »
— А давно ль ты выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ Галича?—
« Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы
« И надо поспѣвать къ заутрени Христосьскія. »
— Не угодно ли выѣхать въ чисто поле,
— Поратися со мной, поборотися ? —
« Ай же ты, Донской казакъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь !
« Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ :
« Одинъ Донской казакъ на святой Руси,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь. »
Эти рѣчи Ильѣ показалися;
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги
И бралъ его за бѣлы руки,
За его за перстни за злаченые :
— Ну, молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичь !

— Поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ,
— Буду я за тебя печаль держать
— И буду я за тебя заступатися.—
И провожалъ его изъ бѣла шатра.
И садился Дюкъ на добра коня,—
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли—куды поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И говорилъ Илья таковы слова
Своимъ сильнымъ-могучіимъ богатырямъ:
— По его поѣздкѣ молодецкія
— Можно поспѣть изъ Волынъ-города изъ Галича
— Во Кіевъ градъ къ заутрени Христосьскія!—

Подъѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Прямо черезъ стѣну перескакиваетъ,
Башни наугольны перемахиваетъ;
Подъѣхалъ къ церкви соборныя,
Ко тому подъѣзду государеву,
Соходилъ со мала бурушка косматаго,
Оставилъ коня неприказана и непривязана,
Заходилъ въ церкву соборную,
Становился на мѣсто посольное,
На посольное мѣсто — на лѣвое крылосо.
Пріѣхалъ солнышко Владиміръ князь,
Пріѣхалъ Чурилушка Опленковичь,
Пріѣхалъ Алеша Поповичевъ.
Посылаетъ Владиміръ князь Алешу Поповича;
Говоритъ Алеша таковы слова:
«« Ты откулѣшный, удалый-добрый молодецъ?»»
« Алеша Поповичь, до меня тебѣ дѣла нѣтъ.»
«« А спрашиваетъ тебя солнышко Владиміръ князь,
«« Поди-тко на крылосо на правое.»»
Подошелъ Дюкъ ко князю Владиміру,
Поклонился ему до сырой земли:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!»
Сталъ его Владиміръ спрашивать:

— Ты откулѣшный, удалый-добрый молодецъ? —
« Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
« Изъ той Сорочины изъ широкія,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
« Изъ тоя Корелы упрямыя.»
— Давно ли выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ Галича? —
« Я поѣхалъ въ полдень Страстныя суббота,
« А поспѣлъ сюды къ заутрени Христосьскія.»
— А дороги ль у васъ такіе кони? —
« У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
« А моему-то коню и смѣты нѣтъ.»

Отстояли заутреню Христосьскую,
Отстояли обѣдню преосвященную, —
Сталъ Владиміръ въ свой княженецкій домъ
Звать молодаго боярина.
Вышли они изъ церквы соборныя,
Обтолпился народъ кругомъ его добра коня
И глядитъ на нарядъ на конинный.
И пошелъ солнышко Владиміръ князь,
А за княземъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь,
А его конь вслѣдъ за хозяиномъ.
У молодаго боярина Дюка Степановича
Были сапожки — зеленъ сафьянъ,
Подъ пяту-пяту воробей пролети,
О' пяту-пяту яицо прокати:
На свои сапожки Дюкъ поглядываетъ,
На Владиміра князя посматриваетъ.
Приходили ко двору княженецкому:
Онъ по тыну поглядываетъ,
На себя посматриваетъ,
Головою покачиваетъ.
Зашли на гридню на столовую,
Садились за столы за дубовые,
Садились за скатерти браныя;
Принесли напиточковъ стоялыхъ:
Такъ онъ рюмочку — половину пьетъ,
Другую половину подъ столъ льетъ.

Принесли колачиковъ крупивчатыхъ:
Онъ верхнюю корочку ѣстъ,
Исподню откладываетъ.
Ставалъ Алеша Поповичь на рѣзвы ноги,
Самъ говорилъ таковы слова:
«« Солнышко Владимiръ стольно-Кіевскій!
«« Какой за невѣжа прiѣхалъ....
«« Онъ жилъ въ слугахъ у бoярина,
«« Укралъ порты у боярина,
«« Коня угналъ у боярина;
«« Напитковъ стоялыхъ не пивалъ
«« И колачиковъ, видно, вѣкъ не ѣдалъ,
«« Не знаетъ княженецкаго обхожденія,
«« Надъ тобой смѣется-ругается.»»
Говорилъ солнышко Владимiръ князь:
— Молодой боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ!
— Что же ты надо мной смѣешься-ругаешься?—
И ставалъ молодой бояринъ на рѣзвы ноги:
« Ай же ты, солнышко Владимiръ князь!
« Я не смѣюся и не ругаюся.
« Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны,
« Пойдетъ она отъ церкви отъ соборнія,
« Впереди идутъ лопатники,
« За лопатниками идутъ метельщики,
« За метельщиками идутъ суконщики,
« Разстилаютъ сукна одинцовыя;
« Мою матушку, честну вдову Мамелѳу Тимоѳеевну
« Ведутъ подъ руки тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
« Вся она обвѣшана бархатомъ,
« Чтобы не запекало ее солнце красное,
« Не напала роса утренняя.
« А у тя просто за просто, пусто за пусто.
« Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны,
« Кругомъ нашего двора булатній тынъ,
« Наведено мѣдью Яровицкою,
« Столбики были точеные,

« А маковки были золоченыя,
« Двери-то были рѣшатчатыя,
« Подворотенки были серебряныя.
« А у тя просто за просто, пусто за пусто.
« Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны,
« Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
« По нашему широку двору
« Разостланы сукна одинцовыя;
« Наши любимые конюхи
« По этимъ по сукнамъ катаются,
« Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.
« Зайдешь во гридню во столовую,
« Всѣ окошечки скутаны,
« Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные,
« Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.
« Посадятъ за столы за дубовые,
« За скатерти браныя,
« Понесутъ напитковъ стоялыихъ,
« Такъ рюмочку пьешь,—по другой душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьей хочется.
« Понесутъ колачиковъ крупивчатыхъ,
« Колачикъ ѣшь,—по другомъ душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьяго хочется.
« А у тя просто за просто, пусто за пусто.»
Ставалъ Алеша Поповичъ на рѣзвы ноги,
Самъ говорилъ таковы слова:
«« Дай-ка, я съѣзжу въ его посельице:
«« Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ посельицемъ,
«« Такъ ли у него въ домѣ дѣется?»»
Говорилъ ему Дюкъ таковы слова:
« У тебя ль глазишки поповскіе, завидливы:
« Не выѣхать отъ моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны!»

Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ.
И садился на ременчатъ стулъ,
И писалъ ярлыки скорописчаты;

Натягивалъ свой тугій лукъ,
Самъ къ стрѣлочкѣ ярлыки припечатывалъ,
Припечатывалъ, самъ приговаривалъ:
« Лети ты, стрѣлочка, ни высоко, ни далеко;
« Не пади ты ни на воду, ни на землю,
« А пади ты ко бѣлу шатру
« Ильи Муромца сына Ивановича»
Прилетѣла стрѣлочка каленая
И пала ко бѣлу шатру
Ильи Муромца сына Ивановича.
И выходилъ Донской казакъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поднималъ ярлыки, распечатывалъ,
Просматривалъ и самъ прочитывалъ
И посылалъ Добрыню Никитича:
— Поѣзжай, Добрыня Никитичъ, во Кіевъ градъ:
— Въ Кіевѣ расхвалялся Дюкъ своею похвальбищею.
И скоро Добрыня сѣдлалъ добра коня,
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву;
Прямо черезъ стѣну перескакивалъ,
Башни наугольны перемахивалъ,
Заскочилъ на широкій дворъ
И соходилъ со добра коня,
Вошелъ во гридню во столовую,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Дюку Степановичу въ особину;
— Здравствуешь, Дюкъ Степановичъ!
— Ты почто насъ требуешь изъ чиста поля?—
Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
« Поѣзжай въ мое поселеньице,
« Посмотри, такъ ли я хвастаю,
« Такъ ли у меня въ домѣ дѣется?»
Онъ ему низешенько покланяется,
И выходилъ на широкій дворъ,

Садился на добра коня,
И поѣхалъ къ Индѣи богатыя.
И доѣзжаетъ Индѣи богатыя,
До того Волынь-города, до Галича,
До того до Дюкова дворавьица.
Увидѣлъ кругомъ двора булатній тынъ,
Наведено мѣдью Ярославскою,
Столбики были точеные,
А маковки были золоченыя,
Двери-то были рѣшетчатыя,
Подворотенки были серебряныя.
И поѣхалъ Добрыня на широкій дворъ:
По этому широку двору
Разостланы сукна одинцовыя.
Соходилъ Добрыня со добра коня,
Зашелъ во гридню во столовую:
Всѣ окошечки скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные,
Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.

Въ первой комнатѣ сидитъ старая женщина; не много на ней шелку: вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичь принимаетъ ее за Дюкову матушку и говоритъ ей:—Здравствуешь Дюкова матушка, честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна!—Старуха отвѣчаетъ ему: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница.» Дюкъ идетъ дальше по комнатамъ: въ каждой сидитъ по старой женщинѣ; первая вся въ красномъ золотѣ: то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ: то Дюкова стольница; третья вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ: то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрынѣ: «Ты напрасно спины не ломай и шеи не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка.»

Пошелъ онъ во церковь соборную.
Идетъ она изъ церкви соборныя:
Впереди идутъ лопатники,
За лопатниками идутъ метельщики,
За метельщиками идутъ суконщики,

Разстилают сукна одинцовыя.
Честную вдову Мамелфу Тимофеевну
Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекало ее солнце красное,
Не капала роса утренняя.
— Здравствуешь, Дюкова матушка! —
« Здравствуешь, удаленькій добрый молодецъ!
« Ты откулѣшный, добрый молодецъ? »
— Есть я изъ города изъ Кіева;
— Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:
— Захвасталъ онъ своимъ поселищемъ. —
« Ступай за мною, добрый молодецъ. »
Пришла во гридню столовую.
Полагали скатерти бранныя,
Посадили за столики дубовые,
Поставляли напиточки стоялые:
Такъ рюмочку пьешь, — по другой душа горитъ,
Горитъ душа, а третьей хочется.
Понесли колачиковъ крупичатыхъ:
Такъ колачикъ ѣшь, — а по другомъ душа горитъ,
Горитъ душа, а третьяго хочется.
Напился-наѣлся добрый молодецъ;
Отводили его въ ложню на кроваточку — рыбій зубъ.
Спалъ молодецъ трои сутки безъ просыпа;
На четверты вставаетъ на рѣзвы ноги;
Пойдетъ смотрѣть Дюково поселище.
Привели его въ конюшенки стоялыя:
Не знаетъ коннямъ и цѣны-то дать, —
Въ челкахъ и хвостахъ вплетано по камню драгоцѣнному;

Привели его въ кладовыя: въ кладовыхъ висятъ на стопочкахъ платьица драгоцѣнныя, усажены камнями самоцвѣтными. Стоитъ семьдесятъ столовъ: у каждаго стола по три человѣка; каждый человѣкъ на свою руку на щётахъ ходитъ, казну принимаетъ. Семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ. Говоритъ Добрыня Мамелѣ Тимофеевнѣ: — Честная вдова, Мамелфа Тимофеевна! Ты спусти

меня во Кіевъ градъ; ты съ добра спусти, съ добра уйду.—
Спускала его во Кіевъ градъ, на прощеньицѣ подарила ему
двѣ пары платья цвѣтнаго.

Садился Добрыня на добра коня,
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Заскочилъ на княженецкій дворъ,
Сходилъ со добра коня,
Зашелъ во гридню во столовую,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре на стороньки покланяется,
Князю Владиміру въ особину:
— Здравствуешь, молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Приказала матушка тебѣ кланяться.—
Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:
«Ѣздилъ ты въ Дюково поседьице:
«Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ поседьицемъ?»
— Онъ не столько хвастаетъ,—
— Вдвое, втрое въ домѣ дѣется.
— Станешь его поседьице описывать,
— Продать на бумагу весь Кіевъ градъ,
— На чернилы продать Черниговъ градъ!—
Говоритъ Чурилушка Пленковичъ:
«« Ударимъ съ тобой о великъ закладъ,
«« Щепомъ щепить *) по три года,
«« На каждый день носить платьица перемѣнныя;
«« Ударимся не о сотнягъ, не о тысячахъ,
«« Ударимъ о своей буйной головы?»»
По немъ по Чурилѣ Кіевомъ ручается,
По немъ по Дюкѣ никто не ручается,
Только голь кабацкая ручается.

Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ,
Обсѣдлывалъ бурушка, обуздывалъ,

*) Щеголять (усиленное). — Изд.

Самъ говорилъ таковы слова:
« Выручай хозяина изъ неволи изъ великія!»
Выводилъ коня съ широка двора,
Спустилъ коня изъ бѣлыхъ рукъ,
Самъ коню приговаривалъ.
Побѣжалъ конь ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго,
Прибѣжалъ въ Индѣю богатую,
Заскочилъ на широкій дворъ,
Копытомъ бьетъ да ржетъ!
Выходитъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна
И брала за поводы шелковые,
Уливалася слезами горючима:
« Пріѣзжалъ ко мнѣ злодѣй п......,
« Убилъ моего сына любимаго!»
Снимала сѣделко Черкасское,
Находила ящички потайные,
Ярлыки скорописчатые:
« Ай же, любимые мои конюхи!
« Кормите коня скоро на скоро,
« Скоро на скоро, сыто на сыто.»
Заводили коня въ конюшенку стоялую,
Насыпали пшены бѣлоярової,
Наливали меду сладкаго.

Призывала она своихъ счетчиковъ и велѣла имъ сосчитать, сколько на три года на каждый день платья перемѣнъ носить. Сколько сосчитали, столько платья вынули и полагали на бурушка косматаго. Все уложили, а Мамелфа Тимоѳеевна говоритъ: «Постой-ка я вынесу родителя-батюшки свитку поношену и брошену, вынесу лапотики шелковые изъ семи шелковъ Шемаханскіихъ, — въ пятахъ и въ носахъ вплетано по камню драгоцѣнному, вынесу шапку мурмалку.» Выносила и полагала на бурушка косматаго, выпускила его изъ бѣлыхъ рукъ. Побѣжалъ бурушка ко городу Кіеву и прибѣжалъ на третій день. Дюкъ Степановичъ снималъ съ него сѣделко Черкасское, обиралъ платье, а коня завелъ въ конюшню стоялую,

Посыпалъ ему пшены бѣлояровой,

Самъ раздумался и распечалился:
« Завтра ночь темная, осенняя;
« Дай-ка надѣну родительску одежицу,
« Надѣну лапотики шелковые
« И наложу шапочку мурмалку:
« Будетъ видно молодца за три поприща. »

И приходитъ ко церкви соборныя,
Становился на мѣсто посыльное.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Сходи-ка, Алеша, попровѣдай-ка,
— Какой пріѣхалъ посолъ, или скорый сватальщикъ,
— Али сильный-могучій богатырь,
— Али паленица удалая?—
Говоритъ Алешѣ Дюкъ Степановичь:
« До меня тебѣ, Алеша, дѣла нѣтъ. »
Узнавалъ его Алеша по голосу:
«« Поди къ намъ на крылосо на правое. »»

Съ того стали щепомъ щепить.
Годъ гуляютъ, и другой гуляютъ,
И стали гулять третій годъ.
Молодой Чурилушка Пленковичь
Сносилъ платье со всего съ Кіева,
И сталъ одно платье три дня носить.
Разгорячилось у Дюка ретиво сердце,
Разгорѣлась ручка правая,
Выдернулъ саблю вострую,
Возмолилися тутъ князья-бояра,
Дѣвки и бабы Кіевскія,
Чтобы не сѣкъ ему буйной головы.
Достали Илью Муромца изъ чиста поля.
Пріѣзжалъ Илья Муромецъ изъ чиста поля:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Не сѣки Чурилы буйной головы,
— Не честь-хвала молодецкая:
— Не знаютъ его сильные-могучія богатыри,
— Только знаютъ его дѣвки да бабы въ Кіевѣ.—

Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ну, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
« Ежелибъ не ты, ссѣкъ бы ему буйну голову».

Сѣли на добрыхъ коней,
Поѣхали во чисто поле полѣсковати,
Князья-боеpа,
Сильные Русскіе могучіе богатыри.
Дюкъ ѣдетъ сзади ступой бродучею,
Ѣдетъ ступой, коня обдерживаетъ,
А тѣ ѣдутъ во всю конскую рысь.
Говоритъ ему бурушко косматенькій:
— Ты бейся съ князьями о великъ закладъ,
— Только не бейся съ Ильею Муромцемъ;
— А въ задоръ войду,
— У Ильина коня уйду,
— Ни какому коню не удержати. —
Алеша Поповичь объѣзживаетъ его, обскакиваетъ:
«« Что ты своимъ конемъ похваляешься?
«« Ударимъ съ тобой о великъ закладъ,
«« Черезъ Днѣпру рѣку скакать за три версты,
«« За три версты за мѣрныя,
«« Ударимся о буйной головы».
Записали записи поручныя.
Алеша Поповичь гонялъ, торилъ добра коня,
И приправливалъ черезъ Днѣпру рѣку,
И упадалъ въ Днѣпру рѣку.
Дюкъ Степановичь не гонялъ, не торилъ добра коня,
Приправливалъ черезъ Днѣпру рѣку,
И скочилъ черезъ Днѣпру рѣку,
Схватилъ Алешу за желты кудри,
А правую ногу подъ коня подложилъ,
И вынесъ конь обѣхъ на ту сторону.
И поворотилъ назадъ добра коня,
Взялъ Алешу на пазуху,
И перескочилъ на ту сторону,
И соходилъ со добра коня,
И выдернулъ сабли вострую,

И ладитъ отрубить ему буйну голову.
Возмолилися князья-бояре,
Русскіе могучіе богатыри,
Не сѣкъ бы Алешѣ буйной головы.
Пнулъ онъ Алешу подъ ноги:
« Ты хвастунишка, поповскій сынъ!
« А живи во Кіевѣ со бабамы,
« А не ѣзди съ нами по чисту полю! »

Послѣ этого Дюкъ раздавалъ по монастырямъ цвѣтное платьице, сѣлъ на добра коня и поѣхалъ въ Индѣю богатую.

(Отъ калѣки Латышова).

25.

То же.

(Красныя Луги; ср. выше).

Въ Волынцѣ и въ городѣ Галичѣ,
И въ той Сорочинѣ широкія,
Изъ той Индіи богатыя
Поѣзжалъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
И сѣдлалъ себѣ маленькаго
Сивушка-бурушка и вѣщаго коуурушка,
И маленькаго-косматенькаго,
И накладывалъ уздицу семи шелковъ;
И потнички на потнички,
И войлочки на войлочки,
И сѣделышко себѣ Черкасское,
И возжики съ нацвѣтами.

И пріѣзжалъ онъ во стольный городъ Кіевъ градъ,
И приходитъ въ соборную Божію церковь,
Къ обѣдни воскресноей,
И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ помаргиваетъ,

А на князя Владиміра взглянетъ, —
Только головой покачаетъ,
На Апраксію королевичну взглянетъ, —
И рукой махнетъ.

И отошла обѣдня воскресная,
И такъ зазывали Дюка Степановича
Ко князю ко Владиміру во честной пиръ.
Садили за столы-тѣ за дубовые
И за тѣ ли скатертки берчатыя *)
И за питья за ѣства за сахарныя,
И понесли хмѣльные напиточки;
И онъ, подрюмочки пьетъ,
Другую черезъ край льетъ;
Принесли калачиковъ на закуску крупичатыхъ **)
Да онъ верхнюю корочку ѣстъ,
А нижнюю откладываетъ.
Спросилъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Да что же ты, гость любимый,
— Да ты коей земли, да ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя по отечеству? —
И говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ Вольшца изъ города изъ Галича,
« Изъ той Сорочины изъ широкія
« Изъ той ли Индіи изъ богатыя. »
И спросилъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Что же ты, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
— Былъ ты сегодня у обѣдни у воскресныя,
— Но только Богу не молился,
— Только по церкви посматривалъ? —
« То я посматривалъ,
« Что у васъ противъ нашей церкви
« Десятой доли нѣтъ;
« И у тебя, Владиміръ князь столенъ-Кіевскій,

*) Берчатыя, браныя. — *Изд.*
**) Крупичатыхъ — *Изд.*

« Платье какъ у насъ у самого бѣднаго.
« Но и у тебя супруга Апраксія королевична,
« Такъ у насъ этакъ бѣдная женщина средняя.
« У васъ въ палатахъ-то бѣлокаменныхъ
« Противъ нашего—послѣдній домъ.
« У насъ на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
« На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ,
« На небѣ луна, и въ теремѣ луна.
« У васъ напитки пахнутъ на дерево сосновое:
« Да у насъ напитки—рюмочку пьешь,—
« А по другой душа горитъ,
« А третьей хочется;
« А колачики эти называются крапивчаты у васъ:
« Да пахнутъ на кору сосновую;
« Да столько у насъ колачики—одного всѣ,—
« По другомъ душа горитъ,
« А третьяго хочется;
« Печки-то у насъ муравленыя,
« А помельца-то шелковыя:
« Такъ и не пахнутъ на кору сосновую!»
И за тѣмъ столомъ дубовыимъ
Сидитъ Чурила Пленковичъ,
И самъ говоритъ таково слово:
«« Ахъ, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
«« Не пустымъ ли ты хвастаешь?
«« Да ударимся-ко мы съ тобой во великъ закладъ:
«« Зачнемъ-ко мы съ тобой щепомъ щепить на три года,
«« У котораго платья больше есть,
«« Да что день, то платье перемѣнное.»»
И говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Давай-ко, Чурила Пленковичъ,
« Кто кого перещепитъ;
« Да не то у меня на три года,—
« Будетъ платья на семь лѣтъ.»
И ударились они о великъ закладъ
Щеголять на три года,
Что день, то платье перемѣнное.

Ну и говоритъ Владиміръ князь да столенъ Кіевскій:
— Да кого послать во Индію богатую
— Да за платьемъ за Дюковымъ? —
И говоритъ Олеша Поповичевъ:
«« Да пошлите меня,
«« Владиміръ князь столенъ Кіевскій,
«« Да за Дюковымъ за платьицемъ.»
Говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Да не спущу тебя, Олеша Поповичевъ,
« Во свою Индію богатую:
« Да твои глаза поповскіе завидливы,
« Заѣдешь туды къ намъ, тамъ и назадъ не выѣдешь.
« Да пошлемъ лучше Добрынюшку Никитьевича.»
И говоритъ Владиміръ князь да столенъ-Кіевскій:
— Поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитьевичъ,
— Во ту ли Индію въ богатую,
— Вези-ка Дюцу платья на три года.

И справился Добрынюшка Никитьевичъ,
И скоро сдается, а по успѣху дѣло исправляется.
И пріѣзжаетъ въ Волынцю въ городъ Галичъ,
Въ ту Сорочину широкую,
И въ ту ли Индію въ богатую.
И доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И идетъ въ его теремъ златоверховатый.
И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
На небѣ сонце, и въ теремѣ сонце,
На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ.
И сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
И приходитъ онъ и покланяется:
« Здравствуешь, Дюкова матушка! »
Она отвѣчаетъ ему:
— Я не Дюкова матушка,
— Я Дюкова работница;
— Ступай туды во второй покой. —
Приходитъ во второй покой,
Сидитъ женщина,

Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
И женщина отвѣчаетъ ему:
— Я не Дюкова матушка,
— Я Дюкова портомойница;
— Ступай впередъ въ третій покой. —
Приходитъ онъ въ третій покой,
Сидитъ женщина;
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Женщина ему отвѣчаетъ:
— Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова нянюшка;
— Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
— Да всѣмъ тебѣ не накланяться;
— А Дюкова матушка къ обѣдни ушла,
— Подь къ обѣдни воскресенья;
— Да смотри; да всякому не кланяйся;
— Когда пройдутъ мятельники изъ церкви,
— Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
— Тогда Дюкову матушку
— Ведутъ дѣвицы подъ руки,
— Она вся въ каменьяхъ драгоцѣнныихъ.
И тогда пошелъ Добрыня Никитьевичъ
Къ обѣдни воскресенья;
И стоитъ онъ у церкви у соборныя,
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресенья;
И народъ идетъ — кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ;
Да пошли и мятельники,
Да пошли и лопатники,
Позадѣ Дюкову матушку
Ведутъ дѣвицы подъ руки;
И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

— Здравствуй, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Звеличають какъ по отчеству?—
« Я изъ стольнаго города Кіева,
« По имени Добрыня Никитьевичъ,
« И привесъ тебѣ письма да отъ сына,
« Да отъ Дюка Степановича.»
И подаваетъ ей писемышко.
И прочитала письмо Дюкова матушка,
Сама говоритъ таково слово:
— Ой ты, сынъ мой возлюбленный,
— Изъ-по имени боярскій сынъ,
— Боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ!
— Инюрате *) въ чужихъ людяхъ хвастаешь!
— Да надо не потерять тебѣ
— Своей буйной головы!—
И зазвала Добрыню хлѣба-соли кушати,
Бѣлой лебеди рушати;
И поднесла ему напиточекъ, и точно правда:
Рюмочку пьешь,—по другой душа горитъ,
Душа горитъ, а третьей хочется;
Всякого кушанья довольно,
И не ѣдалъ Добрыня Никитьевичъ
Во городѣ Кіевѣ экого кушанья.
И посылаетъ Дюкова матушка
Сыну платьица на три года:
Что день, то платье перемѣнное.

И поѣхалъ Добрыня Никитьевичъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ онъ ко князю ко Владиміру,
И спрашиваетъ князь Владиміръ
У Добрыни Никитьевича:
— Что, правда ли хвасталъ боярскій сынъ,
— Боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ?—

*) Больно, сильно.—*Изд.*

И говоритъ Добрыня да Никитьевичъ: —
« Да не окупить сему *) городу Кіеву —
« Одного Дюкова дому. —
И отдаваетъ Дюку платьица. —
И стали щеголять съ Чуриломъ Пленковичемъ —
Боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ.
И у Чурила платья перемѣннаго
Хватило только на три мѣсяца;
И сталъ опять платье то же держать,
Платье то же держать старинное.
И ухватилъ боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ
Того ли Чурила Пленковича,
И съ конемъ въ карманъ посадилъ.
И стали тутъ покланятися —
Боярскому сыну Дюку Степановичу:
« « Выпусти изъ кармана хвастуна Чурилу Пленковича? » »
И спустилъ Дюкъ Степановичъ Чурилу Пленковича:
« Поди, хвастунъ Чурила Пленковичъ, —
« Впередъ болѣ ты не хвастайся. »
И простился боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Со стольнымъ со княземъ Владиміромъ,
И со всѣми Кіевскими богатырями,
И уѣхалъ во свой Волынецъ городъ Галичій,
Во ту Сорочину широкую,
Во ту ли Индію богатую,
Ко своей-то родителю ко матушкѣ.

(Отъ старика калики, записано въ Іюнѣ 186[illegible] г.)

30.

ТО ЖЕ.

(Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда).

Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
Во той Корелѣ богатыи,
Не кувыль-трава шатается,

*) Всему? — Изд.

Не бѣла береза нагибается,
Сынъ со матушкой прощается,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Анельфой Александровной:
« Ай же свѣтъ государыня-матушка,
« Честная вдова Анельфа Александровна!
« Долго ли мнѣ жить во глупомъ во маломъ во ребячествѣ,
« Ходить мнѣ дома во кунной ферязи,
« Съ ребятами тѣшиться?
« Пора мнѣ съѣздить во чисто поле,
« Поразломать мнѣ своего плеча богатырскаго,
« Спробовать силы-удачи молодецкія,
« Разгонять мнѣ бурушка косматаго.»
Она ему говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не бывалъ ты, молодецъ, во чистомъ полѣ,
— Не слыхалъ ты писку и визгу Татарскаго,
— Дѣла ратнаго, походки богатырскія:
— Можешь ли вынести изъ чиста поля головушку?
— Лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю Владиміру;
— Солнышко князь стольно-Кіевскій
— На пріѣздѣ заводитъ столованье — почестенъ пиръ
— Для васъ, для удалыхъ для молодцевъ,
— На поѣздѣ онъ васъ жалуетъ
— Многою несчетной золотой казной. —
« Ай же, свѣтъ государыня-матушка!
« Куда мнѣ съ безсчетной золотой казной?
« Лучше я поѣду во далече-далече во чисто поле;
« Давай мнѣ прощенье-благословеніе родительско,
« На вѣки не рушимое,
« Благословляй меня во чисто поле.»
Потомъ какъ шелъ на широкъ на дворъ,
Изъ широка двора шелъ на стойлу лошадиную,
Бралъ онъ бурушка косматаго,

Выводилъ онъ бурушка на широкъ дворъ.
Сталъ онъ сѣдлать-уздать добра коня.
Кладалъ онъ потники на потники,
Войлоки кладалъ на войлоки,
На верёхъ кладалъ кованo сѣдло Черкацкое,
Подтягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для-ради красы-басы,
А для-ради крѣпы богатырскія.
Подпруги-тѣ были чистаго серебра,
Пряжечки и шпиньки краснаго золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ Шемаханскій.
Шелкъ-то не рвётся и не трётся,
Булатъ-то не ржавѣетъ,
Золото не мидѣетъ,
Серебро не зелизѣетъ.
Онъ опять пошелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платье дорожное,
Кладывалъ туги луки во налучники,
Калены стрѣлы во колсана *),
Вязалъ крѣпки палицы на бедро свое,
Отправлялся во далече-далече во чисто поле,
Молился тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
Спасу и Пречудной Богородицы.
Прощался свѣтъ съ государыней матушкой,
Со честной вдовой Афимьей Александровной.
На поѣздѣ-то молодцу матушка наказывала:
— Какъ будетъ-то молодецъ во чистомъ полѣ,
— Такъ не ѣзди ты на крутую славную гору колом-
атую:
— Туда много заѣзжало славныхъ добрыхъ молодцевъ,
— А оттуда мало возвращалося;
— А будешь какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
— У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру,
— Такъ не хвастай-ка ты своимъ имѣньемъ-богаче-
ствомъ,

*) Колчаны.—*Изд.*

— Не хвастай своей многою бесчетной золотой казной.—
Тутъ онъ простился со своей родителью-матушкой,
Садился молодецъ на добра коня,
Поѣхалъ во далечо-далечо во чисто поле.

Ѣхалъ онъ по чисту полю,
Случилося ѣхать мимо славную гору шеломчатую,
Захотѣлося ему заѣхать на гору шеломчатую,
Началъ онъ по горы поѣзживати,
Началъ онъ своей силы пробовати,
Туги луки натягивати,
Началъ онъ каленыхъ стрѣлъ пострѣливати:
Стрѣлялъ онъ первую стрѣлочку во сто рублей,
Стрѣлялъ другую во тысячу,
Стрѣлялъ третью стрѣлочку—и цѣны-то нѣтъ.
Потому стрѣлочкѣ цѣны-то нѣтъ:
Во вострой конецъ былъ врощенъ гвоздочекъ шеломчатыий,
А во середочку былъ врощенъ камешечикъ самоцвѣтныий,
А во тупой конецъ было врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Самъ себѣ призадумался:
«Стать мнѣ этихъ стрѣлокъ пострѣливать,
«То не наполнить мнѣ имѣнья во чисто поле.»
Тутъ онъ на той горы шеломчатыя
Не могъ найти себѣ поединщика;
И спустился съ той горы шеломчатыя,
Увидалъ на сыромъ дубу ворона чернаго-граючаго,
Говорилъ онъ ворону таковы слова:
«Ай же ты, воронъ, птица вѣщая!
«Натяну я свой тугой лукъ,
«Кладу свою калену стрѣлу,
«Спущу твою я тушу о сыру землю,
«И распущу твое я перье по чисту полю,
«И пролью твою кровь по сыру дубу,
«Предамъ тебѣ я смерть да скорую:

«Не попадай впереди сильнаго-могучаго богатыря!»
Какъ воронъ провѣщалъ голосомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Ты не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
— Не давай-ка смерти напрасныя:
— Поѣзжай ты впередъ по чисту полю,
— Найдешь себѣ поединщика,
— По плечу себѣ супротивника;
— Столько не будетъ съ тебя съ молодца дѣло поправиться *).—

На той на радости на великія,
Какъ поѣхалъ онъ впередъ по чисту полю,
Какъ наѣхалъ онъ на ступь лошадиную:
Проѣхано впереди его у богатыря,
У лошади-то скакано,
Вывертывана копытами мать сыра земля,
Какъ сильными рѣшатами.
Онъ поѣхалъ вслѣдъ по слѣду лошадиному,
Засталъ богатыря во чистомъ полѣ.
Раздернутъ у богатыря шатеръ бѣлъ-полотняный,
Поставлена лошадь бѣлая
Къ тому шатру полотняному,
Насыпано въ полость бѣлую пшеницы бѣлояровой.
Такъ онъ поглядѣлъ какъ на того коня богатырскаго,—
Еще не такъ обсѣдланъ его добрый конь,
Еще покрѣпче подтянуты подпруги богатырскія;
Онъ тутъ-то сталъ да пораздумался:
«Теперь-то мнѣ на уѣздъ какъ поѣхати—не уѣхати,
«Какъ въ шатеръ итти—такъ убьетъ меня богатырь;
«Да-ко я поставлю своего бурушка косматаго
«Ко одной ко полости ко бѣлыя,
«Ко одной пшеницы бѣлояровой:
«Ежели кони станутъ смирно ѣсть ту пшеницу бѣлоярову,
«То пойду въ шатеръ,—меня не тронетъ богатырь;

*) Только не достанетъ у тебя силы поправиться съ супротивникомъ.—*Изд.*

« Ежели кони драться станутъ у той пшеницы бѣлояровой,—
« Я поѣду на уѣздъ, ежели могу *) уѣхати.»
И становилъ добра коня къ одной ко полости-то бѣлыя,
Къ одной пшеницы бѣлояровой:
Кони смирно стали ѣсть ту пшеницу бѣлоярову.
Онъ пошелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Крестъ онъ тамъ сполна кладетъ по писаному,
Какъ поклоны велъ-то по ученому,
Какъ клонился на всѣ четыре стороны;
Поглядитъ какъ—въ углу спитъ богатырь,
Спитъ-то храпитъ—какъ порогъ шумитъ,
Какъ порогъ шумитъ, какъ сильный;
Поглядѣлъ богатырю въ очи ясныя
На его на надпись богатырскую,—
Ажно спитъ казакъ Илья Муромецъ.
Онъ сталъ будить какъ богатыря,
Срычалъ онъ громкимъ голосомъ:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Пора намъ ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко славному князю ко Владиміеру,
« Ко ранней обѣденки воскресенскія.»
Онъ спитъ да не пробудится.
Онъ второй разъ срычалъ громкимъ голосомъ,—
Спитъ богатырь да не пробудится.
Срычалъ онъ въ третій наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ, во всю голову:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Намъ пора ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко славному князю ко Владимеру,
« Ко ранней обѣдни воскресенскія.»
Онъ отъ крѣпкаго сну пробуждается,
Какъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ты скажи-ка, добрый молодецъ,
— Ты съ коей земли, ты съ коей орды,

*) Не могу ли.—*Изд.*

— Какъ тя, молодца, именемъ зовутъ,
— Ты какого отца, какой матери,
— Ты на что меня будишь отъ крѣпкаго сну богатырскаго,
— Аль тебя бьютъ во чистомъ полѣ мурзы-Татара поганые,
— Аль самому тебѣ хочется со мной съѣздить во чисто поле,
— На дѣло на ратное, на побоище смертное,
— Кто изъ насъ повынесетъ изъ чиста поля буйны головы?—
Онъ тутъ какъ порасплакался:
« Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ Корелы богатыя,
« Есть молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
« А я не на то тебя будилъ,
« Чтобы ѣхать на дѣло на ратное:
« Что мнѣ ѣхать въ чисто поле,
« Когда у тебя на бою смерть не написана?
« Мнѣ ѣхать—только положить своя буйная головушка;
« А я на то будилъ тебя,
« Что мнѣ будетъ надежный товарищъ во чистомъ полѣ,
« Повыучитъ ко всей поѣздкѣ богатырскія.»
Старому казаку Ильѣ Муромцу
Его рѣчь прилюбилася;
Вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Какъ бралъ молодаго боярина за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ меньшимъ крестовымъ братцемъ.
Тутъ какъ два удалыхъ два молодца
Садились за столики дубовыя,
Начали пить зелено вино,
Запивать медами стоялыми,
Закусывать колачиками крупичатыми.
На тую на пору на времячко

Наѣхалъ изъ чиста поля поганое Идолище;
Становилъ какъ добра коня ко ихъ шатру,
Ко ихъ шатру бѣлополотняному,
Самъ пошелъ въ ихъ шатеръ бѣлополотняный;
Какъ приходилъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Русскому Богу не молится,
Имъ молодцамъ не клонится,
Не клонитъ буйныя головы;
Какъ говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ
Поганому Идолищу:
— Ай же ты, поганый Идолище!
— Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати,
— Пить водочекъ сладкіихъ,
— Медовъ стоялыихъ.—
Какъ говоритъ поганый Идолище:
«« Чтò мнѣ садиться съ вами кушати?
«« Какъ у васъ одна малая булочка:
«« Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти *),
«« По бѣлой лебеди на разъ закусываю.»»
Такъ тутъ и говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Очень же ты силенъ есть!—
Говоритъ поганое Идолище:
«« Я силенъ-то есть;
«« Проѣхалъ я Турецію и Швецію,
«« Казань, и Рязань, и Вострахань,
«« Не могъ себѣ найти я по плечу поединщика.»»
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Теперь-то ты наѣхалъ себѣ по плечу поединщиковъ;
— Ежели повыѣдешь съ нашего шатра бѣлополотнянаго,
— Тогда не найдется тебѣ больше поединщика.
— Ай же, поганый Идолище!
— Послушай-ка, чтò я тебѣ скажу:
— Какъ во славномъ во городѣ во Муромлѣ,
— Въ томъ селѣ Карачаевѣ,
— У родителя у батюшка

---

*) За одинъ разъ, на одинъ кормъ.—*Изд.*

— Какъ была кобыла-та обжорлива:
— Жрала по возу сѣна къ выти,
— По лохани пила варенины;
— Жрала-жрала, такъ ее и треснуло;
— Такъ тебя, удалаго молодца, какъ не треснетъ?—
Ему рѣчи не прилюбилися, поганому Идолищу;
Схватилъ вострой ножище-кинжалище,
Бросилъ во стараго казака Илью Муромца.
Онъ зналъ увертки богатырскія:
Увернулся отъ раза великаго,
Скоро скочилъ онъ на рѣзвы ноги,
Хватилъ онъ шляпу пуховую,
Честнулъ его шляпой пуховою,—
Поганый Идолище палъ о матушку сыру землю,—
И столько онъ и живъ бывалъ.
Тутъ два братца, два крестовые,
Выходили на улушку широкую;
То старый казакъ Илья Муромецъ
Бралъ коня поганаго Идолища,
Честнулъ межь очи ясныя своей палицей желѣзною,—
Тотъ конь-то палъ на матушку сыру землю,
И мертвой лежитъ.

*

Тутъ два братца, два крестовые,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Поѣхали ко славному ко городу ко Кіеву.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Припущаетъ на добромъ конѣ во всю пору лошадиную,
А молодой бояринъ на бурушкѣ своемъ косматоемъ
Обскакивалъ Илью Муромца.
Не доѣхали до города за три поприща,
Становился старый казакъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Самъ говоритъ братцу крестовому:
— Поѣзжай-ка ты, братецъ, во славный во городъ во Кіевъ,
— Поспѣешь ко ранней обѣденки воскресенскія.

— Для тебя солнышко князь стольно-Кіевскій
— Станетъ звать тебя отъ обѣдни на почестной пиръ,
— Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
— Многой безсчетной золотой казной;
— А станутъ ли тебя обижать во городѣ во Кіевѣ,
— Держи-ко ты ко мнѣ вѣсточку во чисто поле,
— Ко моему шатру бѣлополотняному,—
— Такъ тогда не обидятъ больше во городѣ во Кіевѣ.—

Тутъ поѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Ко славному ко городу ко Кіеву.
Онъ поспѣлъ ко ранней обѣденки воскресенскія;
Пріѣзжалъ ко церкви ко соборнія,
Спускался онъ со добра коня,
Становилъ какъ онъ добра коня
Ко столбику ко точеному, ко колечку волоченому,
Куда ставятъ коней сильные-могучіе богатыри;
Шелъ во церковь въ соборьнюю;
Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Тутъ его не узналъ солнышко Владимеръ князь,—
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ,—
Самъ говорилъ таковы слова:
— Скажись-ка ты, добрый молодецъ,
— Съ коей земли, съ коей орды,
— Коего отца и какой матушки,
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
Онъ отвѣчалъ ему таковы слова:
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ той Корелы богатыя,
« Изъ славнаго города изъ Галича,
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь.»
Тутъ-то у солнышка князя у Владимера
Стоялъ подъ рукою подъ правою
Молодой Чурила сынъ Пленковичь;
Говорилъ Чурила таковы слова:

«« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій! —
«« Это есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичь,
«« А это есть пастушина деревенская,
«« Либо халуина господская:
«« Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
«« Угналъ онъ добра коня;
«« А для того онъ называется добрымъ бояриномъ,
«« Чтобы ты для его забралъ столованье — почестный пиръ,
«« На поѣздѣ нажаловалъ многою безсчетной золотой казной.»»
Онъ спросилъ его и въ другой наконъ:
— Ты скажись, добрый молодецъ,
— Ты скажи да правду истинну,
— Ты какой земли, ты какой орды,
— Какъ тя, молодца, именемъ зовутъ? —
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ той Корелы богатыя,
« Изъ славнаго города изъ Галича,
« Какъ есть молодой бояринъ Дюкъ Степановичь.»
Опять и говоритъ Чурила таковы слова:
«« Ай же, солнышко Владимеръ стольно-Кіевскій!
«« [Дѣйствительно] не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
«« Пастушина деревенская, или халуина господская:
«« Уѣхалъ онъ отъ купца, или отъ барина,
«« Угналъ онъ добра коня;
«« И для того онъ называется молодымъ бояриномъ,
«« Чтобы ты для его забралъ столованье — почестный пиръ,
«« На поѣздѣ нажаловалъ многой несчетной золотой казной.»»
Онъ спросилъ его во третій наконъ:
— Ты скажись, доброй молодецъ,
— Ты какой земли, ты какой орды,
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ? —
Онъ опять отвѣчаетъ ему таковы слова:

«Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
«Что̀ ты сталъ у меня спрашивать?
«Вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ не для хлѣба не для соли,
«Да не для бесчетной золотой казны
«И не для честныхъ пировъ:
«А для того пріѣхалъ, — посмотрѣть вашего города Кіева,
«Потому что про вашъ про городъ про Кіевъ
«Идетъ слава великая
«По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
«И еще пріѣхалъ изъ чиста поля
«И поспѣлъ ко ранней обѣдни воскресенскія,
«Господу Богу помолитися,
«Тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
«Спасу, Пречистой Богородицѣ.
«Прослужу я молебенъ тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
«И поѣду вонъ изъ города изъ Кіева.
«Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
«То бы я не былъ и во Кіевѣ.»
Тутъ-то солнышко князь стольно-Кіевскій
Бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ молодымъ да бояриномъ Дюкомъ Степановичемъ.

Столько отошла обѣдня воскресенская,
Какъ бралъ его солнышко князь стольно-Кіевскій за бѣлы руки,
Повелъ въ свои полаты княженецкія,
Приказалъ добра коня привязать на стойла лошадиныя,
Идутъ-то они по городу по Кіеву
Къ тѣмъ полатамъ княженецкіимъ,
Молодой бояринъ идетъ—на сапожки поглядываетъ.
Тутъ-то говоритъ Чурила таковы слова:
«« [Дѣйствительно] есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«« Онъ идетъ и на сапожки поглядываетъ.»»

Тутъ-то говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Какъ у васъ во Кіевѣ всё не по нашему:
« Нѣтъ мостовъ-то каленыихъ *),
« Мараются мои сапожки сафьяные во грязь да во черную.
« Во той земли, въ богатой орды,
« Во той Корелы богатыя,
« Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
« У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« Отъ Божьихъ церквей до своихъ полатъ бѣлокаменныхъ
« Вымощены мосты каленыи,
« Настланы сукна одинцовыя.»
Тутъ они прошли въ полаты княженецкія,
Тутъ солнышко Владимеръ князь
Забиралъ для удалаго молодца столованье—почестный пиръ,
Многихъ князей и бояриновъ думныихъ,
И вельможъ, купцовъ богатыихъ,
И поляницъ удалыихъ, и Россейскихъ могучіихъ богатырей.
Пошло у нихъ столованье—почестный пиръ.
Какъ тутъ всѣ на пиру напивалися,
Какъ всѣ на пиру наѣдалися,
Похвальбами всѣ похвалялися;
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ,
Умной и разумной хвастаетъ
Старымъ батюшкой и старой матушкой,
А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Молодой бояринъ сидитъ — да ни чѣмъ онъ не хвастаетъ;

*) Калиновыхъ.—Изд.

Потому онъ не хвастаетъ,
Что чару пьетъ,—а другу за окошко льетъ,
Колачикъ ѣстъ,—а другой подъ столъ мечетъ,
А съ инаго верхнюю корочку вырѣжетъ, — на столъ
кладетъ,
Середочку самъ онъ съѣстъ,
А нижнюю корочку подъ столъ кинетъ.
И увидѣлъ его солнышко Владимеръ князь:
— Что же ты, молодой Дюкъ Степановичь,
— Чару пьешь,—другу за окошко льешь,
— И колачикъ ѣшь,—другой подъ столъ мечешь,
— Съ иннаго верхнюю корочку вырѣжешь — на столъ
кладешь,
— Середочку самъ ты съѣшь,
— А нижнюю корочку подъ столъ мечешь?—
Опять и говоритъ молодой бояринъ таковы слова:
« Не могу я ѣсть вашихъ колачиковъ,
« Не могу я пить вашихъ напиточекъ сладкіихъ,
« Потому что ваши напиточки сладкіе, меды да сюпмые
« Повѣщены въ погреба глубокіе,
« Туда не ходятъ вольные воздухи,—
« Оны тамъ заткнулися *):
« Потому и не могу я пить вашихъ сладкихъ напиточ-
ковъ.
« А у васъ еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
« Пашутъ печки кирпичныя,
« Пекутъ колачики крупичаты,—
« Они пахнутъ на фою **) сосновую:
« Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.
« Въ той-то земли, во богатой орды,
« Во той Корелы богатыя,
« Во славноемъ городѣ во Галичѣ,
« У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« Есть у насъ печки муравлены,

*) Сдѣлались затхлыми, задохлись.—*Изд.*
**) На хвою.

« Помяльчика шелковыя,
« Купають въ росу медовую.—
« Пашутъ печки муравлены,
« Пекутъ колачики крупичатые:
« Колачикъ съѣшь,—другаго хочется,
« Другой-то съѣшь,—по третьемъ душа горитъ.
« Эта хвальба да не похвальба:
« Какъ водочки сладкія, меды стоялые
« Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
« Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ,
« Туда подведены вѣтры буйные;
« Повѣютъ вѣтры буйные въ чистомъ полѣ,
« Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ,—
« И загогочутъ бочки какъ лебеди,
« Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
« Такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія
« И меды стоялые;
« Какъ чару пьешь,—другой хочется,
« Другую пьешь,—по третьей душа горитъ.»
Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай какъ бы на это на пору на времячко
— Былъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
— Онъ бы зналъ, чтò съ тобою поговорить!—
Скоро-па-скоро двери на пяты отворяются,
Чурило въ покои появляется;
Крестъ-то онъ кладалъ по писаному,
Поклонъ онъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре на стороны,
Князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Протчимъ всѣмъ князьямъ и боярамъ думнымъ,
Вельможамъ и купцамъ богатыимъ,
И поляницамъ удалыимъ,
И сильнымъ-могучимъ богатырямъ всѣмъ въ особину;
А ему не клонитъ буйныя головы.
Тутъ говорилъ бояринъ Дюкъ Степановичъ таковы слова:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь, стольно-Кіевскій!

« Это кто пришелъ къ вамъ въ полаты бѣлокаменны,—
« Настоящая пастушина деревенская,—
« Аль будто пень залѣсскій *)?—
« Онъ зналъ-то Господу Богу покланяться
« И тебѣ князю поклонитися,—
« А мнѣ, удалому заѣзжему доброму молодцу,
« Не клонитъ буйныя головы!»
Тутъ съ Чурилой пошло слово за слово,—
Тутъ съ Чурилой пороссорилися.—
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ таковы слова:
« Ай же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
« Можешь ли ты со мною споровать?—
« Ты передо мною пастушина деревенская.
« Въ той-то земли, въ богатой орды,
« Во той Корелы богатыя,
« Во славномъ городѣ во Галичѣ,
« У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
« Потому жь оны не держатся,
« Что швецы у насъ не выводятся;
« Та толпа швецовъ со двора сошла,
« А другая толпа швецовъ да на дворъ пришла.
« Это хвальба да не похвальба:
« Есть нѣсколько лошадей—стоятъ на стойлахъ лошадиныихъ,
« Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
« Только выскочатъ на чисто поле прогулятися.
« Это хвальба да не похвальба:
« Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, всё глубокіихъ,
« Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга;
« На одинъ я на погребъ—на красное на золото—
« Скуплю и спродамъ вашъ городъ Кіевъ.»
Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбилися:

*) Вспомнимъ при этомъ грубаго Залѣшанина.—Изд.

— Какого намъ послать обчѣнщика,
— Обцѣнить животы всѣ Дюковы?
— Ежели послать смѣлаго Алёшу Поповича,—
— У его глаза завидные-поповскіе,
— Заглядятся у него глаза на Дюково имѣнье-богачество,
— Такъ не обцѣнитъ живота Дюкова;
— А ежели послать молода Чурилу сына Пленкова,—
— Такъ тотъ щапливъ межь бабами да межь дѣвками,—
— Такъ не оцѣнить Дюкова живота.
— Надо послать грамотой востраго,
— На рѣчахъ разумнаго, съ гостями почестливаго:
— Послать иннаго не кого,—
— Послать молода Добрыню Никитича!—
И записали молодаго Добрыню Никитича обцѣнщикомъ,
Обцѣнивать Дюковыхъ животовъ.
Какъ тутъ навалили три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
И отпускали во городъ во Галицу молодаго Добрыню Никитича.

Скоро скажется, а по спѣху дѣло дѣется.
Какъ скоро будетъ Добрыня Никитичь
Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
И не знаетъ, гдѣ найти Дюковой матушки.
Поглядитъ какъ — народъ идетъ отъ обѣдни воскресенскія;
Онъ спросилъ у нѣкоторыхъ людей про Дюкову матушку,
Говорили ему таковы слова:
«« А не найти тебѣ Дюковыхъ полатъ бѣлокаменныхъ скоро,
«« А дожидай, — идетъ Дюкова матушка отъ обѣдни воскресенскія,
«« То она сама покажетъ полаты бѣлокаменны.»»
Онъ и поглядитъ: ведутъ стару старуху, старо-матеру,
Подъ руку пять дѣвицъ и подъ другую пять дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду и поздраствовался:

« Здраствуйте, Дюкова матушка!»
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова халуйница;
— Дюкова матушка назади идетъ.—
Поглядитъ: а ижно ведутъ вторую,
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку десять дѣвицъ
И подъ другую десять дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду—поздраствовалъ:
« Здравствуй, Дюкова матушка!»
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
— Дюкова я рукомойница.—
Третью ведутъ старуху, старо-матеру;
Подъ руку ведетъ пятнадцать дѣвицъ
И подъ другую ведутъ пятнадцать дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду и поздраствовалъ:
« Здраствуйте, Дюкова матушка!»
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
— А Дюкова постельница;
— Дюкова матушка позади идетъ.—
Поглядитъ: а ижно четвертую ведутъ
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку двадцать дѣвицъ
И по другую руку двадцать дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду и поздраствовалъ:
« Здраствуйте, Дюковая матушка!»
— Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова колашница;
— Дюкова матушка позади идетъ.—
Поглядитъ: а ижно пятую ведутъ,
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ
И по другую тридцать дѣвицъ;
Надъ ней несутъ подсолнечникъ,
Чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое;
Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
Сзади сукна убираютъ;
У ней надѣто платье цвѣтное,

На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекетъ красное солнышко
И свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Разсыпаются частыя-мелкія звѣздочки.
Онъ зашелъ тутъ спереди и поздраствовалъ:
«Ты, здраствуй, Дюковая матушка!»
Она брала его за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Называла его удалымъ-добрымъ молодцемъ:
— Здравствуй, удалый-добрый молодецъ!
— Съ коей земли, съ коей орды,
— Коего отца, какой матушки,
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
Онъ говоритъ: «Я изъ той земли, изъ богатой орды,
«Изъ славнаго города изъ Кіева,
«Молодой Добрыня Никитиничь.
«Я видѣлъ твоего сына любезнаго во городѣ во Кіевѣ,
«У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру:
«Онъ хвасталъ тобою, матушкою,
«И несчетной золотой казной;
«Такъ я пріѣхалъ описывать вашихъ животовъ.»
Она говоритъ ему таково слово:
— Ай же, молодой Добрыня Никитиничь!
— Нашихъ животовъ тебѣ не описать и не оцѣнить.—
Брала за бѣлы руки,
Повела въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы дубовые, за яства сахарныя,
Подносила ему колачики крупичаты,
Водочки сладкія, меды стоялые.
Онъ какъ чару пьетъ,—другой хочется,
Другую пьетъ,—по третьей душа горитъ;
Колачикъ ѣстъ,—другой хочется,
Другой ѣстъ,—по третьемъ душа горитъ.
Она и говоритъ ему таковы слова:
— Ай же, Добрыня Никитиничь!
— Пора тебѣ итти мои животы описывать.—
Вела она ко первому погребу—къ красному золоту;
Приказала золото выкатывать:

Онъ сдержалъ *) три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
Но не хватило одного погреба описать.
Она повела по другимъ по остатніимъ по погребамъ:
Онъ столько головой пошатываетъ.
Повела, гдѣ висятъ платья цвѣтныя:
Онъ столько головкой пошатываетъ
И не можетъ примѣнить ума-разума.
Повела, гдѣ стоятъ добры кони:
Онъ столько головкой пошатываетъ.
Какъ тутъ онъ скорымъ-скоро садился на добра коня,
Ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко славному солнышку князю ко Владимеру.

Пріѣзжалъ къ солнышку князю ко Владимеру
И говоритъ ему таковы слова:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Гдѣ намъ оцѣнить Дюковы животы?!
« Какъ я сдержалъ три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
« Но не могъ оцѣнить одного погреба;
« А всѣхъ насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ;
« Сколько виситъ платья цвѣтнаго,
« Сколько стоитъ добрыхъ коней на стойлахъ конюшныхъ,—
« Не найти намъ оцѣнщиковъ во славномъ городѣ во Кіевѣ,
« И не наполнить бумаги гербовыя
« На имѣньице на Дюково.»
И говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:
«« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
«« Подкупилъ Добрынюшку молодой Дюкъ Степановичъ.»»
Говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:
«« Когда много у него имѣнья-богачества,
«« Ударить съ нимъ о великъ закладъ,

*) Издержалъ, потратилъ.— *Изд.*

«« О тридцати о тысячахъ:
«« Который изъ насъ прощапитъ ровно три года,
«« Чтобы были въ каждый день платья перемѣнныя и кони перемѣнные,
«« Чтобъ ѣздить на каждый день къ заутрени, къ обѣдни и вечерни.»»
То говоритъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Извольте, бейте объ закладъ великій,
« Буду щапить три года по городу по Кіеву.»
Ударили они о тридцати о тысячахъ.

И тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Писалъ къ своей матушкѣ письма строгія:
« Ай же, свѣтъ моя матушка,
« Честна вдова Афимья Александровна!
« Присылай-ка мнѣ много платья цвѣтнаго,
« Чтобы хватило мнѣ на три года щапить во Кіевѣ.
« И присылай добрыхъ коней стады-стадами, шерстью разною.»
Тутъ пошло какъ стады-стадами добрыхъ коней
Отъ города отъ Галича ко городу ко Кіеву,
И пошли многи телѣги ордынскія платья разнаго,
Пришло всего ко славному ко городу ко Кіеву,
Къ молоду боярину къ Дюку Степановичу.
Тутъ-то началъ щапить Дюкъ Степановичъ
Съ Чурилой сыномъ Пленковичемъ,
И прощапили они ровно три года.
Сгоняли лошадей къ Чурилушкѣ
Со всего съ города со Кіева и съ города Чернигова,
И также платье цвѣтное
Сносили съ города со Кіева и съ города Чернигова,
И доставали инны платья изъ за синя моря,
И достали славную шубу изъ за синя моря.
А у молода боярина у Дюка Степановича
Еще осталось платья цвѣтнаго на три года,
И осталося добрыхъ коней еще на три года, всѣ разные.
Какъ къ остатнія обѣдни воскресенскія

Обувалъ Чурила сынъ Пленковичь сапожки — зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскіихъ;
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ,—
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,—
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
А въ пяты-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:
Днемъ итти—какъ по красному солнышку,
Ночью итти—какъ по свѣтлому мѣсяцу;
Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:
У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
Отъ камешечковъ печетъ какъ отъ краснаго отъ солнышка;
Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ дорогимъ подъ самитомъ *),
Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
Во пуговки-то было влито по лютому звѣрю:
По петелкамъ какъ поведетъ,—
Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову;
По пуговкамъ какъ поведетъ,—
Тутъ всѣ люты звѣрья закрычатъ во всю голову;
Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,
Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
Такъ всѣ будутъ на земли лежать.

*) Аксамитомъ, бархатомъ.—*Изд.*

Какъ пріѣзжали они ко церкви соборьнія,
Спущалися съ добрыхъ коней,
Становили добрыхъ коней ко столбику ко точеному,
Ко столбику ко точеному и къ колечку золоченому,
Куда ставятъ добрыхъ коней сильные-могучіе богатыри;
Шли они во церковь соборную,
Крестъ-то кладали по писаному,
Поклонъ вели по ученому,
Клонились на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней въ особину,
Становилися противъ Божьей Матери,
Простояли обѣдню воскресенскую.
Пошли они вонъ изъ церквы изъ соборныя,
Выходили на улицу широкую;
Солнышко князь стольно-Кіевскій
Бралъ во праву руку молодаго боярина Дюка Степановича,
Во лѣвую руку Чурилу сына Пленкова:
Пошли они щапить по городу по Кіеву.
Молодой Чурила сынъ Пленковичь
Повелъ какъ по петелкамъ,—
Красныя дѣвушки начали наливать зелена вина,
Подносить добрымъ молодцамъ;
Повелъ какъ по пуговкамъ,—
Добрые молодцы начали играть во гусли яровчаты,
Начали свеселять красныихъ дѣвушекъ.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Хоть хороша у тебя шуба черныхъ соболей,
— Только нѣту у тебя такихъ хитростей:
— Пробилъ ты денегъ тридцать тысячей!
Говорилъ бояринъ таковы слова:
« А не дороги мнѣ деньги тридцать тысячей,
« А дорога мнѣ слава великая:
« Не поддамся я вашему городу Кіеву! »
Повелъ какъ онъ по пуговкамъ,—
Всѣ люты звѣрья закрычали во всю голову;

Какъ повелъ онъ по петелкамъ,—
Всѣ люты змѣи засвистали во всю голову;
Отъ свисту да змѣинаго и отъ крыку звѣринаго,—
Много было народа около Дюка Степановича,—
Всѣ на земи лежатъ;
Молодой Чурила на земли лежитъ,
Князь окаракою стоитъ,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На ногахъ стоитъ.
Вставалъ какъ солнышко князь на рѣзвы ноги,
Говорилъ онъ таковы слова:
— Ай же, молодой Чурило сынъ Пленковичь!
— Мы пробили денегъ тридцать тысячей:
— У насъ нѣту хитростей такихъ великіихъ!—
Тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
И молодой Чурила сынъ Пленковичь порозспорили;
И говоритъ молодой Чурило сынъ Пленковичь:
«« Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
«« Ударимъ мы о великъ закладъ,
«« О великъ закладъ — о буйныхъ головахъ:
«« Котораго конь изъ насъ
«« Перескочитъ матушку Нѣпру рѣку,—
«« А матушка Нѣпра рѣка ровно три версты,—
«« А котораго конь не перескочитъ,
«« Тому отрубить буйная голова;
«« А самымъ сидѣть верхомъ на добрыхъ коняхъ,
«« Ѣхать черезъ матушку Нѣпру рѣку.»»
Взяли они — ударили о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о буйныхъ головахъ.
На завтрешній имъ день съѣзжатися.

Такъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Шелъ къ добру коню на стойла конныя,
Самъ да поросплакался;
« Ай же, мой бурушко косматыий!
« Не знаешь ты про мою незгоду великую:
« Ежели ты не перескочишь чрезъ матушку Нѣпру рѣку,

« Такъ мнѣ отсѣкутъ-то буйну голову,
« А матушка Нѣпра рѣка въ ширину-то ровно три версты;
« Ежели не перескочишь черезъ матушку Нѣпру рѣку,
« То поѣду я искать своего братца крестоваго,
« Стараго казака Илью Муромца. »
Конь провѣщалъ языкомъ человѣческимъ:
— Не плачь ты, любезный хозяинъ мой,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не то, что черезъ матушку Нѣпру рѣку,—
— И что *) отъ рѣки впередъ скочу ровно три версты;
— Полно плакать молодому-то боярину!—
На другой день какъ пріѣзжалъ онъ ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
И много тутъ соѣзжалось сильныхъ-могучихъ богатырей,
И много иннаго-прочаго народу,
Смотрѣть, какъ будутъ скакать
Черезъ матушку Нѣпру рѣку
Два удалыихъ-добрыхъ молодца.
И пріѣзжалъ старый казакъ
Илья Муромецъ изъ чиста поля,
И здоровкался съ молодымъ бояриномъ,
Молодымъ бояриномъ, братцемъ крестовымъ,
Здоровкался и самъ спросилъ его:
— Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты всё время проживаешь во Кіевѣ,
— Проживаешь за какими-то случаями?—
« За тѣмъ я проживаю,
«Что спорю съ молодымъ Чурилой сыномъ Пленковичемъ:
« Котораго нынѣ конь не перескочитъ
« Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
« То тому отсѣчь буйну голову.»
И говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ
Молодому Чурилы сыну Пленкову:

*) Ишто, еще.—*Изд.*

— Ай же ты, молодой Чурила сынъ Пленковичъ!
— Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семъ на бѣломъ свѣту?
— Хоть бы не перескочилъ конь у молода боярина,
— У молода боярина у Дюка Степановича,
— Черезъ матушку Нѣпру рѣку,—
— Далъ ли *) я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
— Когда я засматривалъ **) ровно три года во каждый день?
— Такъ поѣзжайте-ка черезъ матушку Нѣпру рѣку!—
И говоритъ молодой Чурило сынъ Пленковичъ:
«« Поѣзжай напередъ, Дюкъ Степановичъ,
«« Черезъ матушку Нѣпру рѣку!»»
А говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Ай же, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
« Твой задоръ зашолъ на передъ:
« То тебѣ-то ѣхать черезъ матушку Нѣпру рѣку!»
И поѣхалъ Чурило сынъ Пленковичъ:
И конь скочилъ до полу-рѣки,
На полу-рѣки и плаваетъ.
Разъѣхался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
И конь скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку,
На одинъ замахъ отъ рѣки скочилъ ровно три версты;
Взадъ онъ разъѣхался:
Изымалъ Чурилушку за желты кудри,
Выводилъ на крутой берегъ,
Завелъ ***) отсѣкать ему буйну голову.
Стали умаливать-упрашивать
Старыя старухи, молодыя молодухи
И красныя дѣвушки
О молодомъ Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же, братецъ мой крестовыйй,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Пни его подъ ж...,

*) Далъ ли бы, дамъ ли.—*Изд.*
**) Имѣлъ попеченіе о Дюкѣ.—*Изд.*
***) Началъ было, хотѣлъ было.—*Изд.*

— Пускай шатается межъ бабами, межъ дѣвками!—
То молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Пнулъ его подъ ж...:
« Поди—шляйся межъ бабами, межъ дѣвками,
« Не вяжись между насъ, между русскими могучими богатырями:
« Пусть ты бабій умоленникъ
« И старушій упрашивальникъ!»
Тутъ какъ говоритъ солнышко князь стольно-Кіевскій:
— Видно, дѣлать намъ нечего
— Съ молодымъ да съ бояриномъ съ Дюкомъ Степановичемъ!—
Тутъ со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
Со братцемъ крестовымъ,
Садились на добрыхъ коней,
Поѣхали ко солнышку ко князю Владимеру,
Во его палаты княженецкія.

Тутъ-то узнали молодаго боярина
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
Тутъ-то сталъ вездѣ поѣзживать
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
Со братцемъ крестовымъ.

Дунай, Дунай,
Да болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.)

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

31.

(Кижская волость).

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія;
Чисты поля подходили ко городу ко Обскому *);
Мхи да болота по Бѣлу-озеру;

*) Ко Опскову.

Рѣки-озера по Синю морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка,—
Широка и долга она,—
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Въ море Синее, во Турецкое.

За *) того ли моря, моря за Турецкаго,
Съ-подъ того ли то дуба, дуба сыраго,
Изъ подъ того ли то вяза, вяза чернаго **),
Изъ подъ той-то было березы кудреватыя,
Изъ подъ того креста Леванидова,
Изъ за того ли было острова Кодольскаго,
Той-то земли Веденецкія ***),
Плыло-выплывало три карабля,
Три карабля да три черные.
Всѣмъ карабли изокрашены:
Носъ да корма по звѣриному была,
А бока-тѣ были по туриному;
Якори-кодолы все серебреные,
Тонкіе паруса дорогой камки,
Дорогой камочки кручатыя ****);
Еще было на карабляхъ черненыихъ,
Вмѣсто рукъ было бѣлое повѣшено,—
По дорогу по заюшку заморскому;
Вмѣсто личика повѣшено
По дорогой лисицы по заморскія;
Вмѣсто оцей было врощено
По дорогу по соколу заморскому пролётному;
Вмѣсто бровъ было повѣшено
По дорогу по соболю заморскому;
Вмѣсто лба было врощено
По дорогу камешечку самоцвѣтному;
Вмѣсто кудрей было повѣшено

*) Изъ за.—*Изд.*
**) Чермнаго, черленаго.
***) Изъ Леденца (по другимъ).—*Изд.*
****) Хрущатыя.

По дорогу бобру по заморскому.
Еще было на караблѣ черненыемъ—
Подѣланы чердачки помуравлены,
Въ чердачкахъ были бесѣдочки сидѣльныя,
Обиты были лисицами-куницами заморскими
И черными соболями заморскими.

На этихъ бесѣдочкахъ сидѣльныхъ,
Сидѣлъ тутъ младъ Соловей,
Младъ Соловей сынъ Будимірович *);
По правую по рученьку сидѣла
Свѣтъ его государыни-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
А по лѣвую по рученьку сидѣла
Дружина его хоробрая,
Триста молодцевъ со единымъ,
Молодецъ да молодца лучше,
Молодцы все переборные.
У всей дружины хоробрыя
На ножкахъ сапожки—зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебрены на тѣхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Около пяты да воробей летитъ,
Около носа яицомъ катитъ;
У всѣхъ надѣто платье скурлатъ-сукна,
На головкахъ шапочки черно-мурманки.

Идутъ-бѣжатъ эти караблечки
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру.
Говорилъ какъ младъ удалой Соловей
Своей дружинѣ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большаго атамана:
« Берите-ка щупалы железныя,
« Вы желѣзныя да долгомѣрныя,

*) Пѣвецъ пѣлъ—« Будиморовичъ. »

« Щупайте во славномъ во Синемъ мори̅,
« Во мори̅ да во Турецкоемъ,
« Нѣтъ ли злата, либо серебра,
« Либо мелкаго-скачнаго жемчуга.»
Тутъ поскочила дружина хоробрая,
Поскочила на рѣзвы ноги,
Какъ брали они щупала желѣзныя,
Желѣзныя да долгомѣрныя,
Щупали во славноемъ во Синемъ мори̅,
Во мори̅ во Турецкоемъ:
Не могли они нащупать ни золота, ни серебра,
Ни мелкаго-скачнаго жемчуга.
Опять какъ говорилъ младъ Соловей
Своей дружинѣ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайтесь большаго атамана:
« Вы берите трубочки подзорныя,
« Выставайте на реи да на верхныя,
« Глядите-тко на славный на городъ на̀ Кіевъ,—
« Далеко ли стоитъ славный городъ Кіевъ?»
Тутъ дружина хоробрая
Брали трубочки подзорныя,
Выставали на реи да верхныя,
Глядѣли на славный на стольный на городъ на̀ Кіевъ.
Говорятъ сами таковы слова:
«« Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будимировичь!
«« Не далеко стоитъ славный городъ Кіевъ.»»

Какъ подъѣхали ко городу ко Кіеву,
Становили свои черные ка̀рабли
Во пристань во купеческу.
Говорилъ какъ младъ Соловей
Своей дружинушки̅ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Слушайте большаго атамана:
« Берите-тко зо̀лоты ключи,

« Отмыкайте кованы лачи *),
« Насыпайте-тко первую мису краснаго золота,
« Насыпайте другую чистаго серебра,
« Насыпайте третью мелкаго и крупнаго
« Скачнаго жемчуга,
« Берите-ка сорокъ сороковъ—сорокъ черныхъ соболей,
« Куницъ да лисицъ—да и счету нѣтъ,
« Гусей-лебедей—да и смѣты нѣтъ,
« Мечите-ко три сходенки на крутъ крежокъ **),
« Первую сходенку краснаго золота,
« Другую сходенку чистаго серебра,
« Третью сходенку мѣдную.»
По той какъ по сходенкѣ краснаго золота
Выходилъ какъ младъ да удалъ Соловей,
Удалъ Соловей сынъ Будимировичъ;
По той какъ по сходенкѣ чистаго серебра
Выходила его свѣтъ государыни-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
По той какъ по сходенкѣ по мѣдныя
Выходила его вся дружина хоробрая.

Пошли они по славному по городу по Кіеву.
Идутъ они къ солнышку князю Владимеру на широкъ дворъ;
На широкъ дворъ да княженецкіий.
Какъ оставилъ одну половину на томъ дворѣ княженецкоемъ,
Со другой пошелъ въ его полаты бѣлокаменны.
Приходилъ какъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Какъ клонится на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину,
Протчимъ всѣмъ князьямъ [генераламъ] въ особину.

*) Ларчи?
**) Отъ кряжъ.—Бережокъ.—Изд.

Дарилъ какъ онъ солнышку князю мису краснаго золота,
Дарилъ княгиню Апраксію мису чистаго серебра,
Дарилъ молодой Любавы Путятичной
Мелкаго и крупнаго скачнаго жемчуга,
Дарилъ онъ вмѣстяхъ камочку кручатую,
Которая камочка въ красномъ золотѣ не гнется,
Въ чистомъ серебрѣ не ломится;
Не дорого на ней красное золото да чистое серебро,
Столько дорого на ней—[маперы] узоры заморскіе:
Нѣтъ таковыхъ во Кіевѣ и не водится.
Дарилъ протчихъ князей да бояриновъ
Онъ лисицами да куницами заморскими,
Черными соболями да заморскими,
Гусями-лебедями заморскими.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Не знаю я, ты съ коей земли, ты съ коей орды,
— Коего отца, какой матушки,
— Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?
— За твои-то за дороги подарочки
— Чѣмъ—не знаю—тебя жаловать?—
Тутъ говорилъ младъ Соловей таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь,
« Владимеръ князь стольно-Кіевскій!
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Я изъ за славнаго изъ за Синя моря,
« Того ли я острова Кодольскаго.
« Той земли Веденецкія,
« Есть младъ Соловей сынъ Будимíровичъ.
« Пріѣхалъ я къ вашему ко городу ко Кіеву.
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
« Дай-ка ты мнѣ мѣстечка немножечко,
« Состроить три терема златоверхіе?»
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будимíровичъ!
— За твои за дороги подарочки
— Одно мѣсто—позади меня,

— Друго мѣсте
— Третье мѣст
— А четверто
— Что ты зн
Какъ тутъ м
Пошелъ во

Приходи
Потомъ ш
Самъ гово
Своей дру
« Ай же
« Дѣлай
« Слуша
« Розува
« Обувай
« Скиды
« Надѣв
« Вы с
« Над
« Бери
« Бѣл
« Во
« Гдѣ
« Гдѣ
« Ко
« На
« Къ
« Тр
« Сo
« Пе
« Др
« Тре
« Ок
« По
« Что

Тут

Приходилъ во князю Владимеру,
Крестъ кладалъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Кланялся на всѣ четыре стороны,
Князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину,
Самъ онъ садился на ременчатъ стулъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
« Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ — о сватовствѣ
« На молодой Любавы Путятичной.»
Говоритъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же, молодой Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Всѣмъ ли тебѣ Любава во любовь пришла?—
Говорилъ младъ Соловей таковы слова:
« Всѣмъ мнѣ Любава во любовь пришла;
« А однимъ-то Любава не въ любовь пришла,
« Что сама себя Любавушка просватывала.»
Столько у нихъ было и сватовства.

Тутъ честнымъ пиркомъ да свадебку,
Пошелъ у нихъ столованье—почестный пиръ.
Тутъ какъ солнышко Владимеръ князь
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забиралъ столованье—почестный пиръ,
Многихъ князей да бояриновъ [сенаторовъ] думныихъ,
Вельможь-купцовъ богатыхъ, поляницъ удалыихъ,
Росейскихъ могучихъ богатырей,
Какъ тутъ сбиралъ да почестный пиръ,
Какъ пошелъ столованье—почестный пиръ.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися,
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ да похваляется:
Иный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,

Иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной хвастатъ молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женоii.

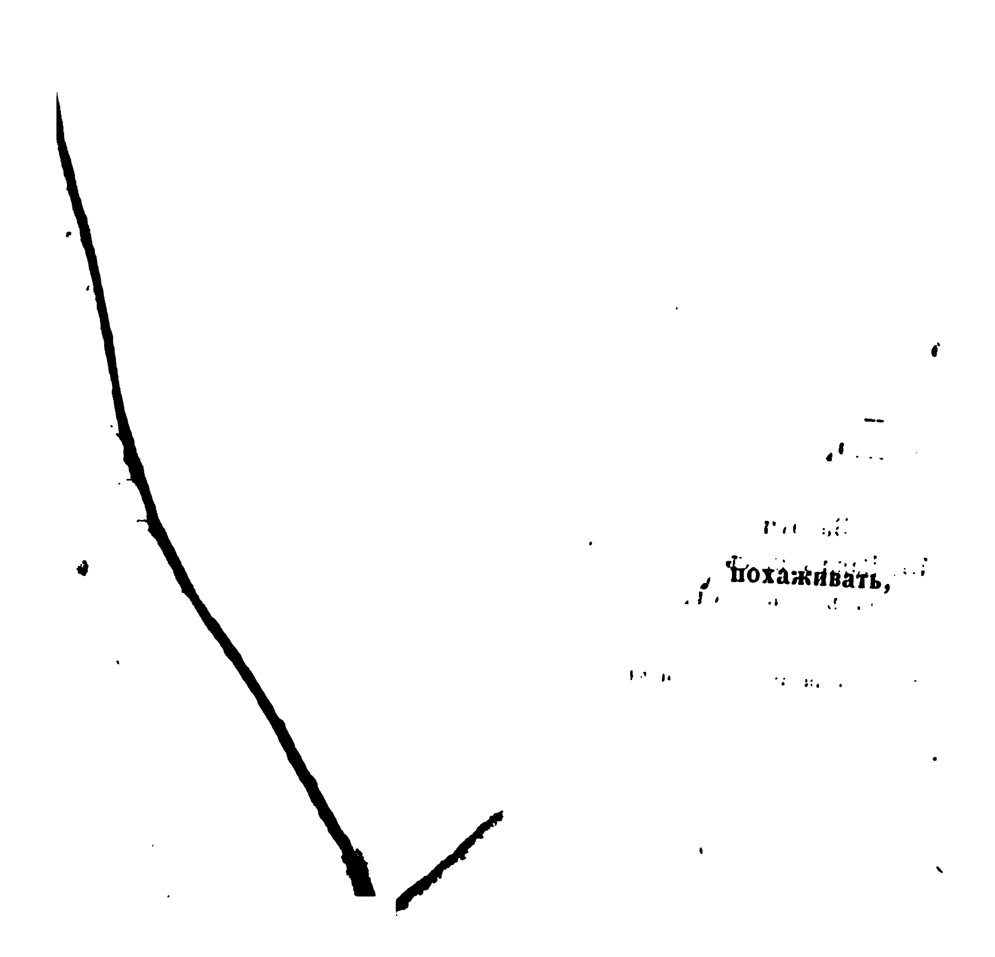
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будимiровичъ
Не вѣнчался во славномъ во городѣ во Кiевѣ,
Поѣхалъ въ свою землю Веденецкую,
На тѣхъ-то на черныихъ на карабляхъ.
Провожалъ его солнышко Владимеръ князь,
Надарилъ его краснымъ золотомъ, чистымъ серёбромъ,
Мелкимъ-скачнымъ жемчугомъ.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Записано по порученiю Собирателя г. Лысановымъ).

* *
*

НОВГОРОДЪ.



ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(Княжое Общество).

А и жилъ да былъ Буславей девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;
Со городомъ со Кіевымъ спору не было,
Со матушкой каменной Москвой во вѣкъ не бранивался.
Оставалося у него чадо милое,
Чадо милое, дите любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.

Да идетъ-то Василій во почестный пиръ,
Во почестный пиръ ко князю ко Владимеру.
У ласкова у князя у Владимера
Былъ почестный пиръ да пированьице:
Повыкатилъ князь зелена вина девяносто пудъ,
Пива пьянаго девять бочечекъ,
Девять бочечекъ сороковочекъ.
Были на пиру воры-мужики городо-Кемскіе,
Ѣли они до сыта и пили они до пьяна,
До пьяна пили да и порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,—
Со своей дружиной со хороброей.
Побороть ему весь Кіевъ градъ,
Побороть Васильюшку каменна Москва,
Со всѣми пригородками и со малыма.

Тутъ идетъ Васильюшко во свой покой любимый,

А Василій спитъ да и про то дѣло не вѣдаетъ,
А тамъ уже по записи дѣло дѣлаютъ,
Его вся дружина-та въ крови стоитъ;
А онъ спитъ да и про то дѣло не вѣдаетъ.
Тутъ была у Васильюшка дѣвушка дворовая:
Были у ней ведерочки дубовыя,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она ему воду свѣжую.
Тутъ зашла она въ ложню Васильеву подпахивать *),
Говоритъ она да таковы слова:
— Хорошо-то было добру молодцу на пиру хвастати,
— А нынѣ-то добра молодца и въ пору не знать;
— Теперь вся твоя дружинушка прибитая!—

Тутъ отъ сна Васильюшко пробудился,
Повыскочилъ Василій со сну на широкій дворъ
Во своихъ башмачикахъ шелковыихъ;
Тутъ схватился Васильюшко,
Гдѣ стоялъ его добрый конь,
Гдѣ были червленый вязъ,
Тесакъ и сабля темлячный:
Но всё уже было у родной матушки спрятано.
Тутъ повыскочилъ Васильюшко на широкій дворъ,
Да повыхватилъ Васильюшко съ телѣги ось.
Пошолъ Васильюшко поскакивать,
Телѣжной осью-то помахивать:
Въ сторону махнетъ,—падетъ улица,
Въ другую махнетъ,—падетъ переулочекъ.
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Махалъ Васильюшко, помахивалъ:
Тутъ силушки мужиковъ городо-Кемскіихъ
Мало стало ставиться.

Тутъ былъ у него дядька, крестный батюшко;
Идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки,
Говоритъ ей таково слово,
Что ««Силушка мужиковъ городо-Кемскіихъ поразбита,

*) Подметать.—*Изд.*

И чтобъ она прiучила своего сына Васильюшка.»
Тутъ скочилъ онъ на башню колокольную,
Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сорвалъ онъ колоколъ девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ *) мостъ,
Языкомъ-то онъ подпирается,—
Обуховъ мостъ да нагибается;
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
«« Какъ пурхалъ-то ясный соколъ да и допурхалъ:
«« Ходилъ-то добрый молодецъ да и доходилъ!»»
Тутъ былъ Васильюшко быстеръ собой:
Подпалъ онъ плечкомъ правыимъ,—
Спихнулъ онъ дядьку подъ Обуховъ мостъ;
Вернулся потомъ Васильюшко подъ Обуховъ мостъ,—
Тамъ ужь дядьки и живаго нѣтъ:
Задавило-то его языкомъ колокольнiимъ.
Повыхватилъ тутъ Васильюшко языкъ тотъ колокольнiй,
Онъ бьетъ-то дядьку промежду уши:
« Вотъ ти, вотъ ти яичко, крестный батюшко!
« Не дано теби яичко о Христова-дни,—
« Такъ прими-тко яичко о Петрова-дни!»
Тутъ повыскочилъ Василiй на Обуховъ-мостъ
Съ языкомъ съ колокольнiимъ,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
« Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
« Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
« Тутъ-то и сабля острая, и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольнiимъ помахивать:
А тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Махалъ Васильюшко, помахивалъ,
И побивалъ силу мужиковъ городо-Кемскiихъ,

Тутъ приходитъ къ Васильюшку родна матушка,

*) Волховъ.

И пала къ нему на плечка на могучіи,
Сама говоритъ Василью таковы слова:
— Ай же ты, сынъ мой любезный!
— Укрѣпи свое сердечко ретивое,
— Уходи свои плечка могучіи! —
Тутъ говоритъ Василій родной матушкѣ:
« Спасибо тебѣ, матушка, что ты сзади пришла!
« А спереди пришла, —
« Тамъ же бы и ты была:
« Разгорѣлось сердечко ретивое,
« Разходились плечика могучіи,
« Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился.»
И тутъ беретъ Василья родна матушка за ручки за бѣлыя,
Ведетъ его во свой покой во любимыя:
И стала тутъ Васильюшка кормить-поить,
Въ покояхъ хоронить и весело съ нимъ жить.

(Отъ крестьянина Терентія Іевлева, записано Сент. 25, 1861 г.)

33.

ОНЪ ЖЕ, СМЕРТЬ ЕГО.

(Красныя Ляги; ср. выше).

Во славномъ во Новѣ-городѣ
Жилъ Буслаевъ девяносто лѣтъ;
Живучись Буславьюшко не старился,
Поперекъ дорожки не ставился,
Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ спору не было;
Живучись Буславьюшко преставился.
Оставалося чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
И сталъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И не легкія шуточки пошучивать:
Кого хватитъ за руку,
Рветъ руку изъ плеча вонъ;

Кого хватитъ за ногу,
Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватитъ за головушку,
Головой вертитъ будто пугвицей.

И стали жалобы происходить къ родной его матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Емельѳѣ Тимоѳеевнѣ:
«« Ты честна вдова, Емельѳа Тимоѳеевна!
«« Унимай-ка своего чада милаго,
«« Молодаго Василья Буслаева:
«« Что онъ ходитъ по Нову-граду—уродуетъ,
«« Шутки шутитъ не маленькія;
«« Кого хватитъ за руку,
«« Руку рветъ изъ плеча вонъ;
«« Кого хватитъ за ногу,
«« Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
«« Кого хватитъ за голову,—
«« Головой вертитъ будто пугвицей.
«« А ты не уймешь, такъ мы уймемъ!»»
И дождалась честна вдова Емельѳа Тимоѳеевна
Своего чадо милаго,
Молодаго Василья Буслаева,
И сама жалобнешенько расплакалась:
— Ты мое дитя, чадо милое,
— Молодой Василій сынъ Буславьевичь!
— Что̀ по Нову-граду ходишь ты—уродуешь?
— Въ твой-то годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
— Не имѣлъ въ карманѣ онъ вѣдь ста рублей,
— А имѣлъ дружину хоробрую *);
— А у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя,
— Не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися!—

За эти рѣчи Василій принимается;
Взялъ какъ перо да со чернилами,
И взялъ листъ бумаги гербовыя,

---

*) Пословица: «не имѣй въ карманѣ ста рублей, а имѣй сто друзей».—*Изд.*

И написалъ онъ писемышко,
Что «Тати-воры-разбойники ко мнѣ на дворъ;
«Плутъ-мошенникъ къ моему двору,
«Не роботы робить деревенскія;
«Пить зелена вина безденежно!»
И бросалъ писемышко на Волховъ мостъ.
И пошли мужики Новгородчане,
И нашли это писемышко.
И молодой Василій сынъ Буслаевичь
Выкатилъ бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведеръ;
Наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
И беретъ себѣ въ руки черняный вязъ:
«Хто подойметъ чару зелена вина
«Въ полтора ведра единой рукой,
«И кто выпьетъ чару на единой здохъ,
«И стерпитъ черненый вязъ въ буйну голову,
«Попадетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую.»
И пришли мужики Новгородчане,
И никто не могъ поднять чары единой рукой;
Идетъ Иванище Сильное,
И поднимаетъ чару единой рукой,
И выпиваетъ чару на единой здохъ;
И ударилъ Василій его, Иванища,
Чернянимъ вязомъ въ буйну голову:
И стоитъ Иванище — не трёхнется,
И не трёхнется, и не ворохнется,
И со буйной головы колпакъ не воротится.
И тотъ прошелъ, такъ иной пришелъ.
Пришелъ Потанюшко Хромненькой,
И принимается за чару единой рукой,
И выпиваетъ чару на единой здохъ;
И ударилъ Василій Потанюшку
Чернянымъ вязомъ въ буйну голову;
И стоитъ Потанюшка — не трёхнется,
И не трёхнется, да не ворохнется,
И со буйной головы колпакъ не воротится.

И тотъ прошелъ, да иной пришелъ,
И идетъ-то Васинька Маленькой,
И принимается за чару единой рукой,
И говоритъ-то Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ой же ты, Васинька Маленькой!
« Не поднять тебѣ чары единой рукой,
« И не выпить тебѣ чары на единой вздохъ,
« И не стерпѣть тебѣ чернена вяза,
« Чернена вяза да въ буйну голову. »
Этотъ Васинька Маленькой
Плюнулъ да и прочь пошелъ;
— Ты молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
— Не узналъ ты меня да обезчестилъ! —
И тотъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ
Какъ ударитъ Ваську чернянымъ вязомъ,
Черняным вязомъ да въ буйну голову, —
Идетъ-то Васинька—не трёхнется,
Не трёхнется да и не ворохнется,
Со буйной головы колпакъ не воротится.
Говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Развѣ сила у меня да не по старому,
« Либо черняной вязъ служитъ не по прежнему?»
Увидѣлъ тутъ бѣлъ-горючій камешекъ,
Какъ ударитъ въ камешекъ черняным вязомъ,—
Камень тотъ разсыпался.
И тогда зазываетъ Ваську хлѣба-соли кушать.
И набралося тридцать удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.

И тогда мужики Новгородчана
Заводили свой почестный пиръ
У того Викулы у Окулова.
И говоритъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ:
« Пойдемъ-те-тка, братія, въ почестный пиръ
« Ко тому къ Викулы къ Окулову.»
И пошли-то они въ почестный пиръ
Къ Викулы ко Окулову.—
И увидѣли мужики Новгородчана,
Что идетъ Василій сынъ Буславьевичъ,

И подхватилъ старца на руки:
« Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто;
« А въ наше дѣло ты не суйся! »
И ходитъ Василій Буславьевичь по Нову-граду,
И ходитъ да народъ поплачиваетъ.

И городничій Ѳома да Родіоновичь
Наклалъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками,
И приноситъ къ его къ родной матушкѣ:
«« Честна вдова Емельѳа Тимоѳеевна!
«« Уговори-тка свово чада милаго,
«« Василья сына Буславьевича;
«« Не прибьетъ-то онъ да весь Новгородъ. »»
И пошла его родна матушка
Уговаривать свово чада милаго,
Взяла его за ручки за бѣлыя:
— Покинь-ко ты, чадо мое милое,
— Молодой Василій Буславьевичь,
— Укроти-тко свое сердце богатырское! —

Тогда приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичь во свои домы
И говоритъ онъ таковы слова:
« Ай же вы, мои братьица!
« Складемся мы на лодочку
« И поѣдемъ мы ко граду Іерусалиму,
« Ко святой гробницѣ Христовой приложитися,
« Святой святынѣ помолитися. »
И склались молодцы-тѣ на лодочку,
И поѣхали ко граду къ Іерусалиму,
Ко святой гробницѣ Христовой приложитися.
Тогда ни какая погода молодцовъ не здерживаетъ,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.

И пріѣзжали они ко граду къ Іерусалиму,
Пошли во Іордань-рѣку купатися;
И всѣ купаются братія въ рубашечкахъ,
А молодой Василій Буславьевичь тѣломъ нагимъ.

Идетъ тутъ женщина престарѣлая,
И проговоритъ она таково слово:
— Ай же, молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
— Что же ты купаешься нагимъ тѣломъ? —
Говоритъ Василій таково слово:
« Ай же ты, женщина престарѣлая!
« Кабы ты была на сей сторонѣ,
« Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
« Двухъ мальчиковъ — двухъ богатырей! »
Эта женщина плюнула, да и прочь пошла.
И сходили ко святой святынѣ, Богу помолилися,
Ко Христовой гробницѣ приложилися,
И поѣхали они ко своимъ домамъ.

Пріѣзжаютъ они ко Ѳаворъ-горѣ.
И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ,
И скочилъ онъ чрезъ камешекъ,
И о камень головушкою ударился; —
И тутъ-то Василій Буславьевичъ помирать началъ.
И наказываетъ своей братіи:
« Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
« Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ
« И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ. »
Тутъ-то Василій и преставился;
И похоронили Василья Буславьевича,
И поѣхали братія къ его матушкѣ.

И встрѣчаетъ-то ихъ родна матушка:
— А гдѣ у васъ, братія, большій братъ, отоманище,
— Молодой Василій сынъ Буславьевичъ? —
«« Сосватался, матушка, Василій на Ѳаворъ-горѣ,
«« Женился Василій на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ. »»
Тутъ-то его матушка росплакалась,
И собрала она все свое имѣнье-богачество,
И роздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.

(Отъ калики; сф. выше).

* *
*

МОСКВА.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

86.

(Кижская волость).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ;
Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Тутъ забиралъ столованье—почестный пиръ,
Сбиралъ онъ всѣхъ князей, всѣхъ бояриновъ [сенаторовъ] думныихъ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ да удалыихъ,
Сильныхъ-могучихъ богатырей.
Пошло у нихъ столованье—почестный пиръ.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ да почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Инный хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Инный молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Какъ царь по полатушки похаживатъ,
Царь да выговариватъ:

«Отрубите ему буйну голову,
«Предайте ему смерть да скорую!»
Всѣ палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ:
Потому что за царскіе роды приняться не осмѣлятся.
Скрычалъ какъ царь наконѣ третій:
«Гдѣ мои палачи немилостивые?
«Берите вы Ѳедора за бѣлы руки,
«Ведите на то болото на Житное,
«На ту на плаху дубовую,
«Отрубите ему буйну голову,
«Предайте вы ему смерть да скорую!»

Какъ во томъ ряду во гостиноемъ,
Во той во лавкѣ во угольныя,
Стоялъ малая-Малюта Стенька *) воръ Скурлатовъ сынъ,
Торговалъ онъ товарами заморскими,
Услышилъ голосъ Грознаго царя Ивана Васильева,—
Онъ на Ѳедора Ивановича сердитъ-то былъ,—
Запиралъ онъ да свою лавочку,
Шолъ и бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Выводилъ онъ Ѳедора на крутой крылецъ,
Скидывалъ онъ платья цвѣтныя,
Надѣвалъ платья опальныя,
Садилъ во [корету] во темную,
Повезъ его на то болото на Житное,
Ко той ко плахи дубовыя.

Была служанка, дѣвка вѣрная,
Бѣжала во спальну во теплую
Къ царицѣ благовѣрноей,
Ко Настасьи Романовной,

---

*) Примѣшано имя Стеньки Разина.—*Изд.*

Скрычала громкимъ голосомъ:
«« Ай же, царица благовѣрная, Настасья Романовна!
«« Спишь-усыпаешься, надъ собой незгоды не чаешься:
«« Померкло наше красно солнышко,
«« Потухла звѣзда подвосточная!
«« Воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичь
«« На свои на царскія на сѣмена,
«« На своего на сына любезнаго,
«« На Ѳедора Ивановича,
«« Приказалъ его отвезти на то болото на Житное,
«« На ту на плаху дубовую,
«« Какъ повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скарлатовъ сынъ.»»
Она вставала на рѣзвы ноги,
Какъ надѣвала на ноги
Однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
На плеча надѣвала одинъ дорогой накидничекъ,
Подвязалася платкомъ она шелковымъ,
Побѣжала она по матушки каменной Москвы,
Къ старому братцу Никиты Романовичу.
Бѣжитъ она по матушки каменной Москвы,
Крычитъ да громкимъ голосомъ:
« Розодвиньея, народъ православныій, —
« Дайте мѣсточка немножечко царицы благовѣрныя!»
А народъ-то волнуется-дивуется:
«« Куда бѣжитъ царица благовѣрная?»»
Какъ прибѣжала она къ братцу родимому,
Никитѣ Романовичу,
Приходила въ его полаты бѣлокаменныя,
Господу Богу не молилася,
На всѣ стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никитѣ Романовичу:
« Ай же ты, старая курва, сѣдатой пёсъ!
« Пьешь-ѣшь-кушаешь и прохлаждаешься,
« Надъ собой незгоды не чаешься!»
— Ай же, сестрица родимая,
— Благовѣрная царица Настасья Романовна!

— Чѣмъ тебя пріобидѣлъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ?
— Что я захочу, то и сдѣлаю:
— Потому—у меня сидятъ тридцать россійскихъ могучихъ богатырей
— И сидитъ у меня дружина хоробрая.
Она говоритъ таковы рѣчи:
« Какъ воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
« На свой-то на сѣмена на царскіи,
« На Өедора Ивановича;
« Повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
« На то болото на Житное,
« На ту на плаху дубовую.
Какъ вставалъ старый Никита Романовичъ на рѣзвы ноги,
Говорилъ какъ самъ таковы слова:
— Ай же, любезный конюхъ мой!
— Ступай-ка ты скорымъ-скоро, скорымъ не скоро,
— Ступай на стойлы конныя,
— Бери-ка ты моего добра коня,
— Не сѣдлай, не уздай ты добра коня,
— Выводи-ка ты на широкій дворъ.
Какъ самъ онъ накидывалъ шубу на одно плечо,
Какъ кладывалъ онъ шляпу на одно ухо,
Бралъ немалаго постельника подъ полу подъ правую,
Выбѣжалъ онъ скоро на широкій на дворъ,
Самъ садился скоро на добра коня,
Поѣхалъ скоро по матушкѣ по славной по каменной Москвы,
Самъ шляпой машетъ и голосомъ крычитъ:
— Розодвиньтесь-ка, народъ православный,
— Дайте-ка мѣсточка немножечко,
— Проѣхать старому Никитѣ Романовичу
— По матушкѣ славной каменной Москвы!—
Какъ сталъ подъѣзжать ко болоту ко Житному,

Увидѣлъ, какъ поваленъ племянничекъ да кресничекъ
На ту́ю плаху на дубовую;
У малаго-Малюты Стеньки вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая,
Спрашивалъ у Θедора Ивановича:
«« На кого ты оставишь молоду жену,
«« Кому оставишь несчетну золоту казну?»»
Какъ тутъ закрычалъ старый Никита Романовичь,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
— Съѣшь волкъ пса, такъ и выгалкнешь *)!—
Какъ увидѣлъ тутъ малая-Малюта
Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Увидѣлъ ѣдучись стараго Никиту Романовича на доб-
ромъ конѣ,
Не смѣлъ спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсѣчь буйныя головы.
Тутъ наѣхалъ старый Никита Романовичъ,
Соскочилъ онъ со добра коня,
Какъ взималъ онъ племничка да кресничка,
Взималъ со плахи со дубовыя,
Кидалъ немилаго постельничка
На плаху на дубовую:
И отсѣкли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тутъ говорилъ Θедоръ Ивановичь,
Говорилъ крестному батюшку:
« Ай же ты, крестный мой батюшка,
« Никита Романовичь!
« Что же намъ будетъ отъ батюшка,
« Грознаго царя Ивана Васильевича?»
Говоритъ тутъ Никита Романовичь:
— Ай же ты, любезный мой кресничекъ!
— Что̀ будетъ—надъ моей-то головкой надъ старою,
— Моя головка при старости;
— А твоя головка при младости!—
Тутъ поѣхали во матушку во славну каменну Москву.

---

*) Выглотнешь, выблюешь. — Изд.

Какъ тутъ малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Представилъ онъ передъ царскими окошками
Свою-то саблю кровавую;
Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да таковы слова:
«По ворахъ по разбойникахъ есть заступники,
«Есть заступники-помошники крѣпкіе,
«А по насъ, по сѣменахъ царскіихъ, не находится!»
[Побликовалъ] онъ указы строгіе
По матушкѣ каменной Москвы;
Приказалъ завѣсить окна сукномъ чернымъ,
А по церквамъ велѣлъ служить онъ,
Служить обѣдни по печальному.

У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскресенскія.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
Платья черныя, все печальныя.
Старый Никита Романовичь
Надѣвалъ шубу—которой лучше нѣтъ;
Племничку и кресничку тоже надѣвалъ
Платья—которыхъ лучше нѣтъ;
Пошли они къ обѣдни воскресенскія.
Приходили во соборъ да во Успенскій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Васильевича,
Племничка-кресничка бралъ подъ полу подъ правую,
Самъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьей Романовной:
—Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
—Со своей царицей благовѣрною,

— Со своими со царскими со сѣменами! —
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
« Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мной да надсмѣхаешься?
« Выду отъ обѣдни воскресенскія,
« [Публикую] я указы да строгіе,
« Съ господъ со всѣхъ и князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
« Скуру сдеру и на свѣтъ не выпущу! »
Второй наконъ онъ опять проздраствовалъ:
— Здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичь —
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами! —
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
« Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мною надсмѣхаешься?
« Выйду отъ обѣдни воскресенскія,
« [Публикую] я указы все строгіе,
« Что со всѣхъ господъ, со всѣхъ князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
« Скуру сдеру и въ волчью зашью! »
Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконъ:
— Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичь
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами
— И съ Ѳедоромъ Ивановичемъ! —
Тутъ онъ выпущалъ изъ подъ полы изъ подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.

Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:

« Ай же, шуринъ мой любезный,
« Старый Никита Романовичъ!
« Не знаю я, чѣмъ тебя пожаловать?
« Аль тебя жаловать селы съ приселами,
« Города съ пригородками,
« Улицы съ переулками,
« Аль тебя несчетной золотой казной?»
Говоритъ Никита Романовичъ:
— Мнѣ не надобно селъ съ приселами,
— Городовъ съ пригородками,
— Улицъ съ переулками,
— И мнѣ не надо несчетной золотой казны;
— А дай ты мнѣ Никитину вотчину и улицу:
— Кто голову убьетъ да коня уведетъ,
— По той улицѣ уѣдетъ,
— Того и Богъ проститъ.—
« Вотъ тебѣ, Никита, улица,
« Своя тебѣ отчина пожалована!
« А Өедора Ивановича вмѣсто себя
« Вмѣсто себя я царемъ поставлю!»
Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую,
Бралъ Өедора Ивановича за бѣлы руки,
Повелъ въ свои полаты во царскія,
А также вслѣдъ себя велъ
Стараго Никиту Романовича, шурина любезнаго,
Пришелъ онъ въ свои полаты во царскія,
Тутъ забиралъ для нихъ столованье—почестный пиръ,
Многихъ сбиралъ онъ князей-бояръ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ удалыихъ
И Росейскихъ могучихъ богатырей,
Для-ради своего сына любезнаго,
Өедора Ивановича,
И стараго Никиты Романовича.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Записано по порученію Собирателя, г. Лысановымъ).

30.

КАСТРЮКЪ.

(Въ Тихвиноборскомъ Погостѣ).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Произволилъ онъ жениться,
Произволилъ онъ обручатися,
Не у насъ на святой Руси,
И не у насъ въ каменной Москвы,
А въ землѣ во невѣрныя,
Въ землѣ во Черкасскій,
На той ли на Марьѣ Кастрюковной,
И на той ли на Марьѣ Демьюковной.
Еще много онъ бралъ въ приданое,
Триста Татариновъ, да пятьсотъ Донскихъ казаковъ:
Затылки у нихъ были вшивые,
Гузна подхилыя, толстопяты, загузнеты.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
На великихъ былъ онъ на радостяхъ,
И заводилъ пированьице—почестенъ пиръ
На своихъ на князей на бояръ,
На всѣхъ на могучіихъ богатырей,
На всѣ паленицы удалыя.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Одинъ сидитъ молодецъ—призадумался,
Не ѣстъ не пьетъ и не кушаетъ,
И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Вышелъ дядюшка князь Никита Романовичъ,
И ходитъ онъ по своей по свѣтлой по свѣтлицѣ,
По той ли по гридни по столовыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Что же ты, большe-царскій шуринъ,
« Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,

« И ни чѣмъ, молодецъ, не хвастаешь?
« Какую ты думу думаешь?
« Развѣ мѣсто тебѣ не по разуму,
« Али чара не рядомъ дошла,
« Али невѣжа въ пиру обезчестила?»
— А я думаю думушку крѣпкую:
— Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Демьюкомъ поломатися,
— Силы отвѣдати и царя припотѣшити?
— Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
— Пятьсотъ городовъ за себя побралъ;
— Еще какъ Московскихъ борцовъ поборю,
— Всю Москву за себя возьму,
— А царя Ивана Васильевича въ полонъ полоню.—

И выходилъ дядюшка Никита Романовичъ
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнулъ онъ во всю голову,
Свиснулъ онъ во всю Москву:
« Есть ли у насъ въ Москвѣ борцы
« Съ Кастрюкомъ поборотися,
« Съ Демьюкомъ поломатися,
« Силы отвѣдати и царя припотѣшити?»
По грѣхамъ учинилося,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только случилося два братца Андреевича:
Одинъ Васенька Маленькій,
А другой Обросинька Хромонькій,—
На ножку припадываетъ,
Изъ подъ ручки высматриваетъ.
Возговорилъ еще Васинька Маленькій:
«« Ай же ты, князь Никита Романовичъ!
«« Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу;
«« Не хочу я съ нимъ боротися,
«« Со тѣмъ съ больше-царскіимъ шуриномъ,
«« А возьму его за праву руку
«« И возьму его за лѣву ногу,

«« И кину его за Днѣпру рѣку.»»
Говорилъ Обросинька Хроменькій:
«« Какъ пособитъ мнѣ Богъ поборотися,
«« Такъ смѣть ли его изъ платья вытряхнуть,
«« Нагого по двору спустить,
«« По тому ли двору государеву,
«« По тому ли крылечику красному?»»

Приходитъ Никита Романовичь:
« Ой же вы, князья-бояра!
« У насъ хлѣбъ и соль на столѣ,
« У насъ есть и борцы на дворѣ.»
И скочилъ больше царскій турипъ,
На тѣхъ на великихъ на радостяхъ
Дубовую скамеечку подломилъ,
Онъ много князей-бояръ придавилъ.

Не два ясные сокола слеталися:
Два добрые молодца схватилися;
Какъ сталъ Кастрюкъ на ногахъ:
А очутился Кастрюкъ на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
Три ребра онъ въ боку сломилъ,
И сломилъ онъ у него *) ручку правую,
И сломилъ у него ножку лѣвую;
Взялъ его за праву руку,
Изъ платья его вонъ повытряхнулъ,
Нагого по двору спустилъ,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечику красному.

И не пошелъ **) по двору государеву,
А ушелъ подъ крылечико красное,

---

*) Абросимъ у Кастрюка.—*Изд.*
**) Кастрюкъ.—*Изд.*

И самъ говоритъ таковы слова:
— Не дай-ко мнѣ *) съ Московскима борцамы боротися,
— Со тыма съ молодыма, съ ученыма **)!

(Отъ Кенозерскаго крестьянина изъ Пудожскаго уѣзда.)

86.

То же *).**

(Песчанской волости, Пудожскаго уѣзда.)

При нынѣшнихъ, при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти ****)
Царица-то Крымская,
Поленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подъ-умилася,
Ѣхать въ землю Россійскую,
Къ царю ли то Грозному,
Ко Ивану Васильевичу,
Выкликать поединщика,
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися,
Его силы отвѣдати
И плеча богатырскаго.

Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали,
Середи поля чистаго,

---

*) Богъ?—*Изд.*

**) Изъ другихъ разнорѣчій этой былины видно, что Кастрюкъ-Демьюкъ женщина.

***) Ср. № 68 въ I-й части сборника.

****) Царѣ Иванѣ Вас.—*Изд.*

Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
Да послали скора посла,
Скора посла скоморошину.

Какъ скорой посолъ скоморошина,
По версты-то онъ шелъ по̂ скоку,
По полторы онъ по̂ маху.
Какъ приходитъ онъ къ царю Грозному,
Ко царю Грозному ко Ивану Васильевичу,
Какъ проговоритъ онъ таково слово:
«« Ай ты, Грозной царь Иванъ Васильевичъ!
«« Ты конюшни-то испрастывай,
«« Дворы-то испоражнивай:
«« Къ тебѣ ѣдетъ Татарка удалая,
«« Поленица удалая,
«« Выкликать поединщика,
«« Съ Кастрюкомъ поборотися,
«« Съ молодымъ поломатися,
«« Его силы отвѣдати
«« И плеча богатырскаго.»»
Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Конюшни-то у меня испростаны,
— Дворы-то испорожнены.—

Кастрюкъ сидитъ—самъ печалится,
Онъ сидитъ—самъ кручинится,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлы лебеди не рушаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:

— Что же ты, Кастрюкъ-Дебрюкъ,
— А что же, Черкашанинъ,
— Сидишь—самъ печалишься,
— Сидишь—самъ кручинишься,
— Хлѣба-соли не кушаешь,
— Бѣлы лебеди не рушаешь?
— А хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А борецъ-то тебѣ на дворѣ!—

Скочилъ Кастрюкъ за стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать Татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричалъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву,
И во всю землю Россійскую,
И государство Московское:
« Още есть ли у васъ борцы,
« Борцы—добрые молодцы,
« Съ Кастрюкомъ побороти ся,
« Още силы отвѣдати
« И плеча богатырскаго?»

Какъ изъ-подъ восточныя стороны
Выходили два брата родимыи,
Одного звали Ѳедькою,
А другаго звали Мишкою:
Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Ѳедька борецъ нарывается,
Съ Кастрюкомъ побороти ся,
Съ молодымъ поломати ся,
Его силы отвѣдати
И плеча богатырскаго.
Какъ завидѣлъ Кастрюкъ-Дебрюкъ,
Кастрюкъ-Дебрюкъ, Дебрюковъ сынъ,

Онъ схватилъ Өедьку за жёлты кудри,
А у Өедюшки на головушкѣ
Волосушки не тряхнутся.
Тутъ зговоритъ Өедюшка таковы слова:
«« Ой же ты, Грозный царь,
«« Грозный царь Иванъ Васильевичь!
«« Еще смѣть ли мнѣ
«« Съ Кастрюкомъ побороться,
«« Съ молодымъ поломатися,
«« Его силы отвѣдати
«« И плеча богатырскаго?»
Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичь:
— Помоги тебѣ Господи,
— Да пособи тебѣ Господи!—
. . . .

(Сообщено Н. В. Обручевымъ.)

27.

ТО ЖЕ.

(Кижская волость.)

Царица Крымская,
Дочь царя Турскаго,
Красно снарядилася, хупаво*),
Поѣхала во земли во Рускія,
Съ Кострукомъ съ Церкашенинымъ.
Кострукъ Церкашенинъ
Тридцать лѣтъ воевалъ,
Пятьдесятъ борцовъ поборолъ,
Не могъ своей силы узнать,
Плеча богатырскаго.

Дѣвица Крымская
Пріѣзжала въ чистое поле,

*) То же, что « красно, » древнее слово; см. его объясненіе въ I-й части и въ изд. пѣс. Кирѣевскаго.—*Изд.*

Шатры розставливала,
Коней добрыхъ роспускивала,
Посылала прежде себя
Скораго гонца,
Чтобы царь Иванъ Васильевичь
Улицы опахивалъ *)
Двора очищивалъ,
Срѣталъ бы дѣвицу Крымскую
Съ Кострукомъ Черкашениномъ.

Пріѣзжала дѣвица Крымская
Съ Кострукомъ съ Черкашениномъ
На царскій дворъ,
Закрычала своимъ голосомъ:
« Есть ли борцы, удалые молодцы,
« Съ Кострукомъ побоботися?»
По грѣху учинилося:
Тутъ борцовъ не случилося;
Всѣ разумные розъѣхалися,
Удалые домой ушли.

А только тогда случилося
Съ Пядинской земли,
Съ Важинской стороны,
Два братца родимыхъ:
Одного звали Өедоромъ,
А другаго Михаиломъ.
Өедоръ не хвастаетъ,
А Михайла похваляется:
«« Я съ Татариномъ боротися иду,
«« Я поганаго отвѣдати хочу.»»

Татаринъ въ глаза виженъ былъ,
Его сила запримѣчена.
Мошникъ голову подиялъ
И глаза вытаращилъ;
Посмотрѣлъ около стола дубоваго,—

*) Выметалъ.—*Изд.*

Далече иттить;
Скочилъ черезъ яствы сахарныя,
Черезъ питья медвяныя.
По грѣху учинилося:
За скамью зацѣпилося;
Онъ скамью къ порогу сволокъ,
Тридцать Татаръ убилъ,
Пятьдесятъ головней покатилъ.
Выходили на широкій дворъ
Михайла Ивановичь
Съ Кострукомъ Черкашениньмъ.
Кострукъ Михайла разъ поткнетъ,
Кострукъ Михайла второй поткнетъ,—
Михайла росходился,
Михайла розсердился:
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ,
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ.
Дѣвица Крымская,
Дочь цари Турскаго
Выходила на красно крыльцо,
Говорила таково слово:
«А вы глупые, Руские борцы!
«На что было рука-нога ломить,
«За чѣмъ было глаза выкопать
«И изъ платьевъ вонъ вытрехнуть?»
Дѣвица Крымская
Не красно снарядилася,
Не хупаво поѣхала
Во землю во Крымскую
Съ Кострукомъ Черкашениномъ.

(Отъ крестьян. Григорія Васильева записано 22 Іюня 1861 г. крестьяниномъ той же волости, Сѣнногубскаго общества, деревни Конды, Андреемъ Ивановымъ Соколовымъ).

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ.

(Пермск. губ., Екатеринбургскій уѣздъ).

У Ермака Тимоѳеича, самаго набольшаго изо всѣхъ станишниковъ, было много удалыхъ товарищей, вѣрныхъ помощничковъ; правою рукою у него былъ Стенька Разинъ, а за Стенькою Разинымъ Ванька Каинъ, Иванъ Мазепа, Гришка Отрепьевъ. Жили сотоварищи долгое время въ ладу, да Стенька-то Разинъ учалъ дѣлать дѣла неподобныя: безчинствуетъ безъ пути, рубитъ головы немилостиво; коней въ церкву ставитъ, надъ святынею ругается, не хочетъ знать никого выше себя, самому Ермаку грубитъ. Не захотѣлъ Ермакъ сносить отъ Стеньки эдакія грубости и отказалъ ему.

Видитъ Стенька, что дѣло плохо, и приходитъ къ Ермаку Тимоѳеичу; низко-низко поклонился ему и проговорилъ: «Многолѣтняго здравія, Ермакъ Тимоѳеевичь! расположись-ка на совѣтъ ко мнѣ. Мы подѣлаемъ людей соломенныхъ, порассадимъ ихъ по лодочкамъ, по лодочкамъ по дубовенькимъ, и дадимъ имъ по веселышку, одѣнемъ ихъ въ платья черна соболя; первоё-то лодочку на передъ спустимъ по Дунай-рѣкѣ по широконькой, а сами поѣдемъ по Иртышъ-рѣкѣ, по Иртышъ-рѣкѣ ко Теплымъ станкамъ, у Теплыхъ станковъ станемъ во кругъ да подумаемъ, какъ бы намъ поставить себѣ памятникъ.»

Какъ поѣхали станишники по Иртышъ-рѣкѣ, собралось противъ нихъ царское войско *), хотятъ изловить Ермака Тимоѳеича; увидѣли, что по Дунай-рѣкѣ ѣдетъ лодочка дубовенькая, а въ ней сидятъ добрые молодцы, удалые мазайки; стали царскіе люди считать соломенныхъ людей, имъ счету нѣтъ. Тутъ на Татаръ напалъ такой страхъ, что они и не видѣли, какъ подошелъ Ермакъ Тимоѳеевичь.

Переловилъ ихъ Ермакъ Тимоѳеичь до пятисотъ человѣкъ,

---

*) Царское войско—Татарское, царя Кучюма, пояснилъ разсказщикъ.

засадилъ въ избу, поставилъ стражу къ избѣ, а самъ съ Ванькою Каиномъ поѣхалъ къ царю Ивану Васильевичу *).

Грозный царь Иванъ Васильевичь
Наказывалъ своимъ слугамъ,
Своимъ слугамъ непамѣнщикамъ:
« Что за посолъ ко мнѣ пришелъ?»
— Пришелъ ли къ тебѣ Ермакъ Тимоѳеевичь.—
« Приведите-ка ко мнѣ посланника.»
Проговоритъ Ермакъ свѣтъ Тимоѳеевичь:
— Я пришелъ къ тебѣ, Грозный царь,
— Со товарищемъ съ Ванькой Каиномъ:
— Всѣхъ я сиверныхъ странъ запечатальникъ,
— Заполонили мы цѣлую Сибирь,
— Да пришли къ тебѣ съ повинной головой.
— Хоть прости меня, хоть казнить вели!—
Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Закричалъ онъ громкіимъ голосомъ:
« Обо вы, князья мои бояра,
« Вы великіе совѣтнички!
« Подите-ка къ намъ крѣпку думушку—
« Крѣпку думушку подумати:
« Появился къ намъ Сибирскій царь,
« Сибирскій царь Ермакъ Тимоѳеевичь,
« Ермакъ Тимоѳеевичь Бургомировъ.»
Выносили Ермаку злата-серебра.
— Мнѣ не надо злата-серебра
— И камней не надо многоцѣнныхъ:
— А принесъ я вамъ куницъ-соболей;
— Вы примите-ка, вы почтите-ка
— Отъ насъ великую наградушку!—
Какъ богатый нашъ царь Иванъ Васильевичь,
Не бралъ онъ ни злата ни серебра,
А польстился же, взялъ куницъ-соболей.
. . . .
Проговорилъ намъ Иванъ Мазена,

*) Отсюда разсказщикъ пѣлъ, но часто сбивался и напрасно старался припомнить слова пѣсни.

Проговорилъ намъ сотоварищамъ:
«« Мы пойдемте, братцы, по частымъ кустамъ,
«« По частымъ кустамъ, по ракитовымъ,
«« Да пымаемъ по зайчику,
«« По сурочку многоцѣнному.»»
Тогда дарили Ермака свѣтъ Тимоѳеича,
Подаривши, все разсказывали:
«« Намъ не лучше ли, Ермакъ Тимоѳеевичъ.»»

(Отъ крестьянина).

39.

ОТЧЕГО НА РУСИ ЗАВЕЛАСЬ ИЗМѢНА *).

Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ царь строгій и сильный, и страшный завоеватель другихъ земель, отъ того-то и названъ Грознымъ. Въ одно время вздумалось ему послать пословъ въ иныя государства и требовать отъ королей и князей ежегодную дань Россіи. Послы объявили всѣмъ иноземнымъ королямъ и князьямъ, коимъ было приказано, о царскомъ повелѣніи. Короли и князья всѣ собрались въ одно мѣсто и стали совѣтъ совѣтовати,—слѣдуетъ ли дань давати царю Русскому. Наконецъ и придумали царю Русскому загонуть три загадки, съ тѣмъ, если онъ ихъ отгонетъ, то короли и князья тутъ же дадутъ ему двѣнадцать бочекъ золота и будутъ платить ежегодную дань; а ежели не отгонетъ, то не только не будутъ платить ему дани, но и совсѣмъ откажутъ отъ царства. Всѣ короли и князья на сіе согласились, и послали царю Іоанну Васильевичу отъ себя пословъ съ грамотою, въ которой написали: ««Ваше царское величество! По требованію вашему дань давать Россіи мы согласны, и сверхъ сего первоначально дадимъ тебѣ двѣнадцать бочекъ

*) Разсказъ этотъ, въ родѣ Старины, по видимому значительно поправленъ записавшимъ. — *Изд.*

золота; но съ тѣмъ только условіемъ, если отгонешь нашихъ три загадки, а именно: первая загадка,— что удалѣе всего на свѣтѣ? вторая,— что милѣе всего на свѣтѣ? третія,— что слаще всего на свѣтѣ? Если же сихъ загадокъ не отгонешь, то не только дани не получишь, но и отъ царства будешь отказанъ; для отгадыванія долженъ пріѣхать самъ къ назначенному мѣсту на Востокъ, къ бѣлому камню и къ такому-то времени, гдѣ короли и князья будутъ всѣ тутъ собравшись». Царь Іоаннъ В. Грозный, получивши сію грамоту отъ королей и князей, и прочитавши ее, призадумался; потомъ собираетъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и князей и умныхъ людей, объявляетъ имъ сію грамоту отъ иноdержавныхъ королей и князей, и совѣтуютъ, какъ отвѣтъ держать, какъ загадки отгонуть. Кто что говоритъ, но царю мало нравится; наконецъ общимъ совѣтомъ придумали отвѣтъ держать имъ такой: первое, удалѣе вѣтра ничего нѣтъ на свѣтѣ; второе, у царя Ивана Васильевича въ то время только что родился сынъ,— и всѣ придумали — что милѣе есть сына царю? и царь сему былъ согласенъ; третье — слаще меда что есть на свѣтѣ? Приходитъ срочное время, царь собирается и ѣдетъ на Востокъ къ бѣлому камню, со всею царскою свитою, для отгадыванія загадокъ и для полученія дани ежегодной. Ѣхалъ царь І. В., долго ли, коротко, близко ли, далеко, видитъ царь — на одномъ пустомъ мѣстѣ мужичокъ строитъ церковь: и церковь уже вся построена, только обиваетъ главу щепой,— въ досюльное время вездѣ вообще на церквахъ и на часовняхъ главы обивались щепою,— и съ каждою щепиною и гвоздомъ съ самаго верху мужичокъ спускался на землю и поднималъ вверхъ по одной щепинѣ и гвоздю. Царь подъѣзжаетъ къ строенію и говоритъ мастеру: «Богъ въ помочь, старичокъ!» — «Прошу пожаловать, добрый человѣкъ»,— отвѣчаетъ старичокъ. «Что, братъ старичокъ, церковь строишь?» — «Точно такъ, ваша милость»,— а царемъ его не называетъ, какъ будто и не знаетъ. Царь говоритъ: «Что же ты, старичокъ, какъ я вижу, за каждой дощечкой и гвоздомъ опускаешься внизъ и по одной дощечкѣ и гвоздю поднимаешь вверхъ? ты бы взялъ до десяти дощечекъ и гвоздовъ, и разомъ бы поднялъ ихъ туда

тебя бы это было полезнѣе.»—Всякое дѣло знаетъ мастеръ,— отвѣчаетъ старичокъ.—А я же тебя спрошу, царь ты Русскій Иванъ В. Грозный: куда ты ѣдешь и за чѣмъ? вѣдь ты ѣдешь на Востокъ къ бѣлому камню, растолковать загадки, данныя тебѣ? тамъ ужь тебя короли и князья иноодержавные ожидаютъ; но загадокъ тѣхъ тебѣ не растолковать, да и царства ты лишишься.—Царь I. В. сильно призадумался и спрашиваетъ старичка: «Какъ же тому быть, не знаешь ли ты чего тутъ и не можешь ли ты мнѣ помочь?» Старичокъ отвѣчаетъ:—Изволь, Иванъ В. царь Русскій, я тебѣ помогу; только съ условіемъ: тебѣ обѣщано по отгаданіи двѣнадцать бочекъ золота и ежегодная дань; ты получишь золото и получать будешь ежегодную дань; только изъ двѣнадцати бочекъ, если отдашь одну мнѣ, то изволь я растолкую тебѣ загадки и будешь впередъ царствовать; а нѣтъ, то царство твое кончится.—«Изволь, старичокъ, говоритъ царь, любую бери изъ двѣнадцати бочекъ,—а только разскажи мнѣ загадки.»—А вотъ что,—старичокъ начинаетъ,—тебѣ загонуто; первая, что удалѣе на свѣтѣ? такъ ли?—спрашиваетъ царя, «Точно такъ,» отвѣчаетъ царь.—Ты отвѣчай имъ,—удалѣе собственныхъ своихъ глазъ ничего нѣтъ: куда ни взгляну, въ одно мгновеніе все вижу. Вторая, что милѣе на свѣтѣ? Что у насъ милѣе краснаго солнца на свѣтѣ? оно запечетъ,— и всякая тварь веселится. Третья, что слаще всего на свѣтѣ? Слаще воды есть ли что на свѣтѣ? безъ ней совершенно никому и жить нельзя. Поѣзжай, скажи имъ сіе, все получишь.— Царь Іоаннъ Васильевичъ поблагодарилъ старичка и отправился на Востокъ къ бѣлому камню. Пріѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, тамъ уже его ожидаютъ всѣ иноодержавные короли и князья; сдѣлали царю подобающую встрѣчу, а потомъ стали просить его растолковать загонутыя ими загадки. Царь I. В. начинаетъ такъ: «Первая ваша загадка: что удалѣе на свѣтѣ? Удалѣе собственныхъ своихъ глазъ есть ли что на свѣтѣ? куда ни взгляну,—все вижу.» ««Истинная правда,»» отвѣчаютъ короли и князья. «Вторая: что милѣе всего на свѣтѣ? Можетъ ли что быть милѣе на свѣтѣ краснаго солнца? оно запечетъ,—то вся тварь веселится.» ««И это правда,»» говорятъ короли и князья. «Третья:

что слаще всего на свѣтѣ? Можетъ ли быть что слаще воды на свѣтѣ? возмите себѣ въ примѣръ, когда кому ни будь изъ васъ придетъ жажда попить, а воды бы вамъ сказали — нѣтъ, а потомъ узнали бы, что у такого-то есть въ запасѣ, и вамъ пить нестерпимо хочется, то кажется въ то время за одну ложку дадите Богъ вѣсть что, только бы дали попить, и пили бы съ какою жадностію и пріятностію!» «Истинная, истинная правда, И. В., царь ты Русскій,» воскричали всѣ короли и князья, и потомъ вручили ему двѣнадцать бочекъ золота и обязались платить требуемую имъ ежегодную дань. И такъ, распростившись Иванъ Васильевичь Грозный съ инодержавными королями и князьями, отправился обратно на свое царство. Приближаются къ мѣсту, гдѣ старичокъ строитъ церковь. Царь говоритъ своей свитѣ: «Что, господа, какъ вы думаете: отдать бочку старику золота будетъ очень много? У насъ есть армія и другія войска, нужно ихъ содержать: а у старика что есть, и куда ему золото класть? Лучше же мы сдѣлаемъ такъ: изъ бочки вынемъ двѣ части золота, а одну оставимъ, и вмѣсто двухъ долей вынятыхъ всыпемъ песку, дабы не такъ было примѣтно, и отдадимъ ему.» Всѣ на сіе согласились. По сказанному, какъ по писанному, такъ и сдѣлали: золото выняли, а песку насыпали, а сверхъ песку одну долю золота положили, и поѣхали впередъ. Пріѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ старичокъ строитъ церковь; царь подъѣхалъ къ старичку, говоритъ: «Помогай тебѣ Господи, старичокъ. Покорнѣйше благодарю тебя за наставленіе: я все получилъ обѣщанное; теперь же поди и ты, старичокъ, получай и отъ меня обѣщанную тебѣ бочку золота.» Старичокъ говоритъ: — Ну, царь Русскій Иванъ ты Васильевичь и Грозный! Самъ ты ввелъ измѣну въ Русь православную, и никогда ты ей съ сего времени не искоренишь, и ни другой кто либо: причиною всего этого зла ты самъ, царь. За чѣмъ тебѣ обманывать меня? Я спасъ тебя и жизнь твою, ты обѣщалъ мнѣ за сіе бочку золота, а вмѣсто золота платишь пескомъ. — Царь видитъ, что это человѣкъ не простой, и слезно проситъ взять любую бочку кромѣ той; старичокъ отвѣчаетъ: — Золотомъ твоимъ я не нуждаюсь, и жить буду безъ твоего

— А себѣ возмемъ Химскую землю! —
Государю тыя рѣчи не слюбилися.

Говорилъ асу надежа государь-царь:
« Ай же вы, малые дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума-думати:
« Надо думать крѣпка дума, не продумати.
« Мнѣ-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
« Онъ ужь проситъ у насъ города Смоленска;
« А даваетъ ли намъ Химскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
« Али намъ за Смоленскъ постояти,
« Али намъ на Смоленскъ нанимати?»
Выходилъ третій князь Данила Милоставской,
Онъ по близку государю становился,
Онъ по низку государю поклонился:
— Ай ты, ай асу, надежа государь-царь!
— Благослови намъ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленскъ есть строенье не Литовско,
— А Смоленскъ есть строенье Московско;
— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей;
— Во Смоленскѣ казны есть — сиѣты нѣту;
— Ужь мы станемъ за Смоленскъ стояти,
— Ужь мы станемъ на Смоленскъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленска,
— Не возмемъ себѣ Химскія земли! —
Государю тыи рѣчи прилюбилися.
Говорилъ асу надежа государь-царь:
« Ай ты, ай асу, князь Данила Милостравской!
« Мнѣ-ка чѣмъ же бы тя нà скоро пожаловати?
« Я пожалую во Смоленскѣ воеводою!»

Астраханскаго-то князя взялъ — повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

41.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ.
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцатъ лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
« Перевезите-ка меня, добра молодца,
« На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
« Ахъ вы милые сотоварищи!
« Похороните меня, добра молодца,
« Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
« Другой Владимірской, третьей Кіевской.
« Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
« Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
« Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
« Вовъ ногахъ поставьте воронà коня.
« Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
« Мимо молодца, всякъ помолится:
« — Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
« — Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ! —

Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.

Приходитъ въ каменну Москву на царевъ кабакъ,
И купилъ-бралъ зелена вина,
Самъ говорилъ таковы слова:
« А пейте, братцы, зелена вина!
« Не пропить моей золотой казны:
« Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей.»
И пригодилися служки монастырскія,
И доносили его царскому величеству.
И приводятъ этого удалаго-добра молодца,
И сталъ царь его допрашивати:
— Скажи, скажи, удалый-дороднiй-добрый молодецъ:
— Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
— И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ай же ты, царь Петръ Алексiевичъ!
« А не былъ я красть монастыря Румянцева
« И не былъ я нести золотой казны,
« А ходилъ-гулялъ по чисту полю
« И находилъ во чистомъ полѣ
« Шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« И подѣляютъ ёны золоту казну,
« И золотой казны сорокъ тысячей;
« И просилъ я у нихъ золотой казны
« Хотя малаго жеребеечка.
« А ёны говорятъ, удалые молодцы:
«— Голечёкъ ты, удаленькiй молодецъ!
«— Не можешь нажить себѣ золотой казны!
«— А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
«— А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
«— А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
« Показалось мнѣ это слово
« За досаду за обиду за великую;
« Ухватилъ я черленый вязъ
« И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ;
« Отъ того удара богатырскаго

« Мать сыра земля сколыбалася,
« А добры молодцы испугалися,
« По чисту полю разбѣгалися,
« И оставили ёны золоту казну. »
Проговоритъ его царское величество:
— Ай же ты, удалый-дородній-добрый молодецъ!
— Ходи-гуляй по чисту полю
— И стой за вѣру христіанскую! —

(Отъ Козьмы Романова; записано 13 Янв. 1861 г.).

43.

О ЦАРѢ ПЕТРѢ.

(Пудож. уѣздъ, Шальская волость).

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика; мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ёму царь: « Божья ти помочь крестьянствовати! » — Мнѝ-ка надо Бога на помочь! — « А велико ли у тебя, старичокъ, семейство? » — А семейство у меня двѣ дочери да два сына. — « Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь? » — Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ третьихъ въ воду мечу. — Царь призадумался, что бъ это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ: — Въ долгъ даю, — двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу, — стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу, — двухъ дочерей кручу *). — « Ну, — говоритъ ему царь, — умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, а дороги не знаю. » — Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, своротни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо. — « Этой я грамоты, — говоритъ царь, — не знаю. Ты меня сведи. » — А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. —

*) Т. е. снаряжаю къ замужеству.

« Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.» — А заплатишь, такъ поѣдемъ! —

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: « Далече ли, мужичокъ, бывалъ? » — Кое-куда бывалъ, сударь. — « А видалъ ли царя?» — Царя не видалъ, а надобъ*) посмотрѣть: согласился бы и померетъ. — « Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.» — А какъ я царя узнаю? — « Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ: — Кто же царь? — Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: « Видно, кто ни будь изъ насъ царь!»

(Отъ Шальскаго лодочника).

*

ГРАФЪ РУМЯНЦЕВЪ.

46.

(Черниговскія Слободы).

Купцы съ вечера торговали,
Свинцу-пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Короля въ глаза не видали;
Въ каменну Москву**) не стрѣляли,
Красну дѣвочку вызывали,
Красну дѣвочку въ полонъ взяли,
Къ графъ-Румянцеву приводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
Хороша, дѣвица, румяна,
По Нѣмецкому пріубрана,

*) Надобъ.

**) Стѣну? — *Изд.*

На ней шубочка парчевая,
Душегрѣечка золотая,
Въ косѣ ленточка голубая.
« Ты поди, поди въ Россію за мужъ
« За любимаго мово сына за Ивана,
« За Ивановича свѣтъ Ивана,
« За Россійскаго за енарала.»
— Я не йду, не йду въ Россію за мужъ
— За любимаго твово сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енарала.—
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру шабельку вынимаетъ,
Красотѣ ея угрожаетъ:
« Ты поди, поди въ Россію за мужъ
« За любимаго мово сына за Ивана,
« За Ивановича свѣтъ Ивана,
« За Россійскаго за енарала.»
Красна дѣвица испужалась:
— Я иду, иду въ Россію за мужъ
— За любимаго твово сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енарала.—

ЧЕРНЫШЕВЪ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

45.

(Тамъ же).

Ты звѣзда ль моя, ты звѣздочка,
Ты звѣзда ль моя восхожая,
Ты звѣзда ль моя золотая!
Высокó ты, звѣзда, восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,

Выше лѣсу ли стоячаго,
Выше лѣсу выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
Освѣтила весь Кистринъ-то градъ.

Подъ Кистринскими воротами
Какъ стояла темна тѣмница;
Какъ во той ли темной тѣмницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ,
Да бородушку поглаживаетъ;
Отростилъ себѣ бородушку
Ниже пояса шелко́венькаго,
Отростилъ себѣ русы кудри
По са́мые могу́тные плечики.
Случилось тамъ Пруссу ѣхати
Мимо той ли темной тѣмницы:
« Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ?»
— Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
— Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
— Прикажи, сударь, поить-кормить,
— Аль на волю вели выпустить;
— Послужилъ онъ царю бѣлому,
— Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
— Помахалъ онъ шаблей вострою
— Надъ своею *) шеей толстою.—

* *
*

*) Твоею? — *Изд.*

БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ,

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ:

КНЯЖЕСКІЯ,

МОЛОДЕЦКІЯ,

БЕЗЪИМЯННЫЯ.

Князь Михайло вовъ чистомъ полѣ,
Задумалъ онъ крѣпку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговоритъ князе-тъ Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
« Ай бо вы, князья мои бояра,
« Вы совѣтнички потайныя!
« Раскажите-ка кручинушку:
« Мой-то добрый конь споткнулся здѣсь,
« Повѣсилъ онъ буйную голову;
« Знать печаль-то мнѣ кручинушка,
« Мнѣ великая невзгодушка!
« Молода жена съ ума сошла,
« Она бросилась вовъ синё море,
« Вовъ Кивачь-рѣку быструю,
« А Иртышъ-рѣка поперекъ бѣжитъ.
« Воротитесь-ко, князья-бояра,
« Вы причетнички богатые!»

Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то вовъ высокъ теремъ.
Какъ встрѣчали его домашніе,
Они бросились на широкій дворъ,
На широкомъ двору крѣпко плакали,
Всѣ кричали громкіимъ голосомъ:
«« Обо еси, великій князь!
«« Ужь мы скажемъ тѣ, проговоримъ;
«« Какъ случилася невзгодушка:
«« Княгина-то наша матушка
«« Ума-разума лишилася;
«« Она бросилась вовъ синё море,
«« Вовъ синё море, къ желтымъ пескамъ.»»

(Отъ крестьянина).

47.

ТО ЖЕ *).

(Петрозав. уѣзда, погостъ Деревянскій).

Поѣхалъ князь Михайло жениться,
Женился—у матушки родимой не спросился,
Обвѣнчался онъ—ей не сказался.
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита.
Онъ поѣзжалъ [1]), Михайло, воевати,
Своей онъ матушкѝ молилсе [2]):
«Ай же ты [3]), матушка родима!
«Береги мою [4]) княгиню,
«Ты корми мою княгиню,
«Ѣствушкой сахàрной,
«Ужь ты пой мою княгиню
«Питвицемъ медвянымъ,
«Ты води мою княгиню
«Въ соборъ Богу молитьсе,
«Ты ложи мою княгиню
«Въ маленькую спальню [5])
«А сама ложись съ княгиней
«На тисовую кроватку.»

Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила [6]),
Парну баенку топила,

*) Сюда присоединяемъ разнорѣчія изъ Старины, записанной Каргопольскаго уѣзда въ Леленскомъ приходѣ и доставленной Собирателю Н. В. Обручевымъ.—*Изд.*

[1]) Поѣхалъ.

[2]) Матушкѣ молился.

[3]) Ужь ты.

[4]) Молодую.

[5]) Келью.

[6]) Проводила.

Парну байну [1], не угарну,
Созвала мать [2] княгиню
Въ парну баенку помыться,
Нажигала ёна [3] горючь камень
До калины [4],
Положила горючь камень
Мать княгини на утробу:
Княгиня въ первой разъ вскричала [4],—
Вси граждана [5] услыхали;
Во второё-тъ разъ вскричала [6],—
Вся палата задрожала;
А и въ третьей разъ скричала [7],—
Земля-мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младёня изъ утробы,
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку,
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ,
Опустила мать колоду
Въ синё морё Волынеко.

У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Изъ глазъ слезы покатились;
Испроговоритъ князь Михайло:

---

[1]) Баянку.
[2]) Мати.
[3]) Мать.
[4]) До красна.—*Изд.*
[4]) Первой разъ скрычала.
[5]) Граждане.
[6]) Другой разъ скрычала.
[7]) Она третій разъ скрычала.

« Вы постойте-ка, ребята,
« [Молодыи офицеры]!
« Развѣ дома у меня нездорово?
« Родна матушка неможетъ,
« Молода жена хвораетъ.»

Прiѣждялъ [1]) тутъ Михайло
Ко своей бѣлокаменной полаты,
Его матушка встрѣчала,
Со прiѣздомъ проздравляла [2]),
Со прiѣздомъ проздравляла,
Со добра коня снимала.
Испроговоритъ князь Михайло:
« Ахъ ты матушка родима!
« Не тебѣ бъ меня встрѣчати,
« Со прiѣздомъ проздравляти [3]),
« Со добра коня снимати,
« А молодой моей княгинѣ;
« Ахъ ты матушка родима!
« Гдѣ моя княгиня?»
— Твоя-та, князь, княгиня
— Горда и спѣсива,
— Всё въ горенкѣ просидѣла,
— Въ окошко просмотрѣла,
— На кровати [4]) пролежала,
— На кроваткѣ на тесовой,
— На перинкѣ на пуховой.
— Не пила и не ѣла,
— Никуда не выходила.—
Его слуги вѣрныи встрѣчали,
Со прiѣздомъ проздравляли.
« Слуги вѣрныи-любимы!
« Гдѣ моя княгиня?»

---

[1]) Прiѣзжалъ.

[2]) Стрѣчала; поздравляла.

[3]) Стрѣчати; поздравляти; и ниже такъ же.

[4]) На кроватки.

И говоритъ онъ Господу Богу,
И говоритъ онъ рѣць похвальню,
Похвальню рѣць, Господу противну:
« Кабы далъ да мнѣ-ка Господи
« Съ небеси во столбѣ колецюшко булатно,
« Повернулъ бы я всю землю на синё небо,
« А сине небо на сыру землю;
« На міру бы смерти не было,
« И народъ бы былъ весь живъ.» *)
Да не полюбились эти рѣци Господу Богу,
Посылалъ онъ двѣ сумоцьки переметны:
Одну сумоцьку онъ клалъ противъ неба,
А другу сумоцьку кладъ противъ земли.
И послалъ онъ своихъ скорыихъ Апостоловъ,
И куды итти Оники ѣхати **).
И вотъ поѣхалъ Оника Воинъ,
Поѣхалъ цистымъ полемъ
Да широкіимъ раздольемъ.
И на той пути да на дороженькѣ
Лежатъ-то двѣ сумоцьки переметныи
И стоятъ тутъ люди добрыи.
« Оберите-тко вы, люди добрыи,
« Оберите-тко свои сумоцьки переметныи:
« Если я задѣну ножкой лѣвою,
« То негдѣ сумоцекъ будетъ искати;
« И если я задѣну ножкой правою,
« То негдѣ будетъ сумоцекъ искати.»
— Ахъ ты, Оника пустохвастишко,
— Ахъ ты, Оника пустохвалишко!
— Ты ѣздишь, Оника, похваляешься,
— А тебя съ дѣло не выхватывать. —
Разсердился Оника Воинъ,
Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою, —
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть,
Задѣлъ Ониканоженькой правою, —

*) Ср. рѣчи Святогора и Ильи Муромца.—*Изд.*
**) Въ разнорѣчіи Оника ѣдетъ «Еросолимъ градъ поворотить.»

И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Соскоцилъ Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую:
И по колѣнъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному,
И принимался всею силой богатырскою:
И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю;
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И принимался Оника же на шутоцьку:
И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И надорвалъ онъ свое ретливое сердецюшко;
И со стыдомъ садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.

И поѣхалъ Оника Воинъ цистымъ полемъ,
Широкіимъ раздольемъ.
А на той пути на дороженьки
Лежитъ тутъ Цюдо цюдное,
Лежитъ тутъ Диво дивное:
Руки-ноги лошадиныя,
А голова лежитъ звѣриная,
И туша целовѣцецка.
« Что же ты лежишь, Цюдо цюдное?
« Али ты Цюдилиця есть прецюдная,
« Али ты полякъ есть, поленской сынъ*),
« Али ты полениця удалая?»
— А не Цюдо есть я цюдное,
— Не Цюдилиця есть прецюдная,
— Не полякъ, не поленской сынъ,
— Не полениця я есть удалая:
— Оника Воинъ, я есть Смерть скорая,
— Скорая есть Смерть, скоропостижная. —
« Ай же ты, душегубка!

*) То же, что «поляница,» только въ формѣ мужескаго рода. — *Изд.*

« У меня есть сабля вострая:
« Отмахну же буйну голову!»
— А не хвастай, Оника Воинъ:
— У меня есте *) шидья вострыя,
— И подпилю я у тя жилоцьки.—
Замахнулся Оника вострой саблею;
Во плеци рука застоялася,
Ни куды рука не сгибалася,
Востра сабля съ руки выпала,
И цють добра коня не изрѣзала.
« Ай же ты, Смертка скорая!
« Дай мнѣ строку **) хоть на три годы,
« Свой животъ по церквамъ рознесть
« И золоту казну по нищей братіи,
« Мнѣ своя душенька набъ покаяти ***).»
— Не дамъ я тебѣ строку и на три часы;
— Твой животъ есть неправедной,
— Золота казна не заработана,
— И твоей души не будетъ помоци.—
« И дай ты строку хоть на три часы
« Мнѣ-ка свой животъ по церквамъ рознесть,
« Золота казна по нищей братіи,
« И свою душу набъ покаяти.»
— Не дамъ я ти строку ни три минуты:
— Твой животъ есть неправедной,
— Золота казна не заработана,
— И твоей души не будетъ помоци.—
Зашатался Оника Воинъ на добрѣ конѣ,
И упалъ онъ на сыру землю:
И быдто вѣкъ души не было.

(Доставлено Собирателю Н. В. Обручевымъ).

*) Есть тѣ? — *Изд.*
**) Сроку.
***) Надобъ покаяти. — *Изд.*

49.

О ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ И ЖЕНѢ НЕУДАЧЛИВОЙ.

(Кижскій погостъ, деревня Боярщина.)

Жилъ-былъ молодецъ единешенекъ,
Охвочь-то былъ молодецъ
Гулять-загуливать,
Долгіе вѣчеры прохаживать,
Темныя ноченьки проѣзживать
И по зеленымъ по затресьямъ погуливать:
Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ онъ сѣроплавныихъ утушекъ ¹).
Женилъ добра молодца батюшка неволею,
Неволею женилъ, неохотою:
Приданаго много, человѣкъ худой;
Приданое большое на грядкѣ виситъ,
Худая жена на кроваткѣ лежитъ;
Куды пошлешь, все жену не дождешься ²);
И отвѣтъ-то подастъ,—
Въ стѣну головой отдастъ,
И по мосту ³) покатишься;
За порогъ-то рукамы захватишься;
«Дунай, Дунай, Дунай:»—на столъ сбирай **),
И любимая пѣсня: «Ѣсть хочется.»

Разнорѣчія:

¹) Удалыхъ-добрыхъ селезней.

²) И дождешься,—не доспросишься.

³) По полу.

**) Изъ этого ясно, что былина относится къ Дунаю, а не къ Василью Буслаевичу, который заслонилъ его въ народной памяти тою же удалью.—*Собир.*— Правда, имя Василья Буслаевича здѣсь вставное; обратившись въ пѣсню безъименную, былина начала вставлять имена произвольно. Изъ отрывковъ же былинъ видно, что дѣло съ королемъ Литовскимъ и его дочерью, въ томъ видѣ, какъ передается, принадлежитъ одинаково и Дунаю, и Потыку (позднѣе сюда примѣшанъ еще и Ванька-ключничекъ): трудно рѣшить, кому изъ нихъ принадлежитъ старше, по происхожденію. Въ настоящемъ же случаѣ это чисто одинъ припѣвъ, столь употребительный на Сѣверѣ Руси, и смыслъ таковъ: только и дѣла въ семьѣ, только и отрады, и бесѣды, одна пѣсня—«ѣсть хочется,» одинъ припѣвъ—«на столъ сбирай.»—*Изд.*

И вечо̀ръ я, добренькій молодецъ, не ужиналъ,
И утромъ всталъ,—не позавтракалъ,
Сх[illegible]
И пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву,
Нанялся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
И первый годъ жилъ во конюхахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ [a],
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
И другой годъ жилъ во поварахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
И третій годъ жилъ во ключникахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою,
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ у бѣлой груди.

И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Стосковалося Василью Буслаевичу
По той ему по худой жены;
И пошелъ онъ, молодецъ, отъ дочѐри королѐвскія,
Ото этого короля Литовскаго,
И зашелъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ чару зелена вина
И другую выпилъ чару похмѣльную:

[a]) Не пивывалъ.

И похвасталъ [4]) ей, красною дѣвушкой.

Услыхали то слуги вѣрные [5]),
Связали-то ему ручки бѣлыя,
Сковали-то ему ножки рѣзвыя,
Завѣсили ему очи ясныя,
Повели-то добра молодца
На поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову [6]),
Отрубить ему буйна голова
И придать-то ему смерть напрасная,
Вынуть ему сердце со печенью.
Испроговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Василій Буслаевичъ:
« Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные [7])!
« Вы ведите меня мимо королевнинъ домъ,
« Послѣдне [8]) мнѣ-ка съ ней проститися,
« Послѣдне мнѣ-ка съ ней разставатися. »

Повели удала молодца мимо королевнинъ домъ,
Становили противу оконъ косявчетыхъ.
Говорилъ Василій таковы слова:
« Ты прощай-ка, дочь королевская!
« Меня, добра молодца, Василья Буслаевича,
« Повели слуги вѣрные на поле на чистое,
« На тую на плаху бѣлодубову,
« Отрубить мнѣ-ка буйна голова
« И придать мнѣ-ка смерть напрасная,
« Вынимать-то сердце со печенью. » [9])

---

[4]) Похваляется.

[5]) «« Ты не хвастай, добрый молодецъ,
«« Этой дочерью королевскою. »»

[6]) На дубовую.

[7]) Слуги вѣрные короля Литовскаго.

[8]) Послѣдній.

[9]) За симъ:
Увидала дочь королевская
Этого удала-добра молодца.

Говорила дочь королевская:
— Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные!
— Вы возьмите съ меня денежекъ пятьсотъ рублей,
— Отпустите удала-добра молодца[10]
— На волю на вольную,
— Откройте ему очи ясныя,
— Развяжите ему ручки бѣлыя
— И раскуйте ему ножки рѣзвыя.

Она взяла, дочь королевская,
Этого удала-добра молодца
Во этые покои бѣлодубовы,
На словахъ ему выговаривала:
— Ты удаленькій-добрый молодецъ!
— Не зайди-тко ты больше на царевъ кабакъ,
— Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,
— Не выпей-ка другой похмѣльныя
— И не похвастай мной, красной дѣвушкой!

И пошелъ молодецъ отъ короля съ Литвы,
И шелъ-то путемъ широкою дороженькой,
И пришло тутъ три розстани,
Три розстани пришло любимыхъ:
Первая розстань къ отцу-матери,
Другая розстань къ роду-племени,
Третья розстань къ молодой худой жены.
И раздумался удалый добрый молодецъ:
« А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери, —
« Отца-матери живыхъ не застать;
« Пойти добру молодцу къ роду-племени, —
« Роду-племени меня не сознать;
« Пойду-ка я къ молодой худой жены!»
И шелъ добрый молодецъ, Василій Буслаевичъ,
Широкимъ путемъ-дороженькой,

---

[10]) Вы спустите молодца.

Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю.
И пришелъ молодецъ въ свою сторону.

И на улицы два вьюнчика свиваются *),
И стоитъ-то палата богатырская.
И спросилъ Василій Буслаевичъ:
« Вы чьи, два вьюнчика малые,
« Чьего вы роду-племени,
« Гдѣ у васъ родный батюшка?»
Отвѣчали два вьюнчика малые:
«« Ай же ты, нашъ родный дядюшка!
«« Нѣтъ у насъ роднаго батюшки [11]).
«« Есть у насъ одна родна маменька;
«« Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву,»»
Отвѣчалъ же Василій Буслаевичъ:
« Ай же вы, два вьюнчика малые!
« Подите—скажите-тко родной матушкѣ [12]);
« Пришелъ-то вашъ родный батюшка [13]).»

Она вышла, молода худа жена [14]),
Увидѣла добра молодца Василья Буслаевича;
Стоитъ-то на широкой на улицы;
Опустилася по ступенямъ по крутымъ,
Захватила удала-добра молодца
За этыя за рученьки за бѣлыя,
За этые за перстни за злаченые,
Цѣловала въ уста во сахарнія,
Сама говорила таковы слова:

*) «Вьюнчикъ, вьюношъ,» — юношъ или юноша (съ придыханіемъ в); такъ какъ, посредствомъ приставки в, привился здѣсь корень вить, то народъ воспользовался образомъ вьюна, овиванья, гибкости, дѣтской игры. — *Изд.*

[11]) Тятеньки.

[12]) Маменькѣ.

[13]) За симъ:

Они шли—сказали родной матушкѣ:
«« Пришелъ-то нашъ родный батюшка!»»

[14]) Молода жена несчастная.

—Находился-нагулялся удалый-добрый молодецъ *)!—
Тутъ оны стали жить да быть,
Жить да быть, долго здравствовать.

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

50.

ТО ЖЕ.

(Деревни Середки, Кижскаго погоста, Петрозаводскаго уѣзда).

Закручинился добрый молодецъ, запечалился,
Повѣсилъ головушку ниже могучихъ плечь,
Утупилъ очи ясныя во сыру землю:
«Какъ мнѣ-ка, добру молодцу, не кручиниться,
«Не кручиниться удалому, не печалиться!
«Вечѳръ-то я легъ,—не поужиналъ,
«По утру всталъ,—не позавтракалъ,
«Хватился обѣдать,—и хлѣба нѣтъ.
«Еще-то меня, добра молодца,
«Поневолили родители женитися,
«Неволею женили, неохотою:
«Они взяли во мѣстѣ во богатоемъ,
«Хоть приданаго много,—человѣкъ худой;
«Цвѣтное платьице на грядочкѣ виситъ,
«Худая-то жена на ручкѣ спитъ;
«Не съ кѣмъ добру молодцу погладиться,
«Не съ кѣмъ добру молодцу полеститься *)!»

Отъ того добрый молодецъ въ гульбу пошелъ.
День за день, какъ дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,

---

15) За симъ:
Проводила эта жена несчастная
Во этые покои бѣлодубовы,
Сама радостью напблипласъ.

*) Поластиться, поласкаться.—*Изд.*

Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву,
Онъ задался къ королю въ услуженіе;
Служилъ не много, не мало, — двѣнадцать лѣтъ,
Служилъ онъ королю вѣрою-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною *).
Его Богъ добра молодца миловалъ,
А король удалаго жаловалъ:
Онъ ѣлъ сладко, носилъ красно,
Спалъ на кроваточкѣ тесовыя,
Спалъ на периночкѣ пуховыя,
Со временемъ **) онъ спалъ на бѣлыхъ грудяхъ;
Принажилъ золотой казны несмѣтныя.

Стосковалося у молодца по свою родимую сторонушку,
Посмотрѣть хотитъ отцовскаго помѣстьица,
Хоть ростетъ тутъ зеленая крапивушка.
« Ай же ты, король Литовскій!
« Отпусти-ка меня на родимую сторонушку,
« Посмотрѣть хоть отцовскаго помѣстьица. »
Говоритъ ему король Литовскій:
— Ай же ты, удаленькій-добрый молодецъ,
— Ай же ты, слуга моя вѣрная, неизмѣнная!
— Поѣзжай на родимую сторонушку,
— На отцовское-родительско помѣстьице. —
Какъ король ему жалуетъ добра коня,
Королевна его жалуетъ золотой казной.

Какъ поѣхалъ удалый-добрый молодецъ
На свою родимую на сторонушку,
Не пѣшомъ идётъ, на конѣ ѣдетъ.
Скоро скажется, тихо ѣдется,
Пріѣзжаетъ на родимую сторонушку.
Какъ стоитъ-то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуклая;

*) Не измѣною? — *Изд.*
**) По временамъ. — Съ королевною? — *Изд.*

Ужь какъ бѣгаютъ два малыихъ вьюношей.
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ужь вы здравствуйте, малые вьюноши!
« Вы какой семьи, роду-племени,
« Вы какого отца-матери?»
«« Ай же ты, нашъ дяденька незнамый!
«« У насъ нѣтъ семьи, роду-племени.»
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
« Гдѣ же у васъ родный батюшка?»
«« Ай же ты, нашъ дяденька незнамый!
«« Не запомнимъ мы своего роднаго батюшки;
«« Только слышали мы отъ родной матушки,—
«« Слезно плакала, причитала намъ:
««— Ай же вы, родимыя дѣтушки!
««— Ужь какъ я васъ повырощу, повыкормлю,
««— Вашо-тъ батюшка въ гульбу ушелъ.»»
Какъ закипѣло ретивое сердечушко у добра молодца,
Полились слезы рѣкой изъ ясныхъ очей:
« Вѣдь это мои родимыя малы дѣтушки!—
« Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
« Гдѣ же у васъ родная матушка?»
Отвѣчаютъ малые вьюноши:
«« Наша матушка ушла на крестьянскую работушку.»»
Какъ сожидаетъ удалый-добрый молодецъ,
Сожидаетъ до поздняго вечера.

Какъ поздо по вечеру идетъ его худая жена,
Со крестьянской идетъ со работушки,
На правой рукѣ несетъ косу вострую,
Во лѣвой рукѣ часты грабли,
На плечахъ несетъ дрова печи топить.
Какъ стрѣтаетъ удалый-добрый молодецъ:
« Ужь ты здравствуешь, вдова ли, жена ль мужняя!»
— Ай же ты, незнамый добрый молодецъ!
— Не вдова я и не жена мужняя,
— Сирота я есть прегорькая.—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:

«Не вдова есть и не жена мужняя,
«Сирота есть прегорькая!
«Ужь ты развѣ не знаешь ближняго сродника?
«Росли-то мы въ одномъ мѣстѣ,
«Играли часто во шахматы Турецкіе,
«Я отъ тебя часто залы бралъ.»
Говоритъ ему худая жена,
Хоть худая жена, жена умная,
Умная жена, разумная:
— Ай же ты, незнамый добрый молодецъ!
— Вѣкъ я прожила въ бѣдности, въ сирочествѣ,
— Я не знала шахматовъ Турецкіихъ,
— Я не знала игоръ молодецкіихъ.—
«Уже ты есть жена мужняя, разумная!
«Поди-тко во правой карманъ:
«Во карманѣ есть шелковъ платокъ,
«Во платкѣ есть злаченъ перстень,
«Которымъ съ тобою обручалися.»
Говоритъ жена мужняя, разумная:
— Я которымъ святителямъ молилася,
— Я которымъ чудотворцамъ обѣщалася,
— Что пришелъ ко мнѣ законный мужъ!—

(Отъ крестьянина, записано въ Январѣ 1861 г.)

51.

О Дворянинѣ Безсчастномъ Молодцѣ *).

(Деревни Кузнецовой, Бережно-Дубровскаго погоста).

Въ стольномъ во городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя у Владиміра, жилъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ; двадцать пять годовъ служилъ вѣрой-правдою; отошелъ въ особую комнату, въ Страстную субботу въ половину дня, самъ гово-

*) Побывальщина: стихъ разложился, лица большею частію потеряли имя, и т. п.—*Изд.*

рилъ таковы слова: «Служу я Владиміру двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья.» Услыхалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, призываетъ Дворянина Безсчастнаго, говоритъ Владиміръ таковы слова: — Что ты говорилъ себѣ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ? — «Солнышко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій! Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья; а другихъ жалуешь чиномъ, повышеніемъ, жалованьемъ.» — Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій сталъ его жаловать, даваетъ ему двѣнадцать соболей недѣланыхъ, и даваетъ краснаго золота невита нетянута, велѣлъ соболи подѣлать, и двѣнадцать пуговицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосьской заутрени.

И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ получилъ двѣнадцать соболей недѣланыхъ, краснаго золота невита нетянута, и пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечь, пришелъ къ собольщикамъ, самъ говорилъ таковы слова: «Ай же вы, господа собольщики! подѣлайте мнѣ двѣнадцать соболей.» Отвѣчали ему собольщики: — А скоро тебѣ надо подѣлать двѣнадцать соболей? — «Мнѣ чтобы поспѣла шуба къ Христосьской заутрени.» — Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какія деньги работать не примемся. — И пошелъ онъ къ золотарямъ: «Ай же вы, господа золотари! вылейте мнѣ двѣнадцать пуговицъ и двѣнадцать петель вытяните.» — А скоро тебѣ надоть вылить и вытянуть? — «Мнѣ, чтобы поспѣли къ Христосьской заутрени.» — Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какое дѣло работать не примемся. —

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечь. Идетъ ему встрѣту Женщина Престарѣлая, низешенько ему покланяется, сама говоритъ таковы слова: — Что ты идешь кручиненъ-печаленъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ? — Говорилъ Дворянинъ

Безсчастный Молодецъ: — Ай ты, бабка, голубая шапка! Ударю я тя въ ушку, улетишь ты въ лужу: при печали молодцу не назолей!» Пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, идучись пораздумался: «Что я обругалъ Престарѣлую Женщину! Не знаетъ ли она чего вѣсти?» Обѣжалъ другою улицей, опять идетъ встрѣчу Престарѣлой Женщины, снялъ шапочку съ головушки, до сырой земли поклоняется: «Здравствуешь, Престарѣлая Женщина!» — Здравствуешь, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Что ты идешь кручиненъ-печаленъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ? — «Велика моя печаль-кручинушка: служилъ я князю Владиміру двадцать пять годовъ вѣрой-правдою; отошелъ въ особую комнату, въ Страстную субботу въ половину дня, самъ говорилъ таковы слова: «Служу я Владиміру двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья.» Услыхалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, призываетъ меня Дворянина Безсчастнаго, говоритъ Владиміръ таковы слова: — Что ты говорилъ себѣ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ? — «Солнышко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій! Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья; а другихъ жалуешь чиномъ, повышеніемъ, жалованьемъ.» Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій сталъ меня жаловать, даваетъ мнѣ двѣнадцать соболей недѣланыхъ, и даваетъ краснаго золота не вита, не тянута, велѣлъ соболя подѣлать, и двѣнадцать пуговицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосьской заутрени. Говорилъ мнѣ Владиміръ стольно-Кіевскій: — А есели не сошьешь шубы соболиныя отъ сего къ Христосьскую заутреню, велю рубить молодцу буйна голова. —» Говорила Престарѣлая Женщина: — Велика твоя печаль-кручинушка, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Ступай же за мной во слѣдъ. —

Пришли ко дому престарому, ударили въ колечко позолоченое, зашли въ палату бѣлокаменну, и садила его за дубовый столъ, за скатерочки браныя: — Садись, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, ѣшь и пей до люби. — Дворянинъ Безсчастный Молодецъ не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ.

— Ай же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Ложись на кроватку тесовую. — Ложился Дворянинъ Безсчастный Молодецъ. Пошла Престарѣлая Женщина, за собою дверь заложила. Думаетъ самъ съ собою добрый молодецъ: «Видно, мнѣ изъ сего дома не бывать на бѣломъ свѣтѣ!» Какъ ударилъ первый часъ, и слышитъ: замокъ отмыкается и двери отворяются. Приходитъ Женщина Престарѣлая: въ правой рукѣ несетъ фонарь со свѣчею, а во лѣвой рукѣ держитъ шубу соболиную, тросточку камышевую — наконечникъ серебряной, набалдачникъ красна золота; шапочку черна соболя. — Вставай, одѣвайся, добрый молодецъ, пора итти ко Христосьскія заутрени. — Обувалъ онъ сапожки сафьяна Турецкаго, шитья было Нѣмецкаго, надѣваетъ на себя одежу драгоцѣнную, попахнулъ на плечи шубу соболиную, шапочку накладывалъ на головушку, бралъ въ руки тросточку камышевую. Говоритъ ему Престарѣлая Женщина: — Что, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, каково тебѣ кажется? — «Каково тебѣ со стороны кажется: мнѣ-на весьма хорошо!» Даваетъ она ему три яица золоченыя: — Поди-тко ко Христосьской заутрени, а какъ отстоишь заутреню, съ княземъ Владиміромъ яицомъ похристосуйся, другимъ со княгиной Опраксеою, а третье сюды нести. —

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ къ заутрени, приходитъ во церковь соборную, становится на мѣсто на посыльное, на лѣвое на крылосо. Отходитъ Христосьская заутреня, пошли христосоваться со княземъ Владиміромъ. И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ сталъ христосоваться съ княземъ Владиміромъ, съ княгиною Опраксою, и вышелъ изъ церкви соборныя на церковный рундукъ, самъ съ собой пораздумался: «Ежели я пойду къ Престарѣлой Женщины, она отойметъ шубу соболиную, мнѣ-ка бѣда будетъ. Однако пойду къ Престарѣлой Женщины.» —

И пришедши къ престарому дому, захватилъ за кольцо золоченое и ударилъ: двери отворилися. Какъ зашелъ въ палаты бѣлокаменныя, сталъ съ Престарѣлою Женщиной христосоваться. Говоритъ она таковы слова: — Нѣтъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, не со мной тебѣ христосоваться, а на-тко тебѣ двѣнадцать ключей, и двѣнадцать

замковъ отложи, и двѣнадцать ключей потреби, и двѣнадцать дверей отвори, и тамъ христосуйся, а только долго не заговаривайся.—Взялъ добрый молодецъ двѣнадцать ключей, отложилъ двѣнадцать замковъ, отворилъ двѣнадцать дверей и заходилъ въ покои особые. И сидитъ дѣвица на стулѣ черленоемъ: такой красавицы на свѣтѣ не видано, не видано на бѣлоемъ и не слыхано. И сталъ съ ёй христосоваться; онъ ей даваетъ яицо золоченое, а она ему ширинку золотую, сама говоритъ таковы слова:—Постой-ка, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, постой-ка, со мной поговори.—Онъ того добрый молодецъ не слушался, выходилъ за двери дубовыя, за собою двери заложилъ и приходитъ къ Престарѣлой Женщины.—Что себѣ видѣлъ, добрый молодецъ?— «Видѣлъ дѣвицу-красавицу: такой на свѣтѣ не видано, не видано на бѣлоемъ и не слыхано.» — А хочешь взять за себя въ супружество?— «Охъ, Престарѣлая Женщина, гдѣ мнѣ-ка взять за себя въ супружество?»—Посылай-ка князя Владиміра свататься, княгину Опраксу въ поѣздъ звать, то тебѣ и невѣста; а если не позовешь князя Владиміра и княгины Опраксы, то тебѣ до невѣсты дѣла нѣтъ.—

Приходитъ ко князю Владиміру. Сталъ его Владиміръ князь чиномъ жаловать. И сталъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ посылать Владиміра князя свататься, княгину Опраксу во поѣздъ звать. Князь-то Владиміръ не ладитъ итти свататься, и говоритъ княгина Опракса: «« У насъ онъ служитъ вѣрой-правдою, поди же—посватайся.»» И пошелъ князь Владиміръ, посватался. Выводитъ дѣвицу Престарѣлая Женщина; то Владиміръ князь вздрогнулъ на ея красоту; и просватали за Дворянина Безсчастнаго Молодца. Тутъ веселымъ пиркомъ и за свадебку, принимали они золоты вѣнцы, стали жить да быть, вѣкъ коротати.

*

У стольнаго князя у Владиміра былъ хорошъ-почестенъ пиръ на многихъ князей на бояръ, чтобы жены при нихъ были *). Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися и

*) Не были?

все на пиру порасхвастались. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвалится отцемъ-матерью, который хвалится молодой женой. Дворянинъ Безсчастный Молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: — Что же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься? — «А чѣмъ мнѣ-ка похвастати? Доволенъ я чиномъ, жалованьемъ, повышеніемъ, доволенъ я и молодой женой: нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ.» Изъ за того за столика задняго выскочилъ Ѳедька Насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкой три года живу, а про то никто не знаетъ.» Говоритъ Владиміръ стольно Кіевскій: — Когда ты съ его хозяйкою живешь три года, такъ принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами; тожно повѣрую тебѣ и буду тебя жаловать, а его посажу за столики за задніе, вмѣстѣ съ мужиками-деревенщиной. —

Побѣжалъ Ѳедька, бѣгалъ по Кіеву, не знаетъ и дома Дворянина Безсчастнаго Молодца. Идетъ Престарѣлая Женщина: — Что ты, Ѳедька, бѣгаешь-кружаешься, чего ищешь по городу по Кіеву? — «Охъ, Престарѣлая Женщина! былъ я у князя Владиміра на почестномъ пиру и ударилъ головою о великъ закладъ, достати монисты золотыя съ крестами отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца; а я и дома-то его не знаю.» — Пойдемъ, Ѳедька Насмѣшникъ, покажу я тебѣ домъ его. — Подошли къ дому Дворянина Безсчастнаго Молодца, взялъ Ѳедька за кольцо позолоченое и билъ въ блесту позолоченую. Выходила служаночка сѣнная: — У насъ хозяина дома нѣтъ, а дома одна хозяйка. — Говоритъ Ѳедька Насмѣшникъ, до сырой земли покланяется: «Ай же ты, дѣвушка сѣнная! Выручи изъ бѣды великія: былъ я у князя Владиміра на почестномъ пиру и ударилъ головой о великъ закладъ, достать золотыя монисты со крестами отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца. Какъ достану монисты, буду я на его мѣстѣ, а онъ будетъ на моемъ мѣстѣ — дворъ пахать *), куръ кормить и баня топить.» — Ты, Ѳедька,

*) Мести. — *Изд.*

женатъ ли есть?—«Нѣтъ, я не женатъ.»—Возьмешь ли ты меня за мужь?—«Возьму.» И принесла она ему золотыя монисты со крестамы....

Прибѣжалъ Өедька на княженецкій дворъ, зашелъ въ палаты бѣлокаменныя и бросилъ монисты на дубовый столъ. Тутъ Владиміръ стольно-Кіевскій обралъ у Дворянина Безсчастнаго Молодца всѣ чины, повышенія, жалованье, посадилъ его за задній столъ.

Какъ отошелъ почестенъ пиръ, разъѣзжалися князья-бояра думныи, пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ въ свои палаты бѣлокаменныя, пошелъ — самъ съ собой пораздумался: «Приду я домой,—биться и драться—ее не перебить; приду,—ласковыми словами позову, и созову на иностранные корабли, купить ей матеріи на платье.» Какъ пришелъ домой, созвалъ ея гулять; пошли—ручка за ручку захватилися: духъ радуется, глядючись на молодыхъ.

И пришедши къ кораблямъ, пошли по сходнямъ корабельнымъ. Идетъ хозяинъ впередъ, а Дворянинъ Безсчастный Молодецъ вслѣдъ идетъ, самъ думу думаетъ: «Спехнуть ее въ воду, — она сильнѣе меня, и скорѣе меня спехнетъ!» Зашли на корабли и стали матеріи спрашивать. Купецъ продаетъ, а самъ зритъ и глядитъ на нее, и глазъ не скидываетъ. Говоритъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: «Что же ты зришь и глядишь на жену мою, глазъ не скидываешь?»—Ай же ты, добрый молодецъ! не знаю тебѣ ни имени, ни отчины: экой красавицы ни въ какой землѣ не видалъ.—«А что, господинъ купецъ, купи мою хозяйку, я ее тебѣ продамъ?»—Пустыя рѣчи говоришь, балабонишь, добрый молодецъ! Гдѣ мнѣ-ка эту красавицу купить!—«Давай мнѣ тысячу рублевъ, я ее продамъ.» Купецъ вынулъ тысячу рублевъ и отдаваетъ ему. Взялъ деньги Дворянинъ Безсчастный Молодецъ и пошелъ съ корабля долой. — И пришедши ко князю Владиміру на дворъ, сталъ дворъ пахать, дрова носить и баня топить.

Прошло тому поры-времени двои сутки, схватилася Престарѣлая Женщина о своей дочери, о своемъ зятѣ, пришла ко князю Владиміру провѣдывать. А Владиміръ князь стольно-Кіевскій стопталъ ногамы, скричалъ на нее:—Возьмите же

старую суку: она у меня добраго молодца обезчестила, отдала дочь безчестную за Дворянина Безсчастнаго Молодца! — И прогонили ее мужики метлами.

*

Купецъ поѣхалъ за море въ королевство Португальское, и ладитъ эту женщину на тесовую кровать, блудъ творить. И сказала она ему: «Купилъ ты меня въ услуженіе, а не спросилъ про то, что спать со мной.» А купецъ, того не пытаючись, наступаетъ. Какъ схватила его на косу бедру, и бросила его во сине море. И говоритъ она таковы слова: «Ай же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете разсказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срою *); идите въ королевство Португальское.»

Поѣхали корабельщики въ королевство Португальское, приставали во пристань корабельную. И брала она даровья драгоцѣнныи, подносила королю Португальскому. Королю даровья полюбилися, и далъ льготу торговать безданно-безпошлинно, и торговала она три года. А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король. И стали ходить князья-бояра думные, воеводы, и стали ходить купцы изъ своего града: ни у кого не загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И стали ходить купцы странные **). Пошла и жена Дворянина Безсчастнаго Молодца, подрѣзала волосы по мужески, одѣвала мужеское платье, и пошла къ царскимъ вратамъ: у ней загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И всѣ люди взрадовалися, всѣ ей крестъ цѣловали и королемъ нарекали.

Жилъ новый король еще три году, до народа государь былъ добрый, бѣднымъ добро сотворитъ, а служилымъ людямъ жалованье выдаваетъ. Пожилъ три году и сталъ у народа проситься въ Кіевъ градъ: «Спустите меня ко городу ко Кіеву, ко ласкову ко князю ко Владиміру: славенъ Кіевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія.» Гото-

*) Сброшу; *рыть* — кидать.

**) Сторонніе, перехожіе, гости. — *Изд.*

вили кораблики черленые, бралъ онъ съ собой дружинушку хоробрую и поѣхалъ по славному синю морю, ко стольному ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхалъ во пристань корабельную, и выкинулъ флаги заморской камки. Увидалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, приказалъ на пристани настлать сукна одинцовыя. Садили его въ карету княженецкую и привозили на широкій дворъ, заводили въ палаты бѣлокаменны и садили за столики дубовые, стали ѣсть-пить, прохлаждатися. Говорилъ онъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Гдѣ бы мнѣ постоять и квартира имѣть съ мѣсяцъ времени?» — А гдѣ угодно. — «Есть престарый домъ и живетъ въ немъ Престарѣлая Женщина, — я хочу въ томъ домѣ стоять.» Приказалъ Владиміръ стольно-Кіевскій нахватать дѣвокъ похожаекъ, домъ вымыть-вычистить, сукна настлать и духовъ подпустить. И какъ сталъ домъ готовъ, садился король въ карету княженецкую и поѣхалъ.

Завели его въ покои, садили на стулики кленовые. Говоритъ онъ посыльщику: «Позови потихоньку Престарѣлую Женщину на пару словъ.» Позвали ее: рядилась она во платьица самолучшія, взяла подарочки драгоцѣнные и падала на колѣни. Говоритъ король: «Садись, Престарѣлая Женщина, со мной, поговоримъ. Ты какого роду-племени?» — Я была Португальскаго короля жена, и пришли непріятели на землю Португальскую, сдѣлалось гоненіе, и молюшку прибили. Я въ тѣ поры увезла дочь въ Кіевъ градъ и воспитывала ее до восьмнадцати лѣтъ. А есть Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: я его выручила, онъ меня выручилъ. Даваетъ ему князь Владиміръ двѣнадцать соболей и велитъ сшить шуба соболиная въ Страстную субботу къ Христосьской заутрени: я ему помогла. Вижу: онъ добровиденъ и у князя въ чести, — я выдала за него за мужъ дочь. Сначала жила она хорошо, да вдругъ дочь у него моя пропала. Ежели выпускать дѣло на бѣлый свѣтъ, станутъ добрые люди зариться. Вотъ я проживаю одна и не знаю, гдѣ дочь. — «Ступай, опочивай, Престарѣлая Женщина: я у твоего зятя спрошу про дочь.»

Пошелъ спать король и проспалъ ночь. На утро пріѣз-

жаетъ ко князю Владиміру и спрашиваетъ: «Кто бы умѣлъ для меня истопить байна парная?» Говоритъ князь Владиміръ: — А позвать Дворянина Безсчастнаго Молодца; Онъ весьма хорошъ байна топить. — Какъ позвали Дворянина Безсчастнаго Молодца, пришелъ онъ, правую ногу откинулъ, руки подъ бока. Началъ король его выспрашивать: «Хорошъ ли ты, молодецъ, топить парная баинка?» — Я топлю про князя Владиміра, а про васъ могу ли, нѣтъ, истопить! —

Поѣхалъ король домой; Дворянинъ Безсчастный Молодецъ скочилъ на запятки кареты и захватился за кисти. Какъ пріѣхали къ престарому дому, истопилъ байну и докладываетъ: — Байна, де, готова. — Говоритъ король: «Неси сундукъ за мной вслѣдъ,» а посыльщиковъ выгналъ. «Ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, раздѣвайся.» — Какъ мнѣ передъ тобой тѣло обнажать? — «Раздѣвайся, и я раздѣнусь.» Раздѣлся король; а самъ стоялъ къ нему задомъ; какъ обернулся передомъ, спрашиваетъ: «Кто я есть?» — Ты моя хозяйка досельная! —

Тутъ она одѣлась королевной, а онъ королемъ. Вышли, и часовые отдаютъ имъ честь. Спросили они лошадей, сѣли въ карету и поѣхали ко князю Владиміру. Дивится князь Владиміръ, а какъ услышалъ отъ нихъ, какъ было дѣло, заводилъ ихъ за столы дубовые и сталъ спрашивать: — «Гдѣ этотъ Ѳедька Насмѣшникъ?» — Идетъ Ѳедька Насмѣшникъ, аки мертвый. Говоритъ королевна: «Что же ты, Ѳедька Насмѣшникъ, мною похваляешься?» «Съ глупости я похвасталъ вашей милостью; а ваша служанка, моя хозяйка, принесла мнѣ ваше монисто.» Приказалъ князь Владиміръ отвести его на казень смертную. Отрубили ему голову и принесли къ королевны.

После того король и королевна погостили у князя Владиміра, и поѣхали домой. И жилъ король сто десять лѣтъ; себѣ вѣчную жизнь уготовалъ, сталъ Богу угоденъ, на тотъ свѣтъ отходенъ, и нонынѣ онъ отчиваетъ [*]. Ему слава во вѣки не минуетъ.

(Отъ калѣки Латышова, а его научилъ калѣка Гергуша изъ Воезера).

*

---

[*]) Опочиваетъ, покоится. — *Изд.*

52

О ЦАРѢ САЛАМАНѢ, ЦАРИЦѢ САЛАМАНІИ И ПРЕКРАСНОМЪ ЦАРѢ ВАСИЛЬѢ ОКУЛЬЕВИЧѢ.

(Кіевскаго голоса).

Жилъ-былъ прекрасный царь Василій Окульевичъ.
И набиралъ-то силушку великую,
Великую силушку, могутную,
И ставили столы дубовые,
Стлали [1]) скатерочки браныя,
Подавали [2]) ѣства сахарнія
И носили питьица медвяныя,
И кормилъ свою силушку до сыта,
И напоилъ ее до пьяна,
И говорилъ своей силы могутныя:
« Ужь вы всѣ у меня накормлены,
« И всѣ у меня напоены,
« И всѣ у меня поженены,
« И во скорыихъ часахъ во минуточкахъ
« Приберите мнѣ княгину по разуму,
« Чтобы станомъ была станещенька,
« И ростомъ была высокошенька,
« И на лицо была красовитая [3]),
« Очи были бы яснаго сокола,
« Брови были бы чернаго соболя,
« Походка павлиная, рысь [*]) лебединая. »
Богатыри [4]) другъ на друга поглядываютъ,
Отвѣта царю не сказываютъ.

Изъ за того стола за дубоваго,

Разнорѣчія:

[1]) Ставилъ; стлалъ.

[2]) Носилъ.

[3]) Прекраеивая.

[*]) Конечно—«рѣчь.»—*Изд.*

[4]) Князи-бояра.

Изъ за того мѣста за высокаго
Назвался царю [5]) Ивашка Повареный [6]):
— Ай же ты, прекрасный царь Василій Окульевичь!
— Какъ за этымъ за славнымъ за синимъ моремъ,
— У премудраго царя у Саламана
— Е прекрасная царица Саламанія:
— Она станомъ станешенька,
— И ростомъ она высокошенька,
— И на лицо она красовитая,
— У ней очи яснаго сокола,
— У ней брови чернаго соболя,
— Походка павлиная; рысь лебединая.—
Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичь:
« Ты безумный воръ, Ивашка Повареный!
« Какъ же можно отъ жива мужа жена отнять?»
Говоритъ Ивашка Повареный:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичь!
— И съ хитрой возмемъ со хитростью,
— Со великою увеземъ со мудростью;
— Исполадимъ-ка насадъ [*]) черленый,
— На тые-тъ насадъ на черленый
— Поставимъ кроватку тесовую,
— И на тую кроватку тесовую
— Покладемъ [7]) перину пуховую,
— И наволочки кладемъ шелковыя,
— Занавѣски кругомъ крупчатой [**]) камки,
— И грядочку [***]) прокладемъ орленую,
— И на тую на грядочку орленую
— Посадимъ птицыньку райскую,
— Чтобы пѣла бы пѣсенки царскія;
— И пива возмемъ бочекъ сорокъ сороковъ,

---

[5]) Воръ.
[6]) Тарашка, купецъ заморскій.
[*]) Судно.
[7]) Кладемъ.
[**]) Хрущатой.—*Изд.*
[***]) Перекладину, жердочку, насѣсть.—*Изд.*

— Пивну чашу возмемъ полтора ведра,
— И много ѣствъ [8]) возмемъ сахарніихъ;
— И премудрому царю Саламану
— Кунью шубу возмемъ соболиную,
— А прекрасной царицы Саламаніи
— Черны [9]) чоботы козловые. —
И во скорыихъ часахъ во минуточкахъ [10])
Во дороженьку они справлялися,
Отъ дому они отлучалися.

И поѣхали черезъ славное синё море,
Подтянули тонки-бѣлы парусочики,
И Богъ далъ имъ тихую повѣтерь:
Переѣхали славное сине море,
И подъѣзжаютъ ко крутому ко бережку.
И догадливый Ивашка Повареный
Бралъ въ руки подарочки царскіе,
И походитъ на крутый на бережокъ.
Приходилъ-то къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко прекрасной царицы Саламаніи,
Ужь онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на стороны поклоняется,
Прекрасной царицы Саламаніи
Поклонъ ведетъ въ особину.
И спросилъ про царя про Саламана;
Отвѣчала царица Саламанія:
« При домѣ царя не случилося.»
И догадливый Ивашка Повареный
Отдавалъ царицы подарочки
И спросилъ у царицы Саламаніи:
— Ты прекрасная царица Саламанія!
— Позволь здѣ-ка-ва намъ торгъ держать,

---

[8]) Ѣствовъ.
[9]) Новы черны.
[10]) Наладили насадъ черленыій.

— А мы пошлину выплатимъ по надобью [11]) —
Какъ подарочки ей прилюбилися,
Отвѣчала царица Саламанія:
« Ты торгуй-ка, Ивашка Повареный,
« Здѣ-ка-ва хоть по два года, по три года:
« Намъ не надобно съ тебя пошлины. »
Говорилъ Ивашка Повареный:
— Ты прекрасная царица Саламанія!
— Приходи-тко на крутой на бережокъ,
— Поглядѣть нашихъ товаровъ заморскіихъ?—

Умывалася царица бѣлешенько
И надѣвалася она хорошохонько,
Приходила на крутой на бережокъ,
И заходила на суда на черленыя,
И увидала кроватку тесовую,
И увидала перину пуховую,
И наволочки она увидла шелковыя,
И занавѣски увидла крупчатой камки,
И грядочку увидда орленую,—
На той на орленой на грядочкѣ
Сидитъ-то птицынька райская,
Поетъ-то пѣсенки [12]) царскія;
И пива увидла бочекъ сорокъ сороковъ,
И пивную чашу полтора ведра,
И много ѣствушекъ [13]) сахарніихъ,
И больше питьицевъ медвяныхъ,
И догадливый Ивашка Повареный
Наливаетъ пивную чару [14]) полтора ведра
И подноситъ царицы Саламаніи,
Выпивала царица чару полтора ведра,

---

11) Позволь здѣ-ка-ва намъ поторговати:
Сколько надобно вамъ пошлины,
Мы будемъ платить.

12) Воспѣваетъ пѣсни-то.

13) Ѣствовъ.

14) Чашу.

И тутъ она призапилася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася,
И догадливый Ивашка Поваренный
Отъѣзжаетъ отъ крутаго отъ бережка:
И завѣяли вѣтрышки буйные,
И тутъ-то царица пробудилася,
Пробудилася и прохмѣлилася,
Прохмѣлилася царица, прослезилася:
« Эдака горька горюша несчастная,
« Я несчастная царица неталанная!
« Я отъ бережка нонь отпятнулася,
« И къ другому теперь не прикачнулася!»
Догадливый Ивашка Поваренный
Наливаетъ пивную чару полторы ведра
И говоритъ царицы Саламаніи:
— Ты не плачь по царѣ по Саламанѣ
— Буде Богъ снесетъ за славное сине море
— Ко прекрасному царю Василью Окульевичу, »
— Такъ и будешь ты царицею, »
— И сытешенька, и пьянешенька, —
И подноситъ царицы Саламаніи
Этую пивную чару полтора ведра;
И тутъ царица приканилася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася,
И до крутаго бережка она не прохмѣлилася.
И подъѣзжаютъ ко крутому ко бережку;
Догадливый Ивашка Поваренный
Снимаетъ онъ тонки бѣлы парусочики.
И какъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Взглянулъ въ косивчето [16] у окошечко
И увидѣлъ свои суда черленыи,
Умывается онъ бѣлешенько,
И одѣвается онъ хорошохонько,
И выходитъ на крутой на бережокъ;

---

[15] Ты не плачь-ко, царица Саламанія.

[16] Косивчето.

Встрѣчаетъ царицу Салазанію,
И взялъ ю за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарнія,
И ведетъ ю въ палату бѣлокаменну,
И съ тоя поры съ того времянка
Живутъ времячка съ годъ поры,
И живутъ времени два году,
И живутъ времени три году;
Одного они боятся — царя Саламана.

А премудрый царь Саламанъ
Собиралъ силушки съ годъ поры,
И собиралъ по два году.
И собиралъ по три году,
И коней-людей *) крылатыихъ,
Всѣхъ паленицъ удалыихъ;
И наказывалъ своей силы сильныя:
« Ай же ты сила моя сильная,
« Великая сила, могучая,
« Кони-люди крылатые,
« Всѣ паленицы удалыя!
« Ужь вы слушайте мой зычёнъ голосъ.
« Ужь какъ первый разъ я затрублю въ турій рогъ,
« Такъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
« Какъ другой разъ затрублю въ турій рогъ,
« Такъ садитесь вы на добрыхъ коней;
« Какъ во третій разъ я затрублю въ турій рогъ,
« Такъ пріѣзжайте за славное сине море,
« Поспѣшайте на мою скорую смерётушку.»
И надѣвается онъ во платьица во нищія,
Обувалъ лапотики семи шелковъ [17],
За плеча клалъ сумочку бархатну,
И походитъ за славное сине море.

И приходитъ за славное сине море

*) Полкановъ, Кентавровъ. — *Изд.*
[17]) Обулъ лапотики на ноги шелковые.

Ко прекрасному царю Василью Окульевичу.
На уличкѣ онъ остановился,
Самъ говорилъ таково слово:
«Ай же ты, прекрасный царь Василій Окульевичь!
«Подай-ка милостину каликѣ нищей».
Увидала его царица въ окошечко,
И спознала его да бѣло лицо,
И кличетъ каликушку нищую:
— Заходи-ка, каликушка нищая,
— Во мою палату бѣлокаменну.—
И заходитъ каликушка нищая
Во тую палату бѣлокаменну.
Ужь онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Самой-то царицы въ особину.
Тутъ прекрасная царица Саламанія,
Она ставила столики дубовые,
Стлала скатерочки шелковыя,
И кормила она царя до сыта,
И напоила она его до пьяна,
И наливала пивную чару [18]) полтора ведра,
Подносила царю Саламану.
Принапился царь Саламанъ, охмѣлился,
И свалился на кирпиченъ мостъ [19]),
Притянула она царя Саламана,
И замкнула она въ окованъ ларецъ,
На верёхъ садилась ж..., бабьею.

И приходитъ прекрасный царь Василій Окульевичь,
И заходитъ въ палату бѣлокаменну;
Говоритъ царица Саламанія:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичь!
— Кого мы боялись съ годъ поры,

---

[18]) Чашу.

[19]) Принапился премудрый царь Саламанъ,
Охмѣлился и съ рѣзвыхъ ногъ свалился.

— И кого мы боялись по два годе,
— И кого мы боялись по три году,
— Тотъ замкнутъ ноньче въ кованъ ларецъ,
— И на верху сижу я бабьею,
— Ты прекрасный царь, Василий Окульевичь!
— Ты поди-тка во славное чисто поле,
— Поставь-ка два столбика точеныихъ,
— И клади-тка ступенышки кленовыя,
— И клади-тка грядочку орленую,
— Наладь-ка петелку шелковую;
— И мы повѣсимъ-ка царя Саламана
— Во эту во петелку шелковую. —
И тутъ пошелъ прекрасный царь Василий Окульевичь
Со своей со силой со великою,
И пошелъ онъ во славное чисто поле,
И приказалъ своей силы великоей
Поставить два столбика точеныихъ,
Класть-то ступенышки кленовыя
И класть грядочку орленую,
И наладить петелку шелковую [20],
И возвратно назадъ ворочается,
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны
Со своей со силою великою,
И говоритъ прекрасной царицы Саламаніи:
« Ты прекрасная царица Саламанія!
« Отмыкай-ка ноньче кованъ ларецъ. »
Отмыкала царица кованъ ларецъ,
И выходилъ премудрый царь Саламанъ;
И приказалъ прекрасный царь Василий Окульевичь
Взять премудраго царя Саламана
И вести его во славное чисто поле
Ко тымъ двумъ столбикамъ точенымъ,
Ко тымъ ступенышкамъ кленовымъ,
Ко той ко грядочкѣ орленыя,

---

[20]) Класть-то грядочка орленая
И наладить петелка шелковая.

Ко той петелкѣ шелковоей [21].
Подхватила сила великая
Премудраго царя Салмана,
И повели его во чисто [22]) поле,
И привели его къ двумъ столбикамъ точенымъ,
Къ тымъ ступенышкамъ кленовыимъ,
Ко той ко грядочкѣ орленоей,
Ко той ко петелкѣ шелковоей.
Говоритъ тутъ царь [23]) Саламанъ:
«« Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
«« Ужь дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
«« Поиграть предъ скорою смерётушкой:
«« Я съ малости былъ охвочь коровъ пасти.»»
И говорила [24]) царица Саламанія:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
— Уйдетъ онъ отъ тебя съ хитростью
— И съ великою уйдетъ мудростью! —
Говорилъ премудрый царь Саламанъ:
«« Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
«« Ты не слухай-ка бабы неумныя:
«« Ужь дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
«« Поиграть передъ скорой смерётушкой.»»
Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичъ [25]):
« Ай же ты, силушка моя великая!
» Ступайте, принесите турій рогъ
« Пусть стѣшитъ свою охвотушку
« Предъ скорой смерётушкой.»
И принесли ему турій рогъ,
И подали во рученьки во бѣлыя.
Онъ на первую ступилъ ступеченьку
И первый разъ затрубилъ во турій рогъ. —

---

[21]) Ко той ко петелочки шелковыя.
[22]) Во славное чисто.
[23]) Премудрый царь.
[24]) И говоритъ.
[25]) Своёй онъ силы великія.

Всѣ звѣри сбѣжалися,
Всѣ птицы слеталися
На его на скорую смерётушку.
Такъ спросилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
« Ты премудрый царь Саламанъ!
« Что это случилося,
« Что всѣ звѣри сбѣжалися,
« Всѣ птицы слеталися [26])?»
Говорилъ премудрый царь Саламанъ:
«« Я какъ съ малости былъ охвочь полѣсовати,
«« Такъ всѣ птицы слеталися,
«« Всѣ звѣри сбѣжалися
«« Смотрять [*]) мою скорую смерётушку.»»
На вторую ступилъ ступененьку
И второй разъ затрубилъ во турій рогъ,—
И всѣ горы, всѣ лѣсы сшаталися,
И всѣ синія моря сколыбалися,
И у моря пошелъ великій шумъ.
На третью ступилъ ступененьку
И третій разъ заигралъ [27]) въ турій рогъ,—
Наѣзжала сила великая [28]),
Люди-кони крылатые
И всѝ паленицы удалыя [29])
И растрепали у Василья Окульевича
Его силу великую-могутную.
И эта сила великая [30]),
Кони-люди крылатые,
Всѣ паленицы удалыя
Наладили три петли шелковыихъ:

---

[26]) Что это нонь случилося,
Что всѣ звѣри, всѣ птицы сбѣжалися,
Сбѣжалися звѣри-птицы, слеталися?

[*]) Смотрять, смотрѣть?—*Изд.*

[27]) Затрубилъ.

[28]) Сила сильная, великая.

[29]) И вся поленица удалая.

[30]) Сильная-великая.

И во первую петелку шелковую
Повѣсили Ивашка Повареная,
И во другую петелку шелковую
Повѣсили прекраснаго царя Василья Окульевича,
И во третью во петелку шелковую
Хочутъ повѣсить прекрасную царицу Саламанію.
И тутъ царица прослезилася,
Прослезилася, царю змолилася:
— Есть ли грѣшному прощеньице
— И есть ли грѣшному благословеньице?
— И ты прости-тко меня, царь Саламанъ! —
Говоритъ мудрый царь Саламанъ:
«« Какъ бы ты была баба умная,
«« Ты не пила бы на суда на черленыя,
«« Ты не пила бы питья забудущаго:
«« И во этой вины тебя Богъ проститъ!
«« Какъ бы ты была баба умная,
«« Не замкнула бы царя въ окованъ ларецъ:
«« И во той во вины тебя Богъ проститъ!
«« И какъ бы ты была баба умная,
«« Не ладила бы петли шелковыя
«« И не вѣсила бы царя Саламана:
«« И въ той вины тебя не прощу!»»
И повѣсили царицу Саламанію
Въ тую во петелку шелковую.

(Отъ племянницы крестьянина Щеголенкова).

53.

ТО ЖЕ.

(Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда).

Было поганое царство Кудріянское,
Жилъ прекрасный король Василій Окульевичь,
Не женатъ-то онъ, холостъ былъ,
Набиралъ къ себѣ почестный пиръ,
Всѣхъ своихъ пановьевъ-уленовьевъ, бурзовъ — поганыхъ Тотаровъ,

Всѣхъ своихъ князей-боярановъ [сенаторовъ] думныихъ,
Вельможь своихъ, купцовъ богатыихъ.
Какъ тутъ пошелъ у нихъ столованье—почестный пиръ.
Было красно солнце на вечерѣ,
Почестенъ пиръ былъ на веселѣ,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвасталися.
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
Иной хвастатъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной хвастатъ молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный-дуракъ хвастатъ молодой женой.
Король по полатушки похаживаетъ,
Король выговариваетъ:
« Ай же вы, князя-бояра [сенаторы] думные,
« Вельможи, купцы богатые,
« Всѣ мои бурзы—поганы Тотары!
« Всѣ у меня на честномъ пиру,
« Всѣ вы у меня стали веселы.
« Знаете ли вы по моему плечу и по моей храбрости
« Мнѣ-ка царицу благовѣрную,
« Въ которой ни будь сторонушки,
« Или за славнымъ синимъ моремъ,
« Чтобы она была на лицо бѣла и румена,
« Ягодицы какъ маковицы,
« Поскокъ былъ бы заюшки,
« Поворотъ горностаюшки,
« Походка лани бѣлой златорогія,
« Очи ясныя яснаго сокола,
« Пролётнаго сокола, заморскаго,
« Брови черныя какъ чернаго соболя заморскаго,
« Какъ будто колесомъ брови проведены,
« Чтобы было вамъ кому клонится,

« Въ инной орды хвалитися?»
Какъ они другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за середняго,
Середній за меньшаго,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Говоритъ король второй наконъ:
« Ай же, князя-бояра.
« Всѣ бурзы—поганы Тотара!
« Что же вы мнѣ отвѣту не держите?
« Знаете либо не знаете,
« Держите мнѣ такой отвѣтъ:
« Знаете ли царицу благовѣрную
« По моему плечу да по храброму,
« Въ которой ни будь сторонушки,
« Хоть за славнымъ синимъ моремъ,
« Чтобы она была на лицо бѣла и румена,
« Ягодицы какъ маковицы,
« Поскокъ былъ бы заюшка,
« Поворотъ горностаюшка,
« Походка лани бѣлой златорогія,
« Очи ясныя яснаго сокола,
« Пролетнаго сокола, заморскаго,
« Брови черныя какъ черняго соболя заморскаго,
« Какъ будто колесомъ брови проведены,
« Чтобы было бы вамъ кому клонитися,
« Въ инной орды хвалитися?»
Какъ они другъ за друга туляются-окучаются,
Большій за средняго,
Средній за меньшаго,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
За тѣми столами дубовыми,
За скамейками окольними,
На томъ концѣ на нижнеемъ,
Сидѣлъ дѣтина черный весь,
Какъ будто лѣтина поваренный,
Повареный, помараный,
Сидѣлъ бурза—погана Тотарина,
Говорилъ самъ таковы слова:

— Ай же ты, нашъ батюшка,
— Прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Знаю я тебѣ царицу благовѣрную,
— Что на лице она бѣла и румена,
— Ягодицы какъ маковицы,
— Поскокъ у ея заюшка,
— Поворотъ у ней горностаюшка,
— Походка лани бѣлой златорогія,
— Очи ясныя яснаго сокола,
— Пролетнаго сокола, заморскаго,
— Брови черныя чернаго соболя заморскаго,
— Какъ будто колесомъ брови проведены;
— Есть кому намъ да клонитися,
— Въ инной орды есть кѣмъ хвалитися:
— За тѣмъ какъ за славнымъ синемъ моремъ,
— Во томъ во градѣ Ерусолимѣ,
— У премудраго царя у Соломана,
— Есть прекрасная царица Соломонида.—
Какъ говорилъ тутъ прекрасный король,
Говорилъ Василій Окульевичъ:
«Ай же ты, дѣтина поваренный,
«Поваренный и поваленый!
«Глупу ты рѣчь, дѣтина, говоришь:
«Какъ можно отъ жива мужа да жена увезть,
«Не безъ чего отъ премудраго царя да отъ Соломана?»
Какъ говоритъ дѣтина поваренный таковы слова:
— Ай же ты, нашъ батюшка,
— Прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Наложи-тка ты мнѣ имячко другое,
— Наложи-тка ты мнѣ имя Ивашко,
— Ивашко-Торокашко гость заморскій;
— Построй-ка три карабля три черные,
— Исправные карабли, снарядные,
— Опуши-ка эти карабли лисицами,
— Лисицами-куницами заморскими,
— Нагружай-ка эти карабли товарами,
— Неоцѣнными камешками драгоцѣнными:
— Поѣду я за славное сине море,

— Привезу тебѣ царицу Соломанію.—
Какъ онъ наложилъ ему другое имячко—
Ивашко-Торокашко Заморянинъ,
Построилъ три карабля три черные,
Исправные всѣмъ карабли, снарядные,
Опушилъ эти карабли лисицами,
Лисицами-куницами заморскими,
Нагружалъ эти карабли товарами,
Неоцѣнными камешками драгоцѣнными,
Отпущалъ Ивашка-Торокашка за сине море,
За сине море во градъ во Еросолимъ.

Скоро скажется, да по успѣху его дѣлается.
Будетъ Ивашко-Торокашко за синемъ моремъ,
За синемъ моремъ во градѣ Еросолимѣ,
Становилъ свои черные карабли
Во пристань во купеческу,
Бралъ онъ дороги подарочки заморскіе,
Онъ докладъ держалъ ко царю ко Соломану.
Царя да Соломана дома не случилося:
Уѣхано за охотой во чисто поле.
Онъ докладъ держалъ царицѣ благовѣрныя,
Дарилъ ей дороги подарочки,
Самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты, благовѣрная царица Соломаньи!
— Прими-ко ты мои дороги подарочки,
— Дороги подарочки заморскіе,
— Позволь поторговать во градѣ Еросолимѣ
— Товарами заморскими,
— Посылай-ка ты оцѣнить обцѣнщиковъ,
— Обцѣнщиковъ ребятъ да молодыихъ,
— Оцѣнить мои черные карабли,
— Черные карабли и товары заморскіе.—
Она посылала ребятъ да молодыихъ
Оцѣнить карабли черные
И товары заморскіе.
Какъ приходили оцѣнщики на черные на карабли,
Они карабль цѣнили, они другой цѣнили,

На третій карабль да цѣнить пришли,—
Какъ онъ сталъ убаивать,
Онъ сталъ уговаривать,
Уговаривать, около обхаживать:
— Ай же вы, ребята молоды общѣнщики!
— Выпейте-ка нашихъ напиточковъ заморскіихъ,
— Неньяныихъ; сладкіихъ:
— Во вашемъ Еросолимѣ
— Нѣтъ таковыхъ и не водится.—
Имъ какъ захотѣлося напиточковъ откушати,
Какъ поднесъ онъ по чарочкѣ напиточекъ сонныихъ,
И поднесъ имъ по другія,
И поднесъ имъ по третія,—
Только едва успѣли выйти со караблей,
На крутомъ крежу сонны лежать.
Онъ опять докладъ держалъ царицѣ Соломаньи:
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломанія!
— Послала ты ребятъ все молодыихъ:
— Они не могли оцѣнить моихъ караблеій,
— Напилися зелена вина
— И на крутомъ крежу сонны лежать.
— Посылай-ка ты молодыхъ ребятъ,
— Которые не пьютъ да зелена вина,
— Не играютъ костии-картами.—
Она выбирала такихъ да общѣнщиковъ,
Ребятъ да молодыихъ,
Которые не пьютъ да зелена вина,
Не играютъ костии-картами,
Посылала такихъ да общѣнщиковъ,
Оцѣнивать его карабли черные,
Черные карабли, товары заморскіе.
Какъ пришли ребята на эти на черные на карабли,
Начали товары и карабли оцѣнивать,
Какъ карабль цѣнили и другой цѣнили,
И на третій пришли оцѣнивать,—
Какъ онъ сталъ ихъ убаивать,
Сталъ да уговаривать,
Вокругъ ихъ да обхаживать:

— Ай же, ребята молодые обценщики!
— Выпейте-ка вы нашихъ напиточковъ заморскіихъ,
— Сладкіихъ, непьяныихъ:
— Во вашемъ Еросолимѣ
— Нѣтъ таковыхъ и не водится.—
Какъ имъ захотѣлося откушати,
Онъ поднесъ-то имъ напиточковъ сонныхъ по чарочки,
Онъ поднесъ-то имъ по другоей,
И онъ поднесъ-то имъ по третей чарочки;
Опять едва вышли со караблей
И на крутомъ крежу сонны лежать.
Онъ опять докладъ держалъ царицѣ благовѣрныія:
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломанія!
— Не посылай больше обцѣнщиковъ
— Ребятъ да молодыихъ:
— Не могутъ оцѣнить моихъ караблей,
— Напьются зелена вина
— И сонны лежатъ на крутомъ крежу.
— Ты сама поди — оцѣни мои черные карабли.—

Она сама да поднималася,
Приходила на черные на карабли,
Стала товаровъ оцѣнивать,
Товаровъ и черныхъ караблей;
Карабль цѣнила она, другой оцѣнила,
На третій карабль оцѣнить пришла,—
Какъ онъ сталъ убаивать,
И сталъ онъ уговаривать,
И около обхаживати.
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломаньяі
— Выпей-ка нашихъ напиточковъ сладкіихъ,
— Сладкіихъ заморскихъ непьяныихъ,
— За ту за выслугу великую,
— Что оцѣнила мои черные карабли.—
Поддергивалъ ей столикъ дубовыій,
Ко столику поддергивалъ золотой онъ стулъ;
Садилася она на золотъ стулъ,
Садилася ко столику дубовому;

Какъ становилъ онъ напиточковъ
Сладкіихъ заморскихъ на дубовый столъ,—
Все напиточки сонные,—
Какъ начала пить она напиточковъ заморскіихъ,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она до пьяна,
Обвалилася на черноемъ на караблй,
Обвалилася, сонна лежить.
Онъ приказалъ отвалить черные карабли
Отъ береговъ да во сине море,
Поѣхалъ онъ славнымъ синемъ моремъ.
Она на синемъ морй просыпалася,
Сама говоритъ да таковы слова:
« Ай же ты, Ивашко-Торокашко, гость заморскій!
« Про себя везешь или про друга?»
Онъ отвѣчалъ ей таковы слова:
— Ай же ты, царица благовѣрная!
— Какъ можно намъ держать роды царскіе!
— А отъ царя къ королю везу,
— Къ королю везу ко прекрасному
— Василью Окульевичу,—

Какъ привозилъ онъ во царство Кудріянское,
Какъ тутъ прекрасный король Василій Окульевичъ
Какъ встрѣчалъ Ивашка-Торокашка,
Гостя изъ за сина моря,
Встрѣчалъ съ честью великою,
Самъ радовался радостью великою,
Что «Теперь у меня жена да прекрасная!»
Тутъ какъ прекрасный король Василій Окульевичъ,
Повѣнчался онъ по своему;
Тутъ какъ пошелъ у нихъ столованье — почестный пиръ,
Теперь какъ пиръ на радости,
На веселй пиръ на великія,
Радуются всѣ князи и бояра [сенаторы] думные,
Вельможи, купцы богатые,
Бурзы—поганы Тотара.

А какъ во градѣ во Еросолимѣ,
Наѣхалъ Соломанъ царь да изъ чиста поля,
Докладъ держали ему да слуги вѣрные:
«« Ай же, батюшка, премудрый Соломанъ царь!
«« Какъ наѣзжалъ изъ за синя моря,
«« Съ того ли со царства Кудріянскаго,
«« Ивашко-Торокашко гость заморянинъ,
«« Увезъ твою царицу Соломанью
«« За славное за сине море,
«« Во то ли царство Кудріянское.»»
Тутъ Соломанъ царь да пораздумался:
« Какъ можно отъ жива мужа да жена увезть,
« Не безъ чего отъ меня отъ премудраго царя отъ Соломана!
« Ежели мнѣ поддаться,
« Такъ будутъ надо мной смѣяться
« За славноемъ синемъ моремъ,
« Во царствѣ Кудріянскоемъ.»
Какъ самъ тутъ взималъ пастушей рогъ,
Выходилъ какъ самъ на крутой крылецъ,
Заигралъ какъ онъ да во пастушемъ рогъ;
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же, сила моя—войско сорокъ тысячей!
« Всѣ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней,
« Поѣдемъ мы сугоною во славное сине море,
« Подъ то да царство Кудріянское!»
Сила услышала, начала сѣдлать,
Сѣдлать да уздать добрыхъ коней.
Онъ опять заигралъ во второй наконъ,
Заигралъ во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же вы, князи-бояре!
« Всѣ уздайте-сѣдлайте добрыхъ коней!»
Они да услышали, начали сѣдлать,
Сѣдлать да уздать добрыхъ коней,
Какъ всѣ они приготовляются.
Какъ тутъ-то царь да приготовился,
Опять заигралъ во пастушей рогъ,

Въ рожку ли самъ да выговариватъ:
« Ай же, князи-бояра всѣ
« И все войско сорокъ тысячей!
« Отправляйтесь-ка во сине море,
« Во поганое царство Кудріянское,
« Ко поганому царству Кудріянскому!»
Всѣ они отправились-поѣхали;
И поѣхалъ Соломанъ царь;
Все сѣло войско на добрыхъ коняхъ;
И отправился Соломанъ царь,
Какъ поѣхали всѣ во славное сине море.

Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣлается.
Какъ будутъ подъ тѣмъ царствомъ Кудріянскіимъ,
Не доѣхалъ онъ до царства за три поприща,
Становилъ онъ свою силушку въ чистомъ поли,
Самъ да своей силушки наказыватъ:
« Ай же, моя сила любезная,
« Сила-войско сорокъ тысячей!
« Вы кормите-тко добрыхъ коней,
« Вы кормите, а сами слухайте:
« А заиграю я во первой наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
« Какъ заиграю я во второй наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы садитесь на добрыхъ коней,
« Садитесь, приготовляйтесь-ко;
« Какъ заиграю я въ третій наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы идьте скорымъ скоро,
« Скорымъ скоро, скоро на скоро,
« Заставайте-тко меня во живности.»
Какъ самъ-то бралъ подъ полу подъ правую,
Бралъ онъ пастушей рогъ,
А въ руку бралъ дубину подорожную,
Пошелъ пѣшо во царство Кудріянское.
Сталъ подходить ко полатамъ королевскіимъ;
Какъ подошелъ ко полатамъ королевскіимъ,
Увидала царица Соломанья
Плучи царя Соломана,

Сама скоро бѣжала на широкъ дворъ,
Брала царя Соломана за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Называла мужемъ любезнымъ,
Любезнымъ мужемъ, царемъ Соломаномъ,
Проводила въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы за дубовые,
Подносила ѣства сахарныя,
Напиточкъ медвяныихъ:
— Ай же, батюшко Соломанъ царь!
— Ивашко-Торокашко заморянинъ,
— Увезъ онъ меня съ обману великаго.
— Прекрасна короля Василья Окульевича,
— Дома его не случилося:
— Уѣхано за охотою во чисто поле.
— Ай же ты, батюшко Соломанъ царь!
— Дай ты мнѣ проспать остатнюю ночь
— Съ королемъ Васильемъ Окульевичемъ:
— Онъ охотникъ ѣздить во чисто поле,
— Во чисто поле за охотою,
— Онъ завтра опять уѣдетъ во чисто поле,
— Мы съ тобой сядемъ на добрыхъ коней,
— Да уѣдемъ во свой градъ Еросолимъ.—
Такъ онъ говоритъ: «Я куда пойду?»
Она говоритъ: — Ты зайди-ка въ сундукъ да въ окованый.—
Какъ онъ зашелъ въ сундукъ да въ окованый,
Она зымыкала его въ сундукъ окованый.
По вечеру да по позднему,
Какъ наѣзжалъ прекрасный король изъ чиста поля,
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Какъ сталъ разговаривать со своей женой съ любезныя,—
Она сидитъ на томъ сундукѣ,
На царѣ да на Соломанѣ,—
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же, батюшка, прекрасный король Василій Окулевичь!

— Я на цари сижу да съ королемъ говорю.—
Онъ же говоритъ: « На какомъ ты сидишь царѣ ? »
— А сижу я на цари на Соломанѣ.—
Какъ взяла—выпущала царя да Соломана;
Какъ говорилъ прекрасный король таковы слова:
« Ай же ты, названъ Премудрый Соломанъ царь!
« Ты зашелъ подъ ж... подъ бабьину! »
Говоритъ царица Соломанья:
— Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичь!
— Надо казнить царя Соломана скорымъ на скоро. —
Говоритъ царь Соломанъ таковы слова:
«« Ай же, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичь!
«« Ты казни-тко меня не по каличьему.
«« Ты казни меня по царскому:
«« Какъ у насъ на святой Руси
«« Царей казнятъ да вѣшаютъ;
«« Вѣдь я теперь да никуда не уйду;
«« А прикажи-ка ты въ чистомъ полѣ
«« Вкопать два столбика дубовые,
«« Класть грядочку кленовую,
«« Ко грядочки привязать три петелки шелковыя,
«« Первую петелку красную шелковую—
«« Класть буйная головушка;
«« Другую петелку шелку да бѣлаго—
«« Класть бѣлыя рученьки;
«« Третью петелку шелку да чернаго—
«« Класть рѣзвыя ноженьки.»»
Королю да рѣчи прилюбилися;
Посылалъ какъ слугъ да вѣрныхъ во чисто поле,
Закопать два столбика дубовые,
Во столбики дубовые класть грядочка кленовая,
Ко грядочки привязать три петелки шелковыя,
Первую петелку шелку да краснаго,
Вторую петелку шелку да бѣлаго,
Третью да петелку шелку да чернаго;
Ко петелкамъ сдѣлали три ступенчика розкрашены.
Какъ повели туды царя Соломана,

Казнить да вѣшати.
Во первую карету садилися
Прекрасный король Василій Окульевичь,
Во другую карету царица Соломанія,
Во третью карету Ивашко-Торокашко,
Ивашко-Торокашко гость заморянинъ.
Тутъ-то говоритъ прекрасный король Василій Окульевичь:
« Ай ты, премудрый Соломанъ царь!
« Знашь ли, кто ѣдетъ въ трехъ каретахъ опальніихъ?»
Онъ какъ говоритъ таковы слова:
«« Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичь!
«« Первую карету кони везутъ,
«« Другая карета сама йдетъ,
«« Третью карету чортъ несетъ
«« На казень на смертную.»»
Тому того хотѣлося.

Какъ пріѣзжали къ тѣмъ петелкамъ шелковыимъ,
Какъ выходили всѣ съ каретъ да съ опальніихъ,
Какъ становился Соломанъ царь на первой ступень,
Говорилъ царь Соломанъ таковы слова:
«« Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичь!
«« Какъ былъ-то вѣдь маленькой,
«« Какъ коровъ-то я попасывалъ,
«« Я охочь въ рожка поигрывать:
«« Позволь-ко мнѣ сыграть въ остатьніихъ,
«« Въ остатьніихъ, во послѣдніихъ?»»
Говоритъ царица таковы слова:
— Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичь!
— Ты казни царя Соломана скорымъ скоро,
— Скорымъ скоро, скорымъ на скоро;
— Царь Соломанъ хитеръ-то есть.—
Какъ онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно ли дерево въ лѣсѣ не темный лѣсъ,

« Не темный лѣсъ, не шумячій:
« Одинъ человѣкъ да не рать въ поли.
« Играй-ка ты, играй ты, Соломанъ царь!»
Какъ заигралъ-то онъ въ первой наконъ во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку да выговариватъ:
«« Приходитъ казени смертная царю Соломану
«« Во томъ во городѣ да Кудріянскоемъ,
«« А казнитъ его прекрасный король Василій Окульевичь,
«« Казнитъ не по каличьему, а казнитъ его по царскому,
«« Какъ на святой Руси казнятъ царей да вѣшаютъ!»»
Игра ему да прилюбилася.
Какъ сила тамъ его да услышала,
Начали сѣдлать-уздать да добрыхъ коней,
Только начала дрожать мать сыра земля.
Говоритъ какъ тутъ прекрасный король,
Прекрасный король Василій Окульевичь:
« Ай же ты, Соломанъ царь!
« Мнѣ какъ будто чудится,
« Что дрожитъ мать сыра земля?
Говоритъ какъ Соломанъ царь таковы слова:
«« Прекрасный король Василій Окульевичь!
«« Отъ моего отъ рожка пастушьяго
«« Идетъ отзывъ за славное сине море,
«« Во градъ да во Еросолимъ-то;
«« У меня тамъ гусей-лебедей сорокъ тысячей,
«« Были кормленые-ученые,
«« Языкамъ человѣчимъ пріученые;
«« Услышали мою игру изъ за сини моря,
«« Они вылетѣли на славное на сине море;
«« Они говорятъ сами промежъ собою:
««— Не стало у насъ стараго царя Соломана,
««— Приходитъ ему казени смертная
««— Во той земли Кудріянскія;
««— Казнитъ его король не по каличьему,
««— А казнитъ его король все по царскому!—

«« Бьютъ они крыльями объ воду,
«« Волну они сдѣлали да на синемъ морѣ,
«« Волна сходилася по берегамъ
«« Отъ того дрожитъ мать сыра земля.»»
Какъ вступилъ-то онъ на другой ступень,
Говорилъ опять да таковы слова:
«« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
«« Позволь-ко ты сыграть да мнѣ второй накрнъ:
«« Ужь какъ былъ-то я маленькой,
«« Охвочь въ рожка поигрывать,
«« Тошнешенько еще сыграть мнѣ хочется.»»
Говоритъ царица таковы слова:
— Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Казни скорѣй царя Соломана.
— Скорымъ скоро, скорымъ на скоро:
— Царь Соломанъ хитёръ-мудёръ,—
Онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно ли дерево не теменъ лѣсъ;
« Одинъ человѣкъ съ нами не рать въ полѣ.
« Играй-ка ты, играй, Соломанъ царь!»
Какъ заигралъ-то онъ во второй наконъ,
Въ рожку ли самъ да выговариватъ:
«« Приходитъ казень смертная царю Соломану
«« Во томъ во царствѣ Кудріянскоемъ,
«« Казнитъ его прекрасный король,
«« Не по каличьему казнитъ его, по царскому!»»
Сила его да услышила,
Какъ начали садиться на добрыхъ коней,
Начала дрожать да мать сыра земля.
Говоритъ прекрасный король да таковы слова:
« Ай же ты, премудрый Соломанъ царь!
« Мнѣ какъ будто чудится,
« Что дрожитъ мать сыра земля?»
Говоритъ опять Соломанъ царь да таковы слова:
«« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
«« Отъ моего рожка отъ пастушьяго
«« Идетъ гулъ по синю морю

«« Во градъ во Еросолино-тъ!
«« У меня какъ во градѣ Еросолинѣ
«« Добрыхъ коней сорокъ тысячей,
«« Были кормленые-ученые,
«« Къ языкамъ человѣческимъ пріученые;
«« Услышали тую игру изъ за сини моря,
«« Выскочили во далече-далече во чисто поле,
«« Говорятъ они промежъ собой:
««— Что не стало у насъ стараго царя Соломана!—
«« Бьютъ они копытами о матушку сыру землю:
«« Отъ того дрожитъ да мать сыра земля.»»
Ступилъ да онъ ступень на остатьній-то,
Говорилъ какъ самъ да таковы слова:
«« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
«« Какъ былъ-то я маленькой,
«« Коровушекъ попасывалъ,
«« Охвочь въ рожка поигрывать:
«« Позволь-ко ты мнѣ сыграть да въ послѣдніихъ,
«« Ты позволь мнѣ сыграть въ остатніихъ?
«« Мнѣ-ка больше да не игрывать!»»
Говоритъ царица таковы слова:
— Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Казни царя Соломана скорымъ скоро,
— Скорымъ скоро, скорымъ на скоро:
— Царь Соломанъ, смотри, хитёръ-мудёръ!—
Какъ онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно лишь дерево не темно въ лѣсу,
« Не темно въ лѣсу, не шумящее:
« Одинъ человѣкъ не рать въ поли.
« Играй-ка ты, играй, Соломанъ царь!»
Какъ заигралъ тутъ Соломанъ царь во пастушей рогъ,
Какъ сила тутъ услышала, сейчасъ сила наѣхала.
Говоритъ какъ тутъ Соломанъ царь да таковы слова:
«« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
«« Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны:
«« Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлояровую,
«« Посѣялъ по чисту полю?

«« Налетѣли мои гуси-лебеди,
«« Гуси-лебеди да черные вороны,
«« Клюютъ твою пшеницу бѣлоярову! »»
Инны наскакали ко петелкамъ шелковыимъ,
Во петелку во красную клали
Прекраснаго короля Василья Окульевича;
Во петелку во бѣлую клали
Царицу Соломанью;
Во петелку во черную клали
Ивашка-Торокашка, гостя заморскаго;
Остальную силу всю присѣкли на чистомъ полѣ.
Тутъ-то во царствѣ Кудріянскоемъ
Любое имѣньицо свалили на черные на карабли,
Добрыхъ коней погнали объ сине море
Стады-стадами въ Еросолимъ градъ,
Любое имѣньицо отпустили прямо на карабляхъ
Чрезъ сине море въ Еросолимъ градъ,
Тое царство огнемъ сожгли:
Тому лишь царству славы поютъ.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина).

84.

О ЦАРѢ САЛАМАНѢ.

(Деревни Логмасы; ср. выше).

Царица, мать Саламанова, понеслася отъ мужа своего. Сидитъ она разъ у себя въ ложнѣ и разговариваетъ съ своими прислужницами; говорятъ онѣ келейныя рѣчи: ««У одной женщины мужь-то очень старъ, такъ она и держитъ себѣ полюбовника.»» Царица молвила:—И я на ея мѣстѣ то же сдѣлала бы.—А дѣтище во чревѣ провѣщилось: «Б.... по б...... и судъ судитъ.» Говорила царица таковы слова:—Ахъ ты

злое дѣтище во чревѣ моситъ! я тебя и на свѣтъ не выпущу!— А сынъ на мѣсто отвѣчаетъ: «Ты бы не выпустила, да я самъ выду и ребро выставлю.» — Ахъ ты злое дѣтище! не будешь ты счастливо!—

Прошла пора-время срочное, и породила она сына, и жилъ онъ до пяти годовъ. Вотъ царица и говоритъ дядькѣ: —Возьми сына моего позаочь *), сведи его на взморье, заколи и принеси его сердце мнѣ-ка-ва.—Дядька не можетъ ослушаться царицы, и привелъ Саламана до взморью. Какъ пришли на взморье, говоритъ Саламанъ: «А что тебѣ, дядька, говорила моя родительница?»—Велѣла заколоть тебя и сердце твое ей принести, да жаль мнѣ-ка-ва тебя.—А тутъ о море по берегу бѣжитъ собака. «Дядька, говоритъ Саламанъ, кличь собаку.» Сталъ дядька свистать-посвистывать: собака не йдетъ. Сталъ Саламанъ свистать-посвистывать: на зовъ собака пришла и хвостомъ вертитъ. «Дядька, говоритъ Саламанъ, заколи собаку, вынь сердце и снеси моей родительницѣ.»

Пришелъ дядька къ царицѣ съ собачьимъ сердцемъ и говоритъ ей:—Твое царское величество! исполнено твое желаніе: сердце вынято.—Сварили сердце и подали царицѣ. Какъ положила въ ротъ, такъ и закричала: «Ахъ, какое злое дѣтище: и сердце смердитъ на собачину!»

А царь Саламанъ простился съ дядькой и пошелъ о взморье. Пришелъ въ село полномочное, зашелъ въ гумно, а на гумнѣ крестьяне молотятъ хлѣбъ. Взошелъ Саламанъ на ометъ, сѣлъ о стѣну и слышитъ, говоритъ крестьянинъ съ сыновамы: «Что, дѣти мои, сынова! я вамъ загдку загону. Если загодку отгадаете, моимъ имѣньемъ повладаете.» И загонулъ загодку: «Чтò скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?»

Вышелъ старшій сынъ и кручинится, какъ ему загодку отгонуть. Говоритъ ему Саламанъ: — Чтò ты, человѣче, стоишь, думу думаешь?—Видитъ старшій сынъ, царень сидитъ на соломы, и спрашиваетъ: «Какой ты человѣкъ?»

*) Съ глазъ долой.

—Да ты скажи прежде, что думаешь?—«А думаю я, какъ бы отцовская загадка отгонуть: что скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, и кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ и съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?»—Если возмете меня четвертымъ братомъ и дадите четвертую часть имѣнія, я, пожалуй, отгону загодку.—

Пришелъ старшій сынъ къ отцу и говоритъ: «Имается эдакой человѣкъ, берется загодку отгонуть, да за это просится четвертымъ братомъ.» Говоритъ отецъ: ««А возьмите его четвертымъ братомъ: будетъ моего имѣнія про васъ.»» Взяли четвертымъ братомъ.

Пришелъ Саламанъ, здравствуетъ:—Божья помочь, крестьянинъ!—«Надоть Божья помочь!»—Мудрена твоя загодка, а я отгону: солнце скорѣе всѣхъ ходитъ по землѣ, — вокругъ вселенной обойдетъ въ сутки; чище хлѣба нѣтъ, которая просвира живетъ на престолѣ; а съ тымъ скотомъ крестьянинъ говоритъ, съ лошадью.—

И сталъ Саламанъ жить въ томъ селеніи и нанялся въ пастухи..........

(Отъ Козьмы Романова, записано въ январѣ 1861 г.).

—

55.

О ЦАРѢ САЛАМАНѢ И КУПЦѢ ТЕМНОМЪ.

(Кижская волость).

Во тоемъ во градѣ въ Ерусалимѣ
Стояли у обѣдни у долгія.
Близь того храму великаго
Стоялъ тутъ садъ купца темнаго *).
Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темный
Со своею женою законною,

*) Сѣнного.

Говорила жена ему возлюбленна:
« Ты ей же, мужъ мой возлюбленный!
« Въ нашемъ саду во прекрасноемъ
« Теперь новости объявилися:
« Выростали на древи у насъ яблоки.
Подавала съ кармана ему яблоко.
Какъ съѣлъ купецъ тую яблоку,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки? —
Говорила жена ему возлюбленца,
Что « Есть еще этихъ яблоковъ,
« Только висятъ онѣ высоко есть.
« Захватись-ко за дубъ ты руками, де,
« А я выстану въ дубъ тотъ высокій,
« Достану тебѣ эти яблоки. »
У самой въ дубу была люлька тамъ,
Въ этой люлечки былъ полюбовничокъ.
Ложилась она къ ему въ люлечку.
Во тую пору во то время
Царь Давыдъ случился на [балконн] быть
Со своей прекрасной царицею;
Увидали слѣпаго—за дубъ держится,
Говорилъ царь Давыдъ со царицею:
«« Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣніе
далъ,
«« Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»»
Говоритъ царица прекрасная:
— На то бы были у моей сестры отверточки.—
А сынъ во чревѣ заговорилъ: « Баба по бабьи и судъ
судитъ!»
Мать говоритъ, что—Я чего ни будь выпью
— И тебя во чревѣ употреблю.—
А сынъ сказалъ, что « Я выломлю боку,—
« Ребро продомлю и тутъ вонъ выду! »

То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ полюбовникомъ въ люлькѣ, и закрычалъ:—Ахъ ты, жена, эдакая дура! какъ ты могла надъ моей главой со-

творить блудъ?—То сказала ему жена: «Допусти меня только до вечи, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть лови, только выслушай, что я тебѣ скажу: я ночесь спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ бы глаза.» То взялъ свой мужь свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.

Сказалъ на то царь: «« Чтò сей мужь ничего со своей женой не сдѣлалъ? такъ не что ему и съ глазами дѣлать!»» Два раза ступилъ—и больше не видитъ.

Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею «его вынести на кухню и заколоть его, и вынять изъ него сердце, и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ мудрый и истребитъ меня.» То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что—Не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любаго ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей.—То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псиное сердце. То взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ лакей, что «« Я несъ и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука схватила зубами.»» А онъ себя велѣлъ отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ тамъ мальчика: и сталъ ростить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу:—Скажи-ко ты мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «« Хожу.»»—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь?—То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что—Спросилъ ли ты у царя, чтò, большой ли онъ свитой будетъ?—То царь сказалъ, что «Я буду всей свитой.»—То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большаго или съ малаго?—Отвѣчалъ ему царь, что «Ставь съ полнаго приходу.» То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что—Для чего онъ такъ кручиненъ?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «« Лутчи бы было не спрошано: приказалъ царь ставить кушанья съ

полнаго приходу.»» Отвѣчалъ ему сынъ, что — Денерало этого кушанья и нѣту: поди и вози домой рѣпу, и пару, пару. — То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну пару и печенки.......

(Записано по порученію собирателя г. Лысановымъ).

56.

О СТАРЦѢ.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

Былъ нѣкто остроумный человѣкъ и говорилъ: «Не съ кимъ мнѣ побесѣдовать,» и пошелъ ко старцу. Оный старецъ отозвался бесѣдовати, а указалъ ему дорожку итти къ другому старцу. И пришелъ къ дверямъ, и сотворилъ молитву, а старецъ отдалъ ему аминь и спросилъ: — Что и за чѣмъ ходишь? — Онъ ему сказалъ: «Ищу человѣка, съ кимъ бы о писаніи поговорить.» —Приди чрезъ недѣлю. — Онъ пришелъ, и старецъ сказалъ: — Помѣшкай недѣлю, тогда приходи.—И пришелъ чрезъ недѣлю, и сказалъ ему старецъ:—Поди къ морю и гляди на море.—И пошелъ къ морю и два часа стоялъ. И сдѣлался подъ небомъ шумъ и громъ, летитъ вороновъ страшная туча, чрезъ часъ летитъ вторая туча ниже, таки же вороны, и чрезъ часъ летитъ и третія туча, летитъ вороновъ, о самую землю. И зглянулъ на море: бѣжитъ человѣкъ по морю, и за нимъ бѣжитъ звѣрь; человѣкъ убѣжать не можетъ, а звѣрь настичи не можетъ. Прилетѣла птичка синка, испила воды изъ моря три раза.

57.

ТО ЖЕ.

(Оттуда же).

Единъ человѣкъ всю свою жизнь жилъ у сосѣдей во обидѣ, и приходитъ къ нему старецъ, и онъ тому старцу

жалуется о обидѣ. И оный старецъ позвалъ его съ собой итти, и пошли въ церковь. И у церкви стоитъ человѣкъ, весь гноемъ отекъ. И мы сказали ему: «« Благополучный вамъ день! »» Онъ же сказалъ: « Завсегда благополученъ.» И подумали мы, что онъ глупъ. И пришли къ нему второй разъ и сказали: «« Здравія вамъ желаемъ! »» Онъ сказалъ: « Завсегда здоровъ.» И третій разъ пришли и сказали ему: «« Будь здоровъ! »» Онъ сказалъ: « Никогда не бывалъ нездоровъ, завсегда здоровъ. » «« Еще ты Бога хвалишь: еслибы тебя Богъ бросилъ бы во адъ, сталъ бы его хвалить ? »» Онъ сказалъ: « Я тремя ремнями привязался за Бога: если меня броситъ во адъ, тамъ и самъ со мною будетъ.» И спросили мы у него: «« Какіе три ремня? »» Онъ сказалъ: « Первый ремень—вѣра, другой—надежда, третій—любовь.» Тогда разсудилъ оный человѣкъ: «« Въ какой болѣзни, а Бога хвалитъ! А я малыхъ обидъ не могу терпѣть! »»

88.

ВОЙ.

(Оттуда же).

Нѣкто Діонисъ
Написалъ листъ,
Поетъ—не знаетъ,
А кто прочтетъ—не разумѣетъ.
Римъ въ себѣ Козла имѣетъ:
Стоитъ Козелъ сухъ,
Связалъ его царевѣ внукъ.
Не вѣмъ откуду
Пріиде къ нему діяволъ другъ,
Сатанинъ внукъ,
Пусти Козла къ Овцамъ въ лугъ,
И обыде Козелъ ниву вкругъ,
Наѣлся травы въ тукъ.

Тогда сяде на него діяволъ другъ,
Взя въ десную руку тугой Лукъ,
Цѣль его метка,
И тетива его крѣпка,
И стрѣла его остры,
И одежда на немъ пестра,
Въ лѣвой руцѣ треста.
Нача Козла поимати,
Козловъ Юнца побивати,
Въ лугу Овецъ поимати,
Волну и млеко собирати,
Тѣмъ себѣ сытъ пребывати.
И нача свой Лукъ напрягати,
На четыре вѣтра стрѣляти,—
Множество звѣздъ побивати,
Тмою свѣтъ покрывати,
Солнце и луну повреждати.
И умысли паки второе
Въ Римѣ папою быти,
Пьяному богу служити,
И на вѣрныхъ печать наложити.
Не могли жь сего сотворити,—
Великаго Агнца убити,
Отъ котораго самому связану быти.

Кто можетъ рѣчь сію разсудити,
И у діявола внука убити,
И отъ прелести міръ свободити?

КАКОВО ПТИЦАМЪ ЖИТЬ НА РУСИ *)

(Деревни Боярщины; ср. выше)

Отчего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего, братцы, становилась весна красна?

*) Ср. въ I-й части № 87.

Весна красна становилась отъ зимы холодной.
Отчего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего, братцы, становилась осень богата?
Осень богата становилась отъ лѣта отъ тепла.

Покладутъ крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо,
Хорошо, и прохладно, и весело. . . . . .
Цари живутъ по царствамъ,
Бояре живутъ по мѣстамъ *),
Мелкіе судьи живутъ по деревнямъ,
Попы-дьяки живутъ по погостамъ,
Мелкіе люди живутъ по подворьямъ.

Про то бы, братцы, было вѣсто **)!
Старой бабы на печи было мѣсто,
Лежала бы она—не ворчала,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
Стары старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужьями по чуланамъ,
Красны дѣвицы спятъ по опестнамъ,
Малыя ребята спятъ по зенькамъ ***).

Прилетала малая птичка-пташка
Изъ заморья, изъ тихаго лукоморья,
И спрашивала у Русскихъ птицъ:
«Каково вамъ жить на Руси?»
Отвѣчали Русскія птицы:
—Хорошо намъ жить на Руси:
—Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
—Всѣ птицы у насъ при работѣ
—И всѣ птицы у насъ при караулѣ.
. . . .

*) Сравни «помѣстье.»
**) Вѣдомо.
***) Зенька—люлька, колыбель.

— Пѣтухи поютъ по сараямъ,
— Курицы гогочутъ по [фатерамъ].
. . . .

Налетали Воробьи птицы,
Садились оны по коламъ,
Садились оны по изгородамъ,
Садились оны по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ,
Садились оны вдоль зеленой дубравы.
. . . .

Живутъ оны *) въ домахъ по рагузамъ.
Губанъ птица на морѣ плотникъ.
Зуй **) птица на морѣ поваръ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ ***),
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ бояра.
Гусь на морѣ морской ходатай.
Ластушки косатыя на морѣ красны дѣвушки.
Тетерка на морѣ молодая жонка.
Утка на морѣ, она—сѣроплавка.
Селезень на морѣ—удалый-добрый молодецъ.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Ветлюкъ ****) на морѣ травникъ, самъябедникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то онъ курносый.
Чайка на морѣ, она попадейка.
Галки на морѣ, оны погощаны.
Гагара на морѣ, изъ озера въ озеро она летаетъ.

---

*) Воробьи.

**) Зуемъ называется также мальчикъ, приготовляющій кушанья для промышлениковъ.

***) Разнорѣчіе: «по куренку.»

****) Родъ кулика.

Побѣднымъ голосомъ рыдаетъ,
Много рыбы добываетъ:
На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ *).
Сойка **) на морѣ, она перещапала.
На морѣ зять Дегтяры,
На морѣ теща Зозулька ***)
У зятя ноги коротки,
У тещи пороги высоки.
Канюкъ ****) на морѣ хлопотникъ.

Волкъ на морѣ овчинникъ.
Медвѣдь на морѣ кожемяка—
Много кожъ онъ сымаетъ
На ногахъ котовъ не видаетъ.
Лисица на морѣ—молода молодица!
Много винъ сдѣлаетъ
И про себя вины не скажетъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлаетъ
И рѣпки не пашетъ,
И во вѣки сытымъ пребываетъ,
И все крестьянина разоряетъ.
Охъ тошненько, охъ тяжелёнько,—
Кошки на морѣ вдовицы,
И то бобыли-сироты,
И день оны по печамъ,
И день оны по ошёсткамъ,
И ночь переходятъ по молочнымъ крынкамъ.

Сорока на морѣ—кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ она прибираетъ.
И Курица на морѣ побѣдна *****) птица:

---

*) Ее сглазить нельзя.

**) Лѣсная сорока.

***) Кукушка.

****) Родъ ястребовъ, запоетъ передъ дождемъ: «вотъ, дескать, уже пить проситъ.»

*****) Бѣдная, несчастная.—*Изд.*

И кто ню во дворѣ поймаетъ,
И всякій перстомъ дыры доконаетъ,
Оттуль яицо добываетъ,
И зятю-свѣту запасаетъ:
Отъ того теща и честь залучаетъ.
Вороница на морѣ бабка пухорѣзная
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное;
Будетъ весна, будетъ она по задворкамъ летать,
Русскимъ птицамъ голосъ подавать.

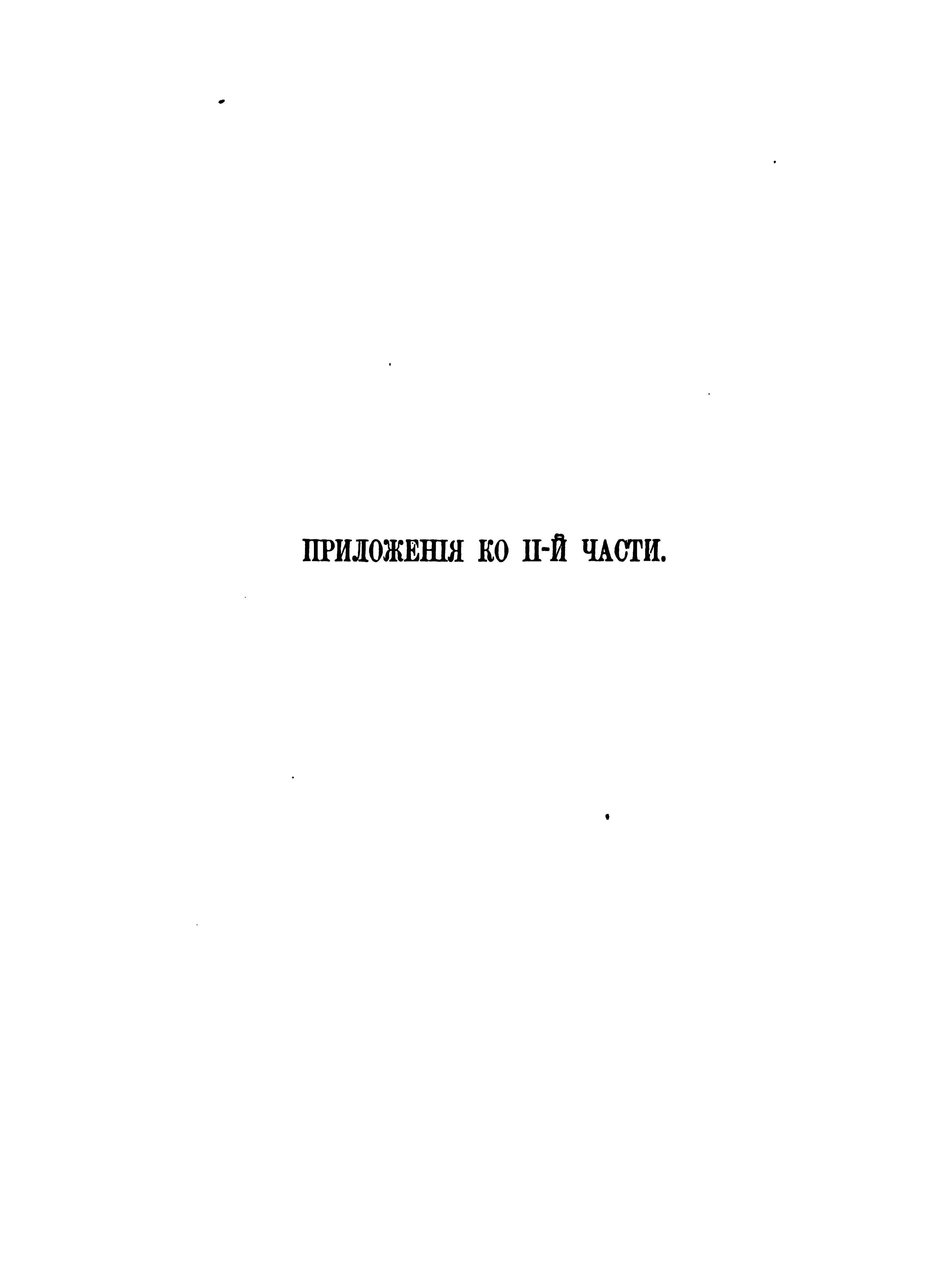
Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали
И горячихъ вѣкъ не видали.

И мы, братцы, про то не знали и не вѣдали,
Что знали, то и сказали *).

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

Конецъ II-й части.

*) О значеніи этихъ отрывковъ см. въ Приложеніяхъ ко II-й части.— *Изд.*



ПРИЛОЖЕНІЯ КО II-Й ЧАСТИ.

И кто ню во дворѣ поднаетъ,
И всякій перстомъ дыры поковаетъ,
Оттуль яицо добываетъ,
И зятю-свѣту запасаетъ:
Отъ того теща и честь залучаетъ.
Вороница на морѣ бабка пупорѣзная;
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное;
Будетъ весна, будетъ она по задворкамъ лежать,
Русскимъ птицамъ голосъ подавать.

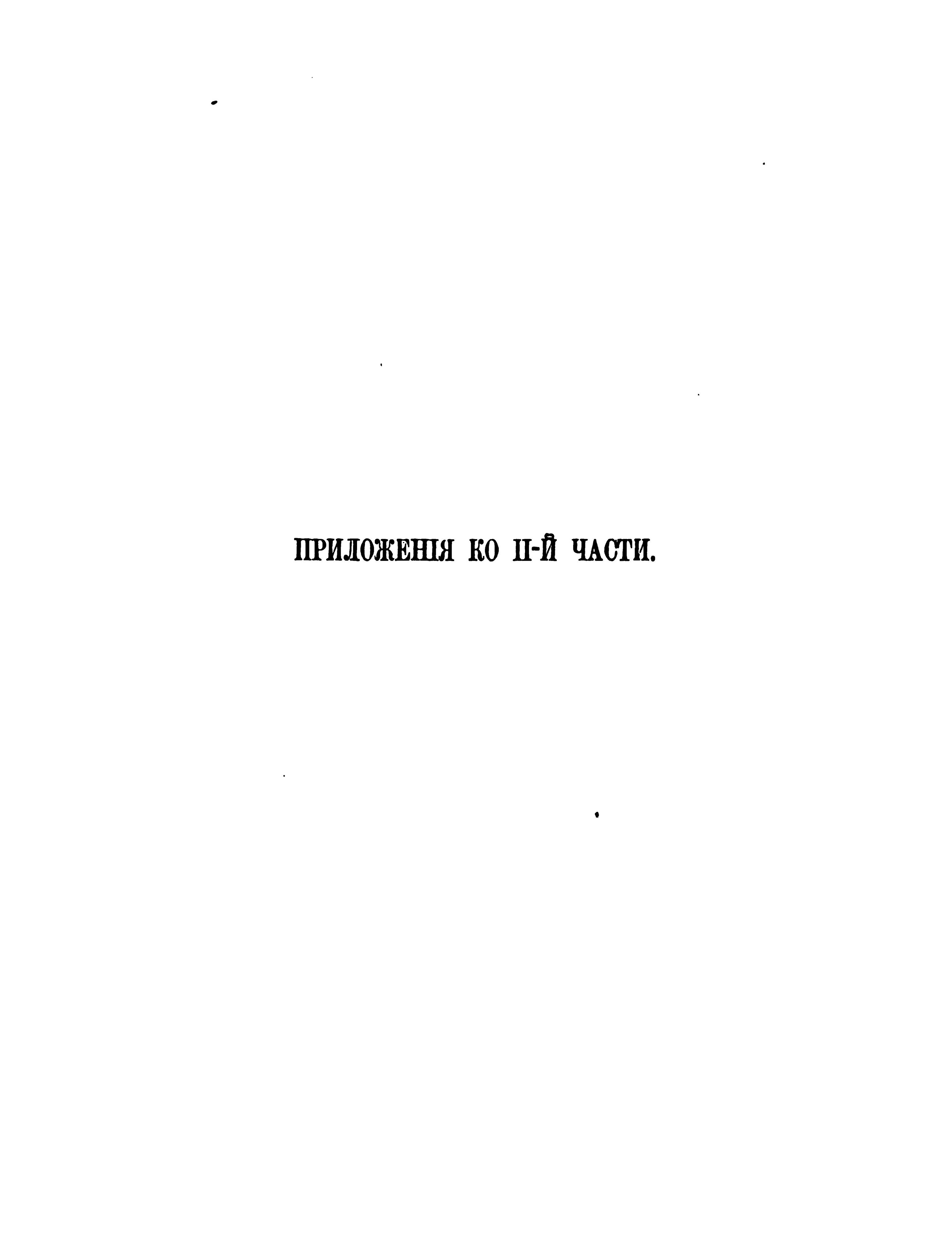
Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали
И горячихъ вѣкъ не видали.

И мы, братцы, про то не знали и не вѣдали,
Что знали, то и сказали *).

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

Конецъ II-й части.

*) О значеніи этихъ отрывковъ см. въ Приложеніяхъ ко II-й части. — *Изд.*



ПРИЛОЖЕНІЯ КО II-Й ЧАСТИ.

И на такова чуда не наѣзживалъ,
Пріѣхалъ онъ ко камешку ко горючему,
Отъ камешка три розстани,
Три розстани, три дороженьки,
Три дороженьки путистыя,
А на камешкѣ какъ было написано:
«« Что въ одну дорожку ѣхать — убиту быть,
«« Въ другую ѣхать — женату быть,
«« А въ третью ѣхать — богату быть. »»
Сталъ да пораздумался:
« Въ которую ѣхать мнѣ дороженьку?
« Что мнѣ на старость богату быть
« И что мнѣ на старость женату быть?
« А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть!

Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Пріѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,
Къ тѣмъ горамъ да къ высокіимъ;
Начали разбойнички съ горъ выскакивати;
Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей,
Начали стараго пощалкивать,
Началъ старой казакъ выговаривать:
« Ай же, сорокъ тысячъ разбойниковъ!
« Что вамъ взять у меня у стараго?
« Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,
« Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,
« Нѣту у меня платья цвѣтнаго;
« Только у меня добрый конь,
« Добрый конь въ триста рублей,
« На конѝ приправа во пятьсотъ рублей,
« У себя приправа богатырская въ цѣлу тысячу.
Какъ выдергивалъ онъ палицу желѣзную,
Во сто девяносто пудъ,
Какъ началъ разбойниковъ пощалкивать,
Прибилъ онъ разбойниковъ сорокъ тысячей.

Тутъ удалый поворотъ держать,

Пріѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горючему,
Тую запись подписывалъ,
Что «Въ ту дорожку ѣздилъ — убитъ не былъ,
«Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!»
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ,
Выѣзжалъ какъ онъ на ты на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые,
На тѣхъ-то поляхъ чистыихъ,
На лугахъ на зеленыихъ,
Стоитъ какъ чудо чудное, диво дивное;
Городомъ назвать, — такъ онъ малъ стоитъ,
А селомъ назвать, — такъ онъ великъ стоитъ;
Стоятъ тутъ полаты бѣлокаменны.
Пріѣзжалъ какъ онъ ко полатамъ на широкъ дворъ,
Какъ съ тѣхъ полатъ бѣлокаменныхъ
Выходила премлада Прекрасна Королевична,
Брала стараго за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Проводила въ полаты бѣлокаменныя,
Садила за тѣ столы дубовые;
Наносила ему ѣствъ сахарныихъ,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же, удалый добрый молодецъ!
— Не наѣдайся ты до сыта,
— Не напивайся-ка ты до пьяна,
— Чтобы тебѣ съ премладой Королевичной позаба-
витися. —
Онъ какъ говорилъ таковы слова:
«Я проѣхалъ какъ ровно триста верстъ,
«Мнѣ ѣсть-то захотѣлося.»
Онъ наѣлся какъ до сыта,
Напился онъ тутъ до пьяна,
Какъ выходилъ за столовъ за дубовыихъ,
Молился Господу Богу тутъ,
Она брала его за бѣлы руки,
Повела во спальну во теплую,
На ту кроватку тесовую, —

Кроватка была тисова—слоновыхъ костей,
Перина была пуховая.
Она какъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Ложись-ка спать ко стѣночки.—
Онъ какъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, премлада Королевична!
« Ты сама ложись-ка спать ко стѣночки:
« У меня у стараго мочь не держится,
« Надо часто ходить мнѣ до вѣтра.»
Какъ бралъ онъ ее за бѣлы руки,
Бросалъ на ту кроватку тисовую,—
Кроватка была волшебная,
Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.
Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
Шелъ—отмыкалъ погреба онъ глубокіе,
Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Много сильныхъ-могучіихъ богатырей.
Какъ оттоль выходила сзади премлада Королевична,
Онъ бралъ какъ Королевичну за бѣлы руки,
Привязывалъ къ тремъ жеребцамъ онъ неѣзженымъ,
Раздернулъ ее по чисту полю.
Какъ тутъ все имѣнье-богачество
Роздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ,
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
А тѣ полаты бѣлокаменны огню предалъ.

Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку,
Тую опять запись поднавливалъ:
«« Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ.»»
« Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть!»
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ триста верстъ.
Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,
Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,
Насыпаны всѣ краснаго золота,

Краснаго золота, чистаго серебра,
И мелкаго-скачнаго жемчуга.
Онъ говоритъ: «куда мнѣ на старости съ имѣньицемъ)?
«Со многой несчетной золотой казной?». —
Сталъ да пораздумался:
Взялъ какъ—на это на имѣньицо,
На тѣхъ на поляхъ на чистыихъ,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повелъ тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные.
«Чье было имѣнье, за того пускай идетъ!»

Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
Опять пріѣзжалъ ко тому же камешку ко-горючему,
Опять ту записъ подпавливалъ:
«« Какъ въ тую дорожку ѣздилъ—богатъ не былъ.»»

Ѣхалъ онъ ко славному городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру,
Спросилъ у него солнышко князь стольно-Кіевскій:
— А гдѣ же ты долго ѣздилъ, удалый-добрый молодецъ
— Старой казакъ Илья Муромецъ? —
Онъ роскаазалъ свои три (происшествія),
Какъ былъ въ трехъ дороженькахъ,
Что̀ дѣлалъ онъ въ тѣхъ дороженькахъ,
Все роскаазалъ солнышку князю Владимеру.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина).

—

63.

ТО ЖЕ, И ССОРА СЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(Тамъ же).

Съ той-то земли, съ богатой орды,
Со славнаго города со Мурома,
Со того ли села съ Карачаева,
Какъ снаряжается да собирается
Удаленькой-удаленькой, дородный добрый молодецъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Не въ дальную дороженьку, не въ ближную —
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владиміеру.
А далъ себѣ заповѣдь великую:
Простоять дома заутреню воскресенскую,
Поспѣть къ обѣдни воскресенскія
Ко славному ко стольному ко городу ко Кіеву;
Не брать туги луки со налучниками,
Каленой стрѣлы со колчанами *),
Не вязать трёцкихъ палицъ на бедро свое,
Не кровавить своей руки богатырскія;
« Проѣхать мнѣ дорожкой прямоѣзжеиой,
« Что которою дорожкою
« Тридцать лѣтъ было не ѣзжено.»

Шелъ онъ къ заутрени ко раннія воскресенскія,
Простоялъ заутреню воскресенскую,
Потомъ онъ шелъ на свой на широкъ дворъ;
Со широкаго двора шелъ на стойла конюшня;
Бралъ онъ своего добра коня,
Не уздана, не сѣдлана,
Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
Сталъ на широкомъ дворѣ
Сѣдлать и уздать своего добра коня.

*) Колчанами.

Кидалъ потнички *) на потнички,
Войлочки на войлочки,
На верёхъ кладалъ новое сѣдло Черкацкое,
Натягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для-ради красы-басы,
А ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги тѣ были чиста серебра,
Пряжечки-шпильки были красного золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатный:
Шелкъ-то не рвется и не трется,
Булатъ-то не ржавѣетъ,
Красное золото не мѣднѣетъ,
Чисто серебро не [illegible]
Потомъ пошелъ онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Молился тѣмъ крестамъ [illegible],
Спасу да Пречистой Богородицы,
Прощался съ свѣтомъ-государемъ батюшкомъ.
Говорилъ ему свѣтъ-государь свой-то батюшко:
— Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
— Поѣзжашь **) ты въ дороженку во далную,
— Не берешь ни какой приправы богатырскія?—
Какъ онъ говорилъ ему таковы слова:
« Ай же, свѣтъ-государь мой батюшко!
« Вѣдь кладена у меня заповѣдь великая:
« Простоять дома заутреня воскресенская,
« Поспѣть къ обѣдни воскресенскія
« Ко славному ко городу ко Кіеву;
« Не брать мнѣ туга лука со налучникомъ,
« Каленой стрѣлы со колчанами,
« Не вязать крѣпкихъ палицъ на бедро свое,
« Не кровавить своей руки богатырскія;

---

*) Потнички. — *Изд.*

**) Въ Пудожскомъ говорѣ и вообще въ Олонецкой губ., въ глаголахъ настоящаго времени, 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. числа, *е* послѣ *а* большею частію не произносится.

« Проѣхать мнѣ дорожкой прямоѣзженою,
« Что которою дорожкою
« Тридцать лѣтъ было не ѣзжено.
Только онъ взималъ съ собой
Одинъ тугой лукъ розрывчатой,
Одну стрѣлочку каленую,
Для опасу великаго да богатырскаго.
Тутъ пошелъ да на широкъ дворъ,
Садился тутъ да на добра коня:
Видѣли молодца на коня да садучись,
А не видѣли добра молодца поѣдучись.
Одна куревка прокурила;
Куда поѣхалъ удалый-добрый молодецъ.
Конь-то озера и рѣки перескакивать,
Малыя источины между ногъ пустить.

Онъ какъ выѣхалъ во далече-далече во чисто поле,
Какъ проѣхалъ онъ да по чисту полю,
Самъ рѣсы стрѣливалъ, да стружки строгалъ,
По стружкамъ-то онъ да кресты кладалъ,
Кресты кладалъ богомольные,
На крестахъ да подписывалъ:
«« Ѣдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ
«« Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
«« Во первую поѣздку богатырскую.»
Самъ услышалъ какъ въ той сторонѣ полуденный,
Шумъ и гамъ идутъ-то великіе;
Сталъ какъ онъ да порозслушался,
Самъ да пораздумался:
« Ежели не съѣздить мнѣ
« На шумы и гамы на великіе,
« Съѣду я ко славному городу стольному Кіеву,
« Ко славному князю ко Владимеру,—
« Солнышко князь стольно-Кіевскій,
« На пріѣздѣ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« Онъ заводитъ-то для нихъ столованье — почестный пиръ,
« На поѣздѣ онъ жалуетъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ

« Несчетною золотой казной,—
« На честномъ пиру не чѣмъ мнѣ сварстати. »
Взялъ какъ — воротилъ онъ добра коня,
Какъ поѣхалъ на тотъ на шумъ на гамъ на великій,
Во ту сторонку полуденную;
Пріѣхалъ какъ подъ городъ Смолягинъ*);
Какъ тутъ стоитъ-то силушка поганая,
Стоитъ какъ силы много тысячей,
Стоятъ пановья-улановья, бурзы — поганы Тотарины;
Во пару-дыму лошадиноемъ
Днемъ не видно краснаго солнышка,
А ночью свѣтлаго мѣсяца;
Около сѣрому заюшку не обскакать;
Ясному соколу не облетѣть.
Онъ какъ сталъ да пораздумался:
Отъ силушки отъѣхать не хочется,
И на силушку пріукнуться не съ чѣмъ, —
Не взята приправа богатырская,
Не хочется кровавить своей руки богатырскія.
Самъ какъ опущался съ добра коня,
Рвалъ лѣвой рукой сырый дубъ,
Сырый дубъ крякновистый;
Привязывалъ ко лѣвой къ булатной ко стремены;
Тутъ опять рвалъ правой рукой
Сырый дубъ крякновистый,
Бралъ какъ онъ да во праву руку;
Напустился на бурзовъ — поганыхъ на Тотаровъ!
Куда ѣдетъ и машетъ, — туда улица,
Перевернетъ-перемахнетъ, — переулочекъ;
Не сколько самъ билъ, сколько конемъ топталъ;
Ни одинъ бурза-Тотариновъ
Не могъ ни уйти, ни уѣхати,
Не оставилъ ни единаго на сѣмена.
Тутъ отвязывалъ сырый дубъ,
Сырый дубъ да крякновистый,
Онъ отъ лѣвыя отъ стремены,

---

*) Испорчено изъ Чернигова, г. Черниговъ. — Изд.

Конь скакалъ какъ прямо чрезъ стѣны городовыя,
Заѣхалъ онъ во городъ Смолягинъ;
Какъ тамъ мужики да Смолягински
Всѣ ходятъ во церковь соборную
Отъ перваго до единагѣ,
Они каются-причащаются,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощаются,
Во чисто поле на войну снаряжаются.
Онъ какъ пріѣзжалъ ко церкви соборныя,
Спускался онъ какъ съ добра коня,
Привязывалъ онъ добра коня
Ко столбичку ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Самъ шелъ во церковь соборную,
Крестъ-то кладалъ по писаному,
Поклоны велъ онъ по ученому,
Клонился онъ на всѣ четыре стороны,
Самъ да говорилъ таковы слова:
« Ай же, мужики да Смолягински!
« На что вы каетесь-причащаетесь,
« Со бѣлымъ свѣтомъ прощаетесь,
« Куда, мужики, собираетесь?»
Они говорятъ таковы слова:
«« Ай же ты, удаленькой да удаленькой,
«« Добрый молодецъ заѣзжій-дальній!
«« Мы не знаемъ, ты съ коей земли,
«« Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
«« Какого отца, какой матушки,
«« Какъ тебя именемъ зовутъ?
«« Подъ нашимъ городомъ Смолягинымъ
«« Стоитъ сила несмѣтная,
«« Стоятъ пановья-улановья,
«« Стоятъ мурзы-Татары поганые;
«« Какъ сѣрому заюшку не обскакать,
«« Ясному соколу не облетѣть;
«« Хочутъ нашъ городъ рубити-плѣнить,
«« Рубить-плѣнить, сыновей катить,
«« Хочутъ насъ, мужиковъ, во полонъ забрать.»»

Онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же мы, мужики Смолягинскiи!
« Вы выстаньте на стѣну городовую,
« Посмотрите въ чистое поле
« На бурзовъ—поганыхъ Тотариновъ,
« Стоятъ или лежатъ, и что они дѣлаютъ?»
Какъ они скорыимъ скоро, скоро на скоро,
Вставали на стѣну городовую,
Глядили во далече-далече во чисто поле,
На бурзовъ—поганыхъ Тотаровъ,—
Тамъ лежатъ прокляты всѣ убитые.
Какъ тутъ спускались скорыимъ скоро,
Скорыимъ скоро, скоро на скоро,
Со стѣны они съ городовыя,
Шли къ удалому молодцу,
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говорили сами таковы слова:
«« Скажись-ко ты, удалый-добрый молодецъ!
«« Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
«« Какого отца, какой матушки,
«« Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
«« Живи во нашемъ Смолягинѣ воеводою,
«« Суды суди все правильно,
«« Мы всѣ будемъ тебя слушати.»»
« Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
« Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
« Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
« А также изъ богатыря воеводу!
« Я изъ той земли, богатой орды,
« Изъ того города изъ Мурома,
« Изъ села Карачаева,
« Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Не хочу я жить у васъ воеводою!
« Покажите-тко дорожку прямоѣзжену
« Ко славному ко городу ко Кiеву.»
Они говорятъ таковы слова:
«« Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
«« Окольная дорожка—двѣ тысячи,

«« Прямоѣзжая дорожка—одна тысяча;
«« Лучше ѣхать окольной дорожкой двѣ тысячи,
«« Что той прямой дорожкой одна тысяча:
«« Какъ вѣдь той дорожкою
«« Тридцать лѣтъ было не ѣзжено,
«« Какъ на той на дорожки прямоѣзженой
«« Есть три заставы великія;
«« Первая застава—болота зыбучія,
«« Болота зыбучія, корбы *) дремучія;
«« Друга застава—рѣка матушка Смородина,
«« Въ ширину рѣка ровно три версты,
«« Въ глубину глубока очень;
«« Есть-то за той рѣкой за Смородиной
«« Третья застава великая:
«« Сидитъ Соловей-разбойникъ, птица рохманная,
«« На трехъ дубахъ на кряхновыхъ,
«« На двухъ березахъ на покляпыхъ,
«« Свито гнѣздо соловьиное;
«« Мимо этого проклятаго да Соловья
«« Нѣту пѣшему проходу, конному проѣзду,
«« Нѣту конному проѣзду, звѣрю прорыску,
«« Нѣту проѣзду сильнымъ-могучіимъ богатырямъ:
«« Всѣ побиваетъ вздохомъ единымъ;
«« Отъ свисту его змѣинаго, отъ крыку звѣринаго
«« Помираютъ всѣ удалы-добры молодцы.
«« Ты не иди, удалый-добрый молодецъ:
«« Падетъ твоя головка буйная подъ Соловьемъ!»»
Онъ опять говоритъ таковы слова:
« Ай же вы, мужики Смолягински!
« Послѣ моего бываньица
« Не случится ли вамъ путь
« Ко славному ко городу ко Кіеву?
« Такъ поѣзжай прямой дорожкой самоѣзженой:
« Не бойтесь вы болотъ зыбучіихъ,
« Болотъ зыбучіихъ, лѣсовъ дремучіихъ,

*) Чащи мелкаго лѣса.—*Собир.*—Ср. *корбуха*, между Троицей и [illegible], поросли частаго лѣса.—*Изд.*

« Не бойтесь вы проклятаго Соловья,
« Столько бойтесь вы одной рѣки Смородины *)!»

Самъ поѣхалъ какъ той дорожкой прямоѣзженой,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все крякновисто,
Мосты мостить калены **),
Роботатъ дорожку прямоѣзжену.
Какъ доѣхалъ до той рѣки до Смородины,
Какъ садился на добра коня,
Конь скочилъ черезъ ту рѣку Смородину.
Какъ засвисталъ Соловей по змѣиному,
Закричалъ Соловей по звѣриному,—
Подъ нимъ ли добрый конь да на колѣнка палъ.
Онъ скоро скакалъ да съ добра коня,
Пинулъ коня онъ подъ брюхо:
« Ай же ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
« Неужто ты не слыхалъ посвисту змѣинаго,
« Крыку звѣринаго, писку-визгу Татарскаго?
« Какъ тутъ всякъ человѣкъ на свѣтѣ завѣтъ завичалъ,
« Но не каждый человѣкъ завѣтъ справлялъ:
« Также и мнѣ быть своя заповѣдь нарушать,
« Быть натянуть свой тугій лукъ,
« Класть своя калена стрѣла.»
Какъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу накладывалъ,
Самъ стрѣлочкѣ да приговаривалъ:
« Лети, моя стрѣлочка каленая,
« Выше лѣсу стоячаго, ниже облачка ходячаго,
« Розлетись—пади Соловью въ правый глазъ,
« Вылети, стрѣла, въ лѣвое ухо!»

---

*) Страхъ передъ этой матушкой-рѣкой замѣчателенъ. Другой удалый-добрый молодецъ не побоялся было насмѣхаться надъ рѣкой и сложилъ въ ней буйную голову. И Добрынѣ Никитичу матушка пуще всего наказываетъ не плавать черезъ третью струю Смородины.—*Собир.*—О значеніи этой рѣки сказано будетъ пространно въ слѣдующихъ, послѣ 4-го, выпускахъ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кир.—*Изд.*

**) Калиновые.—*Изд.*

Какъ вылетѣла стрѣлка выше лѣсу стоячаго,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
Какъ попала стрѣлка Соловью во правый глазъ,
Вылетала стрѣлка во лѣво ухо:
Покатился Соловеюшко со гнѣздышкомъ*),
Будто сѣнная куча неподкошенная!
Онъ бралъ Соловья за желты кудри,
Привязывалъ онъ желтыми кудерками
Ко лѣвыя булатныя стремены,
Самъ опять лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все прикновисты,
Мосты моститъ да калёные,
Самъ Соловью да приговариватъ:
« Сидѣлъ ты, птица-разбойникъ, на гнѣздышкѣ,
« Сидѣлъ ты ровно тридцать лѣтъ,
« Видалъ экого молодца пройдучись ли проѣдучись?»
Соловеюшка на молодца поглядывать:
— Видно, я попалъ да во крѣпки руки,
— Теперь уйти да мнѣ некуды!—

Какъ сталъ подъѣзжать ко поселямъ Соловьиныимъ,
Глядятъ малы вьюнышки да въ окошечко:
«« Родитель наша матушка!
«« Какъ батюшка-то ѣдетъ да мужика везетъ!!»
Какъ глядѣла большая дочь да въ окошечко:
« Ай же, сестрицы родимыя
« И родитель моя матушка!
« Мужикъ какъ ѣдетъ — везетъ нашего батюшку,
« Прикована желтыми кудерками
« Ко лѣвыя булатныя ко стремены!»
Какъ онъ подъѣхалъ ко поселью къ Соловьиному,
Какъ большая дочь Олена выскочила на широкъ дворъ,
Хватила она подворотню чугунную въ девяносто пудъ,
Держала замахъ она великій,
Хотѣла честнуть стараго казака Илью Муровца,

*) Со гнѣздышка?—*Изд.*

Честнуть межь очи ясныя,—
Онъ какъ зналъ увертки богатырскія,—
Увернулся отъ разу великаго,
Столько попало ему по рукѣ да по правыя.
Онъ тутъ пнулъ ее подъ ж...,
Она ижно улетѣла черезъ цѣлый дворъ,—
У Соловья былъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ и на семи столбахъ,—
Она у задней стѣны на ж... погалживать,
Говоритъ она таковы слова:
« Меня чортъ бросилъ, а водяной кинулъ
« Съ сильными богатырями биться-ратиться! »
Былъ дворъ на семи столбахъ,
На семи столбахъ, на семи верстахъ,
Около былъ булатный тынъ,
Въ середочкѣ былъ сдѣланъ гостиный дворъ,
Было сдѣлано три терема златоверхіе,
Вершечки съ вершечками свивалися,
Потоки *) съ потоками сросталися,
Крылечка съ крылечками сплывалися,
Розсажены были сады да зеленые,
Цвѣли да цвѣли все цвѣты лазуревы.
Подведена вся усадьба красовитая.
Тутъ они стали давать да за батюшка
Много несчетной золотой казны:
Стали давать денегъ три тысячи,—
Не беретъ какъ онъ трехъ тысячей;
Стали давать да тридцать тысячей,—
Не беретъ онъ какъ да тридцати тысячей:
«« Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
«« Ты бери-ка за батюшка
«« Хошь краснаго золота, хошь чистаго серебра,
«« А хошь велкаго-скачнаго жемчугу,
«« Сколько можь увезти ты на добромъ конѣ,
«« Унести на плечахъ могучихъ-богатырскіихъ! »»
Какъ онъ говорилъ таковы слова:
« Ай же, малы вьюныши Соловьиныи!

*) Потолки? — *Изд.*

« Не отдамъ я вамъ здѣсь кормильца да батюшка,
« Черезъ трои черезъ суточки,
« Складите все имѣнье-богачество,
« Всю несчетну золоту казну,
« На тыи телѣги ордынскія,
« Катите ко славному ко стольному
« Ко городу ко Кіеву,
« Ко солнышку князю ко Владимеру:
« Можетъ, тамъ я вамъ отдамъ кормильца-батюшка. »
Самъ поѣхалъ ко славному ко стольному
Ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣзжалъ-то онъ во славный во городъ Кіевъ-то,
Столько отошла обѣдня ранняя да воскресенская.
Пріѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра коня осередь двора,
Осередь двора княженескаго,
Какъ самъ Соловью да наказывалъ:
« Смотри, Соловей, не уходи отъ добра коня,
« Береги, Соловей, ты добра коня,
« Отъ меня, Соловей, никуда не уйдешь! »
А самъ добру коню наказывалъ:
« Ай же, мой добрый конь богатырскій!
« Ужь ты паче всего береги проклятаго Соловья,
« Чтобы Соловей не ушелъ отъ стременъ, отъ булатныихъ! »

Самъ какъ онъ пошелъ во полаты княженецкія,
Со полатъ проходилъ во гривны *) столовыя,
Крестъ-то онъ кладалъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
Клонится-то онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Какъ не узналъ его солнышко Владимеръ князь,
Самъ да говорилъ ему таковы слова:
— Ай же, маленькой-удаленькой да упаленькой, —

*) Гридни. — *Изд.*

— Я не знаю, какъ тебя именемъ зовутъ!
— Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать;
— На нижномъ конечку есть мѣстечка немножечко;
— Други мѣстечка всѣ призабавлены *);
— Мѣстечка всѣ позаняты:
— Сидитъ у меня на честномъ пиру:
— Что князей, что бояриновъ,
— Что [сенаторовъ] да думныихъ,
— Что вельможъ, купцовъ да богатыихъ,
— Что полянницъ да удалыихъ,
— И шестдесятъ Росейскіихъ могучіихъ богатырей.
Какъ старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися,
Что на нижной конецъ садятъ хлѣба кушати.
Какъ говорилъ старой казакъ таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
«Самъ ѣшь-кушаешь съ воронами,
«Меня садишь съ воронятами!
«Не хочу я хлѣба кушать съ воронятами!
Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися,
Самъ ставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь,
Сревѣлъ какъ будто левъ-то звѣрь:
— Ай же вы, Росейскіе могучіе богатыри!
— Чтобы онъ могъ бы насъ назвать
— Воронами и воронятами!
— Берите подъ руку три богатыря
— И подъ другую три богатыря,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Отрубите ему буйну голову!—
Какъ богатыри да принималися,
Подъ руку три богатыря
И подъ другую три богатыря:
Онъ правой рукой махнулъ,—
Тѣ мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой махнулъ,—
Тѣ тоже мертвы лежатъ.

*) То же, что «заняты.» — *Изд.*

Тутъ сказалъ опять какъ солнышко Владимеръ князь:
— Берите подъ руку шесть богатырей
— И подъ другу руку шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему буйну голову!
Какъ подъ руку берутъ шесть богатырей,
Онъ правой рукой махнулъ, —
Ты мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой рукой махнулъ, —
И тѣ мертвы лежатъ.
Опять говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— Берите подъ руки что ни лутшихъ шесть богатырей
— И подъ другу тоже шесть что ни лучшихъ
— Позади подьте шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему тамъ буйну голову!—
Сдался вывести онъ на широкъ дворъ;
Какъ тамъ разгорѣлось сердце богатырское,
Воспылала кровь богатырская,
Не могъ сдержать онъ рукъ бѣлыихъ,
Какъ правой рукой махнулъ, —
Всѣ богатыри на земли лежатъ,
Кои мертвые, иные плаваютъ окаракою,
А лѣвой рукой махнулъ, —
Ты мертвы лежатъ,
Какъ тутъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу онъ направливалъ,
Самъ своей стрѣлы приговариваль:
«Ты лети, стрѣла, объ окошка княженецкія,
«У окошекъ отстрѣли всѣ маковки позолочены!»
Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ,
Пропивать тѣ маковки царскія.
Набиралъ онъ голей кабацкіихъ,
Которые бы могли пить да зелено вино,
Какъ пошелъ-то онъ со всйма на царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ во царевъ кабакъ,

Сталъ какъ онъ съ голями пить зелено вино,
Сталъ пропивать княженецкія маковки.
Голи тутъ да засумлялися:
«« Что-то намъ отъ князя да будетъ,
«« Что-то намъ отъ князя достанется:
«« Пропиваемъ мы его да маковки!»»
Увидѣлъ онъ, что голи засумлялися,
Ужь какъ самъ говоритъ таковы слова:
« Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
« Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,
« А у меня вы будете предводителями!»
Стали пить и не стали болѣе сумлятися,
Стали Бога молить за удалаго за молодца.

Какъ тамъ солнышко князь стольно-Кіевскій
Видитъ бѣду неминучую,
Потыкаетъ свою ж... онучею,
Не знаетъ, кто пріѣхалъ ко городу ко Кіеву.
— Ежели невѣжа поганая,—
— Рускому Богу не молился бы
— И намъ онъ не клонился бы;
— Какой ни будь Рускій богатырь!—
Какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Никитиничъ:
«« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
«« Всѣхъ я знаю Рускихъ могучихъ богатырей,
«« Одного не знаю,—стараго казака Илью Муромца:
«« Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
«« Что у него на бою смерть не писана.»»
— Дѣлать намъ нечего всѣмъ городомъ Кіевомъ!
— Видишь, у насъ на широкомъ дворѣ
— Стоитъ добрый конь богатырскій,
— Ни къ чему конь да не привязаный;
— У коня стоитъ чудо чудное, диво дивное:
— Какъ стоитъ тутъ у правыя у стремены,
— Стоитъ проклятый Соловей,
— Онъ прикованъ къ богатырскимъ булатнымъ ко стременамъ:
— Такъ кого послать позвать его,

— Позвать его да на почестный пиръ?
— Иль послать смѣлаго Алешу Поповича?—
— Тотъ не умѣетъ какъ позвать его,
— То того посла не дождать будетъ;
— Послать молода Чурилу сына Пленкова?—
— Того посла не дождаться будетъ,
— Онъ не умѣетъ какъ позвать его,
— Съ того только дѣло щапить межь бабами,
— Межь бабами и межь дѣвками:
— А надо послать грамотой востраго,
— На рѣчахъ да разумнаго,
— Съ гостями почестливаго:
— Послать тебя, Добрыня Никитиничь!
— Поди-ка, скажи ему таковы слова:
—«« Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
—«« Послалъ меня солнышко Владимеръ князь,
—«« Владимеръ князь стольно-Кіевскій,
—«« Какъ просилъ тебя да на почестный пиръ;
—«« Не узналъ тебя, добра молодца,
—«« Потому садилъ па нижной конецъ хлѣба кушати;
—«« А нынь просилъ тебя съ усердія со радости великія,
—«« Не велѣлъ на старо да гнѣваться.»»—

Какъ тутъ пошелъ молодой Добрыня Никитиничь,
Пошелъ, самъ онъ и думаетъ:
«« Не по смерть ли я иду да по скорую?
«« А ежели не послухать солнышка князя Владимера,
«« То не хорошо мнѣ будетъ отъ солнышка князя Владимера!»»
А вѣдь пошелъ да во царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ на царевъ кабакъ:
Сидитъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
Съ голями кабацкими пьетъ-прохлаждается.
Онъ не знатъ, отколь зайти:
«« Съ переду зайти,—хорошо ль ему прилюбится?
«« Да-кой я съ зади зайду!»»

Какъ съ зади зашелъ, захватилъ его,
Захватилъ за плеча за могучія,
Самъ говорилъ да таковы слова:
«« Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
«« Сдержи ты свои руки бѣлыя,
«« Какъ скрѣпи сердце ретивое:
«« Какъ посла ни куютъ, ни вѣшаютъ!
«« А послалъ меня солнышко Владимеръ князь,
«« Онъ тебя не зналъ, добра молодца,
«« А потому садилъ тебя на нижной конецъ,
«« На нижной конецъ, хлѣба кушати;
«« А просилъ теперь съ усердія со радости великія,
«« Не велѣлъ тебѣ на старо да гнѣваться.»»
Какъ онъ обернулся, сказалъ ему:
« Ай же ты, молодой Добрыня Никитиничь!
« Ты тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ!
« А ежели бы, Добрыня, съ переду зашелъ,
« Столько бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
« Поди, скажи солнышку князю таковы слова:
« Пусть-ко для меня, для молодца,
« Розошлетъ указы строгіе,
« По всему по городу по Кіеву
« И по городу по Чернигову,
« Чтобы отворены были всѣ [конторы],
« Кабаки всѣ и пивоварнія,
« На трои на сутки отворены,
« Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
« Кто не пьетъ зелена вина,
« Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
« Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
« Тотъ пилъ бы сладки меды;
« Чтобы знали, что наѣхалъ старой казакъ,
« Старой казакъ Илья Муромецъ,
« Ко славному ко городу Кіеву;
« Пусть для меня, для молодца,
« Заведетъ столованье—почестный пиръ.
« Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
« То онъ процарствуетъ только до утрія!»

Какъ тотъ бѣжалъ скорымъ на скоро
Ко солнышку князю ко Владимеру,
Сказалъ ему да таковы слова:
«« Ай же, солнышко князь стольно-Кіевскій!
«« Что [дѣйствительно] старый казакъ да Илья Муромецъ!
«« Тебѣ было приказано [публиковать] указы строгіе,
«« По городу по Кіеву, по городу Чернигову,
«« Растворить кабаки [конторы], пивоварнія,
«« Растворить на трои на сутки,
«« Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
«« Кто не пьетъ да зелена вина,
«« Тотъ бы пилъ пиво пьяное;
«« Кто не пьетъ пива пьянаго,
«« Тотъ бы пилъ меды сладкіе;
«« Чтобы знали, что наѣхалъ старой казакъ,
«« Старой казакъ да Илья Муромецъ.
«« А ежели князь не сдѣлаетъ по моему,
«« То процарствуетъ царь до утріа!»»
Онъ скорымъ скоро, скоро на скоро
Послалъ указы строгіе
По городу по Кіеву и по городу Чернигову,
Чтобы отворены были всѣ кабаки [конторы] и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено вино,
Безданно, безпошлинно,
Знали бы, что наѣхалъ старой казакъ,
Старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному городу Кіеву.
Какъ тутъ забиралъ столованье—почестный пиръ,
Много князей, много бояриновъ,
Много [сенаторовъ] думныихъ,
И вельможъ, купцовъ богатыихъ,
Поляницъ много удалыихъ
И Росейскихъ многихъ могучихъ богатырей.
Какъ тутъ въ кабакахъ никто не пьетъ не кушаетъ,
Всѣ ѣдутъ ко солнышку князю Владимеру,

Не для соли, не для хлѣба, не для безсчетной золотой казны,
А ѣдуть-то посмотрѣть удалаго молодца,
Старого казака Илью Муромца.
Какъ на княженецкій дворъ сбираются,
Тихонько да пробираются во полаты княженецкія.
Такъ тутъ и приходитъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ
Съ голями съ кабацкима,
Какъ идетъ онъ во полаты княженецкія,
Проходитъ туды во гривны столовыя,
Крестъ-то кладетъ онъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей на особину.
Тутъ какъ солнышко Владимеръ князь
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Бралъ стараго казака за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ старымъ казакомъ да Ильей Муромцемъ.
Какъ стали садиться за тѣ столы дубовые,
За скамейки окольніи, за ѣства сахарныя,
Садятъ его на мѣсто на большее:
Не садился онъ на мѣсто на большее,
Садился на мѣсто на середнее,
Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ.
Какъ начали ѣсть-кушать, прохлаждатися,
Какъ всѣ на пиру напивалися,
На почестномъ всѣ наѣдалися,
Похвальбами они всѣ да похвалялися,
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Иный хвастатъ несчетной золотой казной,
Иной хвастать силой-удачей молодецкой,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Иный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ,

Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
Какъ говоритъ да старой казакъ Илья Муромецъ:
« Ай вы, всѣ князи-бояра, [сенаторы] все думныя,
« Вельможи, купцы богатыя,
« Поляницы всѣ удалыя,
« Сильные-могучіе богатыри!
« Какъ вы всѣ похвальбами похвалялися,
« Кто былицей, иный хвастатъ небылицею;
« А я какъ, старой казакъ, похвастаю:
« Какъ я простоялъ дома заутреню воскресенскую,
« Пріѣхалъ сюды—только отошла обѣдня воскресенская;
« Какъ я убилъ подъ Смолягинымъ
« Силы тысячей нѣсколько,
« Было силушки—какъ сѣрому заюшку не обскакать,
« Бѣлому соколу не облетѣть,
« Во пару-дыму лошадиноемъ
« Днемъ не видно было краснаго солнышка,
« Ночью не видно свѣтлаго мѣсяца;
« Да отъ Смолягина промостилъ тысячу верстъ,
« Промостилъ мосты все каленые,
« Болотами зыбучими да корбами дремучими;
« Какъ на трехъ дубахъ на кряковистыхъ,
« На двухъ березахъ покляпистыхъ,
« Сидѣлъ Соловей-птица рохманная,
« Какъ было свито гнѣздо Соловьиное:
« Я не долго опущалъ его со гнѣздышка,
« Я прикупвалъ желтыми кудерками
« Ко булатнымъ ко стременамъ,
« Привезъ сюды ко славному ко городу Кіеву;
« Ежели на безсчетну золоту казну,—
« Онъ скупитъ васъ и спродаетъ;
« Ежели на борьбу-удачу молодецкую,—
« Во чистомъ полѣ убьетъ онъ васъ до единаго;
« Отъ свисту змѣинаго, отъ крыку звѣринаго
« Помираютъ удалые-добрые молодцы!»
Такъ они говорятъ таковы слова:

«« Ай же, удалый-добрый молодецъ,
«« Старой казакъ Илья Муромецъ!
«« Ты самъ небылицею хвастаешь:
«« Ты хвастай собою, а не другимъ!
«« Какой у тебя привезенъ Соловей,
«« Соловей-птица рохманная?»»

Тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ бѣжалъ онъ на широкъ дворъ,
Онъ отвязывалъ отъ булатныя
Отъ богатырскія отъ стремены,
Какъ велъ его въ полаты княженецкія.
Какъ тутъ говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— Ну-ко, засвищи, Соловей, по змѣиному,
— Закрычи, Соловей, по звѣриному!—
Говорилъ Соловей таковы слова:
«« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
«« Не у тебя я ѣлъ да кушалъ,
«« Не хочу тебя и слушати!»»
Говорилъ старой казакъ да таковы слова:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Всѣ мы у тебя на честномъ пиру
« И всѣ мы у тебя пьяны-веселы,
« А у насъ Соловей не пьянъ и не веселъ:
« Налей-ко Соловью чару зелена вина,—
« Мѣра полтора ведра,
« Вѣсомъ полтора пуда,—
« Налей другую пива пьянаго,
« Налей третью меду сладкаго,
« Ты дай закусить колачикъ крупичатый,
« Крупичатый колачикъ будто турей рогъ!»
Онъ налилъ чару зелена вина,—
Мѣрой полтора ведра,
Вѣсомъ полтора пуда,—
Подавалъ единой рукой:
Онъ принималъ единой рукой,
Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ;

Наливалъ онъ пива пьянаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ единой рукой:
Онъ принималъ тоже единой рукой,
Выпивалъ единымъ духомъ;
Наливалъ третью меду сладкаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ чару единой рукой:
Принималъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ;
Далъ закусить колачикъ крупичатый,
Крупичатый колачикъ будто турей рогъ:
Сталъ Соловеюшко похаживать,—
Стали полатушки да покрякивать.
Какъ тутъ говорилъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Засвищи ты, Соловей, по змѣиному въ полъ-свиста,
« Закрычи, Соловей, по звѣриному въ полъ-крыку:
« Какъ отъ меня, Соловей, смотри—никуда не уйдешь!»
Какъ тутъ засвисталъ Соловеюшко въ полъ-свисту,
Закрычалъ Соловей въ полъ-крыку;—
По всему по городу по Кіеву
Стары терема повалялися,
Новы терема пошаталися,
Околенки съ окошечекъ посыпались;
У солнышка князя у Владимера
Во полатахъ ни одна околница
Въ окошкахъ не минуется,—
Всѣ повылетѣли на улицу;
По всему еще по городу по Кіеву
Бережи *) кобылы жеребилися,
Поносны бабы розродилися;
На честномъ пиру князя-бояра [сенатора] думны,
Вельможи, купцы богаты,
Поляницы удалы,
Росейски могучи богатыри,

---

*) *Жеребыя, сужеребыя.—Изд.*

Всѣ они на зени лежатъ,
Самъ князь плаватъ окаракою;
Старой казакъ смѣется во всю голову.
Какъ всѣ поросплавались,
Какъ всѣ они да порозахватались*),
Всѣ по стульямъ по скамейкамъ покарабкались;
Сами говорятъ да таковы слова:
«« Ай же ты, старой казакъ,
«« Старой казакъ Илья Муромецъ!
«« Не спускай-ка Соловья болѣ на свою волю!»»
Говорилъ Соловей да таковы слова:
— Ай же, солнышко Владимеръ князь
— И старой казакъ да Илья Муромецъ!
— Спустите меня да на свою волю:
— Я повыстрою вкругъ города Кіева
— Села со приселечками,
— Улки съ переулками,
— Города съ пригородками,
— Монастыри все богомольные.—
Тутъ говорилъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Ты солнышко, Владимеръ князь!
« Не строитель онъ вѣковой, а разоритель;
« Розоришь ты остатьніи села съ приселами,
« Города съ пригородками!»
Тутъ говорятъ инные богатыря:
«« Ай же, солнышко Владимеръ князь
«« И старой казакъ Илья Муромецъ!
«« Если спустите его на свою волю,
«« Убьетъ-то насъ до единаго!»»
Какъ брали Соловья за бѣлы руки;
Повели Соловья во чисто поле,
Копали погреба глубокіе,
Глубокіе, сто-саженные,
Бросили его во погребъ глубокiй,
Глубокiй, сто-саженный,

---

*) Опомнились, хватились за умъ.—Изд.

Рѣшетками желѣзными задернули,
Песками засыпали,
Травкой-муравкой замуравили.

Какъ тутъ черезъ трои сутоки
Накатили малы вьюнышы Соловьиныи,
Накатили многи телѣги ордынскія.
Обзарился на имѣнье, на богачество
Солнышко Владимеръ князь;
Говорилъ старой казакъ Илья Муромецъ;
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Не тобой они приказаны,
« И не тобой назадъ отпустятся!—
« Ай же, малы вьюнышы Соловьинцыи!
« Катите все имѣнье-богачество,
« Всю несчетну золоту казну:
« Оставлена вамъ отъ батюшка,
« Будетъ пропитатися до смерти,
« Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!»
Они покатили имѣнье—заплакали.
Теперь-то Соловью славы поютъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всимъ землямъ, по всимъ ордамъ,
По всѣмъ чужімъ-дальніимъ сторонушкамъ!

Теперь Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

(Записано отъ того же).

64.

ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИЧЕКЪ.

(Кижская волость).

Ко тому ко стольному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владымеру,
На той ли на дорогѣ на широкія,

Была застава великая,
Крѣпость была крѣпкая,
Семь было богатырей,
Поленицъ было удалыихъ:
Въ первыхъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ,
Второй Добрынюшка Никитьевичь,
Третій былъ Алёшенька Поповичь;
Четвертый Чурилушка Щепленковичь,
Пятый былъ Михайло Долгомеровичь *),
Шестой и семой два брата Агрикановы.
Эта застава великая,
Крѣпость была крѣпкая:
Ни конный не проѣзживалъ,
Ни пѣшь не прохаживалъ,
Ни звѣрь не прорыскивалъ,
Ни птица не пролетывала;
А хоть птица полетитъ,
Да и та перо сронитъ.

Тутъ по вечеру позднешенько
Проѣхалъ тутъ молоденькій Сокольничекъ:
Онъ на заставы не спрашивалъ,
А по чистому-то полю разгуливалъ.
Какъ по утру ранёшенько
Выходитъ прокладиться на бѣлой дворъ
Нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
И видитъископыть лошадиную,
Поѣздку богатырскую.
И приходитъ тутъ Илья во бѣлъ шатеръ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Братцы вы товарищи,
« Сильныи-могучіи богатыри!
« Что̀ наша за застава,
« Что̀ за крѣпость наша крѣпкая?
« Теперь я видѣлъ лошадиный скокъ

---

*) Это *Михайло* Потыкъ, потомъ Василій *Долгополый* Казимеровичь, изъ котораго сдѣланъ *Долгомеровичь*.—*Изд*.

« И поѣздку богатырскую;
« Снаряжайтесь-ко, дружья,
« Въ чисто поле погулять,
« Тамъ невѣжи поискать.»
«« Ѣхать ли не ѣхать,—Добрынюшкѣ Никитичу!»»

Сѣдлаетъ онъ себѣ коня богатырскаго
И беретъ онъ саблю острую,
И садится на коня добраго:
Видли молодца сядучи,
Да не видли поѣдучи,
Только видятъ въ чистомъ полѣ куделба *) стоитъ.
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка
На молодаго Сокольничка;
Какъ увидѣлъ тутъ молодой Сокольничекъ
Добрынюшку Никитича,
Крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
У Добрынюшки конь спотхнулся,
И палъ тутъ Добрыня о сыру землю,
И лежалъ тутъ Добрыня ровно три часу;
И ставаетъ тутъ Добрыня
Отъ сырой земли будто сонный,
А садился на коня будто пьяный,
И поѣхалъ онъ ко бѣлу шатру,—
Ѣдетъ—самъ качается.
Видли молодца поѣдучи веселаго,
А пріѣдучи печальнаго.
И спроситъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
« Что̀ Добрынюшка не веселъ,
« Что̀ головушку повѣсилъ?
« Ужь ты въ полѣ погулялъ,
« Знать, невѣжу повидалъ!»

Снаряжался тутъ нашъ Донской казакъ,
Донской казакъ Илья Муромецъ,
Выбиралъ коня себѣ по разуму,

---

*) То же, что «курева,» пыль занятая столбомъ.—*Изд.*

Кладывалъ сѣделушко Черкасское,
Бралъ себѣ онъ саблю острую
И копье долгомѣрное, и мечъ булатный.
И садится тутъ онъ на добра коня,
Въ стремена ногою не ступаючи.
Видли молодца сядучи,
А не видли добраго поѣдучи:
Только видятъ во чистомъ полѣ куделба стоитъ.
И ѣздилъ тутъ Илья по чисту полю,
Искалъ себѣ сопротивника,
И увидѣлъ Илья молодаго Сокольника,
И крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
« Что ты за невѣжа проѣхалъ,
« Мимо заставу,—не спрашивалъ,
« Вѣрно есть у тебя сила непомѣрная,
« И ухватка богатырская?»
И не два ясныхъ сокола по полю летаютъ,
А два сильныхъ-могучихъ богатыря разъѣзжаютъ,
И другъ на друга какъ стрѣлой летятъ.
Мечь съ мечомъ да ударяются,
А мечи въ мелкія части разсыпаются;
Другой разъ да разъѣзжаются,
У нихъ копья пригибаются;
Третій разъ да разъѣзжаются,
И сабли въ сабли ударяются;
У нихъ сабли-ты ломаются.
И тутъ сходили со добрыхъ коней,
И схватилися беремечкомъ.
Часа три другъ съ другомъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернулася,
Лѣва ручка отмахнулася,
Палъ Илья о сыру землю.
И садился тутъ Сокольникъ на бѣлы груди,
И вынималъ онъ ножище-то кинжалище,
И хочетъ пластать онъ бѣлы груди.
Самъ онъ надъ Ильей насмѣхается:
— Ужь ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Не тебѣ бы ѣздить во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:

— Жилъ бы ты близь города Кіева въ деревнѣ —
— И пасъ бы гусей, лебедей и пернастыихъ утушекъ! —
Тутъ-то у Ильи богатырское сердце разгорѣлося,
Ударилъ Илья Сокольника кулакомъ во бѣлы груди,
И подынулъ его выше лѣса стоячего,
Пониже облаки ходячія:
И палъ-то Сокольникъ въ дробь *) о сыру землю
И лежитъ — гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна голова.

Тутъ ставалъ-то Илья отъ сырой земли,
Садился Илья на добра коня
И поѣхалъ тутъ Илья ко бѣлу шатру.
Такъ и думаетъ Илья, что Сокольнику смерть пришла.
И подъѣзжаетъ Илья ко бѣлу шатру,
И бьетъ челомъ о сыру землю.
Онъ сходилъ-то со добра коня,
Идетъ-то онъ да вѣдь во бѣлъ шатеръ,
И садились за столы-ты за дубовые,
Ѣли-пили, веселилися,
А послѣ спать повалилися.

А тамъ Сокольникъ какъ отъ сна пробуждается,
Садится онъ на добра коня,
И поѣхалъ онъ со чиста поля,
Сидитъ въ сѣдлѣ онъ — качается.
И пріѣхалъ онъ ко своему ко терему высокому,
И увидѣла его матушка,
Семи-горка баба Владымерка **),
И говоритъ таково слово:
« Ахъ ты молодой Сокольничекъ!
« Поѣхалъ ты — какъ стрѣла летитъ,
« А пріѣхалъ будто пьяный,
« Въ сѣдлѣ сидишь ты — шатаешься! »
И возговоритъ молоденькой Сокольничекъ:
— Ѣздилъ я во чистомъ полѣ,
— И ѣздилъ я на добромъ конѣ.

---

*) Топкое мѣсто съ порослями; но здѣсь могъ быть изстари другой смыслъ — въ дробь, въ розсыпь. — *Изд.*

**) Латыгорка, Латымірка. — *Изд.*

—И наѣхалъ я на старую собяку, на сѣдатаго пса.
—Первой разъ мы съѣзжалися,
—И мечь съ мечомъ ударялися,
—Мечи въ мелки части раскрошилися;
—Другой разъ мы съѣзжалися,
—И копья пригибалися:
—Третій разъ разъѣзжалися,
—У насъ сабли приломалися.
—Мы сходили со добрыхъ коней,
—И схватилися беремечкомъ,
—И водились ровно три часу:
—И права ножка у него свернулася,
—Лѣва ручка отмахнулася,
—И палъ-то онъ о сыру землю.
—Сѣлъ я на бѣлы груди
—И вынялъ я ножище-то кинжалище,
—И сталъ я надъ собакой надсмѣхатися:
—Его сердце разгорѣлося,
И ударилъ онъ меня во бѣлы груди,
—И поднялъ онъ меня выше лѣсу стоячего,
—Пониже облаки ходячія;
—Палъ я о сыру землю
—И лежалъ я ровно три часу,
—И не зналъ, гдѣ рука гдѣ нога, гдѣ буйна голова.—
И говоритъ-то ему матушка таково слово:
«Это есть не старая собака, не сѣдатый песъ,
«А это есть нашъ Донской казакъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.»

Тутъ у Сокольничка сердце разгорѣлося,
И схватилъ-то онъ ножище-кинжалище,
Садился на добра коня,
И поѣхалъ ко бѣлу шатру;
Становилъ коня ко пшеницы бѣлояровой;
Входитъ онъ во бѣлъ шатеръ,
Всѣ богатыри спятъ крѣпкимъ сномъ.
И увидѣлъ онъ Илью,
И схватилъ-то онъ ножище-то кинжалище,

И ударилъ онъ Илью во бѣлы груди
Противъ сердца ретиваго:
И попало ножомъ-то во золотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна пробуждается,
Богатырское сердце разгорается,
И схватилъ-то онъ Сокольника за ноги,
И ударилъ онъ его о сыру землю,—
Тутъ-то ему и смерть пришла.
Выходитъ Илья со бѣла шатра,
И ступилъ Илья Сокольнику на ногу,
Рукой хватилъ за другую,
И половину кинулъ матери на погребеніе,
А другую собакамъ на съѣденіе.

Выходили тутъ богатыри со бѣла шатра,
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣхали они во чисто поле:
Тутъ они распростилися
И тутъ поѣхали всякъ своей дорогой.
А Илья Муромецъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ужь ты солнушко, Владимеръ князь, стольно-Кіевскій!
« Ты прими меня во служеніе,
« Граду Кіеву на стереженіе.»
И тутъ князь Владимеръ
Беретъ Илью за бѣлы руки,
И ведетъ Илью во полаты бѣлокаменны,
И садитъ Илью за столы-ты за дубовые,
И ѣдятъ и пьютъ и кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
Тутъ поѣли да покушали да Богу помолились,
Съ княземъ жить опредѣлились.

Эта старина кончается,
А другая начинается.

(Записано по порученію Собирателя).

*

ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.

68.

(Тамъ же):

Пачнемъ-ко мы старину стародавную.

Близь города Кіева,
При князѣ при Владимірѣ,
Изъ подъ бѣлыя березки кудревастенькой;
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила тутъ турица златорогая,
Со младыми турами, съ малыми дѣтушками.
Случилось итти турамъ мимо славный Кіевъ градъ,
Мимо тую-ту стѣну городовую:
Оны видѣли дѣвицу, держитъ книгу-ту евангеліе,
И не столько читаетъ, все она плачетъ,
Она видѣла надъ городомъ чуднымъ чудно,
А надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
Наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичь
Со зятемъ Тараканчикомъ Кораб́ликовымъ
И съ дьячкомъ-то выдумщичкомъ;
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
И у зятя-то силы сорокъ тысячей,
У дьячка силы сорокъ тысячей.

Тутъ-то князь закручинился,
Владиміръ запечалился,
Говоритъ да таково слово:
« По голямъ голи шатаются,
« По царевымъ кабакамъ столыпаются *)
А Василій въ кабаки
Безъ портокъ на печи.
Говоритъ-то Василій таково слово:
— Наливайте-ко Василью-то чару зелена вина,

---

*) Слоняются.—*Изд.*

— А другую пива пьянаго,
— А третью меду сладкаго,
— Сливайте то вино въ одно мѣсто!—
Становилося того питья да полтора ведра.
И выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то Василій таково слово:
— Я топерь могу добрымъ конемъ владать,
— Я топерь могу вострой саблей махать!—
Тутъ-то Василій садился на добра коня:
Видли-то добраго молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Поѣхалъ тутъ Василій не воротами,
А чрезъ тую-ту стѣну городовую:
Только видятъ въ чистомъ поли куделба стоитъ.

Наѣхалъ тутъ Василій
На Батыгушку Батыговича,
На зятя Тараканчика Корабликова
И на дьячка-то выдумщичка.
Разъѣхался Василій со Батыгою по чисту полю,
И ударились съ Батыгой въ остры мечи,
Ударилъ тутъ Василій Батыгу по буйной головы:
Палъ тутъ Батыга о сыру землю,
Тутъ-то Батыгѣ и смерть пришла.
Еще разъѣхался Василій со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
И ударилъ тутъ Василій Тараканчика острымъ копьемъ,
Палъ тутъ Таракanушко о сыру землю:
Тутъ-то ему и смерть пришла.
Еще наѣхалъ тутъ дьячекъ-выдумщичекъ
И ударилъ тутъ Василья саблей по буйной головѣ:
Тутъ-то сабля преломилася;
Васильево сердце разгорѣлося,
Ударилъ тутъ Василій дьячка саблей по буйной головѣ,
И разсѣкъ его до самаго сѣдла.
Тутъ-то Василій Батыгино войско мечемъ порубилъ,
А Тараканчика-Корабликово войско конемъ потопталъ,
А дьячка-то выдумщичка войско въ полонъ побралъ.

Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
И стрѣчаетъ тутъ Василья
Владиміръ князь у Златыхъ воротъ,
Беретъ-то князь Василья за бѣлы руки,
Ведетъ-то Василья во палаты бѣлокаменны,
Во гридни во столовыя,
Садились за столы за дубовые:
Ѣдятъ-пьютъ, кушаютъ,
Бѣлую лебедь рушаютъ.

Тутъ-то Василью слава и честь пошла,
И тая старина до конца дошла.

(То же).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ писемъ П. Н. Рыбникова по поводу изданія его Сборника *).

1.

Къ К. С. Аксакову.

Лѣтомъ 1860 года.

Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы сказать Вамъ нѣсколько словъ, Константинъ Сергѣевичъ. Не жалуюсь на Ваше молчаніе, потому что еще не знаю, здоровы ли Вы и доходны ли до Васъ мои письма....

Древніе языческіе боги раздвоились и разтроились, аттрибуты ихъ стали самостоятельными существами, дѣтьми и внуками боговъ. Еще въ язычествѣ началась локализація миѳовъ, и они были пріурочиваемы къ разнымъ мѣстностямъ, историческимъ событіямъ и лицамъ. Со введеніемъ христіанства локализація эта стала еще сильнѣе и предметы древняго обожанія частію превратились въ богатырей, частію въ домовыхъ и волшебныхъ, пали до значенія злыхъ духовъ, или слились съ новыми святыми. Такое видоизмѣненіе миѳической основы легко прослѣдить въ Германской миѳологіи, при богатствѣ собраннаго тамъ матеріала. У насъ это гораздо труднѣе. Кто повѣритъ, что эпическая наша поэзія сохранила еще отзвуки язычества, а между тѣмъ наши былины не были обработываемы поэтами изъ образованнаго сословія, а потому сохранили слѣды вѣковѣчной (по выраженію народа) старины.

Точку отправленія миѳологіи у всѣхъ Аріевъ надобно искать въ представленіяхъ о явленіяхъ природы. А между этими явленіями для

*) Мы печатаемъ это извлеченіе для того, что въ письмахъ встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя частности и обстоятельства, сопровождавшія и собираніе, и самое изданіе пѣсень.—*Изд.*

первобытнаго человѣка всего поразительнѣе и грознѣе явленія небесныя и особенно воздушныя. Оттого атмосферическіе феномены, особенно буря, громъ, молнія, вихрь играютъ первую роль въ этомъ воображаемомъ мірѣ, который по словамъ Тючева и до сихъ поръ еще носится у человѣка надъ дѣйствительнымъ міромъ. Этотъ воображаемый міръ впрочемъ только сколокъ съ того, что дѣлается на землѣ. Молнія извивается по небу какъ змѣя,—и передъ нами рядъ боговъ-змѣй; буря рвется впередъ какъ бѣшеная лошадь, —и вотъ являются боги-кони; громъ порождаетъ боговъ-быковъ; облака, увлекаемыя вѣтромъ, боговъ-птицъ, и т. д. Эти боги облагородились въ послѣдствіи, но у кого остался рогъ, у кого копыто, у кого крыло, отмѣтины происхожденія. Они неравнодушны другъ къ другу, а борятся или состоятъ въ дружбѣ. Параллель между богами Аріевъ Индійскихъ и Аріевъ Германскихъ уже сдѣлана и Куномъ, и Шварцомъ. У насъ культъ огня сохранился въ заклинаніяхъ, а нѣсколько общихъ Индо-европейскихъ миѳовъ въ былинахъ.

Нечего смущаться тѣмъ, что каждый разсказъ пріуроченъ ко времени князя Владиміра и къ Кіеву, и что слышны историческія имена Татаръ, Литвы. Это хоть и не внѣшность, а только форма. Я самъ былъ бы радъ принять Вольгу вполнѣ за князя Олега *); но кромѣ Вѣщаго Олега есть прототипъ—вѣщій Волохъ, Волхъ Новгородскій: онъ рождается отъ богини и змѣя, и въ послѣдствіи мститъ змѣю-насильнику матери. Змѣй Горынычь, Тугаринъ Змѣевичь, Идолище Поганое стали олицетвореніемъ кочевниковъ: но они прежде соотвѣтствовали Вритрѣ и Агни, а постоянные соперники ихъ Добрыня и Илья—богамъ освободителямъ облаковъ. Отсюда извѣстный разсказъ о дѣвушкѣ-облакѣ, похищаемой дракономъ и освобождаемой богатыремъ: у насъ Змѣище, Запава и Добрыня. У Скандинавовъ Торъ борется съ Мидгардомъ: у насъ уцѣлѣла змѣя подземельная, которая плаваетъ ко гробамъ, а постояннымъ соперникомъ ея воинственный Михайло Потыкъ. Борьба дракона и богатыря за дѣвушку-облако отлилась и въ формѣ духовнаго Стиха о Георгіѣ и Змѣѣ печерской: богъ добра на время уступаетъ богу зла у Аріевъ, тепло холоду, Егорія мучитъ Кудріянище; но за то Егорій одолѣваетъ его подъ конецъ. И Михайло Потыкъ попадаетъ въ неволю къ Ѳедору Иванову.

---

*) См. былины о Вольгѣ въ I-й части.—*Изд.*

Останавливаюсь на полурѣчи, надобно нести письмо. Прощайте, дорогой Константинъ Сергѣевичъ; нѣкоторыя подробности обо мнѣ Вамъ передадутъ, и Вамъ станетъ понятно....

—

2.

Къ Дм. А. Хомякову.

Осенью того же года *).

Уже язычники съ сакраментальными формулами соединяли различное значеніе. «Sit tibi terra levis» для философа звучало иначе, чѣмъ для суевѣрнаго крестьянина. Прочитайте, Дм. А., послѣднюю главу Агриколы Тацита (кажется она начинается такъ: «si quis piorum manibus locus»): въ ней Вы найдете утѣшеніе для себя и помиритесь съ словами: «placide quiescas.»

И для нашего времени «миръ твоему праху» можетъ означать ни пр. окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходился съ нимъ въ вѣротерпимости и видѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міросозерцаній, на которыя люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула.

Я иначе поминаю Вашего отца. По просьбѣ Ю. Ѳ. С., я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: Quicquid ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum.

Отъ всей души благодарю за Ваше намѣреніе напечатать мой Сборникъ....

Мнѣ хотѣлось бы написать обстоятельную статью о былинахъ; но здѣсь я лишенъ всѣхъ пособій: у меня нѣтъ ни Гримма, ни Лахманна, ни К. Данилова; новыхъ сочиненій по этой части я не знаю. Между тѣмъ въ статьѣ своей мнѣ слѣдовало бы показать: сущность

---

*) Въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти А. С. Хомякова и предложеніе, по мысли покойнаго, о печатаніи Сборника.—*Изд.*

народной эпической поэзіи, постепенный переходъ изъ короткихъ эпическихъ стиховъ съ одной стороны въ былины, и образованіе поэмъ при участіи личности поэта, съ другой стороны переходъ былины въ побывальщину, сказку и лирическую пѣсню. Обще-Арійское значеніе миѳовъ, сохранившихся въ нашихъ былинахъ. — Теперь я принужденъ ограничиться разсказомъ о томъ, какъ передаются и сохраняются былины, и замѣчаніями о значеніи личности въ передачѣ былины.

Напишите мнѣ пожалуйста, Д. А., получили ли Вы все, что я посылалъ. А посылалъ я: Черниговскія пѣсни, Пермскія пѣсни, Олонецкія пѣсни, Бесѣды Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣзда, Обрядъ свадебъ, Побывальщины, Заплачки, Заговоры, Сборникъ Стиховъ (12 нум.) и 44 Былины Петрозаводскаго уѣзда. Изъ этихъ послѣднихъ, 6 первыхъ съ 1 до 6 были напечатаны въ Олонецкихъ Вѣдом. прошлаго года.... У меня есть тѣ же 6 стихотвореній изъ другаго сборника, записаннаго со словъ Бутылки, крестьянина Пудожгорскаго погоста: но эти 6 былинъ можно просто оставить въ сторонѣ; я Вамъ пришлю другіе варіанты ихъ же, и кромѣ того переписываю для васъ 36 былинъ Каргопольскаго и Пудожскаго уѣзда. Всѣ №№ былинъ, начиная съ 7 до 80 включительно, *записаны мною лично*. Кромѣ того у меня есть еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній, заговоровъ, Стиховъ и проч. Только напишите пожалуйста, что уже у Васъ есть, не потерялось ли чего ни будь?

А вотъ между тѣмъ перечень всѣхъ былинъ *).....

—

3.

Къ П. А. Безсонову.

Въ слѣдъ за предыдущимъ.

Позвольте еще разъ поблагодарить Васъ за то участіе, которое Вы приняли въ изданіи моего Сборника.... №№ 35, 36, 37, 38, 39 и 40 были мною вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ я высказывалъ свой личный взглядъ на Русскую эпическую народную поэзію, отданы г. В.,

*) Слѣдуетъ перечень Былинъ, которыя всѣ почти вошли въ 1-ю часть.—*Изд.*

для передачи Вашимъ друзьямъ. Жаль, если эта посылка затерялась, а въ ней была любопытная былина сатирическаго содержанія «Каково птицамъ жить на Руси» и другая не менѣе замѣчательная о Саламанѣ. Черновыя бумаги я забросилъ, но во всякомъ случаѣ постараюсь отыскать и переписать ихъ *). Остальные №№ съ 45 по 80 Вы получите въ началѣ Декабря. Четыре побывальщины и Стихъ о Іоасафѣ записаны *мною* и составляютъ часть сборника. Первая тетрадка стиховъ о Егоріѣ Храбромъ, о Борисѣ и Глѣбѣ, о Книгѣ Голубиной была послана къ Вамъ еще зимою. Но я съ будущей почтою вышлю ее Вамъ вторично потому, что варіантъ о Книгѣ Голубиной очень хорошъ.

Позвольте попросить Васъ присоединить мои тетрадки Стиховъ къ Вашему сборнику **)....

—

4.

То же.

14 Декабря 1860 г.

Прежде всего посылаю Вамъ реестръ былинъ, записанныхъ мною лично..... ***)

Былины, напечатанныя въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ прошлаго года: 1) о Добрынѣ, 2) о Добрынѣ, 3) о трехъ богатыряхъ, 4) о Дюкѣ и 5) о Настасьѣ.... Вмѣсто ихъ вышлю Вамъ на будущей недѣли варіянты, записанные со словъ Бутылки, Пудожгорскаго погоста. А вмѣсто № 5 высылаю былину о Дюкѣ и Шаркѣ, записанную г. Шкалинымъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, гдѣ я еще не былъ. Г. Шкалинъ уступилъ ее для моего сборника, какъ усмотрите изъ прилагаемаго письма его ко мнѣ.

Не всегда я выставлялъ имя крестьянина, отъ котораго записывалъ: да иногда забывалъ это сдѣлать, а иногда опасался спросить крестьянина, чтобы онъ не пересталъ пѣть. — Шальскія былины напр. записаны отъ лодочника, который везъ меня къ Пудожу. № 46—57 записаны отъ Никифора Прохорова.

---

*) Эта посылка позднѣе нашлась и поступила во II-ю часть.—*Изд.*

**) «Калѣки Перехожіе.»—*Изд.*

***) Означенное въ реэстрѣ почти все вошло въ I-ю часть.—*Изд.*

№ №, подчеркнутые въ реестрѣ, еще не высланы въ Москву; вмѣстѣ съ этимъ получите № № 65—75. Остальные, т. е. 76—81 вышлю на дняхъ: дѣла у меня много, а писать вечеромъ не могу, утромъ хожу въ канцелярію: вотъ и причина замедленія. Посылаю сверхъ этого черновой экземпляръ Голубиной Книги для Вашего сборника: кажется варіантъ этотъ очень хорошъ? Если не разберете его, отошлите назадъ, я въ свободное время перепишу его. Кромѣ того для Васъ быть можетъ пригодятся два другіе Стиха: послѣдній-то содержитъ любопытныя подробности о мѣстныхъ занятіяхъ. Да напишите, П. А., не нуженъ ли Вамъ Стихъ о Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ?

Не поставить ли Соловья Будимировича прежде Ильи Муромца? Вѣдь Соловей пріѣзжаетъ по морю на кораблѣ за Забавою и уѣзжаетъ опять тѣмъ же путемъ, а это на миѳическомъ языкѣ значитъ: богатырь или богъ съ того свѣта пріѣзжаетъ за богинею. Да и Добрыня съ Потыкомъ не моложе Ильи. Добрыня, спеціальный противникъ Змѣищь Горынчищь и Тугарина Змѣевича—ни что иное, какъ Индра, поражающій драконовъ: отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ. — Михайла Потыкъ — убиваетъ змѣю подземельную.

Замѣтьте еще связь между Вольгою и змѣемъ. Вольга родится отъ змѣя и цѣлію своей жизни поставляетъ отмстить змѣю за мать. Олегъ умираетъ отъ змѣя. Волховъ, сынъ Словена, превращается въ змѣя и *садится въ бога*. Мѣсто погребенія Волхова *Перынь*; самъ онъ выдаетъ себя за *Перуна* и погибаетъ отъ бѣсовъ, т. е. тоже отъ змѣя. Быть можетъ Волховъ или Вольга — одна изъ ипостасей Перуна. Позднѣйшее преданіе пріурочило его свойства къ Вѣщему Олегу, а народная поэзія сохранила о немъ память, какъ о богатырѣ Вольгѣ.

—

5.

Января 18, 1861 г.

Простите, дорогой П. А., что я такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо отъ 23 Декабря. Но я недавно воротился изъ командировки, изъ уѣзда, потомъ была у насъ въ канцеляріи ревизія, и я теперь только урываю минуту.

Посылаю Вамъ при этомъ 2 Стиха объ Алексіѣ, записанные мною. Первый варіантъ записанъ мною вновь на Шунгской ярмаркѣ, потому что черновая тетрадка моя куда-то затерялась. Тутъ же прилагаю 2 Стиха, переданные мнѣ Повѣнецкимъ чиновникомъ.

Но сверхъ того посылаю Вамъ цѣлый сборникъ Стиховъ, записанный семинаристомъ Миролюбовымъ *) въ Петрозаводскомъ уѣздѣ (какъ видите, мой примѣръ сталъ находить подражателей). Въ концѣ тетради есть 2 пѣсни, которыя я пріобрѣлъ для своего сборника. Первая *о Горѣ:* ее можно помѣстить за тою, которую я самъ записалъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Вторая пѣсня *объ Огородниковой женѣ и Садовниковой* есть явно паденіе былины о Хотенѣ и любопытна какъ моментъ перехода народнаго эпоса въ пѣсню. Былина о Васильѣ, напечатанная когда-то въ Олон. Вѣдомостяхъ, есть ничто иное, какъ дурно записанный отрывокъ старины о Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 45 моего сборника). Прилагаю кстати варіянты № 45, записанные мною на Шунгѣ отъ слѣпаго Ивана, дер. Мелентьевской, Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда.......... **)

Во время своей поѣздки, я успѣлъ соблюсти для себя одинъ день и записалъ вновь 5 былинъ, изъ нихъ четыре со словъ Козьмы Иванова Романова изъ Сѣнной Губы, одного изъ первыхъ сказателей въ Олонецкой губерніи. Эти былины вмѣстѣ со старыми недоимками и превосходною стариною о Ставрѣ, присланною мнѣ въ подарокъ изъ Кижской волости ***), пошлю къ Вамъ въ субботу. Теперь только воротился изъ новой поѣздки по губерніи.... Усталъ, измученъ, и теперь только 12 Февраля могу кончить письмо, начатое въ Январѣ. Простите, дорогой П. А., за невольную медленность: я самъ переписываю записанное, а тутъ не было свободной минуточки. Въ субботу пошлю Вамъ небольшой сборникъ Бѣлорусскихъ Стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи.

---

*) Этотъ почтенный дѣятель доселѣ трудится съ большою ревностью, собирая народные памятники.—*Изд.*

**) Приведенное здѣсь разнорѣчіе вошло во II-ю Ч. Сборника.—*Изд.*

***) Она вошла во II-ю Часть.—*Изд.*

6.

4 Марта.

Долгонько же идутъ наши письма... Ваше я получилъ 4 Марта и сегодня же отвѣчаю. Послѣ письма я послалъ Вамъ былины и сегодня посылаю послѣднія.—Двѣ былины о Чурилѣ (Гусино-Пленковичѣ), полученныя отъ г. Шкалина,..... предлагаю отнести къ разряду Побывальщинъ, т. е. такихъ былинъ, у которыхъ стихъ разрушенъ. В. не присылаетъ никакого отвѣта, по этому я принялся отыскивать разбросанныя и полустершіяся черновыя тетрадки и списалъ вновь какъ могъ.

Вотъ реестръ былинъ предпослѣдней посылки.

1. Варіантъ о Васильѣ Игнатьевичѣ (въ письмѣ).

2. о Хотенѣ.

3. о покражѣ 40000 въ монастырѣ Румянцовомъ.

4. о 2-хъ королевичахъ Литовскихъ.

5. о 40 каликахъ.—Четыре эти былины записаны мною въ Январѣ 61 г. въ Кижахъ.

6. о Ставрѣ—(получена отъ Кижскаго Волостнаго писаря Лысанова).

Послѣдняя посылка состоитъ изъ былинъ:

7. о Дюкѣ Степановичѣ } со словъ Латышова.
8. о Чурилѣ } со словъ Латышова.
9. отрывокъ о Добрынѣ. } со словъ Латышова.

10. о Чурилѣ—записано въ Тихвиноборскомъ погостѣ, Каргоп. уѣзда.

11. о Кастрюкѣ,—тоже.

12. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (въ Январѣ 61 г. записано въ Кижахъ).

13. о Дюкѣ Степановичѣ отъ Бутылки.

14. Побывальщина о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ.

Дупликаты тѣхъ, которыя были у В. *):

36. Каково птицамъ жить на Руси.

37. о Ставрѣ.

---

*) Позднѣе нашелся подлинникъ.—*Изд.*

38. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой.

39. о Иванѣ Годиновичѣ (о Васильѣ Буслаевичѣ и Кощеѣ Трипетовичѣ).

40. о Царѣ Саламанѣ.

41. о Кастрюкѣ....

А между тѣмъ посылаю Вамъ вмѣстѣ съ былинами небольшой сборникъ Бѣлорусскихъ Стиховъ (собственно говоря Стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи отъ Бѣлорусса-калики) и отдаю для Васъ списывать Стихи съ рукописнаго стариннаго сборника.

Имѣю въ виду пріобрѣсти сборникъ былинъ, записанный еще въ прошломъ столѣтіи въ Вологодской губерніи: но пока идетъ переписка, а потому не хочу ничего говорить невѣрнаго.

Теперь я много работаю для канцеляріи, да на первой недѣлѣ или на второй предстоитъ командировка, потому не надѣюсь кончить во время статьи своей *): впрочемъ сдѣлаю все, что могу.

Съ одной изъ будущихъ почтъ пришлю Вамъ описаніе Олонецкихъ свадебъ, заговоры, отпуски и проч. Распорядитесь, какъ знаете.

—

7.

11 Апрѣля.

. . . .

Перечитывая послѣднюю страницу Вашего письма **), чувствовалъ сильную тоску. Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайнѣй мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ хочу и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставили за собою непріятности... Въ первыя два путешествія выдались у меня пять свободныхъ дней: въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные Стихи, собралъ разные рукописные матеріялы. — Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ между

*) Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ собираніе, о самихъ пѣвцахъ, и т. п.—*Изд.*

**) Въ которомъ говорилось о необходимости записать отъ пѣвцовъ все, что они знаютъ изъ творчества, подробности объ нихъ самихъ, и т. п.—*Изд.*

тѣмъ возиться въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со становыми и исправниками. И наконецъ въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины. Отъ Козьмы Романова записано все, что онъ знаетъ и помнитъ, отъ Рябинина тоже. Въ Шалахъ, Колодозерѣ и другихъ мѣстахъ не могъ оставаться долѣе, чѣмъ оставался, и записывалъ денно и ночно. Возьмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ: всѣ они собирали, а что явилось въ свѣтъ? одна старина въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости. Я самъ пѣлъ и разсказывалъ крестьянамъ, что зналъ. Бѣдный Рябининъ, не встрѣчавшій уваженія (не къ себѣ: онъ слишкомъ нравственная и серьезная личность) къ своимъ любимымъ былинамъ, послѣ разговоровъ со мною ободрился и самъ сталъ цѣнить поэтическіе обломки, сохранившіеся въ его памяти: для меня онъ нарушилъ Петровскій постъ, въ который ѣлъ только хлѣбъ и коренья, чтобы разсказывать «мірскія вещи.» Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку я собралъ бы многое, да меня *воротили*... Вновь у меня заготовлено много былинъ, которыя записаны большею частію въ Петрозаводскомъ уѣздѣ: какъ перепишу, отошлю къ Вамъ. Къ В. писалъ еще разъ, но отвѣта не получалъ.

—

8.

22 Апрѣля.

... Посылаю Вамъ *перечень* опечатокъ, пропусковъ и проч. *). Я провѣрялъ все печатное по своимъ рукописнымъ тетрадкамъ, отмѣтилъ иныя разнорѣчія, а также и добавки, которыя сдѣлалъ Козьма Романовъ у меня на квартирѣ. — Статью Вашу читалъ съ наслажденіемъ, и хотя не могу отказаться отъ миѳологическаго значенія богатырей, но я и самъ больше обращалъ вниманія на то, что̀ они значили для народа въ эпоху историческую. Лучшее доказательство найдете въ моей статьѣ. Она начинается картиной труда крестьян-

*) Въ I-й части: онъ помѣщенъ при II-й.—*Изд.*

скаго по былинѣ о Птицахъ *). Гулящая часть земщины отдѣляется отъ ратаевъ и съ топоромъ въ одной рукѣ, съ сохою позади себя, какъ и теперь Американскіе піонеры, идетъ на украйны. Судьба этой вольницы различна: одна возвращается на свою на сторонушку (какъ въ «Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой»), другая ходитъ сказателями — скоморошинами и каликами перехожими, поддерживая единство языка и преданій; третья гибнетъ отъ избытка своей удали молодецкія, какъ богатырь въ рѣчкѣ Смородинкѣ и Василій Буслаевичъ: они въ тягость были бы земщинѣ, ибо не признаютъ уже ни какихъ законовъ, не только извѣстной, условной формы. Дружина съ своими настоятелями — дѣло другое: они содержатъ земщину при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Микулушку (не смотря на его тожество съ Миколаемъ въ Садкѣ и Потыкѣ) я объяснялъ за полгода своимъ знакомымъ какъ олицетвореніе Земщины, въ противоположность аристократу и вѣдуну, патрицію Вольгѣ.

Вамъ я наберу Стиховъ, сколько смогу: сейчасъ посылаю Бѣлорусскіе и полученные отъ судьи, и отдалъ для Васъ списывать съ рукописей.

Посылаю еще заговоръ Поморскаго охотника и отпускъ скоту. Напишите, что у Васъ есть для втораго тома: по моему мнѣнію, помимо заплачекъ и бытовыхъ пѣсенъ должны бы быть:

1) *Козьмы Романова* Хотенъ, 2) монастырь Румянцевъ, 3) сорокъ каликъ — *записаны мною* въ 1861 г. 4) *Кижской волости*, о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, *записанъ мною* въ 1861. 5) *Ставеръ*, записанный для меня у Лысанова, Волостнаго писаря, 1861. 6) *Латышова* Дюкъ Степановичь, Чурила, *записаны мною* 1860. 7) *Каргопольскіе* Чурила и Кастрюкъ, *записаны мною* 1860. 8) *Повѣнецкій* Василій Игнатьевичь, *записанъ мною* 1861. Сейчасъ посылаю Вамъ: челобитную Полозова и договорную грамоту Сатина, сказаніе о городѣ Еросолимѣ, *повѣсть о Басаргѣ*, старинный Травникъ и проч. — Повѣсть годится и для сборника. Изъ былинъ посылаю: Щеголенкова, *записанные мною*, 9) (36) Каково птицамъ жить на Руси, 10) (37) Ставра и 11) (38) Василья Буслаевича, неудачливаго молодца. Отъ В. *еще не получалъ* своей тетрадки и долженъ былъ *возстановлять* по тетрадкамъ, гдѣ было записано съ *разсказа* Щеголенкова и поправлено съ

*) См. ниже, въ прибавленіи къ письму. — *Изд.*

пѣнья его: тетрадки измараны до безконечности, и какъ ни надѣюсь я на свою память, а въ Ставрѣ не увѣренъ, —поэтому кое-что отмѣтилъ точками. Если получите тетрадки отъ В., печатайте, какъ выписано тамъ *). Посылаю еще 4 былины: 12) о *Михайлѣ*, 13) о *Оникѣ*, 14) о *Добрынѣ* и 15) о *Кастрюкѣ*, записанныя мѣстными священниками и переданныя въ мое распоряженіе Н. В. Обручевымъ, составителемъ Военно-Топографическаго описанія. Еще 16) о *Потыкѣ* и 17) о *Саламанѣ* записаны для меня въ Кижской волости сельскимъ писаремъ. У меня еще остались: 2 былины отъ Шкалина, 18 и 19; 20) о Саламанѣ и 21) о Кощеѣ, записанныя мною отъ племянницы Щеголенкова, 22) Дворянинъ безсчастный молодецъ, *мною* отъ *Латышова*, 23) Дюкъ *мною* отъ Бутылки, 24) побывальщина о Добрынѣ *мною* въ Песчанахъ, 25 и 26 — Дюкъ и Гусино Пленковичь, записанныя г. Шкалинымъ... Я постараюсь сначала изучить Лодейнопольскіе варіянты. И въ Вытегрѣ, и въ Лодейномъ Полѣ у былинъ особый характеръ и складъ, какъ это Вы замѣтите сами изъ переданныхъ мнѣ г. Обручевымъ. Жду десятокъ былинъ изъ Заонежья, да самъ въ Маѣ изъ путешествія привезу былинъ тридцать или сорокъ. — Вотъ вамъ и второй томъ сборника, не уступитъ первому. Буду, разумѣется, записывать и для Васъ Стихи. Пришлю еще описаніе Петрозаводскихъ свадебъ...

Еще разъ жму Вамъ крѣпко руку и въ отвѣтъ на Вашъ призывъ служить вѣрой-правдою, еще разъ повторяю: лишь бы не мѣшали.

О рукописномъ сборникѣ былинъ пока не получалъ отвѣта...

Еще посылаю для сборника три любопытныхъ вещи, списанныя мною изъ рукописнаго сборника: послѣдняя *бой знаковъ Зодіака*.

Каково птицамъ жить за моремъ и на Руси **).

Эта былина въ разныхъ мѣстностяхъ поется различно: вполнѣ я ея не слыхалъ нигдѣ.— Изъ сравненія нѣсколькихъ варіянтовъ, содержаніе ея можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Смѣна временъ года приводитъ къ богатой осени. Крестьяне поклали стога, имъ жить хорошо, и прохладно, и весело. Имъ жить хорошо, — вотъ

*) Какъ сказано выше, эти тетрадки послѣ найдены.—*Изд.*

**) См. въ I-й Ч. № 87-й и во II-й № 59.—*Изд.*

живутъ и цари по царствамъ, бояре по мѣстамъ, мелкіе судьи по деревнямъ, попы-дьяки по погостамъ и прочіе мелкіе люди по подворьямъ. Поклали крестьяне стога, и старики спокойно спятъ на печахъ, старухи по прилавкамъ, молодицы по чуланамъ, малыя ребята по зенькамъ. Благословеніе природы, обиліе хлѣба и трудъ мужчины-крестьянина обезпечили жизнь другихъ слоевъ и возрастовъ (см. стихи 1—25, № 59).

Отъ синяго Дунайскаго моря, изъ тихаго лукоморья прилетаетъ малая птица-пѣвица, садилась на дерево калину и зачала пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати, и стала она на Русь голосъ подавати. Услышали Русскія птицы, слетались птицы все стадами, садилися около рядами, въ одну сторону головами, садилися онѣ по коламъ, садилися онѣ по изгородамъ, садилися онѣ по малымъ ракитовымъ кусточкамъ, садилися онѣ вдоль зеленой дубравы, и стали они пѣть-воспѣвати, и стали къ той ли птицѣ прилегати (см. № 59, ст. 26. 27; № 87, ст. 6—20; въ 59 № ст. 37—42 явно испорчены, и ихъ слѣдуетъ читать такъ: «Налетали русскія птицы, садились онѣ по коламъ,» и проч.; 42-й: «Воробьи живутъ въ домахъ по рагузамъ;» 42-й стихъ въ этомъ видѣ слѣдуетъ помѣстить между 36 и 43).

— Ты скажи, заморская птица, скажи намъ, не утай же, скажи Божію правду: кто у васъ на морѣ большій, кто на Дунайскомъ меньшій?— Возговоритъ заморская птица: «Глупыя вы, Русскія птицы, за чѣмъ вы къ намъ прилетали, за чѣмъ про сине море спрошали? всѣ у насъ на морѣ больши, и нѣтъ на Дунайскомъ меньшихъ (см. № 87, ст. 20—31)!»

За тѣмъ заморская птица спрашиваетъ у Русскихъ птицъ: «Каково вамъ жить на Руси?» Отвѣчали Русскія птицы: — Хорошо намъ жить на Руси: всѣ у насъ птицы при дѣлѣ, всѣ птицы при работѣ и всѣ птицы *при караулѣ* (см. № 59, ст. 28—34).—

Далѣе, по моему мнѣнію, слѣдуетъ описаніе этой жизни птицъ на Руси при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Былина разсказываетъ ее иносказательно, закрываясь словами «на морѣ.» Многіе стихи утратили первоначальный видъ и рѣзкость характеристики, по понятнымъ впрочемъ причинамъ. Насмѣшливое отношеніе къ предмету только проглядываетъ кое-гдѣ и совершенно ясно лишь въ слѣдующихъ стихахъ № 59, ст. 45—48:

Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы-сироты беретъ по два и по три;
То есть *великая* въ немъ *неправда.*

Въ концѣ былины пѣвецъ прибавляетъ отрывки изъ другой былины: «Каково звѣрямъ жить за моремъ *).»

—

9.

24 Мая.

. . . .

Я и самъ знаю, что для втораго тома еще много нужно матеріяловъ, нужно ихъ интересныхъ, потому что и самое дѣло этого требуетъ, и успѣхъ перваго тома обязываетъ. Я на все, посланное уже къ Вамъ, смотрю не иначе, какъ на закладку, а жду самъ съ нетерпѣніемъ лѣтней поѣздки.

При этомъ прилагаю двѣ побывальщины: въ «Дворянинѣ Безсчастномъ Молодцѣ» строчки въ скобкахъ можно пожалуй выпустить. Вписалъ ихъ потому, что въ нѣкоторыхъ журналахъ критики требуютъ непремѣнно дословнаго пересказыванья, находя какой-то особенный интересъ въ наивно-циническихъ подробностяхъ **). Замѣтьте впрочемъ, какъ мало такихъ мѣстъ въ былинахъ, записанныхъ у *сказателей.*

Читали вы чревовѣщаніе въ ..... по поводу 2-го выпуска пѣсенъ Кирѣевскаго? Какъ милы эти самодѣльныя разглагольствія о эпосѣ, о значеніи поэзіи вообще. И это не стыдятся люди писать, послѣ того какъ уже на Русскомъ языкѣ есть труды....

Посылаю Вамъ еще нѣсколько сказаній отъ Миролюбова и Попова, и тетрадку съ заговорами, списокъ которыхъ былъ Вамъ посланъ уже прежде. Но теперь я вмѣсто «*Мусала лѣсъ*» прочелъ «*Мусайла лѣсъ.*»

Посылаю Вамъ еще варіантъ былины о Михайлѣ Потыкѣ: запи-

*) Мнѣніе Издателей о той же былинѣ см. ниже въ «Замѣткѣ.» —*Изд.*

**) Для удовлетворенія подобныхъ требованій, строчки, здѣсь помянутыя, отпечатаны всѣ во II-й части. —*Изд.*

санъ для меня сельскимъ писаремъ Сѣнногубскаго правленія: новаго въ этомъ варіантѣ нѣтъ ничего; дополнены лишь нѣкоторые пропуски. За то изъ него видно, какъ нѣкоторыя былины почти дословно сохранялись въ памяти народной. У Васъ теперь три варіанта этой былины: одинъ печатный, два другихъ рукописные, и всѣ очень близки между собой.

—

10.

10 Іюля.

Посылаю Вамъ 10 былинъ, 9 записаны мною, 10-я по моему порученію въ Кижахъ, да еще прибавляю двѣ сомнительныя Старины.

Свои былины я отдалъ было переписать съ черновой тетрадки, да писецъ много навралъ и вездѣ проставилъ «да,» которое пѣвцомъ прибавляется ради красы-басы. А переписывать все нѣкогда....

При этомъ прилагаю описаніе свадебъ, составленное для меня Миролюбовымъ.

—

11.

17 Октября.

Съ этой почтой или со слѣдующей Вы получите небольшое собраніе былинъ, записанныхъ мною отъ Терентія Іевлева, внука перваго *сказателя* въ Олонецкой губерніи Ильи Елустаѳьева (т. е. Евстаѳьева). Тутъ нѣсколько былинъ и Стиховъ, записанныхъ Миролюбовымъ.

Посылаю Вамъ при этомъ и нѣсколько *Заповѣдей*, Заповѣдныхъ тетрадокъ, которыхъ Вы такъ добивались; только отошлите ихъ ко мнѣ назадъ по минованіи надобности: я ихъ съ этимъ условіемъ взялъ у знакомаго чиновника.

На дняхъ жду сборниковъ былинъ изъ Колодозера отъ старика, у котораго я уже прежде записалъ былины, и отъ Сумозерскаго сказателя.

—

12.

Къ Дм. А. Хомякову.

3 Ноября.

Къ П. А. я писалъ два раза, послѣ письма его ко мнѣ, и нѣсколько разъ посылалъ былины. Получены ли онѣ? Вотъ вопросъ. Въ послѣднее время были къ нему отправлены былины, записанныя отъ Терентія Іевлева и тѣ, которыя были мнѣ переданы г. Обручевымъ. Вообще мнѣ хотѣлось бы знать составъ 2-го тома, и именно реестръ былинъ, которыя войдутъ въ него. Если бы можно увѣдомить меня объ этомъ, я былъ бы Вамъ очень благодаренъ.

Былины сохранились въ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ уѣздѣ и Пудожгорскомъ приходѣ Повѣнецкаго. Настоящихъ сказателей этихъ древнихъ пѣсенъ не много, я ихъ знаю на перечетъ: 1) Рябининъ, 2) Козьма Романовъ, 3) Андрей Сорокинъ, 4) Колодозерскій старикъ и 5) Бутылка. Кромѣ ихъ есть еще 6) Терентій Іевлевъ, внукъ знаменитаго Ильи Елустаѳьева, 7) Калика изъ Лягъ, 8) Поромскій старикъ, 9) Никифоръ Прохоровъ и 10) Щеголенковъ. Вторая категорія, за исключеніемъ 8-го, котораго не знаю, ниже первой. Остальные, какъ калики, такъ и пѣвцы, не заслуживаютъ имени сказателей и знаютъ по двѣ, по три былины.—Отъ 1, 2, 7, 9, 10-го записано рѣшительно все; отъ 5-го, 3, 4, 6, очень многое; на 8-го я не попалъ ни разу. А искалъ я этихъ пѣвцовъ на разстояніи тысячи верстъ; два раза переплывалъ на лодченкѣ черезъ Онего на сорокъ верстъ, чтобы захватить 5-го сказателя, и не могъ лично записать многаго отъ Бутылки, а долженъ былъ поручить другимъ. Записать остальное отъ 3 и 4-го поручилъ я тоже другимъ и жду — не дождусь присылки изъ уѣздовъ.

Много я роздалъ денегъ и Семинаристамъ, и Волостнымъ, и Сельскимъ Писарямъ, а отъ нихъ получаю или мало, или дрянь. На дняхъ одинъ писарь надулъ меня, приславши шесть старинъ, которыя онъ отъ слова до слова списалъ у Кирши Данилова.—Вообще можно положиться только на то, чтò записалъ самъ или чтò запи-

сано на глазахъ. Но, какъ я Вамъ объясняю, пѣвцы разсѣяны другъ отъ друга на сотняхъ верстъ и за ними не угоняешься.

Посылаю Вамъ въ настоящее время 3 былины, записанныя мною со словъ Андрея Сорокина; двѣ изъ нихъ переписаны очень плохо, да въ деревнѣ не нашлось лучшаго писца, а я тороплюсь отправить посылку къ Вамъ. — О Дюкѣ Степановичѣ начало почти до слова сходно съ № 47 моего 1-го тома, который тоже записанъ со словъ Сумозерскаго крестьянина. Кромѣ того на особомъ листочкѣ прилагаю варіанты о Дюкѣ.

Какъ получу 15 былинъ изъ Пудожа, перешлю къ Вамъ. Рѣшите сами, нужно ихъ дожидаться или нѣтъ? Черезъ недѣлю получите описаніе свадебъ.

Пишу къ Вамъ рѣдко, потому что я все еще.....

—

18.

Къ П. А. Безсонову.

2 Декабря.

Я всегда былъ убѣжденъ, что Русскій народъ отозвался въ своихъ произведеніяхъ на все, что̀ ему было дорого, на всякое замѣчательное событіе въ области своего развитія. И чѣмъ болѣе узнаю народное творчество, тѣмъ убѣжденіе это болѣе и болѣе подтверждается.

Здѣсь Вы найдете разсказъ о томъ, отчего измѣна завелась на Руси со времени Іоанна Грознаго и разсказъ о Петрѣ. Этимъ вещамъ я не придаю особенной цѣны, потому что первый изукрашенъ записывателемъ. Но я надѣюсь, Вы оцѣните по достоинству былину о Алексѣѣ Михайловичѣ. Вѣдь дѣло, по моему мнѣнію, идетъ о *Земскомъ Соборѣ*. Царь спрашиваетъ народъ, отдать ему Смоленскъ или нѣтъ?

Добиваюсь я теперь былины, разсказывающей о борьбѣ Корелъ и Чуди съ Русскими: на дняхъ достану ее.

—

14.

То же.

3 Февраля 1862 г.

Прежде посланныя былины записаны были со словъ Андрея Сорокина—изъ Пудожскаго уѣзда писаремъ по моей просьбѣ. Я сталъ было их перечитывать и поправлять, т. е. не слова пѣвца, а грубыя ошибки записывавшаго: но пришлось ѣхать, и я просилъ отправить Вамъ рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она была мною оставлена. Теперь посылаю Вамъ еще 2 былины и 3 отрывка, записанные въ Кижской волости: имя-отчество пѣвца вышлю въ слѣдующемъ письмѣ.

Собираніе идетъ очень туго.... Хорошо еще, что въ первыя поѣздки я успѣлъ познакомиться съ пѣвцами и могъ поручить другимъ лицамъ записать отъ иныхъ.

Козьма Романовъ былъ здѣсь и пріѣдетъ еще разъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ: если же поѣздъ его не удастся, я сниму съ него фотографическій портретъ здѣсь и попрошу знакомаго записать мотивы.

* *
*

ЗАМѢТКА.

Точка зрѣнія, однажды уставленная нами на предметъ, на Былевое народное творчество Руси (см. «Замѣтки» къ I-й Части и къ 4-мъ выпускамъ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ), такова, что даетъ намъ возможность, при каждомъ появленіи новыхъ отысканныхъ памятниковъ творчества, только лишь извлекать изъ нихъ важнѣйшее и дополнять прежде сказанное, держась одной нити, не теряясь въ частностяхъ, а возводя всѣ подробности къ единому цѣльному воззрѣнію, которое, надѣемся, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе выясняется для внимательнаго читателя.

Такъ поступимъ мы и въ настоящемъ случаѣ. Во 1-хъ, мы сообщимъ по порядку тѣ новыя данныя, которыя открываются нашему взору изъ произведеній творчества, помѣщенныхъ во II-й части Рыбниковскаго Сборника, во сколько ими дополняются наши прежде изданные памятники, подтверждаются прежнія воззрѣнія, раздвигается кругозоръ или вызываются новые выводы. О пѣсняхъ Новгородскихъ, Княжескихъ и Безъимянныхъ мы скажемъ здѣсь немного, ибо для этого предлежитъ еще намъ пространное поле изслѣдованій въ изданіи дальнѣйшихъ, послѣ 4-го, выпусковъ собранія Кирѣевскаго: мы болѣе сосредоточимся на времени такъ называемомъ Владиміровомъ.—Во 2-хъ, по поводу нѣкоторыхъ пѣсень и сообщаемыхъ ими данныхъ, мы коснемся вопроса, который не былъ еще затронутъ въ литературѣ ни другими, ни нами,—о томъ, какъ передѣлка именъ и названій, совершавшаяся при передачѣ пѣсни отъ лица къ лицу, отъ поколѣнія къ поколѣнію, или же при переходѣ ея въ рукопись и обратно, порождала въ народномъ творчествѣ совершенно особые образы, расположала ихъ и оставила намъ слѣды любопытной связи произведеній устныхъ между собою и потомъ съ произведеніями письменными.—Наконецъ въ 3-хъ, мы дополнимъ извѣстныя доселѣ данныя выдержками изъ Сказокъ, появившихся въ свѣтъ послѣ предыдущей бесѣды нашей съ читателями, послѣ Замѣтки при 4-мъ выпускѣ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

1.

Пѣсня, помѣщенная у насъ подъ № 1-мъ, Микулушка Селяниновичь, по видимому есть гимнъ, созданіе лирическое: но въ самомъ дѣлѣ это только отрывки изъ былины, на сколько уцѣлѣла она въ памяти пѣвца, внука знаменитому сказателю Ильѣ Елустаѳьеву. Возстановить былину можно по образцамъ, отпечатаннымъ въ I-й части. Тамъ, въ № 3, 4 и 5-мъ, описывается кобылка Микулы, Соловая, Обнеси-голова: изъ этого описанія Терентій сдѣлалъ первую строфу, съ обращеніемъ къ лицу Микулы. Тамъ же, № 3, стр. 19, Микула самъ разсказываетъ о поѣздкѣ своей въ Кіевъ и вывезенной оттуда соли: изъ этого сдѣлана строфа вторая. Далѣе, въ двухъ стихахъ, 8-мъ и 9-мъ, Терентій описываетъ пашню Микулы: отрывокъ изъ тѣхъ же былинъ. Когда же Олегъ спросилъ Микулу объ имени, 1-й части № 3, стр. 21, 22, Микула отвѣчаетъ такимъ образомъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дóма вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,—
Стапутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичь!»

Изъ этого въ концѣ 3-й и въ 4-й строфѣ Терентій опять сдѣлалъ обращеніе къ Микулѣ отъ своего лица.—№ 60-й также отрывокъ изъ былины, описаніе Микулы и его работъ: она замѣчательна въ томъ отношеніи, что народъ не знаетъ какъ только лучше разукрасить своего любимаго, главнаго представителя Земщины.— Но замѣчательнѣе этихъ отрывковъ черта въ № 2-мъ, стр. 4, ст. 72—75; Калѣки Перехожіе, отпоивши Илью и пуская его въ свѣтъ, подтверждаютъ ему на память заповѣдь: «А сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ Самсонъ Самойловичь да Святогоръ Колывановичь (богатыри Старшіе); еще сильнѣе Микула Селяниновичь,»—отчего?— «отъ матушки сырой земли,» какъ представитель Земщины, тѣснѣе всѣхъ связанный съ Землею.

—

Въ № 61-мъ, который по настоящему, еслибы полученъ былъ нами во время, долженъ бы помѣститься въ началѣ II-й части, вслѣдъ за Микулою, Настасья Микулишна является на Соколѣ корабле: что это значитъ? Теперь уже достаточно набралось данныхъ, чтобы опредѣлять въ точности значеніе этого преданія и уяснить смыслъ самого корабля. Судя по многимъ указаніямъ, мы убѣждаемся, что древнѣйшій бытъ Руси, когда еще жила она въ обще-Славянской семьѣ, представлялся позднѣйшему народному творчеству между прочимъ подъ образомъ плаванія, по какому-то морю. Это было конечно первое море, съ какимъ только сблизились Славяне: смотря по дальнѣйшему мѣсту жительства, по разнымъ переходамъ, это было—для Славянъ Южныхъ море Бѣлое—Средиземное (Мраморное), Синее—Адріатика (филологи согласны, что названіе Адріатики, Hadria, отъ Славянскаго *ѣдро*, *нѣдро*, hadro, т. е. пазуха, заливъ, sinus, дано жившими по бережью Венетами), и общее всѣмъ Славянамъ Черное, Теплое; у Русскихъ Славянъ опять общее — Черное, иначе въ частности Русское, мѣсто прибрежнаго ихъ жительства въ связи съ Греческими поселеніями, далѣе Сурожское (Азовское, связанное по имени съ древнѣйшимъ божествомъ — Сварожичемъ и первобытными мореходцами—Сурами), потомъ Синее—Хвалынское (Каспійское), наконецъ, позднѣе, новое Бѣлое море, иначе Студеное (противуположно Черному—Теплому). Въ періодъ слагавшейся Руси, когда, временно оттиснутая отъ Чернаго моря и Дуная, она не успѣла еще снова вернуться къ этимъ краямъ въ походахъ и подвигахъ князей своихъ, старшимъ моремъ, самымъ рѣзкимъ для памяти образомъ, представлялось творчеству Балтійское, последнее, на которомъ совершались знаменитые подвиги, называвшееся Латырь-моремъ, по янтарному промыслу, «отцемъ всѣхъ морей,» Океанъ-моремъ, Леденецкимъ, съ городомъ Леденцемъ, Волынскимъ—съ Волиномъ, съ островомъ Буяномъ, съ камнемъ Латыремъ, и проч. (см. Замѣтку къ 4-му вып. Пѣс. Кир.). Въ произведеніяхъ народнаго творчества, по всѣмъ этимъ морямъ, преимущественно по Балтійскому, гуляетъ Соколъ-корабль. Это отецъ кораблей, первый, старшій и главный корабль, такъ что когда приходится назвать корабль *по преимуществу*, то его называетъ творчество *Соколомъ*, съ прозвищемъ «батюшки:» также точно какъ главное море — Латырь-море, глав-

ный конь—Сивка-бурка, и т. п. Однимъ словомъ—это образъ самой, древнѣйшей Руси, носившейся по волнамъ. по морю, это полюсъ, отвѣчающій другому—кочевью на сушѣ. Потому все, что только есть изъ лицъ старшаго въ былевомъ творчествѣ, помѣщается на этомъ кораблѣ: Старшіе богатыри Полканъ, Самсонъ, Святогоръ, наконецъ Илья, тою стороной, которою сближался со Старшими. Но мало по малу, съ уходомъ отъ Латырь-моря, съ утвержденіемъ на матерой землѣ, съ шагами слагавшейся Руси, съ окрѣпленіемъ Земли, представленія объ морѣ, а вмѣстѣ и объ Соколѣ-кораблѣ перешли также на сушу, придвинулись къ Кіеву: связь между отдаленнымъ, пройденнымъ періодомъ и Кіевскою Русью, временемъ Владиміровымъ, выражена въ творчествѣ, знаемъ мы, знаменитымъ пріѣздомъ въ Кіевъ Соловья Будиміровича, на томъ же Соколѣ, женидьбой его на княжеской племянницѣ, и т. д. Здѣсь отъ Латырь-моря корабль перешелъ по сушѣ до Кіева также точно, какъ на другомъ концѣ, поплававши по Черному морю, корабли Олеговы подошли на колесахъ къ Царюграду. Соколъ даже остался въ Кіевѣ, какъ памятникъ минувшаго, образчикъ былаго, знакъ прожитаго: Илья, собираясь въ Кіевъ, просится у отца «съѣздить да посмотрѣть чернаго карабля, яснаго Сокола (вып. 1 Кир., стр. 77).» Такъ точно щитъ Олеговъ остался на вратахъ Царя-града; такъ, знаемъ изъ Былинъ и Стиховъ, Ногъ, Нога или Страфиль-птица, вынесшая Русскаго человѣка на свѣтъ Божій, позднѣе помѣстилась въ Кіевѣ на вратахъ Корсунскихъ; такъ остался позднѣе въ Кіевѣ Леванидовскій, Корсунскій крестъ, знамя христіанскаго торжества; окаменѣли подъ Кіевомъ сами богатыри, окаменѣлъ или перешелъ въ пещеры цѣлымъ Илья Муромецъ. Эта же самая связь Моря и Корабля съ Землею выражена творческимъ образомъ, когда дочь представителя Земщины, Микулы, помѣщена на кораблѣ Соколѣ. Съ другой стороны,— новое доказательство, какъ древенъ этотъ женскій образъ, когда-то единый, потомъ, при началѣ былеваго Владимірова творчества, раздѣлившійся на двухъ сестеръ, Настасью и Василису. Образъ женщины замужней, преданной мужу до самопожертвованія, отъ любви дошедшей до самыхъ драматическихъ положеній, женщины Грозной, остался за Василисой; образъ дѣвицы, дѣвицы-поляницы, богатырь- или царь-дѣвицы, въ дѣвчествѣ полевавшей по полю, гулявшей по морю на Соколѣ, и позднѣе уже полюбившей Добрыню, усвоенъ Настасьѣ. Повторяемъ, она примы-

каетъ къ отдаленнѣйшей древности, когда помѣщается на Соловѣ рядомъ со Старшими богатырями: и не кому, говоритъ творчество, быть здѣсь другому, «быть ли не быть—Настасьѣ Микуличной!»

Ниже мы еще вернемся къ этому предмету, сопоставляя Соловья Будиміровича съ Соловьемъ-разбойникомъ, и тамъ же остановимся на замѣчательнѣйшемъ прозвищѣ, данномъ сему послѣднему въ № 3-мъ и 63-мъ — Рахмановичь, отца Рохманная.

—

Подъ № 62-мъ былина, очень хорошая по формѣ, весьма извѣстна по содержанію. Прекрасная Королевична, въ ней упоминаемая, также извѣстна: это та же Баба Горынинка, Латыгорка, въ сказкахъ Яга и проч. На несмѣтныя сокровища, найденныя послѣ ея смерти, Илья строитъ Церкви: мотивъ уже болѣе поздній, заключающій эпоху Кіевскаго творчества и Владимірова круга, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно исчезаетъ Илья или самъ ложится въ Пещеры.

Былина подъ № 63-мъ, объ Ильѣ Муромцѣ, огромная по объему, въ то же время есть одна изъ самыхъ лучшихъ былинъ, какія только уцѣлѣли въ устахъ народа, и по отдѣлкѣ внѣшней, и по особенному развитію содержанія. Многія частности, брошенныя въ другихъ однородныхъ пѣсняхъ объ Ильѣ только вскользь и мимоходомъ, развиты здѣсь съ особенной подробностью: таковы описанія — битвы съ невѣрной силой подъ Черниговомъ и его освобожденія; мощенія мостовъ, т. е. устройства прямоѣзжихъ дорогъ среди лѣсныхъ пущей и непроходимыхъ мѣстъ, — одинъ изъ подвиговъ Ильи Муромца. Здѣсь же совершенно новое, неизвѣстное по прежнимъ былинамъ: своеобразное описаніе Соловьева двора; выкупъ, который привезли за него дѣти въ Кіевъ; предложеніе Соловья быть на Руси Строителемъ, на что склонялся было Владиміръ, обольщенный выкупомъ, и чего не допустилъ Илья, и т. д. Вообще, былина изъ того разряда, образцы коего приведены нами въ 1-мъ вып. Пѣсень Кирѣевскаго, въ отдѣлѣ VI-мъ: она обнимаетъ всѣ главные подвиги Ильи до пріѣзда во Кіевъ, самый пріѣздъ, потомъ отсюда круто поворачиваетъ къ ссорѣ его съ Владиміромъ, здѣсь сосредоточивается и здѣсь кончаетъ рѣшительнымъ разрывомъ или примиреніемъ (наша былина избрала послѣднее). Какъ всѣ былины этого разряда, она носитъ на себѣ нѣкоторые явные слѣды отдѣлки

позднѣйшей, воззрѣній, выработанныхъ уже къ концу періода Московскаго и рисующихъ утѣсненное положеніе Земщины. Здѣсь сложились уже понятія не только о различіи слоевъ общества, а даже отчасти и сословій: барина, холопа, дворянина, попа (ст. 198 и дал.); вокругъ Владиміра — бояре, вельможи, даже сенаторы. Древнее, а вмѣстѣ народное и земское воззрѣніе, олицетворенное въ Ильѣ, даетъ себя знать лишь по мѣстамъ: такъ, на примѣръ, въ словахъ Ильи — «не дай Господи дѣлати изъ богáтыря воеводу,» заключается весьма рѣзкое различеніе между понятіемъ Богатыря, какъ служителя Земли, и Воеводы, обыкновенно Княжескаго. Илья здѣсь постоянно, въ ссорѣ съ Владиміромъ, отстаиваетъ оскорбленныя права народа. Владиміръ уже не историческій князь, не герой Кіевскихъ былинъ и даже не изъ первыхъ Московскихъ властителей: онъ *царствуетъ*, не хочетъ узнать Ильи, не даетъ ему почетнаго мѣста, выгоняетъ. Разсерженный Илья и самъ не беретъ мѣста; онъ передаетъ распрю на судъ всего народа, собираетъ вокругъ себя толпы *голей* (до которыхъ дошелъ народъ обѣднѣвшій). Онъ грозитъ властителю: во первыхъ сшибаетъ у теремовъ золоченыя маковки и пропиваетъ ихъ, намекая тѣмъ, что́ можетъ случиться еще дальше; потомъ, перепуганнымъ голямъ говоритъ: «Я заутра буду во Кіевѣ князем служить, а у меня вы будете предводителями,» — это уже majestas populi въ противодѣйствіи государю; посланнымъ отъ Владиміра объявляетъ еще рѣшительнѣе: «Ежели не сдѣлаетъ князь по моему, то онъ процарствуетъ только до утрія.» Примиряется Илья подъ однимъ условіемъ — свободы и полной льготы всему народу, до послѣднихъ голей. Но, когда властитель исполнилъ его желаніе, Илья выражаетъ всю умѣренность великодушнаго народа: онъ не беретъ мѣста бóльшаго, выбираетъ только *середнее* (за то садитъ съ собою рядомъ и всѣхъ голей, безъ всякого *ценза*). Когда дана льгота пить всѣмъ безденежно на царскій счетъ, народъ также отказывается отъ этого права и собирается толпами на завоеванное Ильею мѣсто вокругъ властителя, не для хлѣба, не для соли, не для казны, а только полюбоваться своимъ представителемъ. Разрушены преграды между государемъ и народомъ, забыты ссоры: но народъ не наваливается алчно на добытое, онъ только *обстоитъ*, а все дѣло за себя поручаетъ своему представителю, а представитель беретъ только мѣсто середнее. Глубже этого смысла подъ художественными образами, народнѣе этихъ Русскихъ воззрѣній ничего нельзя себѣ пред-

ставить.— Къ нѣкоторымъ подробностямъ былины мы вернемся еще ниже, сравнивая двухъ Соловьевъ.

—

Пѣсня подъ № 64-мъ, о битвѣ Ильи съ Сокольничкомъ, не представляетъ ничего особеннаго, доселѣ неизвѣстнаго, кромѣ замѣчательнѣйшаго имени: на богатырской Кіевской заставѣ стоятъ между прочимъ «два брата Агрикановы.» Обыкновенно въ другихъ былинахъ ставятся на этомъ мѣстѣ «братья Збродовичи» или же рядомъ «Залѣшане:» но совершенное несходство имени и звуковъ не даетъ права предположить, чтобы Агрикановы втерлись за мѣсто другихъ, невзначай, по ошибкѣ пѣвца или по ослышкѣ. Можно даже замѣтить нѣкоторое соотвѣтствіе между тѣми и другими лицами; какъ Збродовичи, такъ и Залѣшане — представители особенно грубой и дикой силы: имя Агрика, съ греческаго, значитъ дикаго, дикую поляницу (ἄγριος или ἀγρικός, дикій, буйный, полевой, поляница, отъ ἀγρός, *ager*, *Acker*, поле). Но это заставляетъ уже предполагать вліяніе письменности и книжной начитанности, подобно какъ тѣмъ же путемъ, мы говорили въ прежнихъ «Замѣткахъ.» проникло въ былины греческое имя Аники, «непобѣдимаго.» И дѣйствительно, въ нашей письменности, особенно по житію Петра и Февроніи, извѣстенъ знаменитый «Агриковъ мечь,» принадлежавшій какому-то древнѣйшему герою, потомъ завѣщанный отъ него потомству и заложенный между кирпичами въ стѣнѣ храма (не замѣшанъ ли сюда еще новозавѣтный Агрикъ, упоминаемый въ нашихъ Стихахъ по дѣлу съ св. Николаемъ?): мечемъ этимъ, доставши изъ стѣны храма, князь Петръ убилъ крылатаго Змѣя, летавшаго къ снохѣ его на ложе. Хотя въ первоначальномъ происхожденіи сказанія объ Агрикѣ и мечѣ его нужно, судя по всему, видѣть слѣды письменности и заимствованія изъ греческихъ легендъ, откуда послѣ развились уже и наши народные разсказы: но, читая исторію Петра и Февроніи, съ подробностями, гдѣ лежалъ заложенный мечь, какъ его добыли и къ какому дѣлу примѣняли, невольно приходишь къ заключенію, что подобное обстоятельство зашло въ русскія легенды уже обратно, изъ народныхъ сказаній. Потому, предположить можно навѣрное, что этому эпизоду (какъ и другимъ нѣкоторымъ подробностямъ) изъ житія Петра отвѣчало какое либо болѣе древнее сказаніе устное и народное. И какъ многія новыя открытія въ народной словесности

доказали несомнѣнно, что въ сказки Чулкова, при всемъ намѣренномъ искаженіи ихъ на ладъ рыцарскихъ романовъ, проницало, какъ слѣдъ или какъ основа, много образовъ и подробностей чисто-народныхъ, изъ устнаго русскаго творчества: такъ точно и въ настоящемъ случаѣ приходимъ къ тому же выводу. Именно, у Чулкова извѣстна сказка о Добрынѣ, вошедшая и во всѣ лубочныя изданія, гдѣ, между множествомъ безобразнѣйшихъ искаженій и вымысловъ, находимъ слѣдующія любопытныя подробности: Добрыня для успѣховъ своихъ долженъ былъ сыскать роковой мечь, всепобѣждающій; между прочими подвигами, наѣхалъ онъ на поле, усѣянное костями побитыхъ богатырей, а между ними на огромную богатырскую голову; подъ ней нашелъ ключь, ключемъ отперъ въ горахъ дверь; тамъ хранилось множество оружія, тамъ сидѣлъ запертымъ знаменитый Торопъ, послѣдующій типическій слуга Добрыни. Торопъ разсказалъ, что это была кладовая древняго богатыря Агрикана и передалъ тутъ же о самомъ Агриканѣ: «*откуда родомъ былъ* славный и сильный богатырь Агриканъ, *почти никто не вѣдаетъ, а извѣстенъ онъ по великимъ дѣламъ своимъ; я не могъ узнать*, откуда Агриканъ родомъ былъ и какъ величали его по отечеству (слова эти, вложенныя въ уста Торопу, выражаютъ положеніе самого передѣлывателя сказки: онъ, какъ и мы сами, не могъ отыскать происхожденія Агрикана въ народныхъ сказаніяхъ, зашедшаго сюда изъ письменныхъ древнихъ источниковъ).» Собравши оружіе отъ разныхъ славныхъ богатырей, Агриканъ завѣщалъ свою кладовую ратоборцу, который побѣдитъ прочихъ на его посмертной тризнѣ. Побѣдилъ богатырь, которому принадлежала огромная, валявшаяся въ полѣ, голова, но умеръ отъ раны, заперши Торопа въ кладовую и прорекши, что ключемъ овладѣетъ тотъ, кто найдетъ и похоронитъ его голову. Такимъ наслѣдникомъ и оказался Добрыня: здѣсь-то и получилъ онъ Агриканов мечь, хотя усердный сочинитель, путающій сказку, заставилъ его взять здѣсь только роковое копье, а мечь — въ слѣдующей по разсказу другой кладовой. Какъ бы то ни было, только этимъ *мечемъ* убилъ Добрыня Тугарина Змѣевича, а вмѣстѣ конечно и самаго исконнаго врага своего, *Змѣя*. Замѣчательно, что сказка приписываетъ валявшуюся голову Еруслану Лазаревичу: это указываетъ намъ на другой источникъ, на сказку объ Ерусланѣ, изъ рукописей, съ прибавкою многихъ народныхъ Русскихъ подробностей, перешедшую и въ лубочныя изданія. Дѣйстви-

тельно, здѣсь повторяется та же исторія съ отсѣченною богатырскою головою. Еруланъ, отправляясь противъ царя Огненнаго щита, Пламеннаго копья (того же Огненнаго Змѣя; онъ выше выводится въ сказкѣ подъ именемъ Ѳеодула царя Змія, котораго рать была также побита въ полѣ, а среди нея остался живъ человѣкъ Иванъ Русской богатырь), находитъ въ полѣ побитую рать этого царя и среди костей ту же огромную голову, принадлежавшую богатырю Росланею (иначе Рохланю; Росолонъ — Русскій богатырь). Отъ самого царя узнаетъ Еруланъ, что подъ этою головою царева врага скрытъ роковой *мечь*, единственный, какимъ только можно убить его. Возвращается на поле, проситъ голову сдвинуться и выдать мечь, получаетъ его и вмѣстѣ совѣты о предстоящей битвѣ; потомъ *мечемъ убиваетъ царя*, а желчью его исцѣляетъ Росланея. Это совершенно то же, что приведенное выше дѣло Добрыни, и съ другой стороны, чрезъ посредство народныхъ уже сказаній, переведено въ житіе Петра, который также точно Агриковымъ мечемъ убиваетъ Змѣя. Замѣтная путаница во всемъ этомъ эпизодѣ былеваго творчества произошла естественно отъ слишкомъ многихъ наросшихъ здѣсь слоевъ: 1.) древнѣйшій слой, какъ думаемъ, греческихъ сказаній, занесшихъ къ намъ по письменнымъ источникамъ имя Агрика въ какой либо связи съ особеннымъ мечемъ; потомъ 2.) не менѣе древніе, мѣстные и чисто-русскіе народные образы: такъ мы знаемъ важную роль, которую играетъ въ былинахъ, а еще больше въ сказкахъ *мечь-кладенецъ*, о которомъ когда ни будь при случаѣ стóитъ поговорить подробнѣе; въ сказкахъ его отыскиваютъ съ тѣми же препятствіями, въ кладовыхъ, въ подземельяхъ; по указанію богатыря Данилы, сынъ его Михайло роетъ сыру землю и находитъ тамъ всю збрую (броню, оружіе на брань) богатырскую (Кир., вып. 3); Святогоръ завѣщаетъ Ильѣ тотъ же мечь-кладенецъ (Рыбник., ч. I), и т. д. Но этихъ мотивовъ, развитыхъ въ полный образъ и цѣлое творческое созданіе, не находимъ мы въ собранныхъ доселѣ памятникахъ народной словесности. Въ развитомъ и полномъ видѣ своемъ они дошли до насъ — увы — въ памятникахъ намѣренно или безсознательно искаженныхъ, какова сказка Чулкова и рукописная (она же лубочная) объ Еруланѣ. Это 3.) слой еще новый, въ которомъ народная основа перебита вставками и измѣненіями совсѣмъ другаго свойства. Такъ и въ сказкѣ объ Еруланѣ мы видимъ не мало наростовъ: въ основѣ

многіе мотивы и образы чисто-русскіе, какъ на примѣръ подвиги Ивана Русскаго богатыря, побивающаго Царя-Змія и оставшагося единственнымъ живымъ человѣкомъ среди поля, усѣяннаго костями; но эти подвиги, это лицо, занесены въ сказку восточную, съ примѣсью образовъ и красокъ восточныхъ. Потому въ ней же самой вторично пересказывается тотъ же подвигъ Русскаго Ивана, только подъ именемъ уже Рославия, побивающаго рать царя Огненнаго и Пламеннаго, и валяющагося по полю огромною головою. Далѣе, и опять въ той же сказкѣ, третій разъ твердится то же событіе, гдѣ врагомъ царя-Змѣя является уже Еруславъ, по происхожденію имени одинаковый съ Рославеемъ или Рославомъ, Русскимъ богатыремъ, но съ восточной окраской, еще болѣе цвѣтистою, и съ передѣлкою въ Арслана (левъ); въ сказкѣ Чулкова мертвая голова принадлежитъ также Еруслану. Еще шагъ, и 4.) сказка въ восточной формѣ занятая, перешедши въ рукописи, а отсюда на лубки, снова и обратно окрашивается красками Русскихъ подробностей. Наконецъ 5.) народныя сказанія русскія, на сколько въ старину было еще въ нихъ чистоты и самобытности, входятъ въ житіе Петра, но непремѣнно здѣсь искажаются, подъ вліяніемъ общаго тона, примѣняясь къ *житію*, разсказывая о храненіи Агрикова меча въ христіанскомъ *храмѣ*, и т. п. Геніальнѣйшій изъ нашихъ поэтовъ, Пушкинъ, также не миновалъ этого эпизода былевыхъ созданій: всѣ существенные мотивы и главныя лица Руслана и Людмилы, не исключая мертвой головы и лежавшаго подъ нею меча, могутъ быть подысканы въ помянутой сказкѣ Чулкова и особенно въ варіантахъ сказокъ объ Еруславѣ. И конечно не столько первая попытка и молодость, сколько путаница основнаго мотива, представлявшаяся Пушкину въ извѣстныхъ ему источникахъ, виною того, что произведеніе его не прониклось такъ живо и глубоко народными чертами, какъ послѣдующія другія, воспроизведенныя имъ, сказки. — Какъ бы то ни было, мы убѣждаемся отсюда, что «братья Агрикановы,» остановившіе наше вниманіе въ былинѣ, стоятъ среди нашего творчества не одиноко. И мы не теряемъ надежды, что счастливый случай въ будущемъ когда ни будь выведетъ еще передъ наши взоры быль объ Агрикѣ или Агриканѣ съ мечемъ-кладенцомъ во всей чистотѣ народныхъ возрѣній и въ полнотѣ созданія творческаго.

—

Появляющійся въ 6-мъ № Невѣжа, въ борьбѣ съ Добрынею, есть извѣстный «нахвальщикъ, воръ-нахвальщина,» дразнившійся съ Кіевскими богатырями на ихъ заставѣ: обыкновенно или Борисъ Звутъ Козловъ королевичь, сынъ Ильи Муромца, или богатырь Жидовинъ изъ Козаръ. Въ настоящемъ случаѣ это Жидовинъ: отсюда-то передѣлано имя Невѣжинъ въ № 5-мъ. Онъ олицетворяетъ, говорили мы не разъ, цѣлую силу, Жидовскую, Козарскую: отъ того въ № 8-мъ нѣтъ отдѣльнаго лица, а въ той же битвѣ съ Добрынею обрисована «сила невѣрная» и въ стихѣ 73-мъ называется именно Жидами («прибилъ онъ всѣхъ Жидовъ»). Извѣстно, что Жидовинъ убитъ Ильею: а прежде пыталъ съ нимъ мѣряться Добрыня, и вотъ смыслъ борьбы, описанной въ №№ 5, 6 и 8-мъ. Но Добрыня заклятой и постоянный, по преимуществу врагъ Змѣя и Тугарина: вотъ почему Невѣжа, Невѣжинъ или Жидовинъ, поставленный въ связи съ Добрынею, является и Змѣемъ, и Тугариномъ, — «Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ (летаетъ какъ Змѣй), по ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ, а по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ (таковъ онъ въ Кіевѣ, въ дѣлѣ съ Апраксіей и Мариною).»

—

Въ № 5, 6-мъ и т. д. останавливаетъ насъ слѣдующій пріемъ народнаго творчества. Обыкновенно оно рисуетъ образъ совершенно непосредственно, оставляя намъ самимъ отвлекать черты, собирать ихъ вмѣстѣ по однородности и отсюда уже дѣлать выводы о типѣ или возводить его въ понятіе. Но, съ развитіемъ творчества, въ позднѣйшія эпохи его, въ немъ самомъ самосознаніе стремится выразиться опредѣленнѣе, обрисовать Типы, по которымъ идетъ творчество, или же отвлечь отъ образовъ одно сжатое понятіе и назвать его однимъ словомъ. Таковы, во первыхъ, запѣвы и припѣвы былинъ, гдѣ пѣвецъ, становясь какъ бы въ сторонѣ отъ содержанія былины, намѣчаетъ пути, по которымъ идетъ она, обозначаетъ рамки, въ которыхъ развернулась творящая сила: природа внѣшняя, мѣстность, послужившая поприщемъ дѣйствій, предметы ея, возведенные въ типы, и, такъ сказать, вѣхи, въ которыхъ совершается теченіе разсказа. На примѣръ:

Высока ли высота—поднебесная;
Глубока глубота—Океанъ-море;

Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскія;
Чуденъ крестъ—Леванидовскій;
Долги плеса—Чевылецкія;
Высокія горы—Сорочинскія;
Темны лѣса—Брынскіе;
Черны грязи—Смоленскія;
А и быстрыя рѣки—Понизовскія.
(Кир., вып. 3.)

Или:

Высота ли—высота поднебесная;
Глубота—глубота Океанъ-море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе.
(Вып. 4.)

Это уже типы, и даже понятія; ихъ можно на нашемъ письменномъ языкѣ выразить такъ: самая высшая высота—Поднебесье; самая глубокая глубина—Океанъ-море; самое широкое раздолье—Вся земля, и т. п.; или: настоящій крестъ, собственный типъ креста—крестъ Леванидовскій, типъ темнаго лѣса—лѣса Брынскіе, и т. п.; или: Чевылецкія плеса—самыя долгія (сказуемое подлежащаго), Поднебесье—высочайшая высота, Понизовскія рѣки—величайшая быстрина, и т. п.; или: Днѣпръ отличается глубокими омутами, Смоленская сторона—черными грязями, и т. д., и т. д. Отсюда можемъ заключать мы, что̀ было типомъ для творчества; и вмѣстѣ видимъ, въ какихъ рамкахъ оно двигалось. Тѣмъ же пріемомъ пѣвцы намѣчаютъ мѣстность, въ которой совершались разсказанныя событія; такъ, приступая къ описанію плаванія лодокъ и кораблей, они начинаютъ опредѣленіемъ Волги:

А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку̀:
Ши́рока рѣка подъ Казань подошла,
А пошире-подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ.
(Кир., вып. 3.)

Еще яснѣе переходъ по ступенямъ въ опредѣленіи мѣстности:

Лѣсы темные,—подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-то высокія—Сорочинскія;

Чисты поля—подходили ко городу ко Обскому;
Мхи да болота—ко Бѣлу-озеру;
Рѣки-озера—ко Синю морю;
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка,—
Широка и долга она,—
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Въ море Синее, во Турецкое:
За того ли моря, моря за Турецкаго..., и проч.

(Въ издаваемой II-й Ч., № 31.)

Также, запѣвая о происхожденіи Добрыни изъ Рязани:

Доселѣва Рязань—она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.

(Кир., вып. 2.)

Въ древнѣйшихъ запѣвахъ и припѣвахъ такого рода мы видимъ обыкновенно типы, принадлежащіе *всему, цѣлому* міросозерцанію творчества, *всей Руси* или же *всей тогдашней* Руси, Кіевской сторонѣ, и т. п. Съ теченіемъ времени въ былинахъ выступаютъ уже частности мѣстныя, смотря потому, гдѣ *нынѣ* поется пѣсня: пѣвецъ, передавая событіе, какъ бы оріентируется, указываетъ намъ точку, гдѣ стоитъ онъ самъ и откуда вокругъ смотритъ. Потому въ Олонецкихъ былинахъ находимъ:

Щелья-каменье—въ Сѣверной стороны;
Самсонъ-богатырь—на Святыхъ на горахъ;
Молодой Алеша—въ богомольной стороны;
Колокольному звону—въ Новѣ-градѣ;
Сладкіе напитки—въ Петербургѣ городкѣ;
Сладкіе колачики—Новоладожскіе;
Дешевы поцѣлуи—Бѣлозерскіе...
А мхи были болота—въ Поморской стороны;
А тая эта зябель—въ Подъ-сиверной стороны;
Гольныя щелья—въ Бѣлу-озеру;
А темные лѣса *)—Смоленскіе;

*) Ошибка вмѣсто «грязей.»

Широки ворота—Чигиринскіе;
Не хороши сарафаны—по Мошѣ по рѣкѣ.
(Часть I.)

Или въ настоящей, издаваемой Части:

Сильные-могучіе богатыри—во Кіевѣ;
Церковное пѣнье—въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ—во Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи—Новоладожанки;
Гладкіе мхи—къ Синю-морю *) подошли;
Щельё-каменьё—въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подолы—Олонецкіе:
Дубяные сарафаны—по Онегѣ по рѣкѣ;
Обо....... подолы—по Мошѣ по рѣкѣ;
Рипсоватые подолы—Почезерочки;
Рядные сарафаны—Кенозерочки;
Пучеглазыя молодки—Слобожаночки;
Толстобрюхія молодки—Лексимозерочки;
Малошальскій попъ—до солдатовъ добръ.
(Ч. II, № 11, стр. 44.)

Здѣсь уже не только внѣшняя природа и ея мѣстные типы, но и мѣстные типы въ человѣческомъ образѣ, и одежда, и обычаи; не только одна рамка съ натянутымъ полотномъ, но и подготовленныя краски. И этого мало, выдѣляются типы самихъ дѣйствующихъ лицъ: «сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ,» т. е. самые сильные и могучіе, богатыри въ собственномъ смыслѣ—богатыри Кіевскіе, типъ богатыря — въ Кіевѣ, въ Кіевскомъ, Владиміровомъ творчествѣ. Выступаетъ и описаніе самихъ богатырей, сначала внѣшнее, по мѣстности, къ которой принадлежатъ они или откуда появляются въ Кіевѣ, признакъ, отличіе богатыря типическое, но внѣшнее: «Святогоръ (такъ слѣдуетъ исправить вмѣсто «Самсона») на Святыхъ на горахъ, Алеша въ богомольной стороны (въ Ростовѣ, Ростовецъ).» Остается ступить еще шагъ, и мы получаемъ личный типъ самого богатыря, то представленіе и понятіе, которое въ немъ олицетворяется, ту силу, которой служитъ онъ представителемъ въ творчествѣ. Здѣсь пѣвецъ самъ большею частію уже устраняется и вла-

*) Балтійскому?

гаетъ опредѣленія богатырей въ уста дѣйствующихъ лицъ, кого признаетъ способнымъ къ этому сужденію. Это 1., самъ народъ, составляющій здѣсь такой же хоръ, какъ въ греческой драмѣ. Идетъ Дунай съ товарищемъ по городу Кіеву:

Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:
« Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»

(Кир., вып. 3.)

Или: « Взмолились за Чурилу бабы Кіевскія: «« Оставь Чурилу хоть на сѣнапа: такого, де, стольника уже не будетъ (Ч. I)!»» На этотъ народный приговоръ часто ссылаются сами богатыри; на примѣръ Добрыня говоритъ объ Ильѣ (въ издаваемой Части № 63):

« Всѣхъ я знаю Русскихъ могучихъ богатырей,
« Одного не знаю,—стараго казака Илью Муромца:
« Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
« Что у него на бою смерть не писана.»

Но чаще это отдѣльныя лица народной толпы, именно 2., Калѣки Перехожіе, Старцы, по самой старости опытнѣйшіе въ сужденіяхъ, лица, на которыхъ опредѣленіе можно положиться. Отпоивши Илью, они говорятъ ему:

« Будешь ты, Илья, великій богатырь
« И смерть тобѣ на бою не писана:
« Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
« И со всею паленицею удалою;
« А столько не выходи драться
« Съ Святогоромъ богатыремъ:
« Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
« Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
« У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
« Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
« Его любитъ матушка сыра земля;
« Не ходи ощё на Вольгу Сеславича:
« Онъ не силою возметъ,—
« Такъ хитростью-мудростью.»

(Ч. I, № 8.)

То же:

« Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
« Силой своей...

« Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ!
« Послать Алешеньку Поповича?—
« Алеша Поповичь зарывчатъ былъ,
« Изорвѣтъ силу до богатыря.»
(Ч. I, стр. 76.)

Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Онъ сталъ отправлять туда *) оцѣнщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:
Онъ стараго казака Илью Муромца,
Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича,
А во третьихъ Олешу Поповича.
« Не посылайте-ка Олешеньки Поповича:
« А его глазишечки поповскіе,
« Поповскіе глазишечки, завидущіе,
« А ему оттоль да вѣдь не выѣхать!»
(Ч. I, стр. 306.)

« Какого намъ послать общѣнщика,
« Общѣнить животы всѣ Дюковы?
« Ежели послать смѣлаго Алешу Поповича,—
« У его глаза завидные-поповскіе,
« Заглядятся у него глаза на Дюково
имѣнье-богачество...
« А ежели послать молода Чурилу сына Пленкова,—
« Такъ тотъ щапливъ-же, навалливъ-же
на Дюковкіи-и...
« Надо послать грамотой вострого,
« Нарѣчахъ разумнаго, съ гостями почест-
ливаго:
« Послать иннаго некого,—
« Послать молода Добрыню Никитича!»
(Ч. II, стр. 174.)

Или:

« Такъ кого послать позвать его (Илью),
« Позвать его да на почестный пиръ?
« Иль послать смѣлаго Алешу Поповича?—
« Тотъ не умѣетъ, какъ позвать его,

---

*) Въ Индію, къ Дюку.

«То того посла не дождать будетъ.
«Послать молода Чурилу сына Пленкова? —
«Того посла не дождаться будетъ,
«Онъ не умѣетъ какъ позвать его,
«Съ того только дѣло щапить межъ бабами,
«Межъ бабами и межъ дѣвками.
«А надо послать грамотой востраго,
«На рѣчахъ да разумнаго,
«Съ гостями почестливаго:
«Послать тебя, Добрыня Никитиничь!»

(Тамъ же. № 63.)

(Замѣтимъ, между прочимъ, что подобнымъ противуположеніемъ весьма часто обрисовывается типъ отрицательно, и такъ описанъ часто Добрыня и Дунай). Все это приговоры, общіе голоса сходки. Рѣже 5., лица отзываются такъ одно объ другомъ или говорятъ другъ другу въ глаза; во II-й, издаваемой, Части, приведенный выше отзывъ говоритъ Алешѣ въ глаза самъ Дюкъ или Владиміръ; извѣстны отзывы Добрыни объ Алешѣ по дѣлу съ женою, названія сильнымъ, насмѣшникомъ женскимъ; отзывы Василья Казиміровича о Добрынѣ, когда онъ бралъ его въ товарищи себѣ, и т. п. Но тѣмъ иногда занимательнѣе подобные отзывы; такъ говоритъ Владиміръ (Ч. I, стр. 228):

«Ты, первый Русской сильный богатырь,
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Съѣзди-ка ты въ Золоту Орду...»

Во II-й Части (стр. 71):

«Первой Русскій славный богатырь,
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду...»

(Тоже стр. 80; второй здѣсь обыкновенно Потыкъ, третій Добрыня). Или говоритъ Ильѣ Дюкъ:

«Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
«Тебѣ смерть на бою не написана.»

(Ч. I, стр. 276.)

«Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ:
«Одинъ Донской казакъ на святой Руси,

«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!...
«Что мнѣ ѣхать въ чисто поле,
«Когда у тебя на вою смерть не написана?»
(Ч. II, № 28 и 30.)

Еще рѣже б., богатыри говорятъ такъ сами о себѣ. Впрочемъ случается; Илья говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ:

«Въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря:
«Да удалъ добрѣ необычно есть.
«Славенъ богатырь Илья Муромецъ.»
(Кир., вып. 4.)

Или:

«А на вою-то мнѣ-ка смерть не писана:
«Поѣду я въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдаю я силы у поганаго!»
(Ч. I, стр. 68.)

Иногда и хвастаютъ:

Богатыри прирасхвастались
Молодецкою удалью:
Алешенька Поповичь—что бороться горазденъ,
А Добрыня Никитичь—горазде его,
А Дунай сынъ Ивановичь—изъ лука стрѣлять
По той, было, иточкѣ—во золотъ перстень.
(Кир., вып. 3.)

Впрочемъ такое хвастовство обыкновенно дѣло лишь Дуная, и то когда онъ пьянъ (Кир. вып. 3, Рыбник. ч. I и II), да Алеши, который каковъ былъ пьянъ, таковъ и трезвъ. Но замѣчательно въ высшей степени, что произносить подобныя сужденія, рѣшающія типъ лица, наше творчество считаетъ 7., преимущественно удѣломъ женщинъ и ихъ высокимъ призваніемъ. Мы видѣли выше отзывы Кіевскихъ женщинъ о Дунаѣ и Чурилѣ. Особенно же между ними отличается жена Дуная и мать Добрыни. Касательно первой приходится и причина:

«Вить не долго я во Кіеви пожила,
«А все я во Кіеви повызнала.»
(Кир., вып. 3.)

«А и не долго я въ городѣ побыла,
«А много въ городѣ признала.»
(Ч. I, стр. 184.)

Вотъ ея приговоры:

«Нѣтъ на свѣтѣ меня стрѣльнѣе,
«А Ильи Муромца сильнѣе...»
«Витъ Алёша-Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіеви,
«А Добрынюша вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіеви...»

(Кир., вып. 3.)

«Нѣтъ такого молодца на щеплевьице—Добрыни Никитича *),
«А нѣтъ на смѣлость—Алеши Поповича...»
«А нѣтъ-то стрѣльцовъ добрыхъ молодцевъ
«Противъ меня...;
«А силою, молодцевъ, ухваткою
«Противъ стараго казака Ильи Муромца;
«А красотою, молодцевъ, угожествомъ
«Противъ Михайлы Потыка Иванова;
«А богачествомъ противъ Дюка Степанова;
«А тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ
«Противъ молода Добрынѣ Никитича:
«У него ли рѣчи привѣтливы,
«У него ли рѣчи умильныя,
«Онъ прельститъ и уговоритъ;
«Нѣтъ молодцевъ походкой-пощипкой
«Противъ Чурилища Опленковича:
«Идетъ-то Чурилище по Кіеву,—
«Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются.»

(Ч. I, стр. 184 и 195.)

Всего же болѣе отличается въ этомъ отношеніи мать Добрыни: ея приговоры — законъ для воззрѣній творчества. Нѣтъ ли здѣсь слѣдовъ общеславянскихъ древнихъ взглядовъ на женщину, какъ прорицательницу, вѣщую, рѣшительницу судебныхъ споровъ? Вотъ разговоръ Добрыни съ матерью:

«Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
«Несчастнаго и неталаннаго?
«Спородила бы ты меня, матушка,
«Счасками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра,

*) Ошибка вмѣсто «Чурилы.»

«Силою бы спородила въ стараго казака Илью Муромца,
«Смѣлостью во смѣлаго Алешу во Поповича!...»
— Чадо ты мое милое!...
— Я рада бы тебя спородити
— Счаскими въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра;
— А то знаю, что есть силы
— Супротивъ стараго казака Ильи Муромца,
— А смѣлости есть супротивъ Алеши Поповича;
— А ты, вѣдь, Добрынюшка, во послахъ бывалъ,
— Ты, Добрынюшка, говорить гораздъ,
— Ты, Добрыня, разговаривать....—
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Талономъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою
— Во того Чурилу во Плещковича;
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича;
— Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ....—
— Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,
— Тобя возрастомъ бы, Добрынюшку, спородила
— Во стараго казака въ Илью Муромца;
— А силушкой Добрынюшку спородила
— Во славнаго Самсона во богатыря;
— Тобя бы смѣлостью, Добрынюшку, спородила
— Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
— Красотою бы спородила Добрынюшку
— Во славнаго во князя во Владиміра.—

(Ч. I. стр. 120, 130, 150.)

Теперь возвращаемся къ 5, 6 и 7-му № издаваемой II-й Части, по поводу которыхъ мы заговорили:

— Рада бы тебя, молодца, спородити
— Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича *),
— Силою въ Самсона Колывановича,

*) Вмѣсто «Алешу Поповича?»

— Красотою-то во Осипа Красиваго,
— Кудрямы во Царище Кудрянище,
— Поѣздкою во Дюка Степановича,
— Богатствомъ во Садко Новогородскаго...—
— Рада бы я тебя спородити
— Силою въ Самсона Самойловича,
— Красотою во Осипа Прекраснаго,
— Счастьемъ во стольнаго князя Владиміра...—
— Хотѣла родить тебя, добра молодца,
— Во смѣлаго Алешу Поповича,
— Выступкою щапить
— Въ молода Чурилу Пленкова,
— Силой могучей-богатырскою
— Во стараго казака Илью Муромца,
— На добромъ конѣ ѣздить
— Во Потыка Михайлу Ивановича,
— Красой-басой во Осипа Прекраснаго,
— Имѣньемъ-богачествомъ
— Въ молода боярина во Дюка Степановича,
— Изъ туга лука стрѣлять
— Во Тугарина во Змѣевича во Заморскаго.—

Правда, въ этихъ типахъ иногда какъ будто противорѣчіе или повтореніе одного и того же при разныхъ лицахъ: но въ такомъ случаѣ очевидна или явная ошибка пѣвца, когда на примѣръ смѣлость приписывается не Алешѣ, а кому либо другому; или законное соединеніе разныхъ свойствъ въ одномъ лицѣ, въ родѣ Ильи, который, извѣстно, совмѣщалъ и возрастъ, и смѣлость, и счастье-таланъ, и силу. При всемъ томъ нѣкоторые типы утверждаются крайне устойчиво и опредѣленно, на примѣръ сила у Старшихъ богатырей, сила съ другими свойствами у Ильи, смѣлость у Алеши, вѣжливость у Добрыни, щегольство у Чурилы, и т. п. А сколько любопытнѣйшихъ опредѣленій, подтверждающихъ сдѣланныя нами характеристики богатырей! Такъ заѣзжій и богатый Дюкъ отличенъ здѣсь поѣздкою и богатствомъ; Потыкъ, перехожій, бродяга—ѣздою на конѣ; Тугаринъ сопоставленъ съ тугимъ лукомъ (см. «Замѣтку» при 4-мъ вып. Кирѣевскаго) и т. д. Однако творчество идетъ еще далѣе: оно обозначаетъ *пословично* не только

типы лицъ, но даже самихъ событій, передаваемыхъ въ былинахъ. Такъ у насъ въ № 7-мъ читаемъ слова Алеши:

«Всякой на свѣтѣ да женится,
«Не всякому женидьба удавается;
«Удалась женидьба Дунаю Дунаевичу,
«Да старому Ставру сыну Годиновичу,
«Да еще молодому Добрыни Никитичу!»

Это уже типъ *былины*, это чертежи и указаніе, что̀ должна воспѣвать былина о такомъ-то лицѣ: извѣстно, что Дунай былъ счастливъ находкой жены и, хотя не уберегъ ея, но получилъ отъ нея дивнаго ребенка; Ставръ прославился Василисой, Добрыня Настасьей Микуличной.

Нечего и говорить, до какой степени драгоцѣнны подобныя указанія самого творчества на его типы: это то же (и даже болѣе), что для письменной литературы *Алфавиты*, *Азбуковники*, *Перечни (Списки)*, и т. п., для древняго права — *Кормчія*, для древней нашей живописи—такъ называемые *Подлинники*. Выводы, отсюда для насъ получаемые, безчисленны. Во первыхъ, безъ отношенія къ практической, прикладной сторонѣ науки, мы получаемъ чистый и живѣйшій интересъ къ путямъ самого народнаго искусства, къ его самосознанію внутри его самого, къ этимъ любопытнѣйшимъ пріемамъ, по которымъ намъ бываетъ дорого узнать, на примѣръ, полотно, доску, составъ красокъ, раму, мастерскую живописца, или у поэта узнать складъ его натуры, воспитаніе его воззрѣній, внѣшній способъ его творчества, окружающія обстоятельства, типы, имъ изученные или руководившіе, и т. д., и т. д. — Во вторыхъ, въ сужденіяхъ о народномъ творчествѣ, въ разборѣ содержанія былинъ, въ характеристикѣ лицъ и событій мы должны выходить постоянно изъ этого, а не какого либо другаго источника. Это то же, что *прозвище*, *эпитетъ* для Былеваго или Эпическаго творчества, но только въ развитіи дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ и сознательномъ, на пути отъ творчества безсознательнаго и непосредственнаго къ посредственному, сознательному художеству, уже совершенно владѣющему самимъ собою (сравните въ приведенныхъ выше мѣстахъ сопоставленія выработаннаго типа и понятія съ представленіемъ и эпитетомъ: «смѣлостью въ смѣлаго Алешу, красотою въ Осипа красиваго,» и т. п.). Потому, когда, на примѣръ,

на основаніи миеическихъ блужданій, намъ настойчиво рекомендуютъ стихіи язычества и потому естественно выставляютъ впередъ Соловья, Потыка, Добрыню и т. п. (въ сказаніе объ нихъ преимущественно проскользаютъ изъ древности черты миеическія), кто же послѣдуетъ этимъ убѣжденіямъ, когда само творчество, самъ народъ твердитъ въ немъ, что первый Русскій богатырь времени Владимірова и періода Кіевскаго есть Илья Муромецъ, что нѣтъ выше его, что онъ одинъ на этой высотѣ, какъ одно солнце и одинъ мѣсяцъ на небѣ? И гдѣ, скажите по совѣсти, во всѣхъ этихъ типахъ, перечисленныхъ нами въ такомъ замѣчательномъ количествѣ, можно усмотрѣть голое язычество, нагую миеологію, а не плоть и кровь хотя древней, хотя отдаленной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной жизни, со всѣми условіями ея мѣста, времени и вообще исторіи, во сколько вовлечена она въ образъ творческій и въ немъ сдѣлалась высшей художественной дѣйствительностью? Мы предлагали и всегда предлагаемъ послѣдователямъ здраваго смысла, во всѣхъ выводахъ держаться воззрѣній самого народа, отпечатлѣвшихся въ его творчествѣ: идите до самаго чистѣйшаго міра идей, но идите отсюда, съ этой грани. И мы считаемъ себя счастливыми, что съ самого начала нашего обращенія съ народными памятниками держались неуклонно этого единственно-вѣрнаго и надежнаго пути, который съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе облегчаетъ наши дальнѣйшія изслѣдованія.— Въ третьихъ, добросовѣстное изученіе этихъ типовъ, самимъ творчествомъ названныхъ и указанныхъ, должно много способствовать ясному пониманію творчества и снимать съ него множество незаслуженныхъ невѣжественныхъ нападокъ и обличеній: сколько ни обличайте и ни резонируйте въ этомъ дѣлѣ, обличенія и резоны падутъ на нашу же голову, и намъ же скажутъ потомки, что по безтолковости мы не поняли того и другаго въ искусствѣ, само же творчество всегда будетъ выше нашихъ глубокомысленныхъ резонерствъ, и переживетъ насъ еще вѣки вѣковъ во всей своей цвѣтущей свѣжести. Такъ, на примѣръ, въ пользу миеическаго воззрѣнія или въ обличеніе неяснаго народнаго взгляда на окружавшую дѣйствительность, не отчетливаго различенія историческихъ моментовъ, приводятъ, въ нашемъ народномъ творчествѣ мѣста, гдѣ по видимому смѣшаны событія разнаго времени, лица Татарскаго періода живутъ вокругъ Владиміра, богатыри переѣзжаютъ изъ мѣста въ мѣсто по какой-то картѣ, неупотребительной въ нынѣшнихъ гимназіяхъ: до

какой степени эти разсужденія старчески-тупы и ребячески-глупы, стоитъ опять только заглянуть въ народные типы, выше нами помянутые. Такъ на примѣръ историческое лицо XII, XIII-го вѣка потому въ эпохѣ Владиміра и въ Кіевской мѣстности, что онъ богатырь, т. е. лицо народнаго эпоса, а «сильные-могучіе богатыри» — мы видѣли — по народному типу «во Кіевѣ.» Илья отъ того на дорогѣ между Муромомъ и Кіевомъ перевозится черезъ Дунай или Смородину, что онъ перевозится черезъ рѣку широкую и глубокую, одолѣваетъ на пути трудности, а типъ широкой-глубокой рѣки и рѣки-губительницы — въ народномъ творчествѣ Дунай, Смородина. Мы дивимся, за чѣмъ на этомъ же пути недогадливость народная упоминаетъ Сибирскія Украйны, а забываемъ, что Илья, по его типу, есть богатырь украйны, гдѣ стояла застава богатырская, а типомъ самой дальней украйны для извѣстной эпохи творчества была Украйна Сибирская. Мы снисходительно прощаемъ Гомеру, когда у него герой, убитый въ одной пѣсни, воскресаетъ въ другой, и, безъ отношенія къ языческой религіи, ищемъ простаго тому объясненія въ самомъ гомерическомъ творчествѣ: а сохрани Боже, если воскреснетъ у насъ Авдотья Лиховидьевна, — мы въ изступленіи кричимъ: язычество, язычество, чистѣйшій миѳъ! Отъ всего этого избавимся мы тогда лишь, когда научимся различать содержаніе творчества, вовлеченную въ него жизнь дѣйствительную, отъ жизни самого творчества въ себѣ самомъ, отъ пріемовъ въ немъ самомъ выработанныхъ, отъ типовъ въ немъ установившихся, и начиная съ этой высшей точки самосознающаго себя искусства различимъ обратно и въ глубь сотни еще ступеней жизненныхъ, отъ жизни обыденной въ ея внѣшности до жизни идей, отъ дѣйствительности положительной исторіи до дѣйствительности жизни внутренней, не только личной, но и народной, и общечеловѣческой, творившейся постепенно въ доисторическое время.

—

Въ № 9-мъ Добрыня находится совершенно въ томъ же положеніи, какъ Аника Воинъ: та же встрѣча со Смертію и та же смерть. Это не значитъ однако, что здѣсь смѣшаны имена или Добрыня занялъ мѣсто, подобающее Аникѣ: каждый изъ Кіевскихъ-Владиміровыхъ богатырей, за исключеніемъ развѣ Ильи, непобѣдимаго, и потому исчезнувшаго или окаменѣвшаго, могъ занять это мѣсто, ибо всѣхъ ихъ постигла равная участь погибели, но ни-

нованія Кіевскаго періода. Если погибель ихъ изображается въ былинахъ разно, смотря по лицамъ, отъ Силы невѣрной, отъ Волкана или Чудища, и т. п., то виною — первобытная сила и свѣжесть творчества: это лишь разнообразіе творчества, разный образъ безъ измѣненія сущности. Тотъ же образъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, теряя свои разнообразные оттѣнки и при переходѣ къ отвлеченному понятію, является Смертью: искусство удержало права свои лишь въ томъ, что образъ жизненъ, Смерть является существомъ живымъ, не улетучиваясь въ понятіе отвлеченное, не сходя до простаго явленія природы. Потому, повторяемъ, всѣ богатыри Кіевскіе-Владиміровы, а слѣдовательно и Добрыня, при концѣ ихъ періода, имѣютъ право на одинакое мѣсто въ былинѣ о встрѣчѣ со Смертію, и мы не удивимся, если найдется подобная еще былина о Потыкѣ, Данилѣ, Чурилѣ и т. п. На оборотъ, если въ образцахъ этой былины есть лицо или имя подставное, то это Аника: при концѣ Кіевскаго періода творчества онъ собралъ въ себѣ черты всѣхъ богатырей, принадлежавшихъ туда, въ себѣ совмѣсталъ ихъ, за всѣхъ ихъ понесъ долю Смерти и собою однимъ выразилъ то, что можно было сказать о каждомъ порознь и обо всѣхъ вмѣстѣ. Только съ этой послѣдней точки зрѣнія творчество закрѣпило былину преимущественно за лицомъ и именемъ Аники. Однимъ словомъ, когда въ этой былинѣ является Добрыня или какой либо другой однородный богатырь, то это для творчества *лица*, которыя могутъ смѣняться въ текущемъ творчествѣ: но когда здѣсь Аника, то это уже *типъ*, выработавшійся въ творчествѣ нѣсколько позднѣе, при заключеніи одного изъ его періодовъ; типъ съ чертами, отвлеченными ото всѣхъ тѣхъ лицъ. Новою напечатанною былиною подтверждаются воззрѣнія, высказанныя нами въ «Замѣткѣ» при 4-мъ выпускѣ Пѣсень Кирѣевскаго.

Кстати скажемъ здѣсь о № 48-мъ, гдѣ въ той же самой былинѣ является типическое лицо ея — Аника. Она распадается на двѣ равныя и совершенно однозначущія половины, такъ точно, какъ въ разсказѣ М. П. Погодина, который привели мы въ «Замѣткѣ» къ 4-му выпуску Пѣсень Кирѣевскаго: одна—встрѣча съ Сумою (а въ ней съ Землею), другая—со Смертію. Но это значеніе одинаково лишь для нашего, позднѣйшаго и отвлеченнаго взгляда, для нашего изученія, съ научной точки зрѣнія. Въ творчествѣ эти два образа разнятся, и различіе не даромъ. Сума, вмѣщавшая землю,

выражавшая Землю и Земщину, принесла гибель богатырямъ Старшимъ, тѣмъ, которые предшествовали слагавшемуся Русскому народу и при наступленіи новаго порядка вещей нашли себѣ въ немъ смерть; образъ этотъ нѣсколько предшествовалъ въ творчествѣ, и былины, съ нимъ соединенные, или же части былинъ, непремѣнно первобытнѣе по своему происхожденію. На оборотъ, онъ уже не годился для богатырей Кіевскихъ и Владиміровыхъ, ибо они сами пошли отъ Земли и въ ней почерпнули себѣ жизнь и силу дѣятельности: ихъ губятъ силы другаго вида и образа, нѣсколько позднѣе наставшаго въ творчествѣ, именно Сила невѣрная, какое либо Чудище, наконецъ Смерть въ собственномъ своемъ видѣ. Замѣтьте здѣсь противуположеніе, весьма тонко проведенное въ творчествѣ: тамъ Сума, или Земля въ творческомъ образѣ, приводитъ Старшихъ богатырей къ смерти, къ умиранію, какъ явленію природы и дѣйствительности, концу здѣшней жизни: здѣсь, на оборотъ, Смерть въ творческомъ образѣ, какъ существо живое, изъ заплечной сумы своей вынимаетъ на богатырей пилы и сводитъ ихъ въ землю, въ могилу, въ прахъ и пепелъ дѣйствительный, матеріальный, природный. Ясно, что первый образъ старше по своему началу и происхожденію въ творчествѣ, положительнѣе, свѣжѣе, образнѣе, послѣдній отвлеченнѣе, ибо выработанъ уже изъ отвлеченнаго и отрицательнаго понятія смерти. Но Аника, лицо и имя, говорили мы, подставное, сводное, типическое, совмѣстилъ въ своей исторіи и судьбу Старшихъ богатырей, и Кіевскихъ-Владиміровыхъ: потому онъ гибнетъ дважды, и отъ Сумы-Земли и отъ Чудища-Смерти. Вспомнимъ, что Смерть сама ему разсказываетъ, какъ погубила прежде него многихъ Старшихъ богатырей, Святогора, Самсона, Соловья, и т. д.: она погубила ихъ—въ творчествѣ— подъ образомъ Сумы или Земли. Другихъ, Кіевскихъ и Владиміровыхъ, погубила она подъ образами другими и подъ образомъ собственнымъ. Анику же погубила она подъ образами того и другаго вида. Мы очень рады, что при этомъ случаѣ нѣсколько разъяснили весьма важное различіе въ творчествѣ между *лицомъ* (иногда и предметомъ, который въ творчествѣ обыкновенно личенъ) и тѣмъ, что съ греческаго названо *типомъ:* и лицо въ творчествѣ имѣетъ образъ, но то образъ личный и частный; образъ *типическій*, какъ всеобщій, есть ступень дальнѣйшая, ибо ему соотвѣтствуетъ лицо или имя типическое, всеобщее, не всегда существующее въ положительной

дѣйствительности, всегда возможное въ творчествѣ и дѣйствительности творческой. Такъ мы справедливо заподозрили дѣйствительное существованіе Аники, но признаемъ его дѣйствительность въ творчествѣ, какъ типа, какъ совмѣщенія образовъ и чертъ богатырей предшествовавшихъ; Сума — творческій образъ Земли (земля обыкновенно представляется вложенною въ суму) и частное примѣненіе сякъ смерти Старшихъ богатырей: настоящій типическій образъ, позднѣе выработавшійся въ творчествѣ, есть Смерть, совмѣстившая въ себѣ и суму (она за плечами), и землю (могилу), и «силу нездѣшнюю,» и черты «Чуда,» и т. д., а въ своей дѣятельности, послужившей содержаніемъ былеваго разсказа, погубившая равно всѣхъ, и Старшихъ, и Кіевскихъ богатырей, и само типическое лицо Аники.

—

Въ № 10, 11 и 65-мъ намъ нужно бы объяснить Тараканчика Корабликова, Тараканника Карапникова: но такъ какъ здѣсь необходимо объясненіе самого имени и пріемовъ былеваго языка, то это сдѣлаемъ мы ниже, во 2-мъ отдѣлѣ Замѣтки.

—

Превосходныя и пространныя былины о Потыкѣ и Ставрѣ съ Василисою не заключаютъ однако какихъ либо особенныхъ данныхъ, требующихъ нашего объясненія послѣ того, что было уже говорено нами прежде о значеніи этихъ образовъ въ творчествѣ.

—

Въ былинахъ о Чурилѣ, въ дополненіе прежнихъ нашихъ соображеній, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія подробности: Чурило изъ подошвъ «гвоздички серебряны выранивает»,» самыя подошвы или сандаліи были конечно золотыя; потомъ, какъ съ Катериною игралъ онъ, какъ она не могла выдерживать его присутствія съ глазу на глазъ и какъ неодолимая сила размаривала ее на кровать.—Историческое или, лучше, бытовое значеніе Чурилы, какъ героя Кіевскаго, мы можемъ еще дополнить свѣдѣніемъ, которое, не знаемъ впрочемъ—откуда, сообщаетъ К. С. Аксаковъ («Сочиненія,» т. I, стр. 336): «мѣсто близъ Кіева, и въ позднѣйшія времена, называлось Чуриловщиною (не это ли «Малый Кіевецъ?»).»—Что

касается до его миеического происхожденія или, правильнѣе, до значенія дѣда его—Ч у р а, то здѣсь очень важны слѣдующія данныя. Въ показаніяхъ о древнихъ божествахъ у Западныхъ Славянъ, преимущественно Балтійскихъ, въ памятникахъ писанныхъ по Латыни, не разъ упоминается *Сатурнъ*, *Saturnus*, равняющійся, какъ извѣстно, Кроносу и нашему Сварожичу-Дажбогу. Между именъ Славянскихъ, соотвѣтствующихъ этому названію, извѣстно слово *Крътъ*, *Кьртъ*, *Krt*, весьма распространенное; это то же, что извѣстный намъ *Чуръ*, только въ его древнѣйшемъ, еще божескомъ значеніи, въ тожествѣ со Сварожичемъ, каковъ былъ нѣкогда и Гермесъ, Меркурій. На второй ступени, въ переходѣ къ значенію демоническому, является Чешское *Плевнѝкъ*, *Пливнѝкъ* (Plevnik, Plivnik), которое Славянскіе филологи совершенно справедливо сравниваютъ со словами *плѣнъ*, *пóлонъ* и *полóнъ*, польск. *plon*, и проч., и которымъ означается существо нѣсколько низшее, демоническое (напр. огненный Змѣй). Память объ этой ступени сохранилась у насъ въ томъ, что Чурилѣ творчество даетъ отцемъ *Плѣна*, *Плѣнка* или *Пленка Суроженина* (по происхожденію отъ *Сурожа*, *Сварожа*). Ступенью третьею, въ значеніи божескомъ и миеологическомъ, является уже в н у к ъ Крѣта или Сварожича: по Латыни его называли *Mercurius*, Меркурій, по Славянски *Радигасть* или *Радигость*. Особенно важны здѣсь глоссы Чеха В а ц е р а д а, который говоритъ прямо: «Mercurius—Radihost wnukk Kirtow,» «Меркурій—Радигость, внукъ Кьртовъ.» Радигасть или Радигость, *радѣющій гостямъ*, внѣ всякого сомнѣнія былъ богъ гостей, гостьбы или торговли, каковъ былъ позднѣе и Гермесъ, внукъ Кроноса, и Меркурій (конечно— *merx*, товаръ, *mercari*, торговать, и т. д.), внукъ Сатурновъ. У Балтійскихъ Славянъ, преданныхъ обширной торговлѣ, этотъ богъ былъ въ большомъ почтеніи, со всѣмъ богослуженіемъ: по Гельмольду въ землѣ Бодричей, по Адаму Бременскому глава божествъ въ Ретрѣ, гдѣ былъ у него большой храмъ. Съ такой высоты *Чурило*, какъ потомокъ *Чура*, какъ богатырь Кіевскаго періода, спустился конечно очень низко: но мы замѣчали уже, какъ даже въ богатырскомъ его образѣ просвѣчиваютъ многіе слѣды значенія древнѣйшаго. Потому-то въ былинахъ является онъ сыномъ *гостя* и самъ *гость*, радушно принимаетъ у себя многочисленныхъ *гостей* изъ Кіева, *угощаетъ* ихъ на диво, въ Кіевѣ служитъ позовщикомъ *гостей*, и т. д., и т. д. Фактическія подробности о Крѣтѣ,

Плевникѣ (Пленкѣ) и Радигостѣ читатели найдутъ въ прекрасномъ сочиненіи г. В. Макушева, «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ,» СПБ., 1861 г. (къ сожалѣнію множество корректурныхъ ошибокъ, гдѣ все дѣло въ точности), равно какъ въ замѣчательнѣйшей статьѣ Чешскаго ученаго К. Я. Ербена, «О Славянской миѳологіи (въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. IV; къ сожалѣнію воззрѣнія на миѳологію не отвѣчаютъ здѣсь достоинству фактическаго изложенія и остроумію филологическихъ выводовъ).»

Имя Гусино Илёнковича объяснимъ мы ниже. Шаркъ-великанъ является вторично послѣ пѣсни, помѣщенной въ I-й части о борьбѣ его съ Дюкомъ. Но обѣ былины, подъ № 25 и 26-мъ, хотя и согласны съ былиною I-й Части, и носятъ въ себѣ нѣкоторыя несомнительныя черты древности, и въ своихъ особенностяхъ зависятъ конечно весьма много отъ Лодейнопольской мѣстной пѣвенности, во всякомъ случаѣ не могутъ никоимъ образомъ, въ томъ видѣ, какъ помѣщены у насъ, принадлежать чисто-народному творчеству. Это, на основѣ пѣсни, письменная передѣлка, это измѣненія, которымъ подверглась пѣсня, будучи занесена на бумагу: можетъ быть обратно въ этомъ видѣ былина перешла и въ устное употребленіе, но тогда довѣрчивый и простодушный пѣвецъ не съумѣлъ прикрыть свое заимствованіе изъ рукописи, не догадался сгладить письменное вліяніе, которое бросается въ глаза и отчасти, какъ увидимъ ниже, подтверждается самымъ именемъ Гусино. — Никита Полица, дѣйствующій въ № 26-мъ, есть то же, что Дворянинъ Бѣлая Палица (ср. и Дворянина Залѣшанина, также съ именемъ Никиты), Бѣлый Полянинъ и т. п., извѣстное служебное лицо при богатыряхъ.—Что касается до Прекрасной Царевны съ ея элегическими и рыцарскими отношеніями къ Дюку, то пока она—изъ рукъ вонъ плоха.

—

Необычайно полныя былины о Дюкѣ, въ №№ 27 — 30-мъ, подтверждаютъ самой своею полнотою, какъ этотъ образъ заѣзжаго удальца съ Волыни и Галицкой Руси былъ запаснымъ для Кіевской Руси, знавшей о силахъ тамошняго Славянства и ждавшей оттуда новыхъ притоковъ, которые и подошли въ дѣйствительности массами послѣдующаго Малорусскаго населенія; какъ этотъ образъ, повторяющій Кіевскаго Чурилу, но болѣе свѣжій и

еще не исчерпанный, манилъ своею далью, сулилъ много новыхъ, неизвѣданныхъ прелестей: пѣсня говоритъ—не наговорится объ этомъ Дюковомъ имѣньѣ-богачествѣ, объ этихъ запасныхъ силахъ, сокровищахъ; они кажутся и лучше, и обильнѣе, и надежнѣе тѣхъ, къ которымъ въ Кіевѣ привыкъ уже глазъ, присмотрѣлось творчество эпохи Владиміровой. Такъ и ждешь былины, когда Чурило, зрѣлымъ плодомъ Кіевской жизни, отпадетъ отъ нея, поглотится какимъ либо чудовищемъ или смертію: да такую былину мы и знаемъ уже,— Чурило убитъ Ермою, поглощенъ Шаркъ-великаномъ. А ждешь еще за этимъ другой половины, когда былина разскажетъ, какъ Чурилу смѣнилъ Дюкъ во Кіевѣ, обновилъ старѣющій образъ новыми свѣжими чертами: Дюкъ и прибылъ въ Кіевъ, пришло населеніе, образовавшее Малую Русь. Но былины не дождались мы: Русь, занимавшая Кіевскую область, ушла изъ нея съ своимъ творчествомъ въ другіе края и не нашла возможности передать того, что совершилось безъ нея на прежнемъ ея поприщѣ; а преемница ея, съ первыхъ минутъ новой жизни вынужденная къ казачеству, отдалась вся его типамъ, среди тревогъ его не имѣя силъ и времени поддерживать въ своемъ творчествѣ типы жизни выбывшей или подтягивать старую пѣсню, уходившую съ полей Кіевскихъ въ лоно Великой Руси и только отзывавшуюся въ постепенномъ отдаленіи смутнымъ гуломъ.

Въ № 31-мъ замѣчательно, какъ Соловей Будиміровичъ велитъ корабельщикамъ щупать на днѣ моря, искать щупалами золота и другихъ сокровищъ: творческій образъ богатствъ, добывавшихся морскою торговлей и вѣроятно опять намекъ на янтарь, камень-Алатырь, на Латырь-морѣ—Балтійскомъ.

—

Побывальщина подъ № 51-мъ, о Дворянинѣ Безчастномъ Молодцѣ, находитъ себѣ дополненія въ изданномъ недавно VI-мъ выпускѣ Сказокъ г. Аѳанасьева, гдѣ подъ № 60-мъ, въ Сказкѣ или, вѣрнѣе, также въ Побывальщинѣ, встрѣчаемъ тотъ же самый разсказъ, а дѣйствующее лицо носитъ имя— Данило Безсчастный Дворянинъ. Нѣкогда въ Москвитянинѣ 1856 года (№ 7 и 8), въ статьѣ о Словѣ Даніила Заточника, объясняя первобытный составъ произведенія въ XII вѣкѣ, порчу въ XIII-мъ и наконецъ совершенное искаженіе послѣдующими вставками, мы, для объясненія самого лица, столь замѣчательнаго въ

древности, воспользовались найденною въ бумагахъ покойнаго К. Ѳ. Калайдовича старинною пословицею: «какъ Данило Безсчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго;» а нужно замѣтить, что слово *Безсчастный* совершенно соотвѣтствуетъ слову *Заточникъ* или *Заточеникъ*, какъ народъ нашъ и доселѣ называетъ заключенниковъ, арестантовъ, «несчастными» и «безсчастными.» Данило же Заточникъ, по смыслу его посланія къ князю, жалуется именно на то, что не выслужилъ хлѣба мягкаго и слова гладкаго. Въ нашей Побывальщинѣ та же жалоба князю: «Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья;» въ сказкѣ г. Аѳанасьева, подъ № 60-мъ, читаемъ, что князь Данилѣ все «въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ, кому награда, а ему все ничего;» подъ № 61-мъ: «ни въ чемъ ему счастья не было; самый царь на него распрогнѣвался и выгналъ изъ своего дому; съ той поры и прозвали его Несчастнымъ....; наконецъ дошелъ онъ до такой бѣдности, что не имѣлъ у себя даже новой одёжи.» Ясно, что какъ имя Данилы Безсчастнаго, такъ и пословица о немъ, равно пристойны и равно относятся къ герою Владиміровой эпохи, въ Побывальщинѣ, и къ знаменитому герою Слова; прозвище *Дворянина*, принятое въ Побывальщинѣ, также точно принадлежитъ, и даже еще болѣе, послѣднему; положеніе обоихъ относительно князя, именно лишенія и изгнаніе, совершенно одинаковы; наконецъ невинныя страданія изъ за женщины, описанныя въ Побывальщинѣ, даютъ себя замѣтить и въ Словѣ, какъ давно замѣтилъ С. П. Шевыревъ, нападеніями на женщину вообще, подавшими поводъ къ позднѣйшимъ многочисленнымъ вставкамъ въ Слово изъ сочиненій «О злыхъ женахъ.» Даже языкъ Побывальщинъ, разложившійся изъ Былеваго стиха и обратившійся въ прозу, близокъ къ языку Слова (тамъ, гдѣ древнѣйшая основа Слова и данныя о самомъ Даніилѣ). Воспользовался ли писатель позднѣйшей эпохи творческими разсказами о любопытной и—по страданіямъ—сочувственной судьбѣ давняго героя изъ времени былаго, чтобы сочинить посланіе отъ лица Даніила, примѣнительное къ дѣйствительности окружающей, къ позднѣйшей эпохѣ и современному для писателя князю; или, скорѣе, здѣсь повторилось въ дѣйствительности и *конкретно* лицо, положеніе лица и событіе, имѣвшее прежде того мѣсто не столько въ дѣйствительности положительной, сколько въ *творческой*, въ *идеалѣ*,

народъ же нынѣ, въ остаткахъ творчества, до насъ уцѣлѣвшихъ, соединяетъ изъ той и другой области черты въ одинъ типъ Данилы Безчастнаго: какъ бы то ни было, но при имени Данилы Безчастнаго мы выигрываемъ, если не для дѣйствительности исторической, то для области творчества, сравнительно съ XII-мъ и XIII-мъ вѣкомъ ступень высшую, и переходимъ въ Кіевъ, ко Владиміру. Въ нашей Побывальщинѣ мы имѣемъ только двѣ данныя для этой эпохи, Кіевъ и Владиміра; въ одной изъ пѣсень, помѣщенныхъ во 2-мъ выпускѣ Кирѣевскаго, мы отмѣтили еще особенность, что Добрыня, постигнутый несчастіемъ изъ за жены, принимаетъ имя скомороха (сказателя) Данила Заморнина, т. е., можно объяснить, «заморѣнаго,» загнаннаго, заточника; и пѣсня, описывая его службу у дяди Владиміра, вставляетъ знакомое намъ выраженіе: «былъ-жилъ Добрыня у дядюшки, не выжилъ Добрыня слова гладкаго, не выжилъ Добрыня хлѣба мягкаго;» Сказки же и Побывальщины у г. Аѳанасьева, подъ №№ 56, 60 и 61-мъ, дополняютъ еще эпоху Владимірову нѣкоторыми подробностями, какъ на примѣръ именемъ Алеши Поповича, извѣстнаго «насмѣшника женскаго,» который здѣсь занимаетъ мѣсто нашего Ѳедьки Насмѣшника. Прочтемъ у г. Аѳанасьева (№ 60): «Во городѣ Кіевѣ, у нашего князя Владиміра, много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ Данило Безчастный Дворянинъ (слѣдуетъ описаніе его лишеній)... Наканунѣ было Свѣтлаго Воскресенія, во Страстную суботу, зоветъ Владиміръ князь Данилу Безчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей заливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать *). Опостылѣла Данилѣ Безчастному работа, бросилъ, пошелъ за ворота, пошелъ ни путемъ ни дорогою, и слезно плачетъ. Идетъ ему на встрѣчу старая старуха: «Мотри, Данило, не распороть бы тѣ брюха **)! О чемъ ты,

*) Издатель исправляетъ ошибочно: «выливать, вышивать.» Конечно, такъ по нашему современному понятію; но у народа выработалось воззрѣніе, что львы, звѣри, искусно вылитые, залиты въ пуговицы, могутъ выскакивать оттуда и ревѣть; птицы, вышитыя, зашиты, остаются живы, могутъ встрепенуться и запѣть. Такъ и сбывается дѣло въ извѣстныхъ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ; такъ и ниже, въ самой этой сказкѣ или побывальщинѣ.

**) Здѣсь конечно пропущена строчка, въ родѣ такой: «Здравствуй, Данило Б.!» — Отойди прочь, старуха, заплатано брюхо! — Ср. ниже такую же встрѣчу съ Алешей.

Безсчастный, плачешь?» — Ахъ ты старая пузырница, пузырёмъ заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мнѣ не до тебя!— Отошелъ немного и думаетъ:—За чѣмъ я ее разбранилъ!—Сталъ къ ней подходить и такія рѣчи говорить:—Бабушка голубушка! Прости меня. Вотъ мое горе: далъ мнѣ Владиміръ князь сорокъ сороковъ недѣланныхъ соболей, чтобъ заутра шуба поспѣла, были бы часты пуговицы литыя, шелковыя петли витыя, въ пуговицахъ были бы львы золотые, а въ петляхъ были бы птицы заморскія завитыя, ѣли бы *) распѣвали. А гдѣ мнѣ того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!—Говоритъ ему старуха, заплатано брюхо,»—и прочее: доселѣ близко сходно съ нашей Побывальщиной. Но далѣе разница. По наученію старухи, Данило на берегу синя моря, у сыра дуба, выждалъ Чудо-Юдо, схватилъ его за бороду, принудилъ дать Лебедь-птицу, красную дѣвицу. За обѣщаніе взять за мужъ, она строитъ ему домъ, двѣнадцатью молодцами изготовляетъ шубу «и будитъ Данилу Безсчастнаго: « Вставай, милой другъ! Шуба готова, а въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ: время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться.» Данило всталъ, надѣлъ шубу и пошелъ. Она глянула въ окошечко, остановила, дала ему серебрену трость и наказываетъ: «Какъ выйдешь отъ заутрени, ударь ею въ грудь: весело птицы запоютъ (разнорѣчіе: «Стань на правомъ крылосѣ, на отходѣ заутрени свои руки подыми, по собольей шубѣ поведи: весело птицы запоютъ.....»), грозно львы заревутъ. Ты сымай шубу съ своихъ плечь да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы онъ насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать,—не пей чару до дна; а выпьешь до дна, не увидишь добра. Да не хвались ты мною».... Данило взялъ трость и отправился; она опять его воротила, подаетъ ему три яичка, два серебреныя, одно золотое, и говоритъ: «Серебреными похристосуйся со княземъ, со княгинею, а золотымъ—съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить.» Распростился съ ней Данило Безсчастный и пошелъ къ заутренѣ. Всѣ люди удивляются: «Вотъ Данило Безсчастный каковъ: и шуба поспѣла у него къ празднику!» Послѣ заутрени подходитъ онъ ко князю со княгинею, началъ христосоваться, и вынулъ нечаянно золотое яйцо. Увидалъ это Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный

*) Конечно: «пѣли бы.»

ударилъ себя въ грудь серебреной тростью,—птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ.» Алеша, перерядившись «нищимъ каликою,» выпросилъ у него золотое яйцо. Позваны ко Владиміру. «Данило пьянъ напивается, съ пьяну женой похваляется, Алёша Поповичь, бабій пересмѣшникъ, сталъ на пиру хвастаться, что онъ знаетъ Данилину жену. А Данило говоритъ: — Коли ты знаешь мою жену,—мнѣ рубить голову, а коли не знаешь, — тебѣ рубить голову!—Пошелъ Алёша куды глаза глядятъ, идетъ да плачетъ. Попадается ему на встрѣчу старая старуха: «О чемъ ты плачешь, Алёша Поповичъ?»—Отойди, старуха-пузырница! Мнѣ не до тебя.—«Ладно же, пригожусь и я тебѣ!» Вотъ онъ началъ ее спрашивать...» Старуха научила, какъ унести у Лебеди цѣпочку: Алёша принесъ ее и показалъ Данилѣ. « —Ну, Владиміръ князь, говоритъ Данило Б.: вижу теперь, что надо рубить мою голову. Позволь мнѣ домой сходить да съ женой проститься.—» Отсюда совершенно уже другое, чѣмъ въ нашей Побывальщинѣ. «Вотъ приходитъ домой: —Ахъ, Лебедь-птица, красная-дѣвица! Что я надѣлалъ: съ пьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!—«Все знаю, Данило Безсчастный. Поди, зови къ себѣ въ гости и князя со княгинею, и всѣхъ горожанъ. А станетъ князь отзываться на пыль да на грязь, — нынѣ, де, пути недобрые, синё море всколыхалося, топи зыбнія открылися,—ты скажи ему:—Не бойся, Владиміръ князь: черезъ топи черезъ рѣки строены мосты калиновые, переводины дубовыя, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все гвоздями полужоными; у добра молодца сапогъ не запылится, у его коня копыто не замарается!—» Такъ и сдѣлалъ Данило, а Лебедь устроила путь, прельстила поѣздъ, какъ прельщала Василиса Премудрая Морскаго Царя съ его слугами,—рѣкою пива, меда, вина, и т. п.; большая часть поѣзда свалилась на дорогѣ. Пріѣхавшіе въ домъ князь со княгинею, Алеша и Данило, ждутъ—не дождутся выхода Лебеди къ гостямъ; а Алеша приговариваетъ: «Еслибы это сдѣлала моя жена, я бъ ее научилъ мужа слушаться!» Лебедь и сдѣлала: «остались гости въ болотѣ на кочкахъ, по одну сторону море, по другую горе, по третью мохъ, по четвертую охъ!» Въ этой Побывальщинѣ еще болѣе подробностей, чѣмъ въ нашей, изъ эпохи Владиміровой: сравните описаніе одежи и устроеннаго пути какъ у Дюка Степановича; самая рѣчь во многихъ мѣстахъ явно—разложившійся стихъ Былины. Но съ другой стороны кругозоръ Былины, Кіевскаго творчества и Владиміровой эпохи зна-

чительно раздвинуть: является Лебедь—известная намъ Василиса Премудрая, Чудо-Юдо—отецъ ея Морской царь, Престарѣлая Женщина—Баба-яга (отсюда и объясняется двойственный характеръ старухи: она помагаетъ Данилѣ, выставлена у насъ матерью дѣвицы, и дѣйствуетъ противъ — научая Алешу или Ѳедьку Насмѣшника, подобно какъ Яга-баба то помагаетъ Ивану-богатырю, то вредитъ); и дѣйствія Лебеди, исполненіе уроковъ за жениха, постройка дома, обольщенія приманками пути для преслѣдующихъ, наконецъ знаменитое яйцо, сдѣлавшееся здѣсь воскресенскимъ, для христосованья, а по давнему воззрѣнію заключающее тайну любви и связи съ Василисою,—все это восходитъ далеко за предѣлы Владимірова времени, историческаго начала народа и первыхъ шаговъ зачавшейся Былины, вводя насъ въ эпоху доисторическую, въ міръ Сказки, въ отношенія Василисы къ представителю Русскаго человѣка. — Другая Сказка у г. Аѳанасьева, № 61, или, скорѣе, тоже Побывальщина, по нѣкоторымъ подробностямъ еще ближе къ нашей, по другимъ еще рѣшительнѣе вступаетъ въ область доисторическую: нѣтъ еще ни Владиміра, ни Кіева; вмѣсто Лебеди — Елена Прекрасная, извѣстная намъ старшая (энергическая, грозная) половина Василисы Премудрой; вмѣсто Данилы—Василій царевичь, у брата царя въ угнетеніи, забитый, какъ обычный въ сказкахъ Царевичь Иванъ. Его несчастное положеніе и изгнаніе изъ дому переданы выше словами самой Побывальщины. Она продолжаетъ: «Приходитъ праздникъ—Христовъ день. Наканунѣ того дня ходятъ весь народъ царя поздравлять, а царь для того праздника даритъ кого деньгами, кого чѣмъ. Вотъ въ самую таки Страстную субботу шелъ Василій царевичь куда-то по улицѣ, и попадается ему на встрѣчу Бабка Голубая Шапка, и говоритъ: «Здравствуй, Василій царевичь! Что ходишь не веселъ, что головушку повѣсилъ?» А онъ ей въ отвѣтъ:—Ахъ, Бабка Голубая Шапка! Какъ мнѣ быть радостному? Приходитъ эдакой праздникъ, всѣ имѣютъ хорошу одежу, а я, царской братъ, не имѣю ничего, даже разговѣться нечѣмъ.—» Бабка научила его попросить подарка у брата: тотъ подарилъ извѣстную шубу съ урокомъ; царевичь горюетъ, встрѣчаетъ опять Бабку и пересказываетъ:«—Ой, Бабка Голубая Шапка! Подарилъ мнѣ братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, частаго золота на пуговицы и зеленаго шелку на петелки, велѣлъ сшить къ Христовской заутренѣ

шубу, и чтобы въ каждой пуговицѣ райскія птицы пѣли и коты заморскіе мяукали.—» Бабка отводитъ его во дворецъ Елены Прекрасной (этимъ объясняется торжественность и таинственность, съ какою у насъ вводитъ Престарѣлая Женщина Дворянина къ невѣстѣ: еслибъ то была ея дочь, не нужно бы ничего такого). Еленѣ онъ понравился, она «почитала его женихомъ своимъ (она соотвѣтствуетъ извѣстной поляницѣ, Богатырь-Дѣвицѣ, Настасьѣ, сестрѣ Василисы и ея половинѣ: та, вспомните, вынимаетъ Добрыню изъ кармашка, выбираетъ себѣ женихомъ). Начинается исполненіе уроковъ: шуба сшита благодаря брату Елены, Ясному Соколу. «Она тотчасъ приказала заложить въ повозку лошадей, чтобы ѣхать къ заутренѣ. Передъ отъѣздомъ отдала ему три яичка: «Первымъ яичкомъ похристосовайся съ протопопомъ, второе отдай брату, а третье тому, кто тебѣ больше милъ; а въ церкву войдешь,—становись впереди своего братца роднаго.» Такъ и сдѣлалъ царевичъ съ двумя первыми яйцами. «Выходитъ онъ изъ церкви, попадается ему Алёша Поповичъ (черта эпохи Владиміровой): «Христосъ воскресе, Василій царевичъ!» — Во истину воскресе!—Пристаетъ Алёша Поповичъ: «Давай яичко?»—Нѣтъ у меня,—отвѣчаетъ Василій царевичъ. Пришелъ домой, похристосовался съ Еленой Прекрасной и отдалъ ей третье яичко. Она говоритъ: «Ну, Василій царевичъ! А я не думала, чтобъ ты мнѣ оставилъ яичко: теперь я согласна выйти за тебя за мужъ.» Здѣсь, какъ въ нашей Побывальщинѣ, герой себя выдержалъ и за то не наказанъ, какъ въ предыдущемъ разсказѣ. Но, послѣ свадьбы, онъ расхвастался на пиру у царя. «Подходитъ къ нему братъ и спрашиваетъ: «Ты, братецъ, что сидишь —ничѣмъ не похвалишься?»—Да чѣмъ похвалюсь я?—говоритъ Василій царевичъ. «Ну хоть тѣмъ похвались, что жена у тебя хороша?»—Да, правда твоя, братецъ: жена у меня хорошая!—Вдругъ подбѣгаетъ къ Василью царевичу Алёша Поповичъ и говоритъ «Ну, ужь хороша: я съ нею безъ тебя ночь спалъ (въ былинахъ Алеша хвастаетъ тѣмъ не разъ и передъ другими богатырями)!» Тутъ всѣ гости сказали: ««Коли ты спалъ съ нею, такъ поди же—съ нею выпарься въ банѣ и принеси именное ея кольцо? тогда мы повѣримъ; а не принесешь кольца, поведемъ тебя на висѣлицу.»» Алеша идетъ и грустить, встрѣчаетъ Бабку, та помагаетъ. «Приходятъ они къ дому Елены Прекрасной. Бабка Г. Шапка Алёшу Поповича оставляетъ за воротами, а сама подлѣзла въ подворотню, взошла въ сѣни,

глядь—а перетень нининой тутъ на лавкѣ лежитъ... Схватила старая это кольцо, отдала его Алёшѣ П., да велѣла ему сойти на рѣку, намочить водой голову, будто въ банѣ былъ. Онъ то и сдѣлалъ. Приходитъ къ царю во дворъ, показываетъ всѣмъ нининое кольцо. Василій царевичъ крѣпко огорчился, тотчасъ поѣхалъ домой и продалъ Елену Прекрасную купцамъ за сто рублей. Въ городѣ, куда увезена Елена Прекрасная, померъ царь, и поэтому былъ кличъ, чтобы всѣ сходились въ тотъ городъ выбирать царя. А царей у нихъ выбирали такъ: кто войдетъ въ церковь со свѣчкой и коли свѣча сама затеплится, тому и царемъ быть. Всѣ перепробовали свое счастье, свѣча ни у кого не затеплилась. Елена Пр. услыхала про то и думаетъ себѣ: «Дай я пойду, попробую своего счастья.» Одѣвается она въ мужскую одежу, беретъ въ руки свѣчу и идетъ въ церковь: только взошла въ церковь, у ней тотчасъ свѣча и затеплилась. Всѣ обрадовались и посадили ее на царство.» Эти послѣднія обстоятельства, одинаковыя съ разсказомъ нашей Побывальщины, встрѣчаются въ сотнѣ Сказокъ примѣнительно къ Ивану царевичу или, какъ мы приняли называть, Ивану Русскому богатырю: они означаютъ вообще торжество, въ которому выходитъ представитель Русскаго человѣка послѣ пути тяжкихъ испытаній. Остается развязка Побывальщины: «Стала она царствовать и не забыла распровѣдать о своемъ мужѣ Васильѣ царевичѣ, гдѣ онъ и какъ поживаетъ. Узнали, что онъ крѣпко по ней скучаетъ, и послала за нимъ пословъ. Вотъ, когда онъ пріѣхалъ да разсказалъ, какъ и что было, Елена Пр. догадалась, кто были виновники ихняго горя, и помирилась съ мужемъ. Послали они за Алёшой П., и онъ во всемъ имъ сознался, что кольцо отдала ему Бабка Г. Шапка, а онъ насказалъ у царя на Елену Пр. нарочно, потому, де, что христосовался онъ съ Васильемъ царевичемъ да просилъ у него яичко, а царевичъ ему не далъ. Послали и за Бабкой Г. Шапкою; когда ее привезли, тотчасъ начали допрашивать: за чѣмъ она украла у Елены Пр. нининое кольцо? — За тѣмъ, — сказала,—что ты, Елена Пр., хотѣла меня поить-кормить три года, да не исполнила (это древнее начало, нѣкогда сопровождавшее, какъ знаемъ, Русскаго человѣка на пути развитія и даже ему помагавшее, имѣло притязаніе на уважительную память къ нему и злобилось въ случаѣ противномъ; въ нашей Побывальщинѣ и выражено примиреніе съ нимъ: это мать, впослѣдствіи вознагражденная, чтобъ не говорила: «я его выручила, а онъ меня

выучилъ.»). Тутъ повели Алёшу П. и Бабку Г. Шапку растрѣлять. А Василью царевичу Елена Пр. поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.» Наконецъ, у г. Афанасьева подъ № 56-мъ, событіе это совершенно уже принимаетъ видъ Сказки, въ ея исключительной области, съ затерею всѣхъ именъ и былевыхъ подробностей. Король задаетъ загадку, куда исчезали его дочери по ночамъ. «Никто не берется узнать... Вызвался одинъ Бѣдной Дворянинъ.. Послѣ Бѣдной Дворянинъ одумался и говоритъ самъ себѣ: «Что я надѣлалъ? Взялся узнать, а самъ ничего не вѣдаю!...» Вышелъ изъ дворца за городъ, идетъ — раскручинился-пригорюнился. Попадается ему на встрѣчу старушка и спрашиваетъ: — О чемъ, добрый молодецъ, призадумался? — Онъ въ отвѣтъ: «Какъ мнѣ, бабушка, не призадуматься!» и проч. Она научила, онъ разгадалъ дѣло, король «Бѣднаго Дворянина женилъ на младшей дочери, и стали всѣ они счастливо жить да быть.» — И такъ, намъ остается сдѣлать изъ всего этого выводы. 1.) Повторяемъ, что разобранныя Побывальщины и Сказки возводятъ событіе въ область доисторическую, и потомъ, послѣ выработанныхъ тамъ образовъ, на рубежѣ сложившагося народа и зачавшагося былеваго творчества, переводятъ дѣло въ область Кіевскую, въ эпоху Владимірову, замѣтно колеблясь между этими двумя областями. Съ другой стороны нѣкоторыя изъ нихъ, или тѣ же самыя — но въ частяхъ своихъ, обратно разлагаютъ созданіе, готовое сдѣлаться какъ будто Былиной, въ неопредѣленность Сказочную, сами уже вытекая изъ Былинъ и превращая стихъ ея въ Сказочную рѣчь. При такомъ положеніи дѣла, 2.) мы вправѣ ожидать, чтобы это содержаніе получило форму какой либо Былины, было изложено ея стихами, въ полнотѣ ли, или только отрывкомъ. Дѣйствительно и находимъ Былины: о Даниле Ловчанинѣ или Даниле Денисьевичѣ и Василисѣ Микулишнѣ (см. 3 вып. Пѣсень Кирѣевскаго). Первый своимъ именемъ и положеніемъ соотвѣтствуетъ Данилѣ Безсчастному, вторая, какъ намъ случалось встрѣчать и не разъ, Дѣвицѣ-Лебеди, Еленѣ Прекрасной, т. е. одной изъ сторонъ Василисы сказочной, Премудрой и Лѣпообразной. Есть многія подробности, подтверждающія то же самое при ихъ сравненіи. Данило Ловчанинъ и Денисьичъ терпитъ бѣды изъ за жены. Какъ и въ Побывальщинѣ, князь пристаетъ къ нему, чтобы чѣмъ либо похвалился, и онъ, вынужденный, хвалится между прочимъ тѣмъ, что у него «молода жона.» Грусть постоянно ему сопутствуетъ,

какъ и Дворянину Безечастному: «Нешта такъ я это призадумался;» «Что-то онъ ѣдетъ не веселъ, буйну головушку повѣсилъ, очи ясныя понасупилъ въ матушку сыру землю;» и т. п. Какъ и въ Побывальщинѣ, онъ терпитъ отъ брата: на него ѣдетъ родной братъ Никита Денисьевичъ, — «Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано, братъ на брата со боемъ идётъ?» Ему также задаетъ князь неисполнимыя задачи: «Съѣздить на Буянъ островъ, убить звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошёрстнаго, вынуть сердце его со печенью; сыскать птичку бѣлогорлицу, ишшо убить ему льва лютово.» Сравните задачу Дворянину Безчастному, чтобы пѣли у него птицы, ревѣли львы. Когда герой Былины вышелъ изъ этихъ трудностей, ему, какъ Данилѣ Безечастному, предстало то же, — главное искушеніе, — касательно жены. Жена вездѣ одна ему утѣха и отрада; но и сюда проникло сомнѣніе, подозрѣніе: Данило задумался при одномъ имени жены; онъ говоритъ ей при встрѣчѣ отрывочно: «Погубляютъ меня перемёты женскіе;» хоть не говоритъ онъ ей прямо, но изъ его грубости, изъ его крутаго обхожденія видно, что его мучитъ, мучитъ предстоящая погибель изъ за жены и сомнѣніе, не виновна ли она въ томъ: «Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь! Чего ради ты, невѣжа, ослушаешься? Аль не чаешь надъ собою большово?» Только исполненный кротости отвѣтъ Василисы сглаживаетъ эту грубость: «Василисушка на это не прогнѣвалась.» То же у него горе за невыслугу у князя: «И самъ онъ, добрый молодецъ, позадумался: — Знать, я князю неугоденъ сталъ! — Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми, возговоритъ онъ таково слово: — Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ, знать, Володиміру не слуга я былъ! — Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвался, Володиміръ князь на удалово осердился! —» Также точно, мысль о покушеніи на его жену встрѣчаетъ сначала въ Кіевѣ негодованіе: «Это слово больно князю не показалося, Володиміру словечко не полюбилося.... Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано, отъ живова мужа жену отнять!» Путятинъ или Мишатычка Путятинъ дѣлаетъ мысль — сначала страшную — обыточною и играетъ роль совершенно Алеши или Өедьки Насмѣшника; онъ также отправляется, съ дозволенія князя, и въ домъ Василисы, чтобы отнять честь ея. Илья Муромецъ, вступающійся въ это дѣло, по случайному образу или по особенному намеку, — только называетъ Василису Лебедью (какова она въ Побывальщинѣ), мужа ея Ясным

Соколомъ (каковъ въ Побывальщинѣ братъ Василисы): «Изведёшь ты Ясново Сокола, не вынать теѣ Бѣлой Лебеди!» Но Былина, въ уцѣлѣвшихъ до насъ образцахъ и отрывкахъ, взяла только одну сторону событія — трагическую, и кончила смертью героя и героини, всѣми оплаканною. Побывальщины и Сказки, болѣе широкія кругозоромъ, болѣе древнія по исконнымъ образамъ и чертамъ событія, послужили здѣсь тѣмъ, что́ называется *терминъ средній:* въ нихъ сохранились зерна для развитія болѣе широкаго, онѣ даютъ возможность односторонней Былинѣ о Даніилѣ, вдавшейся въ трагисмъ, перейти къ другому исходу, и этотъ исходъ приберегли для творчества. Онъ выразился 3.) Былинами о Василисѣ и Ставрѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, истокъ событія спокойный, эпическій, гдѣ герой на планѣ второмъ, гдѣ впереди женщина, спасающая мужа, улаживающая дѣло, т. е. совершенно какъ въ Побывальщинахъ. Вспомнимъ, что жена Ставрова, на пути этого подвига, также точно какъ въ Побывальщинахъ, переодѣвается мужчиной; также точно является ко Владиміру, требуетъ себѣ постоя, пользуется его услугами, наконецъ открывается мужу въ наивныхъ образахъ творчества, допустившаго здѣсь уже шутку и нѣкоторый разгулъ (сравните, какъ открылась жена Дворянину Безсчастному въ нашей Побывальщинѣ). Въ опредѣленные образы Былинъ, о которыхъ говоримъ мы, въ рамки былеваго творчества Кіевскаго не вошли только нѣкоторыя лица, на примѣръ Престарѣлой Женщины или Бабки, Бабы-Яги, да отца Василисина — Чуда-Юда (въ Былинахъ отецъ Василисы — Микула), да нѣкоторыя подробности: но такъ и должно быть, ибо Побывальщины и Сказки, при ихней неопредѣленности и расплывчивости, вмѣстѣ съ тѣмъ и шире, и общѣе. Ихъ задача именно — пополнять Былину, расплавлять ея народные образы на стихіи и тѣмъ частію возводить въ доисторическую древность, частію примѣнять и уподоблять текущей дѣйствительности. Съ ихъ-то помощію дополнивъ Былины, мы можемъ утвердить положительно, что настоящимъ разсмотрѣніемъ вскрылся въ народномъ творчествѣ цѣлый обширный эпизодъ, которому лучшее заглавіе: *Данило Безсчастный и Василиса.* Онъ слагается изъ Былинъ о Даніилѣ Ловчанинѣ и Денисьевичѣ, изъ Побывальщинъ и Сказокъ о Даніилѣ Безсчастномъ, о Дворянинѣ Безсчастномъ Молодцѣ, о Несчастномъ Царевичѣ и оклеветанной женѣ его, Лебеди, Еленѣ Прекрасной, и т. п. Былины о Ставрѣ служатъ этому эпизоду только пополненіемъ, исходомъ, съ котораго въ творчествѣ пошелъ и раз-

вился свой особый отдѣлъ, независимый; иначе, онѣ начинаются съ конца Былинъ о Данилѣ, и съ этой исходной точки идуть на свою самостоятельную дорогу, даже съ другими именами лицъ (вмѣсто Данилы — Ставръ). Собственнымъ заключенiемъ эпизода о Данилѣ Безчастномъ и Василисѣ, внѣ Былинъ о Ставрѣ, служатъ конечно, какъ мы нѣкогда и выразили догадку («Замѣтка» при 3-мъ выпускѣ Пѣсенъ Кирѣевскаго), 4.) Былины о Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, о томъ, какъ на закатѣ дней идетъ онъ жить при монастырѣ, обращается въ Калѣку Перехожаго и т. д. Но при настоящихъ данныхъ мы не можемъ еще усмотрѣть въ этихъ отдѣлахъ *фактической* связи, связующей лица данными самого творчества (а не нашими выводами): потому будемъ ждать открытiй послѣдующихъ. Наконецъ 5.) мы усмотрѣли въ настоящемъ случаѣ связь устнаго творчества съ письменностью, именно со Словомъ Даниила Заточника. Связь эта выражается именемъ героя, народною пословицей, идущею одинаково къ той и другой области, къ памятникамъ того и другаго рода, наконецъ сходствомъ положенiя лицъ, и даже подробностями нѣкоторыхъ красокъ, намековъ и выраженiй. Такъ, на примѣръ, изслѣдованiя наши доказали, что древнѣйшiй составъ Слова возникъ въ Переяславлѣ Южномъ, т. е. въ Кiевской области, гдѣ помѣщается дѣйствiе и по Былинамъ, и по Сказкамъ и Побывальщинамъ. Все Слово наполнено изреченiями и пословицами, изъ которыхъ нѣкоторыя, по редакцiи позднѣйшей, приписываются прямо лицу Данилы. «Данилъ рече:» таковы же отрывистыя изреченiя Данилы и въ устномъ творчествѣ, на прим. «погубляютъ меня перемёты женскiе,» «гдѣ слыхано, гдѣ видано,—братъ на брата со боемъ идётъ,» или это — о хлѣбѣ мягкомъ и словѣ гладкомъ, перешедшее въ пословицу. Въ Словѣ употребляется и названiе Дворянина: «всякому Дворянину тѣмъ имѣти честь и милость у князя, коли (или иначе) ему мыкатися.» Изъ всѣхъ древнѣйшихъ нашихъ письменныхъ памятниковъ, единственно въ Словѣ упоминается островъ Буянъ, на который посылаетъ княземъ герой Былины. Описанiе рабочей жизни, приводимое Словомъ,— «се былъ есмь въ велицей нужи, подъ работнымъ яремомъ пострадахъ... луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярстемъ дворѣ; луче бы ми тобѣ въ дерузѣ служити, нежели въ багряницы въ боярстемъ дворѣ... горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати... аще кто

не бывалъ будетъ во многихъ бѣдахъ, яко у бѣса на веспари, то нѣсть въ немъ вѣжества... не гнавши бо ся кому послѣ шерини съ метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не видати,»—все это напоминаетъ намъ, какъ въ Побывальщинѣ Данило топилъ у князя парную баню, пахалъ дворъ метлою. Вставленныя въ Слово разнообразныя указанія на бѣду отъ женщинъ, на примѣръ:—«или речешь, женися у богата тестя, чти дѣля, а ту пей и яжь, и веселися въ великоі радости и любве, то лѣпше воль ввести въ домъ свой, нежели злая жена понятн... аще который мужь иметъ смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясцею болѣти,» и т. п., имѣютъ опять отношеніе къ бѣдамъ Данилы изъ за красоты жены по памятникамъ устнымъ. Нѣкоторые намеки, какъ будто безъ связи и не кстати вставленные въ Слово, съ трудомъ объясняемые изъ него самого, получаютъ неожиданный свѣтъ при сопоставленіи съ Былинами, Побывальщинами и Сказками: «Яко Святополкъ, виноватъ будя, избивѣ братію, но и тако ти есть крѣпокъ,»— Данило побилъ родныхъ богатырей, отъ князя на него посланныхъ, палъ увидя идущаго на него роднаго брата Никиту и названаго Добрыню; «или ни речеши— солгалъ ми еси яко тать,— аще быхъ умѣлъ красти, только бы не скорбѣхъ,»—похвала Данилы женою передъ княземъ оказалась (на время) ложью и восторжествовалъ Алеша или Өедька Никитѣшникъ, укравшій мониста, цѣпь; разбираемое въ Словѣ предположеніе, не итти ли подъ конецъ въ монастырь, намекаетъ на заключеніе жизни Данилы Игнатьевича, и т д. Однимъ словомъ, письменный памятникъ конечно вертится около лица дѣйствительнаго, историческаго, писатель и всякій позднѣйшій передѣлыватель применяется къ своей исторической эпохѣ, къ лицамъ ея, именамъ, обстоятельствамъ, но нельзя не замѣтить, что при этомъ носились въ представленіи черты образа творческаго, идеальнаго, знакомы были народныя устныя сказанія, восходившія въ эпоху болѣе раннюю. И на оборотъ, эти послѣднія видимо не чуждались позднѣе сложившагося Слова.

—

Образы Владимірова времени дополнимъ еще чертою, опущенною нами въ прежнихъ «Замѣткахъ,» касательно Яна Усмошвеца: по свидѣтельству Малорусской сказки, приводимой г. Кулишемъ (въ его «Запискахъ о Южной Руси,» ч. 2), названіе урочища Кожемяки выводится отъ богатыря, Кирилы Кожемяки, убив-

шаго Змѣя; сравните въ нашихъ сказкахъ совершенно такую же ю Никитѣ Кожемяка.

—

О Московскихъ былинахъ мы пока не говоримъ: но нельзя умолчать о двухъ изъ нихъ, № 40-й Земскій соборъ и 43-й о царѣ Петрѣ. Касательно первой, хотя мы помнимъ очень хорошо, что желаніе — во что бы то ни стало добиться на сходкѣ единогласія заставляло нашихъ предковъ прибѣгать къ средству не совсѣмъ мягкому, на примѣръ топить упорныхъ въ рѣкѣ: но тамъ по крайности они дѣлали это сами, по собственному приговору, на свою народную отвѣтственность. Когда же власть такихъ административныхъ распоряженій, на Земскомъ Соборѣ, перешла къ Московскому государю, то, хотя бы, въ напечатанной у насъ былинѣ, дѣйствовалъ онъ за правду, хотя бы Астраханскій и Бухарскій князья дѣйствительно солгали о состояніи Смоленска: всё же послѣдніе два стиха былины, съ картиной висѣлицы и плахи за голосъ на Соборѣ, мало привлекательны и по неволѣ заставятъ задуматься. Мы не можемъ оправдать здѣсь народное воззрѣніе тѣмъ, что образъ творческій не есть историческій афоризмъ и что по типическому образу правды всякій, противъ нея солгавшій, долженъ понести неминуемую казнь! мы усматриваемъ въ этомъ воззрѣніи сторону гораздо болѣе важную и поучительную. Соборъ при царѣ Алексѣѣ — одинъ изъ послѣднихъ; былина объ немъ, образы ея — сложились конечно еще позднѣе, когда положеніе народа и его отношеніе къ государству совершенно измѣнились и даже во многомъ извратились; поется же дошедшая къ намъ былина въ настоящее время: слѣдовательно рѣшенія, выраженныя въ ней, должны быть оцѣнены съ самой поздней народной точки зрѣнія. Творческій образъ и говоритъ намъ съ этой точки: на Земскомъ Соборѣ, если онъ состоялся въ извѣстномъ положеніи, если и добились до истины, какъ нужно поступать, во всякомъ случаѣ несогласные съ мнѣніемъ *главными* или *главы* поставлены въ опасность потерять голову. — Былина о Петрѣ столько же можетъ относиться къ этому лицу, сколько и ко всякому другому: есть сказки съ образами весьма сходными, но безъ Петра, а просто съ «царемъ.» Начало всѣхъ ихъ идетъ отъ той — можно сказать — знаменитой былины, гдѣ Микула встрѣтился съ Олегомъ (см. I часть Рыбник. Сборника) и гдѣ выразилъ народъ отношенія Земли къ

Князю; въ выродкахъ изъ этой былины, во всѣхъ позднѣйшихъ ея повтореніяхъ и измѣненіяхъ, выражаются отношенія Земли къ Царю, къ Государю вообще, къ Государству, смотря по эпохѣ. Въ нашей уцѣлѣла еще замѣчательная черта: въ концѣ дѣла остаются въ шапкахъ только двое — Царь да представитель Земли. Но одна изъ сказокъ, помѣщенныхъ у г. Аванасьева, въ VI-мъ выпускѣ, подъ № 41-мъ b.), весьма близкая по началу съ нашею, концемъ своимъ наводитъ на мысль, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ образовъ дѣйствительно разумѣется Петръ, не кто другой. «Близъ большой дороги засѣвалъ мужикъ полянку. На то время ѣхалъ царь, остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ помощь, мужичокъ!» — Спасибо, доброй человѣкъ (онъ не зналъ, что это царь). — «Много ли получаешь съ этой полянки пользы?» спросилъ царь. — Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ. — «Куда же эти деньги дѣваешь?» — Двадцать рублей въ подать взношу, двадцать долгу плачу́, двадцать въ займы даю, да двадцать въ окно кидаю. — «Растолкуй же, братецъ, какой ты долгъ платишь, кому въ займы даешь, и за чѣмъ за окно кидаешь?» — Долгъ плачу́ — отца содержу, въ займы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю. — » Царь заповѣдалъ «*безъ его лица* никому тѣхъ рѣчей не сказывать,» повезъ эту «народную черту» въ столицу, предложилъ загадкою боярамъ и генераламъ. Но мужикъ одному изъ нихъ за деньги проболтался, загадка разгадана, и царь, какъ водится, грозитъ смертною казнію. Мужикъ прибѣгаетъ къ одному изъ средствъ, знакомыхъ ему изъ окружающаго общества: «Ваше величество! Я ничѣмъ не виноватъ, потому, — барину разсказалъ я *при вашемъ царскомъ лицѣ*.» Тутъ онъ вытащилъ изъ кармана взятый отъ барина серебряный рублевикъ «съ царскою персоной» и показалъ государю. Государь совершенно доволенъ этимъ канцелярскимъ исходомъ дѣла и увертдою; «наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.» Подобные мотивы мы со временемъ встрѣтимъ въ былинахъ Княжескихъ: между прочимъ извѣстное народное произведеніе о Шемякиномъ судѣ основано на томъ же пониманіи отношеній Земли къ Государству.

Остается намъ сказать о № 59-мъ, въ связи съ № 87-мъ I-й Части, о замѣчательнѣйшихъ двухъ былинахъ — Птицы. Выше, въ извлеченіи изъ переписки, приведено мнѣніе о томъ же предметѣ

самого Собирателя, П. Н. Рыбникова: въ сущности соглашаясь съ нимъ, мы нѣсколько расходимся изложеніемъ подробностей; нужно привести ихъ въ порядокъ, въ цѣльность. Обѣ былины не цѣльны, изъ отрывковъ; Собиратель нигдѣ и не слыхалъ ихъ въ полнотѣ: доказательство, между прочимъ, большой древности, нынѣ уже забываемой народомъ. Древность эта, судя по всему, не моложе былинъ о Микулѣ: и тѣ въ такихъ же отрывкахъ, и отрывки въ настоящемъ видѣ своемъ, по внѣшней обработкѣ и языку творчества, близки между собою, что о Микулѣ, что о Птицахъ. Съ другой стороны, здѣсь доказательство большаго ихъ употребленія между народомъ: они терлись до того въ обиходѣ, что почти стерлись, и терлись давно, оставивши намъ одни лоскутья. Можно смѣло поставить тѣ и другія былины, о Микулѣ и Птицахъ, въ одну эпоху, рядомъ; хотя послѣднія подъ нумеромъ вторымъ: ихъ взаимное сходство по содержанію убѣждаетъ къ тому весьма сильно. Разница собственно въ пріемѣ творчества. Тогда какъ черты сложившейся Земли собраны вмѣстѣ въ одинъ образъ Микулы, былины о Птицахъ тутъ же расплавляютъ снова громадный и величавый образъ на стихіи, изъ которыхъ онъ извлеченъ, дробятъ на мелкія черты земскаго быта, обыденнаго обычая, склада, пріема: является не одинъ образъ, а выставляется сотня мелкихъ образовъ, изъ которыхъ каждый захватываетъ въ себя какую либо своеобразную черту. Пожалуй, искатели приключеній въ области науки готовы бы сейчасъ поднять вѣкъ былины о Птицахъ за черту сложившагося народа, усмотрѣть въ ней такъ называемый *эпосъ животныхъ* или *животный*: съ этимъ бы, на слово, по имени, можно и согласиться; но что подъ этимъ поймутъ? Поймутъ непремѣнно, что здѣсь отразилась миѳическая эпоха, что этотъ эпосъ вышелъ изъ миѳовъ, что это рядъ миѳовъ *зооморфическихъ*, когда человѣкъ жилъ за одно природой, дѣлился впечатлѣніями съ нею, она дѣйствовала по человѣчески, говорила, и т. д. Отводя миѳологіи, а вмѣстѣ и зооморфизму совсѣмъ иную область, по ту сторону сложившагося народа и былеваго творчества, изслѣдуя эти двѣ разныя вещи совершенно разными путями, мы всякимъ животнымъ воззрѣніямъ предпочитаемъ человѣческое и народное. Сколько бы ни соблазняли насъ выписками изъ Нѣмецкой книжки, мы у себя дома, въ былинахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не находимъ ни одной черты миѳической. И птицы, и прочія животныя, здѣсь выводимыя, дѣйствуютъ въ той формѣ, исправляютъ тѣ обязанности и службы, несутъ

тѣ повинности, отданы тѣмъ занятіямъ, какія есть у сложившагося народа, обняты понятіемъ Земли и Земщины, знаются въ ея быту и обиходѣ. Одно можно еще возразить по незнанію или необдуманности: отчего же эти черты, не только человѣческія, но вполнѣ народныя, не возведены въ образы человѣка, лица народнаго, а раздѣлены по птицамъ, животнымъ? Отъ того же, отчего Микула не сдѣланъ птицею или волкомъ. Отъ того, что здѣсь совсѣмъ иной способъ и пріемъ творчества, другая точка зрѣнія. Тамъ, гдѣ самыя существенныя, самыя глубокія свойства и черты Земли отвлечены отъ нея творческою силой и сведены въ одинъ образъ, гдѣ высшая цѣльность, гдѣ уже типъ творчества, тамъ конечно лицо человѣческое, тамъ *быль* не только въ человѣческой, но въ самой опредѣленной народной обстановкѣ, съ чертами времени, мѣстности, исторіи. Даже гдѣ и нѣтъ этого высокаго типа, но гдѣ черты еще крупны, — и на нихъ есть образы творческіе, на богатыря вообще, на дьяка и посла, на князя и царя, на женщинъ — Василиса, Настасья Микулична, на супружескую вѣрность, на измѣну, и всякій нравственный поступокъ. Но гдѣ, обратнымъ путемъ, эти образы разбиты на мелочи, гдѣ все дѣло въ мелкомъ узорѣ, гдѣ передъ вами кабацкая женка, калачникъ, овчинникъ и кожедерникъ, ябедникъ и ходатай, сваха и бабка пупорѣзна, гдѣ событіе — на печахъ, по шесткамъ, по молочнымъ крынкамъ, по сараямъ, на суслонахъ, и т. д.; тамъ странно ждать отъ былеваго творчества, чтобы образъ творческій имѣлъ человѣческій обликъ, вращался среди дѣйствительности, подлежащей исторіи, какъ дѣло серьезное, какъ серьезнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ — жизнь человѣческая, народная. На эти мелочи, очень важныя для *дѣйствительности, совсѣмъ не такія для былеваго творчества*, въ немъ есть образъ низшій сравнительно съ человѣкомъ: птица, животное. Съ такимъ пріемомъ для творчества выигрывается съ разу огромное преимущество: то, что было бы слишкомъ мелко для человѣка, и вы заснули бы со скуки, когда бы изъ всего этого подѣлались богатыри и герои, — то вдругъ получаетъ несравненно высшій интересъ, когда дѣйствіе переведено на птицъ, на животныхъ. Здѣсь былевому творчеству не исчерпать новыхъ красокъ, здѣсь можно вывести и героевъ, и своего рода богатырей, и битву, и драку, и даже драму: былина, выигравши это новое поле, не перестаетъ быть *былиной*, творчество не упадаетъ до женственности, до бытовой или лирической пѣсни; а между тѣмъ, какъ скоро дѣло

переведено въ эту новую область, является тотчасъ при эпической строгости и величавости — шутка, улыбка, великая подмога тому, чтобы мелочи не сдѣлались пошлы и скучны. Когда міръ природы внѣшней заходитъ и заговоритъ какъ человѣкъ и притомъ въ народныхъ опредѣленіяхъ, — нѣтъ конца сопоставленіямъ и противуположеніямъ, остротамъ и прибауткамъ. Борьба мышей и лягушекъ сопровождаетъ Иліаду и Одиссею, еще не выходя изъ области былеваго творчества: на той же ступени наши былины о Птицахъ идутъ шагъ въ шагъ за былинами о Микулѣ, а вмѣстѣ и за другими богатырскими образами. Такъ и въ области сказочной, сказки о Лисѣ и Волкѣ, о Мышахъ и Медвѣдѣ, о Лебеди, Ракѣ и Щукѣ, со всей этой челядью, не отстаютъ отъ самыхъ глубокихъ по смыслу сказокъ — объ Русскомъ богатырѣ Иванѣ. — Теперь перейдемъ къ подробностямъ. Два заглавія былинамъ — Каково птицамъ жить на морѣ и Каково птицамъ жить на Руси: сообразно тому, дѣйствительно и содержаніе дѣлится на двѣ половины — птицы на морѣ, птицы на Руси. Отъ первыхъ представителемъ прилетаетъ собственно одна птица, и притомъ малая, пташка; но она разсказываетъ про всѣхъ; Русскія же птицы всѣ на лицо, цѣлыми стадами. Между тѣми и другими явное противуположеніе: къ чему оно приводитъ, увидимъ послѣ. — Кромѣ двухъ главныхъ отдѣловъ, на которыхъ сосредоточена былина, есть въ ней и третій. Въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ будучи обратна прочимъ былинамъ о Землѣ и Земской Дружинѣ, былина о Птицахъ начинаетъ однако съ того же, съ чего и тѣ, беретъ ту же исходную точку: сперва описаніе времени и мѣста дѣйствія, потомъ сама Земщина въ образахъ человѣческихъ, въ народной дѣйствительности.

Отъ чего зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,
Отъ лѣта становилась осень богата.

Или:

Отъ чего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отъ чего, братцы, становилась весна красна?

Весна красна становилась отъ зимы холодной.
Отъ чего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отъ чего, братцы, становилась осень богата?
Осень богата становилась отъ лѣта отъ тепла.

Это природа внѣшняя, это поприще дѣйствія въ опредѣленіяхъ мѣста и времени: это, подобно какъ мы видѣли въ прочихъ былинахъ богатырскихъ, рамка картины, полотно, основной и нижній планъ былины. Въ году идетъ смѣна временъ, начиная съ зимы (въ странѣ сѣверной такъ и должно быть, это точка исхода); движется время, пока установилось въ осень; прекратилось движеніе и дѣйствіе, устоялся образъ — Осень. Въ этой смѣнѣ временъ двигалось и дѣло человѣческое, — совершался трудъ земледѣльца: онъ также совершился и отъ дѣйствія перешелъ въ спокойный образъ; понятно, что было поприщемъ дѣйствія,— это Земля, нива: она, вздранная, перепаханная, зачавшая, родившая и возрастившая, завершилась Стогомъ.

Работала и Земля другаго вида, человѣкъ Русскій въ его народномъ опредѣленіи, міръ-народъ, Земщина. Ея дѣло завершилось вмѣстѣ съ дѣломъ почвы: для творчества установляется спокойный, быленой образъ Крестьянина, какъ образъ высшій и заключительный —

Покладутъ крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо,
Хорошо, и прохладно, и весело.

Это, въ другихъ былинахъ, та минута, когда представитель Земли и Земщины, отпахалъ и откричалъ изъ края въ край нивы, утеръ поту, скирды склалъ, домой выволочилъ, дома вымолотилъ, драни надралъ и пива наварилъ, мужиковъ напоилъ и стали они покликивать:

Молодой Микулушка Селяниновичь!
Тоби было, Микулушка, пахать да орать,
Тоби было, Микулушка, крестьянствовати!

Это верхняя точка относительно природы, мѣстности, почвы, пройденнаго трудомъ времени. Но это вмѣстѣ и основа всему послѣдующему, уже въ мірѣ дальнѣйшихъ народныхъ опредѣленій. Съ этого

образа въ другихъ былинахъ начинается дѣйствіе, событіе: Микула встрѣчается съ Вольгою, бросилъ сошку за ракитовъ кустъ, поѣхалъ съ княземъ; изображаются отношенія Земщины къ Дружинамъ, ко Князю, къ устройству политическому; то особый отдѣлъ былинъ, намъ извѣстный. Но въ былинѣ, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ еще дѣйствія: въ ней идутъ еще ряды образовъ. Основа имъ —Крестьянинъ; за нимъ идутъ другія дальнѣйшія опредѣленія жизни народной:

Цари живутъ по царствамъ,
Бояре живутъ по мѣстамъ,
Мелкіе судьи живутъ по деревнямъ,
Попы-дьяки живутъ по погостамъ,
Мелкіе люди живутъ по подворьямъ.

Вотъ эти опредѣленія и образы, возникшіе на основахъ Земщины: Князь или — позднѣе—Царь, призванный третейскій верховный судья и воевода; его Дружина, Княжеская, Бояре съ жалованными за службу помѣстьями; мелкіе судьи, Тивуны княжескіе, прикащики и приставники, по деревнямъ, по мелкимъ тяжбамъ, за сборами, счетами, раскладкою подати; Церковники, Попы-дьяки, въ ихъ отдѣльной, неприкосновенной области, вокругъ Церкви или храма, по погостамъ; Мелкіе люди, независимые собственники всякого рода, торговые гости, посадскіе и ремесленники, по своимъ особымъ подворьямъ.

Таковъ наглядный образъ всего міра-народа, его внѣшняя постановка. Но былина спускается глубже, внутрь семейнаго быта Земщины:

Про то бы, братцы, было вѣсто:
Старой бабы на печи было *) мѣсто,
Лежала бы она—не ворчала,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ **);
Стары старики лежатъ по печамъ;
Стары старушки по прилавкамъ;
Молоды молодицы съ мужьями по чуланамъ;
Красны дѣвицы спятъ по ошесткамъ;
Малыя ребята спятъ по земькамъ.

*) Вѣроятно: «было бъ.»
**) Должно быть: «съ салемъ» или «сала.»

Старикамъ только и дѣла осталось, что отдыхъ, что печка; старымъ бабамъ, кромѣ того, ворчать на молодыхъ, да чтобъ стряпня отправлялась, да было бы заготовлено сало, было бы изъ чего мѣсить тѣсто: все это и есть для нихъ. По осени много наиграли свадебъ: молодкамъ есть занятіе съ молодыми мужьями по чуланамъ; краснымъ дѣвицамъ есть надъ чѣмъ устать — за пѣснями въ посидѣлкахъ, чтобъ послѣ подъ утро завалиться по овосткамъ; ребята нарожены съ лѣта подъ осень, разложены по люлькамъ.

Во всемъ этомъ идетъ своя жизнь: но жизнь приживется, когда она въ одной формѣ, когда явленія повторяются все тѣ же. И въ политическомъ быту, и въ семейномъ, въ всемъ мірѣ-народѣ, выработанныя формы все тѣ же да и тѣ же. Живутъ князья и цари, живутъ бояре, живутъ мелкіе судьи, живутъ попы-дьяки и мелкіе люди, что̀ дѣлаютъ? все живутъ. Накняжились они, нацарствовались; бояре по мѣстамъ протерли сидя мѣсто; мелкіе судьи насудились, набрались; попы-дьяки наслужились; мелкіе люди надворились, удоволили крупныхъ людей и себя самихъ всякимъ ремесломъ и товаромъ. Старый старикъ пролежалъ себѣ бокъ и поджегъ на печи; у старой бабы пріѣдается тѣсто, доѣдается сало и всякое продовольствіе; молоды молодицы потолстѣли ужь слишкомъ, мужья поглядываютъ, какъ бы отъ нихъ прочь изъ чулановъ; красныя дѣвицы, сколько ни пѣли, жениха не выпѣли, а приданое выпряли, если же и помолвились на посидѣлкахъ, не время затѣвать свадьбы; ребятамъ тоже наскучило въ люлькахъ, готовы подняться на ноги...

Осень прошла, проходитъ и зима.

И творчеству нужно ступить далѣе: образы очерчены, покойны, но наконецъ они уже не движутся. Которые поднимаются до богатырства, тамъ и своя имъ дорога, тамъ былина Кіевская: но эти, какъ тѣсто, не поднимаются, а грозятъ осѣсть на дно, если не будетъ другаго средства поднять ихъ. Они устоялись до того, что перестаютъ уже шевелиться. Въ мелкихъ дѣлахъ житейскихъ, они слишкомъ дробны и мелки для лицъ человѣческихъ, для героевъ изъ среды міра-народа: нужно выйти изъ этой сферы къ другой.

Когда же все это шевельнется? Когда, послѣ всѣхъ этихъ образовъ, начнется въ былинѣ дѣйствіе, то, что̀ можно бы назвать въ собственномъ смыслѣ былью, что̀ бы пустило эти образы въ ходъ, создало бы событіе, и былина получила бы свой собственный путь, переставъ быть одною картиной?

Пахнуло тепломъ, потянулъ весенiй вѣтеръ отъ Дунайскаго, Теплаго, Чернаго моря, отъ странъ привольныхъ и теплыхъ.

Прилетала малая птичка-пташка,
Изъ заморья, изъ тихаго лукоморья...
Во ту ли во теплую весну,
Отъ синяго Дунайскаго моря,
Прилетѣла малая птица,
Малая птица—пѣвица;
Садилася малая птица
На то ли на дерево калину,
И зачала пѣть-жупѣти,
Пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати.

Все ожило. Былина, кончивши одинъ отдѣлъ свой, которымъ начала, быстро перешла къ двумъ другимъ, съ двумя рядами птицъ— съ моря и съ Руси. Готовая почти уже замолкнуть съ мiромъ-народомъ, съ лицами человѣческими, она теперь ожила съ Птицами, и, какъ малая птичка, вѣстовщица весны, сама затянула на голосъ, и мы слушаемъ ея голосъ.

Дунайское море, съ своимъ лукоморьемъ и побережьемъ, Черное, Теплое море: оттуда несется весна, съ теплыхъ странъ, оттуда обновленiе года; оттуда оживленiе нашей замерзшей землѣ. Покинувъ тѣ, нѣкогда родныя себѣ, страны, ушедши на сѣверъ, не забылъ народъ дорогаго Дуная, моря, которое по его имени долго звалось Русскимъ, привольныхъ краевъ благодатной природы, младенчества, въ которомъ жилъ тамъ среди родной семьи Славянской. Сложившись на сѣверѣ въ мiръ-народъ, только здѣсь окончательно извѣдавъ, что такое Земля и Земщина съ трудомъ ея развитiя, человѣкъ Русскiй и въ этихъ народныхъ опредѣленiяхъ не забылъ давнихъ стихiй, изъ которыхъ сложился. Онъ оставилъ ихъ по себѣ въ тѣхъ же краяхъ, оставилъ Славянъ среди того же младенческаго быта, въ томъ же привольѣ жизни, еще не увѣдавшей строгихъ и тяжкихъ опредѣленiй. Оттуда всякая вѣсть была дорога ему. Оттуда же прилетали и птицы. Всякая птица, не прiученная къ дому и хозяйству народа —вольная птица. Еще больше вольная птица,—что прилетѣла издалека, принесла вѣсть объ веснѣ, о краѣ привольномъ, о жизни придунайской, о бытѣ Славянъ съ побережья Чернаго моря. Она разскажетъ, что дѣется тамъ н а м о р ѣ: не на волнахъ, не на без-

брежьѣ, а въ тамошнемъ поморьѣ, въ краяхъ приволья, во великомъ вольномъ полѣ и лѣсѣ, по мелкимъ ракитовымъ кусточкамъ. Такъ и понимайте слова ея: «у насъ на морѣ» то же, что «у насъ на волѣ;» у ней на морѣ и лѣса, и поля, и ракитовый кустъ, и болота, и рѣки. Потому образы, которые выведетъ она намъ передъ очи, будутъ не то, что образы Русскіе: птица съ моря во всемъ будетъ отлична отъ птицы съ Руси. Тамъ нѣтъ такой зимы, какъ у насъ, тамъ и нива на вѣчной почти свободѣ; тамъ поля не размѣрены такъ, какъ у Русской Земщины, не покрыты сѣтями общинныхъ вервей, не обложены вирами, не введены въ нети и и выти. Тамъ трудъ не требуетъ того поту, какъ отъ Микулы: за три дня пути слышно, какъ оретъ въ полѣ Русскій ратай, оретъ-понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уѣдетъ—другаго не видать, коренья-каменья вывертываетъ, а великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ, тяжело поднять и выдернуть эту сошку. Тамъ же далеко не выработано всѣхъ подробностей и условій для народной жизни, какъ на Руси; не развито политическихъ формъ, какія нужны, а иногда бы и ненужны, и тяжелы какъ всякая форма и рамка: тамъ если и сложилась община, то не призвала стороннихъ князей, какъ судей третейскихъ, не выработала идеи необходимости «бѣлаго царя,» не дала повода различить отъ народа бояръ и дружину княжескую съ ихъ помѣстьями, различить «большихъ и меньшихъ,» какъ сословія. Всего этого, исторически наступившаго для Руси, не было еще тамъ на Югѣ, въ ту пору, какъ ушла Русь оттуда; а если послѣ и наступило, то Русь того или не знала или знать не хотѣла: тамъ для ея воображенія созидался уголокъ приволья. Все это различіе должна высказать Русскимъ птицамъ пташка, прилетѣвшая съ моря. Какъ разсказъ ея, и сама она должна глубоко отличаться отъ птицъ Русскихъ: она беззаботнѣе, она развязнѣе и вольнѣе, и смѣлѣе ея ухватка, и звончѣе голосъ; Русскія птицы связаны трудомъ своей бытовой и исторической жизни, отчасти стѣснены выработанными формами, отчасти неповоротливы, неловки, грузны и неуклюжи. Вспомнимъ еще, что *Русская* птица значитъ домашняя, такъ сказать осѣдлая и подчиненная законамъ хозяйства, противуположно птицѣ вольной, лѣсной, полевой, побережной. Присоедините, совсѣмъ уже съ другой стороны, противуположность всего иностраннаго: тогда все Русское, по страннымъ судьбамъ,

даже въ устахъ самого народа, становится синонимомъ *низшаго разряда*,—это *Русскій* хлѣбъ (черный, какъ сами крестьяне черные, не на бѣлой землѣ), *Русское* пшено и прочіе хлѣба, *Русское* платье, одѣваться—ходить—жить по *Русски*... Съ этимъ вмѣстѣ пріѣзжіе гости сейчасъ поднимаются на нѣсколько ступеней выше: они дѣлаются величавѣе, презрительнѣе, по крайности играютъ роль какихъ-то изящныхъ, легкихъ и милыхъ созданій, глубоко отличныхъ отъ сырой грубости Русской, принимаютъ на себя тонъ и типъ, весьма у насъ извѣстный,—«благовоспитанной барышни,» той барышни, какою мы, публика, танцуемъ передъ народомъ. Такъ точно подлетѣла съ моря птица—пѣвица, прилетѣла, сѣла, съ ножки на ножку подпрыгиваетъ съ ужимкой, распѣваетъ.

Услышали Русскія птицы *),
Слеталися птицы стадами;
Садилися около рядами,
Въ одну сторону головами;
И стали они пѣть-воспѣвати,
И стали ко той ли птицы прилегати:
«Ты скажи, заморская птица,
«Скажи намъ, не утай же,
«Скажи-то Божію правду:
«Кто у васъ на морѣ большій,
«Кто на Дунайскомъ меньшій?»

Вы чувствуете, какъ само творчество шутитъ надъ этимъ: слетались тотчасъ къ заѣзжей гостьѣ, чтобъ поучиться; садились потѣшно, потому что слишкомъ степенно и чинно, въ одну сторону головами, какъ на мудреной сходкѣ; заговорили поскорѣй о томъ, что всего больше вертится на душѣ у міра-народа, при задачахъ его жизни гражданской; и спросили не просто, а до того искренно и въ-за правду, что молили о правдѣ именемъ Божьимъ, да не утай же, да скажи правду. По дѣломъ Русскимъ птицамъ, если на слишкомъ степенный и почтительный запросъ ихъ птица съ моря имъ отвѣчаетъ:

— Глупыя вы, Русскія птицы!
— За чѣмъ вы къ намъ прилетали,

*) Вѣроятно онѣ же въ другомъ отрывкѣ былины названы Воробьями.

— За чѣмъ про сине море спрошали?
— Всѣ у насъ на морѣ больше,
— А нѣту на Дунайскомъ меньшахъ!—

Оно, можетъ быть, и правда: да ужь слишкомъ рѣзко. Не во гнѣвъ Южнымъ Славянамъ, мы слыхали отъ нихъ подобные отвѣты и въ настоящее время. Не забывая, что отсутствіе сословій и равенство, какое нынѣ дѣйствительно есть у нихъ, есть равенство приплюснутыхъ тѣлъ подъ ступнею нѣкогда дикой, а нынѣ развратной и разслабленный Орды, сбросивъ съ себя не одну подобную тяжесть въ теченіе Русской исторіи, мы знаемъ, что если и есть отъ чего намъ покраснѣть передъ Южными братьями въ настоящемъ, то для нихъ предстоятъ тѣ же искушенія въ будущемъ еще съ большею силою, въ дѣлѣ внутренняго развитія, которое дай Богъ пройти имъ безъ иноземнаго господина, безъ господъ всякого рода отъ барина до ученаго-цивилизатора, безъ сословій. Въ старину за птицею съ моря конечно было гораздо болѣе права, какъ у жизни, не испытавшей еще тяготы, передъ жизнію, идущею уже путемъ труднымъ. Въ отпоръ Русскимъ—бѣлому царю, боярамъ помѣстнымъ, мелкимъ судьямъ, попамъ-дьякамъ и мелкимъ людямъ, выставляются соотвѣтствующія птицы на морѣ:

— Колпикъ у насъ—Бѣлый царь;
— А бѣлая колпица—Царица;
— А ясный соколъ—тотъ Воевода;
— Лебеди на морѣ—Бояра;
— Куропать, бѣлая птица,—Безпомѣстна:
— Изъ куста въ кустъ летаетъ,
— Сама себѣ помѣстья не знаетъ;
— Ястребъ на морѣ—Стряпчій:
— Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ,
— Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три,—
— То есть великая въ немъ неправда;
— Гусь на морѣ—морской Ходатай;
— Ветлюкъ *) на морѣ, травникъ,—самъ Ябедникъ;
— Чайка на морѣ—она Попадейка;
— Галицы на морѣ—Черницы,

*) По объясненію нашего зоолога, С. А. Усова, по эпитету «травникъ»—ближайшій къ Зую, который по Зырянски *Wjetal*.

— Тѣ ли молодыя молодицы;
— И воронъ у насъ—Игуменъ;
— Селезни—торговые Гости;
— А утушки—тѣ Купецкія жонки;
— Губанъ птица на морѣ—Плотникъ;
— Зуй птица на морѣ—Поваръ.—

И такъ далѣе, мелкіе люди. Конечно, все это отрывки, связь которыхъ съ трудомъ можно возстановлять: на сколько достаетъ вѣроятія въ догадкахъ, въ этихъ образахъ народное творчество частію высказываетъ сатиру на самихъ Русскихъ, частію же даетъ замѣтить, что и на морѣ преимущества жизни не Богъ знаетъ какія: Приволье оказывается развѣ лишь въ томъ, что разные слои общества дѣлятся по одному *цвѣту*, по одному *имени*; иные, хоть и бѣлые —куропать, бояре, — безпомѣстны, сами себѣ помѣстья не знаютъ, и т. п. Но что же за раздѣленіе жизни по цвѣту, что за жоны купеческія по одному жиру? Не находка ястребъ—Стряпчій; есть и тамъ Ябедники. Что же касается до жизни внутренней и семейной, то она явно выставляется къ невыгодѣ жизни на морѣ:

— Ластушки косатыя на морѣ—красны Дѣвушки;
— Тетерка на морѣ—Молодая жонка;
— Селезень на морѣ—удалый-добрый Молодецъ;
— Соловей на морѣ птица
— Хорошо Поетъ, любо и слушать;
— Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
— Жалобнехонько онъ Щекотаетъ;
— Сорока на морѣ—Кабацкая Жонка;
— Съ ножки на ножку пляшетъ,
— Молодыхъ молодцевъ она прибираетъ;
— А Сорочка—та Кабацкая жонка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко подолъ поднимала,
— Тѣмъ свою голову питала;
— Синка—Б...ка вертлива:
— Она работы работать не умѣетъ,
— Тѣмъ она голову питала,
— Что она скоро скакала,
— Отъ того сыта пребывала;

— А ворона—та Богатая птица;
— Весной летаетъ по суслонамъ;
— Суслоны она разбиваетъ,
— По деньги суслонъ продаваетъ,
— Два она три за копейку;.—

Конечно, повторимъ, это только отрывки, и остальные перечтенные образы трудно даже объяснить *), — это просто шутка, игра; нельзя также относить всего этого непремѣнно къ характеристикѣ Дунайскаго побережья и тамошнихъ поселеній; это во первыхъ всѣ птицы, противуположныя домашнимъ; потомъ всѣ, прилетающія съ весною, птицы изъ теплыхъ странъ, съ Дунайскаго моря; далѣе уже образы тамошней привольной жизни, и то во времена отдаленныя, въ томъ видѣ, какъ ее оставила Русь на Дунаѣ и ушедши на Сѣверъ окрасила въ своемъ воображеніи радужными цвѣтами; наконецъ это птицы не только съ моря, но даже и заморскія, чужеродныя, съ хвастливыми разсказами о чудесахъ ихней жизни. Легко также понять, что, по настоящему виду отрывковъ, иныя птицы помѣщены *на морѣ* (т. е. на волѣ) такія, какія нужно бы отнести къ Русскимъ, домашнимъ (какъ увидимъ ниже—Курица): тѣмъ не менѣе все-таки главный и существенный смыслъ довольно рѣзокъ, бросается въ глаза, и, выставивши прежде всю привлекательность жизни на морѣ—на волѣ, мало по малу разоблачаетъ эту прелесть. Посмотрите, чѣмъ же тамъ заняты: считаютъ красавицъ, да красавцевъ, одна птица поетъ, другая щекочетъ, третья пляшетъ, съ ножки на ножку скачетъ, высоко подолъ поднимаетъ, молодыхъ молодцевъ прибираетъ, тѣмъ свою голову питаетъ; это кабацкія вертлявыя женки, работы работать не умѣютъ, тѣмъ свою голову питаютъ, что скоро скачутъ; а хозяева тоже тамъ не дурны: по чужимъ работамъ гуляютъ, суслоны сноповъ разбиваютъ, продаютъ два-три за копейку, подлинно — не отличишь богатаго отъ тороватаго. Высказавши всѣ свои диковинки, птица съ моря встрѣчаетъ молчаніе, и, отчасти удивленная отсутствіемъ восторга, отчасти изъ снисходительной деликатности, обратилась къ слушателямъ

*) Таковы еще: Утка, Куликъ, Галки, Гагара, Сойка (corvus glandarius, въ иныхъ мѣстахъ «Свиристель,» по объясненію С. А. Усова), Дегтярь, Заюжка (можетъ быть изъ «зозуля,» «зезгулица,» кукушка; еще ближе, по объясненію С. А. Усова, татарское *saiškan*, сорока), Канюкъ: ихъ образы блѣднѣе.

И спрашивала у Русскихъ птицъ:

— Каково вамъ жить на Руси?—

Русскія птицы все также степенны и немножко смѣшны; но онѣ уже посбавили любопытства къ привольнымъ чужестраннымъ диковинкамъ; онѣ отвѣчаютъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ превосходства:

«Хорошо намъ жить на Руси:
«Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
«Всѣ птицы у насъ при работѣ
«И всѣ птицы у насъ при караулѣ (Земская Дружина)...
«Всѣ у насъ птицы по дѣламъ,
«Всѣ у насъ птицы по работамъ:..
«Пѣтухи поютъ по сараямъ,
«Курицы тегочутъ по сатерамъ...
«И Курица у насъ *) побѣдна птица:
«И кто ню во дворѣ поимаетъ,
«И всякій перстомъ дыры покопаетъ,
«Оттуль яице добываетъ,
«И зятю-свѣту запасаетъ,—
«Отъ того теща и честь залучаетъ...»

Этихъ Рускихъ птицъ отрывки сберегли намъ весьма мало: частію конечно потому, что образы Русской жизни перечислены выше какъ людъ, какъ слои народнаго общества, частію потому, что они вообще болѣе извѣстны. Правда также, былина нѣсколько шутитъ надъ важностью занятій Русскихъ птицъ: но главное дѣло, вы видите, всюду есть— трудъ, работа, распредѣленіе, хозяйство, законы міра-народа; даже курица, тѣмъ, чѣмъ на морѣ доставляютъ удовольствіе лишь себѣ, *служитъ міру*...

Есть еще четвертый отдѣлъ былины, уцѣлѣвшій въ отрывкахъ еще меньшихъ: кромѣ Птицъ, еще міръ Ж и в о т н ы х ъ, также на морѣ, т. е. на волѣ, а потому міръ З в ѣ р е й. Собственное начало разговора ихъ съ Русскими пока неизвѣстно; начинается въ настоящемъ видѣ прямо съ перечня, въ которомъ обрисована та же привольная жизнь:

— Волкъ, онъ на морѣ Овчинникъ,
— Медвѣдка у насъ— Кожедерникъ (Кожемяка):

*) Такъ исправляемъ по явному смыслу, вмѣсто «на морѣ.»

— Много кожь онъ сымаетъ,
— На ногахъ котовъ не видаетъ;
— А заяцъ на морѣ — Колачникъ:
— Заяцъ на морѣ сошки не дѣлаетъ
— И рѣпки не пашетъ,
— И во вѣки сытымъ пребываетъ,
— И все крестьянина разоряетъ;
— Лисица на морѣ — молода Молодица:
— Дологъ *) хвостъ, да не наступитъ,
— И сдѣлаетъ хоть вину, не скажетъ;
— Много винъ сдѣлаетъ,
— И про себя вины не скажетъ.—

Опять, хорошъ овчинникъ, молодецъ кожедерникъ, хороши колачи отъ зайца, тороватъ онъ на чужое хозяйство, а за хвостомъ лисицы не мало ходятъ, и все она хвостомъ заметаетъ... Въ противуположность тому должны бы слѣдовать Русскія животныя— Конь, Быкъ, Корова, Овцы, и т. д. Все это оторвано забвеніемъ. Остался отсюда образъ, который конечно принадлежитъ домашнему, Русскому хозяйству:

« Охъ тошненько, охъ тяжеленько,—
« Кошки у насъ **) Вдовицы
« И то Бобыли-сироты:
« И день оны по печамъ,
« И день оны по ошёсткамъ,
« И ночь переходятъ по молочнымъ крынкамъ.»

Это отвѣтъ Русскихъ животныхъ, въ немъ видно, хотя съ усмѣшкой, желаніе показать также превосходство жизни Русской, т. е. введенной въ устройство, въ порядокъ общины и всего міра-народа: «самыя горькія вдовицы, бобыли-сироты, и тѣ у насъ, при общинѣ, вотъ какъ горюютъ,— день по печамъ, и день по ошосткамъ, ночью по молочнымъ крынкамъ (извѣстно, что имъ всегда отливаютъ молока, а нѣтъ, такъ они потаскаютъ и сами).»

Трудно сказать на вѣрное, каково было заключеніе былины въ ея цѣльномъ составѣ; логическаго вывода, философскаго приговора, историческаго афоризма конечно и не было: но, судя по настоящимъ

*) Исправляемъ вмѣсто « дорогъ, » хотя конечно у лисы хвостъ и дологъ, и дорогъ.
**) Исправляемъ вмѣсто « на морѣ. »

отрывкамъ, можемъ догадываться, какой въ нихъ заключительный *образъ*. Образъ этотъ рѣшительно выдается послѣднимъ, и мы сей часъ объ немъ скажемъ. Птицѣ съ моря могли бы сказать птицы Русскія, послѣ ея повѣсти: «Ты все пѣла, это дѣло, такъ поди же попляши! Если жь и плясала, то одно осталось, поди — поработай!» Не все пѣнье, да пляски, да игры, и на самой волѣ; и воля приводитъ къ неволѣ; и вольная птица поклонится Русской, и она можетъ завиcѣть отъ дома, отъ работы, хозяйства, распорядка. Та самая Ворона, которая на волѣ Богатая птица, богата осенью, съ гордостью разбирая суслоны; она тогда «Бабка пупорѣзна,» она вынимаетъ плодъ чужаго труда, чужихъ мукъ. Но, настаетъ весна, и дѣло перемѣняется —

Вороница на морѣ— Бабка пупорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное;
Будетъ весна,— будетъ она по задворкамъ летать *),
Русскимъ птицамъ голосъ подавать.

Нечѣмъ поживиться въ полѣ; голодно къ концу зимы, передъ весною; ворона вымаливаетъ корму по задворкамъ, по неволѣ подаетъ голосъ къ Русскимъ, домашнимъ птицамъ; она и прикармливалась зимою около этихъ счастливицъ, ей удѣляли плоды трудовъ своихъ хозяева: но теперь и хозяевамъ голодно. Нечего удѣлять отъ избытковъ, не только птицамъ, а даже и людямъ. Вдовицы, бобыли и сироты, и всѣ которые съ поля, со стороны, странники-перехожіе, нищіе, осенью и зимою примкнутъ къ общинѣ; не даромъ они по міру ходятъ,—зимою лежатъ по печамъ откормленные чужимъ подаяніемъ: но, передъ самой весною, вставай съ печи, нечего взять съ міру, ступай опять *на сторону*, откуда пришелъ. Это тѣ же вольныя птицы старой Руси: они внѣ общины, они только терпимы и питаемы ею, допускаются въ нее подъ извѣстнымъ условіемъ; они вонъ и на сторону, какъ скоро тяжело самой общинѣ. Мы знаемъ это, не разъ описавши Калѣкъ Перехожихъ. Вотъ они въ былинѣ, съ наступающей весною:

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:

---

*) Исправляемъ вмѣсто явной ошибки — «лежать.»

Холодныхъ щей не хлебали
И горячихъ вѣкъ (подавно) не видали.

Почти безотрадно. Не бойтесь: смотрите на дѣло не съ моря, а съ Руси. Еслибъ одно все приволье, то плохо. Но весна пахнула не однимъ привольемъ: поднимайтесь на трудъ, на работу. Разлетайтесь вы, вольныя птицы, по полямъ, по лѣсамъ и кустамъ, по рѣкамъ, по болотамъ, морямъ и озерамъ: и Русскія птицы, и Русскія стада съ весною свободны какъ вы же. За вами въ поле, на волю, пойдетъ и міръ-народъ, пойдетъ прежде всего оратаемъ, пахаремъ: но пойдетъ не на ваши лишь пѣсни да игры, пойдетъ на работы. И вотъ, выдвинута соха, снова оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ. За нимъ поднялась и вся Земщина, за нимъ міръ—народъ, и все что у себя завелъ онъ: дружина земская въ поле, на богатырскія заставы; князь и царь двинулись съ княжества и царства въ лѣтній походъ, на Половца, на врага, на непокорныя племена, стоять за Русь, утирать поту за Русскую Землю; за ними съ «мѣстовъ» своихъ бояре, дружина княжеская; мелкіе судьи на межи, на выти и чети, на споры земщины передъ судомъ княжескимъ; попы-дьяки съ погостовъ въ крестные ходы по деревнямъ и селамъ, съ подъемомъ иконъ; мелкіе люди изъ мѣста въ мѣсто гостями, въ разносъ и развозъ, плотничать, мастерить; пустились по сторонамъ калѣки перехожіе, отъ монастыря къ монастырю, по храмовымъ праздникамъ въ селахъ, со Стихомъ на устахъ. Все двинулось съ весною: на волю—неволей труда, на свободу—не на бездѣлье, на трудъ и работу, чтобъ выработать новое, чтобы силы пустить въ заработку, чтобъ ими добыть для будущаго, какъ слѣдуетъ міру-народу, всякому сложившемуся существу и бытью. Кончилась былина о Птицахъ; съ какого конца началась она, своимъ концемъ вывела она къ тому же началу: подымается снова былина о ратаѣ Микулѣ, за нимъ о Богатыряхъ, потомъ слышны былины Княжескія, потомъ объ царяхъ Московскихъ, и Стихи начались, и всѣ пѣсни, какими привыкъ сопровождаться и выражаться трудъ Русскій:

Все дружно, съ молитвой и пѣснію, взято.

*

2.

Второй отдѣлъ «Замѣтки» своей начнемъ мы данными по видимому крайне мелкими: порча или передѣлка разныхъ именъ и названій въ народномъ творчествѣ, при передачѣ произведеній изъ устъ въ уста, или изъ устъ на письмо и обратно. Но отсюда мы получимъ возможность возстановить и уяснить не только отдѣльные образы творчества, не только многія дѣйствующія лица былинъ, но даже цѣлый рядъ образовъ, цѣлыя былины, цѣлые эпизоды и даже области творчества. Мы пополнимъ тѣмъ пробѣлъ, доселѣ не занятой никакимъ подобнымъ изысканіемъ въ Русской наукѣ.

Дѣло извѣстное, что Русскій народъ, какъ и всякій народъ, переиначиваетъ имена и названія, чужестранныя или какъ ни будь къ нему зашедшія, во всякомъ случаѣ непонятныя сами по себѣ или сдѣлавшіяся непонятными, т. е. не объяснимыми изъ народнаго смысла и языка, не подходящими подъ звуки, корни или складъ сего послѣдняго. Переиначивая по своему, конечно народъ старается осмыслить, т. е. подводить имя или названіе къ своимъ звукамъ, корнямъ и формамъ, составлять отсюда свое собственное слово, привязать сюда свое народное словопроизводство и т. д., а тѣмъ выигрывать представленіе понятное, понятіе въ образѣ сродномъ. Отсюда тысячи представленій, понятій, образовъ, совершенно вновь созданныхъ, безъ всякого иногда повода со стороны самого переиначеннаго слова, даже безъ всякого къ нему отношенія. Самая крупная данная такого рода, доселѣ впрочемъ у насъ не объизслѣдованная, въ именахъ личныхъ. Вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанства, а отсюда вліяніемъ Византіи, имена, даваемыя въ крещеніи по разнымъ Святымъ или Ангеламъ, частію восточныя въ формѣ преимущественно греческой, всего же болѣе греческія и нѣкоторыя латинскія, на первый разъ готовы были вытѣснить собою, за исключеніемъ не многихъ именъ, пошедшихъ отъ прославленныхъ Русскихъ или Славянскихъ Святыхъ, имена изъ языка собственнаго, народнаго. Этого до конца и всецѣло народъ не могъ допустить, ибо тѣмъ въ его родную область входили совершенно чуждыя стихіи, а собственная область крайне стѣснялась, стѣснялась свобода одной изъ самыхъ дорогихъ и существеннѣйшихъ стихій—языка и соединеннаго съ нимъ міра нравственнаго, творчество же теряло много родной живописности, живости образовъ: Южные

Славяне, при рожденіи издревле и доселѣ принимающіе имя изъ языка собственнаго, *Миланъ*, *Цвѣтанъ*, *Драгошь*, *Радославъ*, *Ружица*, *Ива*, *Бояна*, *Недѣля*, и т. п., или допускающіе чужестранное имя во славу патрону совершенно отдѣльно отъ своего собственнаго, *славя славу* или празднуя *крсно* (крестное) *име* въ честь патрону, но совсѣмъ не какъ наши личныя имянины, Южные, говоримъ, Славяне живымъ передъ нами свидѣтельствомъ многихъ отсюда преимуществъ даже въ самомъ народномъ творчествѣ. Потому и Русскіе съ самаго начала стремились выйти изъ такого затрудненія разными своеобразными путями. Такъ, во первыхъ, нѣкоторыя имена, приносимыя съ чужаго языка, тотчасъ переводились на свой Русскій: *Леѳ*, *Леонъ* съ самаго начала переведено именемъ *Левъ*, *Льва* (потомъ *Лев-онъ*), при чемъ сошлись два слова и образа совершенно одинаковыхъ въ обоихъ языкахъ; имена трехъ сестеръ переведены также съ самаго начала—*Вѣра*, *Надежда*, *Любовь*; оставлена только мать ихъ *Софія*,—ее измѣнили уменьшительно, какъ увидимъ ниже.—Во вторыхъ, при имени крестномъ — чужестранномъ, удерживали свое народное, давая его вѣроятно еще до крещенія и соблюдая послѣ крещенія, что доселѣ путаетъ иногда понимание лѣтописей: *Василій—Владиміръ*, *Георгій—Ярославъ*, *Гавріилъ —Всеволодъ*, и т. д.; этотъ обычай длился весьма долго, не только въ теченіе исторіи всей древней Руси, но даже и въ новой—судя по даннымъ—до конца прошлаго столѣтія: однимъ изъ послѣднихъ примѣровъ въ этомъ родѣ—*Воинъ Пащокинъ*, сынъ автора «Записокъ» Василья (стр. 69 «Записокъ:» «родился у меня сынъ..., которому наречено имя *Доримедонтъ*, а отецъ велѣлъ звать *Воиномъ*»), а отъ него Павелъ *Воиновичь*, другъ Пушкина, недавно умершій. Въ третьихъ, при имени чужомъ или собственномъ, прибавлялось свое *прозвище*, отъ котораго большею частію въ падежѣ родительномъ, вообще же косвенномъ, а отсюда въ т. н. прилагательномъ притяжательномъ, пошли прозвища родовъ, т. е. фамилій, уже чисто Русскія: примѣровъ необъятное множество. Можно догадываться, что иногда эти прозвища, замѣняя чужестранное имя, старались осмыслить его и такъ сказать перифразировали по Русски: на примѣръ прозвище *Красный* (у извѣстнаго князя), предшествуя крестному имени *Романа* или сопровождая его, вѣроятно, придерживалось своего народнаго словопроизводства отъ *рамянъ*, *румянъ* (=красный). Но всего болѣе это стремленіе выразилось въ совер-

женной передѣлкѣ именъ чужестранныхъ, отъ которой, путемъ большею частію уменьшенія (соотвѣтствующаго родительному или вообще косвенному падежу), создались имена чисто-Русскія съ соотвѣтственными образами, вполнѣ уже родными и понятными. Перечтемъ изъ тысячи нѣсколько такихъ именъ. Нечего уже говорить о тѣхъ, которыя прямо, безъ всякой передѣлки или съ легкою только отмѣной, подходили къ слову Русскому: *Сила*, *Лупъ*, *Лука* (излучина, напр. «лука моря»), *Титъ* (произносимое иначе *Китъ*, какъ на оборотъ *китъ* произносится *титъ*), *Карпъ* (рыба), *Павлинъ* (Паулянъ; наше *пава*, въ мужескомъ *пав-инъ*, *л* вставлено для произношенія, какъ *дав-л-еніе*, *благослов-л-еніе*, *земя* — *зѣмь* — *зем-л-я* и т. п.), *Самсонъ* (*Самъ сонъ;* другое народное сближеніе—*Самъ-сѣмъ:* отсюда у Старшаго богатыря Самсона, вышедшаго конечно изъ Самсона Израильскаго, извѣстнаго силою волосъ, наше творчество помѣщаетъ на головѣ «*семь* власовъ ангельскихъ» и въ нихъ указываетъ причину непобѣдимости; ср. Рыбник. Ч. I, стр. 35), *Прокофій* — *Прокопъ* (*прокопать*), *Лазарь* (сопоставлено *лаз-ить*, откуда *Лаз-арь* какъ *пах-арь*, *град-арь*, *рыб-арь*, *стол-арь*; вотъ почему *Лазарь* обыкновенно изображаетъ *пролазу*, кто *пролъзаетъ*), *Іосифъ*— *Осипъ* (*осипъ*, осиплый, сближеніе, которымъ весьма любятъ играть нѣкоторые сочинники Іосифа Прекраснаго), *Авраамъ* —*Образъ* (*обрамье*— *оплечье*, *барма* то же, *брама*— проходъ, дверь, сначала аркою или рамою), Іеремія— *Ерёма*, *Ярёма* (*ярёмъ*, *ярмо*), *Ипполитъ* — *Ополитъ* (такъ передѣлываютъ въ народѣ, отъ *опалить*), *Вавила* — *Вовила* (*во-вить*, *вила*), *Агей* — *Адей*, *Адѣй* (старинное *дѣй*, divus, θεῖος, прозвище *героя*, придаваемое у насъ Игорю, ср. Ипат. лѣтопись подъ 1185 г., откуда и любимый герой нашихъ Стиховъ и легендъ *Агей*— *Адѣй*), *Наумъ* (*на-умъ*, откуда въ нашихъ древнихъ училищахъ молитвы Науму передъ ученьемъ, чтобы навелъ *на умъ*), *Фотій* — *Фотей* (*фотюи*, ропля), *Ѳеофанъ* — *Ѳофанъ* (то же), *Ѳалалей* — *Ѳалелей* (то же), *Савинъ*— *Совинъ* (осовѣлый). Нѣкоторыя изъ такихъ иностранныхъ именъ удивительно совпали съ древне-русскими или общеславянскими, шедшими совсѣмъ отъ другаго корня и съ иными образами: на примѣръ *Іоаннъ* (Джіованни)— *Иванъ* (отъ *Ива*, какъ *Вербанъ*, *Цвѣтанъ* у Южныхъ Славянъ или прямо *Ива*, *Иво*; съ другой стороны здѣсь привилось еще древнѣйшее *Эванъ*, изъ языческихъ обрядовъ, почему и возникъ *Иванъ-Купала*, Эванъ-Кувела,

празднованіе Діониса-Вакха и Кивелы, соединенное послѣ съ праздникомъ рождества Ивана Крестителя; ср. нашу «Замѣтку» къ 3-му вып. Кир.); *Даніилъ* — *Данило* (какъ *Чур-ило*, *молот-ило*, *говор-ило*, отъ *Дань*, имени, доселѣ употребительнаго у Южныхъ Славянъ). Такъ, можетъ быть, и *Савва*, *Сава*, напоминая *славу* (*Яро-славъ*, *Влади-славъ* и проч., по Сербски произносится—*сав*), соединилось съ нею навсегда въ народномъ творчествѣ: «какъ про Саву-Савушку уложили худу славушку...». Женскія: *Василиса*—*Веселиса* (такъ обыкновенно произноситъ народъ), *Іулитта* — *Улита* (улитка; «Улита ѣдетъ — когда-то будетъ,» по отчеству «Роговна,» отъ ея рожковъ), *Іустинія*— *Устинья* (устье, устинскій мостъ), *Февронія*—*Хавронья* (*га-вронья*, *га-вронъ*, *га-вранъ*, извѣстный родъ вороній, встрѣчающійся у всѣхъ Славянъ издревле въ смыслѣ вѣщей птицы и безпрестанно въ пѣсняхъ; ворона у насъ носитъ имя Хавроньи), *Елена*— *Алёна* (отъ *алый*, какъ *красёна*, *бурёна*, *сластёна*, *нъжёна*). Въ особенности, какъ сказано, пособило здѣсь уменьшеніе, соотвѣтствующее косвеннымъ падежамъ, придаваемое въ смыслѣ ласки: уменьшительное имя тотчасъ смягчало жесткость, грубость, непонятность чужестраннаго, и лицо, названное уменьшительно, этимъ самымъ вводило въ родню, сближало съ родными, приголубливало. Таковы имена: *Трофимъ*— *Троша*, *Трошка* (кроха, крошить— троха, трошить), *Борисъ*— *Боря* (боръ), *Матвѣй*— *Мотя*, *Мотюха* (мотъ, мотокъ, мотать), *Тихонъ*— *Тишка* (тихій), *Терентій*— *Терёха*, *Терюха* (терять), *Стефанъ*— *Стёпа*, *Степуха*, *Степаха*, *Стенька* (степь; степать, щепать; стѣнь), *Симеонъ*—*Семенъ*—*Сенька* (сѣмя; сѣнь, сѣнька), *Іаковъ*— *Яша* (яшный), *Георгій*— *Юрій*— *Юша* (мокрый, «юша юшей»), *Константинъ*—*Костя* (кость, костить), *Антоній*—*Тоня* (тять; тонуть), *Николай*— *Коля* (колъ, колье; коло), *Елисей* — *Елеся* (корень *лес*–, *лас*–, откуда *лесть*, *ласка*, *ластиться;* какъ Лазарь, Елеся значитъ льстеца, пролазу), *Θома*— *Хомка* (хомякъ; отсюда же вѣроятно перегласовано прозвище *Шемяка* и отсюда же народное произведеніе, сдѣлавшее изъ Шемяки недогадливаго и неловкаго судью), *Сергій*— *Серёга*, *Серёжка* (серьга), *Косма*— *Кузьма*— *Кузька*, *Кузенька* (кузнь и кузовъ; отсюда, какъ кузнецу, умѣющему ковать денежку, и кузову, мѣшку, Кузьмѣ обыкновенно богатство, совершенно въ противуположность безсребреннику; отсюда народныя сказанія о «Кузьмѣ скоробогатомъ;» не думая нисколько о Кузьмѣ Ме-

дичи, народъ доселѣ въ Кузьмѣ ищетъ богача), *Ермолай — Ермолка* (шапка, шляпа; полагаемъ, что это отъ *Ермы* и «шляпы земли Греческой»), *Александръ—Александра—Саша, Сашокъ, Саня, Санька* (М. А. Максимовичъ сравниваетъ при этомъ словѣ Малорусское преданіе о травѣ *Сашкѣ* съ санскр. *çешâ*, при чемъ вспомнить нужно древнеславянскую «сань люту,» змѣю), *Михаилъ— Миша, Мишка* (мишь — мышь; но съ этимъ совпадало древнее, сохранившееся понынѣ у Южныхъ Славянъ имя медвѣдя *мечка*, откуда и у насъ медвѣдь зовется Мишкой), *Петръ— Петя, Петька* (пѣтухъ, пѣтелъ; у насъ пѣтуха зовутъ Петькой). Еще ярче здѣсь имена женскія: *Евфимія— Афимья— Хима, Химка* (лѣнивица, нюня, нюха), *Татіана— Таня, Танюша, Танька* (танокъ, танецъ); *Софія— Соня, Сонька* (сонливая), *Марія— Маня* (манить и маній— меньшій, маленькій) и *Маша* (махать; отъ *мау, мяу* названіе кошки Машкой), *Евдокія— Авдотья— Дуня* (дуть) и *Душа* (то же: дутъ, душа), *Агриппина— Аграфена— Груня* (рысь) и *Груша* (дерево, плодъ), *Олимпіада— Липа* (дерево), *Дарья— Даша* (дать; ср. выше мужское *Данъ*), *Ирина — Арина — Орина — Орюша, Орюха* (орать, пахать), *Параскева—Прасковья—Паша, Пашенька* (та же отъ *Павелъ*: пашня, пахать), *Параня, Паранька* (паръ, паримъ, и т. п.; *Параскева*, имя дня приготовительнаго къ субботѣ, означая по гречески «приготовленіе,» перешло къ имени «пятаго» дня, потомъ въ имя личное, которое по Славянски истолковано «пятница,» «Параскева нареченная *Пятница*;» лицо *Пятницы*, по Югославянски *Петка*, света или свѧта *Петка*, совсѣмъ отдѣлилось отъ греческой Параскевы и слилось въ представленіи съ какимъ-то особымъ древнимъ божествомъ мифическимъ, перешедши въ заклятья, заговоры; о чествованіи Пятницы, какъ Святой христіанской и какъ древней языческой, когда нибудь скажемъ подробнѣе; у насъ она является по Стихамъ въ видѣніяхъ и даетъ правила, какія чтить и какъ проводить пятницы; такая же святая образовалась у Южныхъ Славянъ *Недѣля*, собственно «праздникъ,» праздный день, потомъ седьмой день седмицы, воскресенье, и также перешло въ женское личное имя, мужское *Недѣлька, Недѣлько*), *Меланія— Маланья, Малаша* (ср. выше *Маня*, также *Малуша*, малая, маленькая), *Варвара— Варя* (мѣра свареннаго, пива, меда; варъ, жаръ; варовая, проворная), *Елисавета—Лизавета— Лиза, Лизынька* (лизать, цѣловать, ласкать),

Акилина— *Акулина*— *Окулина*— *Окуля*, *Куля* (куль; куля), *Іулія*— *Юлія*— *Юлка* (юлить), *Гликерія*— *Лукерья*—*Лушка* (шелуха), *Екатерина* — *Катя*, *Катокъ* (катить), и т. д. Не полагайте, что народъ, произнося на примѣръ *Липа*, *Груша*, думаетъ о какомъ либо искаженіи или объ отношеніи къ греческому слову: у него также образъ дерева, плода, какъ у Южнаго Славянина при именахъ *Врба*, *Єлица*, *Єла* (ёлка, совпадающее у нихъ также съ *Еленой*), *Гроздана* и т. п. На этомъ же осмысленіи именъ или созвучіи съ ними основаны многія данныя народнаго сельскаго Дневника: «пройдутъ *Сидоры* — пройдутъ *сиверы*;» «*Герасима*— *Грачевника*»; «съ *Апрѣля* земля *прѣетъ*;» «*Ѳедулъ*— теплый вѣтеръ *подулъ*;» «въ *Маѣ* жениться — *маяться*;» «Еремѣя, Ярёмы— запрягальника (запрягать въ *ярмо*);» «На *Олёну* садитъ *лёнъ*;» «Петръ и *Павелъ* (павилъ, бавилъ) два часа прибавилъ;» *Макрины* обратилось въ *Мокриды*, и рѣшается, *мокрая* ли будетъ осень; «на Борисъ и *Глѣбъ* поспѣваетъ *хлѣбъ*;» «на *Семенъ* день выплываютъ *сѣмена*;» съ зимней *Матрены* «зима *матёра*, *матерѣетъ*;» «*Веденье* ломаетъ *леденье* (отсюда, въ былинахъ у насъ напечатанныхъ, островъ *Леденецкій* передѣлывается въ *Веденецкій*);» къ *Варварѣ* «зима дорогу *заварить*,» и т. д. Тысячи пословицъ, всѣмъ извѣстныхъ, со вставными собственными именами (иностранными), обращенными въ нарицательныя, или въ типы какихъ либо свойствъ, или въ одни просто созвучія, подтверждаютъ тоже самое. Мало по малу доходитъ до того, что каждое такое имя, посредствомъ звуковъ своихъ, *услышанныхъ* и *понятыхъ по Русски*, вызываетъ родное русское представленіе, извѣстное понятіе, извѣстный образъ, и на этомъ основана народная *риѳма*, всегда почти сопровождающая иностранное имя: «Трошa— порошa,» «Еремѣй— разумѣй,» «Ѳедулъ — надулъ,» «Гришка — стрижка, срыжка,» «Ѳома— крома,» «Ѳедосъ— косъ (при помянутомъ выше Романѣ Красномъ можно поставить и *Ѳедосія Косаго*; укрѣпить за этими лицами прозвища способствовало самое имя ихъ, или на оборотъ имя чужестранное давалось послѣ уже прозвища, выражавшаго свойства и признаки ребенка; сравните лицо *Шемяки* какъ *Хомяка* въ народномъ сказаніи),» «Ѳедотъ—не тотъ,» «Ефремъ—хрѣнъ,» «Никитки — микитки (часть тѣла),» «Филипъ — прилипъ,» «Захарка—захаркалъ,» «Романъ — карманъ,» «Радивонъ (*Радъ-вонъ*, изъ *Иродіонъ* образованное какъ многія славянскія имена, — *Ра-*

дивой, Радомиръ, Радогость, Радославъ и проч.)— поди вонъ,» и т. д. Образуются отъ такихъ именъ даже глаголы: отъ *Семена* и *Сёмы*— *посёмывать*, *пересёмывать* (не знать, что̀ дѣлать, поминаться, толочься), отъ *Спиридона* и *Спири*— *поспиривать* (спираться, упираться), такъ что, на оборотъ, въ творчествѣ выведены эти лица, *Сёма* и *Спиря* (мы знаемъ ихъ по былинамъ), уже не изъ чужестранныхъ именъ, а какъ образы, воплотившіе въ себѣ свойства *пересёмки* и *поспирки*, подобно какъ чисто-русскіе *Притченки* и *Хапиловы* изъ *притки* и *хапанья*.— Не только съ личными, но и со всѣми собственными именами иностранными совершилось то же самое, на глазахъ исторіи: изъ *Ольга* и *Ольги* сдѣланы *Вольга̀* и *Во̀льга* (ср. *по-лыга*, *по-льга*, *лы-ота*, *льгя)*, изъ *Стокгольма* въ древней Руси *стекольня*.— Далѣе то же самое происходило, какъ знаемъ множество примѣровъ доселѣ, со всѣми иностранными словами.— Потому напрасно иногда преувеличиваютъ здѣсь иностранное вліяніе, воображая сами и увѣряя другихъ, что съ вліяніемъ занесенныхъ именъ, чрезъ употребленіе, чрезъ устные или письменные памятники, искажался или существенно измѣнялся народный смыслъ, народная сила творчества: смыслъ и силы напротивъ еще больше возбуждались, практиковались, находили поприще дѣятельности и здѣсь дѣйствовали *своимъ* способомъ, шли *своимъ* путемъ. Нѣкоторая тяжесть была и бываетъ лишь временно, на первую минуту, пока народъ прислушается, освоится, и потомъ тотчасъ смѣнѣетъ. Въ помянутыхъ примѣрахъ онъ совсѣмъ не поддѣлывался подъ иностранный ладъ, не примѣнялся, не прибиралъ созвучій, подобій: онъ слышалъ въ этомъ заносномъ только свое и по своему,— *Варвара* обдавала его *варомъ*, *Семенъ* приносилъ *сѣмена*, *Тихонъ*— *тишину*, и т. п.; больше ничего и не давали эти имена и слова для слуха и смысла. Народъ вращался здѣсь не въ чужомъ мірѣ, а въ своемъ собственномъ; бралъ, представлялъ, понималъ, воображалъ не чужое, а свое. Какъ, разсказывая, онъ совсѣмъ не увѣряетъ, что водитъ васъ по чужимъ землямъ, такъ и вы пожалуйста не карайте его, не тащите учиться въ гимназію географіи, за то, на примѣръ, что по принятому типу своего творчества онъ близь моря Чернаго именуетъ вамъ «желты пески Макарьевски,» или дѣвушку на Востокѣ заставляетъ ждать «жениха съ Москвы (см. ниже Стихи объ Егоріѣ).» И не только это касается именъ и словъ иностранныхъ, но и всѣхъ своихъ, Русскихъ,

почему либо дѣлающихся далекими, непонятными или неясными въ въ первобытной формѣ, однимъ словомъ прошлыми: вѣчно живущій, народъ не можетъ допустить такого прошлаго въ мірѣ существенныхъ своихъ силъ, воззрѣній, понятій, образовъ; если это дѣйствительно прошлое, то это для него нѣчто или совершенно чужое, не лучше иностраннаго; если же оно еще нѣчто, то не прошлое, а такое же настоящее, всегда равно родное и близкое народу. Потому прошлое, если не обречено на уничтоженіе, переходитъ въ настоящее, сообразно настоящему положенію, настоящему взгляду и смыслу, и только что начинаетъ старѣть, и тускнѣть, и забываться такого рода слово, представленіе, понятіе, образъ, — сей-часъ же обновляется, юнѣетъ новыми стихіями, новымъ преобразованіемъ, перезвукомъ, продолжая жить сквозь тысячи лѣтъ по ступенямъ разныхъ оттѣнковъ. Приводить примѣры изъ общежитія было бы слишкомъ долго. Отданные преимущественно изслѣдованію основъ и началъ, коснемся хоть данныхъ, истекающихъ изъ язычества, миѳологіи, доисторической обрядности. *Сабацiи*, торжества Діониса-Вакха, переходятъ въ *Соботки*, *Суботки*, извѣстныя доселѣ на Славянскомъ Западѣ, и связываются съ *субботою*; празднество ихъ на горѣ, при рѣкѣ, — и горы, и рѣки получаютъ имена *суботъ*, *суботокъ*; суббота — саббатъ — *шабашъ*: вѣдьмы Кіевскія въ шабашъ летаютъ на горы праздновать; *шабашъ* — *шабашить*, — праздникъ, праздновать. *Купала*, переходя въ *Купалу*, связывается съ лѣтнимъ *купаньемъ*, совпадаетъ съ христіанскимъ днемъ Ивана, а Иванъ христіанскій имѣетъ отношенія къ *рѣкѣ*, къ *крещенію*, къ *водокрещамъ*, къ купанью въ освященной водѣ; самое имя *Ивана*, какъ поминали мы, воспринимаетъ въ себя болѣе древнее, языческое имя *Эвана*, *Ивья*: наканунѣ Ивана Аграѳена — и она *Купальница*. *Велесъ* или *Волосъ*, «скотій богъ,» переходитъ съ одной стороны въ христіанкаго *Власія* и совершенно имъ замѣняется для сложившагося и крестившагося народа, а съ другой при имени *Власія* стоитъ собственное слово и представленіе, *власъ*, *волосъ*, откуда обрядъ з а в и в а т ь Велесу или Власію б о р о д у: подобнымъ образомъ и у Нѣмцевъ рядомъ съ св. Власіемъ сталъ *св. Блазій*, а при этомъ слово *blasen*, дуть, вѣять, и вотъ являются образы «вѣтра св. Блазія.» — Но въ настоящемъ случаѣ намъ важнѣе пока данныя народнаго былеваго творчества: къ нимъ и спѣшимъ мы; а такъ какъ для воззрѣнія на все это дѣло точка нами установлена, то остается только

пересчитать примѣры. Замѣтимъ лишь предварительно, что иногда здѣсь дѣйствуетъ совершенная случайность: невнятность въ пѣніи пѣвца; ослышка перенимающаго; описка древняго писца, записавшаго устное произведеніе, переписавшаго занесенную рукопись, недомѣкъ того, кто подъ вліяніемъ письменности слагаетъ народное сказаніе, вычитавши или выслушавши воспроизводитъ содержаніе въ народныхъ образахъ, и т. д. Чистыя иногда случайности въ поводѣ, но послѣдствія не маловажны: какъ скоро есть возможность и опасность, вслѣдствіе вкравшагося грѣха, погибнуть или исчезнуть имени, представленію, образу, которому гибель не суждена, которому еще жить да жить, народъ тотчасъ возбуждается еще дѣятельнѣе творческаго силою, напрягаетъ ее еще крѣпче, подхватываетъ звуки въ какомъ либо понятномъ сочетаніи, осмысляетъ терлющее смыслъ, блѣднѣющія черты образа окрашиваетъ краскою своего образа, вливаетъ въ него кровь свою, вдыхаетъ умирающему свое дыханіе: имя снова живетъ, хотя въ перезвукахъ, образъ снова дышетъ свѣжестью, является существо и лицо совершенно новое, образы плодятся за образами, создаются цѣлыя созданія. Отъ перваго повода крайне уже далеко, онъ и забытъ, и затерянъ: на лицо уже не случайность, а опять существенныя силы, чисто-народное воззрѣніе, Русскій образъ. Такъ даже самыя случайности, ошибки, обмолвки не затемняютъ дѣла для науки, а напротивъ выводятъ передъ нее новыя данныя, даютъ ей поле новыхъ соображеній, помогаютъ одно произведеніе связать съ другимъ, устное съ устнымъ, устное съ письменнымъ, письменное съ письменнымъ, мѣстное Русское съ мѣстнымъ, его же съ прошлымъ, прошлое съ другимъ иностраннымъ.

Довольно взглянуть бѣгло на Стихи (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» въ 3-хъ выпускахъ), чтобы получить много интересующихъ насъ примѣровъ. Иванъ Богословъ за сладкія словеса получаетъ отъ Христа уста золотыя: шагъ, и другіе образцы Стиховъ вмѣсто его выводятъ уже Ивана Златоустаго, а далѣе даже просто Ивана Архіепископа (вып. 1, стр. 4, 7).—Заключенниковъ надо посѣщать; но они въ темныхъ темницахъ: по народному образу нужно ихъ посвѣщать, просвѣщать (стр. 54 и дал.).—Лазарь собственно одинъ убогій, и это типъ убогаго; но у него, извѣстно, былъ братъ, съ которымъ все дѣло; имя же брата не извѣстно; не должно быть не извѣстно: это также Лазарь, но уже богатый, и имя Лазаря слу-

житъ типомъ также для богача (тамъ же). —Убогій Лазарь лежитъ во гноищѣ, гніетъ отъ гноючихъ ранъ: творчество выбрасываетъ его на навозъ, ибо навозъ иначе «гноище;» далѣе, корень гни- одинаково производитъ собою и слово гнѣвъ: и вотъ гноище не только является гнѣвищемъ, но, осуждая Лазаря на эту долю, «сослалъ Господи на убогаго гнѣвъ;» а еще далѣе, Лазарь убогій даетъ брату угрозы, тотъ видитъ въ немъ безсильную злобу, напрасный гнѣвъ (тамъ же и стр. 69, 74, 75). — Въ Стихѣ объ Алексѣѣ изъ иностраннаго города Едесса сдѣланъ «Одесъ градъ,» т. е. Русская Одесса (стр. 102 и дал.).—Тамъ же и въ Стихѣ объ Егоріѣ Гоноріи или Оноріи, иногда Онуріи, переходитъ въ болѣе знакомаго Онохрія. т. е. Онуфрія.—Старый Римъ обыкновенно произносится Рымъ, а это слово по областямъ у насъ значитъ «домъ,» жилище: народъ, благодаря этому, въ Римѣ какъ дома; между тѣмъ далѣе Римъ, русѣя и по прозвищу стараго, сходится съ Русалимомъ, который вставляется всюду весьма охотно, не только по своей общеизвѣстности, но, весьма вѣроятно, по сходству съ Русью (стр. 111—125). На сближеніи Рима съ Русалимомъ основано и то, что рядомъ съ Онуріемъ является въ Римѣ «царь Удей (Іудей. Іудейскій; стр. 134),» а это, дальше, одно лицо съ помянутымъ народнымъ героемъ Агеемъ или Адѣемъ: и вмѣсто «Давыда Іессеевича,» передѣланнаго въ Евсевича, въ описаніи временъ далекихъ, по Стихамъ и былинамъ, встрѣчаемъ Агея Евсевича. — Вообще имена Давыда Евсевича, Агея—Адѣя Евсевича, старцевъ Онуфрія, Макарія, Захаріи и т. п. сдѣлались уже именами типическими, пригодными всюду, гдѣ говорится о древности, и въ Ерусалимѣ, и даже въ Суздалвщинѣ (Кир., вып. 3), уживаясь здѣсь обыкновенно съ народомъ Русскимъ.—Въ Царѣградѣ, по имени Константина-града, чаще всего сидитъ Константинъ Самойловичь, Саулловичь, или Боголюбовичь (т. е. православный); въ восточныхъ православныхъ городахъ онъ же.—Въ Ерусалимѣ и Царѣградѣ, да и другихъ восточныхъ городахъ, коль скоро они православны, обыкновенно народъ Русскій, а изъ Царьграда какъ разошлись по Руси соборныя церкви Софіи, такъ и вездѣ, гдѣ православіе, представляется церковь Софіи, и всякая соборъ-церква—Софія.— Ѳиміамъ, обратясь въ теньянъ, истолкованъ болѣе обрусѣвшимъ словомъ «ладонъ» и ставится съ нимъ всегда почти вмѣстѣ: «тень-

янъ-ладонъ;» но «темьянъ» переходитъ и въ Демьяна, Даньяна, а это уже употребляется какъ «собственное имя» при ладонѣ (стр. 130 и друг.).—Іаковъ, по прозвищу Израиль, помѣщается потому «во градѣ во Израилѣ (стр. 155).» Замѣтимъ здѣсь кстати, что Израиль и долина Іосафата, черезъ книги и разсказы бывалыхъ людей, дали имя въ нашихъ былинахъ рѣкамъ Израю и Сафату близъ Кіева; а послѣднее имя, осмысляясь, сдѣлано «Салфетомъ» и «Солфою (восточное *софра*, *совра*, разстилка кушанья, скатерть, постланый на полу столъ),» откуда берегъ рѣки, разстилающійся скатертью, называется «Салфетскимъ бережкомъ;» но исконный эпитетъ берега есть «крутой,» и вотъ, не смотря на пологость берега, на прозвище «Салфетскимъ,» является «Салфетскій крутой бережокъ (Кир., вып. I).»—Въ Стихахъ объ Іосифѣ Пиктефрій дѣлается болѣе обрусѣвшимъ Перфильемъ (стр. 161).—Здѣсь же Іакова погребаютъ, а какъ скоро погребеніе, то, по установившемуся типу, «въ соборной Божьей церкви (стр. 172);» къ сыну пріѣзжаетъ онъ съ князьями съ боярами, «со многими съ православными христіанами,» т. е. съ крестьянами, съ низшимъ слоемъ народа (стр. 183): доказательство, что «крестьянинъ» въ эпоху пѣвца потерялъ уже первобытное значеніе «Христіанина,» «человѣка крещенаго,» а давалъ именемъ своимъ только представленіе поселянина, мужика.—Въ Стихахъ объ Асафѣ Царевичѣ Пустыня изображается лицомъ живымъ, переговариваетъ съ пришедшимъ, сначала долго возражаетъ на его желаніе жить въ пустынѣ и допускаетъ лишь послѣ усильныхъ просьбъ и полной рѣшимости съ его стороны на подвиги. Образъ развитой, творчество поднято на ступень высокую. Но вотъ, въ одномъ образцѣ (стр. 237—240), тонъ пониженъ, разсказъ переведенъ въ общежитіе, сближенъ съ побывальщинами и сказками; отказъ пустыни, вмѣсто разговора, передается такъ: «прошелъ Асафъ царевичь въ пустыню: стоитъ пустыня заперта, никого въ ней нѣтъ; сталъ отворять ее,— не отворяется.» Потомъ нужно вставить стихи, произносимые отъ лица пустыни: сказатель прибѣгаетъ къ такому пріему —«въ пустынѣ заговорило.» Послѣ стиховъ, «отворилася пустыня.» Но она все-таки остается домомъ; когда снова Асафу приходится выслушать отъ нея совѣты, онъ находитъ: «въ пустыни записка писана, на столъ кладена.» Ясно, образы эти неизмѣримо отстали отъ исконныхъ, пред-

ставляющихъ пустыню живымъ, говорящимъ существомъ, мотивъ дурно перенятъ, испорченъ: но, какъ мы замѣчали, тотчасъ есть и выходъ; творчество идетъ дальше, создаетъ образъ совершенно новый и его оригинальность конечно не уступаетъ уже образу прежнему. Пустыня, представленная домомъ, съ дверями, замкомъ, съ записками на столѣ, какъ нельзя лучше выражаетъ другую сторону духовно-нравственныхъ воззрѣній древней Руси: именно, какъ *спасеніе* дѣлается какимъ-то пріемомъ внѣшнимъ, въ родѣ хозяйства, обзаведенія домкомъ, съ умѣньемъ какъ поклониться, сѣсть, встать, запастись запасомъ въ продовольствіе. Вы видите *храмину* во вкусѣ древней нашей живописи, какъ встрѣчается во многихъ рукописяхъ, съ образами, съ налойчикомъ, келейку съ бумагой, перомъ, чернилами; тутъ старецъ-настоятель, то не пускаетъ приходящаго, то наконецъ «отдаетъ аминь;» затѣвается со старцемъ переписка о вопросахъ спасенія, и т д.—По Стихамъ объ Егорьѣ извѣстно, что этотъ сподвижникъ сдѣланъ въ народномъ творчествѣ совершенно Русскимъ героемъ, возрождающимъ жизнь древнѣйшую къ осѣдлости, гражданственности и Христіанству. Между прочимъ однимъ изъ поводовъ къ такому представленію, однимъ изъ началъ, породившихъ для творчества такія послѣдствія, было самое начало Стиха, гдѣ отечествомъ Егорья назначается Русалимъ, т. е. Русь православная. Родившись здѣсь, Егорій, послѣ мукъ у невѣрнаго царя, смѣло уже возвращается на родину: въ Черниговъ (вып. 2, стр. 399, 461 и др.) и даже въ Кіевъ (тамъ же и 404, 407 и др.). Мать его—Софія: оставивши, какъ поминали мы, слово это не переведеннымъ возлѣ переведенныхъ именъ Вѣры, Надежды и Любви, народъ за то постоянно всегда прибавлялъ и прибавляетъ сюда Русское—«Премудрость, Премудрость Божія (все равно, идетъ ли дѣло о самомъ лицѣ, или о храмахъ).» Потомъ это сдѣлалось эпитетомъ, прозвищемъ—Премудрая: такъ и мать Егорья всегда «Премудрая.» Но это любимое имя главныхъ соборныхъ храмовъ: Егорій, возвращаясь на родину къ матери, находитъ, среди всеобщаго опустошенія и развалинъ, —«стоитъ церковь соборная, стоитъ Софія мать Премудрая.» Въ этой уже церкви стоитъ настоящая, плотская мать, то же Софія Премудрая, стоитъ во храмѣ на молитвахъ Іисусовыхъ. Тѣмъ не менѣе, исповѣдуя вѣру свою, Егорій говоритъ, что вѣруетъ Христу, Богородицѣ, Троицѣ и Святой Софьи Премудрыя (стр. 458). Поелику же у святой Софіи три до-

чери, Вѣра, Надежда, Любовь, то тѣ же три сестры являются у Егорія, онъ освобождаетъ ихъ и привозитъ къ матери. Любопытно при этомъ, что въ Житіи Егорія дѣйствительно упоминается мать, оставшаяся съ нимъ вдовою и по смерти мужа переселившаяся въ Палестину: оттуда и Русалимъ, начало, съ котораго идутъ Стихи Егорья, переходя подъ конецъ въ Черниговъ и Кіевъ. Отчего же она сдѣлалась Софіею? Сейчасъ видимъ къ тому сильный поводъ, а вмѣстѣ и новый поводъ отождествить ее съ храмомъ Софіи и перенести совершенно на Русь все похожденіе Егорія. Знаменитый нашъ Ярославъ крестнымъ греческимъ именемъ названъ Георгіемъ, Егорьемъ; въ честь патрона своего, поставилъ онъ церковь Егорью предъ вратами Святой Софіи, Кіевской митрополіи, матери соборныхъ церквей Русскихъ; освященіе церкви дало начало зимнему Егорью, столь знаменитому въ нашей исторіи «Юрьеву дню.» Вотъ эпоха, съ которой конечно сильнѣе распространялись легенды объ Егорьѣ и въ устахъ Калѣкъ Перехожихъ превратились въ разнообразные Стихи, вотъ путь, которымъ съ матерью Софіей пришелъ Егорій въ Русь изъ Палестины.—Царь, при которомъ жилъ Егорій, Ѳедоръ; изъ Ѳедоровъ народъ зналъ по легендамъ преимущественно двухъ, почти одновременныхъ, родомъ изъ одной стороны и празднуемыхъ въ одномъ мѣсяцѣ: Тирона, передѣланнаго въ Тирина и Тиранина, — но его онъ отдѣлилъ въ особый Стихъ; другаго Стратилата,—и вотъ царь Ѳедоръ является Стратилатомъ или Стратилатороиъ. Имя это поддерживалось и другимъ, встрѣчавшимся въ дальнѣйшемъ теченіи Стиха, птица Стратимъ; передѣлавши на ладъ болѣе Русскій Стратилатова въ Стрепелатова (встрепенуться, встрепаный), народъ и птицу обратилъ въ Стрепеюна, подкрѣпляя производство одного имени другимъ. Ѳедоръ кромѣ того былъ «царемъ:» вмѣсто «Стратилатора» по нѣкоторымъ Стихамъ выходитъ уже императоръ (тамъ же, въ вып. 2-мъ).—Еще замѣчательнѣе имя и образъ Егорьева мучителя (см. вып. 2, стр. 393—503). Царю или императору Діоклитіану суждено было тѣсно связаться съ Славянами, между которыми провелъ онъ послѣдніе дни свои. Съ Далмацкаго побережья преданія о немъ распространились даже и у тѣхъ Славянъ, кои прибыли на Югъ позднѣе: между прочимъ у Сербовъ онъ является въ Стихахъ названымъ братомъ и вмѣстѣ врагомъ Ивана Крестителя (собр. Караджича, Ч. II). Мучитель по преимуществу,

онъ сдѣлался послѣ типомъ и всякого мучителя въ народномъ творчествѣ. Тѣмъ болѣе обрисовался онъ на собственномъ своемъ мѣстѣ, какъ врагъ Егорія, въ нашихъ Стихахъ, подъ именемъ — царище Діоклитіанище, Диклитіанищк (*ище* прибавляется, между прочимъ, къ образамъ громаднымъ, страшнымъ, подавляющимъ). Здѣсь пришлось ему испытать всевозможныя перемѣны судьбы. Прежде всего, длинный и неудобный, передѣлался онъ въ Деклітіанищк; за тѣмъ, попонятнѣе, въ Демьянище, Одемьянищк: потомъ, по другимъ памятникамъ, Одріанище, Адріанищк, куда, при знакомомъ корнѣ слова *одръ*, *одёръ*, прививались и другіе схожіе цари, «Адріанъ,» «Даріанъ» и «Адаріанъ,» по народнымъ легендамъ плѣнившій и взявшій Ерусалимъ, возгордившійся, хотѣвшій называться богомъ, связанный съ многочисленными нашими сказаніями о Соломонѣ или Саламанѣ (см. ниже). Особенною поддержкою для такой перемѣны послужило то, что матерью Егорья сдѣлана Софія: какъ скоро это совершилось, участь Діоклитіана была уже рѣшена, онъ долженъ былъ обратиться въ царя Адріана, ибо Софія жила и была мучима, какъ знаемъ изъ житія ея, при Адріанѣ. Его царство невѣрное, поганское, со всѣми красками язычества. Еще далѣе «воръ-Демьянищк (онъ обыкновенно прозывается и воромъ, и псомъ, собакой)» породилъ собою «Мартемьянищк:»

ВОРДЕМЬЯНИЩЕ
МАРТЕМЬЯНИЩЕ.

А «самъ Демьянище» перешелъ въ царище «Самодержавнище:»

САМЪДЕМЬЯНИЩЕ
САМОДЕРЖАвНИЩЕ.

Но и того мало: Hadrian-Адріанъ, Адріанищк, обратилось въ Кудреяна, Кудревяна, Кудріанищк, Кудріянищк, Кудрянище, Кудреяна, Кудреяныча, чему способствовали еще и косвенные падежи (ср. выше и ниже) съ предлогами, которые сливались въ пѣніи:

«ко тому ку царю КУДЕМЬЯНИЩУ
КъОДР І ЯНИЩУ
КОДР І ЯНИЩУ
КУДР І ЯНИЩУ.»

(Этотъ оборотъ въ Стихахъ объ Егорьѣ весьма частый, при гла-

голахъ: «увозилъ,» «поѣду,» «поѣхалъ»). Вмѣстѣ съ симъ и царство этого царя, и всякое невѣрное, поганское, языческое сдѣлалось разумѣется Кудрiянскимъ, которое увидимъ мы ниже. Имя же само стало совершенно ясно, понятно, Русское: оно связалось съ кудрями. Начинаются въ творчествѣ образы: невѣрный царь хватаетъ отца Егорьева «за желты кудри,» у него самого «волоса какъ кавылъ-трава,» и такими же волосами, какъ «кавылъ» и «камышь,» обросли и сестры Егорьевы, обращенные царемъ въ свое подобiе при дворѣ его и въ услуженiи. Царище Кудреянъ Кудреянычь или Кудрiянище сдѣлался въ нашемъ творчествѣ типомъ героя кудряваго, образомъ кудреватости, его голова типъ головы кудрявой; тотчасъ вспоминаемъ приведенныя выше слова изъ былины:

« Рада бы тебя, молодца, спородити
« Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича,
« Силою въ Самсона Колывановича,
« Красотою-то во Осипа Красиваго,
« Кудрямы во Царище Кудрiянище.»

О связи представленiя « кудрей » и « кавыль-травы » съ кочевьемъ и отдаленнѣйшей эпохой скажемъ послѣ при случаѣ; а ниже приведемъ еще изъ Стиховъ объ Егорьѣ образы птицы, рыбы и воротъ, также царство «Арапинское.»—Стихи объ Егорьѣ и Лизаветѣ тѣсно связаны образами народнаго творчества со Стихами о Θедорѣ Тиронѣ, а вмѣстѣ и съ легендами о Θедорѣ Стратилатѣ; этихъ двухъ Θедоровъ и Георгiя нужно всегда сопоставлять вмѣстѣ, если хотимъ уразумѣть образы нашихъ Стиховъ. Θедоръ Тиронъ никогда не имѣлъ той битвы со Змѣемъ, которая разсказывается въ нашихъ Стихахъ объ немъ, — это дѣло Θедора Стратилата, какъ извѣстно изъ Житiй обоихъ мучениковъ. Но уже самыя легенды нашихъ старыхъ Житейниковъ подавали множество поводовъ къ смѣшенiю: оба Θедоры, оба воины, обоимъ празднество въ одномъ мѣсяцѣ: Тиронъ жилъ не задолго передъ Стратилатомъ, дѣйствовалъ по берегу Чернаго Моря, въ округѣ Ираклiйскомъ или Гераклейскомъ, куда (въ Евхаиты) перенесено и тѣло его: здѣсь дѣйствовалъ, здѣсь положенъ мощами Стратилатъ; тѣло Тирона погребла «нѣкая жена» Евсевiя (съ греческаго просто «благочестивая»):» она же, повѣствуется въ житейникахъ, явилась Стра-

29

тилату, когда онъ заснулъ на Гераклейскомъ полѣ, разбудила, разсказала о свирѣпствовавшемъ здѣсь страшномъ Змѣѣ, вызвала Стратилата на знаменитый подвигъ, по совершеніи котораго во Христа увѣровало множество Гераклейскихъ гражданъ-язычниковъ. Достаточно основаній, чтобы перенести все это дѣло на Тирона, какъ разсказывается оно въ нашихъ Стихахъ. Здѣсь, весьма любопытно, Тиронъ спасаетъ отъ Змѣя мать свою: поводомъ къ этому послужилъ опять житейникъ. Вотъ какъ передается въ немъ (по редакціи впрочемъ позднѣйшей) о встрѣчѣ Стратилата съ помянутою женщиною, вызвавшей его на Змѣя: «та видѣвши Өеодора воина Христова, Стратилатомъ нареченнаго, спяща на поли ономъ, пріиде къ нему съ боязнію веліею, и емши его за руку, возбуди, глаголя (слѣдуетъ разсказъ объ ужасахъ)... Өеодоръ воставши рече къ ней: «кій есть страхъ и трепетъ на семъ мѣстѣ, о мати (она, говорится, была «лѣты стара»)?» Послѣ разсказа о Змѣѣ, «Өеодоръ рече къ ней: «отъиди, мати, и стани далече отъ сего мѣста»... И вотъ въ нашихъ Стихахъ явилась спасенная Өедоромъ мать, съ драматическимъ противуположеніемъ мукъ ея рожденія съ муками, понесенными сыномъ для ея избавленія. — Чудо Егорія, въ побѣдѣ надъ Змѣемъ и спасеніи дѣвицы, совершенное совсѣмъ въ другой мѣстности, описывается въ житейникахъ крайне близко къ дѣлу Стратилата: даже у обоихъ тотъ же дивный конь, съ которымъ Стратилатъ, по житейнику, разговариваетъ какъ съ человѣкомъ; а между тѣмъ сопоставленіе дало важную поддержку Стихамъ о Тиронѣ, т. е. собственно о Стратилатѣ: Егорій дѣйствительно убіеніемъ Змѣя *спасъ* дѣвицу; еще легче стало Стихамъ пѣть о *спасеніи* матери Тирономъ (въ житейникахъ помянутая мати стоитъ въ сторонѣ отъ битвы и спасается не прямо, а косвенно, вмѣстѣ съ прочими гражданами). Теперь, если мы вспомнимъ, каково было древнее почитаніе Егорія по Черному морю и какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ нѣкогда жили праотцы Русскаго народа, то естественно изображеніе всѣхъ этихъ событій въ тѣснѣйшей связи, когда Егорій, вмѣстѣ съ построеніемъ ему Кіевской церкви знаменитымъ тезоименникомъ Ярославомъ, столь любившимъ и списывавшимъ книги, перешелъ въ легендахъ и Стихахъ отъ Палестины черезъ побережье Чернаго моря къ Руси. Потому Стихи объ Егорьѣ и Лизаветѣ точь въ точь повторяютъ собою соединенную повѣсть объ Егоріѣ и Стратилатѣ (послѣдній въ самостоятельныхъ Стихахъ, ему *исключительно* принадлежащихъ, пере-

дѣлалъ, какъ сказано, въ Тирона). 1.) Здѣсь поприщемъ дѣйствія является царство Рахлейское, т. е. Гкраклейское или Иракліиское, сдѣлавшееся такимъ же типомъ невѣрнаго, поганаго, языческаго царства, какъ приведенное выше царство «Кудріянское.» Вотъ это имя по Стихамъ:

На три города Господь Богъ прогнѣвалсе:
Соборъ (передѣлано изъ «Содомъ»), Коморъ (Гоморъ, Гоморра) скрозь землю провелъ,
На Рахлейсько царсьво Змѣю послалъ...
Собирались мужики-ти Рахлейскіе,
Метали жеребьи волшенскіе (волшанскіе, языческіе, будучи язычниками; образъ перетасовался съ жеребьями «волжаными,» «валжеными,» изъ сыромятной кожи)...
« Поведи-ко Змѣю на царсьво Рахлейськой,
« Ко тѣмъ ли къ мужикамъ ко волшенскіемъ (язычникамъ)...»
Посторонъ святаго града Іерусалима (связь Егорья съ Палестиной),
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На нинее беззаконіе великое,
Да не могъ па нихъ самъ Господь смотрѣть:
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ.
А на этое третье царство на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ Змѣя лютаго...
Собиралися всѣ жители Рахлинскіе,
Къ самому оны царю на широкій дворъ,
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ («сыро-волженымъ,» въ примѣненіи къ язычеству— «самоволшанскимъ,» самоволхвующимъ)... и проч.
На Рахрынь городъ напустилъ Господь,
Напустилъ Господь Змѣю лютую,
Змѣю лютую, злу Печерскую:
Побѣдила царство Рахрынское...
Да и всѣ мужички Рахрынскіе
Выкидали жеребья табунскіе...
Былъ Содомъ городъ, былъ Коморъ городъ,

Третье было царство Аранинское:
Содомъ городъ сквозь землю сшолъ,
А Коморъ городъ огнемъ прожгало,
Что на то ли царство Аранинское
Встала Змѣя лютая Пещерская...
«Ты веди... Змѣю лютую на свой градъ Аранинскій...» и проч.

Аранинскій, передѣланное изъ Арахлинскаго, подастъ намъ возможность инже уяснить еще нѣкоторые образы. 2.) Битва Егорія со Змѣемъ, здѣсь описанная, на конѣ, совершенно та же, что въ Стихахъ о Тиронѣ-Стратилатѣ; послѣдствія — обращеніе народа въ Христіанство, построеніе церквей,— тѣ же. 3.) Житейная повѣсть объ Егорьѣ дала въ Стихъ *море* или *озеро*, да *источникъ*, истекшій отъ церкви Егорья, чего нѣтъ въ Житіи Стратилата (тамъ дѣло на полѣ, на сушѣ, въ пропасти), и что во всей красотѣ изображенія является по стиху о Тиронѣ. 4.) За то въ Стихѣ объ Егорьѣ и Лизаветѣ не могло быть того образа, какой есть: Егорій спитъ, дѣвица его будитъ при появленіи Змѣя;— этого и нѣтъ, и не могло быть въ житейникахъ, ибо Егорій явился на спасеніе дѣвицы уже по смерти и погребеніи; но изъ повѣсти о Стратилатѣ мы это знаемъ, какъ будила его старица, мати Евсевія: плакали же, роняли слезы (по Стихамъ— разбудившія Егорья) обѣ. 5.) Имя дѣвицы, Софья, явилось, какъ знаемъ, по непремѣнному закону — при Егорьѣ; но откуда Лизавета (Прекрасная), передѣланная въ Алисафью, Алисавушку, Олексафію? Житейники опять даютъ намъ разгадку: рядомъ съ Егорьевымъ днемъ, 24 Апрѣля, празднество и житіе также мученика «Саввы Стратилата» и Елисаветы. О послѣдней между прочимъ сообщается черта: «бысть же и чудесъ дѣлательница: Змія лютаго молитвою умертви.»— Такимъ образомъ въ Стихахъ объ Тиронѣ все принадлежитъ Стратилату и Егорію: Тирону, какъ лицу особому, оставлена творчествомъ одна лишь черта, въ концѣ Стиха,— о празднованіи на первой недѣлѣ Великаго Поста. Но, помимо содержанія, подвиговъ, Ѳедоръ Тиронъ, какъ созданіе нашего творчества, понесъ на себѣ слѣды пріемовъ сего послѣдняго, насъ интересующихъ: такъ, на примѣръ, подобно тому, какъ въ былинахъ Ермакъ, занесенный творчествомъ въ эпоху Кіевскую, къ Владиміру, изъ временъ позднѣйшихъ, мѣстности совсѣмъ другой, нарочно отличенъ особенною молодостью и сдѣланъ отрокомъ «двѣнадцати лѣтъ,»— совершенно схоже съ этимъ

Өедоръ Тиронъ, т. е. новобранецъ, молодой воинъ, сдѣланъ въ Стихахъ крайне молодымъ, съ безпрестаннымъ повтореніемъ— «всего лѣтъ двѣнадцати,» на чемъ пѣвцы, нами слышанные, особенно налегаютъ удареніемъ голоса. Еще любопытный переходъ образовъ: Змѣй, унесши мать Тирона, отдалъ ее сосать своимъ Змѣенышамъ. Змiюношамъ (какъ въ иныхъ Стихахъ), именно двоимъ; по ослышкѣ пѣвцовъ, творчество шагнуло къ новому образу и увѣряетъ:

> Онъ и далъ сосать двоимъ юношамъ,
> Двоимъ юношамъ, двоимъ змѣятушкамъ...
> Сосутъ се двое юноши,
> Двое юноши, двое змѣягушки...

ЗМІЮНОШАМЪ
ДвоИМЪЮНОШАМЪ.

Въ легендѣ, составившейся уже обратно по *народнымъ* сказаніямъ (какова, на примѣръ, отпечатанная въ «Памятн. стар. Русск. Литер.,» вып. 3) и отъ того совершенно уже совпадающей съ народными Стихами, ступили отсюда еще далѣе: Тиронъ съ подвига своего, побѣдивши Змѣя, возвращается «съ матерью своею и съ двѣма оуношкма.» Еще шагъ, и, конечно въ объясненіе «юношей,» творчество народное описываетъ явленіе Өедору «ангеловъ:» сравните, какое разстояніе отъ первоначальныхъ «змѣенышей.» Въ той же легендѣ царь (въ дѣйствительности язычникъ и мучитель), присутствуя при подвигѣ Тирона, какъ отецъ при дѣвицѣ, спасенной Егорьемъ, и какъ старица при Стратилатѣ, сдѣланная матерью, превращенъ легендою также въ отца Тирону, введенъ отцемъ и въ Стихи (объ Егорьѣ и Лизаветѣ, о Тиронѣ, см. Стихи въ нашемъ вып. 2-мъ и 3-мъ).— Перейдемъ отъ этихъ Стиховъ, истекшихъ изъ легендъ заносныхъ, къ нашимъ мѣстнымъ, чисто-русскимъ, и увидимъ то же самое, и еще любопытнѣе, ибо здѣсь почва своя собственная. Въ ту же эпоху, въ которую развились особенно Стихи объ Егорьѣ, послѣдовало событіе убіенія двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба, построенія имъ церкви, перенесенія мощей ихъ: все сопровождалось легендами и Стихами. По мѣрѣ отдаленія отъ главной мѣстности и эпохи, даже имена, чего бы меньше нужно ожидать, измѣнялись: Святополкъ обратился въ святыполки, съ согласованіемъ множеств. числа— «ненавистные,» «богомерзкіе;» также *Святополхій*, *Святополшій*, *Святополшая*. Въ особенности хотѣлось отдѣлаться отъ слова

с в я т ъ, ибо какой же это святой, убійца братьевъ, описанный самыми черными красками? И легенды письменныя подавали тому примѣръ, выражаясь: «безаконнаго и гордаго Святополка, наче же реку Поганополка.» Для того имя раздѣлилось на двѣ половины: изъ свята сдѣлали свѣта, т. е. просто «сударя,» — свѣтъ Полкъ. Потомъ первую половину совсѣмъ отбросили, остался Полкъ (рать, война, брань, походъ), съ измѣненіемъ въ Полохъ (переполохъ), Полхій, Полшій, Полшая. Наконецъ всего уже проще: «старѣйшій братъ, а большій князь.» При той горячности, съ какою всѣ разсказы и преданія о подробностяхъ событія росли въ легенды и Стихи, а легенды и Стихи записывались и обратно переходили въ уста, трудно даже отдѣлить, что возникло отъ устной передачи, что отъ письма: только одно несомнѣнно, все это связывалось и образы росли за образами. Говорится про Святополка: «акн» или «яко аспидъ плещу пущавъ на благовонные цвѣты,» какъ аспидъ свои мышцы, перепонки распустилъ на благовонные цвѣты и подавилъ ихъ; а рядомъ: «ещё Господь силены спустилъ на благовонные цвѣты,» — Господь попустилъ сланы, иней и гололедь на цвѣты, они завяли и погибли. «Не срѣжь,» — говорятъ юноши жестокому брату, — главы не зрѣлыя, не срѣжь главъ съ насъ незрѣлыхъ;» въ другихъ Стихахъ: «не срѣжь класы незрѣлые, не пожни пшеницы неспѣлыя,» «не жни класы незрѣлые, ни пшеницы неспѣлыя,» потомъ «не срѣжь красы незрѣлыя;» но Святополкъ, прибавляютъ Стихи, «не пощадилъ двухъ негласныхъ (безгласныхъ) агнецъ,» или «двухъ некласныхъ агнецъ,» или уже «неклосныхъ двухъ овецъ,» т. е. безъувѣчныхъ, безъ порока, ибо тутъ же говорятъ ему братья — «не имамы злаго порока.» При словахъ «ни пшеницы неспѣлыя» получаемъ «не пожни нивы неспѣлыя,» потомъ «не потравь (не потрави) нивы,» «не попрavь (не попри, не попирай) нивы,» а въ заключеніе «не подавляй нивы.» Однородные образы толпятся другъ за другомъ: «не отторгни (не восторгни, не сорви) винограду со корени (или «сего коренія») отъ сыры земли;» «не исторгай винограда изъ корене отъ земли живыхъ;» и совсѣмъ другой уже образъ: «не повреди ты винограда не зрѣлаго; (когда же повредишь ты, убьешь насъ —) не отрыгнутъ винограда сего корéнья отъ сырыя земли;» и еще далѣе: «не подрѣжь лозы неплодныя (еще не успѣвшей принести плода);» «не подрѣжь

лозы священныя (представленіе христіанское);» «не рви ты вишневыя листья (вѣроятно изъ «винныя лозы») отъ сырой земли (ср. 3-й выпускъ нашихъ Стиховъ).» Такихъ переходовъ — сотни.

Но, если кто хочетъ видѣть яснѣе этотъ путь постояннаго возсозданія новыхъ образовъ въ творчествѣ, довольно изучить одну «Голубиную Книгу (см. у насъ вып. 2, особенно Стихъ Сводный).» Изъ разныхъ, сведенныхъ вмѣстѣ, образцевъ ея, въ основномъ является съ самаго начала одно только главное лицо, Волотъ или по другимъ памятникамъ (Рыбник. ч. I) болѣе извѣстный намъ Волшанъ. Какъ представитель отдаленнѣйшей языческой жизни, сначала онъ одинъ и «загадываетъ загадки,» и «отгадываетъ.» Но, при первомъ знакомствѣ Славянъ съ Іерусалимомъ, къ Волоту подходятъ представители библейской мудрости: Волотъ начинаетъ двоиться, троиться, развѣтвляться, а самый Стихъ принимаетъ уже драматическую форму разговора, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Прежде всѣхъ подходитъ царь Давыдъ; съ нимъ, разумѣется, неразрывенъ премудрый Соломонъ, и вотъ вставляется эпизодъ о семъ послѣднемъ, совпадающій съ разными апокрифическими сказаніями. При Давыдѣ ставится Исай пророкъ, обращаемый, по сообществу, въ царя. Отъ царей Іерусалимскихъ ближайшій переходъ къ Цареградскимъ, а ихъ, мы знаемъ, выражаетъ всегда царь Константинъ: и онъ получаетъ въ Стихѣ мѣсто. Но были въ древности, кромѣ Давыда и Соломона, еще цари премудрые, оставившіе послѣ себя множество восточныхъ преданій, записанныхъ и Греками, перешедшихъ и къ намъ: изъ ряду ихъ Стихъ беретъ и ставитъ премудраго Василья царя Сенакурьевича или сына Акульевича, съ которымъ послѣ ознакомимся еще ближе. Наконецъ Волотъ, сѣдой своею древностію, все болѣе русѣя и юнѣя, черезъ посредство формъ Волотоманъ и Волотоминъ, переходитъ въ Волотомера и нашего Володиміра. Тогда съ разу вся толпа, наросшая при Волотѣ, замѣняется однимъ собирательнымъ именемъ Давыда, какъ представителя мудрости библейской и столь же любимаго пророка въ мірѣ христіанскомъ; на него же переходитъ и вся мудрость вѣщаго Волота, лицо же сего послѣдняго замѣняется Владиміромъ, предлагающимъ для разгадки вопросы отъ лица всей Руси: такъ и установилась форма Стиха, съ двумя лицами. — По тому же пути, сама Голубиная книга, упавшая прежде гдѣ-то на поля

Сорочинскія, въ сторонѣ отъ Іерусалима, какъ откровеніе языческихъ гаданій, по разнымъ образцамъ Стиха вводится мало по малу въ Іерусалимъ, дѣлается книгою, раскрытою небеснымъ Голубемъ, получаетъ имя Псалтыри, значеніе Евангелія и, какъ Евангеліе, переносится прямо на Русь: «Што на матушкѣ на святой Руси выпадала книга Голубиная.» Русь снова соединилась съ Русалимомъ. Всѣ загадочные предметы и явленія міра, о которыхъ дается рѣшеніе въ Голубиной Книгѣ, испытываютъ ту же участь: названные именемъ въ эпоху доисторическую, когда слагался языкъ, окрашенные воззрѣніями языческими, они проходятъ чрезъ Христіанство, черезъ творчество позднѣйшее, и также точно занимаютъ мѣсто въ области чисто уже Русской. Но на пути въ Русь лежитъ имъ Черное море и Дунай, гдѣ, какъ помнимъ мы, распространены были многочисленныя преданія о подвигахъ Егорія: потому въ похожденіяхъ сего послѣдняго, въ нашихъ Стихахъ, повторяется то же, что въ Голубиной Книгѣ, та же рыба, та же птица, и т. п. Съ тѣхъ поръ нельзя раздѣлять этихъ обоихъ памятниковъ. — Въ «Замѣткѣ» къ 4-му выпуску Пѣсень, собранныхъ П. В. К., мы разсказали уже, какимъ образомъ к а м е н ь, изъ космогоническихъ представленій отвердѣвшій А л а т ы р е м ъ, приманкою древнихъ торговцевъ, проплылъ черезъ Геркулесовы столбы въ Волынское море, къ нашимъ Балтійскимъ Славянамъ, а оттуда сухимъ путемъ пробрался къ Кіеву и улегся даже на всѣхъ перекресткахъ простымъ «горючимъ камушкомъ,» а съ другой стороны, въ Голубиной книгѣ, сдѣлался подножіемъ Креста, сѣдалищемъ для Христіанской проповѣди, и, катясь къ намъ съ Юга въ слѣдъ за проповѣдью, получилъ такую легкость, что помѣстился въ сложившихся понятіяхъ какъ «камень вѣры.» — Ворота, встрѣчавшіеся нашему Ивану при трудныхъ переходахъ его изъ одного царства міра къ другому (см. «Зам.» при 3-мъ и 4-мъ вып. Пѣс. Кир.), получили фигурный образъ въ той же странѣ, гдѣ была послѣдняя ступень нашего ревностнаго язычества, на Черномъ морѣ и при Дунаѣ: Егорій находитъ ихъ при дворцѣ царища Кудріянища. Здѣсь же было послѣднее прибѣжище язычеству, смущавшему Русь при ея колебаніи въ вѣрѣ, при готовности къ Христіанству: Владиміръ счелъ необходимостью уничтожить разомъ это гнѣздо и сломить врата, черезъ которыя, вмѣстѣ съ Христіанствомъ, прилипвали къ намъ и потоки стараго язычества; онъ беретъ Х е р с о н ъ или К о р с у н ь, К о р с у н с к і е в о р о т а переносятся къ

намъ. Такъ было по лѣтописямъ. По Стихамъ Егорій, добиваясь гнѣзда Кудріянскаго, наѣзжаетъ «на тѣ врата Херсонскіе,» гдѣ было крыльцо невѣрнаго царища. Сначала, по отдаленности, эти ворота называются даже Кесарійскими, Ерусалимскими, и, еще туманнѣе, Сабрицкими, Себрицкими, Серебринскими (какъ при золотомъ, мѣдномъ и серебряномъ царствѣ, манившемъ нашего Ивана): но, когда утверждено имя Херсонскихъ воротъ, они встрѣчаются Егорію уже въ Кіевѣ, гдѣ въ послѣдній разъ, у себя дома, оставалось сломить язычество: «пріѣзжалъ Егорій къ тому ко городу Кіеву, на тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ,» и проч. Сравните, какъ Идолище, врагъ Ильи Муромца, жилъ сперва въ своей «землѣ Идольской,» потомъ владѣлъ Ерусалимомъ, Царе-градомъ, а наконецъ убитъ въ Кіевѣ (см. «Зам.» при 4-мъ вып. Кир.). И Демьянище, онъ же Кудріянище, помѣщавшійся въ своемъ царствѣ Кудріянскомъ, встрѣчаетъ Егорья въ отдаленномъ Китай-городѣ, потомъ во Хліемѣ (Виѳлеемѣ), наконецъ въ Кіевѣ, гдѣ и убитъ окончательно. Отсюда уже начались дальнѣйшіе подвиги Христіанской Руси: Корсунскій крестъ, принесенный изъ того же Корсуня, взятаго Владиміромъ, сдѣлался въ Кіевѣ «чуднымъ крестомъ Леванидовымъ или Леванидовскимъ (можетъ быть, ближе всего, по имени епископа Левонтія),» породилъ «луга Леванидовы (подъ Кіевомъ; имя совпадало со словомъ ливада, лугъ),» и отсюда же, по былинамъ, начинаются обыкновенно подвиги богатырей, выѣзды ихъ на украйны противъ врага. Сообразно тому, Русскій народъ, въ лицѣ Егорья, по Стихамъ его похожденій, находилъ Демьянища и ворота дворца его на всѣхъ тѣхъ украйнахъ, гдѣ оставалось встрѣтиться съ бусурманиномъ: ворота Сибирскіе, Симбирскіе, и т. п. — Между тѣмъ на вратахъ, при переходѣ изъ одного царства въ другое, сидѣла нѣкогда птица, бывшая приманкою Русскому человѣку Ивану, боровшаяся съ нимъ, потомъ вынесшая его на свѣтъ Божій, изъ кочевья, изъ стихійнаго сознанія («Зам.» при 3 и 4-мъ вып. Кир.). Въ области Голубиной Книги она описана чертами еще космогоническихъ воззрѣній, огромная, страшная, такъ что когда вострепещется, все синее море всколеблется, весь свѣтъ подъ крыломъ у нея, отъ нея зависитъ конецъ міра; потомъ она склоняется на нашу сторону, топитъ силу невѣрную; далѣе укрощается и живетъ съ нами въ мирѣ, убиваетъ только нашихъ непріятелей, ѣстъ повелѣнное, молится Богу.

На этой ступени обращается она въ вѣщую голубицу, которая по Юго-славянскимъ былинамъ вытряхаетъ изъ подъ крыла вѣсти, приноситъ и роняетъ человѣку письмо, «книгу;» сама Голубиная Книга принесена ею, и въ Христіанствѣ образъ ея отождествляется съ тѣмъ Голубемъ, который принесъ намъ вдохновенныя Писанія. По былинамъ мы видимъ ту же исторію, начиная отъ голубей на окнѣ еретницы Маринки, или отъ тѣхъ, въ которыхъ оборачивается жена Потыка, до мирныхъ вѣстниковъ любви, радости, счастья. Егорій находитъ птицу на вратахъ невѣрнаго царища, перенесенныхъ разными понапутыми путями наконецъ въ Кіевъ: сначала «клевучая,» «лютая,» она потомъ готова уже слушать повелѣнія; Егорій совсѣмъ отпускаетъ ее на волю: «Полети ты на синё море!» Спорхнула и навсегда улетѣла птица изъ очей Русскихъ. Но имя ея прошло всѣ возможныя измѣненія, сообразно путямъ, нами вскрытымъ. Сначала это, при греческомъ имени Страуса, Страфиль, Естрафиль, Страхвиль и т. п., совпадающая съ древне-славянскимъ Страчецъ, Страка, Стракопутъ и тому подобными именами древняго стража при божествѣ солнца (ср. памятную статью Ербена): вмѣстѣ съ Стратилатомъ и Стратилаторомъ (см. выше) обращается она въ Стратима, Страхтира, и т. п.; именемъ Астрахтиръ указываетъ уже на Астрахань, послѣдній оплотъ Татаръ противъ древней Руси; осмысляется въ Стрепеюна и Стрипела, совпадая съ Өедоромъ Стрепелаторомъ (см. выше) и указывая на опасность, когда она вострепенется. Другое имя ея,Ногъ или Ной (страусъ), обращается просто въ Ногу, пораждаетъ могучую и великую Могуль-птицу, переходитъ на «птицы клевучія Нагайщины,» на страшныя Нагайскія орды. Изъ ея сліянія съ птицей Страхтиромъ, Страх-тиръ-нога (такова встрѣчающая форма), изъ связи съ Черниговомъ и Черниградомъ, къ которому подъѣзжаетъ Егорій, образуется Черногa, Чер-ногонъ, Черна-нога, Черно-гаръ, и, наконецъ, Жаръ-птица возвращаетъ насъ снова къ древнему стражу солнца и воротъ между царствами, пройденными Иваномъ.—Представитель всего моря, держащаго землю, Китъ обрисованъ въ Голубиной Книгѣ также чертами еще древнѣйшими: на немъ вся земля, отъ его колебанія страхъ или конецъ вселенной. Но и море сдѣлано Волынскимъ и Хвалынскимъ, сдѣлано и Рус-

скимъ, населено «Московскими гостями;» и земля окрѣпла въ глазахъ Русскаго народа, когда окрѣпла Земля и Земщина. Съ христіанскими понятіями, возобладавшими въ Голубиной Книгѣ, Китъ когда повернется, никакой уже нѣтъ бѣды отъ того, и только «всѣ ты рыбы ему поклонятся;» колебавшееся языческое воззрѣніе успокоено тѣмъ, что «основана земля Святымъ Духомъ, а содержана Словомъ Божіимъ.» Съ древнѣйшей точки зрѣнія, какъ помогаетъ Китъ въ переходахъ съ одного берега на другой Ивану, такъ онъ помогаетъ еще Өедору Тирону, или, что то же (см. выше), Егорью для борьбы со змѣемъ. Но въ похожденіяхъ Егорья по древней Руси трудно было сыскать море и кита: творчество выходитъ изъ затрудненія, заставляя Страөиль-птицу держать Кита въ когтяхъ, а самого Кита ожидать вожделѣннаго избавителя. Имя Кита, вмѣстѣ съ его тушею, постранствовало: или оно окрещено Титомъ; или изъ «Китъ-рыба,» «Китъ-рыбы,» явилось Китра, Китры, Китра-рыба:

К И Тъ-Р Ыбы
К И Т Р Ы-рыбы.

Изъ Китры сдѣлали Шатры, изъ Китра—Шатра, потомъ Сетра-рыбу, осетра, наконецъ Севру-рыбу, Севръ-рыба,—это уже севрюга, севрюжина. Егорій заставляетъ птицу выпустить рыбу, летѣть и питаться на морѣ «бѣлой рыбицей,» а рыбу напутствуетъ словами: «Ходи же ты, рыба, по синемъ мори!» Кушайте, православные, осетрину и севрюжину!

Но довольно Стиховъ. Воротимся къ Былинамъ.

Вотъ нѣсколько передѣлокъ въ именахъ, а вмѣстѣ и въ образахъ творчества.—Изъ прозвища древняго богатыря Яна, извѣстнаго борьбою съ быкомъ, Усменъ-швецъ (швецъ кожи и сыромятникъ), Малоруссы передѣлали Семенъ-швецъ, извѣстный въ ихнихъ пословицахъ («Зам.» при 4-мъ вып. Кир.).—Екимъ Ивановичъ, товарищъ и слуга Алеши Поповича, его паробокъ: изъ паробка передѣлано Торопка, а отсюда Торопъ, слуга и Алеши, и Добрыни. Можетъ быть у одного изъ нихъ былъ дѣйствительно Торопъ, упоминаемый и въ нашихъ лѣтописяхъ («Зам.» при 2-мъ вып. Кир.): по крайности нѣкоторыя былины соединяютъ и Екима, передѣланнаго въ Ефима, и «слугу», и паромка,—«Ефимка-слугу-паромка (у насъ № 13);» потомъ еще далѣе вы-

водятъ «Марка-н-паробка (Кир., вып. 2),» а сказки дѣлаютъ отсюда «Марышка-Паранова (Аѳан., вып. VI, № 59).»—Изъ «Чурилы сына Плёнковича» сдѣланъ въ нѣкоторыхъ былинахъ «Цыплёнковичь:»

С ЫнъП Л Е Н К О В И Ч Ь
Ц Ы П Л Е Н К О В И Ч Ь.

На томъ же основанiи, при Цыпленковичѣ, изъ Чурилы сдѣланъ Гусино, Гусинко:

ЧУРИЛО
ГУСИНО.

Этому отчасти вѣроятно способствовала и какая ни будь рукопись, ибо подобнымъ образомъ прочесть всего легче было въ рукописи. Рядомъ съ тѣмъ, вмѣсто Цыпленковичь или сынъ Пленковичь, является Щепленковичь, гдѣ творчество совершенно основательно, ибо Чурило отличался щепленьемъ, щегольствомъ.— Баба Латымирка, изъ Латырь-мiра, объяснилась позднѣйшему пѣвцу, когда онъ передѣлалъ ее во Владымерку, Владимiрку; она же, вмѣсто Латыгорки, отъ Латырь-горы, Латырь-камня, получила понятное имя Семигорки (у насъ № 64). Но въ послѣднемъ случаѣ вѣроятно у стараго пѣвца, отъ котораго перенялъ новѣйшiй, носилось еще представленiе о Семи-горахъ, или Седми-градахъ, о сторонѣ тѣхъ Карпатъ, изъ коихъ обыкновенно представлялись у насъ выходцы (съ Волыни, съ Галича, см. «Зам.» при 4-мъ вып. Кир.). И нужно прибавить, что здѣсь Славяне давно раздѣляютъ ошибку съ Нѣмцами: Мадьярское имя многихъ тамошнихъ мѣстностей, Szeben, дало имя Сибиню, подъ которымъ Южные Славяне знаютъ не только Германштадтъ, но и всю Трансильванiю, Нѣмцы же сдѣлали отсюда Sieben, Sieben-bürgen, въ Славянскомъ переводѣ Седми-грады и Семи-горы («Burg» то же по корню, что и «Berg»).—Въ той же былинѣ изъ «Михайла Потыка» и «Василья Долго-полаго Казимеровича» сдѣланъ «Михайло Долгомеровичь.»—Кстати о Потыкѣ, Михайлѣ Ивановичѣ. Какимъ образомъ изъ него сдѣланъ въ нѣкоторыхъ былинахъ «Касьянъ Михайловичь (Кир., вып. 3)?» Мы знаемъ уже, что подобныя передѣлки всего легче въ косвенныхъ падежахъ, особенно въ родительномъ; потому открываемъ

путь передѣлки, вспомнившіи родительный падежъ цѣлаго титула Потыкова:

«Михайлы ПотыКАСЫНА Ивановича»
КАСЬЯНА.

Когда такимъ образомъ передѣлано «сына Ивановича,» то отечество «Касьяну» выведено уже изъ имени Потыка—«Михайловичь.»— Иногда подобные пути творчества крайне замысловаты: такъ, вмѣсто мягкаго и ласковаго князя Владиміра, въ сказкахъ его роль, относительно Василисы Микуличны, играетъ Бархатъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.).—У Добрыни была шляпа или колпакъ «земли Греческой:» позабывши значеніе этого древнѣйшаго убора нашихъ дорожныхъ людей, пѣвецъ увѣряетъ, что у Добрыни, когда онъ купался, колпакъ былъ «насыпанъ земли греческой;» отсюда далѣе уже созданъ цѣлый мотивъ, что Добрыня, въ борьбѣ со змѣемъ, «нагребъ шляпу пѣску желтаго» и этой тяжеловѣсной шляпой убилъ змѣя (Кир., вып. 2.). И т. п.

Ознакомившись съ такими пріемами древняго творчества и признавши за ними полное право гражданства, мы попытаемся изъ нихъ же разъяснить цѣлыя картины и страницы, цѣлыя былины. Такъ на примѣръ одно изъ самыхъ загадочныхъ лицъ нашего древняго эпоса Владимірова есть Салъ Леванидовичь или Сауръ сынъ Ванидовичь съ сыномъ (Кир., вып. 3). Творчество былинъ, по всѣмъ признакамъ, изъ эпохи Владиміровой, изъ области Кіевской (въ обширномъ смыслѣ). Походъ въ дальну орду, Половецку землю, битвы противъ Татаръ, т. е. вообще восточныхъ и южныхъ инородцевъ: а съ другой стороны откуда-то является здѣсь Угличь, враждебный героямъ. Но Угличь терпитъ и отъ тѣхъ враговъ, кои названы Татарами: герой за нихъ «не мало у Кунгура царя силы порубилъ;» Угличамъ говорятъ въ упрекъ: «можно за то вамъ его благодарити и пожаловати, а вы его назвали воромъ-разбойникомъ, и оборвали съ него платье цвѣтное, и посадили въ погреба глубокіе.» Угличи, поступившіе такъ съ сыномъ, даютъ отцу подводы, какъ родные, одного роду-племени, а потомъ съ нимъ «заздорили, не пущаютъ его во Угличь градъ.» Отецъ и сынъ въ двухъ былинахъ мѣняются ролями: въ одной освобождаетъ сынъ отца, въ другой отецъ сына,—видно, что имя, коимъ означена былина, собственно принадлежитъ кому либо одному изъ нихъ. Встрѣтивши такія яркія странности, мы,

въ соотвѣтствіе имъ, идемъ къ тѣмъ эпизодамъ исторіи, которые весьма сжаты и кратки у самого лѣтописца, вѣроятно по отдаленности событія, а между тѣмъ заключаютъ въ себѣ, двумя-тремя словами, черты столь рѣзкія, что они непремѣнно должны были заинтересовать древнее эпическое творчество. Такова между прочимъ борьба, которую мы нѣкогда назвали не безъ основанія завязкою великой драмы, ибо она вывела на сцену Владиміра,—солнце-средоточіе нашего эпоса (см. «Зам.» къ I-й Ч. Рыбн. и къ 4-му вып. Кир.). Это дѣло — изъ за убійства Люта, сына Свѣналдова: мы нашли, что могила Ольга Святославича, здѣсь павшаго, *у Вручего*, отозвалась въ былинахъ объ Олегѣ Вѣщемъ и дала даже сему послѣднему имя *Святославичи*. Сынъ Свѣналда, Лютъ, изъ за котораго все это пошло, хотя и не очерченъ другими красками, но уже по одному этому игралъ видную роль: объ отцѣ, извѣстномъ даже и Византійцамъ, нечего и говорить. Имя отца крайне сбивчиво и въ самыхъ лѣтописяхъ: *Свѣналдъ*, *Свѣналъдъ*, *Свентелдъ*, *Исвѣнгелдъ*, *Свѣндель* и т. д.; остановимся на болѣе употребительномъ Свѣналдъ: но сбивчивость конечно еще болѣе должна была найти мѣсто въ творчествѣ устномъ. Сынъ же одинъ разъ только въ лѣтописи названъ *Лютъ*, а два раза просто по одному отчеству — Свѣналдичь: «Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, ишедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ и рече: «кто се есть?» и рѣша ему: «Свѣналдичь.» И заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ.» Вотъ почему отецъ послѣ мстилъ Олегу, твердилъ Ярополку « поиди на братъ свой, » довелъ его до братоубійства и чрезъ то вывелъ на сцену Владиміра, а вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ все поприще нашего древняго творчества. И такъ беремъ имя страннаго намъ героя:

СВѢНАЛДОВИЧЬ
СЫ НъвАНИДОВИЧЬ
САУРъвАНИДОВИЧЬ.

Можетъ быть одно изъ именъ Люта было однозначущее Сауръ, Суръ, герой (ср. «Зам.» при 4-мъ вып. Кир.), имя, весьма употребительное въ нашей древности (относится *сауръ* къ *суръ* также точно, какъ *кауръ*, *каурый* къ основному *куръ* въ словѣ *бѣлокуръ*). Но еще вѣроятнѣе, что это имя, какъ общеизвѣстное, употребилъ пѣвецъ, разлагая Свѣналдовича на двѣ части, по-

добно какъ сдѣлалъ изъ того же отчества «сына Ванидовича.» Какъ бы то ни было, изъ предыдущей сотни примѣровъ ясно, что такая передѣлка весьма была легка и возможна, особенно какъ прошло до насъ около тысячи лѣтъ. Итакъ, имя героя былины—Свѣналдовичь, разложенное на «Саура Ванидовича,» «Саура сына Ванидовича» или просто «сына Ванидовича.» Имя эго собственно принадлежитъ сыну: дѣйствительно, въ одной изъ двухъ, уцѣлѣвшихъ намъ былинъ, имя сбережено только одно, лицо названо одно, Сауръ Ванидовичь. Въ другой для обоихъ лицъ два особыя имени: какъ же они сдѣланы? Вмѣсто Сауръ болѣе знакомое Саулъ, вмѣсто Ванидовичь также болѣе привычное—Леванидовичь (ср. выше о крестѣ и лугахъ Леванидовыхъ). Это даже еще ближе къ Свѣналдовичу:

СВѢНАЛДОВИЧЬ
ЛѢВАНИДОВИЧЬ.

Только перестановлены звуки. При Саулѣ вышелъ сынъ Сауйловичь: а «Сауйловичь» и «Самойловичь,» мы знаемъ (см. выше), постоянно въ Стихахъ есть царь Константинопольскій или вообще восточный—Константинъ: и вотъ является имя сыну—Константинъ Сауйловичь. Теперь, выигравши по лѣтописи и былинамъ двухъ лицъ, равно извѣстныхъ, равно важныхъ для древности, отца съ сыномъ, Свѣналда и Свѣналдовича, оставимъ въ сторонѣ и имена ихъ, и различія, тѣмъ болѣе, что, повторяемъ, въ былинахъ то отецъ спасаетъ сына, то сына отецъ, и герой сливается изъ двухъ одинъ; быть можетъ, когда ни будь одинъ и спасъ другаго, а былина сохранила намъ эту черту, опущенную въ лѣтописи: но не въ томъ дѣло. Посмотримъ лучше, какія важныя событія связаны въ лѣтописи съ этими лицами. Одно мы уже указали—убіеніе Свѣналдича и возникшая отсюда драма; другое, не менѣе замѣчательное, сейчасъ увидимъ. За тридцать лѣтъ до убіенія Свѣналдовича, 945 года, у Нестора читаемъ ропотъ дружины Игоревой: «Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази! Поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы!» «Вонъ, молодцы-то у Свѣналда набрались добычи, разодѣлись и оружьемъ и одёжами, а мы наги! Ну-ка, поди, князь, съ нами собирать также дань, чтобъ и тебѣ добыть, и намъ!» Ропотъ былъ такъ силенъ, что Игорь пустился съ дружиной по дань къ Деревлянамъ и тамъ

сложилъ голову: конецъ такой же драматическій, вызвавшій такую же месть Ольги, какъ Ловъ Свѣналдича, выше помянутый, вызвалъ смерть его, месть отца, борьбу Ярополка съ Олегомъ, кончину этихъ обоихъ князей. Опять событіе, равно важное, равно впечатлительное для памяти былеваго творчества: не диво, если отъ всего этого былина убережетъ намъ двѣ-три черты, какъ отрывокъ цѣлаго сказанія, сопровождавшаго роковыя лица Свѣналда и Свѣналдича, связанныя съ такими крупными и бѣдственными событіями. Что же это за добыча Свѣналда, которой позавидовала дружина Игорева? Несторъ пропускаетъ этотъ эпизодъ, сохраненный для насъ другими лѣтописями (Никоновская, Воскресенская и т. п.). Игорь подарилъ передъ тѣмъ своему любимому воеводѣ Свѣналду дань Деревскую, да подарилъ и еще, дань далекую. А именно. «И бѣ у него (Игоря) воевода именемъ Свенътелъдъ, и премучи (примучи; оружіемъ привелъ въ подданство, обычное выраженіе) Оуглецы (Угличи), и возложи на нихъ Игорь дань (на ня дань Игорь), и вдасть (даде) Свенътельду.» Игорь налагаетъ дань здѣсь въ смыслѣ только верховнаго и великаго князя, признающаго фактъ покоренія и утверждающаго количество подати; собственно покорилъ, привелъ въ дань или, что то же, сдѣлалъ подданными Свѣналдъ, за что и получилъ эту дань въ даръ. А такъ какъ къ этому еще присоединялась и дань Деревская, то дружина великокняжеская возопила—«се далъ еси единому мужеви много,» зароптала, принудила Игоря итти самого еще за данью, и прочее, что разсказано уже Несторомъ. Такъ вотъ они Угличи, поминаемые въ былинахъ! Это самая южная и далекая изъ Русскихъ вѣтвей тогдашняго народнаго строя, жившая при низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра. До Свѣналда она не была еще «примучена» подъ власть объединявшихъ Русскихъ князей и встрѣчается, какъ пара, обыкновенно съ другою вѣтвію—Тиверцами. Племенная вѣтвь обширная, сильная, связанная по мѣсту поселенія всего ближе съ Греками и Южными Славянами, съ развитою по тому времени гражданственностью. У Нестора о разселеніи Южныхъ Славянъ: «а Улучи (Улутичи), Тиверьци сѣдяху по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру), присѣдаху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру) оли до (даже до) моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь (Скитія).» Потомъ: «и бѣ обладая Олегъ (вѣщій) Поляны и Деревляны, Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци (Тиверь-

ци) имяше рать.» О походѣ Олега (вѣщаго) на Грековъ: «поя... Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины (слово, требующее особыхъ объясненій, на которыя нѣтъ времени), си вси звахуться Великая Скуоь (значитъ, Тиверцы были уже примучены, Угличи еще нѣтъ).» То же о походѣ Игоря: «совкупивъ вои многи... и Тѣверьцѣ (Тиверци; Тиверецa.), и Печенѣги (опять Угличи еще не покорены).» Наконецъ Свѣнaлдъ покоряетъ ихъ. Теверцы или Тиверцы — Днѣстряне, жители Днѣстра, отъ древняго имени рѣки Турасъ или Тюрасъ (*Τύρας*, Tyras; *у* или *ю* переходитъ въ *ев—*, *ру—*, *рю—*, *рев-ъть:* Товер-цы). Ихъ сосѣди, Угличи, не даромъ въ разнорѣчіяхъ Нестора помѣщаются и на Днѣпрѣ; они тамъ жили прежде, потомъ перешли на Днѣстръ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, изъ коихъ мы выше привели свидѣтельство о Свѣналдѣ: «и бѣша сѣдяще Оуглици (Угличи) по Днѣпру внизъ, и по семъ приидоша (преидоша) межи вои (воин) Днѣстръ и сѣдоша тамо (перешли промежутокъ и сѣли на Днѣстрѣ).» Изъ городовъ ихъ, о коихъ поминаетъ Несторъ, особенно извѣстенъ Пересѣченъ или Пересѣчень: онъ, какъ завоеванный Кіевскими князьями, упоминается послѣ по городовымъ росписямъ въ числѣ Кіевскихъ; поминаютъ о немъ и позднѣйшіе Молдаво-Волошскіе (т. е. собственно Болгарскіе, средняго Болгарскаго государства) государи, въ XV вѣкѣ. Ю. И. Венелинъ, незабвенный ученый, нашелъ его нынѣ какъ многолюднѣйшее село Бессарабія (нынѣ тамъ станція), самъ обънзслѣдовалъ всю мѣстность, открылъ слѣды, что онъ и до того не разъ перемѣнялъ мѣстность, наконецъ убѣдился, что весь тотъ край дѣйствительно образуетъ Уголъ, откуда и Татары называли его «Буджакъ,» что̀ значитъ «уголъ:» вотъ откуда имя Угличей (Венелинъ, «Влахо-Болгарскія грамоты,» 1840 г.; что къ представленію «угла» присоединялись и нѣкоторыя еще другія представленія, а къ Угличамъ равно шло имя и «Уличей,» и «Улутичей,» объ этомъ скажемъ при случаѣ въ другомъ мѣстѣ; теперь остановимся пока на этомъ). Остается намъ сравнить съ этими свѣдѣніями и другими словами лѣтописей показанія былинъ.

1.) Былина. Отецъ «накопилъ силушки себѣ многое множество, накопя онъ силушки въ походъ пошелъ...; поѣхалъ за море синее (къ морю); въ дальну орду, въ Половецку землю, брать дани и невыплаты:» моремъ и Половцами (каковы были Лукоморскіе) означенъ южный край, прилегавшій къ морю; за данями, какъ именно

и пошелъ Свѣналдъ. 2) Въ походѣ туда же сынъ бьется съ «Татарами:» это древніе Печенѣги, которые и убили потомъ въ порогахъ Святослава (Свѣналдъ живъ былъ и при Святославѣ, и при его дѣтяхъ; ср. выше убіеніе Свѣналдича). Мы говорили уже, что за это пособіе противъ Печенѣговъ упрекалъ отецъ Угличей, такъ что племя ихъ представляется врагомъ Печенѣговъ и роднымъ герою. 3) По былинамъ, Угличи ни съ того, ни съ сего, захватили по однимъ отца, по другимъ сына; потомъ дѣлаются явными врагами: «городъ Угличь крѣпко заперли и забѣгали на стѣну бѣлокаменну...; а и тутъ мужики Угличи съ нимъ со царемъ (отцемъ) заздорили, не пущаютъ его во Угличь градъ.» Лѣтопися: «и примучи Оуглеми... и не дадеся єму єдинъ градъ, именемъ Пересѣченъ.» 4) Былины: «подходитъ онъ къ царству Сорочинскому; увидали старики Сорочинскіе, они дѣлали сходки все великія...; старики тутъ вмѣстѣ сходилися, они думали думу единую (много время въ думѣ, въ сходкѣ, въ переговорахъ).» Лѣтопися: «и сѣде около его (города) три лѣта, и едва взя й (взять его).» 5) «Царь Саулъ Леванидовичь приказалъ казнить и вѣшати, которые мужики были главные во Угличѣ:» послѣдствіе долгаго упорства и рѣшительнаго покоренія. 6) «Тутъ десятники засовалися, бѣгають они по Угличу, спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича: и которыя подъ царя пригодилися, и проѣхалъ тутъ онъ царь Саулъ во свое царство въ Альберское...; и садилися тутъ (послѣ казни) на свои добры кони, поѣхали во свое царство въ Альберское:» выраженіе подданства, въ которое вступили Угличи, потомъ по завоеваніи возвращеніе воеводы домой. 7) «А и отдали (Угличи)... его платьице царское, цвѣтное, наряжался онъ младой Константинушко Сауловичь въ тое свое платье царское, цвѣтное:» описаніе богатства даней, которому позавидовала и дружина великокняжеская. — Дальнѣйшія мелкія подробности, запутавшія собою былину, вставлены или переиначены конечно послѣ; что же касается до эпизода объ освобожденіи при этомъ отъ Угличей схваченнаго то отца, то сына,— это могло и быть въ самомъ дѣлѣ, и потому же осада могла длиться долго, могло и не быть, а вставлено въ эпическій разсказъ на основаніи помянутой гибели Свѣналдича и мести отца. Во всякомъ случаѣ разсказъ объ отношеніяхъ отца къ сыну дополняетъ скудныя лѣтописныя свѣдѣнія о Свѣналдѣ и Свѣналдичѣ. Мы думаемъ такимъ образомъ, что, начавъ съ мелочей, мало по малу вскрыли въ были-

вомъ творчествѣ цѣлый любопытный эпизодъ со связію исторической и лѣтописною.

Переходомъ къ дальнѣйшему возмемъ обѣщанное объясненіе о Соловьѣ-разбойникѣ, именно то обстоятельство, что онъ въ настоящей части Сборника названъ Рахмановичь, «птица Рохманиная.» — Рохманный значитъ нынче «вялый, смирный, простой.» Но по всему видно, что та птица была не смирная: она укрощена и смирена также точно, какъ Страоиль, а прежде того она однимъ посвистомъ побивала людъ Русскій. Подъ именемъ Рахмане (откуда и многочисленныя фамиліи «Рахмановъ,» «Рохмановъ,» «Рахманиновъ» и т. п.) всегда извѣстны были у насъ Врахмане (по греческому произношенію *в* вмѣсто *б*) или Брахмане, т. е. Брамины, одна изъ главныхъ кастъ въ Индіи; по имени ихъ называлась часто въ древности и вся Индія, подобно какъ у Славянъ «Чехы,» «Ляхы» вмѣсто Чехіи, Польши. Нѣтъ ничего забавнѣе, когда наши миеографы, столь щедрые на миеическія воззрѣнія и увѣряющіе, что народъ доселѣ живетъ ими, съ другой стороны и въ противорѣчіе самимъ себѣ подобныя всѣ преданія и имена объясняютъ выпискою изъ какихъ нибудь рукописей XIV — XVII вѣка. Странно представить, чтобы народъ, языкъ коего изъ всей семьи языковъ Индо-европейскихъ, составляя пару съ Литовскимъ, самый близкій къ языку Ведъ и потомъ къ языку собственно-браминскому, Санскритскому, сохранивши на лицо слѣды этой близости, не сохранилъ бы воспоминаній, именъ, названій. Правда, послѣ этой прародины, народъ нашъ въ семьѣ обще-славянской жилъ рядомъ и за одно съ Греками, во Ѳракіи и Дакіи, по Черному морю и Дунаю: но онъ двинулся отсюда къ нынѣшнимъ сѣвернымъ поселищамъ именно въ эпоху самой блестящей славы Александра Македонскаго, когда снова для племенъ Индо-европейскихъ, покинувшихъ Гималайскую прародину, открылся Востокъ во всемъ блескѣ. Съ той поры начинаются тысячи преданій, сказаній и рукописей о дѣяніяхъ Александра, а между ними о Браминахъ, Индіи. Впечатлѣніе на народы было такъ велико, что когда Славяне ушли съ прежнихъ поселеній на новыя и потомъ приняли грамоту, то однимъ изъ первыхъ любимыхъ сочиненій ихъ и чтеній были средневѣковыя сказанія объ Александрѣ, у Поляковъ начинающія исторію, у Чеховъ извѣстныя по рукописямъ первой половины XIV вѣка, у насъ изъ той же самой эпохи (о Рахманахъ въ но-

еланія архіепископа новгородскаго Василія). Съ появленіемъ книгопечатанія спѣшатъ эти сказанія тискать въ станкахъ. Въ XV-мъ вѣкѣ проникаетъ въ Индію нашъ купецъ Аѳанасій Никитинъ, конечно не безъ слѣдовъ предшествующихъ, и оставляетъ описаніе путешествія. Въ новѣйшее время всѣми порядочными филологами и археологами Славянскими горячо принимается къ сердцу изученіе языка древней Индіи. Въ устныхъ народныхъ былинахъ мы безпрестанно встрѣчаемъ «Индѣю богатую,» какъ задній планъ, съ котораго появляются богатыри въ Кіевѣ. Если и здѣсь почтенные мнеографы видятъ одно только заимствованіе изъ рукописей, то вѣроятно они не скажутъ того же, когда, на примѣръ, въ Червонной Руси, на Волыни и Подольѣ, называютъ торжество «Правой Середы (на 4-й недѣлѣ по Пасхѣ)» «Рахманскимъ Великоднемъ (Свѣтлымъ Праздникомъ, подобно какъ Аѳанасій Никитинъ называлъ Элорскій храмъ Индійскимъ Іерусалимомъ),» увѣряя, что торжество осталось отъ Рахмановъ, нѣкогда жившихъ въ той сторонѣ (Максимовичь, «Дни и Мѣсяцы,» Р. Бес.): память объ общемъ корнѣ, съ котораго пошли Славяне.—И такъ вотъ откуда нашъ Соловей-разбойникъ по своему происхожденію. Выходя оттуда, онъ потомъ, вмѣстѣ съ другими образами и началами, переходитъ къ намъ съ Чернаго моря и перевозится черезъ Дунай: дочь его служитъ перевозчицей, когда Илья ѣдетъ съ захваченымъ отцемъ (см. 1-й вып. Кир). Потомъ Соловей помѣщается между Черниговомъ и Кіевомъ, потомъ привозится въ Кіевъ и здѣсь уже разбитъ въ крохи: совершенно тотъ же путь видѣли мы для Идолища, Тугарина, Волота, образовъ Голубиной Книги и Стиха объ Егоріѣ. И, какъ тамъ же, Соловей дѣлается родственникомъ всѣхъ древнѣйшихъ языческихъ началъ и прототипомъ всѣхъ враговъ для сложившейся Руси: отсюда его отчество Одихмантьевичь, одинаковое со старшимъ богатыремъ Сухманомъ (Рыбник., Ч. I), потомъ, примѣнительно къ восточнымъ врагамъ, Ахматовъ, Ахматовичь, передѣланное наконецъ, по имени козаковъ-кравшниковъ, въ Атамановича (Кир., вып. 1). Слово о Полку Игоревѣ беретъ тотъ же образъ, отъ Соловья, когда говоритъ о побѣдѣ Святослава надъ Кобякомъ Полоцкимъ, — «а поганаго Кобяка изъ луку моря (Сурожскаго лукоморья) отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли; ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава

поютъ славу Святославлюс: сравните, какъ Илья выхватилъ Соловья изъ гнѣзда, привезъ на дворъ къ князю и грянулъ объ землю; «теперь-то,—говорятъ былины,—Соловью славы поютъ (объ его гибели), тутъ-то узнали стараго казака, стараго казака Илью Муромця, по всимъ землямъ, по всимъ ордамъ, по всѣмъ чужіимъ дальніимъ сторонушкамъ.» Такимъ образомъ, рядомъ съ царствомъ Идольскимъ, для обозначенія царства невѣрнаго и поганаго, эпохи языческой и доисторической, мы получаемъ, сверхъ упомянутаго Кудріянскаго и Рахлейскаго, еще Рахманское, и вмѣстѣ исправляемъ ошибку тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые смѣшали послѣднее съ «Рахлейскимъ *).»—Но замѣчательно еще, что Соловей называется кромѣ того «Алатырецъ некрещеный,» указывая тѣмъ на другой путь, отъ Балтійскаго моря, и мы коснулись уже преданія о древнѣйшемъ «Соколѣ караблѣ,» на которомъ послѣ явился къ Кіеву другой Соловей (Будиміровичь), тотъ же разбойникъ, только не сухопутный, а морской, подошедшій къ Руси сушею также точно, какъ камень Алатырь съ моря залегъ на перекрестки (см. выше и «Зам.» къ 3 и 4-му вып. Кир.). Въ самомъ дѣлѣ, сходство обоихъ Соловьевъ поразительно, не смотря на то, что Будиміровичь, пройдя родственную Руси страну Поморскихъ Славянъ, смягчился, похорошѣлъ и принялъ образы кровные, даже пышные: какъ Соловей сухопутный съ дуба, такъ Будиміровичь отправляется къ Кіеву «изъ подъ дуба,» и даже «съ лукоморья,» подобнаго Черному и Сурожскому; онъ дѣлаетъ въ Кіевѣ дивныя постройки (теремовъ), какъ Соловей-разбойникъ, начало чуждое и дальнее, предлагалъ быть «строителемъ» для Руси; также точно онъ богатъ и также Русь польстилась было на его богатства; онъ хочетъ увезти Запаву, представительницу, какъ всѣ женщины, податливой стороны народнаго сознанія («Зам.» къ 4-му вып. Кир.), Запаву, которую уносилъ и Змѣй, и чуть было ему не отдали, да она сама вышла навязчива (см. I Ч. Рыбник.) и дѣло разстроилось: Соловей-разбойникъ также хотѣлъ привлечь на свою сторону расположеніе Руси, пока Илья не возсталъ рѣзко и не убилъ Соловья-разбойника, какъ убилъ Идолища или Добрыня убилъ Тугарина, разсѣлившихся въ Кіевѣ, любившихъ нашу женщину, клавшихъ ей руку въ пазуху. Если же Будиміровичь благополучно вер-

*) Буслаева «Историческіе Очерки,» т. I стр. 437.

нулся и, по другимъ былинамъ, женился на Западѣ, то это, говоримъ, слѣдствіе того, что онъ помолодѣлъ сравнительно съ сухопутнымъ и сроднился съ нами через Поморскихъ Славянъ.—Замѣтьте, что подобное двойство образовъ проникаетъ у насъ всюду, даже въ былевыя сказки: такъ Еруслань, дѣйствуя на Востокѣ, подвизается тою же порою въ Поморскомъ Штетинѣ; Бова отданъ равно и царству Задонскому, Армянскому, и Гданску (Данцигу; «Зам.» при 4-мъ вып. Кир.). Мало того: какую роль играетъ «море Волынское (Балтійское),» ту же и Волынь относительно Кіевской области, и она двоитъ наши образы: сравните Дюка и Чурилу, Залѣшанъ и Збродовичей, и тому подобныхъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.). Объяснить это двойство, а въ срединѣ двойства посредствующіе образы Соловья, Идолища, Тугарина и тому подобныхъ, переведенныхъ въ Кіевъ, совпавшихъ даже съ историческими именами и лицами, но по происхожденію несравненно древнѣйшихъ,—вотъ задача, исполненная нами въ изслѣдованіи, которое за симъ печатается и къ которому предыдущіе наши очерки были только необходимымъ и простѣйшимъ подготовленіемъ. А пока мы предлагаемъ эту задачу благосклонному вниманію нашихъ историографовъ и заранѣе увѣрены, что они рѣшатъ ее, если только, вопреки обычая, снизойдутъ къ любопытнымъ и вмѣстѣ труднымъ вопросамъ, касательно Волыни и Волынскаго моря—перенесеніемъ отъ Скандинавовъ, касательно Чернаго, Азовскаго моря и Подунавья—перенесеніемъ шедшихъ тѣмъ путемъ рукописей отъ Южныхъ Славянъ и Византіи. Увы, на бѣду этихъ ученыхъ: по законному пути всякой исторіи печать слѣдуетъ за рукописями, рукописи за устными сказаніями и устнымъ творчествомъ, а все это за самобытнымъ сложеніемъ народа изъ стихій доисторическихъ. Одно изъ доказательствъ тому находимъ въ былинахъ и сказаніяхъ, къ которымъ въ слѣдъ за симъ переходимъ.

Мы разумѣемъ превосходныя былины, въ первые для Русской литературы отысканныя П. Н. Рыбниковымъ и у насъ напечатанныя, о Саламанѣ и Саламаніи, съ дополненіемъ отрывковъ о дѣтствѣ того же Саломона или Саламана. Имъ соотвѣтствуютъ въ средневѣковыхъ западныхъ литературахъ распространенныя сказанія о Саломонѣ и Морольфѣ, Марнольфѣ, Маркульфѣ, Маркулѣ и т. п., не только рукописныя прозою, но, особенно у Нѣмцевъ, даже стихотворныя поэмы, только записанныя или

передѣланныя съ устныхъ сказаній, изданныя и объизслѣдованныя особенно Гагеномъ и Я. Гриммомъ. Въ Польской и Чешской литературѣ эти сказанія также извѣстны. Въ послѣдней особенно передалъ стихами, по рукописямъ XV вѣка, эпизодъ Артурова цикла о Тристранѣ (изд. Ганкою и потомъ Шафарикомъ), гдѣ лицо Морольта или Маркульфа раздвоилось на Марка и врага его Морольта, Тристрамъ же занимаетъ среднюю роль, то спасая Марка отъ Морольта, то самъ какъ врагъ или нашъ Василій Окульевичь подбиваясь къ женѣ Марка и терпя отъ того бѣды, вообще же дѣйствуя какъ лицо, среднее между обоими, въ родѣ нашего Таранашка. Въ изданіи Сербскихъ сказокъ Караджича также находимъ преданія, близкія къ напечатаннымъ нами. На Руси же есть слѣды извѣстности ихъ съ XIV вѣка и потомъ многочисленные однородные эпизоды въ рукописяхъ до самаго позднаго времени (ср. Пыпина, «Очеркъ исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ;» также 3-й вып. «Пам. старин. Р. литер.»). Но какъ иностранные лучшіе ученые, такъ и всякой добросовѣстный изслѣдователь Русскій, приходятъ къ тому, что надъ рукописными памятниками поднимается гораздо высшій слой народныхъ устныхъ произведеній, гдѣ творчество дѣйствовало по отдаленнѣйшимъ, даже доисторическимъ, преданіямъ, относительно которыхъ рукописи скорѣе представляютъ искаженія. Наше изданіе даетъ тому примѣръ. Образы и мотивы, здѣсь переданные, восходятъ къ самымъ исконнымъ представленіямъ языческаго человѣчества и первымъ ступенямъ жизни Индо-европейской, хотя и обставлены позднѣйшими историческими именами или пріемами слагателей, передававшихъ письменно устную основу творчества. Въ самомъ дѣлѣ, рожденіе и воспитаніе Соломона, его отношенія къ отцу и матери, разгадка загадокъ, потомъ исторія похищенія его жены и мести за нее, все это встрѣчаемъ на первыхъ порахъ миѳологіи, въ первыхъ памятникахъ народнаго творчества, на первыхъ страницахъ исторіи. Приведемъ примѣры, ближайшіе къ нашему дѣлу.

Исторія человѣчества въ его языческой эпохѣ, когда слагался языкъ или народы, началась съ той минуты, когда оказалось двойство въ первомъ, нѣкогда дѣвственномъ, языческомъ божествѣ, или, что то же, въ основѣ языческаго сознанія: зашевелилось, двинулось. Склонность къ развитію выражалась половиною, поломъ: является женщина, богиня какъ жена; она

готова родить существо третье. Но обособившаяся другая половина ея, мужъ, становится началомъ охранительнымъ, пріобрѣтаетъ значеніе противуположности, сдерживаетъ развитіе, не допускаетъ новыхъ организмовъ. Шагъ женщины къ положенію матери представляется грѣхомъ, преступленіемъ: ребенокъ собственнымъ появленіемъ на свѣтъ есть уже обличеніе, обличитель. Онъ растетъ украдкой, спрятанный отъ отца, отъ бога, который дѣлается уже старымъ, и, по мѣрѣ роста въ новомъ, тѣмъ болѣе на него гнѣвается, раздражается, преслѣдуетъ, мститъ. Когда юноша подросъ, онъ заслоняетъ значеніе сына и представляется любовникомъ богини: съ нимъ измѣняетъ она мужу. Тѣмъ самымъ двоится и новый богъ: какъ ребенокъ, какъ сынъ, онъ обличаетъ преступленіе матери, ищущей связи съ юношею. Въ эту минуту и сама мать пріобрѣтаетъ гнѣвность: прежняя доступная, склонная, она теперь также начинаетъ на юнаго бога, какъ на сына, свои преслѣдованія. Начинаетъ казаться, что измѣнилъ женѣ самъ старый богъ, что сынъ есть порожденіе его преступной связи. Съ тѣмъ вмѣстѣ является женщина вторая: она есть собственно половина юнаго бога, той стороною, какою онъ еще обращенъ къ старинѣ и вышелъ оттуда благодаря женственной пассивности. Потому новая богиня, эта вторая женщина, съ самаго начала имѣетъ въ себѣ двойственность: она или дѣва, и въ такомъ значеніи служитъ предметомъ посягательствъ стараго бога, или предметомъ исканій новаго, какъ его невѣста; но сурова, строга, недоступна какъ старый богъ, гнѣвна какъ онъ же или какъ разгнѣванная мать ея; мы видѣли эту дѣву по нашимъ сказкамъ («Зам.» къ 4–му вып. Кир.), старшую половину Василисы, Елену или Анну Прекрасную, искомую невѣсту юнаго Ивана, но грозную, но похожую на отца ея или на гнѣвную ея мать, потомъ постепенно перешедшую въ сестру, которая мѣшаетъ брату достигнуть брака съ невѣстой. Это бородатая Афродита, Venus barbata, или дѣвственная и дикая сестра Аполлона Артемида, и т. п. Другая половина Василисы—подъ собственнымъ ея именемъ, невѣста идущая къ браку, склонная сдѣлаться женою и наконецъ сбывшаяся такою. Но это заключеніе, соединенное съ представленіемъ истиннаго брака, то есть цѣломудреннаго, то есть такого, въ которомъ есть и рожденіе новыхъ организмовъ, и дѣвственная сдержанность, вѣрность, дается не скоро. Женщина или поддается, какъ сказали мы, старому богу, или, сочетавшись съ новымъ, повторяетъ исторію матери,

податливи, на измѣну, склоняется на сторону, обличается собственными дѣтьми, родившимися отъ такъ называемаго нынѣ законнаго брака, преслѣдуетъ ихъ, навлекаетъ борьбу мужу съ посторонними образами и лицами, вторгающимися въ его долю. Отличіе отъ первой ступени, перваго начала исторіи, то, что здѣсь расширена уже область; не двое, но трое, — здѣсь видите сторону, постороннихъ. Основныя начала, нами очерченныя, повторяются и видоизмѣняются на тысячи ладовъ: имъ отвѣчаютъ и тысячи образовъ миѳологіи, какъ выраженіе событій человѣческаго сознанія. Всякой можетъ повѣрить ихъ по образцамъ послѣдующаго поэтическаго творчества. Однако до этой внѣшности, и такъ сказать историчности именъ и событій, доводитъ путь еще длинный. Прежде яснаго выраженія и творческаго образа, всѣ шаги и ступени очерченнаго нами пути сопровождалась для древняго человѣка загадкою: шагъ къ новому началу, отодвинувшееся въ глубь начало старое, сплетенія и переходы поступательнаго развитія, все это было конечно загадочно само по себѣ. Камень, данный Кроносу женою, чтобъ проглотить вмѣсто народившагося сына, былъ для Кроноса тою же загадкой, которую не отгадалъ онъ и тѣмъ далъ вырости сыну; мать, породившая сына, и потомъ гнѣвная на порожденіе и доступная въ то же время взрослому юношѣ, опять загадка; загадка и явившаяся дѣва, какъ явилась напримѣръ Василиса нашему Ивану въ образѣ утки или лебедя, перекинулась женщиною, но до времени брака опять вымолила себѣ покровъ, сорочку. Съ поступаніемъ творчества эта загадочность существа, самого дѣла, получаетъ форму загадки словесной. Такого рода загадки, въ выраженіи, въ формулѣ, даетъ новому богу разгнѣванный старый, на примѣръ Морской Царь нашему Ивану, и горе, если онъ не отгадаетъ, и только Василиса помогаетъ ему; ихъ же даетъ Ивану невѣста, грозная Анна Прекрасная, какъ условіе къ достиженію брака; ихъ же, въ видѣ неисполнимыхъ порученій, даетъ ему сестра, чтобы помѣшать браку; ихъ же, позднѣе, задаетъ у насъ Февронія ищущему ее жениху, и т. п.: ихъ же увидимъ въ исторіи Саломона, какъ его притѣсненіе. И на оборотъ, тѣ же загадки загадываетъ всякое новое существо и событіе старому, и гибнетъ старое, разгаданное новымъ или не понявшее возраженій новаго. Каждый новый шагъ дѣлаетъ пройденное загадкою и каждая такая загадка разрѣшается новымъ, и новое является съ этой стороны разрѣшителемъ, спасителемъ, свободителемъ, въ свою очередь под-

падая тому же условію при развитіи дальнѣйшемъ. Эдипъ разрѣшилъ загадку Сфинкса, и самое разрѣшеніе—«человѣкъ»—было загадкою, погубившею Сфинкса. Только заключеніе пути даетъ окончательный смыслъ предшествовавшему развитію: дотолѣ, въ самомъ двойствѣ источникъ загадки, или, перейдемъ къ новому понятію,—источникъ отрицанія. Старое обращается къ новому стороною отрицательной, новое къ нему тѣмъ же. Это одно и то же существо, одна и та же величина, только съ плюсомъ или минусомъ: различить то и другое можетъ только третье, возникающее изъ двойства, посредствующее и заключающее. Такъ на примѣръ нынѣшнее наше сознаніе можетъ придать одному смыслъ положенія, другому отрицанія. Но сознаніе наше есть произведеніе длиннаго пути развитія. Какова же была трудность рѣшенія, когда само сознаніе еще вырабатывалось къ единству и цѣльности, когда само оно было поприщемъ развитія, вмѣстилищемъ двойства, и только шло еще къ цѣльности духа? Зло и отрицаніе, понятое въ послѣдствіи какъ условіе и ограниченіе развитія, въ ту отдаленную эпоху для древняго человѣчества вырабатывалось въ представленіяхъ съ крайнимъ трудомъ: то было все новое относительно стараго, все старое относительно новаго. Злое, гнѣвное, отрицательное начало было же нѣкогда добрымъ, милостивымъ, положительнымъ, и обратно—доброе становилось злымъ относительно прошлаго и ожидало себѣ той же участи превращенія, какъ старое: здѣсь лежалъ источникъ долговременной борьбы, пока; послѣ пройденнаго поприща пути, не раздѣлилось яснѣе зло отъ добра, не обозначились духи, потерявшіе божественное свойство, низведенные въ мракъ, въ адъ, въ забвеніе. Но опредѣлить ихъ, назвать было не легко въ скоромъ времени, такъ же не легко, какъ божествамъ дойти до даймоновъ или демоновъ, а симъ послѣднимъ до человѣческихъ образовъ, сперва до полубоговъ, до героевъ, потомъ до простыхъ смертныхъ. Это были уже помянутыя стороны сознанія, когда оно прошло срединное развитіе зерна и получило способность многосторонности. Борьба, веденная прежде внутри единаго и раздвояющагося божества, потомъ между сторонами раздвоившагося, потомъ между богами разныхъ слоевъ, опредѣлявшихся то добрыми, то злыми, перешла уже позднѣе въ область существъ демоническихъ, каковы на примѣръ знаменитые Кентавры или наши Полканы. Что совершалось въ сознаніи человѣка и выражалось послѣ миѳомъ, то же воплощалось въ самой жизни его, при всѣхъ ея вопросахъ:

на примѣръ помянутыя отношенія, подъ образами дѣвственности, склонности къ рожденію, измѣны, преступленія ложу, брака, — всѣ они имѣли мѣсто въ развитіи дѣйствительной семьи человѣческой. То, что выражала собою Анна или Елена Прекрасная, перешедшая въ злобную сестру Ивана, потомъ примиренная въ его женидьбѣ, то же было образомъ и родственныхъ всѣхъ отношеній при расширеніи круга жизни, то же повторялось и въ родовомъ бытѣ племени (см. «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). Въ самомъ дѣлѣ, бытъ племени, какъ и человѣка, слагался по тѣмъ же началамъ, слѣдуя тому же процессу, который совершался въ сознаніи: отъ однообразія пастушескаго, чрезъ многообразное блужданіе кочевья, до осѣдлости, до городовъ и гражданства. Какъ вокругъ первоначальной пары божествъ съ появленіемъ юнаго третьяго образовались стороны, области многихъ божествъ, потомъ области высшихъ, собственныхъ божествъ, и области низшихъ, даймоновъ, полубоговъ, героевъ, наконецъ человѣка; какъ вокругъ сосредоточивавшагося семейства располагался родъ, со ступенями перехода къ средоточію: такъ точно вокругъ каждаго рода-племени располагались другіе роды-племена, мало по малу обособлявшіеся въ народъ: это были стороны, страны, на нашемъ древнемъ языкѣ однозначущія съ первобытнымъ видомъ языка и народа; наконецъ также точно вокругъ осѣдающаго, гражданствующаго начала бродили еще кочевыя, искавшія себѣ средоточія. Тѣ же на сихъ путяхъ развитія были столкновенія, шла та же борьба, также выработывались представленія объ отрицаніи, о злѣ. Какъ боги боролись изъ за богинь, полубоги изъ за полубогинь, герои изъ за героинь, люди изъ за женщинъ: такъ сталкивались и роды-племена, и тогдашніе народы. Позднѣйшее творчество, на примѣръ эпическое, вступившее въ слѣдъ за творчествомъ миѳа, пересказывало эту борьбу тѣми же однородными образами. Цѣлые quasi-народы, то поднимаешіеся, то столь же быстро расплавлявшіеся на стихіи въ эту доисторическую эпоху борьбы, представлялись то въ распущенномъ блужданіи, то въ дѣвственномъ амазонствѣ, то въ половинчатыхъ фигурахъ Кинокефаловъ или Кентавровъ и т. п. Они похищали другъ у друга женщинъ, вели за то войны; они загадывали другъ другу загадки: не отгадаютъ—покорятся, отгадаете—покоряйте. Первобытныя сказанія наполнены этою quasi-исторіей, повѣстью доисторическихъ переворотовъ. Разгадка всему дана была тогда лишь, когда опредѣлилось единство сознанія, сознано средоточіе духа:

понятіе о подлинномъ человѣкѣ выработалось въ одно время съ понятіемъ о Богѣ истинномъ. Семейство за одно явилось съ міромъ-народомъ, такой же миръ для родства, какъ народъ есть миръ для рода-племени, какъ осѣдлость есть цѣль, мѣра и межа относительно кочевья, пашня относительно пастбищъ. Міръ словеснаго творчества есть такой же миръ для предшествовавшихъ ему стихій; какъ міръ исторія относительно борьбы началъ доисторическихъ. Но и здѣсь, какъ предыдущее разгадалось только послѣдующимъ, такъ и все послѣдующее можетъ являться загадкою, если мы не будемъ допытываться до предыдущаго. Былины, сказанія, сочиненія о Саломонѣ и Саломоніи, Саламанѣ и Саламаніи, въ томъ видѣ, какъ они занимаютъ насъ, вытекая изъ всей предшествующей эпохи творчества, тѣмъ самымъ загадочны безъ ея разъясненія, и потому для пониманія, для цѣльности воззрѣнія, обязаны мы разсмотрѣть вкратцѣ стихіи, послужившія имъ началомъ, а окрѣпшіе образы и выраженія творчества разложить на стихіи первородныя.

Возмемъ Грецію. Тамъ есть сотня миѳовъ, однозначущихъ съ преданіями о Саломонѣ и Саломоніи. Они не такъ еще ясны по отношенію къ нашему предмету, если возмемъ средоточіе греческихъ воззрѣній: но, какъ скоро нѣсколько расширимъ область, возмемъ облежащія стороны, сношенія Греціи съ Востокомъ, въ особенности съ Финикіею и Египтомъ, — яркость близости поразительна. Мы обязаны напомнить читателямъ эти миѳы. — Такъ, на примѣръ, Іо, дочь Яса или Инаха, сдѣлалась предметомъ любви Зевса, посѣтившаго ее въ облакѣ и измѣнившаго Герѣ. Отъ ревности жены, Зевсъ обращаетъ Іо въ корову, Гера передаетъ корову стеречь Аргосу, многоглазому, представителю древняго, ревниваго, звѣзднаго неба; сторожъ стережетъ ее, привязавши къ дереву. Посланный Гермесъ успѣваетъ усыпить его игрою на дудкѣ или рожкѣ, убиваетъ его и похищаетъ Іо: но, преслѣдованіемъ Геры приведенная въ бѣшенство, она блуждаетъ по разнымъ странамъ и морямъ, давая имъ своею судьбою или именемъ прозвища, на примѣръ Іоническому заливу и Восфору. Только въ Египтѣ конецъ ея странствованіямъ: сынъ ея, какъ юный богъ, какъ самъ Зевсъ и послѣ Діонисъ, воспитывается здѣсь въ тайнѣ Куретами; сама она близко отождествляется съ Египетскою Изидою и Греческою Деметрою.

Исторія эта на разные лады повторится передъ нами еще десятки разъ. Европа, дочь Титія, чудовища, низверженнаго въ пропасть,

близко сходнаго съ Тифономъ, похищена подобнымъ образомъ и родила сына отъ Посейдона; какъ дочь Фойника или Финика (давшаго имя Финикіянамъ), похищена она Зевсомъ, который на этотъ разъ самъ обратился въ быка и перевезши ее на спинѣ своей въ Критъ, далъ имя нашей части свѣта; преслѣдовавшіе ее братья по разнымъ странамъ сложили головы.

Между тѣмъ близкая къ Іо, другая Ино отводитъ взоры снова отъ Европы: это жена Аѳаманта, грозная мачиха извѣстныхъ Фрикса и Геллы, рожденныхъ мужемъ ея отъ Нефелы (облака). Своимъ преслѣдованіемъ она навлекаетъ на страну голодъ, указываетъ на пасынка и падчерицу, какъ очистительную жертву, но они спасены матерью, а въ наказаніе Ино является новое событіе: посредникъ боговъ, Гермесъ, передаетъ ей на воспитаніе украдкою новорожденнаго сына Зевсова Діониса (Вакха); ревнивая Гера насылаетъ за то на Аѳаманта бѣшенство, мужъ преслѣдуетъ Ино, ищущую спасенія съ младшимъ сыномъ Меликертомъ (Мелькартъ, Гераклъ, о которомъ ниже); она бросается съ утеса въ море и становится оттуда покровительницею-богинею мореплаваній.

Отношенія ея къ Фриксу и Геллѣ породили извѣстный походъ Аргонавтовъ: несчастныя жертвы мачихи спасаются на золотомъ баранѣ, такъ же, какъ выше спасеніемъ былъ быкъ; Гелла, падающая въ море, даетъ имя Геллеспонту. За золотымъ руномъ, оставшимся отъ барана, отправляются въ Колхиду герои греческіе, между прочими Гераклъ, Ѳесей, Діоскуры (впослѣдствіи боги мореплавателей), на кораблѣ Арго (ср. выше Аргоса). Является Медея (имя ея одинаково съ «Мидіей» и названіемъ тѣхъ половыхъ частей Урана, отъ которыхъ родилась Афродита): она, волшебница, измѣняетъ родному краю въ пользу Аргонавтовъ, передается Ясону, уплываетъ съ нимъ, потомъ мститъ ему за измѣну, соединяется съ Геракломъ и блуждаетъ по разнымъ странамъ ища мстителей, пока, изгнанная Ѳесеемъ изъ Аѳинъ, кончаетъ въ Финикіи.

Но ни въ комъ, кажется, не соединились до такой степени всѣ эти миѳы при переходѣ къ эпосу, къ полубогамъ и героямъ, какъ въ знаменитой Еленѣ: съ ея именемъ соприкасаются всѣ почти главнѣйшія сказанія этого рода. Афродита, какъ Уранія,—старшая изъ богинь по происхожденію, выродившая изъ себя всѣ ихъ образы отъ строгой дѣвственницы до преступной матери-измѣнщицы, и снова отъ ревнивой жены до поддающейся любовнымъ дѣламъ дѣвы. Афродита,

была образомъ ѳеогоніи, перешедшимъ послѣ въ эпосѣ на Елену: не удивительно, что послѣдняя носила всегда имя то дѣвы, то жены, рождала дѣвою, измѣняла женою. Рождена она какъ рождена Афродита изъ половыхъ частей Урана, брошенныхъ въ море. Мать Елены, Леда, посѣщена Зевсомъ въ видѣ лебедя и родила два яйца, въ одномъ Кастора и Клитемнестру (отъ мужа), въ другомъ Полидевка (Поллукса) и Елену (отъ Зевса). По другимъ яйцо рождено Немесидою, насилованною Зевсомъ, найдено пастухомъ на лугу, принесено къ Ледѣ, спрятано ею въ ларцѣ и послѣ законнаго времени дало Елену. Близнецы-братья ея, Діоскуры или Діоскуриды, дѣйствовали въ походѣ Аргонавтовъ и во всѣхъ почти древнихъ похожденіяхъ подобнаго рода. Сама Елена, Прекрасная какъ Афродита, была похищена Ѳесеемъ и еще дѣвою родила отъ него Ифигенію: и не преставала быть дѣвою, потому что Клитемнестра взяла грѣхъ сестры на себя. На этой ступени является при Еленѣ Ѳесей и повторяетъ собою всѣ почти эпизоды, нами выше очерченные. Онъ освобождаетъ страну свою отъ страшныхъ чудовищъ и дани, которую имъ платили, съ Геракломъ участвуетъ въ походѣ Аргонавтовъ и противъ Амазонокъ. Вмѣстѣ съ великаномъ Пиріѳоемъ похищаетъ и увозитъ онъ Елену: они оба влюблены и рѣшаютъ владѣніе добычею черезъ жеребій. Послѣ Елены отправляются они, какъ боги, о которыхъ скажемъ ниже, въ адъ за Персефоною: но засѣли тамъ и только послѣ высвобождены Геракломъ. Пиріѳой своею свадьбою выводитъ на сцену Кентавровъ въ знаменитой битвѣ ихъ съ Лапитами. Но Ѳесей продолжаетъ похожденія: какъ и Діонисъ, соединяется онъ съ Аріадной и получаетъ отъ нея дѣтей. Послѣ смерти открываютъ его гробъ и чтутъ его какъ бога. Между тѣмъ, во время его схожденія въ адъ, Елена снова похищена и возвращена на родину братьями. Арголида съ Аргосомъ и Аргивянами, напоминая Аргоса, стража Іо и корабль Аргонавтовъ Арго, а съ другой стороны постоянное прозвище Артемиды—Арга (Ἀργή),—вступаетъ теперь, послѣ миѳовъ, на поприще эпоса и исторіи. Безпрестанно видимъ переходы въ этихъ областяхъ изъ одной въ другую: отъ миѳа къ эпосу и обратно, отъ внѣшней исторія похожденій къ внутреннимъ событіямъ сознанія и обратно, отъ исторіи греческой къ исторической связи съ другими народами. За рукою Елены собираются лучшіе герои Греціи: измѣною отца достается она Менелаю. Въ слѣдъ за тѣмъ выступаетъ Парисъ. Рѣшенный имъ раздоръ

между богинями былъ то же самое, что жребій между Өесеемъ и Пирифоемъ, что разгадка предложенной древностію загадки. Предпочтенная Афродита, въ отплату за яблоко, заключающее въ себѣ по всѣмъ миѳологіямъ символъ скрытыхъ внутри сѣменъ жизни, награждаетъ Париса своею наслѣдницей Еленою. Совершается похищеніе на кораблѣ изъ Европы въ Азію и знаменитый походъ греческихъ кораблей подъ Трою. Но съ паденіемъ Трои еще не кончается исторія Елены: какъ она жила еще до греческихъ сказаній (на примѣръ Елена, повѣренная Афродиты въ дѣлѣ съ Адонисомъ), такъ и послѣ нихъ ея проходитъ всѣ почти страны тогдашней Европейской исторіи. По смерти Париса, идетъ она за другаго сына Пріамова Деифоба, измѣннически выдаетъ его Менелаю, съ послѣднимъ долго странствуетъ на возвратномъ пути, заѣзжаетъ въ Египетъ, наконецъ прибываетъ въ Спарту, но, изгнанная отсюда, снова обречена на блужданіе. На островѣ Родосѣ повѣшена она на деревѣ мстившею за мужа Поликсо.—По смерти Елены, миѳъ еще болѣе овладѣваетъ существомъ ея: какъ Артемида, является она въ челѣ Амазонокъ и борется съ Ахилломъ; или дѣлается его супругой и поселяется съ нимъ на островѣ Левкѣ-Ахиллеѣ, образованномъ устьями рѣкъ при Черномъ морѣ; или переходитъ въ Таврическій Корсунь, гдѣ принесена въ жертву Ифигеніей. Вообще здѣсь связуется она съ Таврическою Артемидой, а исторію ея продолжаетъ далѣе Ифигенія, въ которой многіе видятъ ту же Артемиду. Здѣсь уже вмѣстѣ съ Греческими появляются объ ней сказанія Славянскія, отозвавшіяся и въ Словѣ о Полку Игоревѣ (связь эту, хотя нѣсколько сбивчиво изложенную, см. въ замѣчательной по догадкамъ статьѣ кн. Вяземскаго, «Замѣч. на Сл. о П. И.,» Временникъ 1853 г.). По ученію гностиковъ она есть дѣва, оставшаяся и послѣ блужданій ея дѣвою, олицетвореніе страсти и вмѣстѣ цѣломудрія, съ именемъ «Премудрости,» «Софія.» Если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ же краяхъ, Черноморскихъ или Придунайскихъ, развились сказанія объ Егоріѣ и Өедорѣ (см. выше), то поймемъ, что Софія, спасаемая Өедоромъ отъ чудовища, мать, за которою идетъ онъ черезъ море по спинѣ кита, или дѣва, которую спасаетъ Егорій при морѣ, есть та же Елена. Наконецъ нужно вспомнить и выводы позднѣйшихъ греческихъ ученыхъ, которые увѣряли, что подъ Троею сражались изъ за идола Афродиты или Елены, она же, настоящая, сберегалась въ Египтѣ: мистеріи Египетскія увидимъ мы ниже.

Теперь возвратимся къ греческимъ созданіямъ эпоса, связаннымъ съ Еленою: ея дочь Ифигенія и сестра Клитемнестра ведутъ дѣло далѣе. Первая, обреченная на смерть и спасенная Артемидою, давно смѣшивалась съ самою богинею, у самихъ Грековъ; перенесенная въ Тавриду, ждетъ она избавителя. Спасителемъ является сынъ и убійца вѣроломной матери Клитемнестры Орестъ: вдвоемъ съ Пиладомъ онъ повторяетъ исторію близнецовъ Діоскуровъ. Преслѣдуемый Эринніями, блуждая съ ними по свѣту какъ по аду, является Орестъ съ своимъ другомъ въ Тавриду и переноситъ идолъ Артемиды и ея служительницу Ифигенію въ Грецію, въ Дельфы, гдѣ и возрождается примиренный къ новой жизни; супруга его Герміона, дочь Елены (такъ называется и Гармонія, дочь Афродиты). — Другимъ путемъ подобные же разсказы связуютъ Финикію съ Ѳивами, Аргивянами и Аттикою, частію повторяя сказанія, связанныя съ Еленою, частію возводя насъ къ тѣмъ же преданіямъ, съ которыхъ мы начали. Братъ помянутой Европы, Кадмъ является изъ Финикіи въ слѣдъ за коровою, въ которую обратился Зевсъ, похитившій сестру его, строитъ Ѳивы, убиваетъ чудовище дракона, его зубами — подобно какъ въ исторіи Аргонавтовъ и Колхидѣ — засѣваетъ людей и женится на дочери Афродиты, Гармоніи. Дѣти его — Ино, мачиха Фрикса и Геллы, Семела, которую мы еще увидимъ. Рожденная отъ прелюбодѣянія матери съ Аресомъ, Гармонія такъ же хороша, какъ мать ея и Елена. На свадьбѣ, отъ оскорбленнаго измѣною Гефеста получаетъ она въ даръ роковой покровъ (плащъ) и роковую гривну (ожерелье), повязку, связанную съ проклятіемъ на ея владѣтеля и съ безчисленными бѣдствіями на все потомство Кадма, на послѣдующія событія Ѳивъ и связанныхъ съ ними героевъ. Въ сущности этотъ роковой даръ былъ символъ божества древняго, благодѣтельный для того, кто мирился съ нимъ въ своемъ развитіи, гибельный тому, кто несъ на себѣ месть оскорбленнаго и забываемаго бога. Здѣсь соединялись представленія и узъ, налагаемыхъ древнимъ божествомъ, и узъ соединяющихъ разрозненное двойство языческаго сознанія въ божествѣ новомъ; это было то же, что извѣстное на примѣръ въ миѳологіи яйцо, замыкавшее въ себѣ недоступно жизнь, и ее же потомъ высвобождавшее жертвою подвиговъ; то же, что яблоко, въ коемъ сѣмена жизни были и сѣменами раздора; наконецъ то же, что помянутая нами древняя загадка. Потому въ гривнѣ Гармоніи выражался тотъ же образъ, какъ

въ аламенитомъ поясѣ Афродиты. По нашимъ сказкамъ («Зам.» при 3-мъ и 4-мъ вып. Кир.) знаемъ мы соотвѣтствующія представленія яйца, яблока и тому подобныхъ предметовъ исканій, на которыя шелъ нашъ Иванъ рядомъ трудныхъ подвиговъ и блужданій: когда достигли антропоморфизма, образъ этотъ выражался то дѣвою, грозною и мстительною, то любящею супругою, и опять вѣроломною подругою, пока сознаніе языческаго человѣка, представлявшееся женственнымъ, не нашло себѣ покоя и умиротворенія въ конечномъ дѣйствіи творческаго начала, даровавшаго семью, миръ съ родомъ-племенемъ, основу жизни народной. Въ настоящемъ случаѣ эта загадка, еще не разрѣшенная, какъ неразвязанная повязка, была пока причиною несчастій и борьбы, двойства. По предвѣстію несчастій, отецъ обрекаетъ Эдипа на смерть: но онъ спасенъ и воспитанъ пастухами, по невѣдѣнію убиваетъ отца, избавляетъ Ѳивы отъ Сфинкса разгадкою загадки, но за то впадаетъ въ другую, болѣе человѣкообразную: за разгадку загадки Сфинкса онъ получаетъ въ награду владѣніе городомъ и руку матери (у насъ много подобныхъ преданій, между прочимъ даже въ рукописяхъ, на примѣръ объ Андреѣ Критскомъ или о «Кровосмѣсителѣ»). Узнавши позоръ свой, Эдипъ лишаетъ себя зрѣнія: его послѣдующія судьбы, его блужданія и наконецъ примиреніе на ступеняхъ олтаря Эвменидъ, подъ покровомъ Ѳесея, извѣстны каждому. За тѣмъ вступаетъ борьба дѣтей его, Этеокла и Полиника: это тѣ же Діоскуры или Орестъ и Пиладъ, съ такою же при себѣ сестрою-дѣвою Антигоною, только не въ союзѣ любви, разрѣшающей трудности, а въ разрывѣ борьбы и подъ участью повязки Гармоніи, налагающей на нихъ цѣпи бѣдствій. Полиникъ принужденъ бѣжать отъ брата, беретъ съ собою гривну и багряное покрывало Гармоніи, обращается къ властителю Аргоса Адрасту, получаетъ отъ него въ супружество дочь Аргію, и собираетъ героевъ Аргивянъ противъ брата: это извѣстные «Семь подъ Ѳивами.» Амфіарай, вѣщій и далеко видящій, не хочетъ итти, предвидя бѣдствія: но жена его подкуплена повязкою Гармоніи, принуждаетъ мужа къ походу, и всѣхъ героевъ постигаютъ страшныя бѣдствія. Даже Антигона, какъ Ифигенія, должна быть принесена въ жертву братней вражды: ее спасаетъ являющійся посредникомъ Ѳесей. Онъ побывалъ, мы знаемъ, и въ аду, и свобожденъ оттуда: онъ уже коснулся освобождающихъ началъ жизни. Бѣдственная гривна перестала вредить тогда лишь, когда принесена была въ Дельфы въ даръ богу, раз-

рѣшавшему загадки древней жизни, Аполлону, у котораго и Орестъ нашелъ себѣ примиреніе, выходъ изъ бѣдствій.

Довольно примѣровъ. Вездѣ мы видимъ, какъ основныя начала, выставленныя нами впереди изслѣдованія, изъ внутреннѣйшихъ событій слагавшагося человѣческаго сознанія переходятъ на лица боговъ, потомъ къ людямъ, къ цѣлымъ древнимъ народамъ и ихъ отношеніямъ, или, иначе, переходятъ въ миѳы, потомъ въ созданія эпическія, даже въ первоначальную исторію. Все почти, нами очерченное, повторяется въ нашихъ такъ называемыхъ Сказкахъ: смотрите «Замѣтки» при 3-мъ и 4-мъ выпускѣ Пѣсень, собранныхъ П. В. К. Нѣтъ ничего тутъ и мудренаго: у Грековъ было то же доисторическое время, что у насъ, не только одноплеменныхъ имъ, но и жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Нужно помнить, что наши Былевыя сказки, сохранившіяся въ устахъ народа, есть именно Эпосъ, заключившій собою Доисторическое время, эпосъ, предшествовавшій Кіевскому и обнимавшій событія слагавшагося нашего сознанія и народа среди семьи Индо-европейской, въ ближайшей за-одно-жизни съ Греками, въ родствѣ тѣснѣйшемъ и за одно съ прочими Славянами, на Дунаѣ и по берегамъ Чернаго моря. Созданія Гомерическія не могли у насъ повториться: они принадлежали сложившемуся и обособившемуся Греческому народу; искать ихъ повторенія значило бы то же, что искать у Грековъ цѣликомъ нашего Кіевскаго творчества. Но элементы, но начала были ближайше сродны: конечно многимъ изъ нашихъ Кіевскихъ богатырей можно отыскать сходство въ Греціи, и мы говорили уже прежде, какъ нашъ Илья и Добрыня, Сербскій Марко и Милошь, отвѣчаютъ крайне близко Ахиллу и Патроклу, или Ахиллу и Гектору. Частями, отрывками можно указать не мало подобныхъ соотвѣтствій. За то, въ подкрѣпленіе сродныхъ преданій, «Повѣсть о разореніи Трои» извѣстна у всѣхъ Славянъ и у насъ съ ранней древности по рукописямъ, съ многоразличными излишками противъ Гомера и толкованіями позднѣйшихъ греческихъ писателей; за то, говоримъ, сродныя стихіи, какія бродили въ Греціи и помимо Гомера, въ народныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ, перешедшихъ потомъ къ трагикамъ, къ ученымъ, къ философамъ, все это повторяется въ нашихъ Былевыхъ сказкахъ почти цѣликомъ, разумѣется въ болѣе сыромъ видѣ, чѣмъ у позднѣйшихъ греческихъ писателей. Просимъ читателей повторить наше краткое изложеніе сихъ Сказокъ въ «Замѣткахъ,» въ прежнихъ бесѣдахъ.

При главномъ лицѣ Ивана, выражающаго собою Русскаго человѣка, главное женское лицо Василисы, совмѣщающей въ себѣ всѣ тѣ ступени, что выражались для древнихъ въ Афродитѣ-Ураніи. Елена Прекрасная (иногда Анна), повторяя собою всѣ событія, связанныя съ ея именемъ отчасти для ближайшаго къ Европѣ Востока, а больше всего для Греціи, является одною изъ сторонъ Василисы, то какъ грозная дѣва-поляница, какъ Артемида, цѣль исканій, или ревнивая и истительная Гера, то какъ невинная или гибнущая при братѣ Иванѣ «сестрица Оленушка,» совершенно та же, что Елена при Діоскуридахъ, Электра или Ифигенія при Орестѣ и Пиладѣ, Антигона при Этеоклѣ и Полиникѣ, то наконецъ какъ коварная измѣнщица, хотѣвшая погубить Ивана, какъ причина его раздора съ родствомъ и съ Василисою, какъ коварная Елена Аргивская и Троянская, та «Обида,» которая въ Словѣ о П. И. «вступаетъ Дѣвою на землю Трояню,» плещетъ «лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону» и приноситъ гибель «въ силахъ Дажь-божа внука,» народа Русскаго. Подробное изложеніе этого предмета не идетъ сюда, тѣмъ болѣе, что отчасти нашло уже мѣсто въ прежнихъ «Замѣткахъ,» отчасти готово къ печати впереди: но мы не можемъ преминуть, чтобы для объясненія занимающаго насъ предмета не привести Сказку, обнимающую собою весьма многія черты помянутыхъ греческихъ сказаній, начиная отъ похищенія Іо до подвиговъ «Семи подъ Өивами.» Мы разумѣемъ Сказку «о Семи Семіонахъ, родныхъ братьяхъ.» Изложимъ ея содержаніе по изданію г. Афанасьева, вып. 2, 3 и 6 (сказкою г. Сахарова, какъ подправленною передѣлкою, нужно пользоваться съ осторожностію). Завязка общая сказаніямъ греческимъ и нашимъ обычнымъ: царю или царевичу нужно достать Елену Прекрасную, Царевну; все дѣйствіе, весь подвигъ состоитъ въ этомъ. Но царь или царевичъ, тождественный съ нашимъ Иваномъ, раздѣляется въ этомъ подвигѣ на отдѣльныя лица, дробится на семь лицъ, распредѣляющихъ не себѣ одинъ подвигъ: это то же дробленіе, какое находимъ мы не другимъ сказкамъ въ Иванѣ и лицахъ, ему помогающихъ, или даже въ образахъ дочеловѣческой природы, черезъ которые проходитъ Иванъ, на примѣръ въ конѣ, птицѣ и т. п.; то же дробленіе, какое мы видѣли въ божествахъ на пути человѣческаго развитія, или въ миѳахъ съ разными лицами, въ двухъ героахъ-близнецахъ или друзьяхъ, въ нѣсколькихъ Аргонавтахъ, въ Семи подъ

Ѳивами. Каждый только выражаетъ въ себѣ разныя свойства и пріемы единаго подвижника. Начало событія представляется очень далеко: по ту сторону дѣленія народовъ и разныхъ видовъ бытія, безмятежно царствуетъ царь или царевичь. Но его влечетъ къ Еленѣ Прекрасной, онъ дѣлится, и раздѣлившіеся образы лица его отправляются на подвигъ. Они рождаются въ уничиженіи, въ бѣдствіи: бѣдный крестьянинъ съ женою, какъ водится, не имѣетъ дѣтей, молится, и получаетъ за разъ семерыхъ; Семіонами вѣроятно названы они по числу семи, а можетъ быть даже по испорченности имени Саломона или Самсона (см. ниже). Потомъ умираетъ у нихъ и отецъ: сироты въ страдное время страдаютъ на нивѣ, здѣсь находитъ ихъ царь, беретъ къ себѣ на воспитаніе, усыновляетъ,—они дѣйствительно становятся частями его собственнаго существа. Къ чему же оказываются они способны по природѣ и воспитанію? По однимъ сказкамъ 1-й Семіонъ способенъ воровать; 2-й ковать; 3-й стрѣлять на лету птицу; 4-й плавать и нырять какъ собака; 5-й смотрѣть съ высоты и видѣть даль; 6-й дѣлать корабли; 7-й лѣчить. По другимъ 1-й—строить высокій столбъ, 2-й уставлять его крѣпко, 3-й смотрѣть съ него, 4-й дѣлать корабли, 5-й торговать разными товарами, 6-й нырять въ водѣ и подъ водою, 7-й воровать. По третьимъ 1-й—строить столбъ, 2-й глядѣть съ него, 3-й дѣлать корабли, 4-й править ими, 5-й прятать корабль въ случаѣ нужды на дно моря, 6-й доставать его снова со дна моря, 7-й воровать. Вы видите здѣсь, пожалуй, то же раздѣленіе типовъ, какъ на примѣръ въ богахъ, достигшихъ Олимпа: морскомъ Посейдонѣ, ворѣ и торговцѣ Гермесѣ, провидцѣ Зевсѣ, въ стрѣлкѣ Аполлонѣ, въ сынѣ его Асклепіѣ (Эскулапѣ), и т. п.; видите то же раздѣленіе, что въ частныхъ подвигахъ Ивана, а еще проще — тѣ же занятія, какія нужны были всѣмъ первобытнымъ народамъ, только что слагавшимся. Каждому дали дѣлать, что ему подручно. Воздвигается столбъ отъ земли до неба: съ него, Вавилонскаго, начинается раздѣленіе и первый шагъ всѣхъ народовъ; съ него, мы знаемъ, начинаются и сказки объ Иванѣ. Второй Семіонъ влѣзаетъ на столбъ, смотритъ впередъ, какъ провидѣцъ, или, на примѣръ, помянутый нами греческій Амфіарай. Столбомъ ничего не достигнуто: съ него видны только раздѣлившіеся народы, шаги поступательнаго развитія, и, какъ самая дальная точка, Царевна Елена. Послушаемъ сказку: одинъ изъ Семіоновъ «влѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ

глядѣть кругомъ далече, какъ и что творится по бѣлу свѣту. И видитъ синія моря, на нихъ какъ пятна мрѣютъ корабли; видитъ села, города, народа тьму: но не примѣчаетъ той чудной Царевны, что понравилась царю (чей образъ зашевелился въ душѣ его и бередилъ ее, не давая покою). И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды, и вдругъ заприметилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица Царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно, какъ мозги переливаются по косточкамъ. «Видишь?» кричитъ ему царь.—Вижу (вып. 3).»— Или: «Кузнецъ сковалъ столбъ такой, что голову закинешь — шея станетъ больно, чуть не до небесъ. Царь похвалилъ. Другой братъ, какъ бѣлка, вскочилъ на верхушку столба, глянулъ на всѣ стороны; раскрылись предъ нимъ всѣ царства-государства, и онъ сталъ разсказывать, въ которомъ изъ нихъ что дѣлается: ««а въ такомъ-то царствѣ, въ такомъ-то государствѣ, говорилъ онъ, живетъ Елена Царевна Прекрасная, невиданной красоты, алый цвѣтъ у ней по лицу разсыпается, бѣлый пухъ по груди разстилается, и видно, какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается.»» Это царю всего больше понравилось (вып. 6).» Скорѣй слѣзай, кричатъ Семіону, нужно ѣхать — добывать Царевну. Слѣдующіе Семіоны построили корабль, оснастили, наполнили товарами, управили въ море. Здѣсь пригодился и послѣдній Семіонъ, воръ: сначала, узнавши его натуру и способности, хотѣли было его казнить, повѣсить, его было выгнали, презрѣли, но какъ Гермесъ, начавшій воровствомъ, признанъ былъ послѣ необходимымъ типомъ этого рода, связанъ съ торговлею, съ мореплаваніемъ, такъ теперь понадобился и младшій Семіонъ, самый въ началѣ униженный, но самый изъ братьевъ главный какъ посредникъ подвига, доведшій его къ концу. Воровство этого рода, обличенное послѣ единствомъ сложившагося сознанія, не было таково въ эпоху двойства и борьбы: оно было *посредствомъ* или *средствомъ*, оно было тою же необходимою *загадкой* или *разгадкой* для древняго человѣка, тѣмъ же — яйцомъ, поясомъ, гривною, о которыхъ говорили мы выше. И такъ младшій Семіонъ-воръ главное лице на кораблѣ. Подъѣзжаютъ къ царству, гдѣ Елена Прекрасная, и мы опять слушаемъ сказки. «Подплыли подъ то царство, гдѣ была невѣста Царевна; одинъ посмотрѣлъ съ высокаго шеста (воспоминаніе о столбѣ), сказалъ, что Царевна теперь одна, украсть можно; другой сковалъ какія-то самыя дорогія вещицы, и пошли съ воромъ продавать; только дошли, — воръ тотчасъ и укралъ Царевну (вып. 2-й).» Или: «Долго ли плавали,

мѣтъ ли, наконецъ остановились въ томъ государствѣ, гдѣ жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что надо говорить, какъ за дѣло браться: онъ все вызналъ, вывѣдалъ, услышалъ, что въ этой землѣ нѣтъ кошекъ, нарядился купцомъ, взялъ кошечку; оглаживая, охорашивая, повелъ ее на золотомъ шнуркѣ мимо окна Елены Царевны. Царевна увидѣла: понравился ей хорошенькой звѣрёкъ, приказала она его купить. Воръ отвѣчалъ, что онъ богатой купецъ, пріѣхалъ изъ богатѣйшаго государства, привезъ всякія рѣдкости-драгоцѣнности, желаетъ явить Прекрасной Еленѣ свое усердіе и проситъ ее принять отъ него кошечку въ подарокъ. Вора позвали во дворецъ: кошка дѣлала разныя штуки, Царевна любовалась. Воръ наговорилъ столько о своихъ невиданныхъ рѣдкостахъ, принесъ и раскинулъ передъ нею такія чудныя ткани, такіе дивные уборы, — глазъ бы не отвелъ! «Да та ли еще у меня есть,» говорилъ онъ въ добавокъ: «эти вещи я могу всѣмъ показать, кто хочетъ — можетъ купить ихъ; а тебѣ, Царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище безцѣнное, никѣмъ невиданное? Оно у меня на кораблѣ подъ великой охраной: только одной тебѣ я покажу его; оно замѣняетъ ночью огонь, днемъ солнце, и освѣщаетъ всякой мракъ чуднымъ свѣтомъ. Это камень, необычайной красоты: а вынуть его невозможно, объявить объ немъ — значитъ погубить себя, всякой захочетъ обладать имъ. Дорого стóило мнѣ, чтобъ достать его: но еще дороже для меня честь отъ царя моего, которому я везу это диво въ подарокъ.» Царевна дала слово быть на кораблѣ и взглянуть на сокровище. На другой день съ нянюшками съ мамушками, съ красными дѣвушками, она отправилась изъ дворца на корабль. Вся свита оставалась на берегу: только Елена могла видѣть чудный свѣтъ безподобнаго камня. Все было изготовлено для ея встрѣчи, семь Семіоновъ явились прислуживать: и только она вступила на корабль,— пятой братъ схватилъ корабль за носъ, и корабль палъ на дно моря (вып. 6).» Или еще: «Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гостьми, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать Царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Ѣдутъ, ѣдутъ между небомъ и землей, пристаютъ къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой (воръ) взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу (по цѣпи) ходить... И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не прійдетъ

надамъ.» За котомъ, понравившимся Царевнѣ, Симеонъ проникъ во дворецъ и получаетъ тамъ угощенье. «Благодаритъ Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день проситъ Царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна успросилась у батюшки царя, и вечеркомъ съ прислужницами и нянькамн пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ. У берега поджидаетъ ее Симеонъ меньшой и проситъ Царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль: «тамъ, де, много звѣрей разныхъ и красивыхъ, какой тебѣ полюбится, тотъ и твой; а всѣхъ одарить, кому что́ полюбится, и нянекъ и прислужницъ, не могимъ.» Царевна согласна и приказываетъ нянькамъ и прислужницамъ подождать ее на берегу, а сама идетъ за Симеономъ на корабль глядѣть дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ взошла, корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ — не дождется Царевны, приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, разсказывая свое горе (вып. 3).» То же, что выражено въ анеропоморфизмѣ лицомъ—посредникомъ этого дѣла, воромъ, то же самое повторяется въ камнѣ, котѣ, звѣрахъ и тому подобныхъ предметахъ, какъ средствахъ. Вспомнимъ, что человѣкъ слагавшагося народа, и Русскій человѣкъ Иванъ нашихъ сказокъ, на пути развитія проходитъ разные виды бытія отъ камня до животныхъ организмовъ, послужившихъ средствомъ его спасенія. Когда онъ прошелъ этотъ путь, образы пройденные отдѣлились какъ средства педагога, все равно какъ загадка, коренившаяся въ самомъ существѣ язычества, выражена послѣ въ формулѣ словесной, служившей посредствомъ для переговоровъ разныхъ существъ разныхъ ступеней, и разныхъ народовъ разной исторіи. Всѣ эти средства, которыя мы еще увидимъ ниже во многихъ видахъ, не потеряли смыслъ свой и послѣ водворенія христіанства, ставши его символами или аттрибутами лицъ его и обрядовъ, подобно какъ они же всегда являлись и при древнихъ богахъ послѣ пройденнаго ими пути: такъ вспомните, по Стихамъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ, какъ первый, ища пріобрѣсть и увлечь душу сего послѣдняго, является въ видѣ купца, говоритъ, что несетъ съ собою драгой камень, который можетъ показать одному лишь царевичу: камень этотъ

въ Христіанствѣ явился какъ камень вѣры, и по поводу его, воротившись назадъ, вспомните исторію Алатыря, Птицы, Кита, Воротъ и т. д. Подобныя средства для двоившагося сознанія языческаго всегда были обоюду остры: гибель одной сторонѣ, спасеніе другой; такъ было и при похищеніи Царевны. Наконецъ корабль тронулся отъ береговъ, подвигъ совершенъ, похищеніе манившей издали дѣвы кончено. Самое плаваніе и похищеніе есть уже подвигъ развитія, одинаковый съ тѣми, которые мы знаемъ по сказкамъ: сходомъ въ подземелье, блужданіемъ по тремъ царствамъ или къ Морскому царю, переходомъ моря, построеніемъ на немъ моста, и т. д. Но сказки пополняютъ еще событія: подобно какъ Морской царь гонится за невѣстой Ивана, или какъ она должна оборачиваться чтобъ спастись, и оборачивается то въ лебедь бѣлую, чтобы уйти отъ подкрашагося Ивана, то въ разные образы природы, чтобы уйти отъ преслѣдованій разъяреннаго отца, — такъ точно повѣствуетъ далѣе и сказка о семи Семіонахъ. «И распалился гнѣвомъ царь: приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарядили корабль, натѣснили народу; и погнался царской корабль за Царевной. Чуть зрѣетъ далече — плыветъ корабль Симеоновъ и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ не плыветъ. Вотъ ужь близко. Какъ увидалъ семь Симеоновъ, что погоня ужь близко, вотъ-вотъ догонитъ, — нырнулъ и съ Царевной, и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись на верхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня три ночи, ничего не нашла, съ тѣмъ и возвратилась (вып. 3).» Или: «вода плесканулась, закружилась, потомъ волны опять загуляли по старому, какъ ничего не бывало: только на берегу кричали-плакали нянюшки-мамушки, только царь-отецъ разсылалъ погоню во всѣ концы. Но посланцы возвращались безъ Царевны. Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану: шестой братъ вывелъ корабль со дна моря, корабль шелъ какъ гусь-лебедь покачивалсь (вып. 6).» Иначе: «отсѣкли якоря, поплыли. Царевна видитъ, что ее везутъ, обвернулась бѣлой лебедью и полетѣла съ корабля. Стрѣлецъ (одинъ изъ Семіоновъ) не оробѣлъ, стрѣлилъ и попалъ ей въ лѣвое крыло: вмѣсто собаки кинулся другой Семёнъ, схватилъ лебедь на морѣ и принесъ на корабль. Лебедь обвернулась опять Царевной, только лѣва рука у неё была подстрѣлёна: лѣкарь у нихъ свой, тотчасъ руку у Царевны вылѣчилъ (вып. 2).» Сравните въ прежнихъ нашихъ «Замѣткахъ:» какъ Иванъ, ища Елену,

старшую половину Василисы, проходитъ разные виды бытія; какъ она прячется отъ него въ образъ лебеди, потомъ тѣми же оборотнями обманываетъ погоню Морскаго царя; какъ блуждаетъ Иванъ по подземелью, черезъ море; какъ, при переходѣ этого древнѣйшаго эпоса въ творчество Кіевское, Потыкъ плыветъ на кораблѣ за невѣстой, долженъ отгадывать ей и отцу ея загадки; находитъ невѣсту въ образѣ лебеди и хочетъ подстрѣлить, спускается съ нею въ подземелье, убиваетъ тамъ змѣя, а ее воскрешаетъ, или же блуждаетъ за нею по разнымъ странамъ, падая отъ «питья забыдущаго» и обращаясь даже въ камень; далѣе, какъ Добрыня испытываетъ ту же участь въ дѣлѣ съ Запавой и Маринкой, стрѣляя у послѣдней на окнѣ двухъ голубей, символъ любви ея со Змѣемъ, и спасается послѣ, прошедши жизнь оборотня; наконецъ, какъ является въ Кіевъ Соловей Будиміровичъ на кораблѣ, и, прельстивши драгоцѣнными товарами, увозитъ оттуда Запаву. — Возвращаемся къ Семіонамъ. Послѣ долгаго блужданія настало спасеніе; подвижники награждены, царь или царевичъ женился на Еленѣ. Не нѣкоторыя сказки дополняютъ событіе еще яркими чертами. — Подвигъ совершался слишкомъ долго: царь даже забылъ о Семіонахъ, онъ устарѣлъ, женитьба была ему не подъ силу. Младшій изъ Семіоновъ и главный дѣятель подвига изъ уничиженія и страдательнаго положенія перерождается самъ въ юнаго бога и смѣняетъ стараго на царствѣ, женясь на Еленѣ: «Пріѣхали къ своему царству... Царь услышалъ, и забылъ ужь про Семёновъ; думатъ, что за корабь пришолъ тамъ?.. Сколь скоро доложили царю о сема Семёнахъ вмѣстѣ съ царской невѣстой, онъ обрадовался Семёновымъ трудамъ, приказалъ встрѣтить ихъ съ честью... Только Царевна не пошла за царя въ за мужь: онъ былъ ужь старъ. Онъ ее и спросилъ, за кого она хочетъ выйти? Царевна говоритъ: «за тово, кто меня воровалъ.» А воръ Сенька былъ бравой дѣтина, Царевнѣ поглянулся. Царь, не говоря больше ни слова, приказалъ ихъ обвѣнчать. Потомъ самъ захотѣлъ на спокой: Семёна поставилъ на своё мѣсто, а братовей его сдѣлалъ всѣхъ большими боярами (вып. 2).» Мы убѣдимся ниже, что такова именно доля юнаго бога, когда онъ, выражая сознаніе слагавшагося народа, по совершеніи тяжкихъ подвиговъ, замѣняетъ мѣсто стараго и изъ посредника обращается въ наслѣдника.

Таковъ эпизодъ, выродившійся изъ основныхъ миѳовъ и перешедшій въ тотъ старшій эпосъ, который, совмѣщая въ себѣ событія на-

шахъ Былевыхъ сказокъ, развился нѣкогда у Русскихъ въ общеславянской семьѣ ихъ, когда жили они за одно съ Греками при Черномъ морѣ и по Дунаю, эпосъ, который, въ отличіе вторичнаго и главнаго, Кіевскаго, назовемъ мы отселѣ на всегда Черноморскимъ и Придунайскимъ. Но, на переходѣ отсюда, прежде чѣмъ дойти къ послѣдующія мѣста жительства Славянъ, онъ получилъ еще періодъ, вездѣ появившійся у нихъ при переселеніи на прочныя осѣдлыя поселенія, гдѣ они стали уже вполнѣ сложившимися народомъ. Этотъ періодъ почти у всѣхъ Славянъ одинаковъ: эпосъ говоритъ, что отъ Дуная пришло нѣсколько братьевъ, съ сестрою или дочерью-дѣвою. Упомянемъ здѣсь для краткости только Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ. У первыхъ разсказъ начинается также съ Вѣжи или Столба Бабель. Далемилъ говоритъ, что послѣ Столба раздѣлились и народы: «другъ отъ друга пробирались они, каждый опредѣлялъ себѣ волость и отъ нихъ пошли различные нравы (греч. ἔθνος, «народъ,» отъ ἔθος, «нравъ, обычай» и ἕδος, «сѣдалище;» Несторъ о раздѣленіи Славянъ: «по многѣхъ же времянѣхъ,» — послѣ Столба, — «сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска; отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ;... имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ»). Обособили себѣ земли, какъ и нынѣ каждый имѣетъ свое имя. Между прочими и Сербы (старѣйшее имя всѣхъ Славянъ) оттуда, гдѣ обитаютъ Греки, возлѣ моря разсадились и до Рима (да Адріатики и Венетскаго побережья) расплодились. Въ Сербскомъ (Славянскомъ) языку есть земля, имя которой Хорваты (Карпаты, какъ посредствующее звѣно, куда прежде ушли Славяне съ Чернаго моря и съ Дуная, и откуда пошли дальше). Въ той землѣ былъ Лѣхъ, имя которому было Чехъ.» Онъ пустился изъ Карпатъ далѣе и нашелъ примиреніе въ сложившемся народѣ, въ мѣстностяхъ Чешскихъ, какъ герои Греческіе послѣ убійствъ, ими совершенныхъ, какъ Эдипъ, Орестъ: «онъ додѣлался до мужеубійства, за что попалъ въ вину передъ своею землею. А имѣлъ этотъ Чехъ шесть братьевъ (стало быть самъ онъ былъ седьмой, какъ Симеонъ), ради чего имѣлъ мочь и честь, а отъ нихъ много челяди. Одной ночью обозрѣвши ихъ (собравши), выбрался онъ со всѣми изъ земли, которой имя было Хорваты.» Чехъ былъ главный, давшій имя свое новой странѣ и исторіи: но прозвище его Лѣхъ, которое мы видѣли, указывало на

другое лицо, и вотъ сказаніе другое, о братьяхъ уже двухъ, соотвѣтствующихъ Діоскурамъ, Оресту и Пиладу, Этеоклу и Полинику. Есть имена и другія, указывающія вѣроятно на прочихъ патерахъ: на примѣръ Трутъ, который на горахъ Крконоши (Исполиновы горы) убилъ лютую змѣю, тѣснившую новозанятыя страны (ср. Өесея, Кадма, Эдипа и проч.): Тетва Попеловъ, тождественный съ нашимъ Иваномъ Попаловымъ («Зап.» при 3-мъ вып. Кир.), «старый родомъ своимъ,» пришедшій, по словамъ Чешскаго эпоса, «съ полками Чеховыми въ сіи жирныя волости черезъ три рѣки (Любушинъ Судъ).» Наконецъ изъ нихъ же у Чеховъ выдѣляется Крокъ, судія всей земли, съ славною дочерью, дѣвою Любушею, вѣщею, судною, грозною, владѣвшею мужами, отвѣчающею нашей Еленѣ или Аннѣ Прекрасной. Она-то встрѣтилась послѣ съ Премысломъ-пахаремъ, представителемъ слежавшейся Земли, и вышла за него за мужъ, какъ у насъ встрѣтился при концѣ поприща Иванова Микула, изъ помощника и друга переродился въ отца Настасьи и Василисы, а Иванъ, то же, что помогавшій Микула, женился на его дочери. Съ этихъ именъ у Чеховъ начинается уже самобытный, мѣстный и частный эпосъ, соотвѣтствующій нашему Кіевскому.—По преданіямъ Лѣхъ отдѣлился отъ брата Чеха и пошелъ изъ Карпатъ сѣвернѣе: раздоръ, который мы уже встрѣчали и въ Греціи. Въ мѣстностяхъ Польскихъ Славянъ явился вмѣсто того одинъ Кракъ (построившій Краковъ), тотъ же, что Чешскій Крокъ, и скоро раздвоился на двухъ сыновей, Крака и Лѣха, съ дочерью, а ихъ сестрою, грозною дѣвственницей Вандою, бросившеюся послѣ въ волны, подобно смерти Геллы, Ино и прочихъ однородныхъ женщинъ греческихъ. У насъ являются тѣ же братья съ сестрою: «быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь (разнорѣч. «Либедь,» Несторъ).» Щекъ есть тотъ же Чехъ; Хоривъ — Хорватъ; Лыбедь — бѣлая лебедь, Елена Прекрасная, оставшаяся дѣвою и связанная съ рѣкою, какъ Ванда. И самъ Кій, по одному изъ преданій, былъ перевозчикомъ, плавателемъ: «ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ, у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ (отъ того) глаголаху: «на перевозъ на Кіевъ (откуда и имя города Кіева).»» Опровергая это древнее сказаніе, возникшее на основаніи преданій о плаваніи, которыя мы видѣли, Несторъ возражаетъ другимъ сказаніемъ, что Русскій Кій ходилъ къ Царюгороду и тамъ получилъ почетъ, не замѣчая въ лѣтописной

простотѣ своей, что это другое преданіе о походахъ къ берегамъ Греціи и по Черному морю подтверждаетъ собою первое.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ основныя представленія о подвигахъ и переходахъ слагавшихся народовъ, начиная отъ Іо до нашей и греческой Елены Прекрасной, выражались не только въ судьбѣ первыхъ боговъ язычества, въ герояхъ, въ переселеніяхъ, въ миѳахъ и начальномъ эпосѣ, но даже и въ первобытныхъ соотношеніяхъ народовъ, въ столкновеніи единицъ уже крупныхъ. Эти первобытные народы, возникавшіе именно въ слѣдствіе событій языческаго сознанія, совершенно отвѣчали его стихійности, послѣдовательности его образовъ и миѳовъ. Первобытная исторія, наставшая послѣ первобытнаго эпоса, состояла именно въ толкованіи этихъ образовъ и миѳовъ примѣнительно ко внѣшней народной жизни. Возьмемъ самыя первыя страницы у отца историковъ, Геродота: онъ подъ историческими формулами разскажетъ намъ ту же доисторическую повѣсть. Первая книга, первыя главы: « Толковники (а) изъ Персовъ говорятъ нынѣ, что виновниками раздора были Финикіяне: они-то отъ Еруѳрейскаго (б) такъ называемаго моря пришедши на здѣшнее (в) и поселившись въ той самой странѣ, гдѣ обитаютъ и нынѣ, тотчасъ приложились къ далекимъ кораблеплаваніямъ, и, разнося товары Египетскіе и Ассирійскіе, прибывали въ ту-другую область, между прочимъ прибыли и въ Аргосъ. Аргосъ же въ то время имѣлъ преимущество передъ всѣми въ области, называемой нынѣ Элладою. Итакъ, прибывши въ этотъ самый Аргосъ, Финикіяне, говорятъ, разложили товаръ; въ пятый же или шестой день по ихъ прибытіи, когда они все почти распродали, пришли къ морю женщины, другія многія, а между ними и Царевна (дочь царская), имя которой было, согласно и съ рѣчами Еллиновъ, Іо Инахова. Ставши онѣ на задкѣ корабля, покупали товары, какіе имъ больше были по душѣ. Финикіяне, распорядившись между собою, ринулись на нихъ; большая часть женщинъ и убѣжали, а Іо съ другими была похищена. Наваливши ихъ въ корабль, тѣ дальше и дальше, и пошли къ Египту. — Такъ-то по рѣчамъ Персовъ, не согласно съ рѣчами Еллиновъ, Іо отбыла въ Египетъ: и вотъ съ чьей стороны первое начало несправедливостей. Послѣ же сего, из-

---

а) Разгадывавшіе загадки древности, первые историки. — б) Еритрейскаго, Mare Rubrum, Черное. — в) Средиземное.

которые изъ Еллиновъ (имени-то ихъ сказать не умѣютъ) прибыли, говорятъ, въ Финикійскій Тиръ и похитили Царевну (царскую дочь) Европу (будь то Критяне). Въ этомъ пока между ними было квитъ: но за симъ виновниками второй неправды стали уже Еллины. Ибо на долгомъ корабле отплывши въ Колхидскую Эю (Айю) и къ рѣкѣ Фазису, подѣлавши здѣсь прочее, изъ за чего прибыли, похитили Царевну (царскую дочь) Медею. Колхидецъ, пославши въ Елладу вѣстника, требовалъ теперь поплатиться за похищеніе и вытребывалъ назадъ дочь: они же отсудили, что какъ тѣ не поплатились, де, имъ за похищеніе Аргивянки Іо, такъ и они не поплатятся съ своей стороны.—Во второмъ послѣ сего, сказываютъ они, поколѣніи, Александръ (а) Пріамовъ, слышавши такія дѣла, захотѣлъ, чтобы у него была жена изъ Еллады чрезъ похищеніе, увѣренный конечно, что не поплатится, потому что и они не поплатились. Когда такимъ образомъ похитилъ онъ Елену, Еллинамъ разсудилось пославши сперва пословъ вытребывать назадъ Елену и требовать поплаты за похищеніе; тѣ же, послѣ сего предложенія, выставили имъ похищеніе Медеи: какъ, де, они, сами не поплатившись и не выдавши того, что отъ нихъ требовалось, захотѣли, чтобы имъ платились другіе? Итакъ до сихъ поръ были у нихъ похищенія другъ у друга поодиночкѣ: отселѣ же Еллины сдѣлались главными виновниками, ибо первые начали воевать на Азію, прежде, чѣмъ тѣ на Европу. Похищать, де, женщинъ, считаютъ нынѣ дѣломъ людей, оскорбляющихъ правду, хлопотать же о карѣ за похищенныхъ—дѣломъ людей безразсудныхъ; а благоразумныхъ людей дѣломъ считаютъ, если не спорить ни на той, ни на другой сторонѣ за похищенныхъ: ибо явно, если бъ сами онѣ не захотѣли, не были бы и похищены. Когда, де, похищены были женщины, сказываютъ Персы, то они, Азіатцы, не дѣлали въ томъ никакого разсчета: Еллины же изъ за Лаконской женщины собрали большую рать и потомъ, пришедши въ Азію, сокрушили силу Пріамову. Съ тѣхъ поръ, де, они считаютъ Еллинское всегда себѣ враждебнымъ. Потому что Персы приурочиваютъ себѣ Азію и обитающіе тамъ варварскіе народы, Европу же и то, что есть Еллинскаго, считаютъ отдѣлившимся.—Такъ было дѣло, сказываютъ Персы, и за взятіе Иліона находятъ возникшее у нихъ начало вражды на Еллиновъ. Касательно же Іо, съ Персами не

а) Парисъ.

сходится въ рѣчахъ Финикіане: потому что, сказываютъ, они отвезли ее въ Египетъ не такъ, чтобы употребили въ дѣло похищеніе, а что она, де, въ Аргосѣ свалялась съ хозяиномъ корабля, да какъ узнала потомъ, что беременна, такъ, стыдясь родителей, добровольно уплыла съ Финикіянами, чтобъ не обличиться. — Такъ вотъ что говорятъ нынѣ Персы и Финикіане. Я же въ сихъ дѣлахъ не пускаюсь въ разборъ, такъ ли то было, или какъ иначе; а кого самъ знаю перваго, начавшаго несправедливости противъ Еллиновъ, того обозначивши, пойду впередъ своими сказаніями, одинаково посѣщая и малые, и великіе города человѣческіе: ибо многое то, что древле было велико, сдѣлалось малымъ, а что стало велико при мнѣ, то было мало прежде.»

Геродотъ разсказалъ намъ, какъ начала и событія, видѣнныя нами въ миѳѣ и въ эпосѣ, воплотились въ первобытной исторіи и международныхъ отношеніяхъ, сдѣлавшись здѣсь достояніемъ лѣтописи. Онъ правъ съ своей точки зрѣнія, но самъ же даетъ намъ побужденіе за исторіею внѣшнею слѣдить внутреннюю, за началомъ исторіи собственной время доисторическое. Въ самомъ дѣлѣ, уже изъ его разсказа и другихъ извѣстныхъ источниковъ видимъ мы, какъ слагавшійся народъ Греческій, изъ средоточія его Европейскаго, сообщался всею жизнію съ ближайшими, облежавшими народами, сообщался общимъ дѣломъ сознанія, сказаній, внѣшнихъ отношеній, переселеній и колоній: туда и сюда шли колоніи, какъ шли миѳы, какъ переѣливалось сознаніе, занятое однимъ дѣломъ. Съ одной стороны, относительно Греціи, видите вы Ассирію, которую наслѣдовали и явили своею стороною Персы, — объ ней пока умолчимъ мы; съ другой стороны Египетъ: обѣ стороны, оба народа и государства равно древніе по началамъ своимъ, и относительно Еллинской Греціи крайне древніе. Египетъ раньше началъ свое развитіе, раньше и кончилъ, и не дошелъ до того, что совершилось далѣе въ Греціи: его колоніи являлись въ Грецію раньше другихъ, начала его вѣросознанія достигали греческаго поприща также ранѣе и связывались тѣсно съ первыми шагами греческаго развитія, потому и въ миѳахъ Греціи, и въ сказаніяхъ, они занимаютъ ступень еще старшую. Посредникомъ и во внѣшней исторіи, и въ движеніяхъ вѣросознанія, какъ между Ассиріянами и Греками, такъ и между Египтянами и Греками, были Финикіяне. Когда же Греки ступили далѣе, эти страны и народы представились имъ—и были дѣйствительно таковы—ступенями прой-

денными, старшими, низведенными — говоря древним языком — въ аидъ или адъ, во тьму, въ бездну минувшаго, но такъ впрочемъ, что Египетъ былъ дальше, Финикія ближе. И мѣстность, и исторія, и доисторическое вѣросознаніе, все отвѣчало одинаково этому положенію. Посмотримъ же на Египетъ, потомъ на Финикію, со стороны событій, насъ занимающихъ (имена божествъ мы будемъ употреблять тѣ, кои приняты были въ Греціи, частію потому, что они болѣе знакомы читателямъ, частію для того, чтобы облегчить переходъ къ Греціи).

Главныя божества, принадлежавшія всѣмъ Египтянамъ, были, такъ названные Греками, Озирисъ и Изида: Озирисъ, представитель бога или начала втораго, болѣе юнаго сравнительно съ первымъ, творческаго, идеальнаго, творца или сына; Изида, составляя его женскую сторону, представлялась то матерью его, то женою или дочерью, смотря потому, каковы были шаги поступавшаго впередъ Озириса. Но Озирисъ, происшедшій отъ бога перваго, еще не достигъ съ нимъ примиренія и былъ въ разрывѣ, въ постоянной борьбѣ; богъ же первый не былъ ни примиренъ окончательно, ни побѣжденъ: напротивъ онъ разъяренъ, онъ преслѣдуетъ Озириса и Изиду, онъ виновникъ смерти или гибели Озириса; отъ него прочіе, вновь нарождавшіеся боги принуждены были бросаться въ тѣла животныхъ, которыхъ такъ чтилъ Египтянинъ, ибо еще не вышелъ отъ нихъ къ человѣческому вполнѣ; подобно какъ нашъ Иванъ, блуждая, проходилъ чрезъ разные виды дочеловѣческаго бытія, чрезъ образы животнаго царства. Такой старый богъ, разгнѣванный и изъ свѣтлаго сдѣлавшійся представителемъ зла и мрака, вносившій всюду зло или сводившій все доброе въ мракъ и бездну, названъ былъ именемъ Тифона. Вотъ вкратцѣ миѳы, какъ разсказывали сами Египтяне или передавали ихъ разсказъ Греки, принимавшіе живѣйшее участіе въ судьбахъ Египта, видя такъ вмѣстѣ и свою былую исторію, и давая ея явленіямъ собственныя имена, изъ своего языка, своихъ миѳовъ, своей жизни. Употребляя греческія имена, говорили: Кроносъ, т. е. старый богъ въ разъяренномъ видѣ, обманутый новымъ, съ сестрою Реею родилъ Озириса и Изиду, какъ Зевса и Геру; или же Озирисъ и Изида прошли черезъ моментъ Зевса и Геры и явились въ этомъ случаѣ — Озирисъ какъ греческій Діонисъ, Изида какъ Деметра или какъ дочь ея Персефона. Но братъ Озириса Тифонъ воплотилъ въ себѣ всю злобу и мрачность Кроноса: это зависѣло

по другимъ миѳамъ и отъ того, что мать родила этихъ братьевъ отъ разныхъ отцевъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія. Когда Озирисъ и Изида, въ юномъ образѣ своемъ, сочетались бракомъ, ими устранены человѣческія жертвы, Изида открыла и дала людямъ хлѣбъ, права, законы, какъ греческая Деметра. Тогда-то озлобился пуще Тифонъ, убилъ Озириса и свелъ его въ бытіе скрытое, въ мракъ смерти и адъ, а прочихъ, нарождавшихся, заставилъ войти въ прежніе образы дочеловѣческаго бытія, въ животныхъ. Эта борьба стараго и новаго начала повторяется во всѣхъ дальнѣйшихъ миѳахъ на разные лады, съ тѣмъ же значеніемъ понесенныхъ страданій, смерти, потомъ стремленія къ воскресенію и жизни новой: то же самое, что мы знаемъ изъ похожденій нашего Ивана въ области первобытнаго эпоса. Сюда постепенно прививаются образы, которые мы также знаемъ, позднѣйшіе, о плаваніи, гибели въ странствованіи, спасеніи тѣмъ же путемъ, сношеніяхъ международныхъ. — Тифонъ, убивши Озириса, скрылъ его въ ящикъ или гробъ и бросилъ въ Нилъ: теченіемъ принесено тѣло въ море, оттуда въ Библосъ Ливанскій, къ предѣламъ Финикіи, легло на молодой поросли, а поросль поднялась въ высокое дерево, скрыло и спасло въ своей верхушкѣ гробъ и трупъ, срублено и перенесено столбомъ въ царскій дворецъ.—Повторяя то же, Изида, свѣдавъ о бѣдствіи, блуждала всюду въ черной одеждѣ, ища супруга; узнавши, гдѣ его трупъ, она явилась къ царицѣ, достигла ея благорасположенія, сдѣлалась кормилицею ея ребенка; сему послѣднему хотѣла она дать безсмертіе, для того ночью обжигала въ огнѣ смертныя его части, — но спасеніе человѣка не удалось: мать случайно увидала страшную картину, человѣкъ лишился безсмертія, богиня Изида открыта. Какъ милости выпросила она скрытый трупъ мужа, оставивъ дерево, его скрывавшее, въ храмѣ Финикійскомъ на вѣчное почитаніе, а сама вернулась въ Египетъ.—Дѣло спасенія достигало конца: но именно потому, что оно у Египтянъ не завершалось, оно повторяется еще нѣсколько разъ. Тифонъ узналъ, гдѣ лежитъ бальзамированное тѣло брата, похитилъ его, и, чтобы не было впередъ того же, растерзалъ его на части и разсѣялъ въ Нильскихъ болотахъ: однако Изида опять отыскала ихъ, кромѣ того органа, который могъ бы возродить новую жизнь. — Въ дальнѣйшемъ овеществленіи этихъ внутреннихъ событій, былъ тотъ разсказъ, по которому Озирисъ является могущественнымъ царемъ внѣшней исторіи; чтобы даровать благодѣянія

и прочимъ народамъ, онъ становится во главѣ многочисленной рати, оставляетъ жену подъ защитой посредниковъ, греческимъ именемъ Гермеса и Геракла, самъ отправляется въ иныя страны, проходитъ Эѳіопію, Аравію, Индію, переднюю Азію и даже части Греціи. Этому отвѣчали конечно первыя Египетскія колоніи и послѣдующія завоеванія. Всюду побѣждалъ онъ благодѣяніями, одного не побѣдилъ — брата Тифона, отъ котораго погибъ самъ. Изида также на кораблахъ отыскиваетъ и привозитъ супруга. Таково было общее сознаніе Египтянъ. — Но были еще и дальнѣйшія ступени, частію связанныя тѣснѣе съ греческими, частію открывавшіяся только уму, или же извѣстныя только жрецамъ и посвященнымъ въ мистеріи. Такъ мы упоминали о Гераклѣ, этомъ выразителѣ тяжкихъ подвиговъ борьбы новаго божества со старымъ, каковъ онъ явился яснѣе у Финикіянъ и Грековъ.—Онъ близко подходилъ къ Гору. Озирисъ по смерти посѣщалъ жену, она родила отъ этихъ свиданій Гора младшаго, воспитаннаго подъ руководствомъ оживавшаго отца, но повторившаго его исторію: именно, хотя онъ побѣдилъ Тифона, но мать подарила сему послѣднему жизнь и сынъ долженъ былъ бороться съ нею какъ съ измѣнщицей. Изида, какъ память объ этомъ, понесла на головѣ рога, знамя стараго и злобнаго бога, а вмѣстѣ новаго наставшаго періода, одно изъ тѣхъ средствъ гибели и спасенія, которыя мы уже видѣли.—Обратное отношеніе рисуетъ намъ Аммонъ, которому воздвигнуто было знаменитое святилище на Оазисѣ, выражая своими миѳами преслѣдованіе жены, спасаясь отъ нея сыномъ, достигая почтенія черезъ сего послѣдняго, прибывшаго изъ Греціи. Самыя обстоятельства его миѳа переданы уже болѣе исторически. Царь Ливіи, имѣлъ онъ въ замужествѣ Рею, сестру Кроноса, ту же, что была матерью Озириса и Изиды. Онъ измѣнялъ ей, склонившись къ Амалѳеѣ, той самой, которая спасла молодѣтняго Зевса молокомъ своимъ, какъ коза, и чей рогъ въ награду за то сдѣланъ рогомъ изобилія. Обличеніемъ преступленія былъ сынъ, по греческому имени Діонисъ. Чтобы прикрыть грѣхъ, отецъ подарилъ любимицѣ край, имѣвшій фигуру рога и отличавшійся плодородіемъ, изобиліемъ; сынъ былъ удаленъ отъ мщеній супруги Аммона въ Ѳису или Нисъ, откуда и получилъ имя—«бога Ниса,» Діо-нисъ. Выросши, онъ прославился дѣлами: Рея не могла терпѣть его, разошлась за то съ мужемъ, вышла за брата Кроноса и начала съ нимъ то же злобное мщеніе, какъ Тифонъ. Аммонъ долженъ былъ блуж-

дать отъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ Кроносомъ вмѣстѣ съ Титанами, пока не воротилъ и не спасъ его Діонисъ. Память объ этой борьбѣ и странствованіяхъ сохранилась и въ изображеніяхъ Аммона, носившихся въ процессіи: онъ сидѣлъ на кораблѣ, какъ кормчій. Другимъ знаменемъ того же были его рога. Сынъ Діонисъ, явившійся въ Африку съ своимъ войскомъ и спасшій ее отъ предстоявшаго голода, поставилъ отцу храмъ, далъ отцу знаменемъ рога и самъ, какъ увидимъ еще послѣ, принялъ ихъ. Аммонъ соединялъ въ себѣ такимъ образомъ всю исторію сознанія и даже внѣшнихъ международныхъ сношеній Египта, доводя ее дальше обычной Египту ступени, близко уже къ Греціи. — Теперь два слова о мистеріяхъ, связанныхъ съ празднествомъ Изиды и открывавшихъ для немногихъ выходъ изъ борьбы и преобладанія смерти. Знаменитѣе другихъ былъ храмъ Изиды въ Саисѣ, гдѣ находилась и громадная фигура ея, облеченная въ широкое покрывало: борьба была еще не закончена, не разрѣшена, не привела къ желанному выходу и разгадкѣ; надпись гласила: «я то, что было, что есть и будетъ, моего покрывала не подымалъ еще ни одинъ смертный.» Ее представляли и какъ царицу ночи: образъ полумѣсяца всегда имѣлъ одинакое примѣненіе, какъ и рога; плащь богини, черный, усѣянъ былъ звѣздами. Золотой сосудъ, какъ чаша горести, которую испила Изида, трещотка или гремушка (систронъ), которою она прогнала Тифона, змѣи, колосья и т. п. дополняли образъ. Празднество начиналось передъ восходомъ солнца всеобщимъ очищеніемъ, погруженіемъ въ море, при чемъ семь разъ окунали голову. Потомъ двигалась процессія со статуей богини, въ самыхъ пестрыхъ нарядахъ, выражавшихъ тѣ разныя ступени или образы бытія, которые пройдены были сознаніемъ. Музыка, какъ и въ процессіяхъ Діониса (даже въ Греціи), всегда имѣла болѣе восточный характеръ, съ громомъ, трескомъ и рѣзкостью. Несли свѣтильникъ въ видѣ ладьи; посохъ, выражавшій то же блужданіе и принадлежность посредника блужданій Гермеса; золотую ванну, обвитую вѣтвями, образъ гроба Озирисова и купели новорожденнаго, но не созрѣвшаго спасителя. Прочіе боги, сопровождавшіе шествіе, были съ головами или вообще въ образахъ животныхъ, въ какихъ остались они скрывшись отъ Тифона и изъ которыхъ не были выпущены богомъ-разрѣшителемъ. На груди того, кто несъ ковчегъ, раку или гробъ, несенъ былъ образъ высшаго божества, въ подобіи сфинкса, не похожій ни на животнаго, ни на звѣря, ни на птицу, ни на

человѣка, каково было само сознаніе, еще не достигшее творческой опредѣленности. Особенно исполнено было тайны несомое дерево, вѣтви коего всегда и у всѣхъ сопровождали шествіе втораго бога-побѣдителя: но у Египтянъ оно напоминало гробъ Озириса; обрубая верхушку и вѣтви, изъ ствола представляли Озириса, котораго потомъ погребали. Весь этотъ ходъ направлялся къ берегу моря, гдѣ ожидалъ священный корабль, напоминавшій убороъ своимъ то же значеніе, которое выражалось и въ частяхъ процессіи. Когда онъ отчаливалъ и скрывался изъ глазъ, ходъ возвращался въ храмъ, ставилъ священныя вещи на мѣсто, посылалъ напутствія удалившемуся кораблю. Посвященіе въ мистеріи сопровождалось тѣмъ же ходомъ, какой совершаемъ былъ и во внѣшности, съ тѣмъ различіемъ, что посвящаемый проходилъ внутри всѣхъ образовъ религіи, какъ прошло черезъ нихъ сознаніе; онъ проходилъ черезъ бездну мрака и смерти, и достигалъ того, что не такъ ясно выражалось во внѣшности: предчувствіемъ и глубокой тайною касался онъ надежды спасенія и воскресенія, вѣчной жизни и безсмертія души. Апулей, прошедшій этотъ путь и оставившій намъ описаніе, говоритъ: «я приблизился къ предѣламъ смерти; вступивши на порогъ Персефоны, я прошелъ чрезъ всѣ стихіи и паки возратился оттуда. Мнѣ среди ночи, казалось, блистало солнце въ яркомъ свѣтѣ; я былъ въ присутствіи боговъ высшихъ и преисподнихъ и молился имъ въ близи.» Изида возвѣщала: «Ты будешь счастливъ въ жизни, ты будешь исполненъ славы подъ моимъ покровомъ. Если ты достигъ обычной цѣли жизни, ты низойдешь къ тѣнямъ и будешь тамъ обитать на нивахъ блаженства; если ты ревностію къ моему служенію и ненарушимымъ цѣломудріемъ достигнешь моей благодати, ты увѣдаешь, что въ моей власти продлить дни твои за роковые предѣлы времени.»—Но общее сознаніе Египта, какъ сказано, не достигало этихъ представленій: оно было разорвано въ борьбѣ, поражено уныніемъ предъ злобою Тифона, слѣдовало въ обители мрака и смерти за Озирисомъ. Звуки его музыки сопровождали собою похороны, чаша давала испить только горечь, корабли, на которыхъ изображалась большая часть боговъ, кончая странствованіе приносили съ собою только гробъ, дерево вмѣщало или обвивало вѣтвями трупъ Озириса. Это было цѣлое царство мертвыхъ, съ бальзамированными муміями, не обѣщавшими воскресенія; страна сфинксовъ и ихъ неразрѣшенныхъ загадокъ. На пирахъ Египта носили черепъ; главнымъ творчествомъ народа было сооруженіе гробницъ. — Понятно, какое впечатлѣніе

долженъ былъ производить такой народъ на соприкасавшихся съ нимъ, на тѣ народы, какъ на примѣръ греческій, которые прошли эту ступень, вышли къ полной побѣдѣ втораго бога надъ озлобленнымъ первымъ, гдѣ древнѣйшее божество все проникнулось творческимъ, идеальнымъ, юнымъ началомъ, а второе свободно подчинилось ему въ качествѣ сына. Египетъ, съ сопредѣльною ему Аравіею и даже Финикіею, какъ переходомъ въ сознаніи, который мы еще увидимъ, окрашивался чернымъ цвѣтомъ. Этому отчасти отвѣчала и внѣшность: страны палящаго солнца приводили къ загару и черному или смуглому цвѣту лицъ. Это было въ родѣ того образа, который между прочими носили въ ходу Изиды, съ половиною лица позолоченною, половиною черною (nunc atra, nunc aurea facie, Апулей); какъ само божество Египтянъ, изъ свѣтлаго обращавшееся въ мрачное, жгучее злобою и темное насылаемою смертію. Въ представленіяхъ Іудеевъ это отразилось еще сильнѣе и съ тою же окраскою перешло къ Христіанству. Здѣсь Египетъ, даже по внѣшней исторіи плѣна и бѣгства изъ плѣна, по позднѣйшимъ завоеваніямъ оттуда, по внѣшнему положенію страны, откуда и имя Аравіи, какъ страны солнечнаго захожденія, наконецъ по завоеваніямъ Сарацинъ и долгой борьбѣ съ ними, — все это стало символомъ мрака, рабства смерти и грѣху, зла, ада, бѣсовъ. Отсюда большая часть представленій о цвѣтѣ народовъ, о фигурѣ враговъ, злыхъ духовъ, о самомъ имени ихъ, изъ Денницы и свѣтоноснаго Люцифера обратившагося въ звѣзду вечерняго мрака и въ князя тьмы. Приведемъ нѣсколько такихъ представленій и названій. Уже изъ Гомеровыхъ описаній мы знаемъ, какъ богъ солнца, Геліосъ встаетъ каждый день изъ морскихъ волнъ и снова въ нихъ погружается: Геліосу соотвѣтствовалъ въ Египтѣ богъ, котораго мы видѣли подъ именемъ Кроноса, съ символомъ также солнца, какъ и Аммонъ; прелюбодѣяніе Реи отъ Кроноса совершено было въ Египтѣ по нѣкоторымъ миѳамъ именно съ Геліосомъ: тамъ-то онъ поднимался изъ бездны и снова въ нее погружался, среди борьбы раздвоеннаго вѣросознанія. Страна восхожденія и захожденія солнца разумѣется сильно занимала вниманіе: для Грековъ первоначально это была одна и та же страна, на одномъ краю страна Гипербореевъ, на другомъ Эѳіоповъ, людей добрыхъ и благочестивыхъ; на ихъ лица падали первые лучи восходящаго солнца; къ нимъ обыкновенно спѣшилъ богъ, чтобы получить пылающія жертвы; это то же, что наши антиподы, раньше насъ, ка-

жется, пользующіеся солнцемъ и раньше насъ его теряющіе среди мрака. Только позднѣе опредѣлились страны свѣта астрономически и географически. Потому Эѳіопъ, *Αἰθί-οψ*, значитъ первоначально человѣка съ лицемъ, которое освѣщаетъ и печетъ своими лучами солнце, потомъ съ лицемъ загорѣлымъ и наконецъ чернымъ. И нужно замѣтить, что страна этого народа долго не была опредѣлена, простираясь, по мнѣнію древнихъ, вмѣстѣ со всею Ливіею или Африкою, страною «зноемъ палимою,» вопреки съуживанію на Югѣ, далеко въ ширь и совпадая тамъ съ Аравіею, Финикіею и всею нижнею Азіею. Объ отношеніи Эѳіоповъ къ Евреямъ мы говорили уже. Черезъ посредство этихъ двухъ народовъ, Евреевъ и Грековъ, извѣстно, что Эѳіопъ съ самого начала христіанства значилъ страшилище и потомъ чернаго бѣса. Напрасно потому нѣкоторые изъ нашихъ и другое имя, имя Аравитянъ, хотятъ раздѣлить на Арабовъ и Араповъ, пріурочивая первыхъ по смуглому цвѣту лица къ Аравіи, вторыхъ по черному къ Африкѣ: представленія объ этихъ странахъ сливались и слово совершенно одно и то же. Третье имя Мавръ. Корень есть *мур-* съ долгимъ *у*, являющійся у насъ въ словахъ, съ привитымъ *с* или *х*, *с-мур-ъ*, *па-с-мур-енъ*, *х-мур-ить* и т. п., т. е. съ представленіемъ мрака, цвѣта тучи или ночи, цвѣта чернаго. Въ греческомъ слово это корня является во первыхъ съ долгимъ *ау*, откуда *μαυρ-ός*, *маур-осъ*, мрачный, *μαυρ-όω*—помрачать, лишать блеска и славы, чести, потомъ позднѣе *Μαῦρ-ος*, Мавръ, *Μαυρ-ουσία*, Африканская Мавританія по берегу Атлантическаго моря до Нумидіи, имя, перешедшее на Арабовъ и Сарациновъ. Это же слово, черезъ *оу*, является съ краткимъ *у* или *о* въ словахъ, на примѣръ, *μουῤῥ-ίνη*, *μυῤῥ-ίνη*, *μυρ-ίνη*, *μοῤῥ-ίνη*, *μοῤῥ-ία* и т. п., лат. *murrea*, *murrina*, посуда, принесенная послѣ въ Римъ изъ Азіи, о веществѣ которой до сихъ поръ спорятъ; но въ простѣйшемъ видѣ своемъ конечно была она изъ обожженой или черной глины съ глазурью, наша *мурава*, *муравленый* (филологи, что случается съ ними рѣдко, въ объясненіи этого слова обратились давно къ языку Славянскому). Если она была червчатая, съ нарѣзками, травчатая, то это опять объясняется нашимъ языкомъ, въ которомъ *мурава* относится вмѣстѣ и къ посудѣ, изразцамъ, и т. п., и къ травѣ, а имя *чěр-тъ* одинаково связано и со словомъ *чер-нъ*, и *чер-тà*. Какъ бы то ни было, но только въ Христіанскомъ мірѣ, особенно въ Византійскомъ и Сла-

вянскомъ, *Мавръ*. единичное и личное *Мавр-нинъ*, получило значеніе совершенно одинаковое съ Эѳіопомъ, какъ мрачное страшилище, бѣсъ, чортъ: это Ц. славянское *Моуръ* или *Моуринъ*, который переводилось и *Αἰθίοψ*, Эѳіопъ, и который является постоянно во всѣхъ Житейникахъ. О другихъ развѣтвленіяхъ корня *мор-* и *мѡр-*; *мор-* и *мо̂р-*, скажемъ ниже.—Переходомъ отъ мрачнаго Египта, черной Эѳіопіи и Аравіи, къ Финикіи, служило Черное море; самое имя сей послѣдней *Φοίνιξ*, Фойниксъ, Фениксъ или Финиксъ, значило равно и Финикіянина, и другіе родственные предметы древнихъ представленій. Таковъ извѣстный Фениксъ, чудная птица Египта, то умирающая, то возрождающаяся снова для смерти; того же Фойникса или Финикса видѣли мы въ самомъ началѣ, въ миѳахъ о похищеніи его дочери. Далѣе это имя багроваго цвѣта, багровой краски, багряницы, Финикійскихъ изобрѣтеній. Цвѣтъ багровый или темнокрасный былъ именно среднимъ между свѣтомъ бѣлымъ и мракомъ, какъ срединно было вѣросознаніе самихъ Финикіянъ, и срединна страна ихъ для Грековъ, и сами жители ея, видѣли мы, были посредниками въ торговлѣ и международныхъ отношеніяхъ. Но сравнительно съ Греками, достигшими дальнѣйшей ясности, трудные подвиги Финикіянъ, ихъ боговъ и героевъ, были все-таки мрачны: отважные мореплаватели переходили въ морскихъ разбойниковъ, а эти издревле представлялись черными. Съ той же точки зрѣнія, послѣ пройденной трудной борьбы развитія, древняя птица наша, о которой говорили мы, отвѣчающая Фениксу, получила послѣ названіе «Черна, Черминога, Черно-гаръ.» Мы сейчасъ въ этомъ убѣдимся относительно Финикіянъ, перешедши къ ихъ главному герою, еще на ступени божеской.

Какъ въ Египтѣ мы выиграли для нашего дѣла нужнѣйшее представленіе — Т и ф о н а , такъ въ Финикіи выигрываемъ дальнѣйшую ступень его — М е л ь к а р т а , соотвѣтствующаго греческому Гераклу , латинскому Геркулу. Онъ былъ представителемъ втораго бога или начала, но такъ, какъ и самъ Финикійскій народъ, посредствующимъ между ожесточеннымъ богомъ первымъ и побѣдителемъ вторымъ, между Востокомъ , Азіею и Африкою съ одной стороны, и между Европою, а въ ней прежде всего Греціею. Въ Вавилоно-Ассирійской религіи богиня, выраженная миѳомъ о Семирамидѣ, подъ вліяніемъ втораго бога являлась распутною , но вмѣстѣ и жестокосердою : второй богъ при ней долженъ былъ и

торжествовать временно, и страдать. Это былъ Сарданъ или Санданъ, выраженный въ лицѣ Сарданапала, погибшаго въ огнѣ послѣ распутствъ. Санданъ, отданный рабскому труду развитія, дѣлался женоподобнымъ: онъ отдалъ свою палицу и звѣриную кожу, служившую одѣяніемъ, женщинѣ; а самъ надѣлъ женскія одѣянія; въ Лидіи называлась эта древняя богиня или женщина Онфалою, извѣстною по отношеніямъ къ Гераклу. Съ этимъ соединялся праздникъ рабовъ, когда на нѣсколько дней дозволялось имъ распутство, допускались царскія яства и одежды, потомъ ожидала ихъ смерть. Въ переходѣ отъ Ассиріи, въ Сиріи юный богъ достигъ любви богини, но падалъ жертвою ея. Миѳъ о Стратоникѣ говоритъ, что она отъ стараго мужа горячо полюбила юношу Комбаба, но онъ, боясь ревности старика, оскопилъ себя; или она дѣлается предметомъ жаркой любви своего пасынка при жизни еще мужа, юноша блѣднѣетъ и сохнетъ, пока ловкимъ обманомъ посредника склонили отца уступить сыну и мачиху, и царство. Но плода союза не было: Сиріяне, скопившіе себя въ честь Комбаба, губили и новорожденные организмы, зашивали дѣтей въ мѣшокъ и бросали съ высоты, приговаривая: «это не дѣти, а тельцы!» На Югѣ отъ собственной Финикіи, въ землѣ Филистеевъ, богиня гибла вмѣстѣ съ юнымъ любимцемъ своимъ: она сама умертвила его отъ стыда передъ мужемъ, дочь выбросила въ горы, гдѣ воспитали ее пастухи и голуби — это была Семирамида, а сама мать бросилась въ волны и обернулась рыбою. На сѣверъ отъ Финикіи, въ религіи Ливана, послѣдовало то же переходное состояніе, хотя и заключившееся союзомъ богини съ юношею и плодомъ союза. Тамъ или самъ старый богъ юнѣлъ, сохраняя въ себѣ однакоже все еще грозу и гнѣвность; или богиня успѣвала только обняться съ юношей и сама мѣстность носила имя «объятія,» дочь же ихъ бросилась въ волны, какъ Ляшская Ванда; или достигались плоды и обиліе, богиня держала извѣстный намъ рогъ изобилія, но сама умирала отъ любви и показывали ея гробницу; или, всего рѣшительнѣе, юноша являлся Адонисомъ, Адоніемъ, миѳъ, разработанный послѣ обширно въ Греціи съ отношеніемъ къ Афродитѣ. Его отецъ былъ Фойниксъ, нами не разъ поминавшійся; самъ онъ достигъ уже полнаго союза съ богинею и торжества, сближался съ побѣдителемъ-Діонисомъ, но среди торжества погибъ раннею смертію: старый богъ наслалъ страшнаго кабана, растерзавшаго юношу. Вѣросознаніе обнимала невыразимая тоска, выражавшаяся громкимъ пла-

чемъ; десятки юношей, созданныхъ миөомъ и творчествомъ, повторяли исторію Адониса; ихъ искали, звали рыдая и бѣгая по полямъ, здѣсь было начало послѣдующей элегіи. Флейта, ее сопровождавшая, на этой ступени вѣросознанія выражала только грусть или похоронный плачь и не переходила еще въ звукъ побѣдоноснаго рога. Однимъ словомъ, Адонисъ близко отождествлялся съ Озирисомъ, и какъ тотъ былъ принесенъ теченіемъ волнъ въ Библосъ Ливанскій, такъ и послѣ дней плача по Адонисѣ, приносился изъ Египта въ волнахъ сосудъ изъ папира, вмѣщавшій радостную вѣсть, что юный богъ живъ. Но сознаніе уже не видало этого воскресшаго и останавливалось на потерѣ. — Такъ и съ этой стороны, какъ со стороны Египта, Мелькартъ Финикійскій былъ посредникомъ, ибо возмужалъ и окрѣпъ болѣе всѣхъ этихъ недоростковъ и малолѣтокъ: потому по миөамъ онъ даже былъ иногда враждебенъ имъ или отзывался о нихъ съ презрѣніемъ. Однако и самъ онъ еще не достигъ окончательной побѣды. Старшимъ богомъ Финикіи былъ Ваалъ, отвѣчающій Кроносу, гнѣвный, исключительный; солнце принадлежало ему какъ символъ въ общемъ значеніи. Но частные его виды выражались въ разныхъ образахъ: жгучій богъ былъ его отродокъ, Молохъ или Мелехъ, принимавшій страшныя жертвы, въ которыхъ сожигались люди и дѣти; Ваалъ-Зифонъ, Василискъ, повторялъ Тифона; Ваалъ-Зебубъ или Зевулъ, насылавшій песьихъ мухъ и язвы на людей, перешелъ у Евреевъ въ имя Веелзевула, князя бѣсовъ. Не только цѣпенѣли люди въ соприкосновеніи съ Вааломъ, но и сами боги при немъ держались въ оковахъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ богинею Астартой, проникло сюда совершенное броженіе сознанія и стихійность. При такомъ порядкѣ вещей принять на себя жгучесть стараго бога и стихійность богини, и, сочетавъ вмѣстѣ, понести въ этой тяжкой средѣ громадный трудъ человѣческаго развитія, эту задачу взялъ на себя подвижникъ и труженикъ древняго міра Мелькартъ. Онъ самъ назывался «Меньшимъ Вааломъ;» самое имя «Мелехъ-кареъ» или—«картъ» напоминало въ половину Молоха. Но онъ уже защищалъ и охранялъ людей, убивалъ страшныхъ и вредныхъ животныхъ, научалъ разгадывать тайну и загадку искуствъ и врачеваній, боролся со смертію, аидомъ или адомъ, носилъ имя посредника и спасителя. Онъ, выражавшій болѣе всего народъ свой, первый началъ ставить города въ собственномъ смыслѣ: *каре*— значить «городъ» и является въ имени Карөагена; имъ выведены въ

море первые отважные мореплаватели, разнесены колоніи, населенъ сѣверный берегъ Африки, пройдены Геркулесовы Столбы. Финикійскій народъ былъ узломъ, который связалъ собою Ассирію и Египетъ съ Европою, Востокъ и Западъ, доисторическое время съ историческимъ, миѳы и эпосъ съ исторіею, знаки, черты и рѣзы съ азбукою и грамотою. Не мудрено, что Геродотъ, какъ мы видѣли, началъ свою исторію съ этой минуты. Но труженикъ Мелькартъ, или народъ Финикійскій, не видѣлъ еще плода трудовъ своихъ: онъ былъ самъ еще слишкомъ тяжелъ и грубъ, какъ грубы и суровы его громадныя постройки; трудъ его отзывался рабствомъ, и, какъ рабъ Ассирійскій, Мелькартъ погибъ на кострѣ, по другимъ убитъ былъ Тифономъ въ путешествіи по Египту. Финикіяне, вышедшіе изъ кочевья, построившіе города, извѣдавшіе бытъ земледѣлія, отдались въ то же время другаго рода кочевью, блужданію и странствованію по морямъ; разносили торговлю, осѣдлость, и были сами же родоначальниками морскихъ грабителей и похитителей. Ихъ благодѣтельнымъ вліяніемъ не искупались два главные порока, въ которыхъ обвиняли ихъ Греки,—тягость ихней власти, налагавшей ярмо и оковы, корыстолюбіе и алчность, истекавшія изъ ненасытимости Ваала, легко переходившія въ грабежъ и воровство. Уяснить все это или возвысить и облагородить, на сколько возможно было язычеству, отдано было въ удѣлъ Греціи, къ которой снова и возвращаемся мы.

Кроносъ уже побѣжденъ и побѣду надъ нимъ торжественно праздновали въ Греціи. Зевсъ побѣдою выпустилъ и сдержанныхъ отцемъ братьевъ его. Преисподняя сдѣлалась Аидомъ или Адомъ, все еще мрачнымъ богомъ, все еще похитителемъ, но съ отсвѣтомъ Олимпическимъ, съ успокоеніемъ и просвѣтленіемъ; Адъ даетъ только помѣщеніе низверженнымъ и побѣжденнымъ чудовищамъ. Египетскій Тифонъ, соотвѣтствующій Кроносу, имѣлъ мѣсто и въ Греціи, какъ чадо Тартара, шагая черезъ горы, доставая головою неба, руками касаясь Востока и Запада, съ сотнею драконовыхъ головъ, чернымъ языкомъ, потоками пламени изъ глазъ, съ гортанью, выдыхавшею смерть и голосъ—то сходный съ языкомъ боговъ, то съ ревомъ быка или льва, лаемъ собаки, пронзительнымъ свистомъ змѣи. Отъ его первыхъ поворотовъ новорожденные греческіе боги побросались въ Египетъ, въ образы животныхъ, а Афродита даже къ Ассиріянамъ въ озеро, въ рыбу. Самъ Зевсъ, выжидавшій борьбы, былъ

схваченъ и засаженъ въ бездну, пока не свободилъ его посредникъ Гермесъ.. Низверженные Титаны нашли въ немъ себѣ мстителя: когда Зевсъ сразился, они съ княземъ преисподней дрожали въ тартарѣ. Но Перунъ Громовержца такъ сильно ударилъ наконецъ въ голову, что чудовище низверглось, испустивъ потоки лавы, связано «пѣнявицами мрака,» придавлено наворочениой Этной. И оттуда оно не переставало высылать на землю чудовищъ: но то были уже дѣти его, низложенныя дѣтьми Зевса или героями, — Титій, тождественный именемъ, посягнувшій на мать Аполлона и убитый имъ, особенно Ехидна, Сфинксъ, Керверъ, Гидра, Драконы и т. п., сокрушенные окончательно по большей части Геракломъ. Вѣроятно того же происхожденія и другой Титіасъ, сдѣлавшійся уже сыномъ Зевса, грозный кулачный боецъ, такъ хорошо встряхнутый Геракломъ, что у него вылетѣли зубы изо рту. Въ такомъ страшномъ еще, но уже усмиренномъ и связанномъ видѣ встрѣтимъ мы Тифона въ началѣ сказаній о Саломонѣ. — Выбирая изъ всѣхъ этихъ чудовищъ тѣхъ, кои нужны для нашего дѣла, слѣдующую ступень находимъ въ К е н т а в р а х ъ. Дѣти Иксіона, похвалившагося благосклонностію Геры и за то низверженнаго въ тартаръ, они являются нѣсколько позднѣе борьбы между богами и, какъ существа демоническія, находятъ себѣ подъ пару борца въ Гераклѣ, который изъ Финикійскаго бога въ Греціи сдѣлался не только полубогомъ, но даже и героемъ эпоса. Одинаковые съ нашими Полканами, они собственною своею фигурою, получеловѣческою и полукониною, выражали двойство, зла и добра, періода пройденнаго до человѣка въ образахъ животныхъ и собственно человѣческаго. То же двойство выражалось и въ ихъ дѣйствіяхъ: безпрерывно сталкиваясь со вторымъ богомъ или героями, его выражавшими, покушаясь на похищеніе и насиліе женщинъ, то наваливаясь тучами, то снова исчезая, они были образомъ кочевниковъ: не даромъ нѣкоторые объясняютъ развитіе ихъ образа въ Греціи послѣ знакомства со Скиѳами, которые, налетая и грабя, столь же быстро исчезали, сливая вдали человѣка и коня въ одинъ нераздѣльный образъ степнаго всадника. Съ другой стороны, подобно нашему Святогору, обучившему Илью и передавшему наслѣдіе силы и самого меча герою человѣческому, Кентавры также разгадываютъ героямъ древности всѣ трудныя загадки жизни, обучаютъ ихъ, руководятъ, выводятъ въ люди. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Хиронъ: сначала разсказывается, что учителемъ Ахилла былъ извѣстный намъ

Фойниксъ или Финиксъ, потомъ его мѣсто занимаетъ Хиронъ, пращуръ Ахилла; онъ же спасаетъ, какъ увидимъ ниже, Промеѳея. Съ этой мягкой и благой стороны своей Кентавры подчинялись вліянію втораго бога и, хотя боролись съ его грозною стороною, выражавшейся въ Гераклѣ, за то пользовались дарами Діониса. Только этотъ даръ былъ не по силамъ ихъ грубой природѣ, и былъ виновникомъ ихъ гибели: обоюду-острое средство, нами помянутое выше. Такъ, Діонисъ подарилъ Хирону сосудъ вина, съ условіемъ не открывать до прибытія Геракла: нѣсколько поколѣній выжидали злаго труженика-избавителя съ воздержностію; наконецъ онъ явился. Сосудъ раскрытъ, на запахъ Діонисова дара навалили Кентавры, перепились, бросились на героя, но сами же погибли въ борьбѣ. Другая свалка ихъ съ Лапитами на свадьбѣ помянутаго друга Ѳесеева Пириѳоя кончилась совершеннымъ ихъ низложеніемъ, бѣгствомъ, голодною смертію. Когда Діонисъ явился во всемъ блескѣ торжества и побѣды, они переродились и вступили въ его свиту покорными слугами. Всѣ почти эти черты найдемъ мы въ сказаніяхъ о Саломонѣ, гдѣ греческое Кентаврось перешло на Славянскій въ Китовраса, а полчища Кентавровъ сдѣланы или бѣсами, или покорными служителями — «коньми-людьми». Замѣтимъ мимоходомъ о загадочномъ для филологовъ производствѣ имени *Кентавра*: если у насъ творчество переводитъ ихъ «кони-люди», то непремѣнно подтверждается объясненіе А. С. Хомякова, изложенное нами въ «Замѣткѣ» къ 4-му вып. Кир.: именно, *кен*- есть то же, что въ Славянскомъ *конь*; другая половина слова, *тавръ* или *туръ*, дикой быкъ, есть послѣдняя ступень, какъ мы говорили не разъ, въ переходѣ отъ образовъ животныхъ къ человѣческому; потому въ миѳахъ, нами приведенныхъ, такъ часто человѣческое сознаніе, хотя бы то было въ формѣ божества, оборачивается въ ближайшій себѣ образъ быка, а въ мірѣ эпоса является торжественое прозвище героевъ *буй-туръ* или *яръ-туръ*. — Посредникомъ борьбы и столкновеній въ области собственныхъ божествъ, является главнымъ образомъ Гермесъ, какъ ловкій посолъ, и вѣстникъ между всѣми тремя царствами міра, между его свѣтлой и мрачной стороной: природу его, въ связи съ Славянствомъ, отчасти объясняли мы въ «Замѣткѣ» къ 4-му вып. Кир. и въ началѣ этой статьи. Замѣчательно, что онъ же богъ торговли, онъ и похититель, воръ, ночной подсмотрщикъ; провожая въ адъ и выводя оттуда,

онъ является также и на кораблѣ, ибо по представленію, начала коего нами раскрыты, души, переселяющіяся изъ одной жизни въ другую, обыкновенно плывутъ въ суднѣ, что извѣстно и у насъ Славянъ.— Но съ той стороны, гдѣ переходъ къ торжествующему Діонису выражается тяжкимъ трудомъ, и особенно въ области существъ демоническихъ, а также между ними и людьми, посредникъ есть главнымъ образомъ Мелькартъ, Гераклъ или Геркулъ. Какъ и лица, выше нами помянутыя, рожденный отъ прелюбодѣянія матери съ Зевсомъ, онъ явился отцу Амфитруону неожиданной загадкой, которую объяснилъ только прорицатель. Въ дѣтствѣ обреченный на укрывательство, онъ долженъ былъ испытать преслѣдованія ревнивой жены Громовержца. Съ самыхъ раннихъ поръ, какъ и наши русскіе герои, началъ онъ въ играхъ «творить творки не по маленькимъ,» кому руку, кому ногу или голову прочь, кого разорветъ по поламъ. Съ тѣхъ поръ выступилъ онъ прямо на многотрудную жизнь свою, то исходя изъ отечественныхъ Ѳивъ, то снова возвращаясь сюда, какъ наши богатыри въ Кіевъ съ украйнъ. Въ началѣ онъ освободилъ городъ отъ Грековъ, требовавшихъ податей черезъ гордыхъ вѣстниковъ, поступивши съ ними совершенно какъ Илья съ нахальнымъ Татариномъ, явившимся въ Кіевъ. Убивши, въ припадкѣ ярости, насланной отъ Геры, собственнаго сына, какъ Илья Сокольничка или Збута, Гераклъ осудилъ себя на собственное изгнаніе изъ города, опять какъ нашъ Илья, долго не жившій въ Кіевѣ (см. «Замѣтки» къ вып. Кир.), и искалъ очищенія въ Дельфахъ у Пиѳіи. Вообще онъ не разъ долженъ былъ прибѣгать къ этому покаянію послѣ многихъ убійствъ, подобно какъ нашъ Добрыня имѣлъ причины горько жаловаться передъ матерью на то, что слезилъ отцовъ-матерей и вдовъ, убивалъ неповинныхъ. Въ настоящемъ случаѣ прорицательница въ первые нарекла его, Алкида, Геракломъ (это обстоятельство мы встрѣтимъ въ сказаніяхъ о Саломонѣ) и отправила на извѣстные покаянные подвиги къ слабосилѣ Еврисѳею, находившему особую радость въ тяжкихъ страдахъ труженика. Рядъ этихъ подвиговъ болѣе или менѣе извѣстенъ каждому: къ нему присоединялось множество и другихъ, такъ что вообще не было труднаго дѣла древнему человѣку, гдѣ бы не участвовалъ знаменитый подвижникъ. Замѣтимъ, что почти всѣ эти подвиги встрѣчаются равно въ сказаніяхъ о нашемъ труженикѣ, извѣстномъ большею частію подъ именемъ Ивана, и даже на дальнѣйшей ступени, въ образахъ Кіевскаго

творчества. Сопоставлять всѣ подробности и изслѣдовать соотношенія было бы не у мѣста въ настоящей статьѣ: вотъ бы плодотворная задача для нашихъ миѳографовъ. Не много они сдѣлаютъ, вводя къ намъ Одина, Тора, Локи, Квасира, Мидгарда, Сигурда, ибо эти сами нуждаются въ объясненіи изъ Греціи, и разумное всякое объясненіе пользуется не равнымъ, а высшимъ, болѣе древнимъ или болѣе яснымъ; а для удобства сравненій съ Греціею можно подыскать такія же доступныя нѣмецкія книжки, какъ и для нѣмецкой миѳологіи и вытекшаго изъ нея эпоса. Уже и то, что̀ предложили мы въ прежнихъ «Замѣткахъ» изъ подвиговъ Ивана и Кіевскихъ богатырей, даетъ достаточныя данныя для сравненія съ Геракломъ: мы укажемъ здѣсь вкратцѣ. Конечно излишне и говорить о борьбѣ съ чудовищами звѣриными, гидрой, вепремъ, львомъ и т. п.: это непремѣнно должно быть общее. Но любопытно, что уходя на такой подвигъ, Гераклъ говоритъ, какъ у насъ герои: «приду тогда-то, на примѣръ черезъ тридцать дней, то слава богу (пожремъ Зевсу спасителю), не приду, — поминайте меня (какъ отшедшаго къ богамъ).» Заказчикъ трудовъ, Еврисѳей, является въ нашихъ сказкахъ безпрерывно, то въ видѣ Морскаго Царя, то просто грознаго Царя, притѣснителей-братьевъ, дядекъ и т. п. Противъ чудовищъ Морскаго Царя, Посейдона, не мало потрудился Гераклъ и въ одномъ изъ нихъ пробылъ три дня во чревѣ. Усмиренье дикихъ коней то же. Золоторогаго оленя и дивныя красотою стада добываетъ онъ также, какъ и нашъ герой; чиститъ стойла скота одинаково. Пресловутыя Гесперидскія яблоки съ ихъ страшнымъ стражемъ въ саду извѣстны и у насъ. Съ царицей Амазонокъ у Геракла была борьба такая же, какъ у нашего Ивана съ грозной поляницей Анной или Еленой Прекрасной; Омфала одинакова съ нею по значенію, заставляя какъ Геракла, такъ и Ивана исполнять разныя женскія работы (напр. шить къ сроку платья, ср. выше Данилу Безсчастнаго; Анна и Елена повторились послѣ въ Кіевскомъ эпосѣ подъ образомъ поляницы Настасьи, въ дѣлѣ съ Добрынею и Дунаемъ). Въ плаваніи, на корабляхъ, среди избранныхъ товарищей, за добычею, является Гераклъ весьма часто, какъ и тѣ лица, кои приведены нами выше. Черезъ разсѣлину сходитъ онъ и подъ землю, въ адъ, подобно какъ опускается нашъ Иванъ, чтобы блуждать по преисподнему царству: также точно освобождаетъ оттуда разныхъ героевъ, царей и царевенъ (ср. Добрыню и Илью, выпустившихъ изъ бездны захваченныхъ царей и царевн-

чей, простой силы смѣты нѣтъ); онъ выводитъ оттуда стража, Кервера (Цербера), какъ нашъ Иванъ того же стрижа Жаръ-птицу; причемъ нашему герою не дозволено было касаться проволокъ и струнъ, а Гераклу употреблять оружіе. Здѣсь нужно только, помимо нѣкоторыхъ греческихъ особенностей, мѣстныхъ и творческихъ, помнить то, что Гераклъ пролагалъ дорогу высшему Діонисовскому началу и потому самъ представлялъ грубую и суровую его сторону, отданную борьбѣ: нашъ же Иванъ, дѣйствующій въ сферѣ эпоса, тѣмъ не менѣе представлялъ собою послѣднее высшее выраженіе Русскаго человѣка передъ окончательнымъ выходомъ къ міру-народу и, при всемъ различіи отъ божества Діониса, совпадалъ съ нимъ ближе характеромъ и самымъ именемъ «Эвана,» которое, какъ замѣчали мы не разъ, относилось къ Діонису и изъ Ѳракійской старины перешло потомъ къ намъ, слившись съ Іоанномъ. Потому у него грубыя силы были уже въ подданствѣ, подъ вліяніемъ, и онѣ-то часто помогали ему совершать подвиги въ образахъ Катомы-дядьки, Бѣлого Полянина, Молодца Булата, Объѣдалы, Опивалы и т. п. Еще болѣе замѣтно такое обратное отношеніе, когда Иванъ, прошедши черезъ Микулу, обратился и раздробился послѣ въ Кіевскихъ богатырей. Такъ, на примѣръ, вспомнимъ минуту, когда воспользовавшись даромъ Діониса и напившись, Кентавры навалились на Геракла: когда онъ вступилъ съ ними въ борьбу, Грекъ разсказываетъ, что мать ихъ Нефела (облако), послала имъ въ помощь тучу, пошелъ дождь, земля осклизла и ноги героя безпрерывно скользили. У насъ, когда Тугаринъ, послѣ пира у Владиміра, гдѣ «не честно питья пилъ, по цѣлой чашѣ охлестывалъ,» отправился на бой съ Алешею, по другимъ съ Добрынею, и поднялся летать на бумажныхъ крыльяхъ, богатырь взмолился: «создай, Боже, тучу грозную, а и тучи-то съ градомъ дождя... Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя, замочило Тугарина крылья бумажныя, падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю (Кир. вып. 2).» Въ Ливіи напалъ на Геракла Антай, сынъ Посейдона, вызывавшій всѣхъ на борьбу и побѣждавшій; потому что онъ былъ сынъ Земли, и, когда его сваливали, занималъ отъ нея еще больше новыя силы. Нѣсколько разъ низлагалъ его герой, но силы того обновлялись, пока наконецъ взбросилъ его въ воздухъ къ верху и тѣмъ сокрушилъ. Вспомнимъ нѣсколько разъ возобновлявшуюся битву Ильи со Збутомъ и Жидовиномъ: «Махнётъ Илейко ручкой правою, посколызитъ у Илейка ножка

лѣвая, палъ Илья на сыру землю, сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди. Лежучи у Ильи втрое силы прибыло: пихнетъ нахвальщину въ бѣлы груди, вышибалъ выше дерева жароваго, палъ нахвальщина на сыру землю, въ сыру землю ушелъ до поясъ (Кир., вып. 1 и 4). На этомъ средствѣ вѣроятно основанъ постоянный пріемъ Ильи — взбрасывать врага къ верху и расшибать тѣмъ объ землю: но отношенія перемѣнились, Илья взбрасывалъ врага, не принадлежавшаго Землѣ, а самъ получалъ отъ нея силы, какъ сынъ ея и представитель. Далѣе, когда Гераклъ достигъ Кавказа, онъ нашелъ тамъ пригвожденнаго къ стѣнѣ или утесу («стѣна» у Славянъ многихъ доселѣ, а въ старину еще больше, значитъ и значила «утесъ» и «скалу») Прометея, у котораго орёлъ клевалъ печенку («вынимать сердце со печёнью» — обыкновенное у насъ выраженіе убійства, имѣющее намъ встрѣтиться еще ниже). Гераклъ освободилъ его тѣмъ, что на мѣсто его подставилъ полумертваго Хирона, искавшаго конца жизни. Съ перемѣною отношеній, выше помянутою, и у насъ мѣсто Хирона заняль Татаринъ. Прометея — Потыкъ, мучителя — старая жена его, избавителя — невѣста: мстительница спаиваетъ Потыка извѣстнымъ намъ обоюду-острымъ *средствомъ*, даромъ Діониса, чарой «питья забыдущаго», потомъ прибила Михайлу путъ на стѣну; не хватило гвоздя ему сердечнаго (въ сердце, удара, который бы добивалъ до конца), побѣжала она въ торгъ на ярмонку, покупать гвоздя ему сердечнаго... А тоя жь Настасья королевична прибѣжала смотрѣть на богатыря, таскала Настасья гвоздья съ него ногтями (ногтями), и прибила тутъ Татарина мертваго, мертваго она мерзлаго (№ 16 настоящаго выпуска и др.). — Такимъ путемъ тяжкихъ подвиговъ прошелъ Гераклъ не только Грецію и Западныя страны, но и Востокъ до Индіи, Аравію и Египетъ. При всѣхъ побѣдахъ его, выражавшихъ побѣду втораго бога или начала и пролагавшихъ ему дорогу, вслѣдствіе чего и является онъ обыкновенно, подобно Гермесу, при Аполлонѣ, а потомъ Діонисѣ, — при всѣхъ, говоримъ, побѣдахъ, не было ему все-таки окончательнаго торжества, ибо другой своей стороною онъ примыкалъ къ темному древнему богу, къ чудовищнымъ существамъ. Сторона эта являлась не столько въ его грубости и суровости, не столько въ мускулистомъ и жилистомъ тѣлѣ, въ короткихъ волосахъ, маленькихъ глазахъ, низкой части лба, вообще въ этихъ признакахъ чернорабочаго и даже просто раба, сколько въ самыхъ подвигахъ, когда онъ страдалъ, какъ лицо

вая дитя и находитъ его на воспитаніи у царицы Библоса, послѣ чего возвращается въ Египетъ и отождествляется съ Изидою. — По другимъ, хотя рожденный въ Греціи, Діонисъ находитъ однако воспитаніе въ Лидіи, гдѣ Рея, въ сказаніи объ Аммонскомъ Діонисѣ враждебная ему, теперь отъ преслѣдованій Геры воздаиваетъ его собственнымъ молокомъ. — И другія страны имѣли притязаніе на его воспитаніе: такъ на примѣръ изъ Аравіи появляется онъ на подвиги. — Въ Греціи собственно мѣсторожденіемъ его были Ѳивы, матерью Семела, дочь извѣстнаго намъ финикійскаго переселенца Кадма. Коварная Гера въ образѣ старухи убѣдила ее, чтобы испытать, точно ли посѣтитель ея Зевсъ, просить его явиться въ томъ же блескѣ, въ какомъ обнимаетъ онъ Геру. Такъ и сдѣлано: несчастная ослѣплена и сожжена. Той же участи подвергся бы и ребенокъ: но изъ колоннъ покоя отпрыснулъ плющь и скрылъ его въ своей тѣни (ср. выше Озириса и дерево, обращенное въ колонну). Послѣ того Зевсъ зашилъ его въ свою ладвію и по истеченіи должнаго срока отродилъ оттуда при посредствѣ Гермеса: отсюда Діонисъ всегда представлялся «дважды рожденнымъ,» отъ человѣка и бога, или, какъ выше, рожденнымъ и послѣ смерти воскресшимъ (въ символѣ этотъ образъ переносился на вино, дважды рождающееся или сберегаемое въ желудкахъ животныхъ, мѣхахъ, изъ которыхъ и древній инструментъ, наша Волынка). Потомъ посредникъ Гермесъ, какъ дядька, относитъ его къ другой дочери Кадма, извѣстной намъ Ино, но, когда Гера напустила на нее и мужа изступленіе, Зевсъ спасъ сына въ образѣ козленка и онъ отнесенъ Гермесомъ на воспитаніе — загадочное имя — въ Нису или Нисъ (ср. выше исторію съ Аммономъ), откуда и имя (будто бы) Діониса, къ нимфамъ, въ прохладные гроты, подъ сѣни сплетшихся деревьевъ, его укрывавшихъ. Здѣсь, въ лѣсныхъ и горныхъ пущахъ составилъ онъ свою свиту изъ животныхъ, разныхъ половинчатыхъ существъ (ср. выше), пастуховъ, нимфъ, и вообще всей природы, то укрощенной наслажденіемъ отъ него воодушевленіемъ, то восторженной и увлеченной. Такъ онъ увлекаетъ за собою и Ѳракійскаго Орфея, прежняго врага своего и чтителя Аполлонова: «Изступленныя,» мѣнады, растерзываютъ его и, возраждаясь отъ смерти, жреческій поэтъ становится вѣрнѣйшимъ слугою юнаго бога. — Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его юности была встрѣча съ Тирренскими Пелазгами, извѣстными намъ морскими разбойниками, несомнѣнно родичами Финикіянъ. Онъ стоялъ на бе-

регу красавцемъ, съ раскошными кудрями и въ багряномъ плащѣ: хищники схватили его на корабль, считая какимъ ни будь царскимъ сыномъ, связали и надѣялись дорого продать. Но скоро до паруса протянулась виноградная лоза, мачта обвилась плющемъ, юноша превратился въ страшнаго звѣря, по кораблю потекло благоуханное вино: ослѣпленные всѣми этими образами, корабельщики бросились въ море и переродились въ дельфиновъ; спасся одинъ кормчій и сдѣлался жрецомъ Діониса. — Въ самихъ родныхъ Ѳивахъ встрѣтилъ Діонисъ сопротивленіе: послѣ Ино и Семелы, третья дочь Кадма, Агава не хотѣла признать его за бога, но утверждала, что онъ сынъ человѣческій и выданъ за сына Зевсова только по хитрости матери. Когда же онъ, торжествующій, вернулся изъ другихъ странъ, признанный тамъ, и его свита предалась въ Ѳивахъ и окрестностяхъ обычному восторгу, сынъ Агавы, Пенѳей, чудовищный, возбужденный матерью, захотѣлъ помѣшать ликующимъ и истребить ихъ, переодѣлся въ женское платье и отправился на ихъ гору: богъ наслалъ особое наступленіе, вся толпа, въ челѣ сама мать Агава, сочли его за дикаго звѣря, бросились на него, онъ на дерево сосну, но усмотрѣнъ тамъ, растерзанъ, и его голову собственная мать втыкаетъ на тирсъ. Поздно увидала она свое ослѣпленіе: служеніе богу вводится въ Ѳивахъ. — Другимъ врагомъ его Ѳракійскій царь Ликургъ (Лукургъ): онъ съ поднятымъ бичемъ яростно нападаетъ на ликующихъ кормилицъ бога, нимфъ Нисы; пораженныя, онѣ разбѣгаются въ глубокой горести, самъ Діонисъ скрывается прыжкомъ въ море, на лоно Ѳетиды. Но Ликургъ въ наказаніе ослѣпленъ; по другимъ, объятый отъ Діониса бѣшенствомъ, онъ посѣкаетъ собственнаго сына, думая, что это побѣгъ винограда; или отшибаетъ себѣ ноги; или преслѣдуетъ мѣнаду Амвросію, ее спасаетъ богъ, превративши въ виноградную лозу, и преслѣдователь обнятъ ею въ неразрѣшимыя объятія смерти. — Въ краяхъ Этоліи и Аттики славились дары Діониса, въ Икаріи и Елеуѳерѣ. Здѣсь Діонисъ проживалъ у одного виноградаря и пользовался любовію жены его Алѳеи (ср. Амалѳею). Другой, одноименный съ братомъ Тиндара и дядею Елены, Икаръ, гостепріимный къ богу, наученъ былъ отъ него садить лозу, счастливъ былъ плодоносіемъ, и изъ кожи козли, попортившаго лозу, сдѣлалъ даже помянутую Волынку, подъ которую плясали при сборѣ винограда. Но ему вздумалось произвольно подѣлиться даромъ бога съ другими: онъ пошелъ разносить мѣхъ, поить пастуховъ и поселянъ.

34

Считая себя отравленными, ослѣпленные виномъ, бросились они на угощавшаго, убили и схоронили подъ деревомъ. Дочь Ериговa, любимица Діониса, едва отыскала отцовскую могилу съ помощію вѣрнаго пса и съ отчаянія повѣсилась на томъ же самомъ деревѣ. Діонисъ наслалъ язву и изступленіе на жителей, такъ что всѣ дѣвушки повѣсились подобно Еригонѣ. Въ память ихъ установили особый праздникъ Айора или Алетиды, въ которомъ на деревья вѣшали и качали въ люлькахъ разные образки, личинки и фигуры, сопровождая это разными пѣснями и сказаніями. — Изъ богинь была связана съ Діонисомъ Афродита, а изъ героинь главная Аріадна. Ее соблазнилъ прежде Өесей, но послѣ бросилъ: когда она погружена была въ величайшее отчаяніе, изъ далека — онъ всегда представлялся приходящимъ издали — подошелъ къ ней вѣчно юный богъ, отчаяніе превратилъ въ высшее счастіе, украсилъ ее драгоцѣнными ожерельями, и запястьями, и вѣнцомъ. Съ тѣхъ поръ она обыкновенно представлялась какъ-то раздѣленною между Діонисомъ и Өесеемъ: причина конечно та, что Діонисъ былъ ея супругомъ въ области божеской и миөологической, Өесей въ области героической и эпической; Діонисъ же приходилъ всегда издали и вдругъ, потомъ опять скрывался, и, оплаканный, появлялся вновь. Отрѣзки этого времени, отданнаго божественному вдохновенію и упоенію, представлялись во власти другаго — земнаго героя. И вотъ почему, въ этихъ размежеванныхъ областяхъ, Діонисъ не представлялся въ борьбѣ съ Өесеемъ, а только смѣнялъ его верховнымъ побѣдителемъ. Сама Аріадна представлялась всегда какъ будто раздвоенною — между страданіемъ и наслажденіемъ, бодростію полной жизни и сномъ упоеннаго забытья. — Въ мужескихъ лѣтахъ, черезъ Алкуонское озеро, Діонисъ сошелъ въ преисподнюю (туда, вспомните, обыкновенно съ земли отправлялись на кораблѣ), непобѣжденнымъ прошелъ въ глубинахъ и нѣдрахъ земли, чтобы вывести оттуда мать Семелу, послѣ чего, подобно Гераклу и соотвѣтственно болѣе внутреннимъ миөамъ о воскресеніи, восшелъ на Олимпъ, ведя за собою любимыя существа, мать и Аріадну. — Такова была основа представленій, сосредоточенныхъ около внутреннѣйшаго божества греческаго сознанія, Діониса: отсюда создавались миөы и потомъ воплощались образы эпическіе; отсюда миөы и сказанія, нами очерченные въ началѣ, съ ихъ осуществленіемъ въ положительной исторіи; отсюда, наконецъ, основа всѣхъ сказаній, обозначенныхъ именемъ Салომона.

Какимъ образомъ развѣтвлялись и распространялись эти миѳы, образы творческіе и сказанія, переходя въ самую исторію, дѣло не только наглядное, но и засвидѣтельствованное историками. Народы-представители древней исторіи шли къ ней изъ доисторическаго времени путемъ развитія человѣческаго сознанія, искомою, срединною и высшею ступенью коего было божество Діониса, и, хотя не всѣ одинаково достигли этой ступени, но распредѣлялись въ своемъ значеніи именно по отношенію къ ней; мы уже видѣли, какъ Ассирійско-Вавилонская народность съ одной стороны, Египетская съ другой, переходами разныхъ звѣньевъ и особенно чрезъ Финикію, подходили къ Греціи: крайнимъ полюсомъ, отвѣчающимъ Греціи, была Индія. Когда же въ Греціи высшая ступень была достигнута какъ нигдѣ, до самыхъ возвышенныхъ областей языческаго духа, тогда это своего рода откровеніе искрою пробѣжало обратно ко всѣмъ тѣмъ другимъ народамъ, возжигая въ нихъ подготовленный матеріалъ, одушевляя зачатки, расцвѣчая образы краскою жизни. Наполнилась сказаніями вся Греція съ островами, Македонія, Ѳракія, Малая Азія, Лидія, Фригія, страна Амазонокъ, Бактрія, Мидія до Индіи: Діонисъ шелъ въ побѣдоносномъ шествіи чрезъ Ѳракію, Фригію, Сирію и Египетъ въ Индію; или чрезъ Карію и Ѳракію, потомъ чрезъ Еѳіопію въ Индію, и т. п. Ему на встрѣчу представлялись идущими соотвѣтствующіе боги изъ Индіи, чрезъ Еѳіопію, Египетъ, Фригію и Финикію въ Грецію. Когда въ Греціи выяснилась сущность Діониса, то соотвѣтствіе ему находили почти вездѣ въ тогдашнихъ историческихъ странахъ: на него переносили дѣянія Ассирійскихъ героевъ; его воспитанія и точки исхода искали въ Аравіи; въ Аравіи же находили Ликурга; въ Еѳіопіи встрѣчали Нису; на Аммоновомъ оазѣ узнавали его дѣянія, предтечу его въ Финикійскомъ суровомъ Мелкартѣ. Ближайшему сходству представленій, видоизмѣнявшемуся только мѣстными условіями, соотвѣтствовало распространеніе однородныхъ миѳовъ и эпическихъ сказаній. Въ Греціи явились цѣлыя поэмы, совмѣщавшія въ себѣ всѣ эти образы, соединявшія въ нихъ всѣ помянутыя страны, отъ Индіи до Ливіи и Финикіи, отъ Греціи до Скиѳіи и Тирреновъ Сѣверной Италіи: довольно вспомнить изъ времени Пизистратидовъ Ономакрита; поэму Евфоріона Халкидскаго, поэму «Бассарика» или «Вассарика (*Βασσαρικά*)» о походахъ въ Индію, «поэму Фригійскую (*Φρυγία ποίησις*)» о походахъ въ Ливію, Нонна Панопольскаго «Діонисіака (*Διονυσίακα*),»

поэму, соединившую въ себѣ обильнѣйшій запасъ разнородныхъ сказаній, наконецъ изложенія Аполлодора, Діодора и т. д. Здѣсь Діонисъ какъ царь и побѣдитель проходитъ сушу и море (на морѣ на примѣръ низлагаетъ Тритона, Морскаго царя Посейдона), въ своей многочисленной свитѣ, на разныхъ животныхъ или на кораблѣ. Самъ онъ превращается въ полководца, обыкновенно (какъ и въ миоахъ) низлагающаго враговъ собственными ихъ средствами, какъ карами злобы, или напускающаго наступленіе и получающаго побѣду прежде сраженія полковъ; свита его изъ миоической дѣлается внѣшнимъ воинскимъ полкомъ; аттрибуты, на примѣръ вѣтви, — знаменемъ, рогъ — воинскою музыкой, повязка — узою и петлею враговъ, сами враги — внѣшними историческими народами. Такова именно поэма, дошедшая и къ намъ въ отрывкахъ съ именемъ Саломона.

Отсюда не далеко уже было до осуществленія въ положительной исторіи. Всѣ помянутыя сказанія о Діонисѣ, въ ихъ внѣшнихъ образахъ, близкихъ къ исторіи, распространились и установились особенно около временъ Александра Великаго: дѣйствительно, онъ и связалъ ихъ съ исторіею, воплотилъ въ дѣйствительности. Нечего повторять всѣмъ извѣстную повѣсть объ отцѣ и матери Александра, о самомъ его семействѣ, о воспитаніи его, о полубожескомъ, героическомъ лицѣ: если самою этой дѣйствительностью скоро овладѣли миоы, то вотъ лучшее доказательство, что она была близка по чертамъ своимъ къ эпохѣ миоовъ и эпическихъ сказаній. Тѣсно связанный воспитаніемъ съ Гомеромъ, преданіями съ Афродитою, именемъ съ любимцемъ ея Александромъ (Парисомъ), родословіемъ съ Ахилломъ, а отсюда и съ Еленою, и со всѣми героями Троянскаго періода, Александръ въ Азіи оживилъ всѣ гомерическіе образы торжественными играми и тризнами на могилахъ героевъ (такъ послѣ въ Римѣ, основываясь на живой связи преданій, соединялъ себя съ Афродитою, Энеемъ и Троею Цесарь). Но это былъ только эпизодъ, сравнительно съ цѣлою широчайшею поэмою, истекавшею изъ Діонисическихъ образовъ. Мать Александра Олимпія участвуетъ въ оргіяхъ Діониса и Орфея; самъ онъ, по свидѣтельству жизнеописателей и историковъ, не говоря уже о пиршествахъ, преданъ былъ вообще Діонисовскому оргіасму, восторгу и увлеченію до изступленія. Въ своихъ подвигахъ и походахъ повторялъ онъ Діониса, въ лицѣ народовъ каралъ враговъ его и Греціи, или возстановлялъ ихъ и одушевлялъ, въ заключеніе же связалъ эти внѣшнія страны, какъ пред-

шествующія ступени, съ Европейскою исторіею. Онъ самъ соизволялъ вѣрованію, что идетъ по слѣдамъ Геракла и Діониса, подобно какъ Каркагенскій Аннибалъ въ своихъ трудныхъ переходахъ видѣлъ и указывалъ слѣды своего народнаго Мелкарта. Способы побѣдъ и сношеній Александра, поступки съ побѣжденными, весь этотъ характеръ далеко превышалъ прежнія узкія понятія высокостью духа чисто-Діонисовскаго. Толпа ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, его сопровождавшая, отождествлялась со свитою Діониса. Вступивши въ Азію и покоривши первыя страны ея, онъ разрѣшаетъ загадку древности, получившую теперь внѣшній образъ — Гордіевъ узелъ. Овладѣвъ Сиріею и Финикіею, онъ является въ Іерусалимскомъ храмѣ, связанномъ съ преданіями о Саломонѣ, и приноситъ тамъ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ) жертву; въ Египтѣ онъ нарочно идетъ къ оазису и прорицалищу Аммона, признается тамъ сыномъ Аммона, то есть, какъ мы знаемъ, Діонисомъ. Потомъ, направляясь далѣе противъ Персовъ, переходитъ Эвфратъ и Тигръ, занимаетъ Вавилонію, Сузіану и Персиду, опять выражая почтеніе къ тамошнимъ божествамъ, даже возстановляя имъ храмы, по сродству ихъ съ основными представленіями греческими. Изъ врага карающаго превращался онъ въ милостиваго побѣдителя и все, что было способно у враговъ къ жизни и союзу съ Греками, возстановлялъ съ особой ревностію; судьба наказаннаго Бесса долго занимала послѣдующихъ поэтовъ небывалыми своими чертами; супруга-красавица Роксана перешла въ любимыя героини Сербскаго эпоса, какъ «Царица Роксанда» или «Росанда;» желаніе, послѣ окончательнаго покоренія Персовъ, казаться сыномъ божества, т. е. конечно Діонисомъ, основывалось разумѣется не на грубыхъ политическихъ разсчетахъ, а на сознаніи въ тождествѣ значенія, ибо Александръ былъ такимъ же возможно-полнымъ воплощеніемъ втораго, т. е. творческаго или идеальнаго начала въ исторіи, какимъ Діонисъ въ области миѳологіи. Крайнею точкою походовъ была также Индія, цари ея Таксилъ и Поръ, соперники между собою, битва съ Поромъ и плѣнъ его, великодушіе побѣдителя. — Съ тѣхъ поръ поэмы о Діонисѣ нашли себѣ точку опоры и историческое подкрѣпленіе въ образѣ и дѣяніяхъ Александра; на оборотъ, его исторія связалась съ сими поэмами. Новый слой эпическихъ сказаній всего Востока и Греціи, соединившій въ себѣ самые отдаленные миѳы съ самою дѣйствительною исторіею. Отсюда и въ поэмѣ о Саломонѣ черты Александровской эпохи, отсюда

Поръ, занявшій въ ней мѣсто Тифона, Китовраса и тому подобныхъ побѣждаемыхъ враговъ. Въ этомъ видѣ эпосъ проникъ и къ намъ. — Самая «Александрія» или «Александреида,» поэма объ Александрѣ, нами выше помянутая, въ ея Славянскомъ и Русскомъ видѣ, заключаетъ въ себѣ любопытныя черты какъ древнѣйшихъ миѳологическихъ и эпическихъ воззрѣній, такъ и усвоенія ихъ на почвѣ Славянской, превращенія въ кровь и плоть Славянскаго образа. Александръ родится не отъ Филиппа, а отъ прелюбодѣянія Олимпіады. Нектенавъ или Нектанебъ, царь Египетскій, славился волшебною мудростію и разгадкою загадокъ, побѣждая тѣмъ враговъ и не употребляя ни войска, ни оружія. Окольные цари всѣ возстали, чтобы истребить этого опаснаго волхва, Персы, Иверы, Арапы, Еѳіопы и т. п., подъ начальствомъ Дарія. Гадая на водѣ пущенными двумя войсками изъ воску, Нектанебъ заставилъ ихъ биться и увидалъ, что Египтяне будутъ побѣждены; тогда онъ тихонько бѣжалъ отъ нихъ, а они вмѣсто его поставили столбъ или кумиръ, сами же притекли къ Посейдону, вопрошая о Нектанебѣ, и получили отвѣтъ во снѣ: «къ вамъ до 30 лѣтъ придетъ онъ во образѣ юноши и низложитъ Персовъ.» Между тѣмъ бѣглецъ прибылъ въ Македонію, въ городъ Филиповъ, и поселился въ укромномъ мѣстѣ, выдавая себя за мудраго гадателя и врача. Красавица Олимпіада, дочь царя Эѳіопскаго Фола, была неплодна: горевавшій о томъ Филиппъ, мужъ ея, уѣзжая на войну, въ послѣдній разъ объявилъ ей, что если она не зачнетъ до возврата его, то разстанется съ нимъ. Царица скорбитъ, но узнаетъ о прибывшемъ врачѣ и идетъ къ нему (сравните образы, предшествующіе Потыку въ сказкахъ, какъ пришлецъ исцѣляетъ Царевну; потомъ Потыка, Басаргу и проч., «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). Она проситъ его, какъ мудреца, разрѣшить ея загадку, утробу. Но онъ плѣнился ея красотой, явился къ ней въ образѣ Аммона и зачалъ Александра: въ самую даже минуту рожденія, онъ заставляетъ царицу попридержать ребенка, чтобы онъ былъ великимъ, образъ, извѣстный въ рожденіи Аполлона, Діониса — зашитаго въ лядвею Зевса, нашего Дунаева сына, выскочившаго прежде-временно. Александръ, воспитанный Нектанебомъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ, сдѣлался причиною смерти отца, признанъ отъ Египтянъ царемъ, явился имъ спасителемъ, побѣдилъ Дарія, ходилъ въ Тиръ, Финикію, Палестину. Всякой, послѣ нашихъ указаній, узнаетъ здѣсь Озириса, въ передѣлкѣ миѳа Аммоновскаго, съ рожденіемъ спасителя Діониса. Это

выродокъ поэмъ, нами помянутыхъ.—Между тѣмъ восточные писатели связывали греческія сказанія съ своими мѣстными условіями: особенно замѣчательна поэма Низами, «Искендеръ-наме Низами,» двѣнадцатаго вѣка, гдѣ Александръ сынъ благочестивой одной женщины, сирота, воспитанный Филиппомъ, ведущій противъ Дара войско изъ Македонянъ, Египтянъ, Франковъ и Русскихъ. Покоривъ въ одинъ походъ Египтянъ, Персовъ, Армянъ, Индійцевъ и Китайцевъ, дважды онъ борется съ Русскими, за нападеніе ихъ на союзницу его, Царицу, славившуюся красотой и мудростью: она вездѣ является въ сказаніяхъ объ Александрѣ подъ разными именами, соотвѣтствуя то Царицѣ Южской, то самой Саломоніи въ сказаніяхъ о Саломонѣ.—Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ отрывковъ составленныя разными путями наши сказанія идутъ далѣе. Въ одномъ спискѣ писецъ вмѣсто Малоазіатской «Ликаоніи» поставилъ «Луканію,» и потому вмѣсте Палестины явилась послѣ Италія: наши списки передаютъ картину, въ которой Александръ подступаетъ къ Риму. «Римляне же тогда не имяху царя,» вынесли дары, вышелъ священникъ, покадилъ герои, тотъ поклонился ему. Мы видѣли, что это путешествіе въ Италію зашло и въ сказанія о Гераклѣ, и Діонисѣ; въ настоящемъ случаѣ Римъ явился вмѣсто Русалима, какъ это смѣна извѣстна и въ нашихъ Стихахъ (см. выше); но вставлены притомъ разныя уже Римскія подробности и разсказъ вѣроятно сближенъ съ завоеваніями Атилы.— Далѣе, какъ Діонисъ появляется большею частію очень молодымъ юношей, такъ Александръ въ борьбѣ съ Даріемъ выставляется дитею: отсюда, во всѣхъ сказаніяхъ этого рода, между прочимъ о Саломонѣ, рѣшаетъ загадки обыкновенно дитя.—Встрѣчая на пути подвиговъ разныя чудовища и низлагая или покоряя ихъ, Александръ между прочимъ опускается на дно моря и собираетъ вокругъ себя рыбъ (какъ владѣтель всѣхъ царствъ природы Діонисъ; въ другомъ случаѣ эта мудрость выражается умѣньемъ оборачиваться); узнаетъ языкъ птицъ, расправшиваетъ объ ихъ нравахъ и узнаетъ, что нужно. Между прочимъ летитъ къ небу на двухъ грифахъ, отождествлявшихся съ миѳическими представленіями страуса, на этой извѣстной намъ Ногѣ или Ноѣ, Стратимѣ и т. п., на которой леталъ и нашъ Иванъ: въ нашихъ рукописяхъ грифы названы «крылатыми звѣрями;» Александръ управлялъ ими, держа къ верху копье, а на копьѣ кусокъ мяса. Въ нашихъ прочихъ сказкахъ образъ первичнѣе: Иванъ разговариваетъ съ птицами, Но-

гою, Орломъ, Гусями-лебедями и т. п., и упрашиваетъ ихъ взять его на крылья по доброй волѣ. Но здѣсь, равно какъ увидимъ ниже въ повѣсти объ Акурѣ, нѣсколько уже забылся смыслъ выноса на свѣтъ Божій: творчество уже задаетъ себѣ вопросъ, какъ заставить птицъ вынести героя къ небу, и рѣшаетъ это болѣе искусственно, насаживая на копье приманку, приманка поднята въ верхъ, птицы глядятъ на нее, хотятъ схватить и — поднимаются (ср. 5-й вып. Сказокъ Аѳанас., гдѣ, стр. 200, Иванъ-царевичь привязываетъ себя къ куску падали во рву, налетаетъ птица и выноситъ его вмѣстѣ съ падалью). Далѣе Александръ въ одномъ озерѣ выдавливаетъ рыбу, а въ ней находитъ «камень свѣтелъ, яко солнце сіяетъ въ нощи (этотъ камень мы еще не разъ встрѣтимъ ниже);» говоритъ съ деревьями и узнаетъ отъ нихъ будущее, о смерти своей и гибели своего потомства; борется со врагами — «горѣ человѣкъ, долу конь, иже нарицахуся Исполины,» въ другихъ спискахъ «Полканы,» Кентавры; съ прочими дикими народами закладываетъ въ горы и «Татаръ.» — Какъ Діонисъ чуть не погибъ отъ Пенѳея, сына упорной Агавы, такъ Александръ едва спасся отъ сына «Муринской,» т. е. Черной, Мавркой или Эѳіопской царицы; здѣсь она носитъ имя Кандакія, по другимъ преемницы Семирамиды: вотъ первообразы той царицы, которая послѣ является иногда Амазонкою, иногда просто Грозною по своимъ загадкамъ, или предательскою — какъ Олимпіада, рѣшеніемъ загадки измѣнившая мужу, а наконецъ, хотя съ загадками, но уже болѣе смиренною Южскою Царицей, и т. п. (ср. выше эту грозную половину древней богини и женщины, перешедшей послѣ въ кроткую). — Аммона, соотвѣтствующаго Зевсу и Юпитеру, Русскіе переводятъ «Поруномъ,» Перуномъ. Осмысляя походъ къ Скиѳамъ, называютъ ихъ «Куманами,» т. е. Половцами. давая имъ царя «Тактамыша,» коего Александръ замѣнилъ «Туромъ,» «малъ убо возрастомъ бяше, но помысломъ и храбростію великъ:» одно изъ лицъ, переродившихся, какъ увидимъ послѣ, въ нашего «Тараканчика.» — Въ Индіи Александръ проникаетъ на «Макарійскіе острова,» т. е., съ греческаго, «блаженные,» «блаженныхъ,» гдѣ жили Счастливые Брахманы (въ другихъ сказаніяхъ они сливаются съ народами Счастливой Аравіи, откуда явилась и Южская Царица съ загадками): вотъ начало, по коему въ Стихѣ объ Егорьѣ, въ царствѣ Арапинскомъ, гдѣ была Елисафета, являются «желты пески Макарьевски.» — «Рахмане,» черезъ исторію Александра,

дали поддержку помянутымъ выше народнымъ нашимъ преданіямъ и показаніямъ устнаго творчества о царствѣ «Рахманскомъ,» о выходцахъ оттуда. Въ былинахъ Кіевскихъ изъ «Врахманскаго» царства передѣлано «Вахрамеѣское» съ царемъ «Вахрамѣемъ Вахрамѣевичемъ:» это знаменитый врагъ Потыка; любопытно, что онъ помѣщается еще «въ землѣ Волынской,» а Волынцы, мы видѣли выше, досёлѣ своими предками именуютъ «Рахмановъ.» Какъ врагъ Ивана Годиновича, въ томъ же Кіевскомъ творчествѣ, Вахрамей носитъ имя «царя Афромѣя,» въ Сказкахъ же, какъ врагъ Ивана, имя «царя Афрона («Зам.» къ 3-му вып. Кир.)»: путь нельзя сказать чтобы короткій! — Въ сказаніи объ Александрѣ герой самъ задаетъ Рахманамъ загадки и получаетъ мудрыя рѣшенія; главный мудрецъ ихъ названъ «игумномъ.» — Такимъ образомъ, при единствѣ нашихъ древнихъ преданій съ Востокомъ и еще больше съ Греціею, а отчасти и вслѣдствіе ихъ, сказанія объ Александрѣ совершенно нами *усвоены*, перенесены на почву Русскую, сдѣланы собственнымъ народнымъ достояніемъ. Сверхъ того, прошедши связь съ Евреями и Саломономъ, потомъ эпоху Христіянства и — непремѣнно всегда — Царьградъ, они окрасились воззрѣніями христіанскими. Дѣло Александра представлялось нашимъ, дѣломъ даже Христіанскихъ народовъ: враги его — народы языческіе, языки, страны. «Византія» основывается «Визомъ,» за котораго вышла Олимпіада по смерти Филиппа, или же воеводою Александра «Византомъ;» Антіохъ строитъ другой православный городъ Востока — Антіохію; мощи Іереміи пророка Александръ переноситъ изъ Египта въ Александрію; молится нашему Богу, находитъ рай на востокѣ, первыхъ двухъ людей-великановъ, страну, гдѣ мучатся грѣшники, и т. п. Вставки изъ этихъ сказаній въ наши древніе памятники и лѣтописи извѣстны (см. «Очеркъ лит. истор. стар. пов. и сказ. русск.,» Пыпина). Прибавимъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ народному нашему творчеству. Мы замѣтили нѣкогда («Зам.» къ 4-му вып. Кир.) о рукописяхъ «Пренiе Смерти съ Животомъ» и т. п., тождественныхъ съ нашимъ полу-Стихомъ, полу-Былиною объ Аникѣ; тамъ Смерть говоритъ между прочимъ богатырю: «Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противо мене стояти не могъ... Царь Александръ Македонскіи храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: — аще было (бы) кольцо въ землю вдѣлано..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ, —

ла и тутъ не смѣлъ со мною дратися.» Такимъ образомъ, во первыхъ, Александръ ставится на ряду съ нашими Старшими богатырями, Святогоромъ, Самсономъ и т. д., которые упоминаются Смертію въ укоръ Аникѣ; во вторыхъ, слова его одинаковы съ тѣми, кои по нашимъ былинамъ влагаются въ уста Ильѣ Муромцу, послѣ того какъ имъ, отъ Калѣчьяго питья, овладѣла титаническая сила: не мудрено, что онъ же одолѣлъ впослѣдствіи «Рахманскаго» выходца Соловья. У Сербовъ, какъ не разъ замѣчали мы, нашему Ильѣ и вмѣстѣ Ахиллу, даже гораздо ближе, чѣмъ нашъ Илья Ахиллу, соотвѣтствуетъ Марко Кралевичь. Хотя онъ лицо и историческое, но, какъ герой эпоса народнаго, весьма вѣроятно, что совпадалъ самымъ именемъ съ героями греческой древности, подобно какъ, мы видѣли, у Чеховъ «Маркъ» извѣстнымъ путемъ звуковаго перехода соотвѣтсвуетъ «Гераклу» и «Мелкарту.» Какъ бы то ни было, но эпическимъ образамъ Александра Марко Кралевичь отвѣчаетъ весьма во многомъ. Не пускаясь въ подробности, упомянемъ, что знаменитый и грозный Александровъ «Букефалъ» или Буцефалъ, передѣланный по нашимъ рукописямъ въ «Бучипала,» осмысленъ у Сербовъ въ «Ябучиза,» конь въ яблокахъ, крылатый; это конь Маркова дяди Момчила, перешедшій къ племяннику въ видѣ не менѣе знаменитаго «Шарца.» Помянутая «Роксанда» или «Росанда,» сдѣлавшаяся въ Сербскомъ творчествѣ типомъ всякой Царицы и происходившая отъ Александровой супруги, является сперва грозною невѣстою Марка (сестра Леки), подобно Еленѣ Прекрасной, а послѣ переходитъ въ его жену. Другая героиня, чаще другихъ встрѣчающаяся у Сербовъ, есть «Елица,» большею частію типъ сестры (наша «сестрица Олёнушка»), имя, равно тождественное и съ греческою Еленой, и съ народнымъ именемъ «Ела,» ель, елка (такъ и у насъ выработалось имя «Ивана,» см. выше). Послѣ Марка герой Юга, извѣстный у Сербовъ и Болгаръ въ эпосѣ, прозванный Турками не даромъ «Искендеръ-бегъ,» т. е. «бегъ Александръ,» повторилъ для народа образъ сего послѣдняго. — Изъ героинь, отвѣчающихъ Греческимъ и Юго-Славянскимъ преданіямъ, у насъ, повторяемъ, извѣстна прежде всего въ сказкахъ «Елена Прекрасная,» т. е. Елена подъ собственнымъ ея именемъ, переходящая иногда въ Анну, Марью, Марѳу, или сливающаяся въ одной Василисѣ. Въ Кіевскомъ творчествѣ мѣсто этой Елены заняли: Настасья, какъ грозная поляница, одна изъ половинъ Василисы; или податливая, увозимая на кораблѣ или похищаемая Змѣемъ Запава,

Кунава (т. е. «Красавица,» Прекрасная); или измѣнчивая Марья (она же и въ сказкахъ), и т. д. Но въ былинахъ сохранилась и Елена: это по преимуществу Царица, какъ у Сербовъ Роксанда, царица древняя, прошедшая далѣе черезъ Елену, жену Константина, и потому помѣщаемая въ Царѣградѣ; она же является и женою невѣрныхъ царей, враговъ Руси (Азвяковна, и т. п.). Чрезвычайно любопытна ея роль въ былинахъ о Вольгѣ (Рыбник. Ч. I). Вольга, не подлежитъ сомнѣнію, есть Олегъ Вѣщій съ его походами на Царьградъ и прочею обстановкой. Но такое положеніе, данное ему Кіевскимъ эпосомъ, на глазахъ исторіи, конечно не исключаетъ образовъ древнѣйшихъ, притекавшихъ къ средоточію окрѣпшаго творчества изъ дальней, стихійной и доисторической области. Олегъ проходитъ всѣ царства міра, отъ неба до глубины морской, овладѣвая здѣсь животными и самъ проходя ихъ образы какъ оборотень: примѣнительно къ историческому Олегу, это значитъ его вѣщую мудрость, но по отношенію къ древности указываетъ на пройденный въ язычествѣ путь развитія; этимъ путемъ шли и боги, особенно заключительный — Діонисъ, шелъ и Александръ, шелъ, какъ увидимъ, и Саломонъ, шелъ и нашъ Иванъ. Потомъ Вольга, какъ Иванъ и Александръ, повертывается «Науй-птицей (Нога, Стратимъ, Грифъ и т. п.; Рыбн., Ч. I, стр. 3)» и летитъ по подоблачью. Въ этомъ же видѣ прилетаетъ онъ и ко врагу. Врагъ его, Турецъ-Санталъ, Салтанъ Бекетовичъ, имя, окрашенное позднѣйшимъ Турецкимъ и Татарскимъ цвѣтомъ; примѣнительно къ Олегу историческому онъ означаетъ царя Византійскаго, Цареградскаго, куда и стремились походы Олега: но этотъ же царь въ другихъ образцахъ былины называется и «Индѣйскимъ,» поднимая наши взоры несравненно выше, къ царству Рахманскому. Такова и жена царя, вѣщая, прорицающая ему гибель отъ юнаго пришельца. Она сперва «Азвяковна,» Узбековна; потомъ Цареградская «Елена.» Но она еще «Александровна:» черта уже эпохи Александровой; она «Давыдьевна:» то же, что Саламанія, жена и врагъ Саломона. Здѣсь мы не можемъ не привести блестящей догадки, переданной намъ И. В. Бѣляевымъ, по поводу той же царицы; она въ былинѣ называется еще «царица Панталовна:» И. В. Бѣляевъ видитъ въ этомъ искаженное имя славнаго въ древности города Паттала, при дѣленіи рукавовъ Инда, гдѣ Александръ заложилъ крѣпость, построилъ гавань, верфь, и откуда самъ объѣхалъ оба рукава до Океана. Сообразивши,

что устройство городовъ играетъ величайшую роль въ дѣяніяхъ Александра и постоянно на разные лады повторяется въ сказаніяхъ о немъ (ср. выше Византію и т. п.), а равно припоминая всѣ вышеизложенныя данныя, не сомнѣваемся, что эта догадка побѣдоносно рѣшаетъ дѣло. Историческій походъ Олега подъ Византію, на исторической почвѣ Кіевскаго эпоса, въ то же время повторялъ для народа преданія гораздо отдаленнѣйшія, изъ времени Александра, а за нимъ изъ эпохи доисторической, откуда мы привели уже не мало сходныхъ образовъ о плаваніи на кораблѣ, похищеніи женщинъ, побѣдахъ юнаго героя, и т. д. Когда читаемъ заключительныя слова былины — «а славнаго царя Индѣйскаго, ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ, разшибъ его въ крохи, и тутъ Волхъ (Вольга) самъ царемъ насѣлъ, взявши царицу Азвяковну, а и молоду Елену Александровну (Панталовну),» — то можемъ представлять себѣ одинаково, какъ вѣроятно представлялъ и нашъ народъ, побѣды надъ Даріемъ и Поромъ Александра, связанныя съ женидьбою на Роксанѣ, и побѣды царя Саломона надъ Поромъ (ср. ниже), и Елену Аргивскую, и миѳическія побѣды юнаго бога. Теперь понимаемъ, почему Э р д м а н ъ въ описаніи походовъ Александра противъ Русскихъ у Низами видѣлъ близкое сходство съ походами нашихъ князей на Византію и объяснялъ показанія поэта перенесеніемъ событій изъ одной области въ другую; и обратно, теперь получаютъ еще больше силы сближенія, которыя не разъ мы высказывали, между походами Олега подъ Царьградъ въ корабляхъ на колесахъ, и между походомъ Соловья подъ Кіевъ также по сушѣ, за Купавою или Запавою, соотвѣтствующею Еленѣ.

Но довольно объ Александрѣ. Не мало собрали мы данныхъ для разъясненія поэмы о С а л о м о н ѣ; пора же сказать, откуда и какимъ путемъ пришло въ поэму это имя, озаглавившее собою одно изъ самыхъ древнихъ произведеній Индо-европейскаго творчества. Гораздо еще прежде Александра, и такъ же какъ онъ для Греціи, для Палестины Саломонъ явился историческимъ олицетвореніемъ того, что называли мы вторымъ, творческимъ или идеальнымъ началомъ, короче — идеаломъ. Величественный красотою и счастіемъ, Премудрый въ такой мѣрѣ, что сдѣлался синонимомъ мудрости, знаменитый разрѣшитель загадокъ, образецъ судіи, творецъ въ творчествѣ слова, онъ далъ своему народу высшую эпоху славы и благоденствія, построилъ знаменитый храмъ и другія великолѣпныя зданія, основалъ

города, ввелъ обширную торговлю. Кромѣ того, не выходя еще изъ области исторіи, мы получаемъ уже данныя, отражающія въ себѣ центральныя доисторическія представленія тогдашнихъ народовъ. Вирсавія дѣлается женою Давида вслѣдствіе грѣхопаденія ихъ обоихъ, сопровождавшагося соблазномъ и убійствомъ законнаго мужа: Саломонъ сынъ Вирсавіи. Отецъ любитъ его и цѣнитъ больше другихъ; но не такъ смотрятъ окружающіе и старшіе братья; достичь престола приходилось борьбою. На высотѣ своего царствованія, принимая Палестину за средоточіе, онъ соединилъ съ нею всѣ тѣ знаменитыя страны тогдашней исторіи и совершенно тѣмъ же путемъ, какъ мы видѣли въ Греціи: съ одного краю Египетъ, изъ котораго привезъ онъ себѣ супругу, царскую дочь; съ другаго отдаленную Индію посредствомъ морской торговли; и оба эти крайніе предѣлы главнымъ образомъ через посредство Финикіи: онъ былъ самымъ задушевнымъ другомъ знаменитаго Финикійскаго царя Хирама, того самого, который, какъ извѣстно, обновилъ во всемъ блескѣ торжество своей религіи и первый началъ праздновать пробужденіе Мелкарта, т. е. его воскресеніе и появленіе торжествующаго юнаго бога. Отъ него же, измѣнивши своему Богу, Саломонъ ввелъ въ Іерусалимъ боговъ Финикійскихъ и, разумѣется, ту ступень вѣросознанія, на которой они стояли. Его знаменитые суды и рѣшенія загадокъ, а съ другой стороны притчи, имъ же задаваемыя, простирались не только на собственный его народъ, но и на отношенія международныя: къ нему является Царица Южская, по инымъ Ееіопская, по другимъ и Библіи — царица Сабы, Счастливой Аравіи, той именно мѣстности, изъ которой для всей древности появлялся юный богъ, изъ которой пошелъ своимъ побѣднымъ шествіемъ и Діонисъ. Извѣстны ея загадки или разгадки, сдѣлавшіеся, вмѣстѣ съ судами Саломоновыми, достояніемъ не только преданій, но и обширной литературы. Наконецъ, второю половиною жизни своей Саломонъ среди многочисленныхъ и рѣдкихъ наложницъ своихъ, добытыхъ конечно всякими путями, повторялъ проступокъ своей матери, сливаясь съ нею въ одинъ нераздѣльный образъ. Прибавьте ту историческую данную, что Саломонъ сдѣлался самымъ извѣстнымъ и популярнымъ лицомъ всего Востока: это произошло конечно вслѣдствіе однородности зачатковъ, олицетвореніе коихъ въ немъ видѣли, а съ другой служило вѣрнѣйшимъ средствомъ привязать къ этому имени всѣ однородныя представленія, такъ сказать накопившіяся въ древнихъ народахъ при ихъ развитіи,

отъ Индіи до Египта, отъ Аравіи до Ассиріи и Вавилона, при посредствѣ звѣна Финикійскаго. Историческій выразитель извѣстнаго существеннаго начала, Саломонъ далъ свое имя тому же самому началу на почвѣ еще не воздѣланной исторіею внѣшнею, началу доисторическому, выражавшемуся въ миѳѣ и эпосѣ; и на оборотъ, къ его имени и лицу присоединились всѣ представленія, соотвѣтствующія выраженному имъ началу: подобныхъ примѣровъ множество у древнихъ народовъ, у тѣхъ народовъ, у коихъ еще не сложившаяся прочно внѣшняя исторія сквозила и просвѣчивала за собою близь лежащую область доисторическую съ ея миѳомъ; такъ было и съ царями, и съ вѣроучителями, начиная отъ Семирамиды и Сарданапала до Ромула и Рема, отъ Зороастра до Орфея. Этому отчасти способствовали самыя имена: вторая половина имени Сал-омона напоминала распространенное имя *Аммона*, поддерживаясь и именемъ «сыновъ Аммона.» Аммонитовъ Ханаанскихъ, отъ меча коихъ погибъ мужъ Вирсавіи, въ войнѣ съ коими совершилось дѣло, породившее Саломона. Имя матери *Бѳсабее* связывалось съ Сабою и Сабеями, съ царицей Савской. Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, когда и гдѣ это имя первоначально передѣлано въ *Версавію* и *Вирсавію*: несомнѣнно лишь то, что оно является въ семъ видѣ на почвѣ Европейской и въ самыхъ первыхъ переводахъ Славянъ съ языка греческаго. Здѣсь оно связывалось со словомъ *вирса* или *вурса*, *бурса*, греч. *βύρσα*, «шкура,» а это названіе, какъ латинское *pellis* и *pellex*, переходило обыкновенно у многихъ Индо-европейскихъ народовъ въ значеніе женщины непотребной, — представленіе, которое имѣло опору и въ исторіи Вирсавіи, а миѳологически означало, какъ знаемъ, переливы божескихъ существъ изъ одного въ другое черезъ женскую половину. Мать, продолжавшаяся въ проступкахъ сына, сдѣлана его половиною, женою: *Саломонъ* раздвоенъ на лицо мужеское и *Саломонію* или *Саломониду*; здѣсь лице жены дѣлалось и Фараоновою дочерью, увозимою изъ Египта, и опять пришелицею Царицею Еѳіопскою или Савскою, и прочими наложницами знаменитаго царя. Должно было выступать напередъ то грѣхопаденіе отца, то рожденіе сына въ обличеніе грѣха и отсюда извѣстное намъ столкновеніе съ матерью; гибель Саломона, которую единогласно приписывали дѣйствію его женщинъ, въ миѳѣ и эпосѣ выражалась то преслѣдованіемъ матери, то соблазномъ отъ нея, то невѣрностью жены, и т. д. Не можемъ не замѣтить здѣсь двухъ

словъ. Первое, имя Діониса, *Бассареиъ*, *Вассареиъ* или *Басарей*, *Васарей* и т. п.: догадокъ множество для объясненія и намъ важно то, что всѣ онѣ останавливаются на Ѳракіи. Тамъ находятъ слово *бассара*, *вассара*, *βασσάρα*, или *басара*, *васара*, *βασάρα*: что же оно значило? Во первыхъ ту же «шкуру,» послужившую одеждою Вакханокъ, откуда объясняютъ и помянутое прозвище Вакха-Діониса, во вторыхъ «шкуру» и «pellex» въ значеніи непотребной, распутной женщины. А это очевидно то же, что помянутое «вирса,» «бурса,» «*βύρσα*,» связавшееся съ именемъ Вирсавіи. Потому можемъ съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что самое имя «Вирсавіи» образовано этими звуками во Ѳракіи и перешло тамъ сперва на Діониса, а послѣ на тождественнаго съ нимъ Саломона. Въ нашемъ языкѣ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ уцѣлѣли слова этого корня въ весьма даже близкихъ формахъ, конечно нѣсколько переиначенныхъ греческимъ произношеніемъ, какъ *βασάρα*, или же сродныхъ съ греческими, какъ *βύρσα* (вспомните *Βύρσα* или *Byrsa*. Кареагенскую цитадель, откуда и прилагательное — «Кареагенскій,» *Byrsicus*; а основаніе города, вспомните, одолжено «шкурѣ»): это наше *ворса*. волосъ, пухъ, шерсть, на валеномъ товарѣ, мохна, съ производными *ворсовать*, *ворсить*, *ворщенье*, *ворсяной*, *ворсильна* — щетка, и т. п., представленія шерсти, волоса, стрижки и т. п., связанныя всегда со шкурою; потомъ *брасновать*, *броснуть*, *брьснж*, Ц. слав. *брысати*, нѣм. *Bürste*, *bürsten* и т. п. (о тожествѣ сихъ представленій, извѣстныхъ филологу, подробно въ другомъ мѣстѣ). Любопытно еще прибавить, что въ Ц. слав. *брьселин*, очевидно отъ того же корня, значитъ еще «плющь (если вѣрно показаніе Миклошича),» извѣстный аттрибутъ Діониса. О томъ, какъ эти названія соединялись съ именемъ мѣстности и цѣлаго племени во Ѳракіи, увидимъ послѣ. — Второе имя еще важнѣе, ибо оно доказываетъ переходъ лица Саломонова въ ту же Ѳракію съ значеніемъ Діониса или Діонисическаго божества. Прежде всего, кромѣ множества мѣстныхъ и личныхъ именъ, близко тождественныхъ то по звукамъ и формамъ, то по самому корню съ именемъ Саломона, припомнимъ изъ греческихъ тѣ, кои ближе были къ Сѣверу, во Ѳракіи, по Черному морю, гдѣ особенно чтился Гераклъ и далѣе Діонисъ, или по путямъ сихъ божествъ, или въ связи съ лицами и образами ихъ момента: *Саламисъ* или *Саламинъ*, имя женщины, потомъ извѣстнаго острова, наконецъ значительнаго города на Кипрѣ, основаннаго

Тевкромъ, сыномъ Теламона, — оба лица, тѣсно связанныя съ Геракломъ, а островъ Саламинъ — владѣніе *Теламона*, весьма схожаго съ Саломономъ по самому имени; *Салмонѐ*, *Салмоніонъ*, *Салмонисъ*, *Салмонидъ*, — мѣстности въ Критѣ; *Салмука* или *Салмика*, городъ при Столбахъ Геракла; *Салѡнеевъ* или *Салмонеи*, съ его городомъ *Салмонѐ*, *Салмонй*, отецъ красавицы Тиро, боровшійся съ Зевсомъ, а въ потомствѣ Тиро и Нелея съ Геракломъ; *Салмидесъ* или *Салмудесъ*, *-дисъ*, городъ во Ѳракіи на Черномъ морѣ, съ пристанью и побережьемъ того же имени, и т. п. Объ этой-то послѣдней мѣстности повѣствуетъ Геродотъ, разъ уже давшій намъ важное показаніе, въ IV-й книгѣ, гл. 93—96: «Прежде чѣмъ Дарій пришелъ на Дунай, первыхъ захватываетъ (покоряетъ) онъ Гетовъ Безсмертствующихъ. Именно, Ѳракіяне, занимающіе Салмудесъ и живущіе выше Аполлоніи и города Месамвріи такъ называемые Скурміады и Нипсѣи, безъ бою передались Дарію. Геты же, будучи мужественнѣе и прямѣе Ѳракіянъ, по неразумію подпали скоро рабству. — Безсмертствуютъ же они такимъ образомъ: думаютъ, что не умираютъ, а что преставляющійся идетъ къ даймону Залмоксю (Салмоксисъ, Залмоксисъ, — по родительному Салмоксидъ, Залмоксидъ, Замолксисъ — разнорѣчія); того же самаго нѣкоторые изъ нихъ считаютъ Гевлеизеиъ (*Γεβελέϊζιν*, разнорѣч. *Βελέϊζιν*). Каждое пятилѣтіе, жеребьемъ кому придется, изъ среды своей отсылаютъ они посла къ Залмоксю, давая ему порученіе о своихъ тогдашнихъ потребахъ. Посылаютъ же такимъ образомъ: по распорядку между собою, одни изъ нихъ держатъ три копья, другіе разобравши посылаемаго къ Залмоксю по рукамъ и по ногамъ (кто руку, кто ногу), раскачиваютъ его и вбрасываютъ на острія. Если онъ наколовшись умретъ, считаютъ они, что богъ къ нимъ милостивъ; если жь не умретъ, то они обвиняютъ самого посла, дурной, де, онъ человѣкъ, и, обвинивши его, посылаютъ другаго, давая ему — пока живъ — свои порученія. Эти же самые Ѳракіяне стрѣляютъ въ верхъ къ небу на громъ и молнію, грозя богу (любопытно, что то же самое касательно грома и молніи приписываетъ мифъ помянутому полубогу Салмонею: онъ гремѣлъ и пускалъ перуны, играя роль Зевса) и не считая никакого другаго бога богомъ, кромѣ своего (того, который на ихъ сторонѣ; а то и богъ не богъ). — По свѣдѣніямъ моимъ отъ Еллиновъ, живущихъ по Геллеспонту и Понту,

этотъ Залмоксь—какъ человѣкъ—былъ рабомъ въ Самосѣ, именно рабомъ Пиѳагора Мнесархова; получивши свободу и собравши тамъ значительное имущество, ушелъ онъ на родину (къ Ѳракіянамъ). Поелику же Ѳракіяне жили плохо и глуповато, а этотъ Залмоксь знакомъ былъ съ Іонійскимъ образомъ жизни и нравами болѣе основательными, чѣмъ у Ѳракіянъ, вслѣдствіе того, что обходился съ Еллинами и изъ Еллиновъ съ Пиѳагоромъ, учителемъ мудрости не изъ послѣднихъ: потому Залмоксь соорудилъ себѣ столовую палату, принималъ къ себѣ въ гости городскихъ старѣйшинъ (первыхъ людей), славно угощалъ и при этомъ училъ, что ни самъ онъ, ни его собесѣдники, ни отъ нихъ постоянно нараждающіеся не умираютъ, а перейдутъ въ извѣстное мѣсто, и тамъ всегда будутъ пребывать и получать всяческія блага. Дѣйствуя и говоря показаннымъ способомъ, устраивалъ онъ себѣ подземное жилище и, когда оно было готово, исчезъ изъ глазъ Ѳракіянъ; сошедши же внизъ въ подземное жилище, проживалъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Ѳракіяне рвались по немъ душею и горевали по немъ какъ умершемъ: на четвертый годъ онъ имъ явился; такимъ образомъ убѣдились они въ томъ, что Залмоксь говорилъ имъ. Вотъ что, разсказываютъ, сдѣлалъ онъ. — Я этому дѣлу и подземному жилищу — нельзя сказать, чтобъ не вѣрилъ, да и не слишкомъ-то вѣрю: полагаю же, что этотъ Залмоксь существовалъ многими годами прежде Пиѳагора. Впрочемъ, существовалъ ли какой человѣкъ Залмоксь, или это какой мѣстный даймонъ у Гетовъ, богъ съ нимъ!»—Что между Ѳракіянами, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, жило множество Славянъ, хотя еще въ соединеніи съ нѣкоторыми другими племенами, позднѣе отсюда разошедшимися,— дѣло не подверженное сомнѣнію въ глазахъ всякого безпристрастнаго историка. Стало быть разсказъ Геродота нужно относить и къ тогдашнимъ Славянамъ Черноморскимъ. Возмемъ же имя ихъ мѣстнаго бога, по которому вѣроятно назывался и край тотъ «Салмудесъ:» въ немъ *Залмо-* или *Салмо-* есть очевидно то же, что *Саломо-* или *Салом-* въ имени *Саломонъ; он* принято здѣсь окончаніемъ (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ), не обязательнымъ для языка, перенявшимъ чужестранное имя; и самое имя мѣстности *Салм-у-десъ* или *Салм-и-десъ* образовано очевидно отъ того же основнаго *Салм-*. Далѣе *-ксисъ*, -ξις есть извѣстное окончаніе греческое, т. е. передѣланное на мѣстный ладъ (Греки ни въ какіе вѣка не славились умѣньемъ передавать чужія имена точь въ точь: непремѣнно пере-

дѣлывали на свой ладъ, чему послѣдовали и Славяне); поелику же, за неимѣніемъ шипящихъ, Греки своимъ ξ передавали весьма часто славянское ч, то ихъ ξι или *кси*, съ характеромъ именительнаго—ς, есть наше *ич*, т. е. *ичь* или *вичь*, отчество, родъ, происхожденіе. Такимъ образомъ это наше *Салмовичь* или *Саломовичь*, соотвѣтствующее полному — если брать окончаніе *он* — *Саломоновичь*. Мы не можемъ здѣсь не припомнить множества отчествъ въ именахъ героевъ нашего эпоса, по Былинамъ и Стихамъ, — *Самойловичь*, *Самуйловичь*, *Сауйловичь*, *Сиуловичь*, придаваемыхъ восточнымъ царямъ вообще, обыкновеннѣе же Цареградскимъ, именно Константину. а мы не разъ замѣчали, что онъ у насъ всегда наслѣдникъ и преемникъ другихъ восточныхъ, іерусалимскихъ царей, и, стало быть, преемникъ Саломона, каковъ на примѣръ и соперникъ Вольги, къ коему послѣдній пожаловалъ на корабль и у коего увезъ Панталовну или Давыдьевну, т. е. Саламанію или Саломониду (см. выше и сличи ниже). Что это имя дѣйствительно патронимическое или отчественное, сознавали и сами Греки, склоняя слово Залмоксисъ или Салмоксисъ не только посредствомъ *ιος*, но и *ιδος*: а съ окончаніемъ *идъ* это будетъ наше *Саломонидъ*, равняющееся *Саломоновичу* или *Саломовичу*, подобно какъ *Атридъ* — *Атреевичь*, *Артемидъ* — *Артемьевичь* и т. п. Съ какой же стати здѣсь Саломонъ названъ по отчеству и сравнянъ съ *Саломонидой*, *Саламаніей?* На это даетъ намъ отвѣтъ все предыдущее изслѣдованіе, объяснившее, какъ древній богъ перерождался въ юнаго, отецъ въ сына, посредствомъ женской половины, которая изъ матери дѣлалась подругою сына; отвѣтъ и въ самой поэмѣ Саломона, гдѣ Давидъ играетъ роль, повторяемую Саломономъ, мать Вирсавія переходитъ въ жену сему послѣднему и дѣлитъ съ нимъ имя, такъ что Саломонъ является раздвоеннымъ на себя и *Саломониду* или *Саламанію*, *Саломонію*. То же самое видѣли мы и выше, какъ имя *Вирсавіи* связалось съ ея сыномъ, Діонисомъ и Саломономъ. Обычай этотъ у Славянъ коренной: вспомнимъ изъ общежитія—*Вилиповица* т. е. *Филиповица*, жена *Филипа*, *Митровица* — жена *Митра*, *Дмитрія* (сербск.), *Глѣбова* — княгиня или жена *Глѣба* (лѣтоп.), *Петрова*, *Иванова* — жена *Петра*, *Ивана*, откуда и фамиліи, даже *поручица*, *казначейша*, и т. д. И на оборотъ, съ перенесеніемъ отъ женщины на мужчину: знаменитая двоица греческой миѳологіи, братъ съ сестрою, состав-

ляющіе собственно одно неразрывное божество, *Аполлонъ* и *Артемида* передѣланы у Славянъ какъ *Артемидъ* и *Артемида* (приснопамятная находка С. П. Шевырева въ рукописи Кир. Бѣлов. монаст.). Припомнимъ также, что и при *Салмонеѣ* является *Салмонида*, какъ называли дочь Тиро, *Σαλμωνίς—ιδος*. Подобныя двойственныя формы, равно принадлежащія и мужескому, и женскому роду, а собственно одному отчеству, отцу какъ существу раздвоившемуся, соотвѣтствуютъ постоянно извѣстной намъ эпохѣ вѣросознанія (о нихъ подробно въ изысканіи, которое въ слѣдъ за симъ явится). И такъ *Салмовичь*, *Саломовичь*, *Саломонидъ* есть Саломонъ, съ точки зрѣнія миѳовъ, нами разбираемыхъ, поэмъ и сказаній, т. е. во всѣхъ моментахъ повѣствуемой о немъ исторіи, обнимающій и началo, и двойство мужчины и женщины, Саламана и Саламаніи, а здѣсь выражающій исторію Діониса, или, что то же, существенную исторію древняго вѣросознанія. — Что это имя дѣйствительно связано со Славянами, ихъ миѳами и поэмами, доказываютъ еще слова Геродота, — нѣкоторые изъ Ѳракіянъ называли то же существо *Велѣизисъ*, *Βελέϊζις* (разнор. *Γε-βελέϊζιν* могло произойти изъ частицы *καὶ* или *γε*): не узнать здѣсь нашего *Велеса* значило бы просто отупѣть. Дѣйствительно, Велесъ по существу своему соотвѣтствуетъ въ извѣстной мѣрѣ, хотя и не вполнѣ, моменту, выраженному въ Діонисѣ, потомъ въ Саломонѣ, именно на степени борьбы, степени Геракловской или Мелкартовской: мы замѣтили уже, что Діонисъ прозывался у Грековъ *Мейлихъ*, т. е. (по происхожденію) *Мелехъ*; а *Велесъ* есть точь въ точь *Мелех-*, *Мелехъ*, подобно какъ другая форма имени, *Волосъ* и *Волохъ*, потомъ *Волотъ*, соотвѣтствуетъ другой формѣ Мелеха—*Молахъ* (Греч. *Гелiосъ*; объ этомъ подробно въ другой статьѣ).—Далѣе, безпристрастнѣйшій отецъ историковъ, какъ мы видѣли, изложивши сказанія и данныя о Саломонѣ—такъ будемъ мы отселѣ называть лицо, насъ занимающее,—съ своей стороны выражаетъ то личное убѣжденіе, что онъ существовалъ у Ѳракіянъ гораздо прежде Пиѳагора, что слѣдовательно на него только перенесены позднѣйшія преданія историческія, а что онъ былъ «мѣстный даймонъ:» «богомъ» не называетъ его Геродотъ во первыхъ потому, что говоритъ о «варварахъ,» сравнительно съ коими божество Еллинское всегда было выше въ глазахъ Грековъ, — и очень естественно, — а во вторыхъ потому, что къ этому лицу привязались уже образы эпическіе и сказанія истори-

ческія, слѣдовательно изъ бога оно низошло до даймона. И дѣйствительно, какъ знаемъ мы изъ нашихъ данныхъ, именемъ Саломона окрашено это существо при переходѣ его уже въ поэму. Но у Ѳракіянъ очевидно съ его именемъ, при всѣхъ позднѣйшихъ наростахъ и объясненіяхъ историческихъ, связывались представленія еще вѣросознательныя, еще ѳеогоническія и миѳологическія, однимъ словомъ божескія. Отдѣлимъ наросты и посмотримъ на суть. Это существо высшее, безсмертное, ожидающее человѣка за гробомъ, съ благами и обителями, человѣку уготованными; съ нимъ соединена была вѣра въ безсмертіе или, иначе, воскресеніе послѣ здѣшней смерти, — послѣдній, высшій догмать всякого вѣроученія; оно принимало отъ человѣка прошенія о нуждахъ,—конечно чтобъ исполнить. Очевидно, оно заключало собою процессъ миѳологіи и языческаго вѣросознанія, и этотъ заключительный моментъ, мы знаемъ, выражался Діонисомъ: слѣдовательно оно приравнивалось къ Діонису Греческому, хотя конечно на ступени болѣе суровой, на почвѣ болѣе необработанной, недостигшей еще того завершенія, какъ у Грековъ въ ихъ творчествѣ, философіи, исторіи и т. д. И дѣйствительно, богъ этотъ собираетъ къ себѣ старѣйшинъ всѣхъ городовъ, устраиваетъ имъ палату, угощаетъ, разсыпаетъ блага. Потомъ, совершенно неожиданно для Ѳракіянъ, онъ нисходитъ подъ землю, въ преисподнюю; люди рвутся по немъ, скорбятъ: но, пребывши тамъ три года, онъ является снова, воскресаетъ къ полному торжеству и тѣмъ, какъ объясняетъ Геродотъ, утверждаетъ свое вѣроученіе, переводитъ вѣру, къ нему обращенную, въ несомнѣнное убѣжденіе Ѳракіянъ; съ тѣхъ поръ не только они слышатъ о безсмертіи, но и вѣруютъ въ него. Вѣра эта выражается обрядами: человѣкъ подвергается смерти на *трехъ* копьяхъ, соотвѣтствующихъ годамъ скрытія бога въ преисподней, чтобы перейти къ нему и ходатайствовать объ оставшихся братьяхъ. Кто же не узнаетъ здѣсь всѣхъ основныхъ чертъ вѣросознанія, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ около греческаго Діониса? И Діонисъ, прежде полнаго просвѣтлѣнія, имѣлъ ступени болѣе суровыя, называемыя у Грековъ обыкновенно Ѳракійскими; и ему, въ память его умиранія, приносились человѣческія жертвы на Критѣ, Хіосѣ, Лесбосѣ, Тенедосѣ, а тѣмъ болѣе отъ Ѳасоса и Ѳракійскаго побережья чрезъ Ѳессалію до Евбеи и на Аттическомъ берегу до Браурона (*ἔθυον δὲ τῷ ὠμαδίῳ Διονύσῳ ἄνθρωπον διασπῶντες*, « приносили въ жертвы плотоядному

Діонису человѣка, разрывая на части,» Порфирій, Климентъ и др.). Умираніе и потомъ воскресеніе, тѣми чертами, какъ оно изложено у Геродота касательно Ѳракійскаго Саломона, видѣли мы и прежде точь въ точь касательно стараго бога, потомъ во всѣхъ видахъ новаго, особенно въ Гераклѣ, который былъ и въ аду, и три дня во чревѣ морскаго звѣря, насланнаго Посейдономъ, и потомъ внѣшнимъ образомъ на кострѣ; а яснѣе всего мы видѣли это въ Діонисѣ, что выражалось и въ миѳахъ его, и въ празднествахъ, и въ помянутыхъ тріетеріяхъ, трехгодовникахъ, и въ мистеріяхъ (три Діониса). Въ другихъ миѳахъ, болѣе многостороннихъ, это выражалось похищеніемъ лицъ или душъ въ адъ и освобожденіемъ оттуда, при чемъ дѣло происходило черезъ сушу, черезъ гробъ, или черезъ корабль, черезъ море, озеро, и т. п.; въ эпосѣ тѣ же похитители на корабляхъ, то же умираніе, потомъ освобожденіе: сравните спускъ нашего Ивана въ подземелье по Черноморскому эпосу, потомъ Семь Симеоновъ, наконецъ, и всего яснѣе, въ поэмѣ о Саломонѣ; то же самое въ началѣ исторіи, объясненной для насъ тѣмъ же Геродотомъ, и т. д., и т. д. Этого замѣчательнѣйшаго мѣста у Геродота, этого эпизода изъ доисторической эпохи новыхъ Европейскихъ народовъ въ лицѣ Ѳракіянъ, конечно совмѣщавшихъ въ себѣ собирательно и праотцевъ Славянскихъ, и Нѣмецкихъ, и имъ подобныхъ, не могъ пройти безъ вниманія даровитѣйшій патріархъ современной Нѣмецкой филологіи Я. Гриммъ, въ своей превосходной «Нѣмецкой Миѳологіи.» Но, какъ Саломона и Моролеа счелъ онъ исключительной Нѣмецкой народною поэмой, такъ и здѣсь во всемъ нашелъ только Нѣмецкихъ праотцевъ: въ наказаніе за то не уяснилъ онъ, какъ должно, ни того, ни другаго; въ поэмѣ нашелъ лишь внѣшнюю вставку имени Саломонова, а у Геродота не нашелъ, разумѣется, ни Саломона, ни нашего Велеса, а слѣдовательно, самъ лишивъ себя общенія съ другими народами, особенно Славянскими, лишилъ себя и Греческаго Діониса, и ключа къ правильному разумѣнію. Отъ того его сближеніе Гевеленса съ «Gibalaiks,» «Gibuka,» «Gibaleis,» «Witleis,» «Bertleis,» «Wulfleis,» даже съ Литовскимъ «Gabjauja,» или одностороннн, или не выдерживаютъ самой легкой критики; а сближеніе между выраженіями «искать Залмокся,» «стремиться за нимъ, посылать къ нему,» и тѣми же выраженіями объ Одинѣ, равно какъ съ «Freys-hügel,» хотя основательны, но слишкомъ узки и мелочны сравнительно съ цѣлымъ

объемомъ миѳа и сказанія. Впрочемъ по крайности Гриммъ вмѣстѣ съ нами убѣжденъ, что здѣсь дѣло идетъ о миѳахъ, о даймонѣ и богѣ, а не объ историческихъ лицахъ; даже невольно — такова принудительная сила ученой честности вопреки предзаданной темѣ — онъ подвелъ сюда и насъ Славянъ, на минутку, на чуточку. Показавъ прямой переходъ отъ Гетовъ къ Германамъ, выдѣлившп ихъ изъ черни Ѳракіянъ и усвоивъ имъ, вмѣстѣ съ такъ называемымъ Залмоксемъ и его безсмертіемъ, высшую степень вѣросознанія въ вѣчную и карманную собственность, онъ излагаетъ такъ свой взглядъ: « Jene ἀθανατίζοντας (безсмертствующихъ) und ihren gott Zalmoxis oder Gebeleizis schildert uns Herodot schön und ausführlich; in Griechenland mochten darüber abweichende meldungen umgehn, dafs Zalmoxis nicht für den blossen lehrling des Pythagoras gelten dürfe, vielmehr daemon und gott sei, durchschaute schon der geschichtschreiber, unbefangne werden die auffallende ähnlichkeit germanischer lehre und sitte nicht verkennen. an seines lebens ende, nachdem er drei jahre lang in einem unterirdischen haus verblieben war und von den Geten todtgeglaubt wurde, erschien Zalmoxis nochmals unter ihnen. das gemahnt an Freys hügel, worin der göttliche herscher nach seinem tode drei jahre hindurch aufbewahrt und dem volk als noch lebend dargestellt wurde, weil davon fruchtbarkeit und friede im ganzen land abhiengen. sterbende liefs man zu Zalmoxis gehn, entsandte sie zu Zalmoxis oder Gebeleizis; was könnte genauer übereintreffen mit dem tiefwurzelnden deutschen und slavischen volksglauben, dem fara til Od'ins, leita Od'in, hitta Od'in, sœkja Od'in, fadar suokian, Swatopluka hledati? Swatopluk, held oder könig, führt zurück auf einen göttlichen Swatowit, wie Zalmoxis auf den daemon («Нѣм. Миѳ.,» ч. I, стр, 187).» Для объясненія послѣднихъ словъ нужно сказать, что знаменитый владѣтель Моравіи Святополкъ смертію положилъ конецъ славѣ и благоденствію роднаго края; отъ того популярное имя его связалось съ пословицей, выражающей и смерть, и конецъ дѣятельности, счастія, блага: « глядѣть » или « искать Святополка,» — умереть, и концы въ воду, и поминай какъ звали, отошелъ къ отцамъ. Вы видите, что тутъ значеніе крайне внѣшнее и обиходное: то же, что « смотрѣть въ гробъ, » « отойти къ дѣдамъ, къ дѣдушкѣ, къ родителямъ,» или у Чеховъ же — « Giž na onen swět hledj,» « Gednu nohu w hrobě má,» и т. п., глядить ужъ на тотъ свѣтъ, одной ногой въ гробѣ. Даже здѣсь есть зна-

ченіе совсѣмъ противуположное. — искать, чего не воротишь, добиваться напрасно, даромъ биться или горевать, вообще о тщетѣ и суетности: Ѳракіяне же въ своемъ богѣ находили помощь, и шли къ нему за благами, и получали въ немъ не смерть и конецъ, а безсмертіе и возрожденіе. Но, такъ какъ здѣсь все-таки замѣшано историческое имя, то допустимъ нѣкоторую основательность въ сближеніи Гримма: любимый герой могъ отчасти повторять Славянамъ среди исторіи ихъ доисторическое вѣрованіе въ высокое божество избавителя, скрывавшееся на время въ преисподней. За то сказать, какъ говоритъ Гриммъ, что «Святополкъ, герой или король, обратно ведетъ къ божественному Святовиту, какъ Залмоксисъ къ даймону,» — дѣло не легкое: Святовитъ первостатейный богъ Славянъ Балтійскихъ; гдѣ же посредство между этимъ высочайшимъ существомъ и королемъ Моравскимъ? Чѣмъ Гриммъ наполнитъ или уяснитъ этотъ громадный промежутокъ? Развѣ онъ доказалъ, что подобное же выраженіе употреблялось Славянами о Святовитѣ? Или достаточно здѣсь одного *Свято-*, чтобы дѣло было свято? Послѣ такого скачка, свойственнаго уже не исторической, а доисторической наукѣ, и скачка у представителя филологовъ, всѣ возможные скачки, еслибы они у насъ попадались въ изслѣдованіи, ничтожная малость; всякой безпристрастный согласится, что наши выводы, при всей ихъ скромности, нѣсколько послѣдовательнѣе. Но Гриммъ вспомнилъ объ насъ и подвелъ насъ, какъ ребятъ, къ Ѳракіянамъ и Геродоту: и за то спасибо. Мы отплатимъ благодарностію, мы поможемъ наполнить помянутую адскую бездну, подадимъ черезъ нее руку, чтобы скачекъ не былъ смертеленъ: Святовитъ у Балтійскихъ Славянъ былъ крайнимъ выраженіемъ того же самаго, что у другихъ было извѣстно подъ именемъ Велеса или Волоса, а этотъ послѣдній, мы видѣли, у нѣкоторыхъ Ѳракіянъ приравнивался загадочному Салмоксю (о тождествѣ Святовита и Велеса подробно въ слѣдующемъ за симъ изысканіи). Но этотъ выводъ, нужно помнить, получаемъ мы именно и только вслѣдствіе нашего народнаго безпристрастія, вслѣдствіе полнаго уваженія къ народностямъ: пусть же, въ обмѣнъ, знаменитый ученый нѣсколько поступится своими Германами и Гетами, удѣлитъ и намъ долю «безсмертствующихъ,» согласится, что его положеніе — «Ѳракіяне въ цѣломъ міроустройствѣ занимаютъ пространство между Германами и Греками, служа посредствомъ для обоихъ, а отсюда понятно, что опять между Германами и Ѳракія-

нами держатъ середину Геты (стр. 185),»—должно бы нѣсколько измѣниться, чтобы почтеннѣйшіе сосѣди, зачальники и преемники, потѣснившись между собою, допустили бы въ посредство и Славянъ, по крайности на равныхъ правахъ съ Германами. Руководимые тѣмъ же народнымъ безпристрастіемъ, мы прибавимъ, что въ связи съ Ѳракійскимъ Саломономъ и Велесомъ, не объясненнымъ у Гримма, стоитъ какъ Славянская, такъ равно и Нѣмецкая поэма о Саломонѣ (и Морол҄ѣ), отсюда же занимающая объясненіе и также точно Гриммомъ не объясненная. Благодаря безпристрастію, получается толкованіе и Гетамъ безсмертствующимъ въ Нѣмецкой Миѳологіи, и Саломону въ Нѣмецкомъ народномъ творчествѣ. Да не оскорбится почтенный ученый, если когда либо ему попадутся на глаза эти строки.—Воротимся къ разсказу Геродота. Послѣ области божественной, въ которой стоялъ Саломонъ, историкъ указываетъ другую, въ которую тотъ переведенъ былъ позднѣйшими сказаніями, человѣческую, и весьма тонко ее отличаетъ, даже этимъ выраженіемъ — « ἐόντα ἀνθρωπον, » « какъ человѣкъ: » какъ о богѣ — вотъ о немъ представленія, какъ о человѣкѣ—вотъ что разсказываютъ. Разсказы эти приписываетъ Геродотъ Грекамъ, жившимъ въ тѣхъ краяхъ; но не можетъ статься, чтобы они, знакомые хорошо съ краемъ, выдумали съ воздуха; вѣроятно очеловѣченіе образа, введеніе его въ исторію началось у самихъ Ѳракіянъ, по мѣрѣ перехода ихъ самихъ изъ эпохи доисторической къ прочнѣйшему сложенію народа и къ опредѣленности въ исторіи внѣшней; не будь къ тому данныхъ у самихъ Ѳракіянъ, Греки скорѣе помогли бы имъ на оборотъ растолковать образъ божественный своимъ Діонисомъ и самъ Геродотъ не преминулъ бы найти здѣсь Діониса, какъ находилъ онъ соотвѣтствующія Еллинскія божества у всѣхъ знакомыхъ ему народовъ. Посмотримъ же, каково это человѣкообразное существо. Во первыхъ, это рабъ, потерявшій родину, и, послѣ рабства, освобождающійся и возвращающійся съ огромнымъ богатствомъ, съ иными воззрѣніями и ученіями, съ иною жизнью, однимъ словомъ съ торжествомъ и просвѣщеніемъ для соотчичей: ясно, что это та же исторія, какъ съ рабомъ Ассирійско-Вавилонскимъ, съ рабомъ Мелкартомъ, рабомъ Геракломъ, рабомъ Діонисомъ, спасшимся отъ морскихъ разбойниковъ Тирреновъ-Финикіянъ, та же повѣсть, что въ схожденіи Саломона подъ землю и новомъ появленіи, что въ умираніи бога и воскресеніи. Въ этомъ торжествующемъ видѣ онъ просвѣщаетъ со-

отчичей, оказавшихся сравнительно съ ними плохо и глуповато живущими, знакомитъ ихъ съ плодами развитія другихъ народовъ, именно Грековъ, притомъ Іонійскихъ, наиболѣе связанныхъ съ Востокомъ, собираетъ ихъ во едино, угощаетъ ихъ, учитъ, подобно Орфею несетъ на себѣ самомъ всѣ слѣды и признаки Діонисовской догмы, Діонисовскаго миѳа; онъ мудрецъ, онъ законодатель Ѳракіянъ (какъ его послѣ называли писатели), онъ глава врачевства (отъ него выводили рядъ врачей), наконецъ онъ строитель палатъ, зданій творческихъ: однимъ словомъ, онъ тотъ же богъ, повторенный въ человѣкѣ, во плоти, въ исторіи, и, съ другой стороны, совершенный Премудрый Саломонъ, разгадывающій главныя загадки жизни для своего народа; любопытно между прочимъ замѣтить, что Саломоновскія зданія въ Іерусалимѣ, по изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, всѣ имѣли спуски въ подземелье (ср. Т о б л е р а, Topographie von Ierusalem »).—Не время здѣсь изслѣдовать, каково же было мѣстное, собственное, древнѣйшее имя этого бога у Ѳракіянъ, въ его высшей, божественной области,—Велесъ отчасти на то указываетъ, хотя и не вполнѣ совпадаетъ: вѣрно то, что низведеніе его до даймона, человѣка и внѣшней исторіи совпадало со сближеніемъ ихъ съ другими народами, а вмѣстѣ съ появленіемъ въ нихъ имени и образа Саломона, съ закрѣпленіемъ имени сего послѣдняго при основномъ божественномъ образѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространяются между Греками сказанія объ этомъ Ѳракійскомъ существѣ, сказанія, конечно опять основанныя на мѣстныхъ: здѣсь зачатокъ и появленіе у Ѳракіянъ, а въ лицѣ ихъ у выдѣлившихся послѣ Славянъ и Нѣмцевъ, п о э м ы с ъ и м е н е м ъ С а л о м о н а. Что же принадлежало здѣсь Грекамъ, когда ихъ сказанія дошли до Геродота? Принадлежало конечно во первыхъ то, что они объясняли это дѣло вліяніемъ Еллинскимъ: и не мудрено, и согласно съ дѣйствительностію, ибо, сами прошедши тотъ же путь, они могли лучше другихъ высвѣтлить для Ѳракіянъ однородные зачатки, пребывавшіе у сихъ послѣднихъ въ болѣе суровомъ и грубомъ видѣ. Во вторыхъ, принадлежало имъ П и ѳ а г о р о в о имя, вставленное ими во всѣ черты этого дѣла: они не могли иначе и лучше уяснить его, какъ употребивши имя Пиѳагора (VI-й вѣкъ предъ Р. Х.). Мудрецъ, по преданіямъ, каковы бы они ни были, странствующій въ Малой Азіи, Египтѣ, Халдеѣ, даже до Индіи, приводимый въ родословную связь съ Тирренскими Пеласгами, а потому и съ Финикіянами, мудрецъ-

законодатель съ ѳеократическимъ характеромъ и существа, и ученія, скорѣе вѣроучащій, чѣмъ просто учащій, «не богъ, не человѣкъ, а Пиѳагоръ,» какъ говорили о немъ, посвященный членъ разныхъ мистерій, посѣтитель Ѳракіи, допущенный тамъ въ орфическія мистеріи, съ проповѣдью загадочнаго молчанія, не принятый въ собственной Греціи и изгнанный изъ нея при стремленіи къ послѣдующему Сократисму, растерзанный здѣсь, какъ былъ растерзанъ Орфей Діонисовскими мѣнадами, чтобы смертію стараго начала переродиться въ службу юному богу, онъ самъ сближался съ Ликургомъ, Пенѳеемъ, Орфеемъ, этими Ѳракійскими образами, предшествовавшими Діонису и имъ покоренными, съ Ѳракійскимъ или Гиперборейскимъ Аполлономъ, старшею и суровѣйшею ступенью Дельфійскаго, съ самимъ Ѳракійскимъ Діонисомъ, на его переходѣ къ свѣтлотѣ Еллинской. Ссылаемся здѣсь на изслѣдованіе нашего ученаго, г. Каткова, употребившаго тѣ самыя выраженія о Пиѳагорѣ, которыя привели мы («Очерки др. пер. Греч. филос.»). Съ другой стороны, сближая Еллинисмъ съ Востокомъ, Пиѳагоръ отвѣчалъ той же ступени, которую проходили тамъ Діонисовскія начала и на которой стоялъ образъ Саломона. Путь имъ пройденный былъ тотъ же, какой мы видѣли уже въ разныхъ областяхъ на дорогѣ къ завершительной цѣли, выраженной позднѣйшимъ Діонисомъ, позднѣйшею Греціею и вообще исторіею. — И такъ, имя Саломона, распространенное на Востокѣ, разумѣя предѣлы отъ Египта до Индіи, отъ Аравіи до Ассиріи и Вавилона, со срединною точкою Финикіи, соединилось здѣсь съ соотвѣтствующими образами миѳологіи и эпоса, приближавшимися къ Діонису; въ поэмы собственно-Діонисовскаго характера перешло оно тогда, когда созрѣли представленія о самомъ Діонисѣ, когда, вынесенный изъ Греціи высшій образъ сего послѣдняго прошелъ изъ Греціи по тѣмъ же самымъ историческимъ странамъ въ побѣдномъ шествіи, встрѣчая себѣ оттуда на встрѣчу образы соотвѣтствовавшіе и искавшіе уясненія. Въ это же время имя Саломона, въ связи съ такими же сказаніями, переходя мало по малу и въ поэмы, окрашиваясь постепенно Еллинскимъ вліяніемъ, появляется во Ѳракіи, у праотцевъ послѣдующимъ Славянамъ и Нѣмцамъ, на Черномъ морѣ и за тѣмъ по Дунаю. Здѣсь миѳъ и эпосъ связуются уже и съ другими областями, философіею Пиѳагора, исторіею Геродота. Послѣдній, изъ срединной ему точки Еллинисма, даетъ историческія объ-

ствіи всему этому дѣлу какъ со стороны Египта, Ассиріи-Вавилона, крайней точки Индіи, посредства Финикіи, такъ и съ другой стороны — Ѳракіи, этого для Греціи Востока, этой своего рода Азіи на почвѣ Европейской, другими словами, этой переходной къ Эллинизму ступени, сходной относительно его съ Востокомъ и Азіею, частію по суровости и грубости, вынесенной изъ старины, частію еще по юности, вышедшей не такъ давно изъ общей колыбели Европейскихъ народовъ. Наконецъ все это заключается послѣднимъ внѣшнимъ и вполнѣ уже историческимъ единствомъ, какое въ тѣхъ же образахъ, тѣми краями и путями, привелъ съ собою образъ Великаго Александра. Тогда-то, съ этой послѣднею окраской, соединившею равно и Діониса, и Мелкарта, и Геракла, и Саломона, и Александра, въ одно время съ движеніемъ самихъ народовъ отъ Чернаго моря и Дуная къ Сѣверу, пошли съ этими народами поэмы о Саломонѣ, поэмы народныя, Славянскія и Нѣмецкія, или, лучше, въ двухъ главныхъ редакціяхъ ихъ, Славянской и Нѣмецкой. За народнымъ творчествомъ потянулись послѣ и рукописи, во множествѣ, съ многообразными развѣтвленіями, или заносившія въ себя творчество устное, или съ цвѣтами уже сочиненій Византійскихъ и Римскихъ, Югославянскихъ (разумѣя Славянъ, вторично пришедшихъ, возвратившихся на Югъ) и Итальянскихъ. Народныя сказанія находили себѣ подтвержденіе и подновленіе въ рукописяхъ, встрѣчаясь съ ними какъ знакомыми, только записанными или подкрашенными вслѣдствіе добавокъ; рукописи, сообщая эти добавки, будь то Византійскія или Римскія, Югославянскія или Итальянскія, пополнялись на Сѣверѣ еще болѣе, ибо рука писавшаго Нѣмца и Русскаго не могла утерпѣть, чтобы не подчиниться звуку, отзывавшемуся въ ухѣ, слову, пріученному къ пѣсни, всѣмъ вліяніямъ устнаго творчества, независимо отъ рукописей, хотя и въ связи съ ними, развивавшагося на Сѣверѣ среди самобытной жизни Нѣмецкой и Русской. Раздѣлять ту и другую область необходимо, ибо нельзя же народныя преданія объяснять выпискою изъ позднѣйшихъ рукописей, или рукопись, прошедшую совсѣмъ иной путь, поправлять преданіемъ народнымъ, независимо отъ ней жившимъ. Но съ другой стороны весьма глубоко ошибаются и тѣ, кои не видятъ внутренней связи между сими областями, рукопись отдаютъ одному архиву, народную поэму одному устному слову. — Прибавимъ, что имя и лице Саломона не единственное, испытавшее подобную участь въ поэмахъ

устныхъ и рукописныхъ: еще прежде его Іосифъ пріобрѣлъ на Востокѣ, а за тѣмъ и въ Греціи, не меньшую популярность, — вспомните исторію Діониса и морскихъ разбойниковъ, хотѣвшихъ продать его; Самсона то и дѣло сближали съ Мелкартомъ и Гераклемъ. Какъ облегавшіе народы подхватывали изъ Палестины историческія имена и событія, окрашивая ихъ цвѣтами своего вѣросознанія или доисторическаго представленія, такъ на оборотъ и сами Евреи, по свидѣтельству даже Библіи, ежеминутно поддавались соблазну движенія окрестныхъ народовъ по сужденнымъ для нихъ ступенямъ миѳологическаго процесса. Посредниками для перевода всѣхъ этихъ именъ, лицъ, образовъ и событій въ древнюю Европу, были главнымъ образомъ Финикіяне и потомъ Греки; въ новую — Славяне и Нѣмцы. Іосифъ является въ нашемъ народномъ творчествѣ не только по Стихамъ, но и въ Былинахъ, гдѣ, какъ «Осипъ Красивый» или «Прекрасный,» стоитъ типическимъ образомъ, рядомъ съ Святогоромъ, Кудріянищемъ, Кіевскими богатырями и т. п.; Потыкъ повторяетъ его собою, особенно въ «Сорока Каликахъ со Каликою.» Самсонъ является и въ Стихахъ, на примѣръ объ Іосифѣ («Кал. Пер.,» вып. 1), гдѣ Іаковъ обнимаетъ столбъ, изъ столба выступаетъ сокъ; въ Былинахъ это — «Самсонъ» Старшій богатырь, съ семью власами ангельскими на головѣ. Саломонъ съ женою, кромѣ самостоятельныхъ былинъ и рукописныхъ сказаній, перешли и въ наши Стихи, особенно въ Голубиную Книгу и Стихи объ Егорьѣ, а также въ творчество Кіевское, въ былины Владиміровы; Сказки занимаютъ среднее мѣсто, то давая намъ отрывки Черноморскаго и Придунайскаго эпоса, одного вѣка съ происхожденіемъ поэмъ о Саломонѣ, то переводя въ себя и раздробляя Кіевскія былины. Во всемъ этомъ убѣдимся мы ниже.

Но, еще не конецъ: былъ еще слой въ поэмахъ о Саломонѣ. Слой сей въ основѣ и существенныхъ чертахъ своихъ есть Ассирійско-Вавилонскій. По извѣстному ходу историческихъ событій, онъ дѣлается въ своемъ развитіи достояніемъ Персіи, а черезъ нее, особенно послѣ эпохи Александра Великаго, переходитъ и въ Грецію; съ другой стороны, по участію династіи Аравійской въ Ассиріи, весьма рано онъ дѣлается роднымъ у Аравитянъ, переходитъ въ ихъ сказанія, послѣ же Р. Х., въ средніе вѣка, при господствѣ Аравитянъ на Востокѣ и съ переходомъ ихъ самихъ, и образованія ихъ, и сочиненій въ Европу, усвояется сею послѣднею. И тѣмъ, и другимъ путемъ шло народное устное творчество: оно перешло и въ

намъ, въ Былины и Стихи, какъ убѣдимся ниже. Рукописи шли также обоими путями: въ Греціи онѣ передѣлывали восточныя сказанія на свой ладъ, съ соотвѣтственными греческими образами, цѣликомъ же приняли восточныя имена и образы уже позднѣе, въ эпоху Византійскую; у Арабовъ вошли онѣ въ извѣстныя сказки ихъ «Тысяча и одной ночи.» Рукописи наши, не чуждыя родства и съ Юго-славянскими, по уцѣлѣвшимъ многимъ образцамъ, восходятъ къ XIV—XV вѣку (болѣе раннія вѣроятно потеряны): въ нихъ хотя и есть яркіе слѣды заимствованій изъ Греціи, именно Византійской, и даже перевода, но такихъ прямо соотвѣтствующихъ рукописей, съ которыхъ былъ бы сдѣланъ нашъ переводъ, пока не найдено; съ другой стороны, если наши рукописи и близки къ Арабскимъ сказкамъ, то не въ позднѣйшей редакціи сихъ послѣднихъ, наиболѣе извѣстной въ Европѣ, а въ древнѣйшей, также еще не приведенной въ точную опредѣленность. Короче, наши рукописи связуются и съ Греческими, и съ Арабскими письменными источниками, но не вполнѣ, представляя особенности редакціи: главною причиною тому конечно вліяніе на нихъ творчества народнаго устнаго, которое связывалось съ преданіями, общими всему Востоку и Греціи, имѣло конечно мѣсто уже въ Черноморскомъ или Придунайскомъ эпосѣ и оттуда принесено въ наши края, вмѣстѣ съ переселеніемъ Русскихъ Славянъ. Рукописи наши подновлялись этимъ устнымъ творчествомъ, занося въ себя его черты, и, обратно, поддерживали собою ходившія устныя преданія. Такимъ образомъ въ результатѣ и здѣсь поэма совершенно *усвоена* нами и пріобрѣла у насъ самобытную народную постановку (объ источникахъ письменныхъ, иностранныхъ и нашихъ письменныхъ памятникахъ, ср. помянутый «Очеркъ» г. Пыпина, а изданіе памятника нашего, по двумъ образцамъ, въ «Пам. стар. Р. лит.,» вып. 2). — Мы уже упоминали выше, что нѣкогда Ассирійскіе герои въ народныхъ сказаніяхъ связались съ повѣстью греческаго Діониса, когда она выработалась въ Греціи съ болѣе обширнымъ и общимъ характеромъ, связавши въ себѣ и зачатки Востока, и завершеніе Греціи. Это было уже не столько миѳъ, сколько эпосъ и начало исторія, въ которомъ выражены типы разныхъ народовъ и ихъ внѣшнія, международныя отношенія. Мы можемъ отчасти прослѣдить, когда эта пора началась для Ассиріи: именно, это должна быть эпоха, когда Ассиріяне вступили въ столкновенія съ Египтомъ, Аравіею и Палестиною, а также Финикіею, этими странами и народами, сновавшими основу того твор-

чества, которое мы излагаемъ въ нашей статьѣ. Вмѣстѣ это должна быть эпоха славы и могущества, но при переломѣ, при перерожденіи въ новый порядокъ вещей, ибо въ области творчества, о коей идетъ дѣло, мы уже видѣли главныхъ героевъ Саломона, Александра, даже отчасти Святополка Моравскаго, сближеннаго Гриммомъ, героевъ, достигавшихъ высшей точки могущества и славы своего народа, но вмѣстѣ приводившихъ и къ паденію стараго порядка вещей, къ торжеству началъ новыхъ, небывалыхъ, къ перелому и перерожденію народа; въ миѳахъ греческихъ этому отвѣчали труды Геракла, кончавшіеся его торжествомъ, но вмѣстѣ и смертію, и только что выводившіе на сцену Діониса, или подвиги сего послѣдняго со стороны борьбы и раздвоенія, со стороны этихъ сходовъ въ преисподнюю, въ смерть, потомъ возрожденій и воскресеній. Еще болѣе такой характеръ долженъ былъ явиться въ сказаніяхъ Востока, гдѣ народы съ ихъ государствами, носившими въ себѣ самихъ и сѣмена могущества, и паденія, то поднимались, то снова сокрушались, уходя глубоко своимъ корнемъ въ стихійную доисторическую эпоху и не имѣя основъ прочной положительной исторіи. Въ самомъ вѣросознаніи ихъ, въ самой миѳологіи, то торжествуетъ начало старое, то юное, то злобно первое, то второе. Одну изъ такихъ минутъ перелома должно было взять себѣ и творчество Ассирійское, чтобы въ народныхъ герояхъ и quasi-исторической повѣсти выразить намъ повѣсть своего вѣросознанія. Такова была именно для нихъ эпоха въ половинѣ VIII вѣка предъ Р. Х. Они завоевали Сирію, покорили Финикійское прибрежье до границъ Египта, отвели въ плѣнъ Израильтянъ; въ заключеніе, Сеннахерибъ, Санхерибъ, Сеннахеримъ (имя его подверглось множеству искаженій въ самой уже древности) устремился на самый Египетъ, но былъ отраженъ; Евреи соединились съ Египтянами; Іерусалимъ осажденъ, но внезапная кара поразила почти все войско царя и онъ вернулся въ Ниневію. Этотъ ударъ приготовилъ вскорѣ рѣшительное паденіе и вывелъ потомъ на сцену Мидянъ, а за ними и Персовъ. Лицо Сенахериба, обставленное такими образами высшей славы, и притомъ для народа послѣдней, заключительной, перенесено главнымъ героемъ и въ эпосъ. Здѣсь врагомъ его явился царь Египетскій: взаимная борьба ихъ сдѣлалась предметомъ поэмы, какъ борьба двухъ народовъ, двухъ боговъ, двухъ началъ, съ третьимъ посредникомъ, совершенно въ томъ видѣ, какой уже знакомъ намъ. Разумѣется, при сродствѣ всѣхъ основныхъ ме-

тивовъ, здѣсь долженъ выступить в образъ Саломона: онъ, какъ говорили мы, конечно извѣстенъ былъ Ассиріи и прежде, какъ извѣстенъ былъ всему Востоку; но столкновеніе съ Іерусалимомъ давало еще такъ сказать внѣшнюю плоть, историческій поводъ къ связи. Потому поэма о Сенахерибѣ есть почти перелицовка поэмы о Салосонѣ, въ взаимной ихъ зависимости, не по подражанію, а по внутреннему родству и общенію началъ, миѳовъ, эпическихъ сказаній, чертъ восточной исторіи. Мы убѣдимся въ этомъ не только послѣдующимъ изложеніемъ, но убѣждаемся даже историческими данными и показаніями: Іосифъ Флавій и Вильгельмъ Тирскій передаютъ поэму о Саломонѣ точно такъ, какъ мы знаемъ ее о Сенахерибѣ, при чемъ оба эти лица являются одинаковы между собою, а соперникомъ Саломона выставленъ Хирамъ царь Тирскій, въ томъ же положеніи, какъ у Сенахериба царь Египетскій; они воюютъ посредствомъ трудныхъ задачь или загадокъ, пересылаемыхъ отъ одного къ другому; разумѣется, съ точки зрѣнія Еврейской побѣждаетъ Саломонъ. Вспомните при этомъ все, что мы говорили объ его отношеніяхъ къ Хираму и Финикіи, о значеніи Финикіи въ дѣлѣ, насъ занимающемъ, объ ея Мелкартѣ и потомъ Гераклѣ, о доисторическомъ ходѣ вѣросознанія, заключившемся въ Діонисѣ, перешедшемъ въ миѳы, въ эпосъ, въ древнюю исторію. И такъ изложимъ же эту поэму, въ томъ видѣ, какъ она является у насъ по рукописямъ (Румянц. Муз. № 303 и Погодинск. № 1772, ср. «Пам. стар. Р. лит.,» вып. 2 и изслѣдованіе г. Пыпина). Нельзя съ перваго взгляда не замѣтить въ ней любопытнаго двойства: въ одну поэму вставлена другая и изъ двухъ, совершенно впрочемъ одинаковыхъ по значенію, составлена одна. Самый внѣшній слой, ближайшій къ исторіи и выражающій отношенія международныя, представляетъ Сенахериба въ борьбѣ съ царемъ Египетскимъ; промежду нихъ дѣйствуетъ съ каждой стороны посредникъ, въ сущности одинаковый одинъ съ другимъ по характеру; являясь ко врагу отъ лица своего царя, онъ заставляетъ отгадывать хитрыя загадки, отгадчиковъ же нѣтъ, потому притѣсняетъ и насилуетъ. Но разсказъ Ассирійскій, сознаніе, какъ третье, становится на сторонѣ Ассирійской, и потому съ этой точки зрѣнія злое и мрачное начало представляетъ собою Египетъ; посолъ его злобнѣе и мрачнѣе, а потому подъ конецъ терпитъ неудачу; посолъ же Ассиріи, ея посредникъ, Премудрый, ловкій и хитрый, а потому онъ окончательно разгадываетъ загадки и тѣмъ побѣждаетъ царя Египетскаго, царь же Ассирійскій торже-

ствуетъ, спасается отъ бѣдъ, возрождается—вмѣстѣ съ народомъ—къ новой, славной и свѣтлой жизни. — Посреди этого слоя движется въ поэмѣ другой, болѣе внутренній: въ нѣкоторыхъ рукописяхъ разсказываетъ содержаніе поэмы отъ своего лица самъ Премудрый совѣтникъ или посредникъ царя Ассирійскаго, А к у р ъ (или А к и р ъ: греческое υ, краткое у, всегда у насъ въ старину такъ и передавалось, напр. «куръ» вм. « киръ, » « κυρ, » « господинъ, » и т. п.): онъ является излагателемъ дѣла, да и въ самой поэмѣ постоянно выставляется Ассирійскимъ вѣроучителемъ или наставникомъ. А мы замѣчали уже всѣмъ извѣстное явленіе, что миѳъ, или сказаніе, или ученіе, излагаемые кѣмъ либо или яснѣе выражаемые, въ древности обыкновенно переносились на самое это лицо, на его собственную исторію или біографію; и на оборотъ, лице, своею жизнію выражающее извѣстный догматъ, конечно представляется всего ближе проповѣдникомъ его. Самъ Сенахерибъ, какъ выразитель судебъ и началъ своего народа, обязанъ былъ отчасти этому же поводу, когда сдѣланъ главнымъ героемъ народной поэмы. Тѣмъ скорѣе это сталось съ Акуромъ или Акиромъ: разсказанная въ той же поэмѣ его собственная судьба есть не только повтореніе Сенахерибовой, но вмѣстѣ и уясненіе, ибо она не столько держится внѣшнихъ и международныхъ отношеній, сколько уже сосредоточивается вокругъ одного лица; здѣсь внутренняя основа, миѳъ, выражающій собою событіе вѣросознанія, совершенно осязательны. Акуръ точь въ точь старый богъ, терпящій отъ втораго, юнаго; Ассиріяне, какъ народъ Востока, держались стараго еще болѣе, а потому, когда онъ являлся у нихъ страдающимъ, склонялись на его страданія, болѣе сочувствовали ему, чѣмъ юному: онъ и побѣждаетъ въ концѣ, юный же погибаетъ. Исторія ихъ борьбы—точь въ точь извѣстная намъ по предложеннымъ выше миѳамъ и сказаніямъ: старикъ не имѣетъ дѣтей, горюетъ о томъ; усыновляетъ одного юношу, а тотъ завладѣваетъ его женою и честью, сводитъ его въ подземелье, въ тюрьму, но, послѣ обличенный, гибнетъ, старикъ же является въ обновленномъ торжествѣ.—Читатели сами замѣтятъ сей часъ эти двѣ струи разсказа, одну болѣе внѣшнюю, героическую и даже историческую, другую болѣе внутреннюю, ближайшую къ миѳамъ. — С е н а х е р и б ъ, имя котораго, какъ мы говорили, и въ древности подверглось многимъ измѣненіямъ, въ Арабскихъ сказкахъ носитъ имя С и н к а р и б ъ и А с у р ъ, т. е. потомокъ миѳологическаго Асура, отъ котораго и пошли Асуры или

Ассиріяне. Онъ передѣланъ по нашимъ рукописямъ въ Синагрипа и Сенкграфа или Синографа: это конечно дѣло еще Греціи; потомъ у насъ « царь Асуръ » переходитъ въ « Царь Адоровъ, » Азорскій, Анворскій, Анкворскій, Анивзорскій (=не-взорскій), наконецъ даже просто въ Озирской. Вмѣсто « царь Ниневійскія страны » передѣлывается: « и Налнвскія страны («Царь Адоровъ и Наливской страны:» разумѣется это осмыслили уже отъ « наливать »);» потомъ « Алевитской, » « Алевицкой, » « градъ Алевитъ, » и т. п.: въ послѣднемъ случаѣ явно прививается слово « Аравитскій, » и не напрасно, ибо и въ арабскихъ сказкахъ Сенахерибъ представлялся также царемъ Аравіи.—Такъ какъ Персы—или лучше Мидяне—въ эпоху Сенахериба только что выступили, то Перендскій царь является ему также врагомъ, но еще незначительнымъ, въ скользь: имя его Алонъ или Акисъ, напоминающее греческаго Агиса, какъ Синагрипъ—Агриппу. Главный врагъ Ассирійскаго царя—царь Египетскій, Фараонъ. Доносятся въ Египетъ вѣсть, что Сенахерибъ погубилъ Премудраго Акура (объ этомъ разскажемъ ниже): Акуръ играетъ здѣсь одинакую роль со старымъ богомъ; Фараонъ причиною нападеній беретъ именно его погибель; представляется, что изменивши Акуру, Сенахерибъ сталъ безпомощенъ: « тогда слышавъ царь Египетскій Фараонъ, что Акирь погубленъ бысть, и нача глаголати посадникомъ своимъ: « « нѣкій мужъ былъ, именемъ Акирь Премудры въ землѣ Аливитстѣй у царя Синограеа, а нынѣ Акирь погубленъ бысть: ужъ наше время дань своя многалѣтная (дань многолѣтнюю, за многіе годы) имать у царя Синограеа. » » Тогда царь посылаетъ « грознаго посла, » Елтегу или Елдегу (любопытно, что его нѣтъ въ Арабскихъ сказкахъ), « съ мудрыми загадками» и множествомъ провожатыхъ въ золотыхъ поясахъ и доспѣхахъ, въ свѣтлыхъ ризахъ. Какъ водится, не дошедши до « града Алевита, » т. е. Ниневіи, посолъ расположился станомъ, « и нача ясти и пити саморучно, и нача къ себѣ силою имати на ложище отеческія дщери; » или: « и повелѣ у гражданъ саморучно ясти, а жены и вдовицы повелѣ имати и приводити на постели своя. » Такія дѣйствія посредника видѣли мы и выше, онъ утѣсняетъ врага, грозитъ, похищаетъ женъ и дочерей. Явившись къ Сенахерибу, посолъ объявляетъ, чтобы онъ волю царя Египетскаго сотворилъ, загадки его отгадалъ, а если не отгадаетъ, то велитъ землю его плѣнить, а самого

его злой смерти предать и весь градъ Алевитъ подъ Египетъ взять. Любопытно, что здѣсь Египетскій царь называется постоянно «Восточнымъ,» а Ассирійскій «Западнымъ:» это точка зрѣнія на антиподовъ, въ томъ смыслѣ, какъ объясняли мы выше, и притомъ, какъ кажется, европейская, когда Европа взяла сторону Сенахериба, его усвоила себѣ, а противуположила себѣ Востокъ, т. е. всю Азію и страну Ееіоповъ, Муровъ-Мавровъ, Арабовъ и т. д. Сенахерибъ ищетъ и вызываетъ желающихъ побороться съ врагомъ загадками, но, послѣ Акура, нѣтъ такихъ; сгубившій его юноша слишкомъ неопытенъ и, какъ юный богъ при первомъ его появленіи, не въ силахъ еще разгадать втѣснившихся загадокъ. Здѣсь-то снова возстаетъ и является на главную сцену Акуръ. Не сомнѣваемся, что имя его, Акуръ или Акиръ, по-гречески *Αχουρος* или *Αχουρ*, есть собственно дальнѣйшая и преимущественно греческая передѣлка (еще дальнѣйшая передѣлка Гейкаръ): основа же Асуръ, позднѣе Адоръ, и т. д. Становясь въ переходѣ между Ассиріею и Мидіею, Персіею, когда и образовалось сказаніе, имя это, нужно полагать, то же, что имя знаменитаго бога, Агура (*Ahura*), съ прозвищемъ Мазда—«Агура Вѣщій,» «Агура Премудрый,» въ санскритскомъ Асура. Этому основному представленію, богу и мноу, въ эпосѣ отвѣтилъ Акуръ или Акиръ, съ постояннымъ прозвищемъ Премудрый. Борьба его съ названымъ сыномъ, потомъ за Ассирію съ Египтомъ, есть конечно борьба Агуры-мазды (Ормузда, Ормазда) съ вѣчнымъ врагомъ его, Анро-маиньемъ (Ариманіемъ), духомъ зла и мрака. Какъ лицо человѣческое, Акуръ есть мудрецъ, излагатель миеа и ученія Агуры, то же лицо, которое мы знаемъ въ Зараѳустрѣ (Зороастрѣ): вспомнимъ, что по древнѣйшей редакціи рукописей онъ отъ своего лица передаетъ разсказъ о борьбѣ. Продолжаемъ. Акуръ, вельможа и мудрецъ при царѣ, именуется постоянно «Совѣтникъ», «Книгчій» или «Книгочій (книжникъ, имѣющій дѣло съ письмомъ и письменностью, книгами)» и еще чаще «Премудрый:» послѣднимъ прозвищемъ онъ всего ближе совпадалъ съ Саломономъ. Представляется онъ глубокимъ старикомъ; имя жены его—Ѳеодулія или Ѳеодула есть конечно позднѣйшая работа греческая и значитъ «раба божія,» «служительница богу (ср. выше «Евсевію,» «жену благочестивую» при Егорьѣ и Ѳедорѣ въ нашихъ Стихахъ и сотвѣтствующую «Софію,» «Премудрость»).» Дѣтей у него нѣтъ: молится онъ Богу и получаетъ повелѣніе усыновить племянника, Надана, Анадана, Анадана, Ана-

дона и т. п.,—имя испорченное по рукописямъ: настоящей формы мы его не знаемъ, а сдается, что это или знаменитый Адоній (см. выше), или Анайда, Нанайа, Танайа, Нейтъ, и т. п., божество Востока, колеблющееся между мужескимъ и женственнымъ, какъ богиня обыкновенно имѣющее при себѣ юнаго бога или просто юношу, въ разныхъ къ нему отношеніяхъ, какъ мать, сестра, любовница (ср. выше выше ея отношенія къ незрѣлому юному богу, особенно Адонію; какъ сестра отвѣчаетъ она греческой Артемидѣ). Какъ бы то ни было, Акуръ учитъ названаго сына грамотѣ, разнымъ языкамъ, звѣздочетству, всякой премудрости и разгадкѣ загадокъ. Здѣсь обыкновенно въ сказаніяхъ вставляется изложеніе поученій, съ возваніемъ «сыне,» «сыну» или «чадо.» Конечно при развитіи рукописей сюда вошли и Премудрость Соломонова, и Притчи его, и уроки Сираха или сына Сирахова, Сираховича (весьма близкаго къ Акуру или Асуру, Асиру), потомъ извлеченія изъ Пчелы, а въ русской редакціи изъ всевозможныхъ памятниковъ и даже изъ пословицъ. Кромѣ этихъ данныхъ, важнѣе истекающее изъ нихъ послѣдствіе: Акуръ сопоставлялся съ древнѣйшими законодателями, вѣроучителями, мудрецами, Премудрымъ Соломономъ. Потому нельзя не видѣть сходства его съ самимъ Заратустрою (Зороастромъ), съ которымъ, какъ усыновленнымъ любимцемъ, Агура обыкновенно бесѣдуетъ, велитъ себя спрашивать обо всемъ, что̀ для мудреца не такъ ясно, относительно обязанностей людей между собою и къ божеству, разрѣшаетъ его вопросы и т. д. (см. памятники Зенда; превосходное изслѣдованіе объ нихъ, съ изданіемъ статей Зендавесты, сдѣлано нашимъ ученымъ К. А. Коссовичемъ, С. П. Б., 1861 г.; тамъ и сравните значеніе Агуры и его отношенія къ вѣроучителю). Въ греческой элегіи мы встрѣчаемъ послѣ совершенно сходныя гномы, т. е. краткія нравоученія, у Мегарскаго Θеогнида (близко сходныя и съ Сираховыми): начинаются они обыкновенно словомъ *Κυρνε*, то же по смыслу, что «сыне» или «чадо;» этотъ Кирносъ, въ миθологіи сынъ Геракла, предполагаемый любимецъ Θеогнида, доселѣ впрочемъ удовлетворительно не объясненный филологами, по нашему мнѣнію выродился изъ того же А-кира или А-кура.—Воспитавши такимъ образомъ, Акуръ передалъ въ услуженіе или поручилъ усыновленнаго любимца своего царю: но воспитанникъ, повторяя извѣстную намъ исторію юнаго бога, погубилъ старика. Не

мѣсто здѣсь разбирать, какими средствами, только онъ оклеветалъ названаго отца предъ Сенахерибомъ (между прочимъ выставивши отъ лица Акура войска, какъ будто противъ царя), и этотъ повелѣлъ мудреца казнить. Смерть готова, мудрецъ, выражавшій стараго бога, готовъ сойти въ могилу. Любопытно, что юноша усильно упрашиваетъ колебавшагося царя умертвить Премудраго Акура, такъ точно, какъ Саламанія настаиваетъ, чтобы погубилъ Саломона (ср. ниже): «хочу отца своего Акиря Премудраго предъ тобою поставить, не предай его злой смерти;» «а язъ тебѣ, царю, хощю вѣрою служить, а отца своего Акиря хощу предъ тобою поставить, а ты не моги его жива пустить;» «не моги Акиря жива пустити, но предай злой смерти,» и т. п. Здѣсь между старцемъ и юношей является посредникъ, такой же, какимъ былъ самъ Акуръ между Ниневіею и Египтомъ: имя его въ сказкахъ Арабскихъ Абу-Сомейка, потомъ Абималкамъ, у насъ Анбугилъ, Анабугилъ и т. п. Это конюшій царя, рабъ, чернорабочій, со всѣми извѣстными намъ признаками посредника, то же, что Дядьки-помощники нашего Ивана, Чернавка, спасающая нашихъ героевъ изъ погреба или темницы, и т. д. Онъ рѣшается спасти Акура и скрываетъ его въ потаенной комнатѣ дворца: сравните выше Саломона у Өракіянъ. Или спасеніе таково: «Акирь же нача молитися Анбугилѣ:...—Есть у мена дванадесять мужей, сидятъ въ темницѣ, а единъ мужъ именемъ Сутыимъ, а подобенъ моему образу, а повиненъ смерти, уже хощетъ смерти аки пьянъ; и ты, Анбугиле, изведи мужа сего Сутира изъ темницы и предай ево смерти, а меня въ Сутирово мѣсто посади въ темницу.—» Или: «—Есть у меня 12 мужей въ темницѣ, и тутъ единъ мужъ именемъ Сутиръ, подобенъ моему зраку и повиненъ моей смерти, и самъ онъ уже хощетъ умрети, что (чѣмъ) пьяной спати; и ты, господине Анбугиле, изведи Сутира изъ темницы и предай смерти, а меня посади въ темницу въ Сутирово мѣсто.»—Такъ рабъ и сдѣлалъ: «изведе Сутира изъ темницы, а Акиря по колѣни окопавъ, посади въ темницу въ Сутирово мѣсто; во утри же день изведе изъ града Сутира, и осѣче главу ево и поверже на смѣтище, а тѣло его поверже псомъ на съядеціе.» Или: «вскорѣ Акиря Премудраго посади въ темницу въ Сутирово мѣсто, и окова его по колѣни въ желѣза... Анбугилъ же утрее взявъ Сутира изъ темницы, и изведе вонъ изъ града на позорище, и отсѣче ему главу предъ всѣми людми, и поверже тѣло его псомъ и птицамъ на разтерзаніе.» Послѣ того провозглашена въ

городѣ гибель Акура, всѣ горевали. Сравните помянутое выше дѣло Геракла, когда онъ спасъ Прометея, подставивъ въ мѣсто его полуживаго Кентавра Хирона, передъ тѣмъ напившагося изъ сосуда Діонисова и въ битвѣ Кентавровъ подстрѣленнаго; еще, кажется, яснѣе соотвѣтствующее по былинамъ Кіевскимъ освобожденіе изъ погреба Потыка, лежавшаго тамъ пьянымъ отъ «питья забыдущаго» и замѣненнаго мерзлымъ и мертвымъ Татарипомъ.—Коварный юноша получилъ отъ царя все, принадлежавшее Акуру: любовь, довѣренность, богатство, палаты и т. п. «Акирь же Премудрый три лѣта сѣдаше въ темницѣ въ тяжкихъ железахъ;» «Акирю Премудрому три года исполнишася въ темницѣ:» роковое, извѣстное намъ, число три, года или дня, для пребыванія скрывавшагося стараго бога, или юнаго по велѣнію и въ роли стараго (см. выше). Но вотъ подступилъ посолъ царя Египетскаго, о которомъ говорили мы выше: не имѣя отгадчиковъ, разочаровавшись въ мудрости юнаго любимца, Сенахерибъ сходитъ съ престола, снимаетъ царскій вѣнецъ и бросаетъ въ навозъ, «трепетенъ бысть и ужасенъ,» рветъ бороду и громко плачетъ,—его положеніе то же, что зарытаго Акура. Время Акуру воскреснуть, чтобы поразить врага и послужить побѣдоноснымъ посредникомъ. Аибугилъ восклицаетъ, пришедши къ старику: «Время про тебя сказать!» Рабъ доложилъ царю о своемъ подвигѣ, тотъ, разумѣется, радехоненъ: «Царь же Синограоъ отъ радости великія взємъ скляницу съ виномъ и чару (извѣстное намъ посредство), и скоро тече къ темницѣ, и обрѣте Акиря, и радъ бысть царь. Акирь же по колѣни окопанъ и желѣзы окованъ, а власы главы его до земли, а брада его до поеса.» Приникнувъ къ узнику, царь объявилъ себя виноватымъ и спросилъ: «Можешь ли, Акире, грозному послу Елтегѣ словесемъ отвѣтъ дать и загадки его отгадать?» Акуръ обнадежилъ, что можетъ, выведенъ изъ подземелья и, какъ возрожденный къ новой жизни, «поиде въ домъ свой, въ полаты, и наиде въ дому своемъ 6 отроковъ, и нача Акирь въ баняхъ паритися, и мазью мазатися, и ѣству сахарную, и разные питья и ѣствы нача пити и ѣсти, и веселитися, и пребысть въ дому своемъ 6 мѣсяцовъ, и готовъ бысть на царскую службу.» Или: «Царь же слышавъ, вскочи съ престола своего радостенъ зело, и взємъ скляницу вина полну, и потече самъ вскорѣ къ темницѣ, идѣже Акирь сидитъ, и обрѣте Акиря едва жива въ темницѣ. Царь же Синограоъ поклонися Акирю до земли; Акирь же Премудрый сидитъ по колѣ-

ни окованъ въ желѣзахъ, власы его до земли, а брада его до пояса, а очи его какъ пчелы безъ крылъ.» Опять вопросъ, можетъ ли онъ отгадать послу загадки, отвѣтъ Акура и его освобожденіе: «и принедше въ домъ свой, и обрѣте въ дому своемъ толко 6 полатъ красныхъ; и нача Акирь Премудрый въ банахъ паратися по часту, и сталъ имати мази и мазатися, и ѣству сахарную ести, и пити питья заморскія, и меды сладкія, и ѣствы сахарныя. И пребысть Акирь въ дому своемъ 5 мѣсяцъ, и готовъ бысть на царскую службу, аки трехъ мытей ясенъ соколъ у ласкова сокольника.» При этомъ высказаны любопытныя отношенія жены Акура къ нему самому и юношѣ: мы знаемъ по началамъ, основавшимъ наше изслѣдованіе, что богиня должна при побѣдѣ юнаго бога перейти къ нему; но, поелику сочувствіе сказанія на сторонѣ старика, то у молодаго должна эта женщина, нѣкогда богиня, потерпѣть. Такъ и есть: когда восторжествовалъ юноша, царь отдалъ ему «и жену (старика) Θеодулію.» Освободившись, «Акирь поиде разрѣшенъ въ домъ свой, взыскати жены своей Θеодулы. Жена же бѣ его порабощенна, бысть у сына его Анадама приставлена у стада верблюжья. Акирь же нашедъ жену свою Θеодулію у сына своего въ работѣ, и прослезися горко. И глагола ему Θеодулія: «Грѣди ко мнѣ!» И позна его Θеодулія по гласу, а по образу не позна его, и пришедши на ногу его, пролія слезы своя... Одѣяніе же бысть на Θеодулѣ кожа верблюжья. Акирь же взя жену свою за руку, и поиде съ нею въ домъ свой,» и проч. Или: «И нача Акирь Премудрый искати жену свою Θеодулію. Жена жъ его Θеодулія порабощена бысть въ дому сына своего Анадона, стадо велбужье пасуще. Акирь же Премудрый нашедъ жену свою Θеодулію, жена же его Θеодулія по гласу позна его, а по лицу его не позна, Акиря Премудраго, и пролія слезы своя, и возопи Θеодулія унывнымъ гласомъ, глаголюще: «Алевицкое мое солнышко! Откуду еси возсіяло ми? Уже мнѣ три годы не возсіяло: откуду, мой свѣтъ, взялся?» Одежда жъ была на Θеодуліѣ велбужья кожа, а нозѣ ея въ лычелницѣхъ, а лице ея было аки котельное дно (черное, признакъ рабства), отъ слезъ и отъ солнечного вара почернѣло, и отъ горкія работы и печали, и изпаде тѣло ея.» Пошедши въ домъ свой, мы видѣли, Акуръ поцовилъ себя и ее, отпарилъ, возродилъ. Тогда — «повелѣ Акирь грознаго посла Елтегу жезліемъ проводить отъ града своего;» или: «А того, господине царю, грозного посла Елдегу вели пробити жезліемъ псъ твоего царства.» Слѣдуетъ путешест-

віе Акура въ станъ враговъ, къ Египетскаму царю, побѣда надъ симъ послѣднимъ, спасеніе Сенахериба. — Остановимся здѣсь на минуту и, не говоря уже о миоахъ, вспомнимъ, какъ въ эпосѣ Гераклъ, послѣ подвига своего вернувшись къ Ѳивамъ, нашелъ городъ свой осажденнымъ и выпроводилъ грозныхъ пословъ, а врага побилъ. Но еще яснѣе это повторялось въ нашемъ творчествѣ Кіевскомъ, во первыхъ въ исторіи Ильи, при нашествіи враговъ, названныхъ Татарами, съ Калиномъ, Батыемъ и т. п. (вып. Кир. 1 и 2). По клеветамъ и пересудамъ, Владиміръ велитъ старика Илью «бросить въ погреба глубокіе, задернуть рѣшетками желѣзными, завалить чащей, хрящомъ-камнемъ.» Скурлаты такъ и сдѣлали. Но «княгиня была сдогадлива, копала подкопы подъ тѣ погребы, поила и кормила доброва молодца, поила-кормила ровно три годы. Черезъ три годы накатилась сила невѣрная, обстала престольный Кіевъ градъ. Тутъ-то Владиміръ князь весьма закручинился, запечалился, повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону, потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ. Тутъ ему княгиня подмолвилась» и открыла тайну спасенія Ильи; Владиміръ сначала сомнѣвается: «Сними-ко ты буйную голову, приростетъ ли она къ плечамъ?» Посылаетъ слугъ: «Развалите чащи, хрящи-камни, раздерните рѣшотки желѣзныя, посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ?» Тѣ приникли и спрашиваютъ: «Живъ ли ты, али нѣту-ка?» Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ, выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.» Въ другомъ разсказѣ мѣсто тюрьмы заниваетъ опала княжеская, отказано было Ильѣ двѣнадцать лѣтъ отъ Кіева. Между тѣмъ подымался Батый царь, подошелъ подъ Кіевъ градъ, проситъ богатырей или поединщиковъ: это та же древняя загадка для единоборства. «Дашь не дашь, говоритъ, за боемъ возьму, сильныхъ богатырей подъ мечь склоню, князя со княгинею въ полонъ возьму.» «Надѣвалъ Владиміръ платье черное, черное платье, печальное;» въ стрѣту идетъ Илья въ образѣ Калѣки Перехожаго: образъ нищенства, лохмотья, того кочевья и блужданія, которое было уже народомъ брошено и одѣлось въ представленіяхъ тьмой и мракомъ. Бьетъ челомъ Владиміръ до сырой земли: «Постарайся за вѣру Христіанскую!» — Не зови меня нищей Каликой Перехожею, — говоритъ богатырь, — назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ:» такъ Пиоія переименовала Алкида въ Геракла, пуставъ на подвиги, и то же встрѣтимъ ниже въ поэмѣ о Саломонѣ. А посолъ Татарскій, прибывши въ Кіевъ, «не вяжетъ коня, не приказываетъ, öт-

житъ онъ во гридню во свѣтлую, а Спасову образу не молится, Владиміру князю не кланяется и въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;» подавши посольскія грамоты, грубитъ и грозитъ. Илья, покончивши путь собственныхъ страданій въ борьбѣ съ княземъ, выступаетъ посредникомъ. Онъ усмѣхается: «Гой еси, сударь, Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за муракъ неотесаной?» Въ теченіе разсказа, онъ «схватилъ Татарина за ноги, которой ѣздилъ во Кіевъ градъ, и зачалъ Татарином помахивати,» — спасеніе вышло черезъ дохлаго Татарина такъ же, какъ Потыку. Уже г. Пыпинъ замѣтилъ весьма находчиво: «характеръ грознаго посла (Египетскаго) напоминаетъ Татарскую эпоху; въ XIII же столѣтіи самое имя Елътеги (который, пропущенный у Арабовъ, является въ нашихъ рукописяхъ) становится современностью, потому что именно о такомъ лицѣ, вельможѣ Батыя, упоминаютъ наши лѣтописи («Очеркъ,» стр. 83).» Значитъ, сближеніе между поэмою объ Акурѣ и Ильѣ съ Батыемъ далеко не есть мечта, а подлинная дѣйствительность истины. Отправляясь въ посольство къ стану Татаръ съ Ильею, «наряжался князь тутъ поваромъ, замарался сажею котельною,» — творчество хотѣло выразить знакомый намъ черный цвѣтъ, какъ символъ рабства. Побѣдивши врага въ его собственныхъ таборахъ, Илья «пьетъ довольно зелена вина съ тѣмъ Васильемъ со Пьяницей.» Наконецъ, какъ жена Акура страдаетъ за него въ рабствѣ у врага и страданіями выкупаетъ послѣ спасеніе, послѣ же помогаетъ ему въ Египтѣ противъ враговъ, такъ въ одномъ образцѣ былины за Илью несетъ тяжкіе подвиги жена и побѣждаетъ непріятеля. — Далѣе, и еще яснѣе, повторяется это въ Потыкѣ («Зам.» при 4-мъ вып. Кир.). Мы видѣли уже прежде, какъ въ образахъ, ему предшествующихъ по сказкамъ, достигаетъ онъ спасенія жены, распластывая ее въ банѣ, изгоняя нечистоты, вспрыскивая водою, — это путь внутренній; во внѣшнемъ, Потыкъ сходитъ съ нею въ подземелье, воскрешаетъ ее убитымъ врагомъ-змѣемъ, вспрыскиваетъ живой водой, поновляется съ нею святой водой; а вслѣдствіе лишней чарки, питья забыдущаго, попавши въ подземелье, выходитъ оттуда и получаетъ возрожденную жену въ новомъ видѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что поэмѣ Акура, еще ранѣе времени Саломонова, отвѣчала дѣйствительность библейская въ исторіи Іосифа: злобою братьевъ, потомъ изъ за жены, попавши въ темницу, онъ разгадываетъ загадки сновъ хлѣбодару и виночерпію, а

послѣдній, подавая чару Фараону, пособилъ заключеннику выйти на свѣтъ Божій; жена Пентефрія посрамлена въ нечистотѣ своей, этой коростѣ или звѣрной кожѣ, какъ изображаетъ ее эпосъ. Потомъ настаетъ другая загадка, чара, которою Іосифъ посрамляетъ злобу братьевъ. Въ нашемъ эпосѣ эти двѣ черты взяты обратно въ разсказѣ о Потыкѣ: сперва является чара, которою любодѣйная княгиня хотѣла отистить Потыку за цѣломудріе; потомъ онъ закопанъ въ землю. Но правда обнаружилась: «пришли калики-товарищи, поклонилися, стали здравствовать,» онъ «выскакивалъ изъ сырой земли какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, а всѣ они, молодцы, дивуются, на его лице молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса.» Они были ослѣплены за неправду противъ Потыка, какъ ослѣплялись враги Діониса. За то же самое Апраксѣвна «захворала скорбью недоброю, слегла княгиня въ великое во гноище.» Вышедши изъ земли, Потыкъ идетъ на пиръ ко князю: «молода княгиня Апраксѣевна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасти, скоро она убиралася, убиралася и снаряжалася, тутъ же къ нимъ къ столу пришла, ... поклоняется безъ стыда безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ (ср. «гради ко мнѣ» у жены Акуровой).» Но Потыкъ «крестомъ ограждаетъ и благословляетъ, пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.» — Наконецъ Егорій: прошедши путь загадокъ и разрѣшивши ихъ своими подвигами, достигаетъ онъ до царища Кудріянища и находитъ у него въ рабствѣ сестеръ, — пасутъ они стадо звѣриное, на нихъ тѣло какъ кора, въ шерсти; братъ ведетъ ихъ на Іордань, возрождаетъ крещеніемъ, и тогда уже вводитъ въ домъ свой. — Теперь возвращаемся къ Акуру и его путешествію въ Египетъ: по нѣкоторымъ редакціямъ спасенная жена его является «волшебницей,» сопровождаетъ его въ поѣздкѣ, помогаетъ разгадывать загадки. Устранивши это обстоятельство, впрочемъ очень важное для характеристики женщины, одинаковой въ миоахъ и поэмахъ этого рода, посмотримъ на дѣянія Акура въ Египтѣ. — Любопытно, что здѣсь беретъ онъ на себя имя спасшаго его отъ смерти раба и таинъ выдаетъ себя въ Египтѣ: значитъ лица ихъ, какъ посредниковъ, дѣйствительно тождественны. Кромѣ того онъ поступаетъ въ Египтѣ одинаково и съ грознымъ Елтегою: «и пришедъ Акирь Премудры ко граду Египту, и станомъ сталъ, и нача ясти и пити, и силно имети дѣвицы красные къ себѣ на ложище.» Такъ сильно было древнее представленіе, по коему посредникъ въ миоахъ — увозилъ души

въ адъ или изъ аду, въ эпосѣ и исторіи—похищалъ дѣвушекъ; позднѣйшая редакція нашихъ рукописей, замѣтивъ, что это не шло къ Премудрому Акиру, называемому «угодникомъ божьимъ,» поправила дѣло такъ: «и повелѣ отрокомъ своимъ саморучно ясти и пити, а женъ и дѣвицъ повелѣ приводити на ложи своя, а никакоже не оскверниша.»—Загадки, разгаданныя въ Египтѣ Акуромъ, а иногда устраненныя тѣмъ, что онъ въ отпоръ давалъ своего роди загадку, состояли въ слѣдующемъ: 1) Свитъ ужище изъ писку, веревку изъ песку. Акуръ велѣлъ сверлить стѣну—вѣроятно винтомъ и сыпать песокъ въ отверстіе,—онъ и пошелъ веревкой; рукопись объясняетъ, что когда сыпался песокъ, поддували вѣтромъ и отъ того струя была винтовая; по другимъ онъ противупоставилъ этой загадкѣ свою: «здери мнѣ съ камени лыко, чѣмъ ужище повивать.» Задача эта или загадка извѣстна по нашимъ сказкамъ: ее задаетъ Ивану чортъ или самъ Иванъ чертямъ; ср. также въ поэмѣ о Саломонѣ. — 2) Вторую загадку предложилъ царь: «у васъ въ стадѣ жеревцы ржуть, а у меня кобылицы поргутца (родятъ)?» Или «у васъ кони ржутъ, а въ моемъ царствѣ кобылы жеребятъ выверьгиваютъ.» Для объясненія этой древнѣйшей загадки нужно вспомнить, что Ниневія представляется въ этой поэмѣ Востокомъ, Египетъ Западомъ, и что Геліосъ, солнце, какъ мы говорили выше, обыкновенно на коняхъ своихъ скрывается въ страну Еѳіоповъ, въ страну мрака. Эти кони ржутъ на Востокѣ, а въ странѣ Еѳіоповъ родятъ отъ нихъ кобылицы: стоитъ только первымъ перейти съ Востока на Западъ, чтобъ сойтись съ кобылами. Такимъ образомъ это разстояніе одного дня, протекаемаго конями солнца, или же разстояніе годоваго солнечнаго оборота, въ теченіе коего кобылы понесутъ и родятъ. Смыслъ загадки: чѣмъ соединяется Востокъ съ Западомъ, и какъ это скоро совершается? Акуръ отвѣчаетъ образомъ столь же миѳологическимъ. Мы говорили уже выше, что отъ Тифона, всего болѣе выразившагося въ Египтѣ, боги побросались въ образы животныхъ; богиня, отвѣчающая греческой Артемидѣ, перешла въ кошку: божество скрывалось, сознаніе возвращалось въ дочеловѣческіе образы. Относительно свѣта это выражалось тѣмъ, что онъ поглощался мракомъ въ странѣ Еѳіоповъ, а солнце, по древнѣйшему представленію, съѣдалось звѣремъ, у насъ «свѣдаемо солнце,» волкодлаки пожирали его. И такъ кошка Египетская, дѣло Тифона, поглощала восточное

солнце, и вѣстника его — пѣтуха. Акуръ хватаетъ кошку, священное животное Египтянъ, велитъ бить ее, и, когда тѣ въ волненіи, отвѣчаетъ, что она съѣла пѣтуха Сенахерибова, будившаго царя при восходѣ солнца. Здѣсь заключался и отвѣтъ: «отъ того кони солнца такъ скоро соединяются съ кобылами Еѳіоповъ, что у васъ поглощается восточное солнце.» Но это древнее значеніе миѳа позабыто въ рукописяхъ, потому загадка Фараона представляется неестественностью, и ее опровергаетъ Акуръ неестественностью другою: «Акирь же повелѣ отрокомъ своимъ поимати бога ихъ Виктора, они бо тогда безвѣрни быша, слуги же Акиревы изымаша бога ихъ, поведоша по торгу ругающеся ему и біяху его кнутомъ...» На упрекъ Фараона отвѣчаетъ Акуръ: «Такова ли пакость отъ вашего бога? Былъ у нашего царя куръ златъ, пѣлъ рано, а будилъ нашего царя къ заутренѣ: и тотъ богъ вашъ тому куру голову скусилъ.» Царь же Фараонъ рече ему: «Не правду еси говоришь.» — Или: «Акирь же Премудрый повелѣ изыскати бога ихъ нощію.... И рабы Акиревы изымаху бога ихъ, и водя по торгу, и нача бити палицами и ругатися.... Акирь же Премудрый рече: «Господине царю Фараоне! Тако учинилося пакость въ нашемъ царьствѣ отъ вашего бога: у нашего царя былъ куръ златоперъ, розно красные пѣсни пѣлъ, а будилъ нашего царя ко святѣй заутрени; и тому куру вашъ богъ голову скусилъ... То ли суть твоя загадки правая? 12 недѣль бѣжати кораблемъ во Египетъ, а ты глаголешь: въ нашемъ царствѣ кони ржутъ, а въ твоемъ царствѣ кобылы жеребятъ вывергиваютъ!» Викторъ явился здѣсь такъ: Бибаста или Бубаста, дочь Озириса и Изиды, равняющаяся Артемидѣ, представлялась кошкою, въ древнихъ текстахъ Славянскихъ *дъхорь*, *дохорь*, *дохра*, откуда и передѣлали *Виктора*. — Въ высшей степени любопытно это мѣсто, соединяющее древнѣйшій миѳъ въ его наглядности съ позднѣйшею передѣлкою въ образъ эпическій. Оно объясняетъ намъ, почему въ нашихъ сказкахъ и прочихъ поэмахъ котъ соединяется съ златоперой птицей, поющей райскія пѣсни: птицѣ этой отвѣчаетъ и у насъ пѣтухъ, на примѣръ къ извѣстномъ сказаніи, гдѣ жестокая госпожа тѣснила своихъ рабочихъ вслѣдствіе того, что ее рано будилъ пѣтухъ, пока ему не свернули голову; то же самое въ народной сказкѣ, передѣланной Пушкинымъ, о пѣтухѣ, будившемъ при нашествіи врага, потомъ слетѣвшемъ; но всего ярче птица эта — знаменитая птица Жаръ, которую добы-

ваетъ Иванъ рядомъ трудныхъ подвиговъ, рѣшеніемъ такой же загадки жизни, какую разрѣшилъ и Акуръ, спасая себя и народъ свой. Котъ обыкновенно только стражъ этой птицы и какъ Церберъ ходитъ на цѣпяхъ вокругъ ея дерева или клѣтки. Однако пѣніе птицы и вѣщія свойства переходятъ позднѣе и на него самого: это котъ-баюнъ, задающій или рѣшающій притчи и загадки. Онъ-то и послужилъ, мы видѣли, Симеону-вору или посреднику, чтобы украсть Царевну и побѣдить трудности подвига: потому не даромъ мы выше сравнили подвигъ нашего Ивана, достающаго Жаръ-птицу, съ подвигомъ Геракла, извлекшаго Цербера изъ ада. Акуръ сдѣлалъ то же самое, рѣшивъ посредствомъ кота и кура загадку притѣснителя.— 3) Третья задача или загадка Фараона, построить ему городъ или дворецъ между небомъ и землею, въ воздухѣ: ее (хрустальный дворецъ) безпрерывно встрѣчаемъ мы въ подвигахъ нашего Ивана, со стороны Морскаго Царя, Елены или Анны Прекрасной и прочихъ притѣснителей. Акуръ поступилъ слѣдующимъ образомъ: «повелѣ отрокомъ своимъ двѣ птицы Ноги (миѳологическіе Страусы, Грифы) пустить, и повелѣ межь ими ковчегъ построить, и повелѣ всадити отрока и дати отроку въ руки топоръ, и птицамъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормить птицъ. И начаша птицы превозвышатися равно со облаки, отрокъ же нача вопити великимъ гласомъ: «Египтяне, понесите каменье и известь: азъ есми хощу, и градарь нарицаюся, вашему царю градъ сотворить межъ небомъ и землею, не подпертъ ничѣмъ!» Акирь же повелѣ отрокомъ своимъ по всему граду Египту брусіемъ бити Египтянъ, и глаголюще: «подавайте каменіе, и известь, и древа градарю нашему!...» Они же станутъ подавать — и не достанутъ, и слуги же Акиревы бьютъ ихъ: «подавайте!» — Или: «Повелѣ изымати два птенца Нагуевичи въ лукоморѣ, и повелѣ отрока своего посадити на Нагуевичи и привязати крѣпко; и повелѣ заицы живые натыкати на тычкахъ, чѣмъ Нагуевичи кормити, и повелѣ мясо давати Нагуевичамъ. Нагуевичи жъ начаша возвышатися къ небеси близко, царь же Ѳараонъ зряще на него,» и проч. Это то же самое путешествіе, которое, мы видѣли, совершилъ древнѣйшій «градарь,» «царь города,» Мелкареъ или Гераклъ, возносимый на небо послѣ подвиговъ; совершалъ и Аполлонъ, и Діонисъ; совершалъ Александръ Великій, а также нашъ Иванъ при выходѣ изъ подземелья и трехъ пройденныхъ царствъ. Любопытны переходы въ образахъ: сознаніе, высвобождаясь

къ единству человѣческаго духа и на этомъ пути прошедши разныя области и царства природы, представляло себѣ этотъ путь и выходъ въ миѳахъ, какъ мы знаемъ, блужданіемъ по подземелью, аду, морю и т. п., потомъ вылетомъ на свѣтъ Божій или на землю съ помощію птицы. Въ дальнѣйшемъ эпическомъ образѣ, примѣръ коего видимъ въ настоящемъ случаѣ, вылетъ на птицахъ дѣлается искусственно, въ родѣ фокуса, поражающаго притѣснителей, и, озадачивши ихъ, спасаетъ тѣмъ самымъ мудреца отъ ихъ преслѣдованій.— Наконецъ Фараонъ принужденъ высвободить Акура, а этотъ послѣдній беретъ съ него «многолѣтныя дани,» которыхъ нѣкогда требовалъ Елтега, въ случаѣ неразгадки загадокъ. Между взятыми богатствами бросается въ глаза камянь: «единъ драгой камень, емуже нѣсть цѣны: свѣтитъ во дни и въ нощи аки свѣтъ.» Этотъ камень имѣетъ также не краткую исторію. Когда послѣ стихійности и дооргайическаго роста сознанія появились наконецъ организмы, — а это выражалось богинею рождающею и появленіемъ втораго юнаго бога,—тогда только отдѣлилось представленіе о *неорганическомъ*, о томъ, что въ другой сферѣ называли мы «отрицаніемъ,» «зломъ» и т. п. Это неорганическое сдѣлалось признакомъ, аттрибутомъ, символомъ стараго бога, низводящаго въ бытіе скрытое, въ мракъ и преисподнюю: таковъ былъ на примѣръ камень, проглоченный Кроносомъ вмѣсто сына. Но, когда второе начало возобладало, и, проникая собою старое, примирилось съ нимъ, когда творческая сила его представлялась всюду проникающею, тогда эту силу находили даже и въ неорганическомъ, и въ камнѣ (подобно какъ по понятію организма стали приписывать и камню своего рода *ростъ*). Митра, явившійся у Персовъ какъ посредникъ между тьмою и свѣтомъ, старымъ богомъ и торжествомъ юнаго, представлялся искрою или огнемъ въ камнѣ, въ утесѣ. Соотвѣтствующая ему богиня, дающая торжество юному богу, какова на примѣръ была въ Сиріи Гіерапольская, имѣла на головѣ свѣтлый камень (λυχνίς), днемъ имѣвшій багровый цвѣтъ, ночью освѣщавшій весь храмъ. Съ тѣхъ поръ появляются въ миѳологіи и эпосѣ всякого рода блестящіе, драгоцѣнные камни (въ быту человѣка вѣроятно въ эту именно пору и оцѣнили ихъ, и стали отдѣлывать). Но и здѣсь сначала они служатъ загадкою, средствомъ между двумя борящимися сторонами, соблазномъ и обманомъ для одной, спасеніемъ для другой. Таковъ дорогой камень въ рукахъ у нашихъ Симеоновъ, таковъ у Акура, который отнимаетъ его и

тѣмъ наказываетъ врага Фараона; царь Македонскій также находитъ его, по связи своей съ миѳомъ и эпосомъ. Въ христіанскихъ легендахъ онъ играетъ ту же роль, какъ на примѣръ мы видѣли въ Варлаамѣ, спасающемъ черезъ него душу Іоасафа: здѣсь онъ камень вѣры. Въ нашемъ эпосѣ сначала онъ — Антавентъ, Тиронъ, Яхонтъ и т. п. (у Сербовъ «Алемъ камен драги») — достояніе старшихъ лицъ, вышедшихъ изъ эпохи кочевья, Калѣкъ Перехожихъ, которые идутъ по немъ — днемъ какъ по ясному солнышку, ночью какъ по свѣтлому мѣсяцу (Кир., вып. 3); потомъ уже у богатырей—въ стрѣлахъ, въ сѣдельной лукѣ и т. д., наконецъ просто въ украшеніяхъ. Сравните соотвѣтствующую исторію камня Алатыря. — Теперь, по возвращеніи Акура, слѣдуетъ наказаніе коварнаго юноши Анадана, выданнаго царемъ старику: оно передается различно. Во первыхъ, по нѣкоторымъ Акуръ заковалъ его въ желѣзные ужи и далъ 1000 ударовъ по хребту и по чреву: такъ скованы и поражены были побѣдившимъ богомъ разныя чудовища, на пр. Тифонъ, или въ поэмѣ о Соломонѣ Китоврасъ, Кентавръ; потомъ Акуръ читаетъ ему поученіе и, когда кончилъ, когда завершилась проповѣдь побѣдившаго начала, Анаданъ надулся и лопнулъ. Далѣе по нѣкоторымъ онъ повѣсился на волосахъ: это смерть красавца Авессалома, брата Соломонова, возмутившагося противъ старца-Давида (и противъ Соломона), залежавшаго отцовыхъ наложницъ. Еще далѣе, Акуръ «прикова Анадана сына своего близъ царевы полаты, и положи возлѣ его трость, оловомъ налита, и заповѣда заповѣдь царскую: кто поидетъ въ полату цареву, и тому ударить Анадана по главѣ тою тростью трижды, или кто пойдетъ изъ полаты, такожь по главѣ ударитъ, и говори таково слово: «не роженъ—не сынъ, не окупленъ—не холопъ, не вскормя—себѣ корола не видать!» Или: «повелѣ сковати кузнецамъ три чѣпи желѣзные и тридцать прутовъ желѣзныхъ, и прикова сына своего Анадона близко царевыхъ палатъ, и повелѣ пустити заповѣдь по всему царству:... аще кто поидетъ въ царскую полату или исъ полаты, тому ударити трижды Анадона и глаголати,» и проч. «Избиша объ него тридцать прутовъ, и изпадоша чрево его и трупъ, и взвалися.» Замѣтимъ при этомъ: если Анаданъ одною изъ смертей своихъ (на волосахъ) напоминаетъ Авессалома, то здѣсь побіеніе его соотвѣтствуетъ Еврейскому обычаю побивать камнями, обычаю, который совершается и понынѣ въ Ерусалимѣ надъ могилою злодѣя, въ память его зло-

дѣянія и казни; если же мы выше сблизили Анадана или Анадона съ Адоніемъ, то здѣсь припомнимъ также другаго врага и брата Соломонова (отъ разной матери) — Адонію, заслужившаго кару и смерть отъ царя за возстаніе. Стоитъ также вниманія, что и въ поэмѣ о Соломонѣ врагъ его представляется ему братомъ (см. ниже). Вообще, если сказанія объ Акурѣ и его любницѣ соприкасаются съ отдаленнѣйшими миѳами, то, съ исторической стороны Соломона, преданіе о немъ выражено здѣсь между прочимъ въ Анаданѣ или Анадонѣ, соединившемъ въ себѣ, какъ полагаемъ, черты Авессалома и Адонія.— Въ области Русскаго эпоса, на переходѣ между Былиной и Стихомъ, такая же казнь, какъ надъ Анаданомъ, совершается надъ Аникою, на мѣстѣ его злодѣяній и на могилѣ, близъ Вологды: «показываютъ гдѣ-то и могилу Аникину, высокій курганъ, на который всякій прохожій обязанъ бросить прутъ: ««Аничка, Аничка, вотъ тебѣ вичка (прутъ; ср. «Зам.» къ 4-му вып. Кир., гдѣ мы сравнили это съ обычною русскою казнію для оборотней и оживающихъ мертвецовъ; ср. ниже, какъ обмершую жену, врага своего, пробуетъ раскаленнымъ прутомъ Соломонъ)!» Наконецъ, по нѣкоторымъ рукописямъ, Анадонъ молитъ Акура простить его, обѣщая работать на него или итти въ монастырь: «Господине отче Акирь, пусти мя: начну пасти скоты твоя и начну угодная тебѣ творити,» или — «азъ буду въ пустыни и буду мнихъ, и начну Богу работати за свой грѣхъ, и за тебя учну Бога молить;» Акуръ отвергъ эти просьбы притчею о деревѣ, которое предъ посѣченіемъ обѣщало родить чужую ягоду вишневую, и о волченкѣ, который въ школѣ, вмѣсто того, чтобъ учиться грамотѣ, какъналѣялся того учитель, отвѣчалъ ему все объ однихъ только лакомыхъ кусочкахъ. Нельзя не замѣтить, что также точно въ Кіевскомъ эпосѣ Соловѣй-разбойникъ проситъ у Ильи отпуска и жизни, обѣщаясь быть «строителемъ» и итти «въ честные монастыри.»— Сенахерибъ наградилъ Акура за его посредничество въ трудномъ подвигѣ такъ же, какъ у насъ другой царь наградилъ вора-Симеона, — царствомъ: «Царь же Синограоъ свое царство Алевитское и Анивorское совѣтнику своему отказалъ Акирю Премудрому. Акирь же царствовалъ послѣ царя Синограоа много и съ царицею своею Ѳеодуліею.» — Въ сказаніи о Сенахерибѣ и Акурѣ, начиная отъ Ассиріянъ и Персовъ до Грековъ и позднѣйшей Европы, сознаніе становилось на сторону этихъ лицъ: это были «наши» и враги ихъ «нашими» врагами; когда же сказаніе было усвоено Русскими, то,

разумѣется, Русскіе стали въ то же положеніе, и потому обращались съ лицами и событіями почти какъ своими, а иногда и прямо какъ со своими. Акуръ учитъ любимца, между другими грамотами, грамотѣ Русской; упоминается великій князь, въ Египтѣ являются посадники и тивуны; возраждаемый Акуръ парится въ баняхъ; ему и Сенахерибу влагаются въ уста разныя Русскія пословицы и т. п. Съ водвореніемъ Христіанства на эти лица переходитъ и характеръ Христіанскій: Акуръ молится Богу по Христіански, говоритъ изреченіями Св. Писанія, получаетъ Божія указанія чрезъ Ангела, именуется «угодникомъ Божьимъ» и т. п.; Сенахерибъ, будимый куромъ, ходитъ «ко святѣй заутрени,» а жалѣя о гибели Акура восклицаетъ: «увы, Акирю, не могу воскресити тя, якоже Христосъ Богъ Лазаря четверодневнаго воскреси (лъ)!» и т. п. На оборотъ, враги ихъ по преимуществу поганые, язычники, подъ дѣйствомъ дьявольскимъ: «Акирь же Премудрый повелѣ изыскати бога ихъ нощію, Египтяне же тогда невѣрни быша и не вѣроваша во Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа;» «ненавидя окаянный диаволъ добра роду человѣча и молитвы; Акира;» подстрекая окаянный диаволъ сына его Акирева, Анадона.: ..Сынъ же Акиревъ Анадонъ наполнися ярости и зависти діяволския...; Діяволскимъ наученіемъ наполнися лсти и ярости,» и т. п. Не удивительно послѣ этого, что сказаніе связалось послѣ со многими Христіанскими легендами и нашими Стихами, еще на почвѣ Греческой, потомъ въ преданіяхъ, унесенныхъ нами и послѣ постоянно притекавшихъ съ Чернаго моря и Дуная. Въ этомъ случаѣ обыкновенно разсказы соединяются съ именемъ Св. Николая: онъ въ дѣйствительности, житейниками переданной, спасалъ особенно кораблеплавающихъ и притомъ близь Египта, этой типической страны мрака, Мурицовъ, Арабовъ и тому подобныхъ образовъ. Потому въ нашихъ рукописяхъ (Пыпина «Очеркъ») встрѣчается разсказъ о спасеніи Св. Николаемъ плававшихъ Синагрипа и Акира: «въ та же лѣта пойде царь Синагрипъ на брань, и бысть, на мори восташа вѣтри велици и уже кораблю разбитися... Бысть у него радца (совѣтникъ) именемъ Акиръ Премудръ и Христьянъ...» Въ Болгарскихъ, Сербскихъ и нашихъ Стихахъ спасаетъ тѣмъ же способомъ на морѣ Св. Николай послѣдующихъ Агарянъ, Сарацинъ, Турокъ (см. «Калѣки Перехожіе,» вып. 3). — Другое сказаніе переноситъ насъ въ Русскіе наши предѣлы, на рѣку «Танаисъ,» т. е. Донъ, названный по имени древней «Та-

ная,» соотвѣтствующей богинѣ греческой Артемидѣ. Какъ здѣсь по Сурожскому, такъ и по Черному морю, распространено было поклоненіе Артемиду (Аполлону) и Артемидѣ, какъ увидимъ ниже и убѣдимся особой статьею. Сказаніе и передаетъ, что Святитель уничтожилъ требище Артемиды при устьяхъ Танаиса. Когда же отсюда пустились корабельщики на поклоненіе Святому, явилась имъ жена, съ сосудомъ въ рукѣ, и просила принять сосудъ отъ нея ко гробу Святителя (этотъ сосудъ мы знаемъ и еще увидимъ при Соломоніи): оказалось, что онъ былъ наполненъ «чернаго дыма и пламени,» произвелъ бурю, которою хотѣлъ бѣсъ, за разрушеніе требища богини, отмстить почитателямъ Святителя, но послѣдній спасъ погибавшихъ. — Вѣроятно сюда же примыкаетъ Стихъ и о знаменитомъ Агрикѣ («Кал. Перех.,» вып. 3), въ которомъ, не смотря на греческую передѣлку имени въ «Дикаго,» Поляницу (ср. выше), можно видѣть первоначальнаго Акура или Акира. Онъ на старости съ женою имѣлъ одну утѣху, прекраснаго юношу Василья (мы увидимъ ниже, что Василій есть крестное имя Анадана); но пересталъ чтить Св. Николая, бросилъ всякое уваженіе къ сему святому старцу (такъ всегда онъ представлялся въ явленіяхъ); и за то сынъ его въ одно время похищенъ обступившею невѣрною силой, черными Аравитянами, Сарацинами, которые продали его, какъ Іосифа, Эмиру. Явились посредники-родственники и убѣдили Агрика возстановить почитаніе Святителю: тогда, какъ стоялъ Василій передъ Эмиромъ съ чарою впнапойла, такъ восхищенъ отъ Арабовъ и возвращенъ отцу. Быть можетъ, слѣдя за этимъ Агрикомъ въ связи съ Акуромъ, мы когда нибудь отыщемъ и первообразъ его, и знаменитый его «мечь.» Вспомнимъ, что и нашего Потыка, искушеннаго всякого рода «чарою,» Іосифовскою и «забыдущею,» спасъ также Никола въ образѣ старца Калѣки Перехожаго. — На рубежѣ Стиховъ и Былинъ стоитъ у насъ сказаніе объ Аникѣ, въ которомъ мы видѣли уже черту сближенія съ поэмою Акуровскою; припомнимъ еще, что Смерть, пересчитывая Аникѣ пораженныхъ ею прежде, рядомъ со Старшими Русскими богатырями, Самсономъ, потомъ Александромъ Великимъ, приводитъ и Акура: «да еще каковъ былъ Акиръ Премудрыи, и тотъ спиратися не смѣлъ, да и тѣхъ азъ есмь всѣхъ взяла («Зап.» при 4-мъ вып. Кир.).» — Въ дальнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, Данило Заточникъ, рекомендовавшій князю и просившій ему отъ Бога «Іосифовъ разумъ (умъ), силу Самсонову,

Соломонову мудрость, Александрову храбрость,» самъ при этихъ образахъ подходилъ ближе всего къ Акуру, который отъ того можетъ быть и не упомянутъ въ семъ ряду. Сходство множества выраженій Даниловыхъ съ выраженіями сказаній объ Акурѣ и поученіями, притчами сего послѣдняго, давно уже замѣчено (Пыпина, «Очеркъ»), объясняемое легко общими источниками, но все-таки замѣчательное въ примѣненіи. Въ самомъ дѣлѣ, лицо Данилы, отставленнаго совѣтника княжескаго, терпѣвшаго опалу, страдавшаго, хотя бы изъ за женщины (въ сказаніи объ Акурѣ она не играетъ видной роли, но нельзя не замѣтить, что имѣла ее, если вспомнимъ соотвѣтствующіе миѳы и поспѣшность, съ которою захватилъ ее себѣ коварный юноша; по нѣкоторымъ, какъ помянуто выше, она или волшебница, спасающая мужа въ Египтѣ, или даже посредница, спасающая его отъ тюрьмы и замѣняющая раба Абу-Сомейку), Данилы, предлагавшаго князю притчи и загадки, симъ путемъ искавшаго свободы и проч.,— все это своимъ характеромъ близко напоминаетъ Акура и вліяніе сказаній о семъ послѣднемъ. Когда же (см. выше) мы возвели письменнаго Данилу къ устному, былинному и потомъ сказочному, то это новое лице, по инымъ сказкамъ «Василій царевичь,» возстановилъ передъ нами преданія и миѳы, дѣйствительно близкіе къ тѣмъ, кои легли въ основу сказаній объ Акурѣ: вспомните дѣло о «монистахъ,» «ожерельяхъ,» сгубившихъ жену героя и его самого; посредничество вора-Алешеньки и Яги-бабы; продажу жены на корабль купцу, отвозъ ея, возвращеніе, спасеніе мужа и прочее. Здѣсь уже выступаютъ основныя преданія о нашемъ Иванѣ, несомнѣнно тождественныя съ тѣми сказаніями, кои мы изслѣдуемъ. — Наконецъ даже въ былинахъ Княжескихъ мы можемъ отчасти вспомнить Романа (Рыбник., Ч. I): онъ старикъ; онъ «хитеръ-мудеръ, знаетъ онъ языки вороньиные, знаетъ языки всѣ птичіе,» какъ Премудрый Саломонъ и Акуръ, какъ Александръ Великій (см. выше); мудрость эта выражается его «бывалостью,» тѣмъ, что онъ проходилъ разные виды бытія и бывалъ оборотнемъ, бѣлымъ горностаемъ, сѣрымъ волкомъ, черныимъ ворономъ, сѣрой уткою: сравните ниже такую же способность въ Саломонѣ; враги Романа, служившіе завоевателями-посредниками между Русью и Литвою, королевскіе «племянники» и «совѣтники (племянникъ Акуровъ, совѣтникъ царскій);» пріѣхавъ на Русь, «оттуда они погнали добрыхъ коней стадмы-стадомъ, добрыхъ молодцевъ рядмы-рядомъ, а красныхъ дѣвушекъ, молодыхъ молоду-

шекъ повели оттулѣ толицами:» сравните Елтегу и описаніе плѣна Батыевскаго; оскорбленный, въ глубокой горести Романъ стряхиваетъ, какъ возраждаемый Акуръ, старость съ плечь своихъ, зоветъ молодость, и въ заключеніи оказывается, что «старостью не старѣетъ, голова его не сѣдатѣетъ, сердце его не ржавѣетъ;» онъ мчится въ погоню за врагами, чтобы отнять увезенную сестру съ малымъ отрокомъ, и достигаетъ цѣли, какъ Саломонъ, добывающій увезенную Саломонію, Акуръ жену свою; онъ дѣлитъ войско на отряды, велитъ имъ готовиться, сидя на коняхъ, и ждать, когда «заграетъ въ первый, второй и третій наконъ:» Саломонъ точь въ точь поступаетъ также съ своею ратью, которая и является внезапно на его выручку, въ землѣ враговъ. — Между тѣмъ, самое поверхностное сравненіе этихъ былинъ съ былинами о походахъ Вольги убѣждаетъ въ близкомъ ихъ сходствѣ: Вольга также «вѣщій,» такой же мудрецъ-оборотень, также — какъ Романъ — у Индѣйскаго царя предварительно накусываетъ тетивы, вынимаетъ желѣзо, и проч., только онъ уже на кораблѣ, онъ похищаетъ Елену Давыдьевну, Александровну, Панталовну, возводя насъ ближе къ общему источнику всѣхъ этихъ преданій. — Добросовѣстный читатель не злоупотребитъ нашими сравненіями и не скажетъ, что мы о т о ж д е с т в л я е м ъ далеко разстоящія другъ отъ друга сказанія: напротивъ, мы именно указываемъ въ нихъ слои разныхъ эпохъ, разныхъ народовъ, разныхъ ступеней доисторической жизни и вѣросознанія. Только восходя къ первобытному и общему ихъ источнику, мы потомъ слѣдимъ сходство возникшихъ отсюда образовъ и доказываемъ, — кажется убѣдительно, — что сказанія и поэмы о Саломонѣ стоятъ далеко не въ одиночествѣ, а напротивъ, какъ основанныя на центральныхъ представленіяхъ, связуются со множествомъ однородныхъ произведеній, какъ у другихъ народовъ, такъ и у насъ. — Остается сказать намъ, какія и м е н а дала поэма объ Акурѣ въ нашу устную поэму о Саломонѣ. Врагъ Премудраго Акура сдѣланъ и врагомъ Премудраго Саломона: похищаетъ у него предательски жену. Это во первыхъ Ц а р ь, какъ «царь» самъ Саломонъ и по вліянію вѣроятно заглавія сказаній объ Акурѣ: «сказаніе о Акирѣ Премудромъ ц а р я Синограоа,» или «о Акирѣ Премудромъ и о ц а р с т в і и ц а р я Синограѳа,» «сказаніе великаго ц а р я Синографа и о Акирѣ «Премудромъ,» «Синагрипъ ц а р ь Алоровъ,» и проч.; это тѣмъ болѣе было легко перенести на любимца Акурова, что самъ Акуръ въ

заключеніе дѣлается «царемъ.» — За тѣмъ онъ Прекрасный, какъ «прекрасный» Авессаломъ и какъ называется нерѣдко въ рукописяхъ Анаданъ: «взрачно и красно (отроча, чадо) вельми;» «доброзраченъ;» «наказаніе отъ Акира прекрасному сыну,» и т. п. — Далѣе, онъ Василій: это могло истекать изъ самого имени «царь,» по гречески «Василей (*Βασιλευς*);» аналогія поддерживается именемъ соотвѣтствующаго героя «Василья Агрикова» и «Василья Безсчастнаго.» Въ случаѣ крайнемъ мы допускаемъ, подобно какъ видѣли много примѣровъ тому выше, слѣдующую передѣлку сливавшихся въ пѣніи и разсказѣ словъ:

«царя прекрасно ВАСЫНА Акуровича»
«царя прекрасна ВАСИЛЬЯ.»

Но если здѣсь это только догадка, то въ «сынѣ Окульевичѣ» или «Акульевичѣ» такая передѣлка уже несомнѣнна. Въ рукописяхъ мы встрѣчаемъ безпрестанно: «Анадона Акиревича,» «сынъ Акиревъ,» и т. п. Старое чтеніе, мы уже доказали, было Акуръ, Акуръ, потому—Акуровичь, Акуревичь, Акурьевичь. Такъ было и въ устномъ творчествѣ, чему, и самымъ переходамъ имени, мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства въ Голубиной Книгѣ («Кал. Перех.,» вып. 2): здѣсь, въ дѣленіи первобытнаго Волота на Давыда, Исая, Константина, въ слѣдъ за ними подходитъ «Василей царь Сенакурьевичь» и потомъ «сынъ Акульевичь (Син-агрипъ и Син-ографъ могли способствовать формѣ Сен-акурьевичь). Отсюда получаемъ:

СЫНЪ АКУРОВИЧЬ
СЫНЪ АКУРЕВИЧЬ
СЫНЪ АКУРЬЕВИЧЬ
СЕН - АКУРЬЕВИЧЬ
СЫНЪ АКУЛЬЕВИЧЬ
СЫНЪ ОКУЛЬЕВИЧЬ.

Такъ-то въ нашей устной поэмѣ о Саломонѣ врагомъ его явился «Прекрасный Царь Василій Акульевичь» или «Сынъ Акульевичь.»—Слѣдя далѣе за переходами сказаній объ Акурѣ, подобно какъ въ нихъ видѣли мы преемство отъ Ассиріи къ Мидо-персидской формаціи, такой же переходъ встрѣчаемъ отъ Мидянъ къ собственнымъ Персамъ: это исторія Кура (Кира) или Кореса,

какъ извѣстна она по созданіямъ эпическимъ, между прочимъ и изъ Геродота, близкая къ миѳамъ, неоднократно нами разобраннымъ: вспомните общеизвѣстное сказаніе объ отношеніи Кура или Кира къ Мидійскому Астіагу, его мать, рожденіе, воспитаніе, преслѣдованіе отъ старика, женидьбу, торжество Персіи въ лицѣ его (самыя имена *Κυρος*, *Κυρνος* и *Κυρτος* сливались, въ самой уже древности; герой Персидскій принялъ это имя послѣ, при переходѣ къ торжеству). Упомянемъ преданіе хоть въ одномъ видѣ: послѣдній царь Мидійскій, Астіагъ, видитъ сонъ, по коему сынъ его дочери долженъ лишить его престола. Испуганный, отдаетъ онъ дочь за мелкаго князя побѣжденныхъ Персовъ, удаляетъ ее, и, когда она родитъ сына, велитъ умертвить его въ лѣсу. Пастухъ, коему поручено убійство, спасаетъ ребенка, ростить его какъ сына, а онъ уже въ дѣтскихъ играхъ творитъ творки и шутки не по маленькому. Царскаго потомка узнаютъ, Астіагу измѣняютъ, престолъ переходитъ ко внуку, основателю могущества Персовъ.—Въ переходѣ къ Греціи, даже по самой мѣстности, съ Киромъ связуется К р о й с ъ или Крезъ, повторяющій на себѣ эпическія сказанія о Кирѣ,—сперва полный славы, потомъ все теряющій и снова возраждающійся въ совѣтники прежнему притѣснителю Киру; посредникомъ ихъ борьбы и спасителемъ Кройса является мудрецъ С о л о н ъ.—При Солонѣ, на почвѣ уже греческой, является Э з о п ъ и въ греческихъ формахъ сказанія повторяетъ эпопею Саломона, образъ Акура, Ѳракійскаго Саломона. Изложимъ разсказъ главнымъ образомъ по позднѣйшему произведенію Византійца Планудa, перенесшаго, согласно съ преданіями, на греческаго Эзопа черты восточныя и древнѣйшія, съ греческимъ однако обликомъ. Эзопъ—мудрецъ, нравоучитель и даже вѣроучитель, ибо древняя басня, передавая событія жизни человѣческой въ образахъ внѣшней природы и животныхъ, въ то же время исходила прямо изъ той эпохи, когда человѣческое сознаніе проходило путь сихъ образовъ, стремясь къ своему средоточію, и именно этотъ-то путь давалъ смыслъ послѣдующей баснѣ, ибо она возстановляла предъ взоромъ человѣка ту исторію, которую нѣкогда самъ прошелъ онъ въ своемъ сознаніи. Проповѣдникъ извѣстныхъ событій сознанія, онъ понесъ на собственномъ лицѣ своемъ ихъ исторію, согласно съ миѳами, и здѣсь сблизился съ другими однородными лицами древности. Онъ рабъ Самосца, получившій отъ него потомъ свободу, какъ вѣроучитель Ѳракіянъ. Онъ въ преданіи сопоставляется съ Солономъ, какъ Ѳракійскій съ Пиѳаго-

ромъ. Онъ уродъ, какъ Силенъ и отчасти (по головѣ) Сократъ, какъ Китоврасъ относительно Соломона, какъ Дуракъ Иванъ въ трудѣ подвиговъ: но онъ уменъ, остеръ и хитеръ, онъ владѣетъ неистощимою ироніей, какъ тѣ же лица, какъ Моролтъ при Соломонѣ; онъ по преданію разумѣетъ языкъ птицъ и прочихъ животныхъ подобно Александру и Соломону. Онъ путешествуетъ по главнымъ частямъ тогдашняго свѣта, отъ Вавилона до Египта, умирая послѣ въ Греціи. Получивши свободу отъ рабства и бывши у Кройса, сходится онъ съ Солономъ, но и въ другихъ посѣщенныхъ странахъ бесѣдуетъ съ разными мудрецами. Особенно утвердился онъ въ Вавилонѣ, у царя **Лукорга**, **Ликурга**, въ передѣлкахъ—**Ликера**: очевидно, что это тотъ же извѣстный Ликургъ Ѳракійскій, сопоставляемый съ Діонисомъ и послѣ переносившійся въ Аравію и прочія страны, гдѣ только развилось Діонисовское начало. Здѣсь Ликургъ играетъ совершенно ту же роль, какъ Сенахерибъ съ Акуромъ: цари пересылаются загадками и разгадками, Ликурга руководитъ въ семъ Эзопъ. Мудрецъ усыновляетъ Эна (*Αἶνος*, притча, басня, загадка), но юноша обманываетъ его и, связавшись съ царской наложницей, оклеветываетъ передъ царемъ. Мудрецу грозитъ смерть, его спасаетъ Гермиппъ (то же что посредникъ Гермесъ, Абу-сомейка и т. п.). Между тѣмъ подоспѣваетъ грозное письмо къ царю отъ извѣстнаго намъ Египетскаго Нектанеба, съ трудными задачами: мудрецъ снова въ милости царской, получаетъ выданнаго Эна, который умираетъ отъ угрызеній совѣсти. Эзопъ отправляется въ Египетъ, рѣшаетъ задачи, возвращается въ Вавилонъ съ богатою Египетскою податью и получаетъ отъ Лукорга золотую статую. Но въ Греціи не приходится онъ по нраву своими остротами и убитъ Дельфійцами, какъ растерзанъ Орфей Мѣнадами, погубленъ Пиѳагоръ; сравните выше обыкновенную роль Дельфъ при окончательномъ рѣшеніи древнихъ загадокъ. Это для насъ новая ступень пути, которымъ Соломонъ чрезъ Акура и Пиѳагора, потомъ Солона и Езопа, сближается съ Ѳракіянами, становится здѣсь извѣстенъ Геродоту по мѣстному преданію, переходитъ въ эпоху Александра,—все это въ теченіе преимущественно VIII—IV вѣковъ до Р. Х., наконецъ съ Дуная и Чернаго моря уносится Славянами, въ ихъ преданіяхъ и поэмахъ, на новыя поселенья сложившагося народа. Притчи и басни, загадки и разгадки, приписываемыя Эзопу, въ разныхъ передѣлкахъ извѣстны и по нашимъ сказкамъ, и рукописямъ: но въ позднѣйшей исторіи рукописей онѣ приписываются одинаково и Эзопу, и

Саломону, и прочимъ «Премудрымъ,» «Мудрецамъ.» Вообще, какъ у Саломона Мудрость утверждаетъ себѣ «семь столповъ,» такъ и на прочемъ Востокѣ извѣстны были сказанія о «Семи мудрецахъ,» изложенныя послѣ, при царѣ Куру, мудрецомъ Синдобадомъ и испытавшія всевозможныя измѣненія по рукописямъ; въ Греціи изъ этого явился уже царь Киръ, мудрецъ Синтипа (Акуръ, Синагрипа). Но на почвѣ Греціи были и свои извѣстныя миѳическія сказанія о «Семи мудрецахъ,» для исторической философіи такъ же точно олицетворявшія эпоху доисторическую, какъ для гражданской народной исторіи герои эпоса «Семь подъ Ѳивами,» какъ для насъ «Семь Симеоновъ.» Въ подобномъ сплетеніи дошли и до насъ притчи Мудрецовъ, извѣстныя по рукописямъ. Приведемъ нѣкоторыя черты нити повѣствовательной, около которой онѣ группируются, ибо здѣсь въ основѣ мы встрѣчаемъ знакомые намъ миѳы и то же самое, что ниже увидимъ въ Саломонѣ. Царь, родивши сына, женится на другой, а сына удаляетъ, отдавши на воспитаніе семи мудрецамъ; мачиха ищетъ погубить его и для того возвращаетъ ко двору (любопытно, что онъ носитъ между прочимъ имя Д і о к л и т і а н а, извѣстнаго намъ К у д р і я н и щ а, какимъ оказался и Василій Акульевичь). Царевичь сначала нѣмъ (какъ Ивана застаемъ часто еще въ образѣ животномъ, дочеловѣческомъ, гдѣ и помогаютъ ему освободиться всякого рода помощники): мачихѣ потому легко оклеветать его, ему грозитъ казнь отъ отца. Здѣсь-то говорятъ за него семь мудрецовъ: мачиха взводитъ клеветы, посредствомъ притчей или загадокъ, мудрецы опровергаютъ тѣмъ же оружіемъ; въ промежутки она нѣсколько разъ склоняетъ царя къ погубленію сына и на томъ настаиваетъ, такъ точно, какъ Анаданъ на смерти Акура, Вирсавія и Саломонія на смерти Саломона. Но, по истеченіи этого періода роста, царевичу открылись уста, онъ обличилъ клеветы и пороки мачихи, она получила казнь, самъ онъ идетъ на царство. Что касается до самихъ этихъ притчь, то намъ нѣтъ здѣсь нужды разбирать исторію ихъ происхожденія и редакцію по рукописямъ: довольно сказать, что онѣ извѣстны у насъ тысячами въ устныхъ сказкахъ и рукописяхъ. Мы знаемъ исконный смыслъ ихъ происхожденія и отношеніе ихъ къ миѳу. П р и т ч а всегда называлась у насъ *союзомъ*, узами, требовавшими разрѣшенія; смыслъ З а г а д к и, нами не разъ и достаточно выясненный, относится и къ Притчѣ, и столько же къ Б а с н и (ср. выше), и къ С н у, который у насъ отождествляется съ Загадкою: «сны-загадки отга-

дывать (вспомните, что зловѣщій сонъ, какъ предчувствіе, является обыкновено старому богу или вообще лицу передъ рожденіемъ юнаго побѣдителя, имѣющаго сокрушить его: отъ видѣнія матери Париса до видѣній Астіага и, какъ увидимъ, Волота въ поэмѣ о Саломонѣ);» то же самое и Судъ, всегдашнее свойство, принадлежность и право втораго бога или начала, разрѣшающаго и свобождающаго: *кризисъ*, переломъ, при которомъ всегда и является юный богъ, творческое начало міра, потому же и судящее міру. Всѣ эти явленія одного происхожденія и значенія: мы увидимъ ихъ послѣ въ Загадкахъ, Притчахъ, Судахъ Саломона и т. п. Теперь на выдержку возмемъ изъ произведеній этого рода, возводимыхъ къ древнимъ Мудрецамъ, нѣкоторыя, какъ они попадаются въ нашихъ рукописяхъ и имѣютъ отношеніе къ поэмѣ о Саломонѣ («Притчи» всякого происхожденія, «Суды»—особенно Саломоновы, «Сны», на примѣръ Давидовы, Мамеря царя и т. п., попадаются во множествѣ нашихъ рукописей). На примѣръ, Притча о Мудрецахъ, везиряхъ, вельможахъ, какъ они ослѣпили царя, чтобы онъ не видалъ ихъ проказъ. Какъ только шагнетъ царь изъ своего покоя, онъ теряетъ зрѣніе. Ищетъ онъ исцѣленія, грозитъ вельможамъ: но находится мальчикъ, одаренный особою мудростью и открываетъ обманъ, исцѣляетъ царя. По другимъ это дѣлаетъ жена съ мужемъ, или же она освобождаетъ его отъ болѣзни, но измѣннически передаваясь другому; въ этомъ случаѣ играетъ важную роль и дерево. Такова весьма извѣстная и распространенная притча или басня о «Пиикахъ,» обезьянахъ, гдѣ подъ животными образами передается та же человѣческая исторія, которую мы и разскажемъ образами человѣческими. Царь (въ притчѣ Пиенкъ) слишкомъ состарѣлся, его лишили власти; онъ приходитъ къ уединенной смоковницѣ, взлѣзаетъ на нее и питается плодами. Одинъ разъ случайно попробовала этого плода, упавшаго изъ руки царя, женщина (въ притчѣ она названа «Желвою»), полюбила плоды, забыла домъ свой и свела дружбу съ царемъ. Мужь ея возревновалъ, притворился больнымъ и объявилъ женѣ, что исцѣлится, если получитъ сердце старика. Женщина отправляется и высказываетъ старику, что ищетъ его «сердца,» т. е. полной любви: здѣсь въ притчѣ колебаніе между отвлеченнымъ представленіемъ сердца и дѣйствительною частью тѣла. Старикъ поддается любви, но женщина говоритъ, что обязана перенести его въ домъ свой, на одинъ чудный островъ, гдѣ множество райскихъ плодовъ. Царь взлѣзаетъ ей на

спину, несутся по морской пучинѣ (ср. Европу, Геллу и т. п.). Среди пучины коварная остановила плаваніе, и, на вопросъ о медленіи, отвѣчала, что больной мужь ея по словамъ врачей долженъ быть исцѣленъ сердцемъ старика. Этотъ видитъ гибель свою и прибѣгаетъ къ уловкѣ: «векую, любимая, не сказа ми таковое слово прежде, даже не (прежде чѣмъ) изыдохъ изъ дому моего, яко да и сердце свое съ собою взялъ быхъ? Законъ бо есть намъ сицевъ, да егда къ любовному (любовнику, любовницѣ) идетъ, то сердце свое дома оставляетъ, для тоя ради вины, дабы нѣчто лукаво, у друга сѣдячи, не помыслити.» Женщина съ радостію воротила его, чтобъ онъ захватилъ сердце: а тотъ на дерево, и засѣлъ. Стоя внизу, коварная «вопіяше: — сниди скоро, друже, яко да пойдемъ?—» А тотъ: «аще сниду, до конца сердце свое не пріобрящу (ср. «Очеркъ» Пыпина).» Эту исторію съ ослѣпленіемъ, деревомъ, взлѣзавшими туда и проч., видѣли мы въ исконныхъ миѳахъ Діонисовскаго порядка: она же повторяется въ поэмѣ о Саломонѣ, хотя въ обратномъ видѣ,—женщина на деревѣ съ плодами, ослѣпленъ мужь, исцѣляется мальчикомъ-Саломономъ, и т. п., что̀ еще увидимъ («Сказаніе о златомъ древѣ» встрѣчается особо по нашимъ рукописямъ). Потому намъ и не нужно всѣхъ этихъ сродныхъ сказаній выписывать изъ рукописей, что съ одной стороны они въ зародышѣ проходили предъ нашими глазами въ миѳахъ Діонисовскихъ, а съ другой стороны вошли въ поэму о Саломонѣ.

Наконецъ, былъ и еще слой сказаній, отпечатлѣвшійся въ поэмѣ о Саломонѣ. Хотя сложился онъ гораздо позже, когда Славяне, въ числѣ ихъ и мы Русскіе, ушли съ Чернаго моря и Дуная, однако онъ все-таки достигъ насъ, ибо распространился у Грековъ, а вмѣстѣ и у Славянъ, вторично пришедшихъ (частію и остававшихся), въ тѣхъ именно краяхъ, черезъ которые и мы получали добавки къ древнему эпосу. Въ этихъ сказаніяхъ выступаетъ отчасти уже извѣстный намъ Цесарь Адріанъ. Сначала его роль занимаетъ Дарій, сходный и по имени, связанный съ Александромъ Великимъ: такъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, подъ заглавіемъ «Загадка» или «Притча Перскаго царя Дарія къ Соломану царю,» разсказывается, какъ они пересылались другъ ко другу загадками, при чемъ, разумѣется, побѣдилъ Саломонъ (см. ниже). За самъ является «Повѣсть дивна о царѣ Даріянѣ,» гдѣ Дарій переходитъ уже въ Адріана, и наконецъ эту повѣсть о Даріянѣ или Адріянѣ разсказываетъ

Соломонъ своимъ «бояромъ.» Имя Дарія связалось еще съ Адріаномъ въ Ерусалимѣ и съ преданіями о Соломонѣ слѣдующимъ образомъ: Киръ, составлявшій, какъ мы видѣли, одно изъ звѣньевъ для сихъ преданій, отпустилъ Евреевъ изъ плѣна; Дарій помогъ достроить второй храмъ и возстановить Соломонову славу; Адріанъ же, по разрушеніи Ерусалима, хотѣлъ сокрушить эту славу: на горѣ, гдѣ стоялъ Соломоновъ храмъ, воздвигъ храмъ Юпитеру, населилъ священную землю язычниками и вызвалъ послѣднюю предсмертную борьбу со стороны Евреевъ. Да и на всемъ Востокѣ имя его прогремѣло, а въ Египтѣ, благодаря его любимцу юношѣ Антиною, связалось съ миѳами и мистеріями, породило въ замиравшемъ классическомъ мірѣ усилія искусства возстановить древніе образы и перенести ихъ на историческое лице императора, или юношу, его спасавшаго. Адріанъ въ помянутой у насъ повѣсти является какъ представитель язычества, низлагаемый загадками. Въ изступленіи гордости онъ захотѣлъ, чтобы звали его богомъ: но граждане соглашались на то лишь съ условіемъ, чтобы онъ взялъ Ерусалимъ. «Царь же простре свое безуміе, превзыде на горшая, собрався въ силѣ тяжцѣй и шедъ поплѣни Іерусалимъ, и многихъ плѣнниковъ приведе въ землю свою («Пам. стар. Р. лит.,» вып. 2 и 3).» У него были три мудреца, «вельми премудрыхъ.» Они поразили его загадками или притчами: если ты богъ, говорилъ одинъ, то долженъ погибнуть, ибо боги, не сотворшіе неба и земли, погибнутъ; если ты богъ, говорилъ другой, то выйдь изъ своей палаты въ пустыню, выйдь изъ всей вселенной, и оттуда управляй; третій заплакалъ, что у него гибнетъ на морѣ корабль и просилъ новаго бога помочь, послать вѣтры. Огорченный царь—къ царицѣ: та хотѣла его утѣшить и предложила для искомаго успѣха возвратить только находившуюся у него чужую вещь, чужое сокровище. Что такое? Душу. Да какъ же я безъ души буду богомъ?—Царь былъ сокрушенъ. Царица его, явно, есть та же, извѣстная намъ, Южская, Еѳіопская, Муринская и проч., задающая хитрѣйшія загадки. Вспомнимъ, что въ нашемъ Кіевскомъ эпосѣ она сидитъ при царѣ Индѣйскомъ или Цареградскомъ, а также Морскомъ, подъ именемъ Елены, и загадкою загадокъ или разгадкою ихъ предвѣщаетъ ему гибель, которая и сбывается при появленіи юнаго побѣдителя. Но за предвѣстіе получаетъ она пощечину или даже смерть. «Царь со царицею въ разговоры говоритъ. Говоритъ царица Азвяковна, молода Елена Александровна:... —А и на небѣ

просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ родился могучь богатырь, тебѣ царю сопротивничикъ.—» Или: «говоритъ царь Салтанъ Бекетовичъ: — Знаешь ли мою выдумку? Поѣду я воевать на святую Русь... — Говорятъ ему царица Давыдьевна: — Когда возсіяло солнце красное на эту на землю Святорусскую, тогда народился младый богатырь,» и проч. «Этыя рѣчи царю не слюбилися, ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу и пролилъ у царицы кровь напрасную.» А тутъ и явился Вольга̀, убилъ царя, взялъ царицу. Или: «А царь (Морской) со царицей споруетъ; говоритъ царица Морская:—Есть на Руси желѣзо булатнее, дороже булатъ-желѣзо красна золота... — Говоритъ царицы царь Морскій: — Ай же ты, царица Морская! Дороже есть красно золото...—» На ту пору явился Садко-купецъ и разрѣшилъ ихъ споръ и загадку: «скочилъ царь Морскій на рѣзвы ноги, схватилъ онъ саблю вострую, отсѣкъ-то царицы буйну голову.» За тѣмъ Морской царь задавалъ разныя задачи купцу Садко, давалъ ему выбирать и отличать невѣсту изъ десятковъ и т. п., но Садко, особенно при помощи Николы, разрѣшилъ дѣло, надулъ царя, ушелъ отъ него и унесъ богатства (Рыбник., Ч. I). Это уже извѣстный намъ миѳъ, гдѣ юный герой на кораблѣ спускается въ бездну и выходитъ оттуда побѣдивъ стараго врага. Такъ точно и въ сказкахъ Иванъ побѣждаетъ Морскаго царя посредствомъ Елены или Василисы, сначала грозной, старшей, въ близкомъ родствѣ съ врагомъ, потомъ подруги и невѣсты. Въ Кіевскомъ творчествѣ это выражено такъ: Вольга̀ беретъ царицу за себя; Морской царь убиваетъ жену свою, но она перерождается въ дочь, въ невѣсту, которая и отдана купцу Садко. — Наконецъ, очевидно, что это та же Саламанія при Саломонѣ, въ разныхъ отношеніяхъ къ нему, то какъ мать или мачиха преслѣдующая, то какъ жена-измѣнщица. Восточный характеръ выражается въ поэмѣ тѣмъ, что Саломонъ самъ старъ и побѣждаетъ юнаго и прекраснаго врага: впрочемъ и юноша, являющійся врагомъ Саломона, хота и юнъ, и прекрасенъ, но онъ носитъ въ себѣ черты только подкрашеннаго, злаго и мрачнаго начала; вспомните, что Василій Акульевичъ есть Анаданъ, дѣйствующій по дьявольскому наущенію и отождествляемый съ Китовросомъ, Кентавромъ. Впослѣдствіи переходятъ на него и черты Адріана, какъ язычника, поганаго, Божья врага. Мы видѣли уже прежде, какъ въ исторіи Егорья Славные къ Діоклитіану привели Адріана, Адріанища, потомъ Кудреяна и Кудреанища съ цѣлымъ поганымъ

царствомъ Кудріянскимъ. По связи Стиховъ о Егорьѣ съ поэмою о Саломонѣ (см. выше) , они получили сильное подкрѣпленіе въ сей послѣдней, ибо здѣсь тотъ же Адріанъ, подъ собственнымъ уже именемъ. Вмѣстѣ съ симъ и Василій Акульевичь, врагъ Саломона, дѣлается Кудріянскимъ, въ царствѣ Кудріянскомъ: «было поганое царство Кудріянское, жилъ Прекрасный король Василій Акульевичь;» «увезъ царицу Соломанью за славное за сине море, во то ли царство Кудріянское;» «во той земли Кудріянскія;» «во томъ во городѣ да Кудріянскоемъ.» Нашимъ изслѣдованіемъ вскрыли мы въ творчествѣ народномъ четыре особыхъ «поганыхъ царства ,» Идольское, Рахманское (оно же Вахрамейское съ царемъ Вахрамеемъ или Афрономъ, врагами Ивана вообще, а въ Кіевскомъ творчествѣ Ивана Годиновича и Потыка), Рахлейское, Кудріянское: имъ соотвѣтствуютъ и ими выражаются четыре особые слоя въ нашей доисторической эпохѣ язычества. Послѣдніе два переходятъ къ намъ преимущественно черезъ старыя наши поселенія во Ѳракіи, на Черномъ морѣ и Дунаѣ, заимствуя самое имя отъ тамошнихъ мѣстныхъ преданій: вспомните Гераклею, городъ и округъ Геракловъ, а потомъ Ѳракійскій « Адріановъ городъ ,» Адріанополь.

Таковы всѣ главные слои, вошедшіе въ поэму о Саломонѣ, примкнувшіе къ ея основѣ. Второстепенные, и вообще на планахъ дальнѣйшихъ, явились уже послѣ этой поэмы и объясняютъ ее какъ передѣлки, возникшія изъ однихъ съ нею источниковъ , но имѣвшія свою отдѣльную и позднѣйшую исторію. Таковы 1) разныя сочиненія Византійскія, возникшія на почвѣ позднѣйшей Византіи и переходившія къ намъ по рукописямъ или связанныя съ нашими преданіями, на примѣръ: « Сказаніе о Индіи богатой,» этомъ Рахманскомъ царствѣ, которое помѣщается однако порою и въ Абиссиніи, — ни чертъ историческихъ , ни исторической нити въ развитіи миѳовъ; «о Вавилонскомъ царствѣ,» откуда Византійскій царь, Левъ, Улевъ, Волуй (близкій къ Волоту) , въ крещеніи Василій (Акульевичь), похищаетъ драгоцѣнности, ожерелье, цѣпь, вѣнецъ и т. п., посредствомъ пословъ—подвластныхъ Византіи (по крайности въ церковномъ отношеніи) народовъ, своего Грека, Обежанина (Абхазца) и Русина или Словенина, подобно какъ нашъ древній царь черезъ Семіоновъ. Эти вещи, добытыя изъ Вавилона, который описанъ

здѣсь съ позднѣйшею миѳологическою путаницей, достаются послѣ изъ Византіи въ Русь Владиміру Мономаху, съ такимъ же полуисторическимъ разсказомъ. И т. п. 2) Сказанія устныя и народныя, въ основѣ близкія къ поэмѣ о Саломонѣ и нашимъ народнымъ сказкамъ, но прошедшія позднѣе еще черезъ другіе народы: «Бова королевичъ» черезъ Поморскихъ Славянъ, съ примѣсью чертъ Западной Европы и отчасти Востока; «Еруслапъ Лазаревичъ,» шедшій тѣмъ же путемъ, но гораздо болѣе западнаго вліянія понесшій черты Армянской или Грузинской передѣлки. Въ послѣднемъ труднѣе отдѣлить чистую основу: но первый ярче въ своей близости къ основному миѳу, раскрытому въ нашемъ изслѣдованіи (см. «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). Его, ребенка, преслѣдуетъ мать, убившая отца его и вышедшая за другаго; моритъ его въ темницѣ голодною смертію или подосланнымъ хлѣбомъ на змѣиномъ салѣ; спасаютъ его—посредница дѣвка Чернавка, посредникъ дядька Симбалда; потомъ съ берегу похищаютъ его корабельщики и хотятъ продать какъ Іосифа, какъ Діониса; послѣ разныхъ блужданій, гдѣ встрѣчается онъ и съ Калѣкою Перехожимъ, переведеннымъ въ Чернеца, и пріобрѣтаетъ отъ него особое зелье, то же, что «питье забыдущее,» является онъ самъ Калѣкою, съ чернымъ лицомъ, къ невѣстѣ своей и увозитъ ее; съ Полканомъ-Кентавромъ онъ прежде врагъ и соперникъ въ борьбѣ, потомъ это его вѣрнѣйшій другъ, искупающій ему счастье своею смертію; заключается местью надъ матерью и торжествомъ Бовы. Вся эта сказка столь же народна у насъ, какъ поэма Саломона, и, хотя ниже ея, какъ позднѣйшій и болѣе слабый выродокъ, но столько же понесла на себѣ слоевъ отъ разныхъ вліяній, столь же обща и намъ, и Западной Европѣ, а потому весьма испорчена по рукописямъ *).

---

*) Любопытно замѣтить. Имя К е н т а в р а, по нашему К и т о в р а с а, исходя изъ эпохи доисторической, общей для многихъ народовъ, и принадлежа образу, столь же для нихъ общему, при томъ по эпохамъ весьма различнымъ, было загадкою для самихъ древнихъ и вызывало разнообразныя толкованія. Имя Г е р а к л а, М е л к а р т а, потерпѣло ту же участь, перешедши въ нашего Т а р а к а ш к у, Т а р а ш к у, Т а р а с а (см. ниже), на Западѣ въ М о р о л ь ѳ а, М о р о л ь т а, и т. п. Каждый народъ прививалъ сюда, какъ мы знаемъ, свое словопроизводство отъ національныхъ корней и формъ слова. П о л к а н ъ прошелъ тѣмъ же путемъ: мы замѣчали уже прежде, какъ его понялъ нашъ народъ и на какія словопроизводства, прямо соотвѣтствующія Русскому языку, указалъ употребленіемъ сего имени. Изъ западныхъ редакцій сказанія о «Бовѣ,» путь котораго опредѣлить съ точностію отказывались самые лучшіе западные ученые, какъ на примѣръ Я. Гриммъ, въ простонародной Итальянской, развившейся съ

Можно бы здѣсь сравнить съ нашею поэмою о Саломонѣ такую же поэму Нѣмецкую и другія западныя ея развѣтвленія, даже у Славянъ: мы и не отвергаемъ, что это нужно и весьма важно. Но, по началамъ, положеннымъ въ основу всѣхъ нашихъ «Замѣтокъ,» это должно быть сдѣлано *послѣ*, какъ сравненіе между двумя *равными*, одновременными областями творчества, послѣ того какъ разобраны стихіи *старшія*, послужившія для нихъ общимъ началомъ. Указавши такія стихіи и предоставивъ себѣ сравненіе съ Западомъ послѣ (если не

конца XV вѣка, являются нѣкоторыя черты и Славянскія, по общенію среднихъ вѣковъ, на примѣръ Маркобрунъ—въ нашихъ сказкахъ изъ Д а н с к а, Данцига,—у Итальянцевъ царь П о л ь с к і й (Rè di Polonia). Полканъ здѣсь P u l i c a n e: вторую половину слова, одинаковую съ *cane*, народъ объяснилъ «собакою» и богатырь вышелъ полу-человѣкомъ, полу-собакою. Сравните ниже Итальянскія передѣлки поэмы о Саломонѣ. Но какъ Гераклъ, Мелкартъ, и т. п., рѣшавшіе загадки, перешли потомъ у народа простаго разныхъ странъ въ лица грубыхъ шутниковъ и остряковъ (ср. Езопа или у насъ ниже Тараса, нѣмецкаго Морольта), такъ съ *Pulicane* связался балаганный герой *pulcinella*, франц. *polichinel*, и т. п. Подобные переходы именъ объяснять заимствованіемъ одного народа отъ другаго, также трудно, какъ выводить, на примѣръ, наше *домъ* отъ *domus* или *duomo*, *носъ* отъ *nasus*, *naso*, или обратно. Сама Итальянская сказка о Бовѣ выводитъ героевъ своихъ изъ Греціи, съ Дуная, и т. п., съ общихъ старыхъ поселищъ для многихъ Европейскихъ народовъ. Мы можемъ только различать старшинство образовъ, смотря по близости къ исконнымъ миѳамъ и началу творчества, по обширности ихъ эпической дѣятельности, а въ словопроизводствѣ ихъ имени — смотря по ясности ихъ для одного языка, по темнотѣ для другаго. Такъ наше имя *Полкана* далеко превосходитъ ясностію Итальянскаго *Пуликана*, особенно въ первой половинѣ — этой *Puli*. Образъ «коня» и «тура,» истекающій изъ самой первобытной древности, конечно старше извращенной передѣлки въ «собаку.» Это у насъ «Старшій богатырь,» старше Кіевскихъ и Кіевскаго творчества; съ тѣхъ поръ онъ извѣстенъ въ самыхъ древнихъ Былинахъ, въ Сказкахъ — этомъ по происхожденію Черноморскомъ и Придунайскомъ эпосѣ, въ Стихахъ, въ рукописяхъ. Въ поэмѣ о Саломонѣ онъ отождествляется съ «Исполинами,» «Коньми-людьми,» а вмѣстѣ «Кентавромъ,» и т. п. Si licet parva componere magnis, можно привести изреченіе г. А. К о т л я р е в с к а г о, который снискалъ себѣ истинное безсмертіе и заслужилъ мѣсто въ нашемъ изданіи: нашего Полкана онъ объяснилъ з а и м с т в о в а н і е м ъ отъ Итальянцевъ, отъ ихняго праотца полишинелей. Въ статьѣ, которую прочли мы сейчасъ, печатая эти строки, «Моск. Вѣд.» № 87, сей легкій критикъ, въ дополненіе къ грузному пустословію, противъ насъ направленному, присоединилъ единственный, такъ называемый «грустный и поучительный фактъ:» «Развѣ имя Полканъ— русское? Всякому, сколько нибудь знакомому съ наукой, даже и школьнику извѣстно, что Полканъ есть извѣстный западный (итальянскій) *Пуликане*, зашедшій на Русь вмѣстѣ съ Бовою и его сподвижниками.» Не тѣшимся надъ этимъ «веселымъ» фактомъ только изъ гуманности, предвидя, что шутливый авторъ, по достиженіи практическихъ цѣлей, временно руководившихъ его услужливымъ перомъ, сдѣлается горячимъ послѣдователемъ нашего ученія: задатки къ тому видимъ уже теперь, въ безцеремонныхъ выпискахъ изъ нашихъ «Замѣтокъ.» Только будетъ ли въ такомъ послѣдователѣ находка для науки?

предварятъ охотники мнеографы, которые обыкновенно съ этого и начинаютъ), мы теперь изложимъ все содержаніе поэмы о Саломонѣ, на сколько она извѣстна по записаннымъ памятникамъ устнаго творчества и по Славяно-русскимъ Кирилловскимъ рукописямъ, для насъ доступнымъ. Данныя слѣдующія: Былины и отрывки въ настоящемъ изданіи; Стихи, особенно о Голубиной Книгѣ и Егорьѣ («Кал. Перех.,» вып. 2); Сербскія сказки (изд. Караджича, «Приповиетке,» 1853, Вѣна); рукописи—Румянц. Палея, № 453; Толст. 2, № 140, Публ. Библ. Q, № 22; Румянц. Сборникъ, № 363, и друг.; «Пам. стар. Р. литер.,» вып. 2 и 3; «Очеркъ» г. Пыпина.

Всѣ почти черты основнаго дѣла, выше нами приведенныя въ изслѣдованіи, отзовутся и повторятся такъ или иначе въ самомъ содержаніи поэмы, которое мы изложимъ: но безпрестанно напоминать эти черты было бы уже утомительно; читатель конечно теперь достаточно ими проникнутъ и узнаетъ ихъ самъ при нашемъ изложеніи данныхъ. И такъ:

—

I. Рожденіе, воспитаніе, первые подвиги, первыя побѣды Саломона.

Имя: въ устномъ творчествѣ *Са́ламанъ — Сала́мана, Саломонъ—Сало́мона, Соло́манъ—Соло́мана*, сербск. *Соломунъ*, въ рукопис. *Соломанъ*, *Соломонъ*, и т. п.

Въ Голубиной Книгѣ (Стихъ Сводный), по старшимъ ея спискамъ, близкимъ къ «Свиткамъ» или «Спискамъ Ерусалимскимъ (см. ниже),» «по стороны (въ сторонѣ отъ) святаго града Іерусалима, у дуба Маврійскаго,» является сперва одинъ Волотъ, происходящій отъ самого себя— Волотовичъ, соотвѣтствующій Волосу или Велесу, потомъ передѣланный въ Волотомана, подобно Соломану: «онъ хорошъ загадочки загадывать, и загадывать, и отгадывать.» Далѣе къ нему присоединяется Давидъ, загадки и разгадки съ обоихъ сторонъ дѣлятся между ними. За тѣмъ является «царь Константинъ,» «царь Исай,» «Василій царь Сенакурьевичъ» или «сынъ Акульевичъ.» Волотоманъ отгадываетъ загадки космогоническія, о происхожденіи

солнца, свѣта, вѣтра и т. д.; Давидъ касательно пройденныхъ язычествомъ образовъ, Моря, Птицы, Кита, Звѣря, и т. д., съ примѣненіемъ къ жизни Осѣдлой, къ Городамъ, Церквамъ, и т. д., а вмѣстѣ къ именамъ и событіямъ историческимъ, съ точки зрѣнія Ветхозавѣтной, потомъ Христіанской. Позднѣе, въ редакціи чисторусской, Волотоманъ обращенъ въ Володиміра, и послѣдній, оставшись одинъ съ Давидомъ, предлагаетъ только вопросы или загадки, а Давидъ рѣшаетъ. Въ концѣ Стиха Володиміръ проситъ разрѣшить ему Сонъ о видѣнныхъ двухъ Зайцахъ, бѣломъ и сѣромъ, въ борьбѣ; Давидъ рѣшаетъ это Правдой и Кривдою. Но въ первоначальномъ видѣ, чуждомъ отвлеченности и болѣе образномъ, Волотъ или Волотоманъ разсказываетъ Давиду Сонъ о Деревѣ:

Волонтоманъ царь проговорилъ
[Возго́воритъ Волотоманъ царь]:
— Мнѣ царю Волонтоману,
— Мнѣ почёсе-ночь мало спа́лося,
— Мало спалось, много во сни видѣлось,
— Мнѣ предивный сонъ во снѣ превидѣлся:
— Какъ [быдто] въ моемъ ли было зеленомъ саду
— Выростало [тутъ] деревцо [древо́] сахарное;
— Изъ далеча изъ чиста поля
— Прилетала пташечка малёшечка [малёшенька],
— Садилась на деревцо [на мое на древо́] сахарное,
— Распущала перья до сырой земли.
— Ужь ты можешь ли, царь, про то вѣдати,
— Про то сказать и мнѣ повѣдати,
— Я люблю тебя царя, пожалую
[— Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный сонъ,
— Я бъ того, сударь, много пожаловалъ]?—
Тогда всѣ цари пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ [на то] Премудрый царь,
Нашъ Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ:
« Какъ тебѣ, царю Волонтоману,
« Мало спалось, грозно во снѣ видѣлось,
« Въ твоемъ ли было зеленомъ саду
« Выростало деревцо сахарное:
« У твоей царицы благовѣрныя

CCXLI

Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темныій
Со своею женою законною,
Говорила жена ему возлюбленна:
« Ты ей же, мужь мой возлюбленный!
« Въ нашемъ саду во прекрасноемъ
« Теперь новости объявилися:
« Выростали на древи у насъ яблоки.»
Подавала съ кармана ему яблоко.
Какъ съѣлъ купецъ тую яблоку,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки?—
Говорила жена ему возлюбленна,
Что « Есть еще этихъ яблоковъ,
« Только висятъ онѣ высоко есть.
« Захватись-ко за дубъ ты руками, де,
« А я выстану въ дубъ тотъ высокій,
« Достану тебѣ эти яблоки.»
У самой въ дубу была люлька тамъ,
Въ этой люлечки былъ полюбовничокъ:
Ложилась она къ ему въ люлечку.

«То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ полюбовникомъ въ люлькѣ; и закрычалъ:—Ахъ ты, жена, эдакая дура! Какъ ты могла надъ моей главой сотворить блудъ?— То сказала ему жена: « Допусти меня только до земи, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть ломи, только выслушай, что я тебѣ скажу; я ночесь спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ глаза.» То взялъ свой мужь свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.» Ср. выше значеніе стараго, слѣпаго начала или бога, прелюбодѣяніе женской половины, рожденіе спасающаго юнаго бога и проч., а также миѳы, связанные со сномъ, деревомъ, ослѣпленіемъ, яблоками, люльками и т. п., особенно при Діонисѣ.

То же самое повторяется съ Давидомъ:

Во тую пору во то время
Царь Давыдъ случился на [балконѣ] быть
Со своей Прекрасной Царицею;

CCXLII

Увидали слѣпаго—за дубъ держится,
Говорилъ царь Давыдъ со царицею:
«« Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣніе далъ,
«« Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»»
Говоритъ Царица Прекрасная:
— На то бы были у моей сестры отверточки.—
А сынъ во чревѣ заговорилъ: « Баба по бабьи и судъ судитъ!»
Мать говоритъ, что—Я чего ни будь выпью
— И тебя во чревѣ употреблю.—
А сынъ сказалъ, что « Я выломлю боку,—
« Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»

Царь съ царицею гадаютъ о представившейся загадкѣ, царица оказывается склонна къ прелюбодѣянію; младенецъ обличаетъ ее еще въ утробѣ и за то навлекаетъ ея вражду; ср. выше разговоры Морскаго царя и царицы, Елены Давыдьевны передъ прибытіемъ Вольги, жены Адріана, и т. п.

Когда купецъ исцѣленъ былъ отъ слѣпоты послѣ прелюбодѣянія жены и примирился съ ней, «сказалъ на то царь (Давидъ): «« Что сей мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? Такъ не что ему и съ глазами дѣлать!»» Два раза ступилъ—и больше не видитъ.» Царь ослѣпъ.

«Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею «его вынести на кухню и заколоть его, и вынять изъ него сердце, и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ Мудрый и истребитъ меня.» То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что — Не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любаго ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей. — То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псиное сердце. То взяла на вилку: « Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ лакей, что «« Я несъ и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука схватила зубами.»» А онъ себя велѣлъ отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ пропалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ тамъ мальчика: и сталъ ростить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу: — Скажи-ко ты мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю? — Отвѣчалъ ему отецъ, что

««Хожу.»»—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь?— То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что—Спросилъ ли ты у царя, что̀, большой ли онъ свитой будетъ? — То царь сказалъ, что «Я буду всей свитой.» — То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большаго или съ малаго? — Отвѣчалъ ему царь, что «Ставь съ полнаго приходу.» То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что—Для чего онъ такъ кручиненъ?—Отвѣчалъ ему отецъ, что ««Лутчи бы было не спрошано: приказалъ царь ставить кушанья съ полнаго приходу.»» Отвѣчалъ ему сынъ, что — Дешевле этого кушанья и нѣту; поди и вози домой рѣпу, и парь пару. — То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну пару и печенки...» Мать преслѣдуетъ родившагося ребенка, ее обличившаго, велѣно вынуть его сердце и изжарить; собака служитъ средствомъ спасенія; проглотивъ песиное сердце вмѣсто сыновняго, мать, мы знаемъ изъ прежнихъ очерковъ, даетъ возможность вырости сыну и потомъ вступаетъ къ нему, какъ юношѣ, въ отношенія любви; отецъ тѣмъ спасается и также юнѣетъ, перерождается въ сына. Саломонъ воспитывается въ уничиженіи: посредствомъ того же «сердца со печенью (печенки)» исцѣляетъ пришедшаго отца-царя отъ слѣпоты, обличаетъ дѣйствія злой матери, принимается отцомъ, заступаетъ его мѣсто на царствѣ. Перерожденіе старика выражается какъ его прозрѣніемъ, такъ и тѣмъ, что его смѣняетъ сынъ на царствѣ. Это одно изъ первыхъ разрѣшеній древней загадки со стороны сына.

Та же исторія сына, во чревѣ или рожденіемъ обличающаго прелюбодѣйную мать, ея преслѣдованія, спасеніе ребенка, воспитаніе въ уничиженіи, рѣшеніе имъ первыхъ загадокъ для окружающихъ его: «Царица, мать Саламанова, понеслася отъ мужа своего. Сидитъ она разъ у себя въ ложнѣ и разговариваетъ съ своими прислужницами: говорятъ онѣ келейныя рѣчи: ««У одной женщины мужь-то очень старъ, такъ она и держитъ себѣ полюбовника.»» Царица молвила: —И я на ея мѣстѣ то же сдѣлала бы. — А дѣтище во чревѣ провѣщилось: «Б.... по б...... и судъ судитъ.» Говорила царица таковы слова: — Ахъ ты злое дѣтище во чревѣ моемъ! я тебя и на свѣтъ не выпущу! — А сынъ на мѣсто отвѣчаетъ: «Ты бы не выпустила, да я самъ выду и ребро выставлю.» — Ахъ ты злое дѣтище! не будешь ты счастливо! — Прошла пора-время срочное, и породила она сына, и жилъ онъ до пяти годовъ. Вотъ Царица и го-

ворнтъ Дядькѣ: — Возьми сына моего позаочь, сведи его на взморье, заколи и принеси его сердце мнѣ-ка-ва. — Дядька не можетъ ослушаться царицы, и привелъ Саламана ко взморью. Какъ пришли на взморье, говоритъ Саламанъ: «А что тебѣ, дядька, говорила моя родительница?» — Велѣла заколоть тебя и серпе твое ей принести, да жаль мнѣ-ка-ва тебя. — А тутъ о море по берегу бѣжитъ собака. «Дядька, говоритъ, Саламанъ, кличь собаку.» Сталъ дядька свистать-посвистывать: собака не йдетъ. Сталъ Саламанъ свистать-посвистывать: на зовъ собака пришла и хвостомъ вертитъ. «Дядька, говоритъ Саламанъ, заколи собаку, вынь сердце я снеси моей родительницѣ.» Пришелъ дядька къ царицѣ съ собачьимъ сердцемъ и говоритъ ей: —Твое царское величество! исполнено твое желаніе: сердце вынато.— Сварили сердце и подали царицѣ. Какъ положила въ ротъ, такъ и закричала: «Ахъ, какое злое дѣтище: и сердце смердитъ на собачину!» А царь Саламанъ простился съ дядькой и пошелъ о взморье. Пришелъ въ село полномочное, зашелъ въ гумно, а на гумнѣ крестьяне молотятъ хлѣбъ. Взошелъ Саламанъ на оиетъ, сѣлъ о стѣну и слышитъ, говоритъ крестьянинъ съ сыновьмы: «Что, дѣти мои, сынова! я вамъ загоđку загону̀. Если загодку отгадаете, моимъ имѣньемъ цовладаете.» И загонулъ загодку: «Что̀ скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?» Смотрите выше, какъ за симъ Саламанъ, найденный на гумнѣ, рѣшилъ загадки крестьянамъ, вступилъ въ ихъ братство, получилъ долю въ имѣньи, сдѣлался пастухомъ: послѣ онъ найденъ отцемъ или приведенъ къ нему для рѣшенія трудныхъ загадокъ и открытъ.

Въ Сербской сказкѣ: «Премудрый Саломонъ однажды въ разговорѣ сказалъ передъ своей матерью, что всякую женщину можно обмануть. Мать его за то крѣпко разбранила, говоря, что это неправда. Послѣ того гдѣ-то и какимъ-то образомъ Саломонъ доказалъ своей матери, что она какъ и прочія женщины. Мать его за то крѣпко разсердилась и прокляла его, чтобъ не умереть, пока не увидитъ морской глубины и небесной вышины.» Мать обрекла его на трудные подвиги: это и сбылось послѣ въ похожденіяхъ Саломона, которыя мы еще увидимъ.

Къ той же эпохѣ, когда Саломонъ ребенкомъ разгадывалъ первыя загадки или рѣшалъ первые суды свои, относится другая Сербская сказка: «Былъ холостой человѣкъ; ему навязывали одну дѣвушку,

другіе вдову, третьи разводную. Вотъ и не зналъ онъ, какую взять, потому что собою всѣ три были хороши и красивы. И пошелъ онъ къ одному старцу спросить, чтó лучше, взять ли дѣвушку, или вдову, или разводную. А старецъ ему говоритъ: «Я тебѣ, сынокъ, на то не умѣю ничего сказать, а иди ты къ Премудрому (т. е. Саломону), онъ тебѣ съумѣетъ сказать, чтó лучше, да послѣ приди мнѣ сказать, чтó тебѣ онъ повѣдалъ.» Тогда человѣкъ пошелъ ко двору Саломонову. Когда пришелъ передъ дворъ, спрашиваютъ его слуги, чего онъ хочетъ, а онъ имъ говоритъ, что идетъ къ Премудрому. Тогда его взялъ одинъ слуга и ввелъ во дворъ, да протянулъ руку на одного ребенка, а ребенокъ сѣлъ верхомъ на палку и валяетъ по двору: «Вонъ тебѣ Премудрый!» Человѣкъ подивился и подумалъ себѣ: «Чтó мнѣ съумѣетъ сказать этотъ ребенокъ! Однако, коли ужь я пришелъ сюда, ну-ка посмотрю, чтó онъ скажетъ!» Пустился къ Саломону, да какъ подошелъ къ нему, тотъ остановился какъ слѣдуетъ на своемъ конѣ и спросилъ его, чего онъ хочетъ, а человѣкъ сказываетъ ему по порядку, въ чемъ и какъ дѣло. Тогда отвѣчалъ ему Премудрый: «Коли возмешь дѣвушку, такъ ты знаешь; коли возмешь вдову, она знаетъ; а коли возмешь разводную, берегись моего коня!» Да какъ повернется тогда, да концемъ палки задеретъ человѣка поперегъ ноги, да и валяй опять по двору. А человѣкъ тогда подумалъ самъ съ собою: «Прямой же я дуракъ! Человѣкъ я взрослый, да пришелъ къ ребенку за совѣтомъ, какъ жениться!» Вернулся назадъ и пошелъ къ старцу спросить, къ кому онъ его послалъ шататься! Какъ пришелъ къ старцу, и кричитъ на него, и сердится, разсказываетъ ему все, какъ было у него дѣло съ Премудрымъ. А старецъ отвѣчалъ: «Э, сынокъ! Да Премудрый-то вовсе не вздоръ сказалъ: если возмешь дѣвушку, ты знаешь, — значитъ, она будетъ держаться того, что ты знаешь все лучше ея и будетъ тебя слушаться, какъ только ты хочешь; если возмешь вдову, она знаетъ, — значитъ, она ужь была одинъ разъ женою, такъ вотъ теперь и думаетъ, что все знаетъ, да и не будетъ тебя слушаться, а захочетъ все тебѣ приказывать; а коли возмешь разводную, берегись моего коня, да палкою тебя по ногѣ, — значитъ, берегись, чтобъ она тебя не ожгла, какъ ожгла и перваго мужа!» Разгадка эта, въ формѣ эпической то же, что въ иныхъ болѣе старшихъ — по примѣтамъ узнать невѣсту или отличить одну женщину отъ другой изъ цѣлой толпы ихъ, схожихъ между собою: эту загадку, обличающую умѣнье или неумѣнье распознать

разные виды бытія, задаютъ враги и нашему Ивану («Зам.» къ 3 и 4-му вып. Кир.), рѣшаетъ и Саломонъ взрослый, какъ убѣдимся ниже.

Другая разгадка приписывается Саломону, когда еще жилъ онъ при отцѣ, т. е. въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, а именно слѣдующая по нашимъ рукописямъ. Пришли къ Давиду два человѣка тягаться и одинъ на судѣ обратился къ другому: «Занялъ еси ты у мене шесть яицъ вареныхъ, и тому уже минуло шесть лѣтъ, и азъ бы въ то время развелъ много курятъ.» Давидъ разсчиталъ всѣхъ этихъ возможныхъ курятъ въ огромномъ количествѣ и велѣлъ отвѣтчику, чтобы выдалъ. Подвернулся сынъ. « Слышавъ же царя Давыда судъ, сынъ царь (anticipando) Соломонъ, и научи мужа того премудрости своей, и рече ему: «Взори ниву близь пути, гдѣ ѣздятъ, сѣяти горохъ вареной изъ котла своего.» Сдѣлано, Давидъ проѣздомъ увидалъ и спрашиваетъ: — Почто сѣеши горохъ вареной при пути, понеже той не можетъ возрасти? — Тотъ отвѣчалъ: « Почто ты мене, царю Давыде, осудилъ неправедно и за что продаеши мя (древнее значеніе слова «продажа,» пѣня съ осужденнаго, взыскъ проторей) въ яицахъ вареныхъ? Се ты, царю, узналъ еси, что вареной горохъ не можетъ возрасти, тако же, де, и отъ яицъ вареныхъ како можетъ приплодъ быти?...» Царь Давидъ: — Кто тя сей премудрости научилъ есть? — «Воистинно сей премудрости научилъ мя сынъ твой царь Соломонъ.» Царь же Давыдъ прослави Бога, слыша о сынѣ своемъ Соломонѣ и о премудрости его. » Здѣсь пока Саломонъ имѣетъ дѣло все съ нисшимъ слоемъ народа, съ пахарями, пастухами и т. п., благодѣтельствуя имъ разгадкою загадокъ. Во всемъ дѣтствѣ его замѣтна эта черта: она соотвѣтствуетъ уничиженію, въ которомъ растетъ юноша по другимъ сказаніямъ.

Въ другомъ рукописномъ сказаніи о Саломонѣ такъ говорится о его рожденіи, воспитаніи, вступленіи на царство: « Царствующу Давиду царю во Іерусалимѣ, и родися ему сынъ Соломанъ отъ жены Урiи, а не отъ блудницы. И нача его царь Давидъ, Соломана, учить грамотѣ не одной, но всякой премудрости и хитростямъ (ср. воспитанника Акурова). Да возрасте Соломонъ, тогда отецъ ево царь Давидъ преставися. По отцѣ же поча Соломанъ царствовати во Іерусалимѣ.» Въ этомъ началѣ, за которымъ впрочемъ слѣдуетъ своего рода поэма, писавшій примѣнился къ исторіи и, желая оправдать эпическаго Давида историческимъ, намѣренно налегъ на то, какимъ способомъ родился Саломонъ: отрицательный пріемъ не темнѣе

положительнаго объяснилъ намъ дѣло. Между тѣмъ, по эпическому сказанію, дѣло было такъ, какъ говоритъ другая рукопись: «Бысть у царя Давида три дѣвицы (наложницы), а не было у царя Давида ни единаго сына; и нача царь Давидъ со царицею своею Версавіею о томъ Богу молитися, дабы имъ Господь далъ сына. И услышалъ Господь молитву ихъ, и въ то же время понесла царица Версавія Божіимъ повелѣніемъ во утробѣ своей, не вѣмъ сына, не вѣмъ дщерь («ни то сына, ни то дочь,» сказка, передѣланная послѣ у Пушкина; Саломонъ раздвоялся уже въ утробѣ матери на Саломона и Саломонію). Приспѣ же годъ (время) нарожденію ея; и народила сына, и нарекоша ему имя Соломанъ. И какъ будетъ дѣтище Соломанъ осми лѣтъ, и призвалъ царь Давидъ своего слугу именемъ Ичкалу, и даше сына своего Соломана хранить и лелѣяти доброму своему слугѣ Ичкалу. А началъ дятка Ичькалъ Саломана блюсти и лелѣяти съ великою радостію, а единаго Саломана никуды не отпущаетъ гулять и тѣшится. И въ нѣкое время царица Версавія, мати Соломанова, пошла со дѣвицами по переходомъ тѣшитися и гуляти, и Саломанъ почелъ по сѣнямъ со своими отроки гулять и играти; и почелъ Соломанъ дѣлати въ деревцѣ вѣсочки, а въ вѣскахъ почелъ вѣсить песье г.... съ женскимъ умомъ. И царица мати его Версавія пришла въ тѣ поры тутъ же на потѣху къ Саломану и рече ему царица: «Что ты, Соломоне, вѣсишь?» И Соломонъ рече: «Вѣшу песье г.... съ женскимъ умомъ.» И царица мати его пошла на потѣху, и рече Ичкалу дяткѣ: «Поиди къ морю и возми изъ Соломана сердце, вымъ (вынь), да и принеси ко мнѣ живое; я, спекши, съѣмъ его, а тѣло въ море вкинь.» — И дятка Ичкалъ рече Соломану: «Поидемъ мы къ морю, Соломане.» И Соломанъ съ нимъ пошелъ къ морю гулять, и дятка Ичкалъ рече: «Господине, чадо Соломане, мати твоя мнѣ велѣла тебя потерять (погубить).» — И Соломонъ рече: «Дятка Ичкалъ, поиди ты да возми сердце изо пса, а доспѣй (сдѣлай изъ него) сердце человѣчье, а меня продай гостямъ за̀ море, на корабль.» — И тотъ дятка Ичкалъ вынялъ сердце изо пса живое и принесъ царицѣ, и царица, спекши, песье и съѣла, а Соломана дятка Ичкалъ продалъ гостямъ на корабль каши варити. — И ходилъ Соломанъ по̀ морю многое время, и пришелъ съ гостьми къ царю Давиду, ко отцу своему. И пошли гости къ царю съ гостинцами; и царь велію честь воздалъ, и рече гостямъ: — Есть у меня въ моемъ царствѣ колымага добрѣ добра и дорога; цѣны ей никто не знаетъ. —

И поставили колымагу передъ царемъ, и рече царь гостямъ:—Есть ли у васъ таковъ человѣкъ за моремъ, чтобъ отгадалъ ей цѣну?—И гости передъ царемъ промолчали. И рече царь Давидъ:—Аще не отгадаете той загадки, ино съ васъ головы поснимать велю; аще отгадаете, въ моемъ царствѣ торгуйте торгомъ безъ пошлины и во всемъ вамъ честь воздамъ велію, и съ проводниками отпустити велю. — И гости тому слову не могли отвѣту дати, и пошли съ царева двора на корабль невеселы и въ великой печали. И вышелъ противъ гостей изъ корабля Соломанъ кашеваръ, и рече: «Гости заморяне, пора за столъ и за скатерти: о чемъ (отчего) не кушаете?» И гости (въ) велицѣй печали думу думаютъ и къ столу не идутъ. И рече имъ Соломанъ: «Гости заморяце, что думаете, сошедъ съ царева двора, кое слово приключилось вамъ на царевѣ дворѣ?» — И гости заморяне говорятъ: ««Тяжела царя загадка, не отгунути, ино (если не отгадаемъ, то) намъ головы покласти у царя Давида.»» И сказали Соломану загадку; и Соломанъ рече: «Гости заморяне, возворзите печаль на радость (ср. выше Акура), а и васъ отъ тое смерти избавлю и ту загадку отгану царю Давиду; дайте мнѣ великъ даръ...» И гости поклонишася ему до земли и принесли ему дары. И рече Соломанъ: «Дайте мнѣ порты дорогіе, въ чемъ къ царю за столъ итти.» И Соломанъ взялъ (съ) стола хлѣбъ, и срѣзалъ укрои хлѣбьца, и несетъ къ царю Давиду, и рече передъ царемъ Давидомъ: «Царь Давидъ, сей хлѣбъ дороже злата и сребра.» И пойде съ царева двора въ велицѣй чести и славѣ, а гостей отъ смерти избавилъ и животъ имъ далъ (ср. какъ Діонисъ научилъ Мидаса цѣнить хлѣбъ больше золота, а также выше загадку крестьянина о хлѣбѣ, загадки Морскаго Царя съ Царицею при появленіи Садка, «о золотѣ и булатѣ въ люлькахъ у ребятъ,» и т. п.).—И гости заморяне пошли за море, а Соломанъ съ ними же пошелъ торговать по заморью, и пришелъ съ ними ко царю Давиду съ великими дарами и съ гостинцами. И царь Давидъ на своей потѣхѣ тѣшится и..... гостямъ великую загадку загануль:—Гости заморена! По конецъ моего царьства стоитъ древо златовѣтвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе, сверхъ того древа мѣсяцъ сьяетъ, и около того древа, у кореня, пшеница бѣлояран. вкругъ же той пшеницы нива орженая силная; отгоните тому древу цѣну, и вы въ моемъ царствѣ торгуйте безъ пошлины; аще не отганете тому древу цѣны, и мнѣ съ васъ головы поснимать.» И гости не могли тому отвѣту дать, и пошли къ своимъ кораблемъ. И встрѣтилъ гостей Соломанъ кашеваръ и рече имъ:

«Гости, пойдите къ столу и за скатерти.» И рече ему гости: ««Не до стола: пришла на насъ царская кручина, загануль намъ загадку, и загадка эво тяжела.»» И думають гости, стоя на корабле, великую думають думу о своихъ головахъ.. И рече Соломанъ кашеваръ: «Гости-заморяне, что мнѣ дадите, язъ вамъ отгану загадку цареву, а вамъ животъ дамъ?» И гости то слово слышали у Соломона, и бьютъ челомъ ему своими головами, и принесли ему даръ великъ... И рече Соломанъ: «Дайте мнѣ дорогіе порты, въ чемъ къ царю итти за столъ и загадки царевы отгадывать.» И пошли къ царю за столъ, и послѣ стола царь загануль загадку, и рече: — Кто есми у васъ загадку мою отгадаетъ?» И рече Соломанъ: «Язъ есми твою цареву загадку отгану.» И рече Давидъ: — По конецъ царства стоитъ древо златовѣтвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе; сверхъ того древа мѣсяцъ сьяетъ, и около того древа, у корени вкругъ, пшеница бѣлоярая, вкругъ же той пшеницы нива орженая сильная (ср. выше сонъ о Деревѣ и самое Д е р е в о).—И Соломанъ рече: «По конецъ твоего царства стоитъ древо златое, — то твое царство и царствіе; у того древа самоцвѣтное каменіе, — то твои государевы ближніе пріятели и столные многіе цари, и короли и князи, и уланные и мурзы; сверхъ того древа мѣсяцъ сьяетъ, — то ты государь царь; и около того древа по земли вкругъ пшеница бѣлоярая, — то твои ближніе бояре, и околничіе, и думные дворяне; и вкругъ же той пшеницы нива орженая сильная, — то твои православные христіане (т. е. «крестьяне,» поселяне).» И царь Давидъ выгалился (вытаращилъ глаза) на Соломана, и рече: — Кто еси ты и что за человѣкъ?—И Соломанъ рече царю Давиду: «Язъ изморя (изъ за моря), намолотчей (наимладшій) дѣтинка.»—Упоминаніе наложницъ въ началѣ этой повѣсти указываетъ ясно, что герой рожденъ отъ прелюбодѣянія; разъясненіе другаго повѣствователя, что онъ родился «отъ жены У р і и,» гдѣ сочинитель счелъ «У р і ю» именемъ женскимъ, забавнымъ образомъ подтверждаетъ то же самое. Разумѣется, все это передѣлано въ «законную» супругу и мать, В и р с а в і ю или, какъ она здѣсь названа, В е р с а в і ю. Ревность оскорбленной законной супруги выражена тѣмъ, что она начинаетъ преслѣдованія яко бы на сына вслѣдствіе ссоры съ нимъ и дѣтской дерзости. — Должно быть вынуто С е р д ц е: оно спасается вынутымъ сердцемъ С о б а к и. Самъ ребенокъ спасается «дядькою И ч к а л о м ъ;» любопытно, если вы напишете это имя, И ч к а л ъ, то по сходству рукописнаго

начертанія ч и р, другая форма будетъ Пркалъ, т. е. Иракль, съ придыханіемъ Гераклъ, извѣстный намъ посредникъ. — За тѣмъ Саломонъ проданъ въ Рабы купцамъ или Гостямъ Заморянамъ, на Корабль. Это рабство и странствованіе на кораблѣ то же, что выше приведенное уничиженіе Саломона въ семьѣ пахарей, въ пастухахъ, у кузнеца и т. д. Рабство это между прочимъ представляется «черным:» чтобы выразить это, Саломонъ помѣщается у кузнеца, а на кораблѣ кашеваромъ, т. е. около котла и «котельной сажи.» — Также точно какъ крестьянъ и кузнеца, ребенокъ спасаетъ гостей, а самъ открывается старику отцу посредствомъ рѣшенія Загадокъ: отецъ на этой ступени пока еще гонитель и притѣснитель. — Первая загадка, о золотѣ и хлѣбѣ, сказали мы, возводитъ насъ къ древнѣйшему миѳу; вторая загадка о Деревѣ та же, съ которой началось все дѣло. — Загадокъ нѣсколько: это то же, что нѣсколько подвиговъ; онѣ повторяются до трехъ разъ; послѣ третьяго должно быть спасеніе и торжество, а на языкѣ этого эпическаго разсказа — открытіе отцу, примиреніе съ нимъ, полученіе царства. Каждый разъ Саломонъ близокъ къ выходу: и каждый разъ, до третьяго, его ворочаютъ назадъ, на путь подвиговъ (ср. нашего Ивана, «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). — За этимъ, послѣ втораго подвига, въ рукописи замѣчательнѣйшее мѣсто. Саломонъ съ гостями ушелъ; старикъ вспоминаетъ про сына — передъ концемъ его подвиговъ — и распрашиваетъ; оказывается, что подвиги его представлялись Смертію, странствованіе схожденіемъ въ Землю, во Гробъ. Но это ложь: Саломонъ живъ, онъ не торжествуетъ потому лишь, что еще «не пора;» въ эпическомъ разсказѣ подвиги его облекаются тѣмъ предлогомъ, что ему нужно еще торговать и расторговаться. «И гости (въ) велицѣй чести пошли со царева двора, и царь отпустилъ гостей за море съ великою честью. А послѣ гостей помыслилъ во умѣ своемъ про сына своего Соломана, и послалъ царь по царству искати. И рече царицѣ: «Былъ у насъ сынишко Соломанецъ: гдѣ еси (есть) онъ?» И царица рече царю Давиду: — Сынъ нашъ Соломанъ Премудры мертвъ бысть. — И царь Давидъ рече: «Гдѣ похороненъ бысть? Спросите молебницы (вѣроятно въ «часовняхъ;» или «жрецовъ?»), изкаменіе (изваяніе) надъ нимъ есть ли? Поставленъ ли Крестъ Господень (послѣднимъ сочинитель позднѣйшій хотѣлъ объяснить изваяніе)?» «И царицына ложь есть: Соломанъ живъ и

емлетъ у гостей великъ даръ, и пошелъ за море торговать зъ гостьми, а самъ думаетъ: «Еще мнѣ не пора на степень царству сѣсть.» Еще торговать пошелъ по заморью.»

Теперь слѣдуетъ третій подвигъ: онъ въ разсказѣ соединенъ съ исторіею матери, но мы его выдѣлимъ. Повѣсть съ пропусками и повтореніями, сущность однакоже видна: Саломонъ привозитъ съ собою къ отцу извѣстный намъ «драгоцѣнный Камень,» имъ рѣшаетъ дѣло, имъ открывается. Подвигъ этотъ представляется также рѣшеніемъ загадки, ибо Давидъ задаетъ ее: «Есть ли у васъ такая драгоцѣнность, чтобы свѣтила какъ свѣча?» Саломонъ и представилъ такой камень. При этомъ онъ держитъ передъ царемъ опять извѣстную намъ «Скляницу съ Виномъ» и потомъ разбиваетъ ее: сравните Агрикова сына передъ царемъ Амиромъ со скляницею пойла, а также, когда Никола идетъ на спасеніе корабельщиковъ и роняетъ изъ рукъ чашу на пиру боговъ («Кал. Перех.,» вып. 3). Скляница эта, чаша, послѣдняя ступень въ подвигахъ Саломона: послѣ того онъ провозглашаетъ побѣду надъ старикомъ, своею Силою и Премудростію, открывается, примиряется и садится на Царство. Но рукопись, съ которой излагаемъ мы, въ этомъ мѣстѣ крайне испорчена и съ пропусками. Вотъ какъ въ ней читаемъ: «И приде Соломанъ къ отцу своему царю Давиду во царство зъ гостьми (въ) велицѣй славѣ, силенъ и богатъ зѣло, и пришелъ, кораблемъ сталъ близъ царства царя Давида съ великими товарами. И царь Давидъ принялъ дары съ великою честью и противъ даръ воздалъ (отдарилъ), и честь велію Соломану воздалъ. (Послѣ этого разсказывается, что Саломонъ вернулся отъ царя на корабль, взялъ оттуда Камень, и теперь является уже на царскомъ пиру, съ Камнемъ и со Скляницею вина въ рукѣ; это явленіе Геракла и Діониса на Олимпъ:) «И пошелъ къ царю Давиду, и царь Давыдъ за столомъ сидитъ зъ гостьми-заморянами. И рече гостимъ царь Давидъ: «Гости-заморяне! Есть ли у васъ такое узорочье (драгоцѣнность), кои свѣтитъ свѣщу (которое свѣтило бы какъ свѣча)?» И царь Соломанъ, предъ царемъ стоя, скляницу съ виномъ держитъ предъ царемъ. И царь Соломанъ всталъ за столомъ (изъ за стола *), молвилъ: — Государь царь

---

*) Все это мѣсто крайне испорчено въ рукописи, вслѣдствіе того, что слиты многіе слои изъ разнообразныхъ отрывковъ эпоса. Во первыхъ, Саломонъ держитъ Скляницу съ Виномъ передъ царемъ и ею конечно достигаетъ торжества: такъ, мы помянули, держалъ ее спасшійся сынъ Агриковъ; такъ держитъ Никола и роняетъ, идя на спасеніе

Давидъ! Не роженая вещь ученая, не... царь (это испорченное мѣсто слѣдуетъ дополнить въ смыслѣ и исправить выше приведенными словами Акура: «нероженъ—не сынъ,» и проч.).—И рече Соломанъ царю Давиду: — Дай мнѣ сроку не на большое время: будетъ не отгадаю тое загадки (т. е. о вещи, которая замѣнила бы свѣчу), и ты вели съ меня голову снять острымъ мечемъ по могучіе плеча.— И царь Давидъ далъ сроку. И въ таковъ же (тотъ же) день пріиде Соломанъ къ царю Давиду и принесе вещь царю. И въ полстола царь Давидъ рече гостямъ - заморянамъ: «Есть ли у васъ узорочье и такая вещь?» И Соломанъ всталъ изъ за стола, пустилъ изъ рукава мышь, и мышь по столу потекла, и огонь погасила, и свѣщу, и потѣху цареву (мышь всегда сопоставляется съ кошкою, — по извѣстному сказанію онѣ вмѣстѣ являются въ ковчегѣ; ср. какъ кошка въ Египтѣ скусила голову пѣтуху, погасила солнце, въ поэмѣ объ Акурѣ). И Соломанъ Премудрый ухватилъ своего звѣря мышь, да опять въ рукавъ посадилъ; и.... погасилъ свѣщу, и скляницу разбилъ.» Такимъ образомъ сдѣлался мракъ: тутъ-то Саломонъ вынулъ свой камень, который и освѣтилъ все. Мышь, помогшая явиться Камню, помогаетъ торжеству и по нашимъ сказкамъ; это то же, сказали мы, что выше приведенный Котъ, стражь блестящей Жаръ-птицы, соблазнившій Царевну прійти на корабль за Камнемъ. Теперь слѣдуетъ торжество героя. «И Соломонъ Премудры всталъ и бьетъ челомъ царю Давиду: «Царь, глава моя, Премудрость есть силовата, супротивъ тебя доспѣлъ (дополнить это испорченное мѣсто можно различно: «Царь, глава моя! Премудрость сильна, я побѣдилъ тебя!» Или: «Царь, глава моя премудра и сильна, я премудръ и силенъ, премудростію и силою я побѣдилъ тебя!»)!...» И бьетъ челомъ царю Давиду: «Государь царь! Ты еси мой батюшько, а язъ твой сынишко Соломанецъ.» И царь Давидъ

корабельщиковъ; такъ въ Кіевскомъ творчествѣ пропадаетъ чара, спрятанная къ Потыку прелюбодѣйною Апраксіей, которую мы еще увидимъ; наконецъ также Апраксія порѣзала руку, заглядѣвшись на любимца, или выронила ножъ.—Совсѣмъ другой образъ эпоса,— Саломонъ за столомъ съ гостями и, на предложенную загадку, приноситъ Камень, дѣлаетъ тьму, вынимаетъ камень и все освѣщаетъ: это образъ самого героя, прошедшаго чрезъ труды къ торжеству славы. Въ рукописи это сбито и напечатано г. Пыпинымъ въ «Пам. стар. Р. литер.» такъ (съ ошибочною разстановкою знаковъ): «И рече гостямъ царь Давидъ: «Гости заморяне, есть ли у васъ такое узорочье, кои, предъ царемъ стоя, свѣтитъ свѣщу и скляницу съ виномъ держатъ предъ царемъ?» — И царь Соломанъ всталъ за столомъ,» и проч.

бысть въ велицѣй радости. И расирашивалъ царь Давидъ Соломана: — Гдѣ ты, чадо мое, погулялъ и откуды красота твоя просіяла? — И Соломанъ раскажетъ все по ряду, како надъ нимъ что было. И рече царь Давидъ: — Чадо мое, Соломане! Пора бо еси (есть) тебѣ у меня на царство приняти (npiiти). — И сажаетъ царь Давидъ на свое царство сына своего Соломана.»

II. Обличеніе матери. Она перерождается въ жену Саломона. Появленіе половины Саломоновой, жены его.

Въ разсказъ о томъ же третьемъ подвигѣ Саломона, послѣ коего онъ торжествуетъ, вставлена повѣсть о Матери его. Мать должна быть обличена наглядныиъ, творческимъ образомъ. Она должна переродиться въ Жену, какъ у боговъ первая богиня во вторую: это должно выразиться Прелюбодѣяніемъ ея отъ старика - мужа и обращеніемъ къ Юношѣ. Юношу она ждетъ и манитъ къ себѣ издалека: онъ приходитъ изъ дальнихъ странъ, со средствами побѣды — Кораблемъ, драгоцѣннымъ Камнемъ, виноградомъ и виномъ. Разсказъ соединяетъ въ себѣ всѣ прежде показанные нами образы Елены, Семи Семіоновъ, похищенія дѣвицъ на корабль, и проч. Изъ Кіевскаго творчества точь въ точь отвѣчаетъ повѣсть объ Апраксѣвнѣ, захотѣвшей грѣха съ пришельцемъ - странникомъ Потыкомъ. Но ея мерзость обличена. Первая женщина, смѣшавшая сына съ любовникомъ-юношей, сходитъ со сцены и уступаетъ мѣсто второй, настоящей женѣ. Въ эпосѣ это событіе выражается примиреніемъ съ Матерью и Женидьбой. Вотъ одинъ изъ сихъ разсказовъ по рукописи: явившись къ Давиду въ третій разъ, «и приде Соломанъ на свой корабль, и въ то время пришли дѣвицы на потѣху заморскаго товару смотрить. И Соломанъ учалъ дѣвицъ на кораблѣ виноградомъ кормить и медомъ поить, и показалъ Соломанъ на кораблѣ три самоцвѣтныхъ камышковъ, которые вмѣсто свѣщи горятъ во дни и въ нощи: и дѣвицы изумѣлись, смотря на самоцвѣтное каменіе и на Саломанову красоту и мудрость. И пошли къ Царицѣ и сказали про Саломаново самоцвѣтное каменіе. И Царица по него послала скоро посланниковъ, и пришли посланники на корабль, и рече: «« поди, Соломанъ, къ Царицѣ: Ца-

рица тебя зоветъ къ себѣ.»» Поди (пошелъ) Соломанъ къ Царицѣ скоро на дворъ, и бьетъ челомъ Царицѣ, и даръ подаетъ царской. И Царица спросила: «Есть у тебя самоцвѣтное каменіе?» И Соломанъ рече: —Есть у меня, Царица, самоцвѣтное драгое каменіе, что свѣтъ въ полатѣ льетъ.—И Царица рече: «Перепусти (уступи) мнѣ самоцвѣтной камень.» И Соломанъ рече: — Тотъ камень нести мнѣ къ царю Давиду въ поминокъ, а другой камень дати въ приданые, а третей камень держать про себя, на кораблѣ свѣтить.— И Царица рече: «Что ты говоришь, Соломанъ, въ приданые дать самоцвѣтной камень?» И Соломанъ рече: —Кто со мною пребудетъ, тому и дамъ. — И Царица рече: «Пребуду съ тобою, гость-заморянинъ.» И Соломанъ рече:—Дай мнѣ сроку: царю Давиду камень отдамъ, и давши дары, и тебѣ принесу другой камень, и съ тобою пребуду.—» Этотъ разсказъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, какъ послѣ въ Кіевскомъ творчествѣ Апраксѣвна засылала Алешу звать къ себѣ Потыка и соблазняла сего послѣдняго (вспомните того же посредника и вора, Алешу при Данилѣ Безсчастномъ). За тѣмъ въ рукописи вступаетъ помянутый эпизодъ о чарѣ, извѣстной въ дѣлѣ Потыка, и камнѣ, который Потыковы товарищи для освѣщенія носили съ собою. Послѣ сего эпизода продолжается: «И поиде съ царева двора въ велицѣй чести. И узрила его Царица и прислала по него: «Буди ко мнѣ скоро и принеси каменіе самоцвѣтно.» И Соломанъ поиде къ Царицѣ и принесе самоцвѣтной камень и подастъ Царицѣ. И освѣти тотъ камень драгой всее полату, и скоро свѣщи погасиша во всей полатѣ. И Царица рече гостю: «Сей мой камень, и ты иди вскорѣ ко кровати царской и ляги со мною, Царицею, подъ царевымъ одѣяломъ, на царевѣ постелѣ....» Легли съ Царицею Соломанъ: «ничего съ Царицею не говоритъ и не подвинется къ Царицѣ. И рече Царица: «О чемъ, гость-заморянинъ, молчишь и не подвинешься ко мнѣ?» И Соломанъ рече: —Страшуся есми царевы постели.—И Царица одѣяло взяша (приняла прочь), его за руку (взяла) и положила его руку на свои перьси и на груди свои, и промолвила Царица: «Что есть?» И Соломанъ рече:—Тѣмъ есми кормленъ.—И подвинула Царица руку его по бѣлому своему чреву, а сама рече: «Ето что?» И Соломанъ рече:—А то мои каменные полаты и терема, въ томъ есми опочилъ. — И подвинула Царица руку его на свой срамъ и рече: «Что ето?» И Соломанъ рече: — Оттуду есми вышелъ и свѣтъ

Божій увидѣлъ (это все з а г а д к и съ обѣихъ сторонъ). — И Царица рече: «О, безумный человѣче! кто еси ты, и что за человѣкъ, и коего роду сынъ? глупъ ли ты есть, или премудръ?» И скочилъ Соломанъ со царской кровати и падѣ предъ Царицею на колѣни свои и заплакалъ: — Государыни мати моя! Язъ сынишко твой Соломанецъ. Коли язъ былъ осми лѣтъ, и въ тѣ поры вѣсилъ я песье г.... съ женскимъ умомъ, и ты, мати моя, изволила спросить, что вѣсишь, и я также рече: — вѣшу песье г.... съ женскимъ умомъ; — и ты на меня воскручинилась и велѣла дяткѣ Ичькалу моему къ морю итти, изъ меня сердце вынять, и велѣла сердце къ себѣ живо принесть, и «я, де, сердце Соломаново съѣмъ;» дятка мой Ичькалъ вынялъ изо пса сердце живаго, принесъ къ тебѣ, и ты его, спекши, съѣла, а тѣло мое велѣла въ море кинуть. И дятка Ичькалъ твоего повелѣнія не сотворилъ, и меня на корабль отдалъ гостямъ-заморяномъ. Также у всякой бабы волосы долги, а умъ коротокъ! — И поклонися Соломанъ матери своей до земли, и шедъ къ царю Давиду,» за симъ помянутое водвореніе на царствѣ. —

Другой разсказъ рукописей передаетъ намъ, что Соломонъ, утвердившись на царствѣ, идетъ въ дальную страну. Старикъ отецъ уже умеръ. Наслѣдникъ его уходитъ, оставляетъ мать, какъ Озирисъ Изиду, съ своими вѣрными слугами и посредниками. Онъ дѣйствуетъ въ И н д і и или П е р с и д ѣ. Въ отсутствіе его представляется С м е р т ь ю, таковъ — въ вѣсть — слухъ. Мать долго плачетъ, потомъ склоняется къ любодѣянію, зоветъ къ себѣ пришельца изъ далека, чуждаго царя: прибывшій есть врагъ Соломона, имъ послѣ обличаемый, или же самъ Соломонъ, вступающій въ союзъ съ матерью, — наши легенды о «Кровосмѣсителѣ,» исторія «Эдипа,» и т. д. Конецъ, разумѣется, одинаковъ съ предыдущимъ. «Соломанъ же, хотя показати премудрость свою предъ великими царьми, и пошедъ царь Соломанъ съ философы своими (будто Александръ) во страну далкую, ко царю И н д ѣ й с к о м у, во царствѣ же своемъ остави матерь свою съ бояры своими и со слугами. Умѣшкавъ же во Индѣи лѣта многа у ц а р я И н д ѣ й с к а г о, потомъ преслыся (прошелъ слухъ) во Іерусалимѣ, яко у м е р ъ Соломанъ у царя Индѣйскаго. Слышавъ же то мати его, и бояре, и вси домашніи его, яко умеръ Соломанъ, и плакашеся (плакашася) велми, и вси Еросалимляне тужиша, поминаючи его великую м у д р о с т ь, и много лѣтъ вси плакашеся. И минувшимъ лѣтомъ многимъ, уже не

нечаевшимся его жива быти (когда уже не надѣялись, что онъ живъ), мати его ужь забыла, и тѣшась со иными людьми любимыми его (оставшимися довѣренными лицами Саломона), а о сынѣ своемъ Соломонѣ никакожъ помышляше (дѣло представляется изм-ною), понеже млада и лѣта (лѣты, молода лѣтами; переходъ изъ старой въ юную), всегда веселящеся, играше съ боляры своими и вельможи великими потѣхами разными, пищали моавитскими, и цымбалы (кимвалы), и прегудники, и дѣвицъ красныхъ плясаніемъ, и честнымъ яденіемъ, и меды сладкими (ср. выше при Діонисѣ Упоеніе, Аріадну, переходившую къ Ѳесею), а о Соломанѣ и памяти ребли: умеръ (календарныя записки, поминанья вписали уже имя умершаго Саломона; по нынѣшнему: «и памятовъ нѣтъ»). Да потомъ же мати Соломанова помысли итти за мужъ, хотя приняти къ себѣ царя изъ Персиды, а ни въ очи его видѣше (и въ глаза его не видывала; ср. Вавилонянокъ, предававшихся чужому пришельцу — юному богу — безъ разбора). Послаше къ нему послы своя и гостинцы многія, и написа на листу своемъ сице: «Слышахъ, царю, что ты жены не имѣешь у себя; и ты пріиди сѣмо ко мнѣ и къ славному великому граду Еросалиму, кой стоитъ среди велик... свѣта, а тамо свою украйну прикажи иному царю; да пришедъ поими мя и возми царство сына моего Соломана, и многими грады обладаешь, а мнѣ будешь государь, а имѣнія у меня, злата и сребра, много, а каменія и бисера многоцѣннаго толико много, елико у себя не имѣешь (ср. посланіе прелюбодѣйной матери Бовы къ чужому царю).» О послѣдствіяхъ мы говорили.

Такъ мать Саломона перешла въ любовницу, невѣсту, жену: съ тѣхъ поръ она исчезаетъ изъ сказаній, а дѣйствуетъ невѣста или жена Саломона. Саломонъ доселѣ слагался, шелъ или дѣйствовалъ такъ сказать до себя, а теперь уже выступаетъ и дѣйствуетъ отъ себя, отъ своего сложившагося существа. Что доселѣ совершалось на немъ самомъ, то же выражаетъ онъ теперь въ сношеніяхъ съ другими. Онъ самъ не только двоится на себя и женскую половину; но и образуетъ вокругъ сферу родства, сношенія съ сосѣдями, сношенія международныя. Являются его странствованія, въ которыхъ шествуетъ онъ какъ побѣдитель и царь, съ многочисленнымъ войскомъ, со свитою и т. п. Впрочемъ и здѣсь все еще продолжается борьба, съ тѣмъ только отличіемъ, что

всегда кончается *торжествомъ* и *побѣдою*. И борьба, и побѣда выражаются двумя главными образами: отношеніемъ къ *женщинамъ* и разгадкою *загадокъ*, или же такою задачею ихъ, которая ставитъ враговъ въ тупикъ. Женщинъ герой или обольщаетъ *замужнихъ*, являясь здѣсь юношей, который караетъ враждебныя страны, устарѣвшихъ, мрачныхъ или черныхъ враговъ; или, побѣждая ихъ, какъ знамя побѣды беретъ оттуда *дѣву*, себѣ *невѣсту*; или ее *приводитъ* оттуда *честью*; или наконецъ *похищаетъ* сидя въ Ерусалимѣ.

III. Любовница, невѣста, жена Салонона. Странствованія за ними, подвиги изъ за нихъ, загадки и разгадки на этомъ пути.

Когда Саломонъ сѣлъ на царство, обличилъ прелюбодѣйную мать и послѣ примирился съ нею, одна изъ рукописей продолжаетъ: «Царь же Давидъ, препуста многія лѣта, и говоритъ: — Сынъ мой возлюбленный, царю Соломане! Пора бо (бы) тебѣ *женитися*. — И царь Соломанъ, по повелѣнію отца своего царя Давида, выбиралъ во многихъ царствахъ себѣ *Царицу*, и выбралъ по обычью своему (ровню себѣ, по нраву, подходящую), велми *красну* и *премудру*, и *женился*.» Эти простыя и кратнія слова заключаютъ въ себѣ сокращенно все то, что развивается далѣе во множествѣ слѣдующихъ подробностей.

Во первыхъ, мы знаемъ, что за прелюбодѣяніемъ первой богини и появленіемъ второй, дѣвы, начинаетъ представляться, что старѣющій богъ вступаетъ съ послѣднею въ незаконныя отношенія, на примѣръ *похищаетъ* ее или *скрываетъ*, какъ Аидъ Персефону, или вступаетъ здѣсь въ борьбу съ юнымъ богомъ, ищущимъ той же невѣсты, или покушается на нее какъ жену сына, сноху, — явленіе, которое засталъ еще Несторъ въ быту Русскихъ Славянъ, особенно у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, — «срамословье въ нихъ предъ отьцы и предъ снохами,» — чему противуполагалъ у Полянъ «стыдѣнье къ снохамъ своимъ;» любопытно, что у потомковъ этихъ племенныхъ вѣтвей, особенно Вятичей, это явленіе «снохачей» длится доселѣ. Намекъ на то же самое встрѣчаемъ и въ древнѣйшей Славянской поэмѣ, о которой идетъ рѣчь: «И женясь царь Соломанъ, и привезе царицу свою ко отцу своему царю Давиду. Царь же Да-

видъ скрылъ царицу, сноху свою.» Когда и это должно было устраниться смертью отца, тогда явленіе имѣло повториться на новый ладъ: жена, вышедшая изъ этой невѣсты, должна была предаться старому, злому началу, теперь побѣжденному, удаленному,— такъ она послѣ и поступила. Устарѣлое, антиквированное начало, за смертью отца и матери Саломона, при распространеніи сферы изъ семьи на сторону и окрестные народы, представлялось враждебнымъ краемъ, далекимъ и чуждымъ народомъ, тамошнимъ врагомъ-царемъ. Въ настоящемъ случаѣ это Поръ, царь далекой Индіи. Предъ смертію Давидъ оставляетъ сыну пророчество, что жена его будетъ похищена Поромъ, въ отмщеніе за какую-то обиду,—за какую, увидимъ ниже. «И рече сыну своему, царю Соломону:—Сыне мой Соломане! Царица жена твоя, а моя сноха, вельми есть прекрасна и лѣпа, выбралъ еси по себѣ. И въ нѣкое лѣто свѣдаетъ царь Поръ, что ты, царь Соломанъ, женатъ, и онъ тебѣ отсмѣется.» Какъ и за что это сталось, сейчасъ увидимъ.

Теперь изложимъ Странствованія Саломона, съ ихъ отличіями, выше означенными. Частію мы уже поминали ихъ: такъ въ третій свой подвигъ Саломонъ пришелъ къ Давиду съ торговыми гостями «силенъ и богатъ зело, на кораблѣ, съ великими товарами,» добытыми въ разныхъ земляхъ. Потомъ ходилъ въ «царство Индѣйское» или явился домой изъ Персиды.—Тотчасъ по воцареніи его, рукопись прибавляетъ: «И принявъ царь Соломанъ у отца своего царя Давида (царство), и поѣде царь Соломанъ со многимъ войскомъ по инымъ странамъ, и приклонись (то же, что «приклонишась,» древняя форма, сходная съ повелительною, ср. въ Сл. о П. И. «понизить стязи свои, вонзить свои мечи,»—понизьте, вонзите) ему многіе цари и князи, и даютъ царю Соломану велики выходы и(съ, зъ) своихъ царствъ. И царь Соломанъ многихъ царей подъ своею рукою имѣлъ.»—Далѣе, когда позна его женилъ, тутъ же узнаемъ о предшествующемъ похожденіи Саломона, какъ онъ былъ въ «царствѣ Пора,» соблазнилъ его царицу и знакомъ того держалъ перстень съ ея руки,—одно изъ посредствъ, играющихъ потомъ видную роль: «И женясь царь Соломанъ послалъ посланіе ко царю въ дарѣхъ, въ царство (Порово), перстень, и отписалъ царь Соломанъ:—Въ прошломъ, де, лѣтѣ былъ я въ твоемъ царствѣ, и съ царицею твоею пребылъ, и перстень съ правыя руки снялъ золотой любимой.—И послалъ тотъ перстень къ

царю въ дарѣхъ, и царь Поръ почаленъ бысть». Ниже, въ отношеніи Пора, увидимъ повтореніе того, какъ поступилъ съ нимъ прежде и самъ Саломонъ.—Въ особенности есть нѣсколько сказаній о его странствованіи у Фараона, т. е. въ Египтѣ, откуда онъ добывалъ себѣ невѣсту: «По отцѣ же поча Соломанъ царствовати во Іерусалимѣ. Прославися же царь Соломонъ своею мудростію по всему свѣту, и начаша за него сватати многіе цари и царицы. И тогда царь Соломанъ по многимъ землямъ царствовалъ (ошибка вмѣсто «странствовалъ») со слугами своими, философствуя предъ цари и царицами многими (ср. Саломона Ѳракійскаго, Пиѳагора и прочихъ). Нѣкогда же пришедшу ему за Чермное море, тогда услыша царь Фараонъ, что градетъ ко граду его царь Соломанъ, и пришедши (пришедшу) ему ко граду Египту, и начатъ его царь Фараонъ звати его къ себѣ на обѣды и на чашу. И Соломанъ царь пріиде къ нему съ великими дары, и шедшу ему съ Фараономъ, и царь Фараонъ нача ему глаголати: «Премудрый царю Соломане! Всюду еси славенъ и мнѣ еси велми милъ: поими у меня дщерь мою и ты будеши ми зять.» Соломанъ же обѣщася тако сотворити: царь Фараонъ одари его многими дары и отпусти его ко Іерусалиму.» За этимъ непосредственно появляется въ Ерусалимѣ къ Саломону «нѣкая царица съ Юга,» т. е. невѣста изъ Египта, дочь Фараонова, передѣланная послѣ въ особую Еѳіопскую, Савскую (Арабскую) или просто Южскую царицу, которую увидимъ мы ниже.—Изъ нѣкоторыхъ отрывковъ видно, что Саломонъ достигъ побѣды у тестя Фараона хитрыми загадками, на примѣръ: «Царю Египетскому рече:—Тестю мой! Аще тебѣ изъ (ословъ, войско?) не въ чемъ положити, своихъ мертвыхъ погрести, и азъ имъ повелѣлъ всѣмъ саваны пошить, а ты ихъ у себя погреби.—И слышавъ же сіе (сія) Фараонъ, и подивися Премудрости Соломоновѣ.»—Другой разсказъ согласенъ съ Библейскимъ, историческимъ, какъ Саломонъ «бѣ жены любя зѣло, и поятъ жены чужая, и дщерь Фараоню,» Моавитянку, Аммонитянку, Идумеянку, Сиріянку (Сурянину), Хеттеянку, Аморреянку, «отъ языкъ.» Перечисленіе его «вдовицъ и хотей» совпадаетъ съ такимъ же разсказомъ про нашего Владиміра и объясняетъ, почему при семъ послѣднемъ является прелюбодѣйная Апраксѣвна, совершенно тождественная по происхожденію и нѣкоторымъ образамъ эпоса съ женою Саломона.—Наконецъ, какъ

IV. Царица Южская и продолженіе ея — Суды Саломона. Китоврасъ и его дѣятельность въ связи съ Саломономъ.

а) «И возвеличися царь Саломонъ паче всѣхъ царь земныхъ, и умножашеся мудростью своею, и богатствомъ, и смысломъ, и вси цари земстіи и вся вселенная взыскаша видѣтъ лица его, и слышатъ смыслъ его, и послушатъ премудрости его, юже дарова ему Богъ въ срдци его, и ти приношахуть ему кождо дары своя, сосуды златыя и сребреныя, и порты, и оружія, и зелье (благовонія), и ризы бѣлены, и пріюдѣнія многа, и кони, и искы.»

Сообразно тому въ слѣдъ за прибытіемъ невѣсты Саломона изъ Египта, рукописи выводятъ особое лицо (по сущности тождественное съ нею), приходящую издалека Царицу, подъ разными именами (ср. выше). Она сначала является чисто-миѳологическимъ лицомъ, мало по малу пріобрѣтая постановку внѣшнюю, историческую. На примѣръ. «И бысть Царица Южская, иноплеменница, именемъ Малкатьшка. Ся приде искусить Соломонъ гадками, и та бѣ мудра зело, и принесе ему дары 20 капій злата и зелья много велми, и древеса не гніющая (эти дары, сдѣлавшіеся теперь дарами посольствъ и пересылавшихся народовъ, были нѣкогда, мы видѣли, средствами миѳологическихъ переходовъ). Слышавъ же Соломонъ пришедшю царицю, сѣде на полатахъ стекла бѣлого (такъ что отражался какъ въ водѣ), хотя бо искусити ю. Она же видѣ(вщи), яко въ водѣ сѣдитъ царь, воздья порты противу ему (подняла передъ лицемъ его платье, какъ будто сходила въ воду): онъ же видѣвъ, яко красна есть лицемъ (хороша собой), тѣло же ей власято бысть яко щеть (щетина), власы же онѣми она обладаше мужи бывающа съ нею (прельщала и держала во власти мужей, съ ней соединявшихся).» Саломонъ велѣлъ своимъ «мудрецамъ» составить снадобье, помазать тѣло ея, и волосы опали. Рукопись прибавляетъ: «Хитреци же и книжници молвяхуть, яко совокупляетсе съ нею (Саломонъ): зачедши же отъ него, и иде въ землю свою, и роди сынъ, и се бысть Навходоносоръ.» Загадавши загадки, кои приведемъ ниже, и получивши разрѣшенія на нихъ или въ отпоръ загадки другія, она подивилась премудрости, прославила ее, ублажила подданныхъ Саломона и вернулась, но, какъ мы видѣли, съ приплодомъ: «царь же Соломонъ

ела царица оной имя Малкатошва (иначе еще Малкатькина), и все, еже просила, и иде въ землю свою со отроки своими (имя Малкат- не есть ли передѣлка Мелехкарт-, Мелкарт-?).» — Или иначе: «И Царица Савска, иноплеменница, слышавши имя Господне и имя Соломоне, прииде въ Іерусалимъ съ силою тяжкою зело, искусити Соломона всяко и на велблудехъ привезе одежъ и злата много зело. И вниде къ Соломону и глагола ему все, елико имѣ на срдци си. И возвѣсти ей Соломонъ вся глаголы ея, и не бѣ слова ни единого, еже тонзе (ускользнуло, избѣгло) отъ царя, его же не возвѣсти ей.» И прочее. — Или еще: «И пришедшу ему, царю Соломану, на свое отечество (изъ Египта, послѣ того какъ обѣщалъ жениться на дочери Фараона), сѣдшу на свой царской престолъ, и поча царствовати. Малу жь времени минувшу, пріиде къ нему нѣкоя Царица отъ Юга съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: «Повѣждь ми, Царица, которыхъ звѣрей, или скота, или птицъ мяса хощешь ясти, да повелю ти доспѣти (чтобы велѣть тебѣ приготовить)?» Царица же рече: — Отъ тѣхъ звѣрей доспѣй ми потребу (жертву, кушанье), что пами летаютъ межъ неба и земли, костеныя крылѣ имѣютъ, на небо не взираютъ, гласа не имѣютъ. — Соломанъ же поразумѣвъ, что Царица хощетъ осетрины ясть, тогда Соломанъ повелѣ поваромъ своимъ осетрины доспѣти;» и проч. (ср. выше, въ Голубиной Книгѣ, переходъ отъ Кита, бывшаго въ зубахъ у Птицы, къ осетру). Рукопись, изъ которой привели мы это послѣднее сказаніе, особенно любопытна изложеніемъ, и потому къ ея показаніямъ присоединимъ мы и прочія загадки Царицы. Вообще надо замѣтить, что она въ рукописяхъ безпрестанно то приходитъ къ Саломону, то, получивши рѣшенія, снова возвращается на родину и шлетъ уже оттуда посредниковъ, замѣняющихъ роль ея самой. Они называются философы, мудрецы, хитрицы, даже книжницы: загадки то отъ лица ихъ, то отъ лица царицы; и разгадки то отъ лица Соломона, то отъ такихъ же лицъ, при немъ состоявшихъ. Причиною такого двойства извѣстное намъ явленіе: то Царица или Саломонъ представляются посредниками, между своимъ и чужимъ народомъ, какъ третье лицо или начало, то представляются сами на морню у своихъ народовъ; а для международной борьбы высылаютъ третьихъ, особыхъ посредниковъ. Перечтемъ загадки и разгадки, выражавшія эту борьбу. «Царица же (нѣкоя, отъ Юга) втай повелѣ порядити молодцы, и дѣвицы красные остричи и въ му-

жескія порты (одежды) облещи, и постави пред царем Соломаном (ср. выше волосы на самой царицѣ и ихъ уничтоженіе; все это обозначало или реакцію въ женщинѣ, возникновеніе мужескаго начала, амазонство, свойство поляницы, или потомъ, по разрѣшеніи, переходъ къ полной женственности, а вмѣстѣ строгое различеніе между мужескимъ и женскимъ началомъ). И рече: — Повѣдай ми, Соломане, которы полкъ молодцы, а которые дѣвицы (эту задачу, «различить виды бытія,» весьма часто задаютъ въ Сказкахъ враги и нашему Ивану)? — Тогда Соломанъ повелѣ слугамъ своимъ принести орѣховъ и предъ ними посыпать, и повелѣ имъ грабити (подбирать). И начаша молодцы по своему чину орѣхи грабить и въ карнавы (карманы) своя кладуща (ще), дѣвицы же начаша грабити и въ рукавъ сыпать: тогда Соломанъ разумѣ, кое молодцы и кое дѣвицы, и все царицѣ разсуди (въ эпосѣ Южныхъ Славянъ этотъ пріемъ для различенія мужчины отъ женщины встрѣчаемъ совершенно въ томъ же видѣ, ср. наше изданіе «Болгарскихъ Пѣсень»).» Въ другой рукописи Южская Царица дѣлаетъ те же самое, Соломонъ просыпаетъ «овощь,» отроки берутъ въ «припозы,» дѣвицы въ рукава; потомъ она предложила узнать изъ цѣлой толпы отроковъ обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ: «царь же повелѣ архіереови внести вѣнецъ святый, на немъ же бѣ написано слово Господне, имъ же Валамъ влъхвъ уничиженъ отъ влъхвованія (ср. ниже укрощеніе Китовраса этимъ же вѣнцемъ): отрочата же обрѣзанная сташа, а не обрѣзанныя (читай на оборотъ) припадоша предъ вѣнцемъ.» — Далѣе: «Пришедши же ей во свое царство, и нача мыслити съ философы своими, кого послати ко Соломану и что глаголати? И посла Царица слугу своего, рекше; — Пришли, Соломане, бѣснаго съ бѣсным, а умнаго съ умнымъ. — Соломонъ же той (тое) разумѣвъ, посла ей вина съ скоморохомъ, а философа съ книгами (ср. посредничество бѣсовъ въ похищеніи Царевны или Царицы, а также, какъ ее похищаютъ посредствомъ вина, на примѣръ жену Салонона на кораблѣ; побѣда рѣшеніемъ загадки была то же самое, что это торжество надъ женщиной черезъ бѣса и вино; въ исторіи подобныя посредничества замѣнены книгами — письмами, хитрость бѣсовская мудростью человѣческой; потому Премудрый Саломонъ и является разрѣшителемъ всего этого Гордіева узла, обставленный философами, мудрецами, книжниками и т. п.). — Потомъ: «И призва ю Соломанъ къ себѣ, и priде

тогда Царица, и возва ю за обѣдъ. Отшедшу же обѣду, царь Соломанъ сѣдяше съ боляры своими и философы, Царица же противъ сѣдяху со своими философы; и хотяше искусити Соломана, и рече: — Что есть четыре статьи (то же, что «стихіи») — сухо, горече (горячее), мокро, студено, имиже весь міръ состоится? — Отвѣщавъ Соломанъ: «Сухо — весна, горяще — лѣто, мокро — осень, студено — зима (въ нашихъ Сказкахъ задаетъ эту загадку Ивану Морской Царь, заставляя проходить переходы отъ раскаленной чугунной печи до замерзшихъ сосулекъ; «Зап.» къ 4-му вып. Кир.). » — «И рече Царица: — Аще соль изгніетъ, то чѣмъ ея пособить, дабы не изгнила? — Соломанъ же рече: «Рогомъ коневымъ.» Она же рече: — А коли у коня рогъ живетъ (когда же бываетъ)? — Соломанъ рече: «А коли соль тліетъ?» — «Царица же рече: — А коли мертвецъ восплачется, чѣмъ его утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: «Мгляное (изъ мглы, мрака) яицо дати ему.» Она же рече: — Како можешь во мглѣ яицо сдѣлать? — Соломонъ рече: «А коли мертвецъ плачетъ?» — «Царица рече: — А коли (нива) воростетъ ножи (ножами), чѣмъ ю пожать? — «Со всего свѣта собрать росу и въ томъ сшитъ рукавицы, тѣмъ ю пожати.» — Како можетъ (ихъ) въ росѣ рукавицы сшить? — «А коли выростаетъ нива ножи?» Въ другой рукописи возраженіе Саломона — пожать «рогомъ осляимъ.» — «Царица рече: — Аще наполнитца море воды, куды потекутъ рѣки? — «На небо тещи.» — Како можетъ вода на небо тещи? — «А коли наполнитца море можетъ?» — «Царица: — Есть въ земли нашей кладезь велми чюденъ самороденъ и далече отъ града нашего стоитъ: чѣмъ его приближати? — «Ужищемъ (веревкою) песчанымъ привести его ко граду.» Въ другой рукописи предлагается сплесть веревку изъ «отрубей (ср. выше Акура).» — Наконецъ Царица задаетъ подобныя загадки: — Что есть не гніющее на земли? — «Душа человѣческая.» — Что лутче всего на семъ свѣтѣ? — «Правда.» — Кому подобна милость Божія? — «Солнце сіяетъ на злыхъ и на благія, тако же и Богъ милуетъ праведныя и грѣшныя.» Здѣсь загадки и разгадки выражаютъ то же самое, что выражалось самимъ миѳомъ Саломона, лицемъ его, дѣятельностью, то же, что выражалъ у Ѳракіянъ богъ ихъ и такъ называемый Салмоксь — Саломонъ, то же, чему онъ училъ ихъ. Такъ убѣждаемся въ положеніи, которое высказывали не разъ: самое событіе сознанія, выражавшееся послѣ въ жизни и исторіи, было для язычества загадкою, и потомъ уже, черезъ миѳъ

и эпосъ, переходило въ загадку словесную, какъ форму творчества: рѣшеніе загадки, рѣшитель проходили тотъ же путь.

б) Съ этой же точки зрѣнія, какъ говорили мы выше, Судъ или Суды относятся въ древности къ одной области съ загадками, и потому же, въ поэмѣ о Салономѣ, рядомъ за загадками Царицы слѣдуютъ Суды Царя. Здѣсь загадка представлялась жизнію, двумя спорящими сторонами или лицами, со стороны явившимися къ царю: онъ рѣшалъ ихъ двойство и борьбу, возсозидая скрытую въ двойствѣ истину къ единству правды посредствомъ третьяго, посредствомъ посредника, — своей Премудрости. Упомянемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ изъ сихъ Судовъ. 1) Отецъ, умирая, оставилъ тремъ дѣтямъ одно сокровище, но верхнее, среднее и нижнее,—первое оказалось золото, второе кости, третье персть: Салономъ присудилъ золото старшему, середнему скотъ какъ кости, младшему землю съ ея нивами и проч. Такъ и въ нашихъ сказкахъ, и дальнѣйшемъ эпосѣ, обычно дѣлитъ крестьянинъ тремъ дѣтямъ имущество, завѣщая ходить на его могилу, гдѣ его кости и прахъ; ходитъ вѣрнѣе всѣхъ на могилу младшій, Иванъ, и онъ же за это дѣлается послѣ владѣтелемъ земли и ея представителемъ.— 2) Салономъ испытываетъ вѣрность мужчины и женщины, вручая имъ поочередно мечь, чтобы убить другую половину: мужчина, не смотря на обѣщанія, разжалобился видомъ дѣтей и не убилъ жены, а она начала уже тереть мечемъ по горлу мужа, но тотъ проснулся. Въ Кіевскомъ творчествѣ это повторяется въ повѣсти о Рогнѣдѣ и Владимірѣ. — 3) Третій Судъ напоминаетъ миѳологическую повѣсть объ Акурѣ и самомъ Салономѣ у Ѳракійцевъ, въ тѣхъ образахъ, что богачь усыновилъ раба, рабъ разбогатѣлъ и вышелъ въ Салономовы «бояре,» когда же родился послѣ него сынъ и сталъ по повелѣнію матери искать на немъ какъ «холопѣ,» то холопъ самъ себя выдавалъ за подлиннаго сына, сего же послѣдняго за раба: Салономъ велѣлъ достать плечную кость умершаго и отгадаль сына потому, что кровь его пристала къ кости. — 4) Трое путниковъ имѣли пояса съ золотомъ и зарыли ихъ вмѣстѣ изъ страха передъ разбойниками: но одинъ, ночью вставши, зарылъ ихъ въ другое мѣсто, съ цѣлію послѣ взять себѣ. Салономъ открылъ виновнаго, разсказавши новую повѣсть: дѣвушка, тайно обручившись съ однимъ юношей, по невѣдѣнію была отдана родителями за другаго; когда мужъ узналъ эту тайну, то отпустилъ жену къ прежнему обрученнику; на нихъ напали въ пути разбойники, и однакоже атаманъ, услыхавъ отъ

женщины разсказъ о судьбѣ ея, отпустилъ ее, отдавши и имущество. Слушавшіе Саломона — двое похвалили возвратившаго женщину, а третій разбойника, прибавивши — «а добытка было не дати ему,» а, добычи ему бы не возвращать. Его и уличилъ царь, какъ охотника до чужаго имѣнья. Двѣ эти повѣсти, слитыя въ одну, отразились у насъ въ исторіи Потыка («Зам.» къ 4-му вып. Кир.), какъ онъ отыскивалъ жену, какъ похититель принужденъ былъ ее воротить законному мужу, какъ три путника-Калѣки дѣлили деньги на части и явился рѣшителемъ всего дѣла Никола. — 5) Пятый Судъ есть собственно повтореніе перваго, только въ образахъ болѣе раздѣльныхъ и полныхъ: изъ шести сыновей умершаго отца и седьмой дочери, напоминающихъ собою намъ семь Симеоновъ и спорившихъ о наслѣдствѣ, Саломонъ присудилъ имѣнье тому сыну, который не согласился оторвать правую руку отъ трупа отца, — та же награда, какъ нашему Ивану за почтеніе къ праху родителя. 6) Шестой, болѣе извѣстный и повторяющій то же самое, о спорѣ двухъ женщинъ изъ за ребенка, и предложеніе разсѣчь его пополамъ. — Такимъ образомъ, вы видите, что эти Суды повторяютъ собою загадки, разрѣшавшіяся Саломономъ, и относятся всѣ такъ или иначе къ первобытной загадкѣ, задачѣ всѣхъ подвижниковъ развитія и дѣлу того, кто воплощалъ на разныхъ ступеняхъ народнаго сознанія второе, творческое начало, — различенію истины или существа изъ двухъ борющихся сторонъ, извлеченію изъ нихъ третьяго начала, выводу того, что вырабатывалось борьбою. Въ миѳологіи это выражалось явленіемъ самого втораго бога, выводившаго за собою духъ, въ бытѣ были свои соотвѣтствующія ступени, въ эпосѣ и народномъ творчествѣ также; въ прежнихъ «Замѣткахъ» мы называли это «различеніемъ видовъ бытія,» когда эти виды были уже пройдены опытомъ развитія; задача выражалась, на примѣръ, требованіями Ивану — узнать невѣсту изъ толпы другихъ дѣвушекъ или подъ разными животными образами; или же, когда Саломонъ различалъ (см. выше) дѣвушекъ отъ юношей, и т. п. Всего яснѣе очерчиваетъ намъ этотъ переходъ одной сущности по разнымъ слоямъ сознанія и потомъ творчества помянутый выше 7) Судъ Саломона въ спорѣ его съ Даріемъ. «Дарій царь Перскій послалъ къ Саломону Мудрому царю, написавъ загадку: «стоитъ щ и т ъ, а на щитѣ з а е ц ь, прилетѣвъ с о к о л ъ, взялъ заица, и тутъ сѣде с о в а; и отгадаешь загадку, дамъ ти три кади сребра.» Саломонъ въ отчаяніи, не можетъ отгадать. «И по малѣ же времяни

Саломонъ царь Мудръ повелѣ созвати многія бѣси, и рече имъ: «Кто можетъ ли отъ васъ отгадати, дамъ ему треть сребра.» И рече бѣсъ объ одномъ оцѣ: —Щитъ, царю, земля твоя, а на немъ заецъ — правда стоитъ, а прилетѣвъ соколъ взялъ заяца—то есть Ангелъ Господень взялъ правду на небо, и туто сяде сова — то есть кривда, а зависть человѣческая начаше ученіе. — Саломонъ же царь посла къ Дарію царю: «Загадку отганулъ, а ты пришли сребро.» Но по мнозѣ времени и привезоша сребро отъ Дарія царя къ Саломону царю. Саломонъ же повелѣлъ обратити кадь вверхъ дномъ, и насыпати бисеру, и дати кривому бѣсу (вѣрно былъ у нихъ уговоръ подѣлиться); и рече бѣсъ: —Чему, царь, се криво имѣешь (поступаешь не право), а правды, царю, не имѣешь? —И рече царь: «Кривъ еси бѣсъ, самъ себѣ криво судилъ, правда взята на небо, а на земли въ насъ кривда осталась.» —Здѣсь, во первыхъ, самые элементы загадки суть древніе миѳологическіе образы: извѣстная намъ Птица, стражъ щита или, что то же, ограды, воротъ, истолкованныхъ Землею, къ которой шелъ нашъ Иванъ путемъ подвиговъ; вспомните, какъ она выноситъ его на свѣтъ Божій, на высоту, а въ другихъ образахъ, по Стихамъ, держитъ въ когтяхъ звѣря, потомъ, по убѣжденію Егорья, также выпускаетъ его на волю. Далѣе эти образы облечены въ Загадку и еще далѣе сдѣланы Посредствомъ борьбы между народами. Саломонъ въ началѣ теряется; ему нуженъ посредникъ, посредникомъ бѣсъ: тотъ же бѣсъ, что, мы видѣли, похищалъ ему женщинъ, тотъ же, какого увидимъ въ Китоврасѣ. Онъ кривой, одноглазый, Киклопъ, Полифемъ: страшилища, испытавшія судьбу, сходную съ Кентаврами, порожденія стараго, перваго бога, низложенныя послѣ въ тартаръ, но освобожденныя подъ условіемъ помощи отъ нихъ и содѣйствія,—они и помогли въ борьбѣ противъ Титановъ, подарили Зевсу молнію, Аиду шлемъ-невидимку, Посейдону трезубецъ. Со стороны этого подвижничества на благо, они представляются въ числѣ семи, какъ Симеоны, производятъ самыя хитрыя и загадочныя работы, строятъ постройки такія же какъ Мелкартъ, и т. п. Извѣстна эпическая повѣсть объ отношеніи Полифема къ Улиссу, о томъ, какъ подпаивалъ хитрѣйшій изъ Грековъ своего кривца на его погибель изъ чаши «питья забыдущаго,» подобно Діонисовой чашѣ, сгубившей Кентавровъ, и т. п. Любопытно замѣтить, что Я. Гриммъ, въ поученіе нашимъ миѳографамъ, только этимъ греческимъ Полифемомъ успѣлъ разъяснить своего главнаго

бога — Одина. Вообще хромой бѣсъ замѣнялъ въ свою пору для Соломона его Мудрость. Но подъ конецъ повѣсти, когда выросъ второй богъ, онъ уже не нуждается въ посредникѣ и своей мудростью окончательно низложилъ его самого; здѣсь Загадка, рѣшенная между Даріемъ и Соломономъ черезъ бѣса, переходитъ уже въ Судъ Соломона надъ бѣсомъ: въ томъ и другомъ одинаковый исходъ. Далѣе, съ позднѣйшей точки зрѣнія, изъ образовъ миѳологіи вырабатываются уже отвлеченныя понятія Правды и Кривды, съ посредникомъ ихъ, Ангеломъ, уносящимъ правду на небо, и т. д. Нашъ Иванъ безпрестанно по сказкамъ пользуется подобною помощію посредниковъ въ рѣшеніи загадокъ и потомъ убиваетъ ихъ или устраняетъ: чертей, на него работавшихъ, обманулъ онъ пропасть. Въ Кіевскомъ творчествѣ вспомните, какъ Яга вверила богатырямъ свои сокровища, а Добрыня послѣ того свернулъ ей голову. Но есть и еще пути для тѣхъ же образовъ: въ Голубиной Книгѣ Владиміръ, смѣнившій Волота, разсказываетъ то же самое, какъ свой Сонъ, о Бѣломъ и Сѣромъ Зайцѣ, о борьбѣ ихъ и пропажѣ перваго, проситъ Давида разгадать; Давидъ разгадываетъ это Правдою и Кривдою («Кал. Перех.» вып. 2). Много его вставляется въ однихъ Стихахъ такъ, гдѣ въ другихъ и въ Бесѣдѣ Іерусалимской помѣщается вышеприведенный Сонъ Волота о Деревѣ, прилетѣвшей Птицѣ и т. д.: Сонъ разгаданъ тѣмъ, что родится Соломонъ, побѣдитель и преемникъ языческаго Волота, стараго бога. И снова тотъ же Сонъ переходитъ въ дѣйствительность, въ эпическій образъ, начинающій поэму о Соломонѣ, какъ прологъ его рожденія. Шагъ еще, — и это опять Сонъ и Загадка, а рѣшаетъ Соломонъ, явившись сѣдымъ старикомъ отцу.

в) Ту же повѣсть, что въ Южной Царицѣ и Судахъ, находимъ въ другомъ посредникѣ, лицѣ и эпизодѣ Соломоновской поэзіи, К и т о в р а с ѣ. Рукопись, изъ которой приведенъ нами разсказъ (XV вѣка), крайне испорчена; но самый разсказъ — одно изъ самыхъ старинныхъ произведеній творчества. Китоврасъ здѣсь — Тифонъ, существо громадное и ужасное, другой полюсъ Соломона: но Соломонъ побѣждаетъ его чрезъ своего посредника Б е н а н і я: средства побѣды — Г р и в н а съ начертаніемъ имени Божьяго, тотъ же вѣнецъ, который мы видѣли выше, потомъ: У ж и, узы, цѣпь, повязка изъ желѣза, наконецъ В и н о, которое усыпило врага также точно, какъ мы видѣли у Грековъ въ повѣсти о Кентаврахъ. В и н о, упоминаемое въ разсказѣ, служитъ средствомъ въ томъ же смыслѣ, какъ примѣнялось оно въ поэмѣ

Аргонавтовъ; — переносило черезъ море, соединяло въ борьбѣ народъ съ народомъ: здѣсь имъ затыкаютъ колодезь, обманываютъ чудовище, плѣняютъ его. « Тогда же убо бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасѣ (потребно стало Саломону, для его творческихъ дѣлъ, сыскать Китовраса). Осочиша же и (соглядали его, сыскали), гдѣ живетъ, въ пустыни дальней. И по мудрости своей вымысли Соломонъ сковат Ужи желѣзно и Гривну желѣзну, написа же на ней во имя Божіе зареченіе (зареченіе, заговоръ; въ родѣ нашихъ « наузъ »). И посла же Боярина лутьшаго со отроки, указаше вести (приказалъ везти, взять съ собою) Вино и Медъ, и Руна овчья съ собою взяша. Придоша же къ мѣсту его, оли 3 кладязи (къ тремъ колодцамъ): а его нѣсть ту. И по указанію Соломоню, и вылiяша 3 кладязя, и заткоша жерела (заткнули жерла) ихъ руны овчими, и налiяша два кладязя вина, а третій меду; сами же сохранишася на странѣ (схоронились въ сторонѣ), видяху бо, яко пріидеть ему («ту;» что придетъ туда) воды пити къ кладяземъ. И прииде, церкотѣвъ водѣ (перегорѣвши жаждою), и приникъ, и видѣ вино, рече: «Всякъ пьяй вино не умудряетъ (одинако же, кто пьетъ вино, не умнѣетъ)!» Яко же перехотѣ воды (какъ перемогла его жажда), и рече: «Ты еси вино, веселяща (-щее, веселящее) сердца человѣкомъ!» И испи вся три кладязя, и хотѣ поспати мало, разгнѣше его вино (разожгло, обуяло, разморило его вино), и успе твердо. Онъ же Бояринъ пришедъ, оверзе ужи о шеи его (обомкнулъ вкругъ его шею уже желѣзно) и привяза и твердо. И очютився, хотѣ нятися (очнувшись, хотѣлъ высвободиться), и рече ему Бояринъ Соломонь: « Имя Господне со запрещеніемъ на тебѣ!» Онъ же, видѣвъ на себѣ имя Господне, поиде кротко.» Однакожe вотъ какъ кротко: «Нравъ же его бяше таковъ: не ходяшеть путемъ кривымъ, но правымъ (не ходилъ изгибами, не прямикомъ, цѣликомъ); и въ Іерусалимъ пришедше теребляхуть предъ нимъ путь и рушахуть полаты (очищали путь, прочищая все съ дороги и разрушая зданія), не ходи бо криво.» Въ сущности это то же, что похищеніе и приведеніе къ Саломону невѣсты издалека посредствомъ бѣсовъ, замѣненныхъ здѣсь бояриномъ, то же, что пришествіе Грозной Царицы съ Юга и т. п.; потому и на пути, и по прибытіи къ Саломону, Китоврасъ задаетъ загадки или самъ рѣшаетъ ихъ, подобно Царицѣ: но видите сами, во сколько образы эти древнѣе и громаднѣе. Саломонъ, хотя и поймалъ чудовище, но поймалъ и сдержалъ только «именемъ

Божьимъ,» а самъ еще сравнительно слабъ и безсиленъ; мы увидимъ ниже, что онъ даже не могъ встрѣтить Китовраса, упоенный виномъ. Это различіе между размѣрами древняго бога и размѣрами человѣческими, въ которые вводитъ его представитель творческаго начала, всего лучше видно въ заключеніи. Когда привели Китовраса предъ царя, «и бысть егда нача млъвитъ Соломонъ Китоврасу: — Нынѣ видѣхъ, яко сила ваша (божеская, боговъ, перешедшихъ въ чудовища) аки человѣка и нѣсть сила ваша болѣ нашея силы, яко (ибо) азъ яхъ тя.—И рече ему Китоврасъ: «Царю! Аще хощеши видѣти силу мою, да сойми съ мене уже се, и дажь ми Жуковину свою (запястье; перстень) съ руки, да видиши силу мою.» Соломонъ же повелѣ снятн съ него уже желѣзное и дасть ему жюковину. Онъ же пожре ю, и простеръ крило свое, и удари Соломона, и заверже и̓ (закинулъ его) на конець Земля Обѣтованныя. Увѣдаше же мудреци его и книжници, взыскаша Соломона (едва отыскали Соломона). Всегда же обхожаше и̓ страхъ Китоврасъ (китоврась) въ нощи (съ той поры всегда ночью одержалъ его испугъ отъ Китовраса).» Замѣтьте, что Китоврасъ, освободившись, унесъ съ собою Запястье Салемоново: онъ обручился, связался съ царемъ, и этотъ перстень мы еще увидимъ какъ предлогъ къ борьбѣ.—Таково первое явленіе Китовраса. Второе, гдѣ онъ занимаетъ роль Невѣсты или Царицы и, влекомый насильно, задаетъ загадки, коихъ еще не въ силахъ разрѣшить Саломонъ: 1) когда вели его по улицамъ Ерусалима и для прохода ломали зданія, «и пріидоша ко вдовицинѣ храминѣ, и возопи глаголющи, молящися Китоврасу:—Вдовица есмь убога!—Онъ же ся огну около угла, не соступяся съ пути, изломи еи ребро, и рече: «Мягко слово кость ломитъ и жестоко слово гнѣвъ вздвизаетъ!» Терять ребро въ борьбѣ,—древнѣйшій мотивъ эпоса; Китоврасъ уступаетъ началу смягчающему, дѣйствію бога втораго и за то платится частью существа своего; это то же, что помянутая уступка разбойника невѣстѣ на пути, выраженная прежде въ загадкѣ. 2) «Ведомъ же сквозѣ торгъ и слыша мужа рекуща:—Нѣсть ли черевій (черевиковъ) на 7 лѣтъ?—И росмѣяся Китоврасъ.» Послѣ Саломонъ упросилъ его дать рѣшеніе всѣмъ этимъ загадкамъ; почему онъ разсмѣялся здѣсь, Китоврасъ отвѣчалъ: «Видѣхъ на немъ, яко не будетъ по 7 дней живъ.» Дѣйствительно, узнавали, и слова Китовраса исполнялись. Здѣсь онъ отличается предвѣдѣніемъ и смѣется надъ человѣческой слабостью.—3) «И видѣ другаго мужа ворожаща, и посмѣяся.»

Отчего? спросилъ послѣ царь: «Онъ повѣдаше людемъ скровеная, а самъ не вѣдаше крова (клада) подъ собою со златомъ.» Послали испытать, кладъ оказался: Китоврасъ знаетъ клады и указываетъ ихъ людямъ. 4) «И видѣ свадьбу играющи, и восплакася.» Почему? «Сжалимися (жаль мнѣ стало), яко оженившыйся не будетъ живъ до 30 днiй.» Послалъ узнать царь, правда. 5) «И видѣ мужа идуща и блудяща кромѣ пути (заблудившагося съ дороги): и наведе и҆ (его) на путь.» Для чего? «Слышахъ гласъ съ небеси, яко вѣренъ есть мужь тотъ и достоить послужити ему.» Такимъ образомъ путь, который совершалъ Китоврасъ идя къ Саломону, выразилъ всю его—нѣкогда божескую—силу, а съ другой стороны былъ путемъ, которымъ переходилъ онъ на службу человѣку и второму, юному, человѣкообразному началу, самъ смягчаясь мало по малу. Потому, по мѣрѣ приближенiя къ дому Саломона, послѣднiй уже самъ отгадываетъ загадки, хотя все еще слабъ: «и приведоша и҆ (Китовраса) въ домъ царевъ; 1-мъ же дни не ведоша его къ Соломону, и рече Китоврасъ: «Чему (отчего) мя не зоветъ Соломонъ царь?» И рѣша ему: «Перепился есть вечеръ (вечёръ, вчера).»» Възятъ же Китоврасъ камень и положи на камени. И повѣдаша Саломону створенiе Китоврасе (что̀ сдѣлалъ Китоврасъ), и рече царь: «Велитъ ми пити питiе на питiе (опохмѣлиться и тѣмъ выздоровѣть).»—«Другый же день не зва его царь къ собѣ; и рече (Китоврасъ): «Чему не ведете мя ко царю и почто не вижю лица его?» И рѣша: «Поболяетъ царь, имъ же (боленъ, потому что) вчера много ялъ.»» И снять (снялъ) же Китоврасъ камень съ камени:» то есть, нужно очистить желудокъ и подержать дiэту. Здѣсь Китоврасъ не только учитель мудрости, но и врачь въ древнемъ смыслѣ. Кромѣ того, на службѣ Саломону, Китоврасъ помогаетъ ему достать извѣстную намъ Птицу Ногу, которая въ рукописи испорчена въ «неготъ,» «ноготъ» и «кокотъ.» Все это мѣсто такъ искажено, что мы разскажемъ сущность его своими словами: Китоврасъ передалъ, что знаетъ мѣстопребыванiе Птицы Ноги, которая «мала,» но «хранитъ (держитъ) мiръ.» По указанiю его, отправилъ Саломонъ того же Боярина своего съ отроками ко гнѣзду. Китоврасъ велѣлъ имъ схорониться въ сторонѣ отъ гнѣзда, и, когда вылетитъ Нога, замазать гнѣздо большимъ «бѣлымъ стекломъ.» Такъ и сдѣлали: мать воротилась, птенцы пищатъ изъ подъ стекла, мать хочетъ туда проникнуть, но не знаетъ какъ. Тогда она (?) хотѣла чѣмъ-то раздавить стекло, спрятавшiеся

вскракнули, птица улетѣла; взяли только (?) птенцовъ. Мѣсто очень темное: но это та же Могуль-птица, ко гнѣзду коей пришелъ Иванъ Вдовкинъ, чтобы разгадать загадки Волшана (Рыбник., ч. I); потомъ способъ ловли очевидно тотъ же, какимъ ловили и самого Китовраса, заткнувши руномъ колодцы, и словили, но, какъ мы видѣли, Китоврасъ взмахнулъ крыломъ и закинулъ самого Саломона; наконецъ тѣмъ же стекломъ хотѣлъ Саломонъ, какъ помянуто, уловить въ обманъ Южскую Царицу, а она догадалась, рѣшила загадку и ушла. Вообще нужно замѣтить, что Китоврасъ въ этой поэмѣ такъ же, какъ Царица, появляется и снова уходитъ не одинъ разъ: это слои разныхъ поэмъ, сведенныхъ вмѣстѣ, а вмѣстѣ періоды, въ которые повторяется борьба и съ каждымъ шагомъ Китоврасъ выставляется все служебнѣе и покорнѣе, пока совсѣмъ не истощилъ его силы Саломонъ, не воспользовался имъ, и тогда отпустилъ, побѣдивши его окончательно и претворивши его въ себя самого, мудрость его въ мудрость свою собственную. Главныя задачи, выполненныя Китоврасомъ для Саломона, выражены въ слѣдующихъ показаніяхъ. Мы видѣли, что два дня его не принималъ Саломонъ: въ третій принялъ, одолѣлъ, обратилъ себѣ въ службу (ср. выше возрожденіе или воскресеніе на третій день). «Въ 3 же день рѣша: «Зоветъ тя царь.»» Онъ (Китоврасъ), умѣря Прутъ (образъ, который мы встрѣчали и прежде) 4 лакотъ, и вшедъ предъ царя поклонися, и поврьже пруты предъ царемъ молча. Царь же мудростью своею протолкова пруты (истолковалъ, что значатъ эти пруты) боярамъ своимъ. И рече (Китоврасъ): «Область ти далъ Богъ вселеную, и не насытился еси, и ялъ еси и мене (Богъ тебѣ далъ обладать вселенною, но тебѣ и этого мало, за чѣмъ ты еще извлекъ меня)?» И рече ему Соломонъ: «Не на потребу тя приведохъ собѣ, но на упросъ очрътанію Святая Святыхъ приведохъ тя по повелѣнію Господню, яко не повелѣно ми есть тесат камени желѣзомъ (я привелъ тебя не для собственной нужды, но для выполненія плана постройки Ерусалимскаго Храма, для того, чтобы ты тесалъ камни желѣзомъ, чего Евреямъ не велѣно).» Здѣсь, какъ помянутые Киклопы, Китоврасъ осужденъ былъ воздвигать зданія для Саломона. Очевидно, со стороны исторической, онъ занялъ здѣсь мѣсто Финикійскаго царя Хирама, а объ этомъ царѣ и его отношеніяхъ къ Саломону существовала, мы видѣли, цѣлая поэма, въ родѣ той, какую мы теперь излагаемъ, въ образѣ борьбы между двумя

царями посредствомъ загадокъ. Теперь вспомнимъ, что по историческимъ свидѣтельствамъ камень для Храма обтесывался у царя Финикійскаго *Хирама*, желѣзныя орудія въ самомъ Ерусалимѣ не были слышны, ибо храмъ былъ Богу Мира; главою художниковъ былъ опять *Хирамъ*, одноименный царю и также Тирянинъ: достаточное основаніе для эпоса, чтобы отождествить его съ греческимъ *Хирономъ*, знаменитымъ главою Кентавровъ и самымъ изъ нихъ мягкимъ, учителемъ, врачемъ, благодѣтелемъ героевъ; а этотъ Кентавръ есть нашъ Китоврасъ.—И такъ, главное дѣло Китовраса у Саломона есть строеніе творческихъ зданій, Храма, потомъ Дома Саломонова и т. д. Сравните выше постройку палатъ Салмоксемъ или Саломономъ на почвѣ Ѳракійской. Историческія показанія съ окончаніемъ сихъ построекъ соединяютъ и водвореніе Царевны Египетской, дочери Фараона: въ эпосѣ это выражалось тѣмъ, что невѣста приведена *бѣсами*, т. е. тѣмъ же Китоврасомъ, но есть и подлинное свидѣтельство нашихъ рукописей, что Китоврасъ построилъ Саломону постройки, водворилъ — какъ посредникъ — невѣсту изъ Египта, знаменитую Саломонію, и тогда только былъ отпущенъ: «бысть у Соломона Китоврасъ до съвръшенія Святая Святыхъ. Тогда возведе Соломонъ *дъщерь фараоню* изъ града Давидова въ домъ свой, иже бѣ создалъ во дни сіи 20 лѣтъ, въ нихже созда Соломонъ два домы, *Храмъ Господень и Домъ Царевъ*. *И тогда отпусти Соломонъ Китовраса*.»—Но Китоврасъ, говорили мы, нѣсколько разъ уходитъ со сцены поэмы и снова возвращается подъ разными видами: теперь, ушедши, онъ оставилъ по себѣ *бѣса*, *Подземнаго человѣка*, т. е. *Антипода* (ср. выше) и по древнимъ воззрѣніямъ *Эѳіопа*. Онъ продолжаетъ самого Китовраса и играетъ роль его предъ Саломономъ: этотъ-то самый *бѣсъ*, какъ мы видѣли, добылъ Саломону Царевну; онъ, *Кривой* какъ Киклопъ, помогъ разгадать загадку Дарія, выиграть золото; онъ наконецъ подпалъ самъ Суду Саломона и обманутъ, разрѣшенъ или—какъ говоритъ нашъ народъ—рѣшился, пошелъ ко дну. Въ настоящемъ случаѣ, въ образѣ, который сейчасъ приведемъ мы, выражается это тѣмъ, что преемникъ, оставленный Саломону Китоврасомъ, сдѣлался полнымъ слугою царя: царь его вводитъ или выводитъ въ люди, женитъ, и, когда въ потомствѣ его происходитъ двоеніе, судитъ. «Китоврасъ же поиде во своя люди (уходя отъ Саломона къ себѣ назадъ, по совершеніи подвиговъ),

вѣда Соломону мужа о двѹ головѹ (такъ, прежде единый, раздвоился Китоврасъ). Обычь же ся житьемъ у Соломона мужь тотъ (когда прижился у Саломона), въпраша же его Соломонъ: — Которыхъ людей еси ты, человѣкъ ли еси ты, или бѣсъ? — Отвѣща онъ человѣкъ: «Азъ есмь человѣкъ живущихъ подъ землею.» И праша его царь: — Есть ли у васъ солнце и луна? — Онъ же рече: «Отъ Запада вашего къ намъ восходитъ солнце, отъ Востока вашего заходитъ; егда убо у васъ день, тогда у насъ нощь, а егда у васъ нощь, тогда у насъ день (ср. выше загадку Фараона въ Египтѣ и разрѣшеніе Акура, о коняхъ и кобылицахъ).» И вда ему царь жену, и родистася у него два сына, единъ о двою главу, а другой о единой главѣ (повтореніе, въ нисходящей линіи, самого древняго бога, Кентавра—Китовраса, двуголоваго отца). И бысть у отца ихъ имѣніе много, и умре отець ихъ.» Тогда дѣти посеорились изъ за имѣнья: является Судъ Саломона, совершенно по значенію тотъ же, что помянутый 1-й и особенно 3-й, между сыномъ и холопомъ. Одноголовый хотѣлъ дѣлить по поламъ, а двуголовый по головамъ, на двѣ головы требуя два жеребья. Саломонъ разсудилъ такъ: если двѣ головы принадлежатъ одному тѣлу, то одна почувствуетъ, что сдѣлаютъ съ другою, иначе онѣ дѣйствительно розны и тогда получай два жеребья; за тѣмъ началъ лить уксусъ на одну голову: другая взъерошилась, и Судъ былъ конченъ. — Наконецъ, послѣ этой получеловѣческой и даже человѣческой ступени, Китоврасъ проходитъ въ поэмѣ еще третью: хотя съ отсвѣтомъ древней природы своей, но онъ уже является внѣшнимъ царемъ, представителемъ извѣстнаго народа, внѣшнимъ врагомъ Саломона, похитителемъ его жены: совершенно то же, что въ угономъ творчествѣ у насъ Василій Акульевичь. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому главному и высшему эпизоду поэмы, совмѣщающему въ себѣ всѣ почти черты ея и потому составляющему особую законченную поэму, приведемъ посредствующее сказаніе Сербское, гдѣ Саломонъ совершаетъ тѣ же самые подвиги, но въ иныхъ образахъ.

V. Тѣ же подвиги Саломона, но въ иныхъ образахъ: по проклятію матери и предательству жены спускъ въ глубь морскую и вылетъ къ небу.

Мы видѣли, что за дерзкія обличенія мать проклала Саломона: «да не умретъ онъ, пока не увидитъ морской глубины и небесной

вышины (высоты).» Этотъ судъ выполняется надъ Саломономъ при посредствѣ жены его. «Когда Саломонъ уже постарѣлъ и ему уже наскучило жить на семъ свѣтѣ, сталъ онъ стараться, какъ бы свободиться отъ материной клятвы, чтобъ можно ему было умереть. Прежде всего сковалъ онъ желѣзный ковчегъ, большой, какъ могъ онъ въ немъ сѣсть; на замычкѣ этого ковчега укрѣпилъ онъ одинъ конецъ желѣзной цѣпи, а цѣпь была такой длины, какъ, примѣрно, думалось, глубоко море. Потомъ, вошедши въ ковчегъ, велѣлъ онъ женѣ, чтобы замкнула его и бросила въ море, а сама бы держала другой конецъ цѣпи: да какъ падетъ ковчегъ на дно моря, тогда чтобъ она его вытащила на берегъ. Жена затворила ковчегъ, замкнула и бросила въ море. Но, пока еще держала она конецъ цѣпи и не могла вытащить ковчега, пришелъ кто-то и обманулъ ее, что Премудраго за одно съ его ковчегомъ давно уже пожрали рыбы и она уже никогда не можетъ вытащить на сушу, а ну-ка пусти конецъ цѣпи да иди-ка домой. Выпустила она цѣпь, а цѣпь своей превеликой тяжестью притиснула Премудраго въ ковчегѣ на днѣ моря. Послѣ того черти нашли клюку, шапку и одежу святаго Ивана, да и поссорились, не зная, какъ это подѣлить; тогда и говорятъ: «Ну-ка, пойдемъ къ Премудрому, чтобъ онъ помирилъ насъ!»» Вотъ, узнавши, гдѣ Премудрый, пошли къ нему на дно моря, позвали его и сказываютъ, за чѣмъ пришли. А онъ изъ ковчега имъ отвѣтилъ: «Какъ я помирю васъ изъ ковчега, когда не вижу ни васъ, ни того, изъ за чего вы ссоритесь? Нѣтъ, вы вынесите-ка меня на берегъ, тогда помирю васъ.» Черти тогда разомъ подхватили ковчегъ съ Премудрымъ и вынесли на берегъ. Какъ вышелъ Премудрый изъ ковчега и взялъ въ руки отъ чорта то, изъ за чего поссорились, какъ будто посмотрѣть, что это и чего стоитъ, онъ перекрестилъ клюкою, а черти тотчасъ разбѣжались кто куда, и ему все осталось. Такъ Премудрый увидалъ морскія глубины. — Послѣ того сталъ онъ думать, какъ бы видѣть еще небесныя вышины. Для того ухватилъ онъ два Ноя (страуса) и не давалъ имъ нѣсколько дней ничего ѣсть, пока хорошенько оголодаютъ: за тѣмъ онъ привязалъ имъ за ноги большую корзину, влѣзъ въ нее и сѣлъ, а самъ держитъ руками надъ собою и надъ Ноями жаренаго ягненка на длинномъ рожнѣ. Нои, желая прихватить жареное, полетѣли въ высоту и такъ все летѣли, пока Премудрый не ткнулъ рож-

номъ въ небо; а послѣ того обернулъ роженъ внизъ, и Нои снесли его на землю. Такъ видѣлъ онъ и небесныя вышины, и послѣ умеръ.» — Эта одна сказка стóитъ иной цѣлой поэмы: образъ въ образѣ какъ кольцо въ кольцѣ, а растяните кольца въ одну цѣпь или выньте кольцо изъ кольца, и передъ вами цѣлая цѣпь сказаній, и каждое сказаніе — самостоятельное звено обширнаго эпоса. Опущеніе въ море и вылетъ къ небу повторяютъ собою всѣ почти миѳы, нами выше приведенные отъ Изиды и Персефоны до сходившаго подъ землю Ѳракійскаго Саломона по эпосу и исторіи, Ѳракійскаго Діониса по миѳу, отъ гроба Озирисова до колыбели Діонисовой. Раздѣляя звѣнья, получаемъ во первыхъ оскорбленную и проклинающую мать: ей наслѣдуетъ, ее перерождаетъ въ себя жена, на дѣлѣ выполняющая проклятіе или материну загадку разрѣшающая собственнымъ предательствомъ, собственною измѣною: она-то и заставляетъ Саломона блуждать по подземелью, пока онъ не высвободился, не слеталъ на небо и оттуда примиренный съ матерью вернулся на землю, чтобы понести участь простаго уже смертнаго. Въ тѣхъ частяхъ поэмы Саломоновой, которыя изложены нами выше, этому сказанію отвѣчаетъ мнимая смерть Саломона вслѣдствіе мщенія матери и потомъ явленіе въ славѣ: ковчегъ — тотъ же гробъ или могила; или отбытіе Саломона въ Индію, вѣсть объ его смерти, склонность забывшей его матери къ любодѣянію и дѣйствительное любодѣяніе съ пришельцемъ, съ этимъ «кто-то,» который въ Сербской сказкѣ шепнулъ лукавый совѣтъ женѣ, когда она по нравственному своему состоянію готова была совершить измѣну: собственная наклонность выразилась внѣшнимъ образомъ соблазнителя. Далѣе, это тоже, что ловля Китовраса колодцами и желѣзной цѣпью: старое и злобное, подвергшееся проклятію, должно быть замкнуто, оцѣплено, низведено въ глубь, чтобы возродилось примиреннымъ. Это тотъ же судъ, то же рѣшеніе загадки, хотя, независимо отъ того, выступаетъ тутъ же и Загадка матери, и Судъ Саломона надъ чертями въ формѣ отдѣльной. Въ дальнѣйшемъ теченіи поэмы, которое приведемъ вслѣдъ за симъ, этому Сербскому сказанію соотвѣтствуетъ невѣрность жены и выраженіе невѣрности — похищеніе: то гробъ, въ который она входитъ и обманываетъ этимъ средствомъ мужа, то сундукъ, въ который Саломонія заманила мужа и на который сѣла своимъ бабьимъ сидѣньемъ, упрашивая врага поскорѣе добить Премудраго. Исторія чертей — опять цѣлая поэма: они, какъ посредники, высвобождаютъ Саломона, выпо-

сятъ на берегъ ковчегъ, какъ корабль; это тѣже бѣсы, что похищаютъ на кораблѣ у враговъ невѣсту для Саломона или потомъ у него же самого жену, тѣ же, извѣстные намъ, Мурины, Ееіопы, Финикіяне, разбойники, чернорабочіе, рабы. Выносъ на берегъ, ими совершенный, тотъ же, что въ концѣ выносъ на свѣтъ Божій посредствомъ птицъ. Какъ надъ кривымъ бѣсомъ, какъ надъ преемникомъ Китовраса, Саломонъ произноситъ надъ ними тотъ же Судъ, обманувшій ихъ, разогнавшій, уничтожившій. Клюка, шапка, одежа Ивана — аттрибуты нашего Ивана Черноморскаго и Придунайскаго, Ѳракійскаго Эвана, того юнаго бога, который на Ѳракійской ступени не былъ еще свѣтлымъ Еллинскимъ Діонисомъ, а борящимся и умирающимъ, посредникомъ къ выходу, Гераклюмъ и Гермесомъ: у Геракла это его палица, львиная морда вмѣсто шапки, звѣриная кожа и багровый плащъ; у Гермеса — кадуцей, крылатый петасъ, одежда путника. Эти же средства послужили и спасеніемъ Саломону для высвобожденія изъ подземелья на свѣтъ Божій, особенно кадуцей. Въ христіанствѣ аттрибуты повторились, конечно въ ихъ высшемъ, истинномъ значеніи, и отъ того они у святаго Ивана, отъ того у святыхъ подвижниковъ, — посохъ, обвитый змѣями, съ крыльями покровъ головы, широкая мантія. Мало того: божество представляется исчезнувшимъ, его наслѣдство дѣлятъ даймоны, исторія сознанія переходитъ въ исторію быта, миѳъ въ эпосъ; и вотъ передъ вами «клюка» Калѣкъ Перехожихъ, «шляпа земли Греческой,» «гуня подорожная.» Въ эпосѣ ими спасается герой, передѣваясь Калѣкою Перехожимъ; въ томъ же самомъ видѣ спасаютъ гибнущаго Потыка, когда онъ томился въ погребѣ или обороченъ въ камень, товарищи Илья съ Добрынею и третій, приставшій, Никола: «бралъ какъ клюшечку въ двѣнадцать пудъ, сталъ какъ клюшечкой помахивать, и убилъ всѣхъ двѣнадцать богатырей,» преслѣдовавшихъ Потыка. Наконецъ два Ноя, выносящихъ на свѣтъ Божій, къ небу, а оттуда на землю, тѣ же, что у Акура, Александра Великаго, нашего Ивана. Имя сего послѣдняго снова переводитъ Сербскую сказку въ нашъ Придунайскій и Черноморскій эпосъ, на каждую черту выставляя намъ сотни Сказокъ Русскихъ. Ивана спускаютъ въ подземелье, въ яму или на тотъ свѣтъ, коварные предатели обрѣзаютъ веревку, или захлопываютъ творило, или поднимаютъ и снова возвращаютъ къ подвигамъ по тремъ царствамъ. Высвобождается онъ тою же мудростью, тѣми же посредниками, отъ мрачной силы разныхъ чудовищъ, скло-

няемыхъ къ содѣйствію, отъ Яги и Кощея, до Могуль-птицы и всевозможныхъ Ноевъ, спасителей отъ погибели. Разверните любой выпускъ сказокъ, и вы встрѣтите то же самое дѣло нашего Ивана съ чертями (ср. Сказки Аѳанас.): та же ссора изъ за найденныхъ вещей и даже тѣ же самыя вещи, та же веревка, это ужъ, которымъ связанъ Китоврасъ, которымъ рѣшаетъ загадки Акиръ и Саломонъ; которое вьетъ изъ песку нашъ Иванъ, грозясь переловить чертей; которое у Пушкина, въ передѣлкѣ народной сказки, крутитъ вѣрный работникъ Балда, крутитъ, да конецъ ея въ море мочитъ, хочетъ веревкою море морщить да бѣсовъ, проклятое племя, корчить. На томъ же ужѣ спущенъ въ море закованный царь; тѣмъ же ужемъ свободился онъ, разрѣшивъ союзъ черныхъ своихъ помощниковъ. Тотъ же ковчегъ, послужившій на время гробомъ, обращается въ колыбель новорожденнаго при его выходѣ на свѣтъ: это была бочка, спасшая изъ моря Гвидона, у Пушкина въ творчествѣ художественномъ, и у нашихъ сказокъ, ему послужившихъ основой, въ творчествѣ непосредственномъ. Наконецъ еще, въ Кіевскомъ творчествѣ точь въ точь соотвѣтствуетъ исторія Потыка, того героя, который изъ за жены спускается подъ землю, оставляетъ веревку — проводникъ на землю, убиваетъ въ подземельѣ гадовъ и змѣя, исцѣляетъ тѣмъ жену и дергаетъ веревку, а черезъ нее церковный колоколъ, а черезъ колоколъ весь людъ православный, поспѣшившій спасти подземельнаго подвижника.

Теперь слѣдуетъ главный и высшій эпизодъ поэмы, вмѣстившій, какъ мы сказали, всѣ черты ея отъ самыхъ внутреннихъ, миѳологическихъ до самыхъ внѣшнихъ, не только эпическихъ, но даже историческихъ, въ смыслѣ древнѣйшей исторіи. Все повторено здѣсь, но въ образахъ чрезвычайно цѣльныхъ, выдержанныхъ и законченныхъ; эти образы—

VI. Покушенія на Саломона отъ внѣшнихъ враговъ; измѣна и предательство жены; ея похищеніе; месть Саломона.

1.) Начнемъ опять Сербскою сказкой. «Жена Премудраго Саломона заглядѣлась на одного сторонняго Царя и задумала оставить перваго мужа да бѣжать къ этому другому. Только никакъ она не могла украсться, потому что Саломонъ крѣпко ее сте-

регъ: для того договорилась она съ этимъ другимъ Царемъ, послалъ онъ ей по договору что-то испить, испила она и сдѣлалась какъ мертвая. Когда она такъ умерла, Саломонъ отсѣкъ у ней мизинецъ на рукѣ, чтобъ видѣть, точно ли она умерла: и какъ увидалъ, что жена ничего не чувствуетъ и мертва, тогда ее закопалъ. А тотъ Царь нарядилъ своихъ людей, они ее ночью выкопали и принесли къ нему, а онъ какимъ-то способомъ воротилъ опять ей жизнь и, взявши ее за себя, сталъ съ нею поживать. Когда Премудрый Саломонъ дознalъ, чтó сталось съ его женой, онъ пустился искать ее и повелъ съ собою довольно-таки вооруженныхъ людей, да какъ пришелъ близу къ столицѣ того Царя, чтó взялъ у него жену, оставилъ людей въ лѣсу, сказавши имъ: какъ услышатъ они — затрубитъ труба, тогда пусть идутъ на ея голосъ, на помощь ему, при чемъ всякой неси передъ собою по зеленому вѣтвистому суку дерева; а самъ пошелъ въ царевъ дворъ. Какъ будетъ тамъ, а жена со слугами одна во дворѣ, а Царь ушелъ на охоту. Какъ увидала жена своего перваго мужа, она перепугалась, но опять-таки какъ-то его обманула и заперла въ одномъ покоѣ. Какъ пришелъ Царь съ охоты, жена ему сказываетъ, что пришелъ Премудрый Саломонъ и что онъ въ томъ-то и томъ покоѣ запертъ: «Но, говоритъ, иди теперь тотчасъ къ нему въ покой и посѣки его, да смотри, не моги дурачиться, не зачни съ нимъ что ни будь говорить, потому что коли пустишь его проговорить, хоть одно только слово, онъ тебя перехитритъ.» Царь съ обнаженной саблей въ рукахъ отворилъ дверь и пошелъ къ Премудрому Саломону отсѣчь ему голову. Саломонъ мирно и безъ страха сидѣлъ на подушкѣ, да какъ увидалъ его, что идетъ къ нему съ саблей, онъ возьми и засмѣйся. Когда Царь увидалъ то, не могъ удержаться, чтобъ не спросить, отчего онъ смѣется? А Саломонъ отвѣчалъ ему, потому, де, смѣется, что царь царя хочетъ погубить на женскомъ изголовьѣ. Царь тогда его спросилъ: «Да какъ же иначе?» А Саломонъ ему отвѣчалъ: — Я уже въ твоихъ рукахъ; свяжи меня, и выведи вонъ изъ города, и погуби меня на открытомъ, видномъ мѣстѣ, да прежде, чѣмъ меня погубишь, прикажи три раза затрубить въ трубу, чтобы всѣ слышали, и кто хочетъ, чтобы могъ прійти да видѣть: тогда и лѣсъ пойдетъ глядѣть, какъ царь царя губитъ. — Царь въ томъ послушался, особенно чтобъ видѣть, правда ли, что и лѣсъ

пойдетъ глядѣть, какъ царь царя губитъ.» Вотъ тогда онъ связалъ Саломона и бросилъ его на простую телѣгу, да и повелъ его губить на поле со своими молодцами и дворянами. Какъ шли они такъ, Саломонъ скрозь телѣгу заглядѣлся на передніи колеса, да вдругъ и засмѣялся. Царь, ѣхавшій рядомъ съ нимъ на конѣ, спросилъ, что онъ смѣется, а онъ ему отвѣчалъ: — Смѣюся глядя, какъ одна половинка обода въ грязь, а другая изъ грязи! — Тогда Царь, повернувши отъ него голову, выговорилъ: «Слава Богу, люди говорятъ: Премудрый Саломонъ, а онъ дуракъ!» Между тѣмъ, когда пришли на мѣсто, гдѣ хотятъ погубить его, Царь приказалъ, и одинъ разъ затрубили. Какъ услышатъ трубу воины Саломоновы, вскочили они. Когда затрубили другой разъ, они начали придвигаться, но людей не видать, а только передъ ними зеленыя вѣтви словно лѣсъ. Царь тому крѣпко удивился и повѣрилъ, правда, что сказывалъ ему Саломонъ, да приказалъ, и затрубили третій разъ: тотчасъ Саломоновы воины достигли на то мѣсто и отняли Саломона, а Царя и всѣхъ его молодцовъ и дворянъ похватали и побили.» Многія звѣнья, соединявшія собою обстоятельства этого разсказа, выпали: «какой-то Царь,» «какимъ-то способомъ,» и т. п., но главныя обстоятельства цѣлы и ярки. Царь чужой; похищеніе жены Саломоновой совершается по договору съ нимъ, по мысли и измѣнѣ самой жены. Онъ присылаетъ ей питье и этимъ средствомъ способствуетъ. Гробъ ея и могила тѣ же, что гробъ или ковчегъ и могила Саломона: одному временная гибель и послѣ спасеніе, другой временное спасеніе и за тѣмъ гибель. Въ Кіевскомъ творчествѣ соотвѣтствуетъ этому начало былинъ о Потыкѣ, гдѣ жена его, ища «надъ нимъ мудрости,» обмираетъ и мужъ принужденъ сходить съ нею по договору въ землю, для ея спасенія. Вторая часть былинъ, гдѣ она внѣшнимъ образомъ убѣгаетъ къ чужому царю, Потыкъ ее преслѣдуетъ, находится на краю гибели, терпитъ отъ «питья забыдущаго,» превращается въ камень и наконецъ спасается уже посредниками; роль коихъ играетъ царевна—въ родѣ Геракла и Хирона, Калѣки Перехожіе съ Николою, и т. д.,— эта часть то же, что подвигъ Саломона на освобожденіе жены, при чемъ онъ подвергается опасности смерти, замыкается въ особый покой или сундукъ какъ въ гробъ, и т. п. Прочія подробности почти дословно схожи со сказаніями Русскими по рукописямъ и устнымъ былинамъ. Похищеніе отъ царя чужаго такое же, какое дѣлывалъ

и самъ Саломонъ, и обратно, освобожденіе жены Саломонова похоже на похищеніе: Царь похищаетъ жену вслѣдствіе ея склонности, согласія, проводитъ ее черезъ смерть, воскрешаетъ, живетъ съ нею счастливо. Такимъ образомъ въ разсказѣ двѣ равныя половины; и видно, что въ древности съ равнымъ правомъ становился извѣстный народъ то на той, то на другой сторонѣ: вспомните разсказъ Геродота о международныхъ отношеніяхъ, или Аріадну, переходившую попеременно отъ Ѳесея къ Діонису. Только послѣ уже, вѣроятно въ эпоху христіанскую, черезъ Ерусалимъ и Царьградъ, склонилось сознаніе на сторону Саломона и ему даетъ *заключительную* побѣду, въ немъ видитъ *своего* представителя, представителя *своего творческаго*, втораго начала. Жена запираетъ Саломона въ покой, какъ выше въ сказкѣ заперла въ ковчегъ. Спасеніе все зависитъ отъ мудрости Саломона, даже отъ одного слова, которое тотчасъ рѣшаетъ всю древнюю загадку. Жена пристаетъ, чтобы Царь непремѣнно убилъ Саломона, да поскорѣй, да не слушалъ бы его: сравните выше настоятельныя требованія воспитанника Акурова, т. е. нашего Васильи Акульевича; таковъ страхъ передъ силою разрѣшающаго начала. На пути къ казни, Саломонъ высказываетъ загадку объ «идущемъ лѣсѣ» и потомъ о «половинкахъ въ ободѣ колеса»: последняя означала въ устахъ его суету человѣчества, въ коемъ то одна сторона опускается, то поднимается и торжествуетъ,—таково же было торжество врага и Саломона, взаимно смѣнявшееся (ср. Кройса, когда вели его на казнь, Китовраса, когда его володили къ Саломону, и т. ц.). Телѣга или Сербскія «кола» возъ, колесница, у насъ переделаны въ «карету.» Три раза трубятъ, въ три пріема подвигаются избавители: извѣстные три дня или три года для возрожденія или воскресенія втораго, творческаго начала. Труба — по происхожденію инструментъ Діонисовой свиты; его рогъ, потомъ звукъ побѣды и спасенія. Войско, идущее здѣсь въ вѣтвяхъ, закрытое ими, такъ что даже не видно людей, есть опять толпа Діонисовская, члены его праздниковъ и процессій съ ваіами въ рукахъ; вспомните дерево, скрывавшее то трупъ, то колыбель юнаго бога, спасавшее тѣмъ людей, человѣка. Этотъ образъ «вѣтвей»—главное пріобрѣтеніе изъ Сербской сказки: въ другихъ его нѣтъ.

2) Теперь приведемъ то же сказаніе изъ нашей рукописи, гдѣ похитителемъ является извѣстный намъ Китоврасъ и, хотя рукопись съ пропусками, но она очень важна именемъ похитителя и многими

образами, просвѣчивающими сквозь себя древній миѳъ. «Бысть въ Іерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лунорадѣ царствуя царь Китоврасъ. Обычай же той имѣя царь — во дни царствуетъ надъ людми, а въ нощи обращашеся звѣремъ Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми, а по родству братъ царю Соломану. И въ нѣкоторое время свѣда царь Китоврасъ, что Соломана жена прекрасна: и вражіемъ совѣтомъ (ср. воспитанника Акирова) разъярись Китоврасово сердце, хотя у себя видѣти Соломанову жену (ср. разсказъ Геродота о Парисѣ), и умысли во умѣ своемъ, и вряди корабль со многимъ товаромъ, и посылаша во Іерусалимъ человѣка своего Волхва, и приказалъ ему: «Добры мой человѣче! Аще ты пріидеши во Іеросалимъ, и ты украдь у Соломана жену его и приведи ея ко мнѣ.» И рече ему Волхвъ той: — Дай же ми, господине, порфиру свою царскую (багряницу), и я могу ея (жену) украсти у Соломана. — Китоврасъ же, дая ему порфиру свою царскую, и отпусти его во Іеросалимъ. И нача торговати, товаръ свой продавати, а порфиру царскую повѣси среди корабля того ради, чтобъ ея всякъ видѣлъ. И нача (начаша) къ нему многія люди ходити товаровъ смотрити; и нѣкій человѣкъ, увидѣ на корабли порфиру царскую, и пріиде ко царю Соломану, и глагола ему: «Царю Соломане! Пришелъ гость со многими товарами и привезъ на корабли порфиру царскую, велми чюдну и украшенну драгими каменіемъ.» И рече царь Соломанъ: «Приведи его съ порфирою царскою!» Человѣкъ той пойде на корабль и рече гостю: «Пойди, господине, съ порфирою царскою къ Соломану царю.» Волхвъ же той пойде съ порфирою царскою. Соломанъ же, видя ту царскую порфиру велми украшену, и повелѣ взяти, а цѣну за нее (дати). И рече Соломанъ царь: «Купче! Буди ко мнѣ заутра на обѣдъ.» И Волхвъ же той удари челомъ царю (и отиде) на корабль свой радуяся. На утріи же день пріиде Волхвъ той ко царю Соломану...» Здѣсь въ рукописи пропускъ: конечно такое же описаніе обѣда, какъ прежде мы видѣли, при появленіи Саломона на кораблѣ къ Дѣвицу съ драгоцѣннымъ камнемъ и прельщеніе царицы, кончившееся ея отвозомъ. За тѣмъ Саломонъ разряжаетъ свое войско, чтобы оно слушало, какъ заиграетъ онъ три раза, и въ третій скорѣй къ нему шли. «И пріиде Соломанъ во царство Китоврасово, аки прохожей старецъ, милостыню сбираетъ. И пріиде

въ садъ, гдѣ черпають воду Китоврасу царю, и выйде Дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ; и рече Соломанъ: «Дай же ми, дѣвица, изъ сего кубца испити.» И рече ему Дѣвка;—Какъ ты, Старецъ, хощешь пити изъ царского сего кубца? Аще кто увидитъ и скажетъ царю, и онъ велитъ за то насъ обѣихъ казнить.— Соломанъ рече: «Дай же, Дѣвка, испити: никто у насъ сего не увидитъ!» И дасть ей за то колечко, и она даде ему испити. И поиде Дѣвка съ водою радуися (радуяся) и скажи госпожѣ своей такъ: — Азъ его нашла на пути. — И нѣкто (ошибочная вставка; вѣроятно «нѣкако,» какъ-то) увидѣ у нее нѣ въ которое время то колечко Соломонова жена, а Китоврасова Царица, и опозна (узнала) его, что то колечко ее обручалное, и рече ей: «Скажи, Дѣвка, кто ти далъ сіе колцо?» Рече Дѣвка:—Далъ ми, госпожа, Старецъ Захожей.—Она же рече: «Не Старцу быть, но мужу моему Соломону!» И скоро розосла многихъ людей своихъ по граду и повелѣ сыскати. Они же, сыскавъше (въ рукоп. ошибка «сыскавъ же») Старца и приведоша его къ ней. Она же видѣвъ и рече ему: «Соломане! Ты пошто еси сюды пришелъ?» И рече Соломанъ:—Пришелъ убо а по твою главу.—И рече ему жена его Соломанова: «Самъ ты, Соломанъ, пришелъ на смерть и будеши повѣ(шенъ).» — За симъ третій отдѣлъ сказанія. «И Соломанова жена скоро посылаша на поле къ Китоврасу людей своихъ: «И скажите Китоврасу такъ; — пришелъ ко мнѣ гость, а твой, господине, недругъ.»» Китоврасъ же скоро поѣде ко двору своему, и видѣ Соломана у себя на царскомъ дворѣ, и рече ему Китоврасъ: «Ты еси, Соломанъ, почто ко мнѣ пришелъ?» И рече Соломонъ: — Пришелъ есми къ тебѣ для того: за что еси укралъ жену мою?—И рече ему Китоврасъ: «Али ты у меня, Соломонъ, хощеши украсти свою жену? У меня не видать тебѣ жены своея, а тебѣ отъ меня живу не быть!» И повелѣ царь Китоврасъ Соломона скоро повѣсити. И Соломонъ предъ царемъ Китоврасомъ нача плакати, и рече:—Братъ еси, Китоврасъ! Язъ былъ братъ твой и царствовалъ во Іеросалимѣ: повели мнѣ датъ царскую смерть, вели меня повѣсити честно, и вели тутъ вывезти питья и ѣствы много, и поиди за (со) мною и съ Царицею самъ, и вели выти (выйти) всѣмъ людемъ градскимъ на такое мое позорище, и вели имъ пити и ясти, а меня, царя Соломона, поминать.— Китоврасъ же послуша царя Соломона и сотвори тако, и

повелѣ Соломона вести на шибалицу (висѣлицу). И приведчи Соломона къ шибалицѣ, и видѣ(въ) Соломонъ на шибалицѣ лычную петлю, и рече Китоврасу: —Братъ еси, Китоврасъ! Али у тебя во царствѣ твоемъ не стало шелку? Пошли и вели купить красного да желтого, и свить двѣ петли шелковые, едину красную, а другую желтую, и я въ любую петлю кинуся.— Китоврасъ же повелѣ шелку купить красного да желтого, и свить петлю въ красномъ, а другую въ желтомъ. И рече ему Соломонъ: — Брате еси, Китоврасе! Вели мнѣ поиграти въ малы рожекъ передъ послѣднимъ концомъ? — Китоврасъ же повелѣ ему играти, Соломону, въ рожекъ: и услыша войско Соломоново, и нача вооружатися. И какъ привели Соломона къ шибалицѣ, и рекоша Соломону немилостивые Полачи (у насъ въ былинахъ «Скурлаты немилостивые»): «« Иди, Соломонъ, на шибалицу! »» И Соломонъ пошолъ, и ступилъ на первую ступень, и глагола Соломонъ Китоврасу:—Брате еси, Китоврасе! Поволь (позволь) мнѣ еще поиграти въ малый рожекъ? — И царь Соломонъ заигралъ въ рожекъ: и въ тѣ поры Китоврасъ и все войско Китоврасово задумалось; и услышало Соломоново войско, и приде близко Соломона царя, и укрыся въ тайнѣ мѣстѣ. И рекоша ему немилостивые мастеры («заплечные мастера»): ««Царю Соломане, что мѣшкаешь?»» И Соломонъ поиде по лѣствицѣ, и вскочи на верхней перекладъ шибалицы, а лѣсницу прочь отбросилъ, и нача играти во свой малы рожекъ: и борзо прискака войско къ нему, и повелѣ Соломонъ всѣхъ побивать. Они (оные, тѣ) градцкіе люди побѣжаша; а царя Китовраса и жену Царицу поимали, и привели предъ царя Соломона. И рече Соломонъ: — Брате Китоврасе! Ты мнѣ готовилъ (въ рукописи или изданіи ошибка—«говорилъ») шибалицу и двѣ петли шелковые, и хотѣлъ меня повѣсити не по винѣ моей (безвинно), но по своему злакосненому (злокозненному.) сердцу: и за то еси самъ впалъ въ руки моя, яко агня въ кохти волку, и терпи въ рукахъ моихъ, и не можешь живъ быти! — И повелѣ царь Соломонъ повѣсити ихъ обѣихъ: Китовраса въ красную петлю, а жену его, Царицу, въ желтую петлю, а Волхва ихъ въ лычную петлю. И повелѣ во градѣ и досталныхъ людей всѣхъ побити, а царство Китоврасово огнемъ выпалить. А царь Соломонъ поиде въ Іерусалимъ градъ, славяще Святую Троицу, что невѣрнаго царя побилъ (точка зрѣнія христіанская), и царство

его попалѣнилъ, и огнемъ попалилъ.» — Миѳологическій Китоврасъ, какимъ мы видѣли его прежде, обращенъ здѣсь во внѣшняго врага-царя: но иное изъ сферы божеской и демонической ярко и здѣсь проглядываетъ. Онъ царствуетъ надъ звѣрьми, какъ Діонисъ, Гермесъ, въ нашемъ эпосѣ Чурило; другую половину сутокъ, день, царствуетъ онъ надъ людьми: существо половинчатое, образъ похожій на помянутое выше представленіе антиподовъ, соединявшихъ и день, и ночь, и Востокъ, и Западъ. И въ самомъ своемъ внѣшнемъ образѣ онъ «звѣрь Китоврасъ,» звѣрь Кентавръ, Полканъ, Исполинъ (послѣднее слово мы производимъ не отъ имени народа Споловъ, какъ дѣлаютъ это прочіе ученые,—имя народа только привилось сюда,—а отъ полъ, пола, сполу, исполу, т. е. также, какъ «Полканъ,» половинчатый). Двойство природы его выражается здѣсь проходомъ сквозь виды животныхъ, способностію оборачиваться, — онъ оборотень: также проходятъ міръ животныхъ и живутъ оборотнями—самъ Саломонъ, какъ увидимъ ниже, въ нашемъ эпосѣ Вольга и князь Романъ. При выводѣ отвлеченнаго понятія это оборачиванье означило мудрость или означено именемъ мудрости: Вѣщій или Мудрый Олегъ, Хитеръ-Мудеръ Романъ, Премудрый Саломонъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, послѣднемъ рубежѣ между нашимъ Кіевскимъ эпосомъ и уже исторіею, между творчествомъ непосредственнымъ и художественнымъ сочиненіемъ, такимъ же изображенъ Всеславъ: «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше: Всеславъ князь (днемъ) людемъ судяше (ср. Суды Саломоновы), княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.» Потому Китоврасъ такой же Премудрый, какъ самъ Саломонъ; онъ при томъ и царь, и братъ Саломона: оба они равноправны, ихъ равныя области размежеваны. Братъ онъ Саломону такой же, какъ сестра Саломону Саломонія, какъ сестра была Рея Кроносу: дѣти одного раздвоившагося существа или, лучше, его раздвоившіеся образы. Мы видѣли и прежде Китовраса во всей его самобытности, такъ, что хотя его и словилъ Саломонъ, но онъ зашибъ царя, и закинулъ, и самъ вернулся къ себѣ назадъ. Въ этой-то своей самобытной области теперь снова и представленъ онъ, хотя уже болѣе внѣшнимъ царемъ. Лукордъ, въ которомъ живетъ онъ, есть извѣстное намъ имя Лукорга или Ликурга, Ѳракійца, царя, врага Діонисова; его же помѣщали и въ Аравіи, и вездѣ, гдѣ выступалъ врагъ втораго творческаго начала; онъ же и въ Вавилонѣ,

хозяинъ Езопа, заставляющій послѣдняго разгадывать загадки. Любопытны эти отношенія: Ѳракійскій Салононъ, въ греческомъ имени Салмокса, поставленъ Греками въ отношеніе къ Пиѳагору, но и самъ мудрецъ, и гадатель; Ассирійско-Вавилонскій Анаданъ въ соотношенія съ премудрымъ Акуромъ, а этотъ у Мидо-Персовъ съ Зороастромъ; Ликургъ Ѳракійскій сопоставленъ Греками съ ихъ послѣдующимъ законодателемъ Ликургомъ; Ликургъ Вавилонскій съ Езопомъ, Езопъ съ Солономъ; настоящій Китоврасъ, по имени Лукорда, со всѣми съ ними, а въ поэмѣ въ соотношенія съ Премудрымъ Салomономъ. Цѣлый рядъ первобытныхъ мудрецовъ, въ значенія мудрости, добытой человѣчествомъ въ эпоху доисторическую тогдашними подвигами; каждый пріурочивается извѣстному народу, многіе изъ нихъ являются и царями. Во Ѳракія, у праотцевъ Славянскихъ, многимъ изъ нихъ дано мѣсто: Лукоргъ Ѳракійскій, Китоврасъ Лукорговскій, Саломонъ Ѳракійскій, сближаемый съ обоими,— все это развѣтвленія одного образа, мѣстнаго, своебытнаго, хотя и въ связи съ иными народами, и подъ иностранными именами. Одно изъ мѣстныхъ именъ мы знаемъ, — В о л о с ъ или В е л е с ъ на ступени божеской; на ступени демонической и героической соотвѣтствуетъ ему В о л о х ъ и В о л х в ъ, В о л о т ъ или В е л е т ъ. Послѣдній, поставленный во главѣ поэмы, конечно и есть родоначальникъ раздвоившихся, Китовраса и Саломона, съ сестрою или смѣнявшеюся женою ихъ—Волотовною Саламаніей. Въ самостоятельной области своей Китоврасъ, говоримъ, имѣетъ равныя права съ Саломономъ, и права на одно и то же: онъ имѣетъ право и на Саламанію. Право это выражается ясно во многомъ: похищенія Китовраса такія же точно, какія творилъ самъ Саломонъ; онъ к р а д е т ъ жену у Саломона, но и Саломонъ крадетъ у врага себѣ невѣсту, и возвращеніе жены отъ Китовраса названо въ этомъ же самомъ сказанія, по словамъ Китовраса, кражею; средства похищенія одни и тѣ же, жена уходитъ отъ Саломона вслѣдствіе собственной ея склонности и измѣны; Китоврасъ, мы видѣли прежде, проглотилъ запястье или перстень у Саломона, а вмѣстѣ право на его супружескую половину; право это еще болѣе выражено въ сношеніяхъ Саломона съ Поромъ мѣною колецъ; похищеніе жены, какъ необходимость, предсказано Саломону отцемъ при самомъ первомъ сближенія съ невѣстою; мать уже предрекаетъ бѣды отъ жены. Приманка, средство, предъявляемыя похитителемъ на похищеніе, кольца,

запястья и т. п., съ обѣихъ сторонъ выражаютъ предъявленіе равныхъ правъ. Только, повторяемъ, третье, сознаніе, сторона, — вотъ что рѣшаетъ побѣду для той или другой стороны, беретъ участіе въ томъ или другомъ лицѣ, называетъ его своимъ. Такимъ образомъ можемъ дѣлить разсказъ: первая его часть — подвигъ Китовраса; вторая — подвигъ Саломона; третья — рѣшеніе двухъ борящихся сторонъ, рѣшеніе, на чьей право,—судъ, кризисъ. Въ первой части самостоятельный дѣятель Китоврасъ. Когда мы видѣли его въ рабствѣ и служеніи, онъ былъ самъ посредникомъ: теперь у него свой посредникъ, Волхвъ, продолженіе его собственнаго существа, только въ борьбѣ, имя, одинаково вытекшее изъ Волоса, какъ и Волотъ; это тотъ же бѣсъ, Гераклъ, Гермесъ, что̀ угодно изъ этого рода. Китоврасъ ему господинъ: слѣдовательно Волхвъ рабъ, чернорабочій. Въ Кіевскомъ творчествѣ испорченная форма имени Волоха, Волхъ, совпала съ историческимъ — Вольга, Олегъ: Волхъ дѣйствуетъ въ походѣ подъ Индѣйское царство и увозитъ оттуда Царицу,—это ступень болѣе ранняя, ближайшая къ миѳу и Черноморскому, Придунайскому эпосу; въ Кіевскомъ творчествѣ на ступени дальнѣйшей совершаетъ то же самое Вольга̀, въ отношеніи къ Цареграду. Здѣсь же, при Китоврасѣ, дѣйствуетъ Волхвъ, герой сродный и Волху, и Вольгѣ, но въ области опять самостоятельной, какъ самостоятельно и самое его имя, пошедшее также отъ Волоса, какъ и Волохъ, но въ послѣднемъ только перегласовано *с* въ *х*, а въ имени «Волхвъ» уже дальнѣйшее развитіе формы посредствомъ *в* *). Тѣмъ не менѣе, говоримъ, какъ по именамъ, такъ и по исконному значенію, эти герои разныхъ областей творчества сходны между собою. Средства, употребляемыя Волхвомъ для похищенія или, лучше подвига, намъ извѣстны: корабль, порфира или багряница, «драгое каменіе.» Прибавимъ: такъ какъ волхвъ означалъ у насъ и врача, то появленіе Волхва въ царство Саломона для прельщенія жены можно сравнить съ прибытіемъ Нектанеба къ Филиппу и Олимпіадѣ, или съ подвигами Потыка, въ нашихъ сказкахъ исцѣляющаго и пріобрѣтающаго царевну. Наконецъ, онъ принимаетъ видъ гостя, купца, торговца,—опять извѣстный образъ отъ Гермеса до Финикіянъ историческихъ.—Вторая

*) Различіе этихъ именъ, а подъ именами героевъ, а подъ лицами героевъ—эпохъ и слоевъ творчества, упомянуто нами въ «Замѣткѣ» къ I-й Части Рыбник., съ цѣлію устранить ошибочныя смѣшенія того, и другаго, и третьяго.

часть разсказа—подвигъ Саломона, то же похищеніе, но ему, сообразно съ заключеніемъ, поставленнымъ на сторонѣ Саломона, придаютъ смыслъ законнаго возвращенія и возмездія. Саломонъ здѣсь также долженъ дѣйствовать: потому ниже, въ сношеніяхъ съ Поромъ, дѣйствительно онъ посылаетъ на это дѣло посла, такого же, какъ посолъ Пора или Китовраса, а самъ только является рѣшителемъ, судіею, мстителемъ. Въ настоящемъ разсказѣ выражено это такъ, что Саломонъ принимаетъ видъ посредника: онъ принимаетъ на себя образъ «Прохожаго» или «Захожаго Старца,» т. е. Калѣки Перехожаго. Какъ въ миѳологіи Гермесъ, въ демоническомъ кругу Кощей (похититель дѣвушекъ, представитель кочеваго быта), такъ въ самомъ быту при выходѣ къ исторіи подлинными посредниками были Калѣки Перехожіе: блуждающіе дѣти пройденной многотрудной эпохи кочевья, разнощики вѣстей и творчества, страшные, безобразные, наслѣдники Гермесовской шляпы, клюки, подорожной гуни и т. п. («Зам.» къ выпускамъ Кир.). Въ объясненіи сказки о Бовѣ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.) мы имѣли случай объяснить, что образъ ихъ, принимаемый героями, равнялся тому же, что образъ раба, чернорабочаго, чернаго даже по цвѣту, замараннаго сажею и т. п. Это было явленіе параллельное первобытнымъ гостямъ и торговцамъ, перехожимъ, блуждающимъ, мѣновымъ, превращавшимся, по ихъ Финикійскому прототипу, нерѣдко въ воровъ и обманщиковъ, откуда и переходъ значенія «гостя,» какъ пришельца, во «врага,» hostis. Гостемъ прибылъ къ Саломону Волхвъ: къ Китоврасу прибылъ Саломонъ Калѣкою Перехожимъ. Посмотримъ, какъ здѣсь онъ дѣйствуетъ. Прежде всего замѣтимъ, что образъ дѣйствія, принятый для уловленія Китовраса въ настоящемъ случаѣ, весьма похожъ на то, какъ прежде словилъ его Саломонъ: такъ же колодецъ, кубокъ, кольцо — какъ уже или цѣпь. Безпрерывно повторяется одна и та же сущность, но къ славѣ творчества, ибо здѣсь-то и выказывается сила его разнообразія. Представитель Ерусалима пришелъ къ колодцу; со стороны Китоврасовой является свой посредникъ—«Дѣвка Чернавка.» Лице это, въ миѳахъ одинаковое со всѣми посредниками, только что женское, въ нашемъ эпосѣ проходитъ чрезъ множество сказаній, особенно о Бовѣ, о Василъѣ Буслаевѣ, Чурилѣ, Садкѣ. Чернавка—работница, по самому имени—черная; обыкновенно въ связи съ молодымъ героемъ, помощница ему—въ родѣ Яги-бабы, Греческой Гекаты, только та старше по лѣтамъ, и въ области демонической, а эта въ быту; она на

трудъ домовая. сильна такъ, что если захочетъ — перебьетъ мужчинъ водоносомъ; будитъ героя на подвиги, освобождаетъ изъ заперти, а для того порою украдетъ и ключи. Въ былинахъ о Садкѣ, выдавшись чернымъ цвѣтомъ, она помогаетъ герою рѣшить загадку о выборѣ невѣсты; въ дѣлѣ съ Чурилою она перескащица и переносщица. Однимъ словомъ, она посредница, такая же, что и другіе, только въ дѣвкахъ, и въ дѣвкахъ засѣла, за мужъ не вышла. Внѣшнее очертаніе ея — обыкновенно съ коромысломъ или водоносомъ: то спуститъ его при колодцѣ накачать ведро, то снова на плечи дугою. Это въ миѳологіи наша Ирида и Радуга. Въ настоящемъ случаѣ, въ эпосѣ, она на послугахъ у Царицы, какъ Ирида у Геры. Саломонъ попросилъ у ней испить изъ царскаго кубка, въ отплату далъ колечко: связь завязана, Чернавка непремѣнно доведетъ до госпожи, а Саломона введетъ во дворецъ; то кольцо, которое проглотилъ Китоврасъ, даетъ ему права на Царицу, но и сгубитъ его; обручальное кольцо черезъ Чернавку дойдетъ до жены Саломона, ее также сгубитъ, Саломона выведетъ къ побѣдѣ. Такъ и вышло. — Теперь часть третья: обѣ стороны, Китоврасъ и Саломонъ, столкнулись съ глазу на глазъ, посчитались упреками во взаимной кражѣ, братскимъ родствомъ, равными правами на царство и царскую смерть: должно наступить рѣшеніе, пересилитъ тотъ, на чьей сторонѣ сознаніе въ его высшей ступени, на чьей сторонѣ сознаніе народа, кому принадлежитъ поэма, сознаніе разсказщика и пѣвца; въ настоящемъ случаѣ жребій палъ на Саломона. Любопытно, какъ въ эпосѣ герой хлопочетъ, чтобы смерть была ему на висѣлицѣ, чтобъ его вздѣли на дерево, чтобъ покачаться ему въ петлѣ, да чтобъ была она красная, желтая, разноцвѣтная, называя это смертію царскою. Какая же это царская смерть, скорѣе рабская? Оно такъ и есть: древній подвижникъ, рабъ, допущенный на время къ царскимъ яствамъ и одеждамъ, погибнуть долженъ рабскою смертію, на дровахъ, на кострѣ. Эпическое творчество невольно подчиняется здѣсь древнѣйшему миѳу: а тамъ мы видѣли героевъ въ петлахъ на деревѣ, Еригону и подругъ ея; оттуда же Діонисовскій праздникъ съ разноцвѣтными петлями на деревьяхъ, съ образками въ люлькахъ, вздѣтыхъ на дерево; оттуда и въ началѣ поэмы любовникъ въ люлькѣ на деревѣ; наконецъ въ греческомъ эпосѣ Елена въ петлѣ у иститeльной Поликсо. Это невольное побужденіе сознанія, невольно такъ выражавшее себя въ миѳахъ, въ празднествахъ, въ творчествѣ,

отозвалось и здѣсь въ эпосѣ: но эпосъ конечно выставилъ дѣло уже такъ, что дерево, висѣлица, разноцвѣтныя петли,—все это необходимо для спасенія любимаго героя; все это готовится какъ кара на враговъ и представляется хитрымъ обманомъ. Таково же точно значеніе позорища, торжества, которое выпрашиваетъ себѣ Саломонъ при смерти; но эпосу это необходимо, чтобы подоспѣли спасители Саломона, его воины, чтобы однимъ ударомъ свалили собранныхъ подъ ударъ враговъ. Но въ сферѣ обрядной это древній «праздникъ рабовъ,» въ заключеніе сожигавшихся или умерщвлявшихся, это различные праздники Геракла и Діониса; отсюда въ Сербской сказкѣ, мы видѣли, люди закрыты вѣтвистыми сучьями и несутъ ихъ передъ собою, какъ ваія празднующихъ второму богу; отсюда эти разставляемыя «питья и ѣствы,» требы и жертвы, «поминки» Саломона. За тѣмъ слѣдуетъ «рожокъ,» извѣстный намъ «рогъ» Діониса, съ виномъ его, какъ символомъ побѣды, рогъ его святы, звукъ торжества: дѣйствительно, онъ Саломону во спасеніе, врагамъ на погибель. Три раза герой всходитъ по ступенямъ: на третьей онъ спасенъ и подвигомъ выстрадалъ себѣ торжество. «Немилостивые палачи» или «мастеры,» въ дѣлѣ съ Поромъ «Палатъ,» то же, что посредникъ Волхвъ, въ устной поэмѣ Таракашка: они спѣшатъ срубить героя, трижды подводятъ его къ гибели, какъ взбрасывали Ѳракіяне обреченную жертву на три копья; но имъ отвѣчаютъ и спасители, въ три шага подоспѣвшіе къ герою. Въ трехъ разноцвѣтныхъ петляхъ очутились и повисли головы враговъ, Китовраса, Саломоніи, Волхва: это то же, что прежде видѣнное нами «уже» на Китовраса съ именемъ Божіимъ, веревка на чертей, своего рода рѣшеніе загадки, своего рода судъ Саломоновъ. Внѣшнимъ образомъ, въ формѣ международныхъ отношеній, плѣнено Палестиною и Ерусалимомъ царство врага, попалено, разорено, побито. Со стороны Христіанской низложено «невѣрное» царство язычества, сокрушенъ «невѣрный» царь Кудріянище, Идолище, Индѣйскій, Рахманскій, Рахлейскій; Саломонъ славитъ «Святую Троицу.»

3) Всего полнѣе то изложеніе поэмы, гдѣ врагомъ Саломона является П о р ъ: такъ какъ это черта эпохи уже Александровой, то и самый видъ поэмы конечно возникъ около его времени, позднѣе другихъ: отъ того же онъ и полнѣе, отъ того же дѣйствіе въ немъ изложено еще болѣе внѣшнимъ образомъ, внѣшними полу-историческими чертами. Нѣсколько разъ смѣняются роли Пора и Саломона, съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ одинаково посредники, повторяются

одинакіе подвиги. Выдѣлять всѣ эти слои поэмы порознь было бы слишкомъ долго: мы принуждены замѣтки свои вставлять между текстомъ, предоставляя читателю усмотрѣть по нимъ ясныя впрочемъ дѣленія, черты, образы поэмы. Завязка начинается раньше еще женидьбы Саломоновой и подводится къ ней такъ: «И женясь царь Соломанъ послалъ посланіе ко Царю (Пору) въ дарѣхъ въ царство перстень (послалъ между дарами перстень, а вмѣстѣ посланіе), и отписалъ царь Соломанъ: — Въ прошломъ, де, лѣтѣ былъ я въ твоемъ царствѣ и съ Царицею твоею пребылъ (въ связи), и перстень съ правыя руки снялъ золотой любимой.— И послалъ тотъ перстень къ Царю въ дарѣхъ, и царь Поръ печаленъ бысть.» Рядомъ съ этимъ пророчество отца Саломонова, что Поръ ему «отсмѣется:» такъ и случилось, на Саломонѣ повторяется то же, что сдѣлалъ онъ надъ Поромъ, и это слѣдующая, послѣ завязки *первая часть* поэмы. «Царь же Поръ пустилъ по своему царству кличь великъ (вызываетъ поединщиковъ врагу): кто бы шелъ въ царство Соломаново и провѣдалъ бы вирямъ, женатъ ли будетъ (женатъ ли есть) Соломанъ царь, или не женатъ. И выступилъ княженецкой слуга (посредникъ; Поръ является князьмъ), и рече: «« Государь царь Поръ! Язъ тебѣ провѣдаю вирямъ, что женатъ ли будетъ или нѣтъ царь Соломанъ; будетъ (буде, если) женатъ, и язъ тебѣ, государь царь, привезу Царицу Соломонову.»» И рече ему царь Поръ: «Что тебѣ подмоги взять (какое употребишь средство)?» И рече слуга: «« Государь Поръ! Вели сдѣлать золотые рукавцы (запястья, жуковины) и самоцвѣтные (ое) каменіе вели у рукавцовъ придѣлать (два, извѣстныя намъ, средства).»» И царь Поръ повелѣ золотые рукавцы сдѣлать (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ, и даша слугѣ княженецкому. И пошелъ княженецкой слуга въ путь, и дошелъ до царства Соломонова, и покажетъ гостю нѣкоему (конечно и самъ принявши видъ гостя, купца) золотые рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ (ср. выше, какъ подобное средство ввело Семіона и Саломона во дворецъ, къ Царевнѣ или Царицѣ). И гость рече: — Не наскіе (не нашинскіе), брате, тѣ рукавцы: подобны (приличны, идетъ) тѣ рукавцы царю носить или царицѣ (ср. выше, какъ по колечку узнала Саломонія царя Саломона). — И сказали про тѣ рукавцы Царицѣ, и Царица послала про (по) того прохожева человѣка (гостя, сходнаго съ перехожими калѣками) скоро, у кого ру-

кавцы. И пришелъ посланникъ царевъ (онъ же слуга, гость), Поровъ, къ Царицѣ Соломоновѣ, и рече ему Царица: «Сказали мнѣ, что есть у тебя золотые рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ?» И слуга показа Царицѣ, и Царица рече: «Что симъ цѣна рукавцамъ?» И посланникъ рече: «« Государыня Царица! Отъ неволи продаю, что на чюжемъ царствѣ ѣсть нечего, а се на проходъ (на дорогу или на обиходъ, содержаніе) надобно, а снялъ я тѣ рукавцы зъ дѣвки своей водоноски (Чернавки; ср. выше, какъ ей далъ кольцо Саломонъ). И тѣ рукавцы подержаные, а не твойскіе царицыны (не по тебѣ, Царица); тѣ есть сирочьи, поношеные, а у насъ тому не жадны (у насъ не дорожатъ ими).» » И рече Царица Соломонова: «Есть ли у вашего царя царица (начинается склонность къ измѣнѣ, выразившаяся далѣе рѣшительно)?» И посланникъ рече: ««Нашъ царь Поръ пытаетъ (ищетъ) себѣ Царицы и мѣсто ей уготованно: на вѣтреномъ обходѣ царствовати, и звѣзды на небѣ считати, и мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ (доказательство, что здѣсь подъ Царицею исторія и роль древней богини, нѣкогда звѣздной, астральной, сабическей, Афродиты-Ураніи, Астарты, потомъ греческой Артемиды, съ символомъ луны, среди звѣздъ — Плеядъ; въ настоящемъ случаѣ это служитъ уже соблазномъ и обманомъ, средствомъ похищенія).»» И рече Царица Соломонова: «Язъ иду за вашего царя Пора Премудраго (равнаго Саломону).» И посланникъ рече: «« А меня царь Поръ для того и послалъ, для-ради тебя.» » И рече Царица: «Не можно мнѣ отъ царя Соломона пойти (уйти): царь Соломонъ Премудры.» И рече посланникъ: ««Царица! Лишь бы у тебя охота была, а я могу у него тебя увести.»» И Царица рече: «Пойти тебѣ со мною по землѣ, — и Царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подымешь меня на пчелиные крылье, — и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ — щукою догонитъ (исконное значеніе «Премудрости» и тождественое ея описаніе, ходъ сквозь образы дочеловѣческіе къ развитію, способность—обратно — «оборачиваться:» ср. выше Китовраса, Вольгу, Потыка, Романа и т. п.).» И рече посланникъ Царицѣ: «« Дамъ тебѣ забудящаго зелія (извѣстное намъ «средство» по сотнѣ примѣровъ) про тебя (и тебя) мертву доспѣю (сдѣлаю мертвою), да унесу на корабль (явился и «корабль,» прежде не упоминавшійся при сухомъ пути

посланника). »» И рече посланникъ: ««Вели ключи придѣлать у ложницы (спальни), и я тебя мертву вынесу.»» За симъ самое похищеніе, при чемъ Царица переходитъ въ гробъ, чтобы достаться манившему издали любимцу. «И по совѣту (по уговору) дастъ посланникъ Царицѣ з е л ь я, и Царица м е р т в а б ы с т ь. И пришли царевы люди, и обрѣтѣ (обрѣтше) Царицу мертву, и рекутъ царю Давиду (онъ еще живъ? Ниже мы еще его увидимъ и объяснимъ, почему онъ живъ): ««Государь царь Давидъ! У нашего царя Соломона Царица умерла, а твоя сноха.»» И царь Соломонъ рече: «Вправь отца моего слово сбылось на мнѣ (пророчество; ср. выше)!» И поиде царь Соломонъ къ Царицѣ мертвой, и узрилъ мертвую Царицу свою, на одрѣ лежитъ мертва. И велѣлъ царь Соломонъ сковать гвоздіе желѣзные (ое) и жегало, и велѣлъ колоть въ бедру, и рече (рекоша?): «Ей (точно), гвоздь и желѣзо и сверло въ мертвой бедрѣ!» И царь Соломонъ рече: «Мертва бысть (ср. Потыка: когда обмерла жена, онъ куетъ клещи и прутья, обыкновенное средство противъ оживающихъ мертвецовъ и оборотней; этимъ убиваетъ онъ змѣю, выражавшую непотребность самой жены, послѣ чего она воскресаетъ; ср. «Зам.» къ 4-му вып. Кир. И здѣсь жена въ желѣзъ за симъ воскресаетъ, воскресши бѣжитъ ко врагу, какъ жена Потыкова)!» И хоронилъ ее съ великою честію, и у гробницы стражи поставилъ многіе. И пришелъ посланникъ царевъ, Поровъ, ко гробницѣ: ажно (анъ) сторожи стерегутъ крѣпко. И посланникъ пустилъ на стороже с о н ъ м е р т в о й (какъ Таракашка на слугъ Царицы), и поснули сторожи. И посланникъ царевъ, Поровъ, вынелъ (вынеслъ, вынесъ, какъ въ Сербскомъ; вынялъ, вынулъ) гробницу съ Царицею и принесъ на к о р а б л ь, и поѣхалъ къ царю Пору. И о ж и в и л ъ Царицу жену (тѣмъ же питьемъ; въ Сказкахъ нашихъ и въ эпосѣ это «живая и мертвая вода,» по извѣстному намъ обоюдному дѣйствію; ею оживилъ и Потыкъ жену свою, доставши отъ змѣя), и царю Пору живую привелъ. И царь посланнику велію честь воздалъ. И послѣ того сторожи сказали царю Соломону: ««Государь царь Соломанъ! Царица у насъ украдена твоя и съ гробницею (вѣсть эта *истинна*, ибо въ дѣйствительности *обманъ:* существо умерло и воскрешено обманомъ. Но мы знаемъ, что этотъ образъ соотвѣтствуетъ *дѣйствительной* смерти и воскресенію существа: когда это такъ, то на оборотъ слухъ и вѣсть о к р а ж ѣ будутъ уже непремѣнно *ложью*).»» И Соломанъ царь ростужился и въ кручину палъ. И полетѣ Соломонъ

подъ небеса ясными соколомъ, — и не обшелъ (не нашелъ) ея подъ небеснымъ облакомъ; но (ино, а то такъ—) пошелъ по земли лютымъ звѣремъ, — и не обтече нигдѣ; и поплыветъ въ морѣ щукою, — и въ морѣ не нашелъ (ср. выше то же оборачиванье; а также исканіе Персефоны, погоню Морскаго Царя за Василисой, погоню за Семіонами и т. п.). И бысть Соломанъ царь въ велицѣй печали (такъ же, какъ выше Поръ).» — Теперь *вторая часть*. Въ *завязкѣ* ея Поръ также присылаетъ посла съ похвальбой, какъ посылалъ къ нему Саломонъ, а за тѣмъ Саломонъ одинаково съ Поромъ посылаетъ къ нему посла провѣдать впрямь, точно ли женился онъ на его женѣ. Посолъ этотъ дѣйствуетъ также, какъ самъ Саломонъ при появленіи къ Китоврасу черезъ Чернавку. «И пришелъ сильны посолъ (то же, что «грозный;» ср. Елтегу и Акура, чередовавшихся посольствомъ; это тотъ же слуга и посредникъ) отъ царя Пора, и рече царю Соломану: ««Царь Поръ прислалъ къ тебѣ меня по ряду выговорить: — Въ нѣкое лѣто прислалъ ты еси ко царю Пору посла своего и съ посломъ прислалъ перстень златъ въ дарѣхъ, и похвалился еси ты, царь Соломонъ, что будто съ Царицею моею пребылъ въ моемъ царствѣ и тотъ золотъ перстень съ Царицы моей съ руки снялъ; а нынѣ я съ твоею Царицею пребываю, и твоя Царица теперо у меня, царя Пора. —»» И Соломанъ царь печаленъ бысть, и скоро отряжаетъ посла своего къ царю Пору въ царство, и велѣлъ отвѣдать (провѣдать), «вправду ли есть моя Царица у царя Пора,» и далъ послу великъ (велику) подмочь (свиту). И рече посланникъ Соломану: ««Государь царь Соломанъ! Дай мнѣ великъ златъ вѣнокъ (вѣнецъ), и рукавокъ (здѣсь уже можетъ быть «рукавъ;» ср. отгадку женщинъ отъ мужчинъ посредствомъ «рукавовъ») жемчюгомъ усаженъ, и златой самоцвѣтной камень вдѣланъ (опять тѣ же, извѣстныя намъ средства; посланникъ беретъ ихъ съ собою также, какъ Поревъ).»» И даетъ царь Соломанъ посланнику своему златъ вѣнокъ съ жемчюгомъ усаженъ и золотъ рукавокъ (съ) самоцвѣтнымъ каменемъ. И посланникъ прииявъ, и поиде въ далекую землю, въ царство Порово. И показа златой вѣнокъ съ жемчюгомъ усаженъ и рукавокъ (съ) самоцвѣтнымъ каменемъ нѣкоему гостю (посредникъ, который доведетъ его до Царицы): ««Купи у меня, прохожева человѣка далные страны (изъ дальней стороны).»» И гость посмотрилъ вѣнца и рукавца: ажно (анъ) у ру-

кавцовъ сіяетъ самоцвѣтные каменіе. И рече ему гость: — Не мойскіе (не по мнѣ) рукавцы: подобны тотъ вѣнокъ и рукавцы Царю носить или Царицѣ! — И гость поиде на царской дворъ, и сказали Царицѣ, и Царица повелѣ того прохожева человѣка передъ собою поставить въ тотъ часъ. И приде посланникъ къ Солономоновой Царицѣ въ полату, и рече Царица Солономонова: «Повѣждь ми, изъ коей земли и коего царства?» И посланникъ рече: ««Я есми отъ царя Солонана, изъ его царства.»» И Царица рече: «Есть у тебя вѣнокъ златъ и рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ?» И посланникъ рече: ««Государыня Царица! Не твойской (не по тебѣ) вѣнокъ златъ зъ жемчюгомъ и рукавокъ (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ: то есть м о л о д о в а ч е л о в ѣ к а (опять приманка для влюбчивой; средства, похитившія Царицу, теперь обличаютъ ее и готовятъ ей гибель).»» И покаже (покажетъ или показа) вѣнокъ златъ и рукавокъ (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ. И Царица великую честь воздала ему, и даръ подаетъ посланнику, и учнетъ Царица съ нимъ говорить про Солономона царя житіе (какъ онъ поживаетъ или какъ она жила съ нимъ) и какъ у Солономона Царица ушла. И посланникъ велику честь поимаетъ за вѣнокъ и за рукавцы, и подписалъ ерлыки царицыны (записалъ съ ея словъ; обличительный актъ), какъ Царица у царя Солономона ушла. И посланникъ Солономоновъ втай изъ царства ушелъ къ царю Соломану, и рече: ««Государь царь Солононъ! Впрямь твоя Царица у царя Пора.»» И подаеть (подасть) ерлыки царицыны, и рече: ««Въ томъ написанъ отходъ царицынъ, какъ у царя Солономона ушла Царица (онъ воротился съ тѣмъ же, какъ и посолъ Поровъ, такъ же, какъ съ самою Царицей — съ вѣстію объ ней и ея подлиннымъ признаніемъ; сравните, какъ Акуръ излагаетъ самъ похожденія свои; это изложеніе дѣла, сдѣланное посредникомъ, повторилось послѣ въ созданіи поэмы, гдѣ народъ разсказалъ, что съ нимъ самимъ случилось).»» — Послѣ того слѣдуетъ *третья часть*, собственно въ другихъ образахъ только повторяющая предшествующую, именно какъ Салононъ проникаетъ въ царство Порово, къ своей женѣ. Части этой предшествуетъ своего рода *завязка*, какъ приготовляетъ Салононъ свое войско для рѣшенія дѣла: «И царь Соломанъ учалъ р а т ь копить и собралъ в о й с к а своего 35 тысящъ, и пошелъ на царя Пора со многою силою, и проиде м н о г і е ц а р с т в а (такъ уже внѣшне описано въ этой поэмѣ дѣло), и приде ко царю Пору въ царство, и поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу

близъ царства Порова. И рече царь Соломанъ своимъ царемъ, и воеводамъ, и уланомъ (восточное, извѣстное и въ нашемъ эпосѣ при описаніи нашествій восточныхъ), и сильнымъ воеводамъ, и княземъ, и всей силѣ: «Стойте тутъ съ силою, а меня, цари и уланы, и сильные-крѣпкіе воеводы, отпустите меня ко царю Пору въ царство, и я увижу и услышу своимъ окомъ и ухомъ (ср. подступъ Вольги ко врагу съ накопленной дружиною: онъ подслушиваетъ рѣчи Царя и Царицы Азвяковны—Давыдьевны—Александровны—Панталовны). И вы, сильные воеводы, стойте и ждите троеглясыя трубы къ себѣ отъ меня: какъ буду живъ въ царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борзо сѣдлайте свои добрые кони; и въ другой часъ (разъ) труба вострубитъ, и вы поспѣшите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третей часъ труба вострубитъ, и какъ заслышите, и вы напущайте и сѣките, а милости не давайте. А будетъ (если) троегласнаго гласу вы не услышите, и вы пойдите въ свою землю, въ мое царство, а меня не ждите; и (когда) въ животѣ меня не будетъ, и по мнѣ великую память и по моемъ животѣ держате и поминайте. А вы, цари, и уланые (уланы и), и князи, и сильные воеводы, простите и благословите!» За тѣмъ приходъ Саломона къ Пору. «А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ калѣчейскомъ платьѣ (Калѣкою Перехожимъ; ср. выше), въ свитѣ Сарацынской (въ одежѣ Сорочинской; въ ней являются по былинамъ и наши Калѣки: это — одежда Арабская, выражающая «черноту,» намъ извѣстную: но, соотвѣтственно «бѣлому» бурнусу Арабовъ, и наши Калѣки «во бѣломъ платьи,» 4-й вып. Кир., стр. 106. Черное, загорѣлое лице, но въ одежѣ бѣлой, ср. ниже «Бѣлаго Арапа»). И пошелъ по цареву двору, и узрѣла его Царица, а сама испужалась зраку его, и рече Царица: — Не ушла есми у царя Соломана ко царю Пору! — И пришелъ царь Соломанъ къ Царицѣ своей, а не знаетъ его никтоже, что Соломанъ, одна Царица его узнала и страхъ бѣ великъ, (страхъ) держитъ отъ него. И пришелъ царь Соломонъ въ царицыну полату, и Царица рече: — Почто ты сюды пришелъ? — А страхъ великъ держитъ отъ Соломона и не умѣетъ что проиолвить предъ нимъ стоячи. И царь Соломанъ рече: «Али ты меня знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и дорогимъ умомъ и смысломъ?» И Царица рече: — Придетъ сей (часъ) мой мужъ царь Поръ изъ полаты ко мнѣ къ постелѣ (отсюда въ Сербской сказкѣ Саломонъ на «подушкѣ»), изъ за стола. — И царь Соломанъ рече: «Али ты меня знаешь?» И

Царица пошлетъ въ полату Соломона царя, въ прѣдѣлецъ (конникъ, придѣланый къ стѣнѣ, ларь), тутъ же и прикрыетъ его ковромъ (ср. въ другомъ изложеніи «сундукъ;» отсюда-то Саломонъ подслушиваетъ рѣчи царя и царицы, какъ Вольга въ царствѣ Индѣйскомъ и Царѣградѣ, Садко у Морскаго Царя. Разговоръ такой же, кончающійся бранью, за которою и выступаетъ герой наружу). И въ тотъ часъ пришелъ царь Поръ и любуетъ (ласкаетъ, цѣлуетъ) ее на царской постелѣ. И Царица рече царю Пору: — Чтò ты меня цѣлуешь? А въ тѣ поры царь Соломанъ выступилъ (сбито, это перенесено съ низу; вѣроятно здѣсь должны быть слова въ родѣ: «а въ тѣ поры — а между тѣмъ — царь Соломанъ, мой мужъ, доступилъ, пришелъ сюда»). — И рече царь Поръ: «« Чтò поспу брату (братъ, какъ Китоврасъ) Соломану на меня за брань (изъ чего намъ браниться, бороться)? Язъ тебя ни вострою саблею, ни златымъ копьемъ тебя доступилъ (добылъ): сама еси ко мнѣ пришла (ср. выше согласіе на измѣну), б.... еси ты! »» И Царица рече: — Царь Соломанъ, выступай (здѣсь представляется, что она сама его выпустила на Пора, вслѣдствіе ссоры съ симъ послѣднимъ)! — » Отсюда-то начинается собственно *третья часть*, а по ходу разсказа *четвертая*, заключающая рѣшеніе, кризисъ, судъ. Въ началѣ враги посчитаются равенствомъ правъ, потомъ уже поведутъ Саломона къ казни и торжеству. « И царь Соломанъ выступилъ, и не поклонился царю Пору, и емлетъ свою Царицу за руку; а самъ говоритъ: «Моя Царица,» А царь Поръ говоритъ: «« Та моя жена. Толко бы (если бы) твоя была, ино (то, конечно) бы у тебя была въ царствѣ! »» И царь рече Поръ: «« Мудрый еси ты, царю Соломане! Два мужа у одной жены не уживутся и два медвѣдя въ одномъ берлогѣ не уживутся жъ (русск. пословица): коей ты смерти хочешь? »» И царь Соломанъ рече: « Вѣдаешь ты, государь царь Поръ, у тебя язъ въ рукахъ: твоя воля царская! » И царь Поръ рече: «« Пошлю язъ тебя къ немилостивому Пилату (передѣлано изъ «палачу;» посредникъ намъ извѣстный, отождествляемый и съ похитителемъ) и велю съ тебя голову снять острымъ мечемъ, или по улицамъ развергнуть (разорвать), или красную смерть повѣшеную дать (творчество, подъ вліяніемъ иноа, старается разукрасить висѣлицу; она нужна, потому ее хвалитъ и Поръ). »» И царь Соломанъ рече: « Дай мнѣ красную смерть повѣшеную. » И царь Поръ даетъ его Пилату. И Пилатъ

поставилъ два прясла на царя Соломона, и велѣлъ на пряслахъ поставить 3 осила (петли): осилъ шелковой, а другой осилъ сребряной, третей осилъ сверхъ тѣхъ осиловъ златой. И рече Пилатъ царю Пору: — Государь царь Поръ! Твоя страшная и грозная смерть (вотъ въ сущности какова эта «красная» смерть) поставлена на царя Соломона. — И царь Поръ рече: «« Поведите его (на) страшную смерть.»» И поведе Пилатъ царя Соломона повѣсить, и выѣхалъ царь и (съ) Царицею и весь міръ смотрити царя Соломона. И рече идучи (на казнь) царь Соломанъ Пилату: «Пилатъ! Молви своему царю Пору, что просилъ царь Соломанъ испить меду пьяново (извѣстный намъ образъ: такова была смерть «рабовъ» на ихъ праздникѣ; такимъ «кубкомъ Гебы» награжденъ былъ Гераклъ, съ нею сочетавшійся въ награду за послѣдній костеръ; наконецъ у Діониса еще рѣшительнѣе: на переходѣ къ торжеству онъ долженъ выпить символическую чашу, горести и сладости — смотря по тому, пьетъ ли ее среди мукъ, или страданіемъ достигая торжества), чтобъ не страшна смерть была царя Соломана (такова уже эпическая передѣлка, сообразная жизни дѣйствительной и внѣшней), и просилъ у царя Пора златой трубы: смлада есми охочь былъ трубить по разному (въ другихъ изложеніяхъ прибавляется, что съ молоду бывши пастухомъ, игрывалъ въ пастушій рожекъ: къ Царю конечно это нисколько не йдетъ; но это опять память о воспитаніи Саломона, его уничиженіи, жизни между селянами, пастухами, и т. д.; въ миѳологіи это повторялось на воспитаніи юнаго втораго бога, а иногь означалъ воспитаніе сознанія, прошедшаго уничиженіе и образы дочеловѣческой природы, въ бытѣ же пастушество, кочевье, и т. п.; ср. нашего Ивана). И принесъ скоро (Пилатъ) кувецъ меду и трубу злаченую. И царь Соломанъ испиваетъ меду и емлетъ злаченую трубу, стоя у шелковаго осила. И заигралъ въ злаченую трубу, разнымъ вострубомъ трубитъ, ино земля простонула отъ трубнаго гласу, и тѣмъ своимъ разнымъ вострубомъ молвилъ слово (въ рожку выговариваетъ): «Сѣдлайте кони борзо, поспѣшите, царя и уланы, и сильные князи, и крѣпкіе воеводы!» И приде Пилатъ ко царю Соломану, и рече Пилатъ: — Дѣлай, царь Соломанъ, борзо: стоитъ страшная твоя смерть предъ тобою и предъ твоима очима у шелкова осила! — И постоялъ царь Соломанъ, и рече: «Братецъ Пилатъ! Не сойду азъ отъ тѣхъ оси-

ловъ дарочъ: увидишь, въ коемъ мѣстѣ моя смерть будетъ!» И вшодъ на другой восходъ, и вострубилъ разнымъ вострубомъ, испиваетъ (испивая) меду, и труба говоритъ тако: «Поспѣшите, милые друзи, не жалѣйте добрыхъ коней!» И скачютъ Соломоново войско на конехъ своихъ, слышатъ разной рострубъ, ино земля дрожитъ отъ такіе рати, а сами рекоша цари и уланы, и князи, и крѣпкіе воеводы: «« Поспѣшиньте, милая братья, къ своему царю Соломану, чтобъ намъ царя своего отъ смерти избавить (замѣтьте, какъ это примѣняется ко внѣшнимъ воззрѣніямъ сложившихся народовъ: въ сферѣ божеской спасеніе не черезъ слугъ царя, а его собственною силою)!»» И рекоста (рече) царь Соломанъ разнымъ рострубомъ къ своему войску: «Царь Поръ стоитъ съ Царицею у моей страшной смерти: цари и уланы, и князи, и крѣпкіе воеводы., и все войско, поспѣшите ко мнѣ скоро!» А самъ Соломанъ идетъ на третей приступъ (приступну, ступень), къ золотому ошлу, а у царя Пора просилъ варныхъ медовъ (это уже кубокъ торжества), и узрилъ сильныхъ воеводъ, и вострубилъ [illegible]ымъ голосомъ, и труба говоритъ что плачетъ (ровно, будто плачетъ; ср. выше связь этого рога первоначально съ элегіей, флейту): «Напускайте, сѣките, и топчите, живота не давайте, а милости не кажите!» И царь Соломанъ (въ) великой радости идетъ къ землѣ на третей исходъ (спускается) съ первыя своея смерти (отъ верхняго ошла, отъ перваго считая съ верху; ср. выше постепенное въ три раза освобожденіе гостей корабельныхъ отъ смерти посредствомъ разгадки Саломономъ загадокъ Давида). И его цари и уланы, и князи, и крѣпкіе воеводы, и все силное войско падають предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю (поклоненіе торжествующему богу), и держатъ царя Пора и съ Царицею во своихъ полкахъ. И царь Поръ съ Царицею падають на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ. И рече царь Соломанъ: «Царю Поре! Царица глупая и неразумная погубитъ человѣка вскорѣ (ср. поученіе Акура своему питомцу предъ казнію). Велѣла на меня (здѣсь, сообразно съ другими изложеніями, хлопоты о казни приписываются женѣ) 3 ошла поставить, ошлъ шелковой, а другой ошлъ серебряной, а третей сверхъ тѣхъ ошловъ златой: перецилъ бы ошлъ веревкою лыченою лапотною и въ томъ бы удавился, такова же смерть (что-то испорчено или опущено; можетъ быть—«такова *ть* смерть,» такъ бы нужно казнить тебя, въ лычной петли; вопреки другимъ

изложеніямъ, Саломонъ милуетъ Пора отъ такой смерти въ петли: и по великодушію даетъ лучшую; ср. великодушіе Александра надъ историческимъ Поромъ)!» И царь Поръ повѣсилъ главу свою буйную, и не могъ видѣть себя, да не (ни) пособать (опять испорчено). И царь Соломанъ скоро велитъ съ обѣихъ головы снять вострымъ мечемъ (здѣсь забытъ посредникъ похищенія) и велитъ развергнуть скоро. А Поровыхъ людей, коя старые и не могли битися, и велѣлъ поимати и (съ) собою вести; а то всѣхъ (прочихъ) своимъ войскомъ прибили и присѣкли, а злато и сребро къ себѣ перевозили и добрыхъ коней стадами погнали (выраженіе одинаковое съ былинами о Саломонѣ, Вольгѣ, Романѣ, нашествіи Батыевомъ), а Пора царя и съ Царицею злой смерти предали. И оттого царю Соломану многіе цари, и князи, и уламы подъ его руку поклонилися, слышачи его Премудрость, а царь Соломанъ въ великій чести и славенъ зѣло («ему слава:» заключеніе народныхъ Былинъ, Стиховъ, Слова о П. И.; дѣло изъ за жены имѣло значеніе всеобщее и обширное, выразившееся приклоненіемъ подъ руку Саломона царей и царствъ).»—Здѣсь собственно конецъ рукописной поэмѣ: но, какъ вся она, по разнымъ спискамъ, состоитъ изъ подвиговъ, нѣсколько разъ повторяющихся, то послѣ нихъ, представлялось, Саломонъ каждый разъ возвращается въ свой городъ, подобно Діонису, Гераклу, нашимъ Кіевскимъ богатырямъ, и здѣсь слѣдуетъ ему одобреніе, какое давалъ на примѣръ нашъ Владиміръ. Роль эту занялъ Давидъ (ср. выше). Посему и здѣсь, не смотря на то, что Давидъ уже прежде умеръ, передавъ царство Саломону, прибавляется: «Слышавъ то царь Давидъ, сына своего Премудрость, царя Соломана, что онъ обладалъ многими землями и всякими ордами, и власть надъ ними взялъ, радъ бысть тому (въ миеологіи такое одобреніе даетъ старый богъ, примиренный въ торжествѣ юнаго).» — Слѣды того, какъ наши усвоили поэма о Саломонѣ, въ ея рукописномъ изложеніи, читатели конечно замѣтили и сами: изложеніе постоянно стоитъ на сторонѣ Саломона, его дѣло — наше. Однако передѣлки въ именахъ и названіяхъ на Славянскій или Русскій ладъ весьма не чувствительны, гораздо меньше, чѣмъ въ поэмахъ объ Акирѣ и Александрѣ; цвѣтъ, принадлежащій *по внѣшности* инымъ странамъ, иному времени, здѣсь весьма соблюденъ и не стертъ. За то *внутренніе* творческіе образы поэмы почти всѣ близко сходятся съ образами нашего устнаго народнаго творчества; а языкъ

полагаясь «царю,» который всегда на Востокѣ (и у восточныхъ выходцевъ), въ Царѣградѣ и позднѣе на Руси (старое обычное выраженіе—«царь въ ордѣ, король въ Литвѣ»); отсюда у «короля,» какъ въ Литвѣ, рядомъ съ восточными «уланами» стоитъ еще пановья. Такимъ образомъ Василій, какъ «царь» есть представитель Востока и восточныхъ выходцевъ, заполонявшихъ Русь при началѣ исторіи; какъ «король»—представитель Литвы и Запада. Въ обоихъ случаяхъ онъ врагъ исторической Руси; отъ того Саломонъ, его соперникъ, косвеннымъ намекомъ помѣщается на Руси, ибо говоритъ: «какъ у насъ на святой Руси царей казнятъ (объ этомъ еще ниже).» Къ числу позднѣйшихъ вставокъ нужно также отнести при царѣ «князей-бояриновъ, сенаторовъ думныхъ» да игру «костии-картами.» Происхожденіе имени Кудріянскаго мы уже знаемъ, о Таракашкѣ скажемъ подробно ниже. Таковы всѣ главныя вставки и передѣлки на Русской ладъ: опять онѣ очень незначительны, сравнительно съ другими рукописными сказаніями, въ коихъ содержаніе общее намъ и прочимъ Индо-европейскимъ народамъ, а также съ былинами Кіевскими, Княжескими и т. д., насквозь пропитанными Русью. И здѣсь снова превосходство нашей поэмы передъ Нѣмецкою, гдѣ являются—герцогъ Фридрихъ, Нѣмецкіе турниры и т. п., равно слѣды другихъ Нѣмецкихъ поэмъ, Отнитъ, Ротеръ; передъ Итальянскою, гдѣ мѣсто Саломона занялъ Лонгобардскій Альбоинъ, Моролеа—Бертольдо; вообще передъ Западною, гдѣ выставляется Бретань, Артуръ и прочая обстановка, наконецъ передъ Чешскою и Польскою, отсюда же занятою, хотя и съ нѣкоторою народною окраской. Однимъ словомъ, наши образцы поэмы о Саломонѣ выше всѣхъ другихъ неприкосновенной цѣлостью основнаго содержанія: за ними слѣдуютъ образцы Юго-Славянскіе, какова на примѣръ выше приведенная Сербская сказка, и послѣ уже произведенія Западныя и Славянъ Западныхъ.—При этой однакоже выдержкѣ, образы, черты, языкъ—все совершенно народное, свое, русское: и въ этомъ отношеніи наша поэма выше. Если спросимъ, отчего же съ этихъ обѣихъ и противуположныхъ сторонъ, наша поэма и вѣрнѣе основному содержанію, и въ то же время народнѣе, то отвѣтъ конечно будетъ прямой и простой: отъ того, что на почвѣ Европейской она преимущественно наша и, истекая изъ своего зародыша во Ѳракіи, выработана тамъ преимущественно Славянами. Это высшее и лучшее звѣно, соединяющее поэму Востока съ передѣлками Запада, разумѣется

послѣ Греція: однако, хотя Греція и выработала всѣ главныя и центральныя сказанія сего рода, сообразно высшей своей Діонисовской ступени, но въ поэмѣ собственно о Саломонѣ, и въ томъ видѣ, въ какомъ эта поэма является у насъ, вліяніе греческое не сильно. Быть можетъ со временемъ и найдутся греческія рукописи, болѣе близкія къ нашей поэмѣ, чѣмъ это извѣстно доселѣ: но пока, съ данными наличными, мы усматриваемъ здѣсь нѣкоторыя черты даже чуждыя Греціи. Помнимъ Пора, Александра, Кентавра и тому подобные образы и имена, рисующіе впрочемъ позднѣйшую эпоху Греціи и время, когда начали уходить отъ ней Славяне: но, еслибы эту поэму, въ настоящемъ ея видѣ по нашимъ даннымъ, выработала въ подробностяхъ древняя Греція, то здѣсь, соотвѣтственно Діонису, непремѣнно побѣдителемъ явился бы юноша, а побѣжденнымъ старикъ. На оборотъ, въ поэмѣ врагъ—«Прекрасный» царь, юный, а торжествующій герой названъ «с т а р ы м ъ ц а р е м ъ;» это отзывается и въ тѣхъ повтореніяхъ поэмы, которыя возникли послѣ на почвѣ Кіевской, на примѣръ князь Романъ также старый, а враги его, два королевича, два молодыхъ щенка: во всемъ этомъ видѣнъ характеръ болѣе восточный, гдѣ, какъ говорили мы, скорѣе юноша служитъ представителемъ злаго, побѣждаемаго начала, каковъ и есть воспитанникъ Акура, родоначальникъ нашего Васълья Акульевича, и гдѣ сознаніе скорѣе на сторонѣ старика, каковъ Акуръ и самъ Саломонъ, степенный, важный, величавый своею мудростью. На собственно-греческой почвѣ въ поэмѣ или сдѣлали бы, говоримъ, побѣдителя юношею, или бы отдѣлались отъ имени и фигуры Саломона, въ которыхъ конечно Греки и не нуждались, имѣя Діониса и не мало ему подобныхъ, на примѣръ Александра: да такъ и есть, по дошедшимъ до насъ греческимъ памятникамъ. Самъ Діонисъ — степенный и бородатый на Востокѣ и въ тамошнихъ греческихъ поселеніяхъ, а у Еллиновъ въ Европѣ безбородый юноша. Но такой, сравнительно съ Еллинисмомъ а р х а и ч е с к і й характеръ, есть именно характеръ всего Ѳ р а к і й с к а г о, какъ называли и понимали его Греки, срединнаго между Востокомъ и собственною Греціею; таковъ характеръ и Ѳ р а к і й с к а г о Д і о н и с а, въ которомъ готовился нашъ Микула, самъ съ ноготокъ, бородка съ локотокъ («Зам.» къ 4 му вып. Кир.): в о Ѳ р а к і и, и п р е и м у щ е с т в е н н о С л а в я н а м и, в ы р а б о т а н а п о э м а о С а л о м о н ѣ в ъ т о м ъ в и д ѣ, к а к ъ м ы е е т е п е р ь р а з с м а т р и в а е м ъ, — вотъ положеніе, которое при настоящихъ

данныхъ кажется нельзя пока опровергнуть. Таковъ общій и завершительный колоритъ поэмы, покрывающій собою многочисленные слои ея состава.— Разсмотримъ же теперь главныя частности нашей устной поэмы, тѣ въ ней черты исконнаго содержанія, кои народность Русская въ своемъ творчествѣ восприняла извѣстными своеобразными пріемами, себѣ усвоила, обособила, уподобила. Царь Саломонъ (развѣтвленія его имени мы видѣли) носитъ въ былинѣ (по двумъ образцамъ) прозвище Премудраго, иначе хитёръ-мудеръ, старый царь; жена его, въ рукописяхъ Соломонида, въ устномъ творчествѣ Соломонида, Соломонидія, Саламидія, Соломанія, Соломанья, Саламанія, съ прозвищемъ Царица Прекрасная; врагъ его Прекрасный царь или король Василій Акульевичь, Окульевичь, поганаго царства Кудріянскаго. Когда послѣдній выразилъ желаніе имѣть пригодную себѣ царицу, вызывается достать ее посредникъ. Мы знаемъ, какія имена долженъ носить онъ: во первыхъ имя историческое, сложившееся у того или другаго народа, общее Индоевропейскому творчеству какъ типъ, или частное и мѣстное, потомъ имя раба, а съ этимъ вмѣстѣ указаніе на черный цвѣтъ; но каждый народъ эти основныя требованія, истекавшія изъ доисторической эпохи, выполняетъ по своему. Въ «Замѣткѣ» къ 4-му вып. Кир., говоря о сказкѣ «Бова,» мы уже показали, а въ настоящей статьѣ еще болѣе пояснили, что посредничество этого рода выражается образомъ во первыхъ Калѣки Перехожаго. Иначе называется онъ Старцемъ, Пиллигримомъ; желая выразить его черноту, позднѣйшія передѣлки выставляютъ его какъ чернеца и монаха. Вступая въ его роль, имѣя явиться куда либо далекимъ пришельцемъ, незнакомцемъ, юный герой, кто бы онъ ни былъ, сказочный ли, или богатырь былинный, выпрашиваетъ у него на время отличія его — гуню, шляпу или шапку, клюку, суму, лапотки, передѣвается Калѣкою Перехожимъ, проситъ милостыни, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ онъ черный цвѣтъ: это означается иногда «черной одеждой,» иногда тѣмъ, что герой беретъ у Калѣки будто бы зелье, дѣлавшее чернымъ. Какъ бы то ни было, но только герой въ положеніи рабскаго уничиженія, употребляемаго средствомъ къ цѣли, беретъ обыкновенно на лице свое черный цвѣтъ: чтобы это древнѣйшее представленіе выразить, творчество эпическое заставляетъ его мараться сажею; такъ Владиміръ, въ послахъ къ восточному

врагу-находнику, марается сажею котельною. Откуда взять эту сажу? Герой ставится при какомъ ни будь котлѣ, въ кухнѣ: для того Саломонъ, мы видѣли, сдѣланъ у корабельщиковъ кашеваромъ; для того по сказкамъ Иванъ заходитъ предварительно — ни съ того ни съ сего — на поварню. Еще далѣе, для выраженія того же, но съ перваго разу не скоро догадаешься почему, Владиміръ въ помянутомъ положеніи наряжается поваромъ, а Добрыня появляется на пиръ Алеши, укравшаго его жену, изъ за печки. Въ дальнѣйшей дѣятельности своей, и знаемъ почему, посредникъ, на пути къ искомой цѣли, или, что то же, подвижникъ, принимаетъ образъ гостя, купца, и т. п. Такъ и тутъ вызвавшійся подвижникъ и посредникъ сперва именуется Вурза погана Тотарина: сравните Елтегу при Акурѣ и Батыѣ. Далѣе онъ сидитъ «на концѣ нижнемъ,» уничиженный, рабъ: это «дѣтина черный весь,» и былина, по извѣстному намъ побужденію, добавляетъ — «какъ будто дѣтина повареный;» мало того—«повареный — помараный;» еще далѣе — «повареный и повäленый.» Повареный обращается ему и въ постоянное прозвище. И этого ему мало, вступая на подвигъ онъ пріобрѣтаетъ новое прозвище, связующее его съ прочими извѣстными подвижниками того же рода: «наложи-тка ты мнѣ имячко друго́е, наложи-тка ты мнѣ имя Ивашко, Ивашко-Торокашко гость Заморскій.» Это то же имя, которое, знаемъ, налагаетъ Пиѳія Алкиду, переименовывая его въ Геракла, или проситъ наложить на себя Илья Муромецъ передъ подвигомъ (см. выше). Это другое, новое имя, Иванъ, Ивашко, Ивашка, имя извѣстнаго намъ по сказкамъ подвижника, Эванъ, Ѳракійское имя Діониса на ступени его суроваго подвижничества; потомъ Тарашка, Торокашка, Торокашко, гдѣ Тарак-ъ есть передѣланное Герак-лъ, а чрезъ форму «Гераклъ» и имя «Мелкарѳа;» но здѣсь уже привязанъ свой корень для осмысленія,— это тараканъ, таракашка, по черному цвѣту насѣкомаго. Въ слѣдствіе того и въ соотвѣтствіе извѣстному намъ Елтегѣ, въ былинахъ Кіевскихъ при Батыѣ является зять его или сынъ Тараканчикъ, Таракашка, Тараканникъ; онъ называется прозвищемъ Корабликовъ, ибо этотъ поединщикъ, посредникъ и посолъ (онъ принимаетъ разные виды) въ прочихъ поэмахъ древнѣйшихъ, какъ мы знаемъ, дѣйствуетъ на кораблѣ. Отсюда послѣ передѣлано еще Каранниковъ, съ привязкою къ восточному

корню слова — *кара* и *каранъ* (у насъ *карій)* — «черный.» Поелику же то самое лице, будучи посломъ, съ ерлыками и грамотами, равняется нашему «дьяку,» то отсюда при Батыѣ обыкновенно дьякъ или дьячекъ; а такъ какъ еще онъ изстари загадываетъ или разгадываетъ загадки, оборотливъ, плутъ, воръ, то этотъ дьячекъ называется еще выдумщикъ, выдумщичекъ. Изъ того же источника представленій зародилось лицо и проходитъ у насъ длинную исторію—Тарасъ, Тараска, осмысленное уже въ подавнное имя. Въ рукописяхъ это Тарасій или Тараска Жидовинъ, высылаемый Жидовскими вельможами на споръ о вѣрѣ съ Христіаниномъ Елоѳріемъ (Елеуѳерій; ср. это имя при Діонисѣ выше) скоморохомъ, а скоморохи, нужно замѣтить, такое же посредствующее лице въ старой Руси, какъ Гость или Калѣка, отчего Добрыня переряжается по Кіевскимъ былинамъ во всѣ эти три образа, равно нося при этомъ имя «Заморскаго,» «Заморнина,» «Заморянина.» Жидовинъ съ длинной бородою, плѣшивый. философъ; споръ ихъ состоитъ изъ простонародныхъ шутокъ, послѣ коихъ Жидъ побитъ: это выродокъ извѣстнаго намъ спора древнихъ мудрецовъ, загадокъ и разгадокъ между послами разныхъ странъ и народовъ. При Иванѣ Грозномъ и Петрѣ, по народнымъ сказаніямъ, роль эту занялъ «Тарасъ Плещеевъ,» давшій пищу шуткѣ и шуту (Балакиреву) въ извѣстной передѣлкѣ «полтораста плѣшивыхъ.» Такую-то длинную и совсѣмъ для него неожиданную исторію прошелъ у насъ Гераклъ, благодаря связи съ Тараканомъ и Тарасомъ. Въ поэмѣ о Саломонѣ свойства его выражаются извѣстными намъ прозвищами — воръ (ср. Гермеса, Семіона и прочихъ), догадливый. Въ дѣлѣ, на кораблѣ и съ корабля, онъ именуется гость или купецъ, заморскій, заморянинъ (что переходитъ и въ «замаранаго,» а по Кіевскимъ былинамъ и въ «заморнина,» заморёнаго; ср. о Данилѣ Безсчастномъ). Кончину получаетъ онъ въ заключеніе сообразную своему имени и свойству: его кладутъ во петелку во черную.»— Таковы главныя лица поэмы. — Въ дальнѣйшемъ дѣйствіи, средства, которыя беретъ съ собою Таракашка, употребляетъ въ дѣло, на соблазнъ, на похищеніе, а послѣ самому себѣ и всѣмъ врагамъ Саломона на погибель, слѣдующія: корабль, наполненный товаромъ; на немъ разукрашенная постель (кроватка, перина, наволочки, занавѣски); грядочка (собственно жердочка,

перекладинка, а потомъ вообще клѣтка; на такой же «грядочкѣ орлёной» послѣ вздѣтъ и Тараканка) съ птицынькой райскою, которая поетъ пѣсенки царскія (ср. выше «кура» при Акурѣ, Жаръ-птицу, и т. п.); неоцѣнные камешки драгоцѣнные (ср. выше ихъ исторію); пива и яства, а изъ нихъ особенно напиточки заморскіе, что бросали въ сонъ, напиточки сонные, питье забыдущее (стр. 287, ст. 326); наконецъ пивная чаша въ полтора ведра, этотъ древній кубокъ или рогъ. Кунья шуба царю и чоботы царицѣ — придѣлка уже позднѣйшей русской работы. — Когда прибылъ Тараканка къ Саломону, его нѣтъ дома, онъ уѣхалъ за охотой: то же самое послѣ передается о Васильѣ Акульевичѣ, какъ выше мы видѣли о Порѣ, и т. п. — Ребята молодые оцѣнщики, приходящіе на корабль и посредствующіе между пріѣзжимъ и Царицею, то же, что «дѣвушки» въ другихъ изложеніяхъ поэмы или «Чернавка.» — Когда царица завлечена на корабль и очутилась, какъ говоритъ сама, между двухъ бережковъ, ее спаиваютъ; только что она проснется, опять ее сваливаютъ питьемъ съ рѣзвыхъ ногъ, безпрерывная смѣна трезвости и упоенія: образъ этотъ весьма близко напоминаетъ при Діонисѣ Упоеніе, Аріадну. — Саломонъ, по плану своихъ дѣйствій, не занимаетъ рога, какъ въ другихъ изложеніяхъ поэмы, у врага: гораздо ближе къ основному миѳу, онъ самъ имѣетъ у себя дома пастушей или пастушенъ рогъ, оставшійся у него послѣ воспитанія между пастухами, какъ у Діониса послѣ пройденнаго имъ уничиженія, какъ въ миѳологическомъ сознаніи, прошедшемъ чрезъ царство животныхъ. Имъ-то Саломонъ предварительно собираетъ себѣ войско, разряжаетъ его, учитъ понимать разнообразіе звуковъ. Вспомнимъ, что также точно собираетъ себѣ войско князь Романъ и жеребьемъ отдѣляетъ себѣ лучшихъ, отпуская остальныхъ, подобно Гедеону. Тотъ же рогъ беретъ съ собою царь подъ полу, отправляясь въ поганое царство, и тамъ трубитъ въ него. Рогъ имѣетъ при себѣ также прозвище турій: онъ-то и обратился, какъ у Діониса, въ кубокъ съ упоющимъ питьемъ, ибо въ Кіевскомъ творчествѣ извѣстенъ намъ «турій рогъ меду сладкаго» и прочихъ напитковъ. — Въ числѣ собраннаго войска у Саломона кони-люди, то есть Полканы, Кентавры, обращенные въ свиту Діониса; они названы еще крылатыми, что относится къ конямъ: это Пегасъ, Вукефалъ («коне-быкъ,» какъ «кен-тавръ,»

съ бычачьей головою), Ябучило, Шарацъ и т. д. (ср. выше).— Отправляясь, Саломонъ одѣвается Калѣкою Перехожимъ, въ гуню, лапотки, съ сумкою: «надѣвается онъ во платьица во нищія, обувалъ лапотики семи шелковъ, за плеча клалъ сумочку бархатну (такова она и у нашихъ Калѣкъ, ср. 3-й вып. Кир.);» «каликушка нищая,» «остановился онъ на уликѣ,» проситъ милостину «каликѣ нищеей;» беретъ «дубину подорожную,» то есть каличью: «клюку подорожную;» наконецъ проситъ казнить его «не по каличьему,» не въ томъ видѣ, какъ онъ есть. — Въ царствѣ Кудріянскомъ жена передъ Саломономъ сваливаетъ вину на Таракашку, что онъ увезъ ее «съ обману великаго,» проситъ только немного погодить и обѣщаетъ ѣхать назадъ съ мужемъ въ Ерусалимъ, но потомъ спаиваетъ его пивной чарою (стр. 283) и запираетъ въ окованъ ларецъ или въ сундукъ окованый: это слово въ слово, по Кіевскому творчеству, дѣло жены съ Потыкомъ въ царствѣ, куда она убѣжала. Замѣтьте обоюдное дѣйствіе питья забыдущаго, ибо также точно сама Царица споена и, по другимъ изложеніямъ, свалилась въ гробъ. — При входѣ Василья въ палату, у него начинается съ царицею извѣстный намъ разговоръ, подслушанный Саломономъ изъ ларца, съ загадкою Царицы: «на царя сижу да съ королемъ говорю.» — Какъ и прежде мы видѣли, эпическое творчество, невольно повинуясь основному представленію и миөу, старается, какъ бы смерть втораго бога, или начала, или лица-выразителя, была на деревѣ, черезъ дерево: въ настоящемъ случаѣ это перекладина, грядочка, висѣлица. Казнь эта издревле рабская: между тѣмъ ею казненъ царь природы, человѣкъ, достигающій царства духа, подвижникъ, переходящій симъ путемъ въ цари: отъ того и рабы, мы знаемъ, восходилили на костеръ въ царскомъ одѣяніи, послѣ царскихъ наслажденій; въ настоящемъ же случаѣ это историческій царь. Какъ выйти изъ этихъ противорѣчій творчеству позднѣйшему, которое невольно подчинилось миөу или исторіи сознанія, а само уже не всегда могло разгадать этого далекаго прошлаго? Творчество, вопреки позднѣйшимъ понятіямъ, окружавшимъ его въ современности, хочетъ увѣрить, что это казнь царская (оно, по исконному представленію, и справедливо); мало того — будто такъ казнятъ на Руси: «Ты казни-тко меня не по каличьему, ты казни меня по царскому, какъ у насъ на святой Руси царей казнятъ да вѣшаютъ.» Съ позднѣйшей точки зрѣнія, на которой стояло само творчество въ

минуту былины, это уже обманъ, нужный, чтобы потрубить и созвать свое войско: оно и не предчувствуетъ, что въ сущности образъ этотъ въ старину заключалъ въ себѣ совершенную истину. Любопытно, что послѣ, въ творчествѣ Кіевскомъ, когда уже понятія опредѣлились и особенно прошли чрезъ Царьградъ, въ образѣ этомъ, какъ и въ большей части другихъ, совершилась обратная перестановка: Вольга говоритъ царю Индѣйскому — «васъ-то царей не бьютъ не казнятъ (въ другихъ образцахъ прибавляется—«и не вѣшаютъ»),» — ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ, разшибъ его въ крохи. — На казнь Саломона ведутъ, а враги его, Василій, Царица и Таракашка ѣдутъ въ «каретахъ опальныхъ:» послѣднее прозвище употреблено опять для выраженія чернаго цвѣта (въ другихъ случаяхъ здѣсь и является черный цвѣтъ, какъ увидимъ ниже). Изъ Сербской сказки мы знаемъ, что на пути Саломонъ (онъ тамъ ѣдетъ въ колесницѣ, «простой,» телѣгѣ) задаетъ загадку; и здѣсь то же: «первую карету (съ Васильемъ) кони везутъ, другая карета сама ѣдетъ (жена, напросившаяся измѣною на гибель), третью карету чортъ несетъ на казень на смертную,» — съ чернымъ Таракашкою. — Петли три, шелковыхъ, красная, бѣлая, черная (послѣдняя, мы упоминали, досталась Таракашкѣ); даже ступеньки къ петлямъ сдѣланы розкрашены: ср. вывоиды и празднества Діониса. — Какъ Анаданъ, Царица упрашиваетъ казнить Саломона скорымъ-скоро, боясь его хитрости и великой мудрости. — Прося поиграть въ рогъ, Саломонъ высказываетъ опять исторію своего воспитанія, изъ извѣстнаго: «я съ малости (младости) былъ охвочь коровъ пасти;» «какъ былъ-то вѣдь маленькой, какъ коровъ-то я попасывалъ, я охочь въ рожка поигрывать.» Опять это представляется съ позднѣйшей точки зрѣнія обманомъ, — когда же царь могъ быть пастухомъ? Но по началу и сущности, это истина, быль, обратившаяся теперь въ своего рода загадку. — Еще ярче выражено послѣдствіями игры, какъ герой, смѣнившій бога, на древней ступени своей проходилъ царство природы, какъ онъ ею владѣетъ, какъ она трепещетъ при угрожающей ему смерти: «всѣ звѣри сбѣжалися, всѣ птицы слеталися на его на скорую смерётушку;» Саломонъ объясняетъ это не-вѣщему царю своимъ внѣшнимъ воспитаніемъ — «я какъ съ малости былъ охвочь полѣсовати, такъ всѣ птицы слеталися, всѣ звѣри сбѣжалися смотрѣть мою скорую смерётушку.» Въ другой былинѣ это представляется

обманомъ — «дрожитъ мать сыра земля,» — будто бы отъ приближенія войска; самъ Саломонъ объясняетъ это будто бы обманомъ чувствъ (съ позднѣйшей точки зрѣнія и есть обманъ, или, лучше, загадка): идетъ гулъ по синю морю, отзывъ за синё море, во Еросолимъ, тамъ у него гуси-лебеди, кормленые-ученые, горюютъ они о предстоящей царю казни, въ страхѣ бьютъ крыльями объ воду, на синемъ моря волну одѣлали, волна сходилась во берегы, отъ того дрожитъ мать сыра земля; таковы же тамъ добрые кони, въ испугѣ бьютъ копытами, отъ того дрожатъ сыра земля. Какое превосходное и удивительно-вѣрное описаніе страха всей природы, сострадавшей страдавшему своему владыкѣ! И какъ это въ эпосѣ сведено на языкъ обиходныхъ понятій, хотя и просвѣчиваетъ глубочайшая древность представленій! Между прочимъ мы знаемъ, что герой, о коемъ идетъ рѣчь, на всѣхъ ступеняхъ своихъ, зналъ языки птицъ и животныхъ: здѣсь уже обратно, сами гуси-лебеди и кони выучены, «къ языкамъ человѣческимъ пріученые.» При коняхъ, издалека и мгновенно давшихъ о себѣ знать, вспомните загадку Акура и прочихъ героевъ о коняхъ Геліоса-Велеса, о Востокѣ и Западѣ. — Послѣ побѣды и въ торжествѣ Саломонъ задаетъ загадку Василью, показывая тщету его усилій и всякой злобы: онъ посѣялъ пшеницу, клюютъ чужіе гуси-лебеди и черные вороны. — Женѣ, подобно какъ воспитаннику Акуръ, даетъ онъ поученіе: отсюда-то въ нашихъ былинахъ Кіевскихъ, на примѣръ объ Иванѣ Годиновичѣ, герой, казня вѣроломную женщину, даетъ ей поученіе и самая казнь именуется поученьицемъ или заповѣдью женскою, — «а и дамъ тѣ поученьице,» «сталъ онъ жену свою учить,» «исполню я три заповѣди женскіихъ (Кир. вып. 2 и 3, Рыбник. Ч. I).» Въ добавокъ Царица также, какъ эти героини или Анаданъ у Акура, проситъ прощенья: «Есть ли грѣшному прощеньице? И ты прости-тко меня, царь Саламанъ!» Описаніе плѣненія, добычи и проч., такое же, какъ мы уже видѣли, или какъ въ Кіевскомъ творчествѣ описывается относительно Батыя, Вольги. Любопытно при этомъ, что все добытое отвозится на корабляхъ, по исконной чертѣ поэмъ этого рода, хотя самъ Саломонъ приходитъ къ Василью пѣшкомъ, а войско его на коняхъ. Такъ точно и въ Кіевскомъ творчествѣ Батый, являясь съ Корабликовымъ, бѣжитъ на корабляхъ и «на мелкихъ судахъ;» сравните опять корабли на колесахъ у Вольги-Олега, подъѣздъ къ Кіеву Соловья;

наконецъ въ Стихѣ объ Егорьѣ Китъ-рыбу на сушѣ въ когтяхъ у птицы, и т. д.

Здѣсь указали мы только отношеніе нашей поэмы къ ея началу, происхожденію, современности ея, послѣдствіямъ въ творчествѣ. Самые образы творчества, рѣдкіе по ихъ достоинству, сила, свѣжесть, прелесть, — все это въ настоящемъ случаѣ не у мѣста, хотя и стоитъ особаго вниманія читателей.

—

Такъ мы раскрыли связь поэмы о Саломонѣ почти во всѣхъ чертахъ ея съ прочимъ нашимъ творчествомъ, какъ устнымъ, такъ и перешедшимъ въ рукописи; указали и тѣ произведенія, кои выродились отсюда, но прошли путь иной передѣлки, на примѣръ сказаніе о Бовѣ. Теперь упомянемъ тѣ народныя созданія, которыя, связуясь съ поэмою о Саломонѣ и повторяя ее въ смыслѣ эпизодовъ, прошли любопытный путь отъ Ѳракіи до Кіева. Таковы —

1.) Нѣкоторые Стихи. Въ Стихѣ о Голубиной Книгѣ вставлены, мы видѣли, началомъ и эпизодомъ, отдѣлы нашей поэмы о Волотѣ, Премудромъ Давидѣ, Саломоніи Волотовнѣ, Саломонѣ, особенно извѣстный Сонъ съ соотвѣтствующими ему загадками: но въ дальнѣйшемъ и главномъ своемъ теченіи Стихъ этотъ получилъ отдѣльную самобытность. Въ ближайшей связи съ нимъ Стихъ о похожденіяхъ Егорія, съ чертами, нами уже раскрытыми, въ связи съ поэмою о Саломонѣ, съ Ѳракійскимъ Кудріянищемъ, Ѳракійскимъ Херсонесомъ, перенесеннымъ послѣ въ Тавриду (Херсонъ Таврическій—колонія Ѳракійскаго), а здѣсь привлекшимъ завоевателя Владиміра и выдавшимъ намъ свои ворота, крестъ, и т. п. Впрочемъ и здѣсь связь только въ отдѣльныхъ чертахъ и образахъ, цѣльность же произведенія самостоятельна. Несравненно ближе къ нашей поэмѣ борьба Егорія и Ѳедоровъ съ Чудовищемъ-Змѣемъ: выше мы намѣтили зависимость этихъ сказаній отъ передѣлки именъ, отъ рукописныхъ Житейниковъ, отъ историческихъ русскихъ обстоятельствъ; но гораздо важнѣе ихъ происхожденіе изъ доисторической, именно Ѳракійской, Черноморской, Придунайской эпохи, черты и образы, отсюда занятые. Мы отчасти указали на этой отдаленной почвѣ слѣды подвиговъ Геракла, Діониса-Басарея, а потомъ, въ связи съ Востокомъ, Саломона, не только по тамошнимъ сказаніямъ, но и въ мѣстныхъ названіяхъ, сохранившихъ намъ имена сихъ лицъ миѳоло-

ріи и эпоса. Г е р а к л е й было множество: и въ Македоніи, и на границахъ ея съ Ѳракіею, и на Ѳракійскомъ Херсонесѣ, и въ самой Ѳракіи, на пр. при Черномъ морѣ и устьяхъ Дуная, особенно же славна Гераклея (иначе Перинѳъ) на Пропонтидѣ (по Славянски — Бѣломъ морѣ), колонія С а м о с ц е в ъ (ср. Самоеца Самокся). Оба Ѳедора — герои Г е р а к л е и: съ ними, по сказаніямъ и нашимъ Стихамъ, неразрывно слился герой Востока Егорій, давши въ этомъ соединеніи начало извѣстной намъ Ѳракійской формаціи эпоса, полувосточной, полуевропейской. Принимая этихъ героевъ за одно лицо, мы видимъ при немъ лицо женское въ извѣстныхъ намъ отношеніяхъ: какъ *мать*, это мать Егорія, С о ф і я, П р е м у д р а я, П р е м у д р о с т ь, тождественная съ Еленою и Саломоніею (или Вирсавіею, см. выше), она же мать Ѳедора (Стратилата, передѣланнаго въ Тирона), спасаемая имъ отъ Чудовища-Змѣя; какъ *сестра*, раздѣлившаяся на нѣсколькихъ сестеръ, спасаемая Егорьемъ отъ Кудріянища, изъ верблюжьей кожи, изъ коры, или, какъ говорится объ Апраксѣевнѣ, «изъ кожуха изъ пропасти;» наконецъ какъ *дѣвица-невѣста*, свобождаемая Егорьемъ въ царствѣ Рахлейскомъ отъ Чудовища. Отъ Чудовища-Змѣя спасены первая и третья: относительно второй мѣсто его занялъ Кудріянище, сначала увезшій Егорья и сестеръ его отъ матери, потомъ закопавшій героя въ землю и наконецъ имъ низложенный по благословенію матери. Подвиги Тирона изложены въ рукописныхъ сказаніяхъ («Пам. стар. Р. литер.,» вып. 3) и нашихъ Стихахъ точь въ точь по ихъ существеннымъ чертамъ какъ поэма о Саломонѣ или Акурѣ, при томъ съ двойствомъ образовъ, сперва международныхъ, болѣе внѣшнихъ, потомъ болѣе внутреннихъ, касающихся лица юнаго героя, его матери и отца. На примѣръ въ рукописи: въ области, гдѣ жилъ Ѳедоръ (т. е. въ Гераклейской), «бяше единъ к л а д я з ь кипя водою благою; той же кладязь одръжимъ бяше з в ѣ р и и з м ѣ и, множество иного г а д а.» Царь приносилъ имъ жертвы, за то они пропускали въ городъ воду (ср. мѣстопребываніе Китовраса при колодцахъ и ловлю его, а въ Голубиной Книгѣ звѣря Индрика, пропускавшаго воду на землю). Однажды в о с н ѣ видитъ онъ какого-то ю н а г о г е р о я, грозившаго ему гибелью, и велитъ его искать. Послѣ тщетныхъ поисковъ, берется за дѣло Ѳедоръ и начинаетъ извѣстные, внѣшніе и международные, подвиги: вооруженный идетъ онъ «скрозѣ языки,

иже закона не знають,» приходить «въ Сурію (Сирію),» «къ темну лѣсу и пусту мѣсту,» «и обрѣте ту кладязь ископанъ и китою затченъ (пучкомъ заткнутый).» Вошедши въ колодевь, нашелъ онъ тамъ Срачинъ 100, женъ 80, дѣтей 100, какъ нашь Илья или Добрыня у Прекрасной Королевичны или у Змѣя въ подземельѣ и логовищѣ. Герой «связавъ (ср. выше уже) и веде я въ землю Раньскую, идеже баше царь,» между ними нашелся и видѣнный во снѣ герой, царь удовлетворенъ. Послѣ этого внѣшняго слоя, равняющагося отношенію Сенахериба къ Египту, Саломона къ чуждымъ царямъ, то же самое повторяется въ слоѣ болѣе внутреннемъ: Змѣй разсердился за похищенныхъ и за то, что не принесли ему жертвы, удержалъ воду, люди мерли жаждою. Мать Өедора, какъ извѣстная намъ Саломонія на корабль, какъ Чернавка къ колодцу, идетъ поить сыновняго коня: «и вземши уаду въ руци свои, и иде едина къ кладязю. Баше же мѣсто то, идѣже кладязь, ужасно и страшно, имѣюще стругы и пропасти, и ходи же и исходи, и звѣркй множество.» Пришедши къ колодцу и видя, что воды мало, только на днѣ, она проникла туда и вошла, чтобъ достать мойла. Тутъ и совершилось похищеніе (ср. Морскаго Царя, какъ онъ изъ колодца схватилъ Иванова отца за бороду и вытребовалъ къ себѣ Ивана; а также похищеніе Саломоніи черезъ то же посредство колодца или сосуда, кубка). Отселѣ мать Өедора превращается по сказанію въ Прекрасную Дѣву, Царь въ отца; Өедоръ въ того юнаго героя, который приснился во снѣ какъ врагъ старому царю, а послѣ оказался его сыномъ и избавителемъ. «Баше бо жена красна (прекрасна) власы и лицемъ. И вндѣ ю Змѣй, и помысли, и абіе въсхитити ю, и зряше на ню лютымъ взоромъ.» Когда же она спустилась въ колодезь третій разъ, «пожре ю съ гласомъ великимъ. Она же вьзрѣвши и слышавши гласъ змѣевъ, и поверъже абіе съсудъ (сосудъ), видѣвши его, и премѣни лице, и бысть безъгласна, и абіе въсхити ю змѣй и внесе ю въ жилище свое и затвори ю.» Прибѣжали слуги и сказали сыну о похищеніи: онъ вооружается и идетъ на борьбу, завѣщая творить по себѣ «память» въ первую субботу (ср. выше прощанья Геракла, Саломона, нашихъ богатырей). «Преклони же колѣни свои, и пріять отъ отца (тотъ же царь) молитву, и вниде въ кладязь и царь сяде на кладязѣ три дни и три нощи, ожидая воина (ср. выше сходы въ подземелье). По тріехъ же днехъ вниде въ

полату свою и бяше печалуяся о воинѣ.» А Ѳедоръ «вниде въ жилище змѣево, и обрѣтъ матерь свою яко дѣву украшену, златомъ и сребромъ покрыту, 12 змѣй великыхъ остегнули ю и аспида мерьскія предъ нею. И старый Змѣй сѣдяше предъ нею на столѣ (престолѣ) златѣ, и етери (другіе) гади, великыя и малыя, лежаху предъ нею, стрежаху ея:» сравните похищеніе Персефоны, а кто видалъ классическія изображенія, на примѣръ хоть на Канузскомъ сосудѣ (вазѣ, амфорѣ) съ представленіемъ подземнаго царства Аида, тотъ узнаетъ и нашу картину. Простиль подземнаго дворца, Аидъ на престолѣ въ царской одеждѣ; передъ нимъ дѣва Персефона, готовая удалиться, въ царскомъ вѣнцѣ, въ покрывалѣ, съ факеломъ на дорогу изъ тартара; съ права трое адскихъ судей, нѣкогда чудовищныхъ, Миносъ, Эакъ, Радамантъ; съ лѣва Орфей во Ѳракійской одеждѣ; потомъ два мальчика, собравшіеся купаться въ водоемѣ; Електра съ мечемъ на Клитемнестру, въ бесѣдѣ съ Орестомъ и Пиладомъ; чудовища, обреченныя на муку, Танталъ, Сисифъ; Гераклъ, готовый вывести изъ ада Кервера на веревкѣ, «ужѣ,» предводимый Гермесомъ и т. п. Ѳедоръ вступаетъ въ постепенную битву съ чудовищами, наконецъ съ главнымъ Змѣемъ, при чемъ— любопытно— являются двое змѣенышей, «два отрока,» сидѣвшіе со Змѣемъ, а послѣ провожающіе Ѳедора въ видѣ двоихъ «юношей (ср. выше).» Разгорячившись въ битвѣ, герой такъ далеко загнался, что попалъ въ пасть чудовища, во внутренность его, изображаемой тутъ же пропастью, и пробылъ тамъ съ матерью 7 дней: вспомните Геракла во чревѣ Чудовища, Добрыню въ логовищѣ, Илью провалившагося въ подземелье. Онъ молится избавиться изъ ада: хлынула вода, нужная горожанамъ, съ водою вмѣстѣ принесенъ Ѳедоръ изъ пасти звѣря, изъ пропасти, изъ колодца, съ матерью и двумя юношами—ангелами. Кончается торжествомъ (сравните выше, какъ всѣ эти «образы» перешли въ «загадки» Южской Царицы и Саломона, стр. CCLXV: рогъ; яйцо—вмѣщавшее жизнь, изъ мрака или иглы, т. е. хаоса; нива, поростающая ножами, какъ у Аргонавтовъ или Кадма; рукавицы—средство похищенія; наконецъ «чудный кладязь, приводимый въ городъ песчанымъ ужищемъ;» ниже увидимъ, что Дѣва ведетъ на своемъ поясѣ Змѣя въ городъ, какъ Гераклъ Кервера на веревкѣ изъ ада). — То же самое въ нашихъ Стихахъ. Сперва отношенія международныя. Самойловичь или Сауйловичь, то же, что Саломоновичь (см. выше),

царь на Востокѣ, потомъ въ Ерусалимѣ. Противъ него подступаетъ врагъ, сила Жидовская, Iудейская (противъ Ерусалима!): замѣтьте, какъ уже повернулось сказаніе на почвѣ Ѳракійской и потомъ Русской, — жители Ерусалима стали врагами его, какъ чуждый Славянамъ и Руси языкъ, а царь по имени Костянтина перешелъ во Ѳракійскаго, Цареградскаго; въ Кіевскомъ творчествѣ такимъ врагомъ сдѣлался Жидовинъ, Козаринъ. На противуборство вызываетъ посредникъ — стрѣла съ надписью: вызывается Ѳедоръ Тирянинъ, сперва подданный царя, а въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа уже сынъ его. Имя *τίρων*, *τήρων* и *τύρων*, лат. *tyro*, перешедшее послѣ въ значеніе новобранца, юнаго воина, по своему происхожденію едва ли не сближается съ Финикійскимъ Тиромъ, *Τύρος*, съ именемъ Тирренскихъ Пеласговъ, *Τυῤῥηνικός*, дочери Салмонея — *Τυρώ*, Тиро, рѣки Тираса, *Τίρας* и *Τύρης*, Днѣстра, а далѣе съ *туромъ* и *тавромъ*, съ Кен-тавромъ и Тавр-идою. У насъ называется герой *Тиряниномъ*. Какъ бы то ни было, первоначально это прозвище юныхъ борцовъ и подвижниковъ, соотвѣтствующихъ Мелкарту и Гераклу. Такой-то герой отправляется противъ силы Жидовской, борется, погребается за живо, ибо его топитъ, какъ Егорья, кровь невѣрная по груди бѣлыя, а подъ нимъ разступается земля. Когда онъ вернулся къ царю съ торжествомъ, мать идетъ поить коня его на море синее, а далѣе, по нѣкоторымъ Стихамъ, и на Дунай. Тамъ похищаетъ ее Змѣй, сочетается съ ней, отдаетъ ее двоимъ зміенышамъ или юношамъ, и прочее, что мы уже знаемъ. Сынъ, извѣщенный слугами, бросаетъ пиръ (роняетъ кубокъ; ср. выше) и идетъ спасать мать; по древнему представленію ему нуженъ корабль: мѣсто корабля занимаетъ Китъ, подставляющій спину для путешествія по морю яко по суху, что быкъ въ миѳахъ Европы, колеса для кораблей Олега, и т. п. Изъ крови, топившей героя опять по груди бѣлыя, изъ пещеръ змѣиныхъ, изъ пропасти и изъ пасти, наконецъ изъ за моря, выноситъ сынъ мать свою «на головкѣ на темячкѣ,» какъ сосудъ — амфору, какъ изъ подземелья, съ того свѣта. Дѣло кончается встрѣчею спасеннаго народа, торжествомъ христіанства и «памятью» Ѳедора, породившею такія сказанія. — Наконецъ еще ближе къ поэмѣ Саломоновой спасеніе героемъ дѣвицы-невѣсты. Въ Сиріи у Гіерополь-ской богини, намъ уже извѣстной по ея отношеніямъ къ юному богу, имѣвшей, какъ говорили мы, на головѣ чудный «камень» и но-

сившей имя Атаргата, правильнѣе же, какъ думаютъ филологи, Тирата, *Τυρατις*, того же корня *Τυρ*-, находилась вся обстановка, видѣнная нами изъ сказанія о Тиронѣ или Тирпинѣ. Между прочимъ, близь ея храма было священное озеро, со священными рыбами; озеро было глубоко, по срединѣ находился каменный жертвенникъ, постоянно увѣнчанный пучками цвѣтовъ (ср. выше «киту,» затыкавшую кладязь); сюда были къ озеру торжественные ходы, многіе изъ поклонниковъ отправлялись съ берега въ плавь къ жертвеннику. Но богинѣ посвящена была и вода морская: два раза въ годъ поклонники отправлялись къ морю за водою, наливали сосуды, запечатывали ихъ и, принесши къ Гіерапольскому храму, вливали воду въ бассейны, откуда она стекала черезъ разсѣлину въ землю, подобно какъ здѣсь, говорили, стекли воды всемірнаго потопа и спасся человѣкъ отъ гибели. Обряды, возводящіе къ миоамъ, миеы къ эпосу о Тиронѣ. Въ такомъ же значеніи при входѣ въ храмъ помѣщалось два огромныхъ столба въ видѣ фаллосовъ: старинное средство спасенія, воздвигнутое нѣкогда раздѣлившимися народами. На одинъ изъ столбовъ, ища спасенія, взлѣзалъ два раза въ году подвижникъ; чтобы поститься и молиться тамъ о благѣ Сиріи: къ нему также бывали ходы, совершались путешествія поломниковъ, внизу столба произносили свои имена, чтобы подвижникъ помянулъ ихъ въ молитвѣ. Между прочимъ было вѣрованіе, что если на столбѣ заснетъ онъ, змѣя всползетъ къ нему и ужалитъ. На почвѣ Гераклейскаго Ѳедора во Ѳракіи сказаніе приняло такой видъ: герой «тѣломъ храбръ и мужественъ, лицемъ вельми красенъ, премудръ же разумомъ и риторъ изряденъ.» Не въ далекѣ отъ Гераклеи, близь Евхаитъ, «бѣ отъ полунощныя страны поле пусто, и въ немъ пропасть велія, внутрь же тоя пропасти возгнѣздися Змій велій, иже егда оттуду исхождаше, земля на томъ мѣстѣ трясяшеся; изшедши же, аще что либо обрѣташе, человѣка ли, или скота, снѣдаше.» Герой отправляется спасти народъ свой. «Егда же пріиде на оно поле, видѣвъ траву злачну, слѣзе съ коня и ляже почити.» Является извѣстная намъ мати, Евсевія, и будитъ героя, чтобы не сгибъ онъ отъ змѣя. Герой выступаетъ въ бой на конѣ своемъ «Дарданскомъ,» «къ своему коню аки къ человѣку бесѣдуя,» «конь же послушая словесъ господина своего, стояше ждый исхожденія зміина.» Кончилось побѣдой. «Слышавъ же о томъ весь градъ Евхаитскій и окрестніи людіе, изыдоша вси на поле оно, и, видѣвше змія не жива,

Өеодоромъ убіенна, чудишася и взываху вси глаголюще: «великъ Богъ Өеодоровъ!» И вѣроваша во Христа многое народа и воиновъ множество... По вся же дни людіе ко крещенію святому приохождаху и уже мало не вся Ираклія прія святую вѣру.» За тѣмъ слѣдуетъ мученіе отъ Ликинія, приписанное въ сказаніи, которое выше привели мы, и Тирону. Замѣтимъ, что въ эпосѣ Болгарскомъ Марко Кралевичь также точно убиваетъ «Змію Стихію («Коло»).» — Но здѣсь еще «мати:» дѣвица-невѣста спасена Егоріемъ и мы снова возвращаемся на Востокъ. Въ подвигахъ его соединены имена Рима и Палестины съ мучителемъ Діоклитіаномъ-Кудріянищемъ (см. выше). Но внѣ мучительствъ, прочія сказанія о подвигахъ сосредоточены на Сиріи. Здѣсь подвижникъ помогаетъ вдовицѣ поставить столбъ къ храму, написавъ на столбѣ ея имя; образъ его, поруганный отъ Сарацина, т. е. Араба, обращается въ казнь сему послѣднему и приводитъ его къ раскаянію, также точно, какъ это передается въ нашемъ рукописномъ сказаніи «о плѣнномъ Половчинѣ («Пам. стар. Р. литер.,» вып. 1),» гдѣ дѣйствуетъ св. Никола, или въ устныхъ разсказахъ о Потыкѣ, предшествующихъ Кіевскому творчеству («Зам.» при 4-мъ вып. Кир.). Также точно спасается похищенный отрокъ. «Во островѣ Милитянстѣмъ» народъ собирался въ церковь на праздникъ: напали «Критстіи Агаряне,» разбойники съ Крита, поплѣнили многихъ, въ томъ числѣ одного юношу, котораго подарили «князю.» Когда горестные родители совершали послѣ годовое празднество и молились, «въ той часъ и сынъ ихъ, восхищенъ бывъ отъ плѣненія, предста имъ, держай въ руцѣ стклянницу съ виномъ и матери подаяй оную.» Онъ разсказалъ: «Сію стклянницу наліяхъ виномъ, еже подати князю, и восхищенъ быхъ нѣкіимъ мужемъ пресвѣтлымъ, на конѣ ѣздящимъ, иже посади мя къ себѣ на коня, единою убо рукою держахъ стклянницу, а другою держахся за поясъ его, и обрѣтохся здѣ, якоже видите.» Агриковъ сынъ также точно былъ взятъ отъ Сарацинъ изъ Крита и перенесенъ въ Сирійскую Антіохію: вспомните, что при этомъ спасаемаго схватываетъ «дрема» и онъ переносится какъ во снѣ, а въ 3-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ» читатели видѣли, какъ спаситель корабельщиковъ, отправляясь на подвигъ, задремалъ на небесномъ пиру и выронилъ изъ руки чашу; такъ выронилъ чашу и Саломонъ на пиру у Давида, см. выше. Подобнымъ же образомъ спасенъ Егорьемъ сынъ священника съ острова Кипра, отправленный

на кораблѣ «купли ради,» похищенный Сарацинами и отвезенный въ Палестину, коей они тогда владѣли. Однажды провожалъ онъ своего новаго господина Сарацина въ баню и забылъ ему взять питья «во укропницѣ.» Побитый за то, побѣжалъ онъ въ домъ захватить забытое, но на пути стояла христіанская церковь и юноша вошелъ помолиться (сказаніе о спасеніи вслѣдствіе того, что юноша зашелъ въ церковь, чрезвычайно распространено, по рукописямъ и сказкамъ; ср. переводъ Жуковскаго). «И егда взяхъ укропницу, да влію въ стклянпцу, начахъ не видѣти господина моего и возопихъ: «господине, не вижду!» И восхити мя нѣкая сила отъ земли.» Онъ очутился въ церкви при отцѣ, совершавшемъ Дары. «Отецъ же мой вострепета отъ ужаса и жалости, и вмалѣ не упусти святаго потира изъ руки, егоже держаше, забывся. Азъ же упустихъ стклянпцу на землю и укропницу... Стклянпца же, юже упустихъ на мраморъ, не разбися, ни изліяся, такожде и укропница.» Третій подобный случай еще любопытнѣе. Ревностные почитатели Егорія, Леонтій съ женою, отправили сына Егорія въ войско греческое. «Во дни же тыя царствоваше въ Грецѣхъ Константинъ Осмый того имене, иже бѣ сынъ царя Льва Премудраго. И возставися брань съ Болгары Грекомъ: Болгары бо со Угры и Скиѳы нашедше на Греческія страны, опустошаху плѣняюще.» Юноша взятъ въ плѣнъ. «Видя его Болгаринъ юна и лицемъ красна, пощадѣ того и отведе его въ свою землю, и служаше тому Георгій яко плѣненый рабъ.» Родители плакали и молились Егорью, гости, собранные ими на праздничный пиръ, утѣшали надеждою. «Сынъ же ихъ Георгій, въ плѣненіи сущи, имѣяше у плѣнившаго его господина службу поварскую (см. выше отношеніе къ черному цвѣту)... Пріиде же время обѣдати господину его, и потребно бѣ, да самъ Георгій нѣкое ястіе несетъ съ горицемъ (горшкомъ; ср. выше «сажу котельную») предъ господина; отеръ убо слезы, взя отъ огня горнецъ кипящій, и несе: и абіе обрѣтеся стояй въ дому родителей своихъ предъ лицемъ всѣхъ обѣдающихъ.» Разсказъ его: «Въ сей часъ въ поварнѣ господина моего работахъ, и повелѣно мнѣ бысть принести съ горнцемъ къ господину ястіе сіе, еже вземши несохъ, и ступившу мнѣ нѣколико степеней къ горницѣ, въ ней же господинъ мой обѣдаше, внезапу узрѣхъ нѣкоего воина на конѣ сѣдяща... и ятъ мя съ горнцемъ симъ, и невѣмъ, како здѣ постави предъ вами.» Это орудіе спасенія принесено было и посвящено въ храмъ: ср. выше

«мурриму,» муравленую посуду, съ отношеніемъ къ имени Мавровъ, и амфоры, приносившіяся въ даръ, изъ числа коихъ на одной, Канузской, видѣли мы изображеніе Аида, сходное съ картиною нашего сказанія. Во всемъ этомъ важно для насъ, во первыхъ, отношеніе подвиговъ Егорія къ Николаю, связанное по нашимъ Стихамъ и Сказаніямъ, а вмѣстѣ и къ Потыку, спасенному Николаемъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.); во вторыхъ, дѣйствіе въ Сиріи, враги Арабы, въ роли Арабовъ Болгары.—Наконецъ, знаменитая битва со Змѣемъ за дѣвицу-невѣсту, «въ странѣ Суро-финикійстѣй,» «надъ моремъ Сурійскимъ великимъ.» «Бѣ при градѣ Виритѣ отъ горы Ливанскія езеро велико зѣло, въ немже Змій великъ страшенъ губитель живяше, иже, исходящъ изъ того езера, многихъ людей похищаше, во езеро же влечаше, и снѣдая погубляше. И многажды вооружившійся на убіеніе его народъ прогоняя поражаше: приближившися бо къ стѣнамъ града, дыханіемъ своимъ губительнымъ наполняше воздухъ яда смертоносна, яко многимъ отъ того повреждатися и умирати; и бѣ скорбь и печаль, вопль и плачь велій непрестанно въ томъ градѣ.» Жители и царь были идолопоклонники, для отвращенія гибели спросили «бѣсовъ,» жившихъ въ идолахъ, получили совѣтъ каждый день давать Змѣю дѣтей, сына или дочь, по жеребью (ср. выше, Сиріяне бросали дѣтей своихъ какъ телятъ); царь самъ прибавилъ: «егда пріидетъ рядъ и до мене, то и азъ, аще и едину дщерь имамъ, и тую отдамъ.» Такъ и поступали: водили на берегъ озера сыновей и дочерей своихъ «благолѣпно украшенныя,» а Змѣй поѣдалъ ихъ (ср. выше, какъ при Тиронѣ этотъ Змѣй прельстился красавицей, ему нужна была невѣста). У всѣхъ перебралъ онъ, рядъ кончался, осталась очередь царя. Особенность этого сказанія (въ нашихъ Стихахъ она измѣнена) въ томъ, что отецъ жалѣетъ дочери, хотя и подчиняется откровенію бѣсовъ (ср. бѣсовъ при Саломонѣ). «Пригласивши убо царь дщерь свою, повелѣ ей украситися благолѣпно, жалѣ же о ней и плака зѣло со всѣмъ домомъ своимъ, обаче не могій разорити уставленія (нарушить учрежденія) того, аки бы божественнаго, по откровенію бѣсовъ въ жертву имъ узаконеннаго, даде извести ю на снѣденіе Змію, аки жертву богу безданы адскія (Аиду), самъ же со своими съ высоты палатныя смотрящи, слезными оную провождаше очесы.» Она поставлена на берегу озера, плачетъ. Является избавитель, остается не смотря на убѣжденія

удалиться, выждалъ, пока « Змій оный страшный явися изъ езера исходящъ,» побѣдилъ его и « повелѣ дѣвицѣ, да поясомъ своимъ связавши Змія (ср. выше « уже »), ведетъ аки пса кротка во градъ. » Такъ онъ и приведенъ, убитъ среди города избавителемъ «и извлекше людіе трупъ его за градъ, огнемъ сожгоша (какъ оборотня, обмиравшихъ людей и оживавшихъ мертвецовъ, ср. «Зам.» къ 4—му вып. Кир.).» «Тогда царь града того и весь народъ вѣроваша во Христа.» Построена Церковь въ честь Пресв. Богородицы, отъ алтаря истекъ источникъ.—Кто въ этомъ дѣйствительномъ событіи вѣросознанія не узнаетъ чертъ , нами прежде указанныхъ , или забудетъ, что Змінная пасть есть та же пропасть и что во всѣ времена человѣчества адъ представлялся ему Змѣемъ съ разверзтой гортанью,— тому уяснитъ дѣло наши Стихи, возникшіе конечно еще на почвѣ Ѳракійской, но потомъ прошедшіе длинный путь въ нынѣшнюю Русь, еще длиннѣйшій—чрезъ Христіанство. Здѣсь близость къ поэмѣ о Саломонѣ ярка до чрезвычайности. Во первыхъ (« Кал. Перех., » вып. 3): «У царя Давыда былъ сынъ Соломонъ, была дочка Олёна;» старецъ раздвоился на Саломона и извѣстную намъ Елену, т. е. иначе Саламанію; онъ готовитъ дочь жениху, приходящему издали, и какъ тайну возвѣщаетъ ей: «Охъ ты дочка Олёна! Вставай ты по утру поранѣ, умойся ты бѣленько, надѣвай ты платье подвѣнечно.» Дочь спрашиваетъ: « Кажи ты мнѣ законнаго брака, » укажи же , кто этотъ женихъ , какъ узнать его? — Твой женихъ стоитъ во Божьей церкви, въ Божьей церкви тебя дожидается.—Та входитъ—увидала своего брата, Саломона: мы знаемъ, что женщина, Саламанія , проходитъ въ отношеніяхъ къ нему и ступень сестры , вотъ кто ея похититель, за ней подкравшійся, захотѣвшій превратить ее въ жену. Какъ трудны для человѣчества переходы, выраженные подобными образами, мы знаемъ изъ поражающей картины—горести Деметры, воплей Персефоны. Елена, дочь Давыда, не приняла вѣнца: она рветъ и кидаетъ съ себя цвѣтное платье, бросаетъ съ ногъ обувь, босикомъ бѣжитъ по лютому морозу. Все для нея заперто. Вопль ея раздается передъ окномъ отца: но отецъ повторяетъ—назови меня свекромъ,—то есть выдь за брата; плачетъ она передъ окномъ матери: «ахъ ты матушка родима, отоприся, всѣ я ноженьки свои признобила!» Мать велитъ назвать себя свекровью. Бѣдная снова къ братнину окошку: Саломонъ ее принимаетъ лишь подъ условіемъ брака. «Охъ братецъ родимый! Гдѣ это случилося, чтобы сестру

родну брату взяти!» Бѣжитъ она въ чистое поле, всплакнула жалкимъ голосомъ, созвала лютыхъ звѣрей, вороновъ, черныхъ вороновъ: собѣгались, солетались они, «растерзали ея тѣло бѣлое и расгаскали ея тѣло по чисту полю.» Тогда лишь обрѣла она спасеніе: «пошла ея душенька ко Господу Богу.» Другой соотвѣтствующій Стихъ выставляетъ «дочь Тысячника,» которую неволилъ отецъ выйти за мужь и «на всѣ грѣхи тяжки поступить.» Въ полночь убѣжала она въ лѣсъ, жила со звѣрьми, не видала человѣчьева лица, не слыхала звону Божьяго: стало у дѣвушки лицо какъ дубовая словно кора, стали у ней виски какъ бѣленькой ленокъ, какъ у жены Акура, у сестеръ Егорья, прошедшихъ тяжкій путь страданія. Наконецъ срокъ борьбѣ: побрела она, на встрѣчу старецъ-исповѣдникъ, посредникъ и разрѣшитель, какихъ мы часто встрѣчаемъ въ Индійскомъ творчествѣ, подвижница и подвижникъ. Онъ испугался страшнаго лица: «не пужайся,» говоритъ дѣвушка, «эта кожа—человѣкъ, исповѣдай меня, причасти (спасенію), отпусти во святыя мощи.» Тогда-то она «рѣшилась совсѣмъ, стала святой («Кал. Перех.,» вып. 3).» Такую же роль играли въ греческихъ миѳахъ—адъ или Аидъ, проводя черезъ себя для спасенія, изступленныя, мѣнады и звѣри, терзавшіе человѣка на пути къ торжеству Діониса. Но вотъ еще Стихъ, въ коемъ все это излагается образами, близкими къ поэмѣ Саломоновой, — Стихъ объ Егорьѣ и Лизаветѣ. Древнее начало является грознымъ, требуетъ страшныхъ и кровавыхъ жертвъ; самое страшное и главное его требованіе — на царскую дочь, на невѣсту-дѣву. Грозный, издали приходящій женихъ. Отецъ и мать, для спасенія, коварствуютъ надъ дочерью, какъ коварствовали Олимпійцы надъ Персефоной. Ей передаютъ подлинную дѣйствительность, но въ видѣ обмана: ей велятъ готовиться къ вѣнцу и браку съ женихомъ юнымъ. Жертва похищенія готова, она прошла уже путь глубокихъ страданій: тогда, какъ Діонисъ, является ей женихъ юный, переродившійся изъ страшнаго Загрея, приходящій съ неба, на бѣломъ конѣ, съ «копьемъ» или «скипетромъ» побѣдителя. Существо грозное, въ образѣ Змѣя, связано разрѣшеннымъ поясомъ дѣвы, приведено въ городъ, убито: съ возродившимся юношей сочетается дѣва, но уже не внѣшнимъ бракомъ, а союзомъ освобожденнаго сознанія, спасеніемъ, которое для язычества открывалось въ побѣдѣ Діониса, а Христіанствомъ приведено въ дѣйствительность. Спасается городъ и народъ, вводится Христіанство. — Стихъ начинается тою же картиной, которой

оканчивается поэма о Саломонѣ, — разрушеніемъ невѣрныхъ языческихъ царствъ — Содома и Гоморры; на третье — Рахлейское, Рахлинское — Арахлинское, Арапинское наслана лютая Змѣя Пещерская. Извѣстнымъ порядкомъ, дошла очередь итти самому царю на съѣденіе. Имя его — Агафій, Агапій или Агафинъ вѣроятно совпадаетъ съ именемъ Арапинъ, сообразно «царству Арапинскому.» Другое имя Агей или Адъй, народный герой, по прозвищу Евсеевичь — т. е. Давидъ. Коварная жена его, предающая собственную дочь и отвѣчающая Вирсавіи, носитъ имя Алисафьи, переходящее и на дочь: выше мы показали, почему послѣдняя носитъ имя Лизаветы и отождествляется съ другою подвижницей. Но, между прочимъ, она называется также и Софьею: имя «Софіи,» «Премудрой,» «Премудрости» сопровождаетъ такимъ образомъ героиню древнѣйшаго нашего эпоса на всѣхъ ступеняхъ ея, отъ старшей — «матери,» черезъ «сестеръ» Егорья, и до «невѣсты-дочери.» Если мы при этомъ вспомнимъ неразлучное съ нею представленіе о «храмѣ (см. выше),» то конечно эта женская половина относится къ мужской половинѣ — «Премудраго» Саломона. Въ миѳахъ греческихъ такова была древняя Афродита, въ греческомъ эпосѣ Елена Аргивская, въ ученіи гностиковъ она же, въ нашемъ эпосѣ «Василиса Премудрая.» Другое прозвище Гераклейской Дѣвы — «Прекрасная» есть извѣстное намъ прозвище другой половины этого женскаго существа, рядомъ съ «Премудрою,» прозвище опять Афродиты, Елены, Саломоніи, нашей Елены и Василисы, въ нѣсколькихъ видахъ сихъ двухъ послѣднихъ. Когда царь опечалился, жена подаетъ измѣнническій совѣтъ — въ искупленіе его погубить дочь, «дочь немилую:» немилою стала она вслѣдствіе склонности къ новымъ началамъ, — «она вѣруетъ вѣру не нашую, не нашому богу она молитсе.» Ей велятъ готовиться къ жениху изъ этого далекаго, новаго края вѣрованій: «завтра будутъ сватовья сватать, въ которую вѣру вѣруешь; ты которую вѣру вѣруешь, ты которымъ богамъ молишься, со той стороны сватова придутъ, къ намъ сватова, къ тебѣ женихи, отдаимъ тебя за купца за мужь, ай за купчика за торговаго, за торговаго за заморскаго.» Мы знаемъ уже этого гостя, пришельца, похитителя. Когда его начало восторжествовало съ принятіемъ Христіанства и недоконченное развитіе народнаго духа завершилось на Руси, потомъ въ Москвѣ, тогда женихъ принялъ на себя и этотъ мѣстный оттѣнокъ: «Пріѣхалъ женихъ со святой Руси, со

святой Руси, съ камённой Москвы, онъ не въ нашу вѣру вѣруетъ.» Въ эпосѣ эта загадка, по извѣстной намъ причинѣ, представляется «обманомъ.» Дѣвица разубрана во всѣ украшенія. Тогда являются образы, извѣстные намъ изъ поэмы о Саломонѣ: «На бѣломъ дворѣ стоитъ лошадь черная, карета темная, извощичекъ (перевощикъ, посредникъ) стоитъ опальный, онъ опальный да самъ кручинный;» «тамъ стоитъ корета темная, заложенъ жеребчикъ некладёной, въ ней сидитъ дѣтинушка поваренной;» «тутъ стоитъ корета сама черная, припряжены кони неученые (дикіе; ср. коней въ колесницѣ Аида, увезшаго Персефону), посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ (таковы переходы представленій о черномъ цвѣтѣ),» — онъ и повезъ ее; по нѣкоторымъ Стихамъ, отвезши, онъ вернулся домой, по другимъ этотъ самый дѣтина переродился въ спасителя, какъ Гераклъ, предшественникъ Діониса. Дѣвица при первомъ взглядѣ догадалась, какой женихъ ей приготовленъ: «не обманывай, родной батюшко (ср. Зевса, отца Персефоны), не за мужь даешь, не за купчика, а ко лютой Змѣи на снѣденьицо, а Печерскія на презрѣньицо (прожреньицо).» Тогда, говоритъ одинъ Стихъ, она скидывала съ себя платье цвѣтное, надѣвала черное. Хотя Змѣй представленъ Пещерскимъ, живущимъ въ пещерѣ, но, по вліянію древнѣйшихъ представленій, дѣву привозятъ къ «синему морю» или «озеру;» «желты пески Макарьевски» отъ Макарьевскихъ, Блаженныхъ жилищъ Рахмановъ и Счастливой Аравіи пересыпались подъ Нижній Новгородъ (сколько тутъ слоевъ!). Спасенію предшествуетъ опять извѣстный намъ образъ—дрема, сонъ; падающая «слеза» жертвы то же, что въ другихъ сказаніяхъ выроненный «кубокъ,» «скляница.» Является Змѣй, но является и спаситель, своимъ «копьемъ» или «скипетромъ» убиваетъ древнюю, мрачную половину существа. У дѣвицы «шелковъ поясъ сорока пядень,» тотъ же, что знаменитый у Афродиты; онъ и у юноши (стр. 522), какъ поясъ и повязка Діониса. Онъ обращается въ «уже» или «петлю» для Змѣя: на немъ ведетъ дѣвица врага. Кончается истребленіемъ невѣрнаго «поганства,» торжествуетъ новая вѣра; Змѣя или «подкована въ жалѣзу глухую;» или ее «ударила (дѣвица) о сыру землю, змѣя разсыпалась на мелки пески (ср. Соловья и т. п.),» или «прокляла на камнѣ и съ каменемъ.» Сострoена церковь Пресвятой Богородицѣ, Троицѣ, Егорью, Миколѣ. — Таковы эти знаменитыя «Θеологумена,» богословское содержаніе древнихъ язы-

ческихъ, знаменитыхъ Ѳракійскихъ или Орфическихъ мистерій, изложенное послѣ вѣроучителемъ — Ѳракійскимъ Саломономъ, перешедшее въ поэму о Саломонѣ, а наконецъ давшее образы Христіанской дѣйствительности вѣросознанія и въ семъ видѣ перешедшее къ намъ въ Старшихъ нашихъ Стихахъ, чтобы получить еще новыя измѣненія на почвѣ Руси. Кромѣ этихъ главныхъ слоевъ, множество еще мелкихъ частію нами указаны, частію конечно замѣчены самими читателями. Рахлинское царство по извѣстному намъ представленію обращено въ Арапинское, какъ страны Еѳіоповъ, Мурвиновъ, Мавровъ, Сарацинъ, Агарянъ, Араповъ или Арабовъ въ собственномъ смыслѣ, Негровъ (лат. «niger»). Не удивительно, ибо все это имѣло мѣсто для нашихъ праотцевъ при «Черномъ морѣ,» имя, происхожденіе коего мы со временемъ уяснимъ подробнѣе. Послѣ Идольскаго, Рахманскаго, Рахлейскаго и Кудріянскаго царства, получаемъ для нашего эпоса еще царство Арапинское *).

Теперь взглянемъ мимоходомъ на событія историческія. Когда въ IV-мъ в. предъ Р. Х., въ эпоху Александровскую, Славяне принуждены были двинуться съ Дуная въ Карпаты и вообще на Сѣверъ, вслѣдствіе явившихся къ Дунаю Кельтовъ, на сихъ послѣднихъ перешло имя Волоховъ, имя, одинаковое по происхожденію и ближайшее по формѣ съ именемъ божественнаго Волоса или Велеса, демоническаго и эпическаго Волота. Оно перешло послѣ на тамошнія поселенія Римскія, на позднѣйшихъ тамошнихъ Славянъ и на смѣсь этихъ народовъ съ прибавкою разныхъ пришлыхъ стихій, т. е. на нынѣшнихъ Влаховъ или Волоховъ. Но, когда Славяне ушли собственно съ Дуная, часть ихъ собратій осталась на старыхъ поселищахъ за Дунаемъ и при Черномъ морѣ: они-то застали въ сихъ краяхъ Христіанство и, продолжая творчество подъ новыми вліяніями, дѣлились имъ съ ушедшими братьями сотнею разнообразныхъ путей въ сношеніяхъ, безчисленными звѣньями никогда не прерывавшейся связи. Въ началѣ средневѣковой исторіи, первыми заводчиками Украйнъ на огромномъ пространствѣ были Римляне, и имъ-то принадлежала съ одной стороны Украйна Придунайская: съ другой, въ отпоръ имъ, стояли Славяне въ связи съ другими подходившими народами, — межи эти

---

*) То, что мы говоримъ въ «Замѣткахъ» о разныхъ Стихахъ, есть только часть нашего изслѣдованія, которое должно бы явиться въ концѣ изданія «Калѣкъ Перехожихъ,» но доселѣ, какъ и все изданіе, не печатается за недостаткомъ средствъ.

приходились именно на той дорогѣ, по которой, одна за другою, валили въ Европу толпы Азіатскихъ выходцевъ или двигались къ Югу полчища Сѣверныя. Атила соединилъ ихъ, въ томъ числѣ Славянъ, и сбилъ съ мѣстовъ межевыя украйны Римскія. Проходъ съ Сѣвера къ Югу, за Дунай, очистился: имъ двинулись вторично различныя вѣтви Славянскаго племени, восточнѣе такъ называемые Болгаре, западнѣе Сербы. Постепенно переходили они за Дунай, соединяясь тамъ съ остатками соплеменниковъ, проникая до предѣловъ Ѳракіи, въ Македонію, Эпиръ, Ѳессалію, Пелопоннесъ. Первыя столѣтія, послѣдовавшія за IX и X-мъ вѣкомъ, были временемъ сложенія и возрастанія Славянскихъ государствъ за Дунаемъ, до XIV вѣка. Между тѣмъ какъ братья селились такимъ образомъ въ Византійскихъ областяхъ, на каждый шагъ ихъ впередъ, другая часть ихъ только что подходила къ Дунаю, оставалась по сю сторону его, образуя задній сторожевой и запасный полкъ для Задунайскихъ: черезъ нихъ-то Русь связывалась съ Задунайцами въ эпоху Христіанскую и при началѣ нашей исторіи. Болгаре, сновавшіе государство за Дунаемъ, особенно дорожили этимъ запасомъ своихъ родичей на Сѣверѣ, въ нынѣшней Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, частію Трансильваніи, и т. п., ибо этотъ запасъ съ зади давалъ имъ постоянное подкрѣпленіе и выдерживалъ напоры вновь приходившихъ чуждыхъ племенъ. Весь этотъ край, въ ту уже отдалённую эпоху, въ VIII и IX вѣкѣ, могъ быть названъ Славянскимъ, только съ примѣсью остатковъ отъ другихъ народовъ и Римлянъ или съ временнымъ наплывомъ племенъ такъ называемыхъ Сѣверныхъ и Азіатскихъ. По теченію Дуная въ верхъ сидѣли Болгаре до самого Пешта и тѣмъ же путемъ шли Первоучители, неся грамоту, переводы и Евангельскую проповѣдь. Болгарскіе властители изъ за Дуная переселяютъ сюда изъ Ѳракіи и Македоніи множество подданныхъ Славянъ для подкрѣпленія однороднаго населенія. Съ Сѣвера спускается съ ними въ союзъ Русь, особенно поселенцы Тираса или Днѣстра, Тиверцы и Угличи. Святославъ проникаетъ даже за Дунай въ Болгарскую Прѣславу, по нашему Переяславль, и, хотя втянулъ Болгаръ въ гибельную войну съ Греками, кончившуюся паденіемъ перваго Болгарскаго царства, но по сю сторону Дуная продолжался прежній порядокъ вещей. Русь Галицкая все болѣе и болѣе сближалась съ братьями Славянами: Ярославъ Осмомыслъ «подпиралъ горы Угорскія (Карпаты и ихъ отростки) своими желѣзными полками,» «затворялъ» и конечно «отворялъ Дунаю ворота,»

управляя судоходствомъ и сборомъ даней, «суды рядилъ до Дуная,» гдѣ до послѣднихъ временъ край раздѣлялся на «судства,» округи, тянувшіе къ одному суду. Не одинъ Боянъ, но и князи, «рыскали» въ эту «тропу Трояню,» по «Священнымъ путямъ,» «Змѣевинѣ,» «Троянову валу,» мѣстности, соединявшей память и о Троѣ, и о Троянѣ-Велесѣ, и вѣроятно отчасти о Траянѣ цесарѣ. Въ такое-то счастливое время Болгаре и прочіе Славяне этого Предъдунайскаго края усилились до того, что нашли средство, улучили минуту дѣятельно помочь родичамъ Задунайскимъ: предводимые Асѣнемъ и Петромъ, они перешли рѣку, свергли иго Византійцевъ, низложившихъ первое Болгарское государство, воззвали къ жизни государство новое и второе, со столицею въ Тръновѣ. Съ тѣхъ поръ, до самого времени Турокъ, отношенія были таковы: за Дунаемъ Славянское *государство*, по сю сторону его *области*, въ братскомъ единеніи, въ родственной зависимости, иногда подчиненіи. Пусть край Преддунайскій, особенно со времени сбитыхъ Римскихъ украйнъ или марокъ, сдѣлался водоворотомъ разныхъ племенныхъ вѣтвей и языковъ: отъ нихъ къ XIV-му вѣку уцѣлѣли лишь остатки, вспомнимъ остатки Готовъ. Пусть рыскали здѣсь потомъ Мадьяры-Угры, Печенѣги и Половцы: съ ними боролось Славянское племя, искупая тѣмъ свободу Задунайскаго государства на Югѣ, силу слагавшагося государства Руси на Сѣверѣ. Нашествія варваровъ не могли совершенно вытѣснить Славянъ, ибо у нихъ подъ бокомъ были горы, куда всегда можно было укрыться и выждать, откуда спуститься послѣ; тѣмъ менѣе могла прерываться на долго связь обоихъ береговъ Дуная, часто перерѣзанная, но постоянно всегда потомъ возсоединяемая. Сквозь самый густой слой промежуточныхъ враговъ можно было всегда прорѣзываться: примѣромъ наши князья, нашъ Святославъ. Только въ XIII-мъ вѣкѣ разрывъ былъ долговременнѣе: виною были Татары, проникшіе даже за Дунай. Тѣмъ болѣе сила ихъ разыгралась передъ Дунаемъ, въ краю, о которомъ идетъ дѣло: все, что могло изъ Болгарскихъ Славянъ, Руси и такъ называемыхъ Волоховъ (въ частномъ значеніи, какъ остатковъ Римскихъ поселеній; въ общемъ смыслѣ имя это простиралось на всѣхъ поселенцевъ края), все скрылось въ Карпаты; все оставшееся подпало тяжкому игу. Но, выждавши время, бѣглецы подъ знаменами Угровъ вытѣснили Татаръ отъ Дуная, сошли съ горъ, возстановили прежнія поселенія, соединились здѣсь съ остатками Волоховъ, Болгаръ и Руси

(имя *Руси*, *Русь* доселѣ хранится здѣсь во многихъ мѣстныхъ названіяхъ). Тогда, въ особенности съ начала XIV вѣка начинается самое блестящее время Преддунайскаго Славянскаго государства. Между тѣмъ, съ самаго утвержденія приглашенныхъ Византіею Турокъ во Ѳракіи и Адріанополѣ, оттуда потекли снова толпы Славянъ къ своимъ родичамъ за Дунай, то есть, глядя съ нашей точки, по сю сторону Дуная. Когда же царство Болгарское, а за нимъ и Сербское, пало за Дунаемъ во второй половинѣ XIV вѣка, уступивши не столько мечу Турокъ, сколько собственному раздору и разложенію, тогда толпы не только изъ Забалканской Ѳракіи, но также изъ Македоніи отъ Родопа, а послѣ изъ Предбалканья, одна за другою придвинулись къ Дунаю, перешли его, нашли спасеніе между родичами по сю сторону Дуная. То были или бѣглецы, или отступавшіе къ Дунаю герои, сохраненные послѣ въ былинахъ. Оставшіеся подпали игу, извѣстному доселѣ, не истребившему однако же ихъ народности: отступавшіе дорого продавали каждый шагъ свой. Впрочемъ, упорная борьба, сохранившаяся памятью и въ творчествѣ былинъ, велась лишь въ гористой Македоніи да въ Балканахъ и ихъ отросткахъ: какъ скоро Турки прошли Балканы, они могли уже, по причинѣ пологой мѣстности, почти безпрепятственно дойти до самаго Дуная. Потому первая и собственная Крайна или Украйна для Турокъ и Славянъ Болгарскихъ образовалась по Дунаю: въ обширномъ смыслѣ шла она отъ Сербскаго Срема и Бѣлграда внизъ по Дунаю, и именно по сю сторону, хотя укрѣпленные города, во все время съ тѣхъ поръ до послѣдней нашей войны, попеременно переходили въ руки то однихъ, то другихъ, то Славянъ, то Турокъ; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ простиралась она отъ означенной межи до предѣловъ нынѣшней Малой Валахіи, образуя уголъ: одна сторона его прилегала къ Дунаю, вершина была при Ръшавѣ или Оршовѣ, другая сторона отъ вершины угла шла къ Сѣверу, противъ вторженія Турокъ со стороны Малой Валахіи и Трансильваніи, почти по границѣ нынѣшняго Темешскаго Баната. Съ одного краю, нашего, стояли на этой украйнѣ Славяне, то есть Сербы и Болгаре, первые по той сторонѣ угла, гдѣ память о древности сохранилась и понынѣ въ названіи Военной Границы Баната, вторые преимущественно по другой сторонѣ угла, противъ Валахіи и Трансильваніи, тамъ, гдѣ ихъ послѣ организовалъ Угорскій Сигизмундъ. Мы преимущественно имѣемъ въ виду Болгаръ: имъ принадлежала въ обширномъ смыслѣ

вся Подунайская линія или Украйна отъ Ръшавы до устья; по этой межѣ, въ одномъ государствѣ, жили они господствующимъ народомъ, съ остатками нѣкоторыхъ прежнихъ пришельцевъ и Римлянъ, съ нѣкоторой помѣсью Руси, въ дружбѣ съ Уграми, а иногда въ зависимости отъ нихъ. То была нынѣшняя Большая и Малая Валахія, часть Трансильваніи, Молдавіи, Буковина, нынѣшняя Бессарабія, въ позднѣйшее время перешедшая къ Руси изъ этого единства. Возвысившееся въ XIV-мъ вѣкѣ, послѣ сошествія изъ Карпатъ прежнихъ бѣглецовъ или скрывавшихся туда героевъ, а съ другой стороны послѣ значительнаго переселенія Славянъ изъ за Дуная, отступавшихъ или бѣжавшихъ передъ Турками, государство это въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ имя Средне-Болгарскаго, разумѣя средину между древнимъ государствомъ Болгаръ за Дунаемъ и между послѣдними остатками тамъ Славянъ подъ игомъ Турокъ, между этимъ чаемымъ государствомъ новымъ; по времени же между XIV-мъ и XVIII-мъ вѣкомъ. Правители изъ Болгарской династіи Владиславлевичей, господствующій при дворѣ, въ судахъ, въ училищахъ, въ образованности Болгарскій языкъ, Кирилловская грамота, такъ называемыя Церковно-славянскія рукописи и потомъ печатныя изданія въ громадномъ обиліи и многія въ необычайной красотѣ, Православіе съ Славянскимъ богослуженіемъ, и т. д., все это исторически оправдываетъ данное нами названіе. Только съ началомъ XVIII вѣка многія обстоятельства, соединившіяся вмѣстѣ, подрыли и рушили это государство: тогда же поднялась реакція Романисма, сдѣлавшая постепенно нынѣшнихъ Волоховъ. Такой краткій историческій очеркъ далеко не лишній для нашего дѣла: край, о которомъ идетъ рѣчь, между прочими именами, одно изъ главныхъ носилъ имя «Волошскаго,» по Юго-славянски «Влашски,» «Влашки;» украйна Подунайская—«краина, покраина, крайна Влашска, Влашка.» Всякій географъ и этнографъ хорошо знаетъ, какое множество здѣсь именъ для мѣстностей, рѣкъ, городовъ и т. п., произведенныхъ отъ слова черпъ; Турки на весь край перенесли прозвище кара, «черный,» откуда это извѣстное, удержанное Славянами имя—«Каравлахи,» земля или украйна «Кара-влашска, Кара-влашка,» примѣнительно въ частности къ Молдавіи—«Кара-богданска (отъ имени воеводы и династа Богдана).» Наконецъ сами воеводы или господари носятъ то же прозвище—«Черни,» «Кара (напр. Радулъ).» Пусть эти данныя, вытекающія естественно изъ нашего изслѣдованія, историкъ,

этнографъ или географъ объясняютъ по своему; мы стоимъ здѣсь на данныхъ народнаго творчества, а въ немъ, въ дальнѣйшее подтвержденіе нашего взгляда, встрѣчаемъ замѣчательнѣйшее явленіе: все, что въ древнюю пору, въ эпоху уже впрочемъ ясной исторіи, называлось въ обширномъ смыслѣ «Черно-Волошскимъ,» въ творчествѣ Болгарскомъ носитъ имя Арапскаго, а сами «Черные Волохи»—имя Араповъ. Вотъ новая ступень, по коей «царство Арапское» или «Арапинское» съ Сѣвера древней Греціи, отъ Македоніи и Өракіи, перешло уже по сю сторону Дуная, къ границамъ Руси.— Взглянемъ теперь на Сербовъ, которые еще болѣе уяснятъ намъ дѣло. Въ лучшее историческое время древняго Сербскаго государства, страны Придунайскія не играютъ относительно его важной роли; движеніе со всѣмъ пыломъ завоеваній, постройкой городовъ, распространеніемъ Сербской гражданственности, идетъ на Югъ: но, хотя Душанъ проникаетъ даже во Өракію и даже подъ Царьградъ, не говоря объ Эпирѣ и Өессаліи, главная дѣятельность, высшая ступень славы, блескъ государства,—все это сосредоточено въ такъ называемой Старой Сербіи, т. е. въ Верхней Мизіи и въ Македоніи. Здѣсь Сербы соединялись тѣснѣйшимъ образомъ и съ Болгарами. Только послѣ несчастной битвы на Косовѣ (1389 г.) движеніе поворачиваетъ на Сѣверо-Западъ, какъ отступленіе, къ нынѣшнему Бѣлграду и Смедереву, на Дунай: тогда-то во всей ясности выступаетъ и съ Сербской стороны помянутое Средне-Болгарское государство, ибо, какъ сказано, съ теченіемъ времени перешедши даже Дунай, Сербы въ большомъ количествѣ примыкаютъ къ Украйнѣ Придунайской, занятой Болгарами, составляя одну изъ сторонъ ея угла. Каждый шагъ земли въ этомъ отступленіи продавался дорого, и, гдѣ онъ останавливался, образовывалась Украйна, пока не дошла она до Дуная и не получила знаменитое имя Дунайской, Волошской, въ былинахъ Арапской. Лицемъ къ лицу со Славянами, шагъ за шагомъ, подступали и Турки: это была Украйна и для нихъ. Поелику же въ числѣ ихъ, къ несчастію, шли во множествѣ и Славяне, и самъ историческій Марко Кралевичь, то эта Украйна воспѣта во множествѣ Болгарскихъ и Сербскихъ былинъ, при чемъ творчество становится то на той, то на другой сторонѣ, и, хотя не легко было становиться на сторонѣ Турокъ, но, такъ какъ здѣсь были также народные Славянскіе герои, то былины прикрывались ихъ именемъ. Вообще творчество близко отвѣчаетъ этимъ ступенямъ исторіи. Послѣ туман-

ныхъ и отдаленныхъ преданій Придунайскихъ, отозвавшихся въ старшихъ былинахъ, въ эпоху Сербской высшей славы онѣ останавливаются болѣе всего на Старой Сербіи и Македоніи, на этой «честитой и славной Матедоніи,» какъ называется она въ пѣсняхъ. Главный герой и представитель сей эпохи, при ея переломѣ, Марко Кралевичь, вторую половину своей дѣятельности отдавшій Туркамъ, есть собственно герой Македоніи, а потому равно и Сербскій, и Болгарскій. Не мудрено послѣ того, что въ былинахъ о немъ и обо всемъ кругѣ обставлявшихъ его героевъ соединилось со Славянскими столько древне-греческихъ преданій: нѣкоторыя пѣсни о немъ, особенно Болгарскія, сохранили въ себѣ такіе прадревніе творческіе образы и съ такимъ оттѣнкомъ миѳовъ, что конечно могутъ пополнить даже кругъ древнегреческихъ сказаній (мы упомянули выше объ одной подобной былинѣ, битвѣ со Змiей-Стихіей); отсюда же здѣсь черты изъ поэмы объ Александрѣ Великомъ. Въ эту-то именно эпоху, совпадающую съ эпохою славы такъ называемыхъ Черныхъ Волоховъ, являются въ былинахъ Маркова круга во множествѣ Арапы: ихъ находимъ мы во всѣхъ краяхъ, гдѣ доселѣ между Болгарами и Славянами живутъ нынѣшніе Волохи, за Дунаемъ на Югѣ; но еще важнѣе тѣ, кои принадлежали къ Волошской Украйнѣ и Волошскому государству, глубоко отличные отъ Волоховъ нынѣшнихъ, коренные Славяне, преимущественно Болгаре, въ пѣсняхъ прикрытые именемъ Арановъ, затѣнившемъ имя «Черныхъ» Волоховъ. Любопытно замѣтить, что Сербы доселѣ прибавляютъ къ имени Болгаръ прозвище «црнъ,» «Црни Бугарине;» а у всѣхъ прочихъ Славянъ «черный» есть символъ несвободнаго, раба, существа въ трудѣ развитія и т. п, откуда и у насъ «чернь,» «черные люди,» «черная земля,» противуположная «бѣлой,» и т. д. Если же въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ былинахъ Сербскихъ и Болгарскихъ, эти «Арапы» представляются во враждебномъ отношеніи къ героямъ, то виною отдѣльность ихъ государства и украйны, а еще болѣе, точка зрѣнія съ Юга, откуда, вмѣстѣ съ Турками, шли герои эпоса на Сѣверъ къ Дунаю. Такимъ образомъ въ нѣкогда вышедшемъ нашемъ изданіи, куда для подробностей и отсылаемъ читателя, «Болгарскія Пѣсни,» 1855 г. (двѣ части), въ изслѣдованіи объ «Эпосѣ Сербскомъ и Болгарскомъ,» мы вскрыли присутствіе въ творчествѣ Славянскомъ цѣлаго Царства Арапскаго, громадной области, съ которою мало дѣла для историка политическаго, но которая для творчества Сла-

вянскаго имѣетъ величайшее значеніе и была до насъ не замѣчена, не объяснена ни однимъ Славянскимъ ученымъ. Такъ при Стоянѣ Болгарскомъ, народномъ героѣ, отвѣчающемъ отчасти Марку Кралевичу, дѣйствуетъ злобный и коварный Арапче, посредникъ и доносчикъ, впослѣдствіи наказанный. Современникъ Марка Дойчинъ или Дойчилъ борется съ Арапиномъ, подступающимъ къ Солуню. Какъ Марко у врага Мусы находитъ, убивши его, три сердца, такъ въ Болгарской пѣсни Велко или Вълко бьется съ Арапче и находитъ ту же находку. Баязидъ въ Сербской былинѣ,—а нужно замѣтить, что въ ту пору и въ тѣхъ краяхъ боролись Турки только съ Татарами и Волохами, изъ коихъ первые конечно не идутъ сюда,— призываетъ Марка къ войнѣ «на Арапскую люту Покраину.» Именно султанъ этотъ воевалъ съ такъ называемыми Волохами; и любопытно, что Марка зовутъ въ то же время ближайшіе сосѣди и союзники Волоховъ—Будимскій краль и Янко изъ Сибиня (Германштадта, Трансильваніи). Кралевичь, въ службѣ султана, отнимаетъ у Араповъ «по морю города» до самаго Кара-окана, т. е. вѣроятно «Чернаго океана,» Чернаго моря, а потому, представляется, идетъ въ битву за море, «преко мора.» Далѣе, онъ увозитъ дѣвушку отъ Араповъ, «съ Арапской покраины лютой;» спасается изъ темницы, какъ нашъ Потыкъ, дочерью краля Арапскаго; сидитъ у краля въ темницѣ «Азачкой,» гдѣ вѣроятно разумѣется Седмиградскій Hatzeg или Hacag. Въ Болгарской пѣсни три матери сидятъ за столомъ и хвалятся сыновьями; но мать Маркова горюетъ: «Лучше бы, говоритъ она, откормила я змѣй и ящерицъ, а то сынъ мой заперъ Влашскую землю, поставивши тамъ семдесятъ городовъ приморскихъ, а самъ сидитъ — пьетъ вино въ Стамбулѣ!» Между тѣмъ Марко отправился на свою Покраину, на тихій-бѣлый Дунай. Не пьетъ конь его студеной воды, не ѣстъ бѣлой пшеницы, роетъ копытомъ землю и глядитъ въ сторону Волошскую, а на вопросы Марка отвѣчаетъ: «Ты сидишь и не знаешь, а по ту сторону въ Волохахъ поднялся Али-ага съ войскомъ, сѣчетъ онъ старыхъ, плѣнитъ молодыхъ, дѣтей малыхъ конемъ топчетъ.» Герой перебродилъ Дунай, наказалъ Али-агу также точно, какъ нашъ Иванъ Годиновичь невѣрную, отсѣкая постепенно члены и приговаривая: «Больно? Такъ и мнѣ больно за землю Влашскую и Кара-богданскую (Молдавію)!» Такъ объяснилъ народъ отношенія Марка къ Туркамъ и Волохамъ, не въ си-

лахъ будучи согласить представленіе объ его молодечествѣ со службою у Турокъ противъ Волоховъ. А между тѣмъ съ этимъ же Али-агоіі по другимъ пѣснямъ герой совершаетъ подвиги въ Крайнѣ Волошской. Другой подвигъ на той же Крайнѣ совершаетъ Марко въ Никопѣ, т. е. конечно Никополѣ, извѣстномъ тогдашнею битвою Турокъ съ Волохами. Онъ ищетъ любезной, вилы даютъ ему знать: «милую нашли мы, сверстницу тебѣ и ровню, какъ горнаго ландыша два ровные стебля; на коня пусть Марко сядетъ, пусть ѣдетъ къ Дунаю; въ городѣ Никопѣ вдова молодая, сватается къ вдовушкѣ черный Арапинъ.» Прибылъ туда Марко, самъ хлѣбнутъ винца пошелъ, въ корчму городскую, гдѣ черный Арапинъ. Какъ увидѣлъ Марко, дрожь его пробрала: губа у Арапа очи закрываетъ, а другая, нижняя, браду застилаетъ, пьетъ вино Арапинъ, — чаша у Арапа три ведра вбирала (ср. Идолища и Тугарина). Единоборство ихъ начинается среди хоровода, вдовушка задаетъ загадки: какъ завидѣлъ Марка тотъ черный Арапинъ, хороводъ оставилъ, копьемъ въ него бросилъ. Вдовушка Никопская говоритъ Арапу: «какъ сватаютъ свадьбу, кровь не проливаютъ! Оба вы другъ съ другомъ знатные юнаки; залогъ положите, вотъ вамъ три дни время: отъ тебя хочу я, Дунай проведи мнѣ и пусти мнѣ рѣку край Никопа града; Марко пускай камней кучу накладетъ мнѣ, чтобы эта куча облаковъ достала (ср. выше загадки).» Такъ сказала вдовка, а сама въ коласкѣ домой воротилась. Собираетъ Марко кучею каменья. А черный Арапинъ послалъ триста плѣнныхъ, Дунай проводили бъ по краю Никопа. Марко, король Марко каменья сбираетъ; мало оставалось достать имъ до облакъ,—прибрались каменья. Марко королевичь за Дунай пустился, во Влашскую землю, принести послѣдній камень, наложить верхушку (ср. выше «градаря»). Вотъ плыветъ назадъ онъ, черезъ рѣку съ камнемъ,—вѣсть къ нему приходитъ: «Скорѣй, скорѣй, Марко! Вдова изъ Никопа съ Арапиномъ чернымъ въ узорчатыхъ горницахъ вино пьютъ кипучее.» Марко бросилъ камень, схватилъ свою саблю, очутился Марко въ горницахъ у вдовки. — глядитъ во свѣтлицѣ сидитъ Арапъ черный, въ рукѣ его чаша со виномъ кипучимъ, сидитъ на колѣняхъ Никопская вдовка. Марко разъярился, посѣкъ ихъ обоихъ, спихнулъ груду камней, сѣлъ на воронаго и вернулся Марко въ домъ свой, въ городъ Прилѣпъ. Здѣсь не у мѣста было бы распространяться, какъ относятся это и подобныя сказанія о Маркѣ къ поэмѣ о Саломонѣ въ разныхъ ея

развѣтвленіяхъ: мы отчасти упоминали, какъ его собственное имя, подобно Чешскому «Марву,» относится къ Гераклу и Мелкарту, какъ онъ связывался характеромъ съ Ахилломъ, конемъ съ Александромъ Македонскимъ, невѣстою съ Роксаною; самое имя его, «краль (у Болгаръ)» и «кралевичь» подходило къ царю Александру и Саломону. И т. п. Это можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія. Наконецъ, по одному изъ преданій, Марко умираетъ «въ землѣ Влашской, въ Крайнѣ» со стороны Болгаръ, въ Крайнѣ Нѣготинской при Дунаѣ со стороны Сербовъ: его убиваетъ Мирчё или Мирча золотою стрѣлою въ уста, знаменитый герой возникшаго тогда Волошскаго государства, дѣйствующій всюду во главѣ Краишниковъ, и въ Сремѣ, и въ Бѣлградѣ, и при Ровинахъ, и въ Силистріи, и въ Никополѣ, гдѣ противъ Турокъ раздѣлялъ плачевную участь Сигизмунда. Онъ задалъ такой страхъ по всему Дунаю своими побѣдами, что Южный Славянинъ поетъ до сихъ поръ, какъ Мирчета воевода мутитъ Дунай, воду тихую. Разумѣется, Волоховъ или этихъ Араповъ узнавали и вездѣ, гдѣ были враги Турокъ и вмѣстѣ Марка, тѣмъ болѣе, что поселенія нынѣшнихъ Волоховъ приходятся на поприщѣ дѣйствій Марка, на Югѣ за Дунаемъ: потому Марко дѣйствуетъ также противъ Арапа, который отъ приморья грозилъ Царьграду, или освобождаетъ Косово отъ «Арапа прекоморца (Заморянина, ср. выше).» Но Дунайская мѣстность настоящихъ Араповъ, Славянъ, переселившихся изъ Ѳракіи и Македоніи, выдается особенно, и, когда, мы говорили, въ слѣдъ за шагами исторіи, Сербы воротились къ Дунаю, появляется по былинамъ во всемъ блескѣ. Здѣсь разыгрался цѣлый особый кругъ эпическихъ сказаній, опредѣлившійся для Сербскаго и Болгарскаго творчества въ XIV—XV вѣкѣ, но примкнувшій къ древнѣйшимъ Придунайскимъ Славянскимъ преданіямъ, со множествомъ чертъ еще миѳологическаго свойства. Когда ни будь при случаѣ изложимъ мы этотъ замѣчательнѣйшій эпизодъ творчества въ его обще-славянской связи и въ отношеніяхъ къ нашимъ остаткамъ эпоса Придунайскаго и Черноморскаго. Пока упомянемъ только о Сербскихъ Якшичахъ, изъ нынѣшняго Бѣлградскаго округа при Дунаѣ, этихъ братьяхъ разнаго числа, по образамъ своимъ, то древнихъ Діоскурахъ и разныхъ греческихъ двоицахъ, то нашихъ Семи Семіонахъ. Между прочимъ, однажды въ отсутствіе ихъ, ограбили у нихъ Бѣлградъ и увезли сестру ихъ «црни арапи,» «черные молодцы,» герои; въ погоню мчатся они «право

вдоль по Дунаю,» «въ землю Арапску;» начальникъ враговъ — Арапъ-ага; по убіеніи его, сестра Якшичей проситъ по крайности оставить ей въ живыхъ сына — «Арапиниче црно,» «черпаго Арапчика.» При дѣлежѣ ихъ между собою Дмитрій Якшичь беретъ себѣ «землю Каравлашкую и Карабогданскую» съ Банатомъ, т. е. государство Волошское и тамошнюю Украйну, а въ другихъ пѣсняхъ тотъ же дѣлежъ происходитъ между Чернымъ Радуломъ и Мирчетой, Волошскими героями XIV вѣка. Имя Арапа, по его двусмысленности, переходитъ послѣ и на всѣхъ враговъ Славянскихъ, даже на Турокъ, особенно послѣ того, какъ они овладѣвали бывшими Славянскими Украйнами: Сербскіе хайдуки, на примѣръ старшій, Новакъ, бьются съ притѣснителемъ Арапиномъ; торговецъ Воинъ находитъ себѣ измѣнника и врага въ «чрномъ Арапѣ,» и т. п. Не лишне прибавить, что двусмысленность, или, лучше, крайніе предѣлы цвѣта, которые видѣли мы, на примѣръ, на древнихъ антиподахъ, то освѣщенныхъ блескомъ солнца, то загорѣлыхъ и черныхъ, отданныхъ ночи, а равно обоюдность сторонъ, на которыхъ попеременно помѣщалось сознаніе, все это дѣлало не только древнія лица, но и цѣлые древніе народы, то бѣлыми, то черными. Въ примѣненіи къ «Арабамъ» дѣйствительнымъ, здѣсь вѣроятно имѣло мѣсто и различіе ихъ между жителями Аравіи и Африки, а равно бѣлая ихъ одежда при смугломъ или черномъ лицѣ. Когда же послѣ прикладывали имя Арапа или вообще Чернаго къ разнымъ лицамъ и существамъ для выраженія исконныхъ представленій, то сталкивались часто съ противорѣчащей дѣйствительностью, гдѣ эти Арапы и Черные на самомъ дѣлѣ являлись бѣлыми. Такъ, мы видѣли, наши Калѣки, какъ Пилигримы и Чернецы, представлялись черными, носвли Арабское-Сарачинское платье, а между тѣмъ платье это рисуется «бѣлымъ» и у нихъ самихъ «руки бѣлыя,» «груди бѣлыя» и т. п. На оборотъ, у пораженнаго врага, когда его начинаютъ взрѣзать, хотя онъ и бѣлый, на примѣръ «Бѣлъ Борисъ Зобутъ Козловъ,» оказываются «груди черныя (Кир., вып. 4).» Такъ и въ Сербскомъ эпосѣ у Араповъ-Волоховъ поминаются «бѣлыя» руки. Наконецъ — замѣчательно — въ каждую нашу войну съ Турками, какъ только мы за Прутъ и къ Дунаю, въ народѣ распространяются слухи и сказанія о страшномъ врагѣ «Бѣломъ Арапѣ.»

И такъ вотъ цѣлое Царство Арапинское или Арап-

скок, указывающее намъ и въ творчествѣ, и въ дѣйствительности, и въ исторіи путь перехода отъ древней Ѳракіи, какъ посредство между нею и предѣлами исторической Руси. Для окончательнаго убѣжденія взглянемъ на имена этого Царства, принадлежащія исторіи и соотвѣтствующія представленію «Черныхъ» Волоховъ, «Арановъ» и вообще «Волоховъ,» связанныхъ именемъ съ Ѳракійскимъ Велесомъ, съ нашимъ древнимъ Велесомъ или Волосомъ, съ демоническимъ и эпическимъ Волотомъ. Возмемъ сперва имена менѣе важныхъ частей этого государства. 1) *Молдавія:* имя болѣе позднее, данное вѣроятно по рѣкѣ, или на оборотъ: Поляки называли этотъ край *Multany*, съ Волошскаго, т. е. *Montani*, «Горцы,» какъ и нынѣ *Горци* — часть Малой Валахіи при Карпатахъ. Болѣе древнее имя, по мнѣнію Венелина, было *Уголъ*, переведенное послѣ въ *Буджакъ* (ср. выше): но вѣроятнѣе это была часть общей «Влашской» или «Волошской» Земли, «Влаховъ» или «Волоховъ.» Иногда, особенно въ пѣсняхъ Юго-Славянскихъ, отличается она прозвищемъ — земля «*Кара-богданска*,» «Черно-богданская (см. выше).» Столица *Сѣчава* (Сочава, Сучава), позднѣе перешедшая въ *Нови-градъ*, иначе *Яши* (Яссы). — 2) 3) *Буковина* и *Бессарабія* отдѣлены къ Австріи и Россіи въ самое позднее время: имя послѣдней еще увидимъ.—4) *Трансильванія*. У всѣхъ Южныхъ Славянъ, живущихъ между горъ, страна гористая, горный хребетъ, а иногда и одна значительная гора, носятъ названіе — *Планина*, *Планинѫ* (*Полонина*): это совершенно то же, что у Латинцевъ, а потомъ у Романскихъ народовъ, *Alpes*. Такою *Планиной* были для Славянъ, насъ занимающихъ, *Карпаты*, исконное мѣсто ихъ жительства, потомъ убѣжище при движеніяхъ съ Дуная (испорчено изъ *Хрѣваты*, *Хрѣбаты*, хребты, откуда и вѣтвь славянская Хорваты, испорченно Кроаты). Потому, если со стороны земли Влашской и Молдавіи Болгарамъ приходилось перейти черезъ Карпаты и за Карпаты, въ ту восточную часть Венгріи, которая прилежала къ горамъ, то они должны были употребить выраженіе, какъ говорятъ и нынѣ, итти «*крѣко Планинѫ*» или «*за Планинѫ*.» Такимъ образомъ, восточная часть Венгріи была для нихъ *Запланиньемъ*, или, какъ называютъ грамоты, «страна *Запланинска*,» *Запланинскъ;* а для Молдавіи и Русскаго Подолья Запланиньемъ было все, что за Карпатами. На оборотъ, со стороны Венгріи, Temeтскаго Баната и во-

общe отъ топошней подошвы Карпатовъ. Запланиньемъ была земля Влашская и отчасти Молдавія: эти страны, въ историческое время, и назывались по Латыни *Dacia Trans-Alpina* *). Далѣе, у древнихъ Славянъ вообще, у многихъ нынѣшнихъ и въ языкѣ Ц. Славянскомъ (древне-болгарскомъ) такого рода возвышенности называются *Горами*, отъ чего Запланинью и Транс-Алпиніи отвѣчало бы *Загорье*. Но, съ теченіемъ времени, и доселѣ, у Сербовъ (рѣже) и Болгаръ (постоянно) слово *гора* означаетъ *лѣсъ* по естественной поросли на горахъ: отъ того, для западной части земли Влашской и восточной части Венгріи, изъ коихъ каждая прилегала къ Карпатамъ, въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ сковано было Латинское слово — *Trans-Silvania*, *Trans-Sylvania* (Trans-silvanus = Trans-montanus). Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, посредствующимъ представленіемъ были Карпаты, то имя Запланинской страны и Трансильваніи перешло и на нихъ, означая такимъ образомъ: а) восточную часть Темешскаго Баната (въ Венгріи), прилежащую къ горамъ; б) таковую же западную часть земли Влашской (отчасти Молдавіи); в) горный промежутокъ между той и другой. Отсюда становится намъ понятно и названіе Венгерское, употребляемое также Турками и отчасти Славянами: *Erdély*, *Эрдейль* = лѣсистая = горная страна, отъ *erdö*, лѣсъ; у Трансильванскихъ Волоховъ *Ардякъ*. Откуда Нѣмцы взяли свое *Sieben-bürgen*, а Славяне перевели *Седмиграды*. Седмиградія (и «Семи-горы»), мы упоминали догадку прежде. Здѣсь, повторяемъ, было пра-древнее, какъ думаютъ, мѣстожительство Славянъ; здѣсь они всегда находили убѣжище, здѣсь скрывались; отсюда всегда спускались къ Дунаю и отсюда въ XIV вѣкѣ вышли, чтобъ занять снова землю Влашскую и Молдавію, очищенныя отъ Татаръ страны. Сюда примыкала восточная часть Темешскаго Баната, гдѣ были пограничныя поселенія Болгаръ, организованныя Сигизмундомъ; сюда, съ другой стороны, въ самыя горы входили владѣнія Болгаръ изъ земли Влашской, сѣверозападною частію, а изъ Молдавіи западною частію; отсюда, на-

*) Даже нашъ безсмертный Карамзинъ не зналъ еще этого простаго объясненія и, встрѣтивши въ титулѣ Молдавскаго Архіепископа, на Синодальномъ Евангеліи, выраженіе «Ексархъ Плагиновъ (Ἔξαρχος Πλαγηνῶν),» объяснялъ послѣднее слово латинскимъ plaga, plagia (А. Д. Анвиль еще лучше: отъ имени *Печенѣговъ*). И. Г. Р., т. I. прим. 529. Спасибо Венелину, который положилъ начала для всѣхъ этихъ объясненій.

конецъ; воеводства *Алмашъ* и *Фагарашъ* (на Алутѣ) состояли прямо подъ управленіемъ Болгарскаго і Волошскаго Воеводы. Потому понятно, что Болгарское Среднее Государство считало Трансильванію также въ числѣ *своихъ* областей. Но, такъ какъ, безспорно, со времени выхода Болгаръ-Волоховъ изъ горъ и ихъ разселенія по Молдавіи и землѣ Влашской, въ горахъ осталось еще много ихъ соплеменниковъ и сильнѣйшее вліяніе на Трансильванію имѣли Угры: отсюда въ грамотахъ послѣдующаго времени Трансильванія называется часто «землею *Угро-Влахійскою.*» Поселенія Болгаръ остались въ этомъ краю доселѣ. Средоточія главнаго, а потому и столицы въ собственномъ смыслѣ не было здѣсь съ самой древности, вѣроятно вслѣдствіе самого мѣстоположенія, разбитаго горами.—5) Главная, обширнѣйшая и центральная страна Средне-Болгарскаго Государства получила гораздо уже въ позднѣйшее, новое время, имя *Валахіи*, раздѣлившись на *Большую* и *Малую.* Слѣды этого частнаго дѣленія въ старину выражались именемъ, которое придавалось нынѣшней Малой Валахіи—*Сѣверинское Банство*, т. е. Сѣверское, отъ Болгарской вѣтви Сѣверянъ, съ главнымъ городомъ *Сѣвериномъ*, позже *Кралѣво*, еще позже *Краѣво*, откуда и прозваніе самого Банства «Кралѣвскимъ,» «Краѣвскимъ;» границу Банства отъ нынѣшней Большой Валахіи составляла, какъ и доселѣ, Альта, Ольта или Алута. Но, помимо этихъ частныхъ дѣленій и именъ, весь край, обнимавшій нынѣшнюю Большую и Малую Валахію, назывался переносно «Землею *Угро-Влахійской*,» имя, принадлежавшее собственно Трансильваніи и отъ ней перешедшее также точно, какъ на оборотъ имя «Запланинья,» «Трансильванія» перенесено на самые Карпаты. Другое имя, уже собственное, всему этому краю было — «Земля *Влашска*,» или просто «*Влашска*,» «*Влашка*,» или же «*Влахи;*» въ полногласной формѣ, особенно у Русскихъ — *Волошская*, *Волохи;* у Задунайскихъ Славянъ, съ приставкой Турецкаго слова, *Кара-влашска* , *Кара-влашка* , *Кара-влахи* , *Кара-власи* , и прочее, что мы видѣли уже выше. Хотя Молдавія и отличалась при этомъ именемъ *Кара-богданской*, но не всегда (см. выше), такъ что имя *Влаховъ* или *Волоховъ* въ обширномъ смыслѣ простиралось на весь край, обнимающій нынѣшнюю Большую и Малую Валахію, Молдавію, отчасти Трансильванію, Буковину, Бессарабію. Сюда же, и въ томъ же смыслѣ и объемѣ, относится помянутое имя Земли, Царства, Украйны *Араповъ.* Въ болѣе тѣсномъ

смыслѣ это была, говоримъ, нынѣшняя Большая и Малая Валахія: вотъ главный представитель Средне-Болгарскаго государства, существенное его средоточіе, полнѣйшее выраженіе. При Дунаѣ шла пограничная черта или стража, Украйна, Крайна, Покраина; Краишники переходили иногда и за Дунай, подъ предводительствомъ своихъ государей владѣя временно тамошними городами, на примѣръ Силистріей; о связи съ Краишниками Сербскими и организаціи, введенной Угорскимъ Сигизмундомъ, объ Украйнѣ въ видѣ большаго угла, помянуто выше. Главная столица была въ *Трьговиштѣ* (Торговищѣ), иногда же переходила въ «городъ Св. Егорія,» *Гергицу* или *Гюрговъ градъ* (Дюрдево, Джурджево, Журжево, Журжа), а позднѣе утвердилась въ *Букурештѣ*. Но было и еще имя цѣлому краю и странѣ: оно въ тѣсномъ смыслѣ также точно обнимало собою низменную страну, прилежащую къ Дунаю, отъ границъ Угорскихъ или, лучше, Темешскаго Баната, т. е. отъ Украйны Болгарской, организованной Сигизмундомъ, и Оршовы до Серета и Галаца, на Сѣверѣ упиравшуюся въ Трансильванскія горы, отъ Молдавіи дѣлившуюся Серетомъ. Въ обширномъ же смыслѣ это былъ весь край, выше нами обозначенный и тянувшій подъ одну власть господствующихъ Болгаръ. Имя, о которомъ мы говоримъ, есть главное, старшее и наиболѣе собственное, имя, появляющееся тотчасъ, какъ только Славяне заговорили сами отъ себя и о себѣ, а потому встрѣчающееся въ самыхъ первыхъ грамотахъ Средне-Болгарскаго государства, начиная съ XIV вѣка, и продолжающееся во все время господства Славянъ, до реакціи Романской или Волошской въ нынѣшнемъ смыслѣ. Имя это—рѣшительное для нашего изслѣдованія: Б а с а р а б ъ. Оно не только принадлежало краю, народу, но и самимъ государямъ, которые также именовались «Басарабами;» оно уцѣлѣло въ отдѣлившейся къ намъ «Бессарабіи.» Ученые доселѣ не объяснили удовлетворительно этого слова: послѣ нашего изслѣдованія нельзя сомнѣваться, что это одно и то же съ *Басаревъ* или *Басарей*, именемъ Ѳракійскаго Діониса, какъ Велесъ и Волосъ—имя Волоховъ; это *басара* и прочія слова одного корня, связанныя съ Діонисомъ, его служителями и служительницами, ихъ одеждою, ихъ нравами, наконецъ съ поэмою о Саломонѣ въ имени, вѣроятно здѣсь образовавшемся, «Вирсавіи» и т. д. Вотъ ступень отъ древней Ѳракіи, перенесшая насъ не только къ Дунаю, но и по сю сторону его, въ Дакію, въ тотъ край, гдѣ несомнѣнно дѣйство-

вали Славяне подъ именемъ Даковъ (хотя и въ связи съ Гетами), гдѣ они боролись съ Трояномъ, приминувши имя его къ древнѣйшему имени Трояна-Велеса, гдѣ наконецъ дѣйствовалъ и Адріанъ, переводившій поселенія съ одного берега Дуная на другой. Если бы справедливо было мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, соблазненныхъ позднѣйшею формою имени *Бес-* (Бессарабія), которые выводили его отъ извѣстнаго народа Бессовъ (только уже конечно не Печенѣговъ, какъ думаютъ другіе), то это было бы только подтвержденіемъ нашему положенію: Бессы, народъ Ѳракійскій, при Рилѣ-планинѣ (Родопѣ), на лѣвомъ берегу Струмицы или Струмени (Стримона), имѣли своихъ царей; Римляне, въ началѣ нашего лѣтосчисленія, успѣвали ихъ покорять только на время; при Августѣ они всѣ возстали, поднятые жрецомъ Діониса (Вакха) и поплѣнили Херсонесъ; послѣдняя побѣда надъ ними принадлежала Пизону, и съ тѣхъ поръ славное имя ихъ замолкаетъ на прежнихъ поселищахъ: съ тѣхъ-то поръ находятъ ихъ въ Дакіи, Басарабѣ. — Какъ бы то ни было, только для нашихъ читателей выигранъ цѣлый край, сопредѣльный уже исторической Руси и отъ устьевъ Дуная переходившій къ Карпатамъ, а здѣсь къ Галицкой Руси и Волыни: вотъ одинъ изъ главныхъ путей для сказаній Ѳракійскихъ, Черноморскихъ и Придунайскихъ, въ переходѣ къ древнѣйшему творчеству сложившейся Руси, къ ея главному эпосу — Кіевскому, при началѣ уже положительной исторіи. — Кому не достаточно этого, тотъ пусть вспомнитъ роль не только Чернаго — Теплаго моря, но и Сурожа, роль рѣкъ, особенно въ устьяхъ, Истра-Дуная, Тураса или Тираса-Днѣстра, Борисѳена-Днѣпра, Танаиса-Дона, — самыя имена, связанныя съ древнѣйшими миѳами, самые образы, извѣстные уже въ Кіевскомъ творчествѣ. Напомнимъ еще — знаменитый островъ Егорія на Днѣпровскомъ острову, мѣсто древнѣйшихъ языческихъ обрядовъ, сѣдалище доисторическихъ образовъ и миѳовъ; Таврическій Корсунь и самую Тавриду; требище Артемиды при устьяхъ Дона; наконецъ еще болѣе знаменитую мѣстность Тамани: испорченное имя ея близко однако же къ «Танаїѣ» или «Тананть,» которую мы видѣли; если же вѣрно другое имя Тамат-арха и Тамут-арха, то здѣсь окрывалось вѣроятно лице Финикійскаго Тамуса или Тамута, тамошняго Адониса, одного изъ видоизмѣненій Мелкарта. У насъ, какъ извѣстно, это передѣлано и осмыслено въ Тму-таракань, гдѣ самыя слова — «тма,» «тараканъ» сходились съ знакомыми намъ представленіями чер-

смыслѣ это была, говоримъ, нынѣшняя Большая и Малая Валахія: вотъ главный представитель Средне-Болгарскаго государства, существенное его средоточіе, полнѣйшее выраженіе. При Дунаѣ шла пограничная черта или стража, Украйна, Крайна, Покраина; Краишники переходили иногда и за Дунай, подъ предводительствомъ своихъ государей владѣя временно тамошними городами, на примѣръ Силистріей; о связи съ Краишниками Сербскими и организаціи, введенной Угорскимъ Сигизмундомъ, объ Украйнѣ въ видѣ большаго угла, помянуто выше. Главная столица была въ *Трьговиштѣ* (Торговищѣ), иногда же переходила въ «городъ Св. Егорія,» *Гергицу* или *Гюрговъ градъ* (Дюрдево, Джурджево, Журжево, Журжа), а позднѣе утвердилась въ *Букурештѣ*. Но было и еще имя цѣлому краю и странѣ: оно въ тѣсномъ смыслѣ также точно обнимало собою низменную страну, прилежащую къ Дунаю, отъ границъ Угорскихъ или, лучше, Темешскаго Баната, т. е. отъ Украйны Болгарской, организованной Сигизмундомъ, и Оршовы до Серета и Галаца, на Сѣверѣ упиравшуюся въ Трансильванскія горы, отъ Молдавіи дѣлившуюся Серетомъ. Въ обширномъ же смыслѣ это былъ весь край, выше нами обозначенный и тянувшій подъ одну власть господствующихъ Болгаръ. Имя, о которомъ мы говоримъ, есть главное, старшее и наиболѣе собственное, имя, появляющееся тотчасъ, какъ только Славяне заговорили сами отъ себя и о себѣ, а потому встрѣчающееся въ самыхъ первыхъ грамотахъ Средне-Болгарскаго государства, начиная съ XIV вѣка, и продолжающееся во все время господства Славянъ, до реакціи Романской или Волошской въ нынѣшнемъ смыслѣ. Имя это—рѣшительное для нашего изслѣдованія: Б а с а р а б ъ. Оно не только принадлежало краю, народу, но и самимъ государямъ, которые также именовались «Басарабами;» оно уцѣлѣло въ отдѣлившейся къ намъ «Бессарабіи.» Ученые доселѣ не объяснили удовлетворительно этого слова: послѣ нашего изслѣдованія нельзя сомнѣваться, что это одно и то же съ *Басаревъ* или *Басарей*, именемъ Ѳракійскаго Діониса, какъ Велесъ и Волосъ—имя Волоховъ; это *басара* и прочія слова одного корня, связанныя съ Діонисомъ, его служителями и служительницами, ихъ одеждою, ихъ нравами, наконецъ съ поэмою о Саломонѣ въ имени, вѣроятно здѣсь образовавшемся, «Вирсавіи» и т. д. Вотъ ступень отъ древней Ѳракіи, перенесшая насъ не только къ Дунаю, но и по сю сторону его, въ Дакію, въ тотъ край, гдѣ несомнѣнно дѣйство-

кашскый бльвамъ 1» — Послѣ такихъ посредниковъ смѣло уже можно переходить отъ поэмы о Соломонѣ къ творчеству Кіевскому, чтобы искать здѣсь слѣдовъ ея.

2) Возмемъ для примѣра сказаніе рукописное, прикрывшееся именемъ Кіева, а въ самомъ дѣлѣ близко еще сродное съ поэмою о Соломонѣ, и, не смотря на складъ рукописнаго сочиненія, проникнутое народными древнѣйшими преданіями, связанное съ нашимъ устнымъ творчествомъ: мы разумѣемъ извѣстное по многимъ нашимъ рукописямъ, большею частію XVII вѣка, «Слово» или «Сказаніе» о Димитріѣ купцѣ, зовомомъ пореклу Басарьгѣ (прозваніемъ Басарга), Кіевлянинѣ (града Кіева),» и проч. Имя Басарьга или Басарга конечно есть извѣстное намъ Басарабъ, Басаревъ, Басарей и т. д. Если указываютъ здѣсь на личное прозвище, встрѣчающееся у насъ при историческихъ лицахъ (на прим. архимандритъ 1500 г. «Тихонъ Басарга,» Пыпина «Очеркъ»), то это только вящее намъ подкрѣпленіе: значитъ, слово до того было извѣстно въ древней Руси, что обращалось въ прозвища историческихъ лицъ. Это былъ купецъ, очень богатый, «въ Руской земли, во градѣ Кіевѣ.» Въ одну поѣздку изъ Кіева, по другимъ отъ Царяграда (куда онъ ѣздилъ торговать); моремъ на корабдѣ, поднялась буря и носила корабль 30 дней и 30 нощей (ср. Синагрипа и Акура, спасеніе ихъ Николаемъ). Наконецъ «внезапу узрѣша издалеча градъ великъ,» по одному списку «Антіохія.» Пристали въ пристань и видятъ 330 (по другимъ 300) кораблей. Что такое? Встрѣчаютъ граждане и узнавъ, кто былъ Басарга, разсказываютъ, что «единоя еси вѣры съ нами, Рускія;» только Богъ послалъ на нихъ «царя законопреступника, Еллинскія вѣры:» извѣстно, что для сложившейся и крестившейся Руси, по выраженіямъ многихъ нашихъ памятниковъ, Еллинскій означало все поганое и языческое; вотъ шестое языческое Царство, Еллинское, окрасившееся для Руси мрачнымъ цвѣтомъ послѣ ухода изъ той страны, когда она сдѣлалась отдаленною, когда въ нее уже ходили наши Кіевскіе богатыри (4-й вып. Кир.) и находили тамъ Идолища, Тугарина, въ самомъ Царьградѣ. Отсюда же походы подъ Царьградъ Вольги, гдѣ этотъ городъ замѣнилъ собою царство «Индѣйское.» Такому представленію позднѣе способствовало и занятіе Царьграда Турками, почему врагомъ Вольги явился тамъ «Салтанъ.» Чтобы согласить съ этимъ православіе Византіи, творчество прибѣгало къ разнымъ уловкамъ; на примѣръ Идолъ Скоропитъ и Тура-

ринъ «обнасильничали» Царьградъ, попрали православіе и ввели поганую вѣру, какъ это они дѣлаютъ по нашимъ былинамъ и въ Кіевѣ. Такъ и здѣсь, вѣра была прежде православная, Русская, даже былъ патріархъ (см. ниже), но притѣснитель царь ввелъ свою Еллинскую. Потому бѣглая черта одной рукописи, будто Басарга плылъ отъ «Царьграда,» заставляетъ насъ думать, что здѣсь-то и происходило дѣло по исконнымъ народнымъ представленіямъ; «Антіохія,» помянутая въ другомъ спискѣ, такой же, какъ Царьградъ, типическій городъ — сперва язычества, потомъ православія (тамъ также точно помѣщаютъ дѣйствіе наши Стихи; ср. 3-й вып. «Кал. Перехож.»). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не можемъ представить здѣсь другаго моря, поприща плаваній Басарги, кромѣ Чернаго. Еллинскій царь вѣруетъ въ «бога Аполона,» извѣстнаго намъ Артемида: у него вѣроятно было одно изъ помянутыхъ выше святилищъ, Артемиду и Артемидѣ, Авергелю и Астарѣ, и т. п. Имя его передѣлано уже въ чисто-русскую форму: Сміанъ (такъ въ «Очеркѣ») или Несмѣянъ Гордѣевичъ, Гордѣевичь (примѣняясь къ этому словопроизводству, рукопись въ концѣ приводитъ выраженія: «отгадай загадку,» — слова самого Несмѣяна, — чтобы я (ркп. «ся»), поганый, не смѣялся намъ Христіяномъ;» слова его побѣдителя: «не смѣйся, поганой, намъ Христіяномъ,» и т. п.; въ нашихъ сказкахъ выводится «Несмѣяна Царевна,» одна изъ невѣстъ Ивана, добытыхъ тяжкимъ трудомъ; ср. Аѳан., вып. 6). Его окружаютъ между прочимъ «Ипаты, Тироны и Стратилаты,» черта, указывающая на извѣстныхъ намъ героевъ Ѳракійской Гераклеи. Граждане разсказываютъ Басаргѣ, что этотъ притѣснитель «томитъ,» силою вынуждая къ язычеству и они уже отъ страха пожерли идоломъ. Одно изъ средствъ принужденія было таково: «не веляше намъ хлѣбовъ на торгъ пещи и гладомъ моритъ насъ для своея вѣры,» а заперши другихъ въ темницы, «не велитъ хлѣба пещи на три года, дабы они гладомъ померли,» «не велитъ хлѣба печи на торгъ, дабы гладомъ измерли.» Это уже черта историческая, извѣстное дѣйствіе въ Царьградѣ Юліана Отступника, вслѣдствіе чего, уже спустя много времени по смерти, явился Ѳеодоръ Тиронъ и спасъ Христіанъ Коливомъ (какъ Егорій спасъ явленіемъ своимъ Прекрасную Лизавету). Купцамъ съ 330 кораблей, пришедшимъ для торговли, задавалъ онъ три загадки и, какъ они не отгадывали, приводилъ къ язычеству, а при

отказѣ, засадилъ ихъ въ темницы и также запрещалъ для нихъ «хлѣба печи на торгъ.» Басарга было бѣжать: но корабль уже занятъ царскими стражами. Отсюда картина притѣснителя, задающаго загадки, совершенно одинакова съ исторіей Саломона, когда онъ является дитею на корабляхъ къ Давиду, далѣе съ притѣсненіями Египетскаго царя Сенахерибу и Акуру, и т. д. «Купецъ же Димитри взя дары великія и поиде ко Царю... И приде купецъ Димитри, и ста предъ царемъ, и рече купецъ ко царю: — Государь царь, Несмѣянъ Гордяевичь!.. Купчишко (ср. о Саломонѣ «сынишко») пришло изъ Рускія страны, чтобы ты, государь, дары принялъ, а торговати велѣлъ во своемъ царствѣ всякимъ товаромъ.— И рече царь купцу: «буди, купче, обѣдати ко мнѣ (ср. обѣдъ у Давида), а дары у тебя пріиму.» Послѣ обѣда царь предлагаетъ свои обычныя условія, — отгадать три загадки, иначе въ Еллинскую вѣру, иначе смерть, а товаръ царю. Басарга проситъ три дни сроку и въ горѣ, какъ гости корабельщики при Саломонѣ кашеварѣ, возвращается на корабль. Здѣсь вступаетъ образъ, извѣстный намъ изъ Сербской сказки о Саломонѣ. У купца былъ сынъ, семи лѣтъ. Пришелъ отецъ, «а сынъ его играетъ на корабли, на древцѣ (палкѣ) ѣздящи, рукою за конецъ держитъ, а другою плеткою побиваетъ, творящеся (принимая видъ, словно) яко на конѣ скакаше, якожъ дѣтемъ подобаетъ тако игры творити. И видѣ отца своего плачюща вельми и изнемогающа, и абіе дѣтище отложи игру свою,» выпыталъ у отца причину горести, утѣшилъ его обѣщаніемъ помочь и пословицей, «конь на рати познавается, а милый другъ у бѣды,» или «а вѣренъ другъ у бѣды, печали и напасти,» сказалъ отцу, какъ Сенахерибу Акуръ, — «возверзи на Господа печаль свою и той тя препитаетъ,» потомъ опять пустился играть какъ Саломонъ дитею: «и взявъ игру свою, и начатъ играти;» «и со изглагола (изглаголавъ) сынъ отцу своему, играше на корабли.» Прошли три дня, пошли они вмѣстѣ къ царю, нужно было вывести древнюю, извѣстную намъ чашу: творчество эпическое представляетъ дѣло обманомъ, кражею, подобно чарѣ, спрятанной у Потыка. Мальчикъ попросилъ пить, царь подаетъ «чашу злату меду,» одну, другую, третью, а мальчикъ велитъ ихъ «скрыть въ нѣдра,» подъ тѣмъ предлогомъ, что царскій даръ назадъ не ворочаютъ. Начинаются загадки царя, до трехъ разъ; каждый разъ, по непремѣнному закону древняго представленія, ку-

педь съ сыномъ, угощенные царемъ; возвращаются на корабль и снова приходятъ. Первая загадка: «*Много ли того* (иксъ величины) *или мало отъ Востоку и до Западу?*» Эту загадку мы уже знаемъ, начиная съ Акура. Ребенокъ отвѣчаетъ: «Ни мало, ни много. — день съ нощію; солнце пройдетъ въ кругъ небесный и отъ Востоку и до Западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце пройдетъ отъ Сѣвера до Юга.» Вторая: «*Что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ?*» Отвѣтъ: «Днемъ десятая часть солнцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ, занеже солнцу зашедшу и не сіяющу.» Передъ третьею загадкою мальчикъ проситъ сроку, чтобы царь собралъ къ ней весь народъ на позорище, чтобъ было передъ кѣмъ сказать. Это извѣстный сборъ народа, какой дѣлаетъ Саломонъ у врага передъ наступающей смертію: въ творчествѣ позднѣйшемъ это представляется обманомъ, для достиженія побѣды. Должна послѣдовать такъ называемая, знакомая намъ, «Царская смерть» или «казнь по царскому:» она и совершается въ дѣйствительности для стараго царя, врага, для юнаго же героя служитъ средствомъ побѣды. Царь въ назначенный день «повелѣ проповѣдникомъ кликати по всѣмъ торгомъ, и снидеся весь градъ на царевъ дворъ. Царь же сѣдя на *престолѣ* своемъ среди двора своего, держа въ рукѣ своей *жезлъ*, а въ другой *мечь*, хотя главу отсѣщи купцу, и сыну его, и рабу.» Или: «Проповѣдникомъ по всему граду повелѣ вопити, и снидеся весь градъ на царевъ дворъ, мужескій полъ и женскій, маліи и велицыи, младенцы свои на рукахъ носяще, хотяще видѣти, что сіе чюдо будетъ. Царь же сѣде на престолѣ своемъ *въ царской одежди*, и *вѣнецъ* на главу свою положи, и *жезлъ*, и *скипертъ*, и *мечь* въ руцѣ своей держа.» Вспомните, какъ по древнимъ языческимъ обрядамъ, въ глазахъ всего народа, среди торжества, всходилъ рабъ со всѣми аттрибутами царя на престолъ, обращавшійся для него костромъ: такъ долженъ погибнуть этотъ царь, — по представленію позднѣйшаго творчества, — злоупотребленіемъ захватившій власть. Сторона зла должна погибнуть въ «царской смерти,» смерти «Царя города,» Мелех-кароа. Но мы знаемъ, что и юный побѣдитель есть ничто иное, какъ его продолженіе, только въ торжествѣ побѣды: и онъ долженъ взойти на тотъ же престолъ и, какъ Гераклъ, прямо съ

костра перешедшій на престолъ небесной славы, также точно долженъ смѣнить стараго царя.' Въ творчествѣ эпическомъ и позднѣйшемъ дѣло это представляется обманомъ, по извѣстному намъ закону, какъ бы воровствомъ, или загадкою, или судомъ-кризисомъ, и т. п. «И рече дѣтище ко царю: — Ты, царю, великъ еси, сѣдяши на престолѣ своемъ высоцѣ, и азъ есмь отрокъ младъ, стою у престола твоего: и язъ тебѣ скажю, и ты молышъ (молвишь) — «не дослышалъ!» И ты, царю, сьсяди со престола своего, да пустя мя, и язъ стану на престолѣ твоемъ, и дай ми одѣяніе свое, и жезлъ, и мечь своима рукама, и язъ тебѣ отгадаю.—Царь же, слышавъ отъ отрока, и сіа во изступленіи ума своего, и оцѣпенѣвша кости его (картина, исходящая изъ самой глубокой древности: иначе и нельзя было представить этой произвольной передачи побѣды, уступленной старымъ началомъ и переданной новому «своими руками,» какъ изступленіемъ или бѣшенствомъ: таково было изступленіе, насылавшееся Діонисомъ на враговъ. Наши слова *из-ступленіе*, *выйти изъ себя*, и т. п., выражаютъ собою образъ, какъ одно начало уступаетъ мѣсто другому, другое вступаетъ на его мѣсто, одно существо переходитъ совершенно въ другое. Такъ-то на одной и той же реальной основѣ сознанія поднимались разныя начала, творческое торжествовало побѣду надъ слѣпымъ и старымъ, духъ вѣнчалъ торжество). И сступи со престола своего, и пусти дѣтище на престолъ, и дасть ему одѣяніе свое царское съ себя, и дасть ему жезлъ и мечь своима рукама. А рече въ себѣ царь: «Язъ его тѣшу, а что ему свѣсти (что ему знать), младому отрочати!» Старое начало думаетъ, что все это шутка; но рукопись прибавляетъ: «а не вѣдаетъ, яко Богъ даетъ власть комужде хощетъ!» Отрокъ возшелъ на престолъ какъ царь. По двору несся страшный шумъ отъ собравшагося народа, шелъ говоръ: «И рече дѣтище ко царю: — Повели молчати во дворѣ томъ народомъ!—И повелѣ царь молчати. И бысть тишина велія.» Минута по истиннѣ торжественная: среди этой гробовой тишины, въ этомъ молчаніи смертномъ, этою ночью свершится побѣда, воскресеніе, перерожденіе жизни, обновленіе вѣры, новое царство. «И возопивъ отрокъ великимъ гласомъ:—Ипаты, и тироны, и князя, и бояре, и вси людіе гражане, мужіе, и жены, и дѣвицы! Въ котораго бога хощете вѣровати?—И возопиша вси людіе единымъ гласомъ: «Хотимъ вѣровати во Святую Троицу!». По-

съ родины побѣдителя (ср. примиреніе Деметры съ Олимпійцами, возведеніе Семелы на небо, и т. п.). — 5) Здѣсь же въ послѣдній разъ и въ скользь является отецъ побѣдителя, Басарга: со времени воцаренія и торжества сыновняго, онъ совсѣмъ устраняется и довольствуется даннымъ ему чиномъ «боярина.» Такъ и должно быть, ибо старикъ, послѣ искушеній и страданій, переродился въ сына-побѣдителя. — Потомъ 6) должно слѣдовать, мы знаемъ, освобожденіе узниковъ, изъ плѣна, темницы, пропасти, ада, мрака: здѣсь роль ихъ играютъ засаженные мучителемъ купцы съ 330 кораблей. «И приведеннымъ же имъ бывшимъ предъ царя, и зря на нихъ царь, и удивися: быша убо лица ихъ аки земля, тѣло же ихъ прилпе къ костемъ ихъ, власы ихъ обростоша до раму, брады ихъ яко стрѣлы по персемъ лежаща, отъ гладу и отъ наготы, и ризы ихъ распадошася. И восплакася царь, на нихъ смотрячи, и учреди (угостилъ) ихъ царь у себя по 3 дни, и раздавъ имъ имѣнія ихъ, и отпусти ихъ кождо во свою страну съ миромъ... Повелѣ же царь отъ темницъ замки снять отъ всѣхъ, а сѣдящая въ темницахъ, и въ заточенихъ, и во узахъ желѣзныхъ, повелѣ царь всѣхъ свободити и милостину имъ далъ доволну, и свободи всѣхъ.» Или: «бысть лица ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ризы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду (лежаща, отъ гладу) и тѣсноты, а голосы ихъ яко пчелиные,» и проч. (ср. Акура и освобожденныхъ Илбею, Добрынею). — Отецъ умеръ, сынъ благополучно царствовалъ. 7) «И по преставленіи своемъ приказа (отказалъ, поручилъ, завѣщалъ) царство свое правити брату своему Кирьяку Димитріевичю, а старѣйшинство приказа дядѣ своему Василью Кудрявому:» кто же въ церковъ имени Кирьяке узнаетъ Акура или Акира, сказаніе о коемъ кончается такъ же, а во второмъ Василья Кудріянскаго, Кудріянища?—Наконецъ, замѣтимъ, что въ спискѣ, бывшемъ у Карамзина, повѣсть эта передается отъ лица самого Басарги: вспомнимъ Акура (изложеніе наше сдѣлано по изданію двухъ списковъ въ «Пам. стар. Р. Литер.,» вып. 2). — И такъ, не смотря на то, что это сказаніе уже эпическое, рукописное, отъ лица сложившейся Руси и Кіева, мы видимъ въ немъ тѣ же «ѳеологумена» Ѳракійскихъ мистерій Басарея, въ миѳахъ и потомъ эпическихъ образахъ, миѳологумена и — такъ сказать (позволимъ себѣ) — эпологумена.

3) Между тѣмъ это рукописное сказаніе, вмѣстѣ съ другимъ — «о плѣнномъ Половчинѣ,» обличенномъ и послѣ спасенномъ отъ образа Николая, равно съ такимъ же помянутымъ сказаніемъ объ Егорьѣ, состоятъ въ ближайшей и дословной связи съ тѣми Сказками, которыя привели мы въ «Зам.» къ 4-му вып. Кир. и которыя составляютъ прямой переходъ къ Кіевскимъ былинамъ о Потыкѣ. Послѣднія же, какъ не разъ отмѣчали мы въ частныхъ сближеніяхъ, суть только перелицовка основной, первобытной поэмы о Саломонѣ на Кіевскій ладъ творчества, среди исторической Руси.— За симъ слѣдуютъ, по близости къ той же поэмѣ, какъ давали мы замѣтить, Кіевскія былины о Вольгѣ, потомъ Княжескія о Романѣ. Эпизодами сходство оказывается въ былинахъ о Чурилѣ (миѳологическомъ Гермесѣ или Чурѣ; относительно владѣнія природою), Ильѣ, Добрынѣ, и т. д. По частямъ есть близкія черты и въ Новогородскихъ былинахъ, на примѣръ о Садкѣ, нами также указанныя.

4) Въ былевыхъ Сказкахъ, этихъ остаткахъ Черноморскаго и Придунайскаго эпоса, есть всѣ почти черты и образы, соотвѣтствующіе поэмѣ о Саломонѣ: только тамъ иногда въ другихъ, вообще же въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ, а лице героя, соотвѣтствующаго высшему образу Діониса, носитъ Ѳракійское имя сего послѣдняго, Эванъ, передѣланное въ Ивана. Въ особенности мы укажемъ здѣсь тѣ сказки, гдѣ Иванъ, для побѣды надъ притѣснителемъ Царемъ и Царевною, достаетъ рожекъ, отъ котораго всѣ смѣются и пляшутъ (ср., какъ онъ добываетъ Несмѣяну): героя въ наказаніе зарываютъ даже по плечи въ землю, но и тутъ онъ играетъ на рожкѣ, хохочутъ и пляшутъ окружавшіе, велѣвъ себя прежде для спасенія привязать кто къ деревьямъ, кто къ чему, пляшутъ и съ этими подпорками (ср. въ Кіевскихъ былинахъ свистъ Соловья, отъ котораго беретъ Илья Владиміра и княгиню подъ мышку для безопасности). Наконецъ вынуждены освободить Ивана и отдать ему Царевну. Сказаніе это, вытекающее изъ миѳовъ о Діонисѣ, дошло до крайней внѣшности образовъ, проникло во всѣ литературы, даже въ «Волшебную флейту.» — Мы здѣсь приведемъ одну Сказку, тѣсно связанную съ поэмою о Саломонѣ, съ прочими Сказками и вмѣстѣ съ Кіевскимъ эпосомъ (Аѳанас., вып. 6). Это Сказка о Балдакѣ Борисьевичѣ: сравните выше Балду, вившаго веревку на чертей и воспѣтаго Пушкинымъ. «Во славномъ городѣ во

Кіевѣ, у царя у Владиміра собирались князья и бояре, и сильномогучіе богатыри на почестной пиръ. Возговорилъ Володиміръ царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! собирайтеся, сокопляйтеся за единой столъ.» Собиралися за единой столъ, въ полъ сыта наѣдалися, въ полъ питья напивалися, и возговорилъ Володиміръ царь: «Кто бы сослужилъ мнѣ службу великую: съѣздилъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ самому Салтану Турецкому, увести у него коня златогриваго, вышничка багроваго (?), убить кота бахаря, самому Салтану Турецкому въ глаза наплевать?» Выбирался доброй молодецъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь. У царя у Владиміра была дочь возлюбленая, возговоритъ она таково слово: «Гой еся мой батюшко, Володиміръ царь! хоша хвалится Илья Муромецъ сынъ Ивановичь, не сослужитъ ему этой службы! Распусти, батюшко, почестной пиръ; поди искать по своему граду по царевымъ кабакамъ млада Балдака сына Борисьевича, отъ роду семилѣтняго.» И послушалъ царь своей дочери, пошелъ искать млада Балдака сына Борисьевича, и нашелъ въ кабакѣ — спитъ подъ лавкою. Ткнулъ его носкомъ Володиміръ царь; отъ того Балдакъ скочилъ ото сна, какъ ни въ чемъ не бывалъ: «Гой еси, Володиміръ царь! къ чему меня требуешь?» На то отвѣчалъ ему Володиміръ царь: — Прошу тебя на почестной пиръ. — «Не достоинъ я на почестной пиръ итти: въ кабакахъ я запиваюся, подъ ногами валяюся.» Возговоритъ ему Володиміръ царь таково слово: — Когда на пиръ зову, надо итти: есть до тебя нужда великая. — И посылаетъ его младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь изъ кабака обратнымъ путемъ въ чердаки царскіе, «а я, де, скоро за тобой буду.» Оставался Балдакъ одинъ въ кабакѣ, опохмѣлялся тутъ зеленымъ виномъ сколько требовалось, и пошелъ къ царю Владиміру въ чердаки бездокладочно; крестъ кладетъ онъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому, поклоняется на всѣ стороны, самому царю въ особину: «Здравствуй, Володиміръ царь! на что меня требовалъ?» Отвѣчаетъ ему Володиміръ царь: — Гой еси, младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь! сослужи мнѣ службу великую: сходи за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ Салтану Турецкому, уведи у него коня златогриваго, вышничка багроваго, убей кота бахаря, самому Салтану Турецкому въ глаза наплюй. Бери съ собой народу-силы сколько надобно, бери золотой казны сколько хочется! — И возговоритъ младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь: «Ужъ

ты гой еси, Володиміръ царь! дай мнѣ силы только двадцать девять молодцевъ, а самъ я тридцатой буду (доселѣ это Кіевскій Василій Пьяница или Казиміровичь; отселѣ походъ къ Султану и прочее, какъ о Вольгѣ, о Саломовѣ, Иванѣ).» — Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; отправлялся младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь во путь во дорожку къ Салтану Турецкому. Принoровился пріѣхать въ самую полночь. Вошелъ на Салтанской дворъ, увелъ изъ конюшни коня златогриваго, вишничка багроваго, схватилъ кота бахаря, разорвалъ его на двое, самому Салтану глаза заплевалъ. А былъ у Салтана Турецкаго любимой садъ — на три версты: всякія древа въ саду понасажены, всякіе цвѣты произведены. Младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь приказалъ своимъ товарищамъ, двадцати девяти молодцамъ, весь садъ повалить-вырубить: а самъ досталъ огоньку, да тѣмъ огнемъ выжегъ все на чисто, да поставилъ тридцать бѣлыхъ тонкихъ полотняныхъ шатровъ. По утру ранёшенько просыпается отъ сна Турецкой Салтанъ: былъ у него первой взглядъ на свой на любимой садъ, и какъ скоро взглянулъ — видитъ, что всѣ деревья порублены, повыжжены, а стоятъ въ саду тридцать бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ. «Кто такой наѣхалъ ко мнѣ,» — думаетъ онъ про себя, — «царь ли, царевичь, или король, королевичь, или сильно-могучій богатырь?» Закричалъ тутъ Салтанъ громкимъ голосомъ своему любимому Пашѣ Турецкому, призываетъ къ себѣ его и возговоритъ таково слово: «Не благополучно въ царствѣ моемъ! Дожидался я русскаго виновника (ср. Вольгу) — млада Балдака сына Борисьевича; а теперь наѣхалъ на меня царь ли, царевичь, или король, королевичь, или сильно-могучій богатырь, того не вѣдаю и какъ свѣдать не придумаю.» На тотъ совѣтъ выходитъ Салтана Турецкаго бóльшая дочь (извѣстная притѣснительница, съ загадками и разгадками, а вмѣстѣ склонная на измѣну в сочетаніе съ юнымъ героемъ) и говоритъ своему отцу: — О чемъ вы совѣтуете, а узнать не можете? Охъ ты батюшка, Турецкой Салтанъ! дай-ка мнѣ свое благословеніе да прикажи выбрать во всемъ царствѣ двадцать девять дѣвицъ, чтобы лучше ихъ по красѣ не было, я сама буду тридцатая, я пойду въ тѣ шатры полотняные ночь ночевать, и открою вамъ виновнаго. — И на то отецъ согласился, и пошла она къ тѣмъ шатрамъ съ двадцатью девятью дѣвицами: лучше ихъ по красѣ во всемъ царствѣ не было. Выходилъ къ ней младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь, взялъ ее за бѣлыя руки и крикнулъ своимъ громкимъ

голосомъ: «Эй, вы, мóлодцы-товарищи! вы берите красныхъ дѣвицъ по рукамъ, ведите ихъ по своимъ шатрамъ и, что̀ знаете, то и дѣлайте!» Переспали вмѣстѣ единую ночь. На утро воротилась къ Салтану Турецкому его бóльшая дочь, говоритъ ему: — Гой еси, любезный батюшка! прикажи изъ бѣлыхъ полотяныхъ шатровъ всѣмъ тридцати мóлодцамъ къ тебѣ въ домъ прійти: я сама укажу виновника. — Въ тотъ часъ посылаетъ Салтанъ Турецкой къ тѣмъ шатрамъ своего любимаго Пашу, чтобы пóзвалъ къ нему, потребовалъ млада Балдака сына Борисьевича со всѣми его товарищами. Вышли изъ шатровъ тридцать мóлодцевъ: всѣ на одинъ ликъ, словно братцы родные, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. И говорятъ послу таково слово: ««Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ.»» Младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь молвилъ своимъ ребятамъ: «Нѣтъ ли на мнѣ какой зна̀чки? осмотрите всего.» И оказалось на немъ: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ. «Она хитра, а я разѣ того не разумѣю!» сказалъ Балдакъ и сдѣлалъ у всѣхъ своихъ товарищей такую же значку: по колѣнъ у ребятъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ; велѣлъ имъ надѣвать на руки перчатки: «Какъ заѣдемъ къ Салтану въ домъ, безъ приказу моего никто не сымай!» Вотъ пришли оня къ Салтану въ домъ: выступаетъ его бóльшая дочь и узнаетъ виновника млада Балдака сына Борисьевича. Говоритъ ей Балдакъ: «Ты по чемъ меня признаешь, по какимъ уликамъ?» Отвѣчаетъ Салтанова бóльшая дочь: — Скинь-ка съ ноги сапогъ да съ руки перчатку: тутъ у меня (тебя?) зна̀чка положена — по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ. — «Развѣ у насъ такихъ мóлодцевъ не бываетъ?» И приказываетъ младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь своимъ ребятамъ: «Скидава̀йте всѣ съ ноги по сапогу, съ руки по перчаткѣ!» Какая зна̀чка у него, такая и у всѣхъ объявилась — въ покояхъ все осіяло. А Салтанъ Турецкой былъ добрѣ милостивъ, на то дочери своей не повѣровалъ: — Врешь ты! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а теперь по твоему всѣ тридцать оказалися! — Приказалъ Салтанъ Турецкой: — Убирайтесь всѣ вонъ! —» Это извѣстная намъ загадка — различеніе молодцовъ или дѣвицъ. То же повторяется со второю дочерью: у Балдака золотые волосы, оказавшiеся и у прочихъ подъ шапками. — «Еще пуще запечалился-закручинился Салтанъ Турецкой; выходитъ третья меньша́я дочь и хулитъ двухъ старшихъ сестеръ, а сама у отца напрашивается: — Любезной мой батюшка!

прикажи мнѣ выбрать двадцать девять дѣвицъ, чтобъ лучше ихъ во всемъ царствѣ не было: я сама буду тридцатая и узнаю тебѣ виновника. — По прошенью своей младшей дочери исполнилъ Салтанъ. Отправилась она къ тѣмъ же шатрамъ ночь ночевать.. Переночевали ту ночь, и пошли дѣвицы на утро домой. Посылаетъ Салтанъ за добрыми молодцами своего любимаго Пашу. Идетъ посолъ къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, зазываетъ млада Балдака съ товарищи въ палаты къ самому Салтану Турецкому. ««Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ.»» Возговоритъ младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь своимъ товарищамъ: «Ну, ребятушки! смотрите, нѣтъ ли на мнѣ какой значки?» Вездѣ высмотрѣли, вездѣ выглядѣли — не могли найти. «Ахъ, братцы, видно я теперь погибъ!» И сталъ младъ Балдакъ просить, чтобъ сослужили ему службу послѣднюю, раздавалъ имъ по вострой саблѣ и велѣлъ держать подъ одёжею: «А какъ знакъ подамъ, руби во всѣ стороны (отселѣ почти точь въ точь съ поэмою о Саломонѣ)!» Какъ скоро пришли они предъ Салтана Турецкаго, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: —Вотъ онъ виновникъ-то! Есть у него подъ пятой з о л о т а я з в ѣ з д а.— И по тѣмъ рѣчамъ означилась у него подъ пятой золотая звѣзда (это представляется обманомъ: но таковъ именно былъ юный богъ въ блескѣ своей славы). Высылалъ Салтанъ Турецкой изъ своихъ палатъ всѣхъ двадцать девять молодцевъ, оставлялъ одного виновника млада Балдака сына Борисьевича, закричалъ на него громкимъ, зычнымъ голосомъ: — Какъ возьму тебя, на одну ладонь посажу, да другой прихлопну, — только мокренько будетъ! — Отвѣчаетъ ему младъ Балдакъ: «Гой еси, Турецкой Салтанъ! Боялись тебя царицаревичи, короли-королевичи и сильно-могучіе богатыри, а я с е м и л ѣ т н і й м а л ь ч и ш к а тебя не боюсь: увелъ у тебя коня златогриваго, вышничка багроваго, убилъ кота бахаря, тебѣ, Салтану, въ глаза наплевалъ, а еще порубилъ-повыжегъ твой любимой садъ!» Осерчалъ Салтанъ больше прежняго, приказалъ своимъ служителямъ, чтобъ поставили на площади два с т о л б а дубовые, п е р е к л а д и н у кленовую, а на той перекладинѣ т р и п е т л и сготовили: первую ш е л к о в у ю, другую п е н ь к о в у ю, третью л ы ч а н у ю; и давалъ знать по всему городу, чтобы всѣ отъ малаго до великаго собирались на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить р у с с к а г о в и н о в н и к а. Самъ Салтанъ Турецкой садился въ легкую п о в о з к у, бралъ съ собой любимаго Пашу (это здѣсь посредникъ, равный Та-

ракашкѣ) и меньшую дочь, что̀ открыла виновника, а млада Балдака связали-сковали, у ногъ посадили, и поѣхали прямо къ дубовымъ столбамъ. Вотъ дорогою завёлъ младъ Балдакъ таковыя рѣчи: «Стану я загадки загадывать, а ты, Салтанъ Турецкой, отгадывай. Добро, конь идетъ: на что̀ хвостъ волочется?» — Не дуракъ ли ты? — отвѣчалъ Салтанъ; — конь съ хвостомъ и на свѣтъ родится. — Не много проѣхали, говоритъ опять Балдакъ: «Переднія колеса конь вкзетъ, а заднія почто чортъ несетъ?» — Вотъ дуракъ! Наготово (почти) до смерти съ ума сошелъ, въ словахъ завирается! Мастеръ четыре колеса сдѣлалъ — четыре и катятся. — Пріѣхали на площадь и вышли изъ повозки вонъ: развязали-расковали, повели на висѣлицу. Младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь перекрестился, на всѣ стороны поклонился и возговорилъ громкимъ голосомъ: «Гой еси, Турецкой Салтанъ! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить?» —Говори, что̀ такое? — «Есть у меня батюшкино подареньеце, матушкино благословеніе — игральной рожокъ. Прикажи мнѣ при послѣднемъ времени поиграть въ него: себя потѣшить и васъ повеселить.»—Играй, играй при послѣднемъ времени!—Младъ Балдакъ заигралъ веселую, — у всѣхъ разумъ помутился: заглялѣлись на него, заслушались, позабыли, за чѣмъ пріѣхали; у Салтана языкъ не шевёлится. Услыхали рожокъ двадцать девять мо̀лодцевъ, зашли съ заднихъ рядовъ, и давай вострыми саблями народъ сѣчь. Младъ Балдакъ до тѣхъ поръ игра́лъ, пока мо̀лодцы, его товарищи, не посѣкли весь народъ, пока не дошли они до самой висѣльцы. Тутъ младъ Балдакъ сынъ Борисьевичь покинулъ играть и молвилъ Салтану Турецкому послѣднее слово: «Не ты ли дуракъ? обернись-ка назадъ, погляди: мои гуси твою пшеницу клюютъ!» Салтанъ Турецкой обернулся — весь народъ побитъ, на землѣ лежитъ; только и осталось ихъ трое при висѣлицѣ: самъ Салтанъ съ дочерью да любимой Паша. Младъ Балдакъ приказалъ своимъ мо̀лодцамъ повѣсить Салтана въ петлю шелковую, любимаго его Пашу въ пеньковую, а меньшую дочь въ лычаную. Тѣмъ дѣло свое покончили и отправились во славной городъ Кіевъ къ самому царю Владиміру.» — Послѣ нашего изслѣдованія, нечего уже объяснять черты этой яркой картины. Но замѣчательно, что здѣсь поэма о Саломонѣ, черезъ посредство сказочныхъ пріемовъ, соединяется уже прочно съ Кіевскими былинами и лицомъ Василья Пьяницы или

Казиміровича. Дѣйствительно, онъ дьякъ, посолъ, грамотникъ, и т. п., т. е. извѣстный намъ посредникъ, одинаковый съ Акуромъ, Тарашкою, или Тараканчикомъ, «дьячкомъ-выдумщичкомъ,» Гермесомъ, въ заключеніи и торжествѣ близкій къ лицу самаго главнаго побѣдителя: только вспомните, что по былинамъ онъ выставляетъ въ побѣдители Добрыню, ему передаетъ окончательное торжество. Далѣе онъ Пьяница, преданный «питью забыдущему,» Діонисову дару; на него перенесено въ Кіевѣ имя Василья, героя извѣстнаго намъ круга сказаній. Однимъ словомъ, со стороны Кіева и Владиміра, онъ отвѣчаетъ и противупоставляется лице къ лице Батыеву Елтегѣ, Тараканчику, Дьячку-выдумщичку, съ которымъ и борется или которому вышибаетъ глазъ (дѣлая его Киклопомъ). На путешествія его ко врагу вмѣстѣ съ Добрынею, гдѣ послѣдній рѣшаетъ задачи и загадки, а потомъ побѣждаетъ, нужно смотрѣть какъ на Кіевское продолженіе или развитіе центральной Ѳракійской поэмы о Саломонѣ. Но здѣсь черты отходятъ уже все далѣе и далѣе, передъ нами эпосъ Кіевскій, сложившаяся Русь, міръ-народъ, исторія, Христіанство. Вести отожлествленіе внутрь этой области, значило бы злоупотреблять, или забывать ея спеціальность, особность, самостоятельность: она просвѣчиваетъ глубокую старину, но уже въ новомъ и большею частію обратномъ положеніи.

Теперь остается намъ сдѣлать два главныхъ вывода. 1) При началѣ 2-го отдѣла этой статьи, гдѣ выставили мы передѣлку именъ и образовъ на Русскій народный ладъ или изъ одной эпохи въ другую, изъ произведенія творческаго въ другое, и т. п., читатели конечно не могли иногда удержаться отъ улыбки. Но сохрани Богъ отъ улыбки сожалѣнія къ народу или наставленія ему, улыбки, свойственной только безцвѣтнымъ лицамъ нашей миѳографіи. Самыя ошибки этихъ народныхъ пріемовъ, какъ замѣчали мы, нерѣдко еще сильнѣе будятъ въ народѣ творческую силу и, вмѣсто ожиданнаго какого ни будь образа испорченнаго, позднѣйшаго или слабѣйшаго, съ избыткомъ вознаграждаютъ насъ гораздо древнѣйшимъ и существеннѣйшимъ. А помимо ошибокъ, сколько остальныя имена, названія, выраженія, по видимому испорченныя, открыли намъ сторонъ глубочайшихъ, серьезнѣйшихъ! Вы видите перетасовку народныхъ созданій: а перетасовка двухъ-трехъ выводитъ вамъ старшее и высшее, откуда всѣ они истекли; встрѣчаете въ устной передачѣ по видимому искаженіе рукописи: а оказывается, что сама эта рукопись только записываетъ устное ска-

заніе и нерѣдко портитъ его во сто разъ болѣе, чѣмъ тысячелѣтній перелетъ изъ устъ въ уста; на оборотъ, образъ устнаго творчества, кажется, зашелъ далеко, даже опошлѣлъ, приникнулъ къ обиходной дѣйствительности: а между тѣмъ изъ рукописи, ему отвѣчающей, усматриваете, что онъ вѣренъ сущности и только пошелъ далѣе въ силу законовъ исторіи; мнится вамъ, вотъ-вотъ заняли мы у иностранцевъ: а между тѣмъ они у насъ, ибо наше старше и цѣльнѣе; у нихъ сказаніе давно издано: да и наше не моложе, ибо не издано, а живетъ живымъ преданіемъ; передѣлано Греческое слово: потому, выходитъ, что корень его равенъ со Славяно-русскимъ; оно осмыслено на свой ладъ: но оказывается, что осмыслено и Греческое, а доисторическое начало обоимъ равно присуще; то же съ миѳами, образами, лицами, выраженіями, — какъ будто мы иногда заняли у Грековъ: нѣтъ, они разсказываютъ о томъ, что было и у насъ; они цвѣтнѣе въ творчествѣ, они выясняютъ наши зачатки: за то и мы пополняемъ ихъ своими чертами; нашли мы Византійскую рукопись, близко подходящую къ нашимъ устнымъ или вообще народнымъ сказаніямъ: не спѣшите утверждать, что это занято нами, переведено, унесено, — Византія есть послѣднее звѣно древняго Ѳракійскаго развитія, на почвѣ Ѳракійской соединившее и выразившее элементы и Восточные, и Эллинскіе, и Древле-Славянскіе; наконецъ, не рѣдко выставляется что-то несходное съ Христіанствомъ, готова разразиться борьба: усматриваемъ, что это только ступени единаго развитія, тѣ же по источнику образы, хотя и въ обратной постановкѣ, не язычество въ собственномъ смыслѣ, — а народность, не Христіанство въ его абсолютномъ значеніи, а его воспріятіе Народностью; съ другой стороны, Языческое порою крайне сходно съ Христіанскимъ, Христіанское съ Языческимъ: не соблазняйтесь до отождествленія, ибо часто разстояніе между тѣмъ и другимъ есть разстояніе тысячи лѣтъ развитія, разстояніе зеркала или образа и дѣйствительности, человѣческаго Сознанія и Откровенія, Міра и Божества, исторіи во времени и вѣковой сущности. — И т. д. И т. д.

2) Существеннѣйшее пріобрѣтеніе, которое мы выносимъ изъ нашего изслѣдованія, есть различеніе слоевъ, многочисленныхъ слоевъ не только въ самомъ народномъ творчествѣ, но и въ предшествующей ему жизни народнаго сознанія. Отъ самыхъ внѣшнихъ, положительно-историческихъ образовъ восходимъ мы къ отдаленнѣйшимъ миѳамъ, къ представленіямъ сознанія, къ сознанію въ немъ самомъ, въ его

доисторической реальности, и обратно, оттуда ведетъ насъ духъ къ организму, къ плоти и крови, къ самой внѣшней оболочкѣ. Это то самое, по принятому нами выраженію, различеніе видовъ бытія, которое столь трудно было добывать человѣку съ самаго начала развитія, которое досталось путемъ тяжкихъ подвиговъ, сказалось въ тысячѣ постепенныхъ миѳовъ и образовъ эпическихъ. Но это столь же необходимо изслѣдователю нашей области, какъ вездѣ необходима раздѣльность мышленія, въ его раздѣльныхъ моментахъ, ведущихъ къ цѣльности воззрѣнія и сужденія, какъ необходима раздѣльность самого реальнаго сознанія, чтобы дойти къ цѣльности духа. Не скроемъ, какъ это трудно для насъ самихъ, не заблуждаемся касательно того, какъ много и много ошибокъ вкралось вѣроятно на пути нашемъ или вырвалось поверхностныхъ выраженій: но—мы пролагаемъ дорогу, мы водимся непреклонныиъ убѣжденіемъ въ истинѣ, на сколько сознаемъ ее. Потому, съ самаго начала нашихъ «Замѣтокъ,» когда мы только что подводили читателя къ дѣлу, только приготовляли его, мы неуклонно стояли на почвѣ внѣшней исторіи, эпической области, творчества Кіевскаго, и только порою бросали слабый просвѣтъ впередъ или касались легко игры внутреннихъ струнъ, сложившей чудную гармонію нашего устнаго творчества. Мы, не смотря на окружавшіе дикіе крики, не видали миѳологіи, отрицали ее: ибо ея не было въ томъ слоѣ, на которомъ останавливали мы читателя. Мало по малу перешли мы и къ миѳологіи, и, надѣемся, уяснили ея начала въ примѣненіи къ Руси не слабѣе другихъ опытовъ. Но и здѣсь, спѣшимъ предупредить, мы не изслѣдовали самой миѳологіи вообще или миѳологіи Русской: мы только коснулись ея, для объясненія эпическаго творчества. Какъ ни ярки выставленные нами образы Славяно-русскаго Гермеса и Діониса,— мы смотрѣли только сквозь призму эпоса, по лицамъ его героевъ, по жизни и обстановкѣ ихъ среди области совсѣмъ не миѳологической: о томъ же самомъ, но въ области миѳологіи какъ особаго предмета и науки, многое можно сказать обширнѣе и подробнѣе, многое должно совсѣмъ иначе, многое сократить или съузить. Вспомнимъ, на примѣръ, что мы не коснулись Гермеса Черноморскаго, что мы не видали Діониса Малоазіатскаго, въ его отношеніяхъ къ «Матери боговъ» Кувелѣ, нашей Купалѣ, въ этой, хоть бы Фригійской, формаціи, тѣсно связанной съ Ѳракійскою и перешедшей къ Руси даже до нынѣшняго часа въ «Иванѣ-Купалѣ.» Повторяемъ, наше дѣло доселѣ было только—

указать эти слои и ихъ различіе: какъ бы ни горячились наши критики-Пуликаны, они съ нашей легкой руки заговорили уже о р о с т ѣ народнаго творчества, о потребности сюда направить современное изслѣдованіе; они до того успѣли уже присмотрѣться къ мѣркамъ этого роста, вѣхамъ этого пути, нами разставленнымъ, что сочли ихъ собственною находкою, отъ Старшихъ Богатырей до младшихъ выродковъ Кіевскаго эпоса, впервые нами названныхъ, впервые сопоставленныхъ съ остатками творчества глубочайшаго, доисторическаго. Такъ, не нашими словами, а невольнымъ признаніемъ этихъ самихъ, новѣйшихъ Пенеевъ, Ликурговъ и Орфеевъ, высказанъ судъ старой наукѣ о нашемъ народномъ творчествѣ, наукѣ сдѣлавшейся нынѣ уже старою, дождавшеюся кризиса, обреченною на гибель. Только собственною гибелью, растерзанные мѣнадами, прошедшіе сквозь смерть и самоуничтоженіе, выйдутъ эти quasi-науки и quasi-умы изслѣдователей, доселѣ господствовавшіе, къ началамъ новымъ. Желаемъ, чтобы обращеніе ихъ было искренне и соглашаемся, что пришла пора антиквировать ихъ устарѣвшія научныя слабости. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляла доселѣ эта область, называемая изученіемъ народнаго русскаго творчества — не въ честныхъ труженикахъ или скромныхъ изслѣдователяхъ той-другой частности, всегда достойныхъ и сдѣлавшихъ много дѣльнаго, — а въ громкихъ представителяхъ, толсто-томныхъ сочиненіяхъ и горячихъ журнальныхъ статьяхъ? Въ дѣлѣ языкознанія , это во первыхъ рядъ выписанныхъ у Нѣмцевъ формъ изъ разныхъ языковъ, съ нѣмецкою же обработкой и анатоміей , съ нѣмецкими соображеніями , у нихъ прожитыми наукою, а для насъ какъ гольё и сырой матеріалъ: при этомъ сопоставлено и наше слово, но какъ крошка , какъ капля въ море опущенна. Во вторыхъ, какъ изъ нѣмецкой книжки (именно изъ книжки, а не изъ языка нѣмецкаго и не изъ языковъ прочихъ) , такъ и изъ нашихъ книжекъ, выписанныя формы, сближенныя—у лучшихъ—по всѣмъ законамъ современной нѣмецкой науки, но увы—все формы и формы рядушкомъ, до того формальныя, до того оторванныя отъ исторіи своего происхожденія, отъ первобытныхъ стихій своихъ, отъ воззрѣній самого народа, отъ творческой силы, ихъ творившей, или отъ всякой непрерывной послѣдовательности съ верху до низу, что онѣ ложатся какими-то ссѣвшимися пластами, какъ тѣла неорганическія не прививаются ни къ какому органическому порядку, отъ читающаго взгляда не доходятъ до ума вашего и сознанія, пестрятъ бѣлую

страницу толстыхъ книгъ одними линіями и пребываютъ здѣсь произведеніемъ типографской краски. Съ другой стороны, для разумѣнія доисторической эпохи слагавшихся народовъ, для миѳологіи, для исторіи языческаго вѣросознанія сдѣлали Нѣмцы громадныя услуги: имъ мы одолжены ходомъ изслѣдованія со стороны миѳологической и, если есть онъ, успѣхомъ воззрѣнія. Творенія Шеллинга такъ велики, что стыдно при нихъ не прійти каждому изъ насъ Славянъ къ воззрѣнію самобытному и народному, не усмотрѣть соотвѣтствія вскрытымъ высшимъ и общимъ началамъ въ нашимъ частныхъ видоизмѣненіяхъ, сообразныхъ народности. Къ сожалѣнію, здѣсь философія нѣмецкая далеко опередила нѣмецкую филологію и послѣдняя не догнала еще первой. Труды языкознательные тамъ стоятъ еще подъ вліяніемъ старыхъ школъ философіи, или даже считаютъ нужнымъ эманципироваться отъ ясныхъ воззрѣній, дѣля свою область въ какую-то клѣтку. Потому, какъ у насъ рабски переносятся на родную почву сырыми языкознательныя данныя отъ Нѣмцевъ, такъ вмѣстѣ съ ними перешли и тѣ же воззрѣнія. Но, хоть бы цѣликомъ: нѣтъ, тамъ въ воздухѣ есть уже начала философскія, философскій складъ мышленія, хотя бы отъ старыхъ школъ; у насъ же нѣтъ школъ никакихъ. Отъ того въ трудахъ нашихъ филологовъ, гдѣ по необходимости касаются они миѳологіи, вы видите часто или отставшую старую нѣмецкую школу, или уже не только никакой школы, но даже никакого ученія, ни даже азбуки науки. И вотъ опять вамъ картина. Въ богатѣйшей обработкѣ Скандинаво-Нѣмецкой миѳологіи изслѣдованія о Римлянахъ и Грекахъ входятъ только частію, сколько нужно ученымъ: нельзя же нашимъ филолого-миѳологамъ переносить эту часть къ Славянамъ и Руси, — мелко. Такимъ образомъ у нашихъ не является ни Римскаго міра, ни Грековъ: нѣтъ Грековъ въ вопросѣ о миѳологіи! Индія намъ тоже не нужна: выписывается изъ Нѣмцевъ лишь по стольку, по скольку тамъ упомянута; нѣмецкія изданія Индійскаго эпоса, хотя и съ Латинскимъ переводомъ, читать долго: довольно ограничиться выписками изъ глоссарія Боппа. У Нѣмцевъ, въ изслѣдованіи объ ихъ миѳологіи, конечно на первомъ планѣ своя родная, богатая памятниками, а памятники разработаны, кропотливыя изысканія вскрыли міръ ея представленій до самыхъ мелочей, и притомъ есть даже сочиненія популярныя: все это переводится на Русскій языкъ, не цѣликомъ, — нѣтъ, тогда бы послѣ не осталось ничего дѣлать, — а въ видѣ выписокъ и собственныхъ соображеній. Проходятъ передъ нашими глазами Одины, Торы, Локи, Квасиры, Мидгарды, Сигурды

и т. д., и т. д.: въ видѣ мелкаго карлика благосклонно подводится къ нимъ Славянскій міръ и Русь. Дѣйствительно, кое въ чемъ указано иногда и подлинное сходство: да что же мы изъ того выигрываемъ? Если усы благороднаго короля Италіи сходны съ наполеоновскими и отчасти даже русскими, движется ли отъ того далѣе исторія? Всѣ тамошніе миѳологическіе образы достаточно ли ясны сами по себѣ, чтобы объяснять ими наши? Не нуждаются ли они сами въ миѳологіи классической? Не Гриммъ ли уяснилъ природу своего Одина только изслѣдованіемъ о Полифемѣ? Наши ученые этого не допытываются: вокругъ громадныхъ образовъ, перерисованныхъ черезъ стекло съ нѣмецкой страницы, располагаются группы нашихъ пяти-десяти пѣсень изъ памятниковъ народныхъ, дюжина данныхъ изъ житейниковъ и пластами тысяча формъ сложившагося языка. Замѣшана довольно густая и объемистая масса: оказывается и у насъ, что шагъ, то миѳологія, всюду миѳологическій періодъ, при томъ отождествляемый съ эпическимъ. Миѳологія богатѣйшая. Но, всматриваясь, вы видите слѣпки чужихъ формъ или многознаменательную шелуху формъ собственныхъ. А съ другой стороны стихіи, огонь, свѣтъ, воздухъ, вода, вѣтеръ, дымъ, звукъ, паръ, и т. д. Вы однако радуетесь: это міръ чистыхъ стихій или близокъ къ стихійному, быть можетъ попали на доисторическую или отчасти историческую стихійность Славянской природы? Увы: въ сихъ изслѣдованіяхъ огонь и свѣтъ нашихъ праотцевъ оказывается тѣмъ же, что у насъ при свѣчкѣ; воздухъ тотъ же, что въ Москвѣ; вода Москворѣцкая, вѣтеръ съ Воробьевыхъ горъ, дымъ отъ сигары, звукъ концерта, и притомъ болѣе похожаго на Турецкій, паръ отъ кабинетнаго труженика, утирающаго поту за Русскую землю. Природа, внѣшняя въ современномъ смыслѣ, обоготворяется: какъ у гоетовъ, какъ у тѣхъ массъ, изверженныхъ изъ исторіи народовъ, шамановъ, поклонниковъ, нашивающихъ на колесо записочки съ молитвами и вертящихъ колесо для умилостивленія грома и бури. Сознаніе ученаго, разорванное между внѣшнею формою и стихіями безъ образа, дѣлается театромъ дуализма, борьбы, тѣмъ болѣе ужасной и грозной, что ей ничего не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности народа, ни въ его исторіи, ни до исторіи; борьба злыхъ и добрыхъ началъ, Иранская борьба, перешедшая въ Скандинаво-Нѣмецкую, прочитанную въ книжкѣ, оглашается вдохновенной пѣснію Эдды, уже не древней, не новой, а новѣйшей. Борьба изъ сознанія переносится въ Русскую книгу: здѣсь она оказывается

борьбою Русскаго язычества съ Христіанствомъ. Трудно сказать, на какой сторонѣ успѣхъ, на какой потеря: результатомъ выходитъ народное двоевѣріе. Памятники народные задавлены Христіанствомъ: въ житейникахъ разсказывается о Перунѣ и Чудѣ-Юдѣ. Миѳологическая катастрофа, безцѣльно и безгранично продолжающаяся доселѣ, обставлена печальною картиною тяжкаго положенія древне-русской женщины, представителями борьбы — невѣжественными и грубыми боярами, невѣжественнымъ духовенствомъ, простодушными—но глупыми дѣтьми—крестьянами, лицами дѣйствительными, не успѣвающими однако вынести изъ борьбы, при которой присутствуютъ они зрителями, благодѣтельныхъ вліяній добраго начала. Вопросы о томъ, какова связь съ древними народами, было ли чему бороться съ Христіанствомъ при выходѣ Русскаго человѣка къ исторіи, а если и была борьба, то не шла ли она противъ формъ, приносимыхъ къ намъ съ чужи и выработанныхъ чужимъ язычествомъ, не было ли внутренней связи народныхъ представленій съ представленіями, положенными въ основу Византійскихъ сказаній, и каково было народное воззрѣніе на все это дѣло, и какова потребность народнаго воззрѣнія въ самой наукѣ, — всѣ эти и подобные вопросы не поднимаются на страницахъ, отданныхъ такъ называемому эпическому періоду. Печальная картина. Уважая степень потраченнаго на все это трудолюбія, равняющуюся развѣ только одной ограниченности дѣятелей, всякой обязанъ антиквировать эти зады народной своеобразной русской науки, во имя науки подлинной и современной, какъ бы ни сердились старцы съ высоты каѳедръ или ученыхъ степеней, какъ бы ни старались защитить ихъ юные кандидаты-Пуликаны, кандидатствующіе въ старцы и совершающіе узаконенный «ambitus» похвалою «превосходнымъ, глубокимъ и замѣчательнымъ изслѣдованіямъ» старцевъ.

Въ слѣдующемъ послѣ сего изысканія, въ доступной—по возможности—для большинства читателей формѣ, мы пройдемъ путь филологическій, соотвѣтствующій прежнимъ «Замѣткамъ» и здѣсь же вскроемъ важное вліяніе на наше народное творчество еще одного яркаго миѳологическаго образа.

3.

По плану намъ бы слѣдовало теперь дополнить прежнее изложеніе Былевыхъ Сказокъ вновь изданными данными: но, такъ какъ

на дняхъ мы получили отъ П. Н. Рыбникова еще продолженіе Былинъ, потому заканчивать обзора нельзя и уже при III-й Части помѣстимъ мы обѣщанный Указатель и снова разсмотримъ подробнѣе подвиги нашего Ивана. Изданіе г. Аѳанасьева съ каждымъ выпускомъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значеніе, все сильнѣе и сильнѣе возбуждаетъ интересъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начались сказки, собранныя В. И. Далемъ. Выпускъ VI-й, о которомъ мы еще не говорили съ читателями, не только подтверждаетъ сказанное нами въ прежнихъ «Замѣткахъ,» но раскрываетъ дѣло еще далѣе, объясняетъ его еще неожиданнѣе, вводитъ въ цѣлую и огромную область самобытнаго творчества. Предоставляя себѣ впереди обстоятельныя подробности, замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что въ концѣ Выпуска помѣщены Сказки тѣ именно, которыя возсоздавалъ безсмертный Пушкинъ, такъ что, кромѣ самостоятельнаго интереса, онѣ проливаютъ значительный свѣтъ на творчество поэта. Если по рабскому отношенію къ литературѣ иностранной и тамошнему просвѣщенію, а съ другой по мелочности таланта, ощущающаго наслажденіе рыться въ выдохшейся сферѣ бездушной публики, большая часть современныхъ писателей-художниковъ доселѣ не хочетъ еще знать порядкомъ произведеній народныхъ и не находитъ въ себѣ силъ воспроизводить тѣ драгоцѣнные перлы, которые даются общеніемъ съ народомъ, а въ изданныхъ нынѣ дивныхъ образцахъ готовятъ въ будущемъ перерожденіе нашей литературѣ: то тѣмъ величавѣе поднимается надо всѣмъ этимъ колоссальное творчество поэта, далеко здѣсь опередившаго настоящихъ современниковъ. Невольно вспоминаемъ его завѣтное желаніе:

Увижу ль, о друзья, народъ не угнѣтенный
И рабство падшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Одна половина желанія уже исполнилась. Еще нужнѣе свобода духа отъ рабства въ просвѣщеніи: а этого желать должно всего прежде отъ нашихъ ученыхъ и художниковъ; это ихъ уже дѣло, въ которомъ стыдно ожидать государственной помощи. Дай Богъ!

П. Б.

1862 года,
Мая 13.

ПЕРЕЧЕНЬ ПѢСЕНЬ И ПРОЧИХЪ СКАЗАНІЙ II-Й ЧАСТИ ПО МѢСТУ И ЛИЦАМЪ, ГДѢ, У КОГО И КѢМЪ ОНѢ ЗАПИСАНЫ ИЛИ СОБРАНЫ.

1. Переданныя Собирателю Н. В. Обручевымъ, записанныя а) въ Саминскомъ приходѣ, Вытегорскаго уѣзда: №№ 8, 9; б) Песчанской волости Пудожскаго уѣзда: № 36; в) Вытегорскаго погоста, Спасоматкозерскаго прихода: № 48.

2. Записанныя по порученію Собирателя г. Лысановымъ а) въ Кижской волости: №№ 16,20, 55; б) въ Сѣнногубской волости: № 17; в) въ Филимоновской волости Пудожскаго уѣзда, отъ Андрея Сорокина: см. ниже.

3. Доставленныя Собирателю А. А. Шкалинымъ, изъ Лодейнопольскаго уѣзда: №№ 25, 26.

4. Кижской волости пѣсня записанная отъ крестьянина Григорья Васильева крестьяниномъ изъ Сѣнной Губы, деревни Конды, Андреемъ Ивановымъ Соколовымъ: № 37.

5. Отъ г. Прозоровскаго, Олонецкой губерніи: № 39.

6. Изъ рукописнаго (позднѣйшаго) сборника: №№ 56, 57, 58.

7. Записанныя самимъ Собирателемъ, Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости, отъ Сунозерскаго крестьянина Андрея Сорокина: №№ 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62, 63; изъ нихъ нѣкоторыя черезъ г. Лысанова: см. въ текстѣ.

8. Того же уѣзда, Бережнодубровскаго погоста, деревни Кузне-

цовой, отъ калики Латышова, записанныя (отселѣ всѣ) самимъ Собирателемъ: №№ 5, 23, 28, 51.

9. Того же уѣзда, Купецкой волости, деревни Мелентьевской, записано на Шунгѣ, отъ слѣпаго Ивана: № 10.

10. Того же уѣзда, Шальской волости, отъ лодочника: № 43.

11. Петрозаводскаго уѣзда, въ Кижской волости, отъ крестьянина Терентія Іевлева: №№ 1, 12, 32.

12. Той же волости, деревни Боярщины, отъ крестьянина Щеголенкова: №№ 21, 49, 59; отъ его племянницы: №№ 14, 52.

13. Той же волости, деревни Середки: № 50.

14. Той же волости, деревни Курганицъ, отъ крестьянина Петра Иванова Корнилова: №№ 60, 61, 64, 65.

15. Того же уѣзда, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы, отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова: №№ 18, 22, 42, 54.

16. Того же уѣзда, погостъ Деревянскій: № 47.

17. Того же уѣзда: № 40.

18. Каргопольскаго уѣзда, изъ деревни Красныя Ляги, отъ старика калики: №№ 2, 3, 4, 6, 11, 13, 15, 29, 33.

19. Того же уѣзда, Тихвиноборскій погостъ: № 24; здѣсь же, отъ Кенозерскаго цѣловальника изъ Пудожскаго уѣзда: № 35.

20. Изъ Кенозера: № 27.

21. Черниговскія Слободы: №№ 44, 45.

22. Пермской губерніи, Екатеринбургскаго уѣзда: №№ 38, 41, 46.

NB. Противъ этого, исправленнаго позднѣе, Перечня въ самомъ текстѣ есть нѣкоторыя ошибки, отмѣченныя въ «Погрѣшностяхъ.» — *Изд.*

—

Перечень опечатокъ, ошибокъ, пропусковъ въ I-й части и дополненія къ ней *).

Стр. 2, стихъ 12: малыихъ горносталюшекъ.
— 18 — — 12: убѣгали всѣ звѣри въ темны лѣса.
— 19 — — 49: кобылка у ратая соловая,
— — — — 61: Далѣче ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— — — — 70: А недавно я былъ въ городѣ, третьёво-дни;
— 20 послѣ стиха 105 пропущено: изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть.
— 23 — — 45: Какъ улетѣла та сошка къ подоблачью;
— 24 — — 65: Тая сила вся по рѣченькѣ подвалилася,
— — — — 86: Да одва ѣдетъ, одва гонитъ,
— 49 — — 170: Пріотшатался, пріопялтался **),
— 56 — — 63: «Что ты, собака, на кортѣ потыкаешься!»
— 66 — — 29: Стоятъ богатыри, пораздумались.»
— 72 Примѣч. къ 242 стиху: И Ванька Удовкинъ, т. е. Вдовинъ сынъ.
— 76 — — 51: — Ахъ ты, шишира, б.... деревенская!
— 84 — — 120: — А батюшка, не знаю, кто е. —
— 91 Примѣч. къ 71 стиху: распастался отъ пасъ — поясъ.
— 92 — — 115: — По многу ли пьетъ зелена вина? —
— 95 Примѣч. къ 5 стиху: Зарко — отъ *зор*, *зр*, отсюда *зариться*.
— 103 Примѣч. къ 238 стиху: шеломя, холмъ, гора, ср. Слово о полку Игор.
— 104 Примѣч. къ 277 стиху: перѣсядется — надорвется.
— 120 — — 1: Порасплачется, порастужится Добрынюшка Никитиничь
— — Послѣ 8 стиха прибавить: «Красою во Осипа Прекраснаго,
— — Послѣ 18: — Первой посолъ Илья Муромецъ отъ города отъ Кіева,
А другой посолъ — Добрынюшка Никитиничъ;
— 121 — — 32: — У насъ куплятся во Пучай рѣки во рубашечкахъ. —

*) Составленъ Собирателемъ уже по выходѣ I-й Части: см. «Переписку.» — *Изд.*
**) Объясненіе Издателей послѣ этой поправки уже не идетъ. — *Изд.*

— — — — 40: И другую струечку быструю переплылъ.
У него былъ взятъ малый пароб кя,

— — — — 44: — Изподъ западнія сторонушки идe шумъ великъ!—

— 181 — — 104:—Скажи, скажи, Дунай, не утай собою,

— 263 — — 87: Около носовъ-носовъ яицомъ покати,

— — — — 89: Воробышко летитъ, перепурхиваетъ.

— 338: Послѣ 87 стиха въ разнорѣчіи прибавляется:
Самъ говоритъ таковы слова:

— — Бытто матушка по головкѣ подрочиваетъ,

— — Бытто матушка по головкѣ поглаживаетъ!—

— 345 — 33, 34: Обучился Василій всякихъ хитростей-мудростей,
Разныхъ наукъ воинскіихъ и рыцарскіихъ,

— — Послѣ 45 стиха разнорѣчіе добавляетъ:
Поставитъ къ дверямъ добра молодца
И ударитъ вязомъ черленымъ:
Который устоитъ на ногахъ отъ удара Васильева,
Тотъ его дружина хоробрая.

— 460 Примѣч. Въ Февралѣ 1861 г. Кузьма Романовъ у меня въ Петрозаводскѣ пѣлъ эту былину и послѣ стиха 153-го припомнилъ:
« « Пусти его въ палату бѣлокаменну
« « Не вѣкъ вѣковать, не ночь ночевать,
« « Единъ разъ хлѣба-соли откушати.»»
Эти же слова повторяются и послѣ 156 стиха.

— 471 — — 4: Похотѣлося дороднюдобру молодцу

— 480 — — 33:«Такъ осмѣются люди добрые

— — — — 40: Прошла-пролегла дорожка мимо царевъ кабакъ

— — — — 53: Не послушалъ наказа отца-матерня;

— 482 — — 94:—Не послушался наказа отца матерня! —

— 487 — — 64:—Дологъ хвостъ, да не наступитъ *),

— 488: Пропущено послѣ 13 стиха: « Скрозь хмѣлиночку точину пропущаетъ,

— XXV: Вмѣсто « Полученныя отъ *П. О. Б.*» должно быть: « Полученныя отъ *П. Ѳ. Б.*»

21 Апрѣля 1861 г., Петрозаводскъ, Павелъ Рыбниковъ.

—

*) Такъ по догадкѣ и было исправлено Издателями.—*Изд.*

Погрѣшности во II-й Части.

Стран. 137, передъ № 28: Слѣдуетъ исправить:
(Каргопольск. уѣзда, — — (Пудожск. уѣзда,
Стр. 174, стихъ 523:
не кого — — — — некого
Стр. 184, передъ № 31:
(Кижская волость) — — (Тамъ же)
—, ст. 4:
по Бѣлу-озеру; — — — ко Бѣлу-озеру;
Стр. 185, ст. 5:
по Синю морю. — — — ко Синю морю.
Стр. 194, послѣ пѣсни:
г. Лысановымъ). — — — г. Лысановымъ отъ Андрея Сорокина, см. выше).
Стр. 211, передъ № 34:
(Кижская волость). — — (Филимоновская волость, Пудожскаго уѣзда).
Стр. 220, послѣ пѣсни:
г. Лысановымъ). — — — г. Лысановымъ отъ Андрея Сорокина, см. выше).
Стр. 229, послѣ пѣсни:
крестьяниномъ той же волости, Сѣнногубскаго общества, — крестьяниномъ изъ Сѣнной Губы,
Стр. 317, передъ № 60:
(Кижская волость). — — (Кижская волость, деревни Курганицъ).
—, послѣ пѣсни № 60: — — (Отъ крестьянина Петра Иванова Корнилова).
Стр. 318, послѣ пѣсни № 61: — (Отъ того же).

Стр. 345, передъ № 64:		
(Кижская волость).	— —	(Кижская волость, деревни Курганицъ).
Стр. 351, послѣ пѣсни:		
Собирателя).	— — —	Собирателя, отъ Петра Иванова Корнилова, ср. выше).
Стр. XI, строка 11 сверху:		
настоятелими	— — — —	настоятелями
— CXXIV, строка 19 сверху:		
Периѳоемъ	— — — —	Пириѳоемъ
— CXL, строка 17 сверху:		
внутреню,	— — — —	внутреннюю,
— CXLII, строка 20 снизу:		
въ высокое дерево, скрыло	—	въ высокое дерево, дерево скрыло
— CXLVIII и ниже:		
Мелькарта, Мелькартъ,	—	Мелкарта, Мелкартъ,
и т. п.	— — — —	и т. п.
— CLIII, строка 20 снизу:		
Кентовровъ	— — — —	Кентавровъ
— CLIV, строка 17, 18:		
освободилъ городъ отъ Грековъ,		освободилъ городъ отъ враговъ,
— CLXXIII, строка 1 сверху:		
находитъ	— — — —	находимъ
— —, строка 7 снизу:		
— Доінисъ	— — — —	Діонисъ
— CXC, строка 5 сверху:		
Салбмнеевъ	— — — —	*Салмóнцевъ*
— CCVI, строка 8 снизу:		
обличенный,	— — — —	обличенный,
— CCXXXIV, строка 9 снизу:		
помъшается	— — — —	помъщается

— CCXXXV, строка 1 снизу:

Гриммъ въ простонародной — Гриммъ, въ простонародной

— CCXL, строка 14 снизу:

Давыдъ — — — — Давидъ

— CCLXXXIII, строка 2 снизу:

шли. — — — — — шло.

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА. Издатель и сочинитель статьи, цитуя страницы и приводя выписки изъ «Исторіи Нѣмецкаго языка» Я. Гримма, но въ то же время занимаясь изученіемъ другой его книги, «Нѣмецкой Миѳологіи,» имя сей послѣдней перенесъ на первую. Потому —

Вмѣсто: Слѣдуетъ исправить:

Стр. CXCV, строка 15 и 16 снизу:

«Нѣмецкой Миѳологіи.» — «Исторіи Нѣмецкаго языка.»

— CXCVI, строка 11 снизу:

«Нѣм. Миѳ.,» — — — «Ист. Нѣм. яз.,»

— CXCVIII, строка 10 сверху:

въ Нѣмецкой Миѳологіи, — въ Исторіи Нѣмецкаго языка,

Оглавленіе II-й Части.

Страницы.

Страницы.

II. Новгородъ.

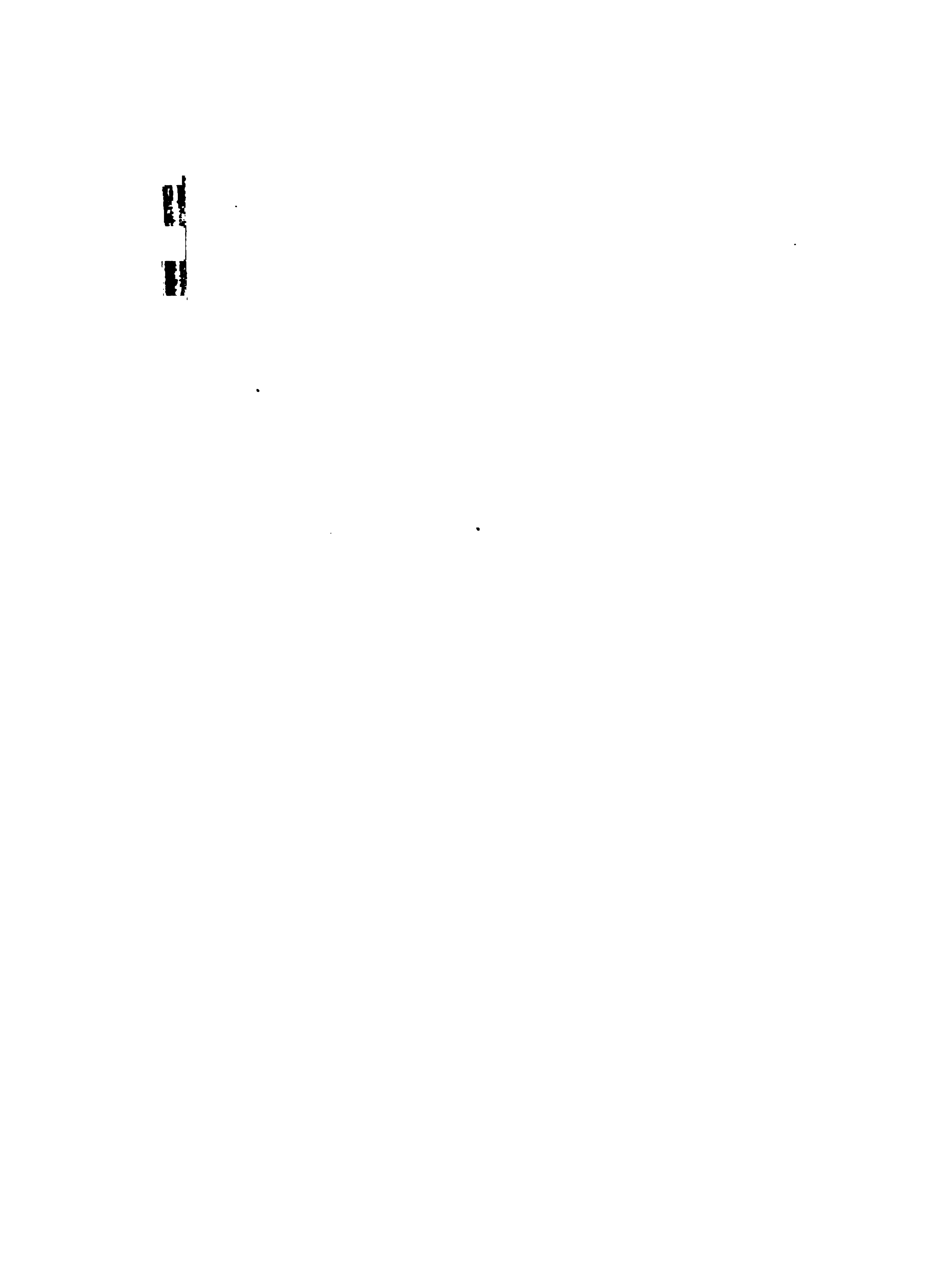
III. Москва.

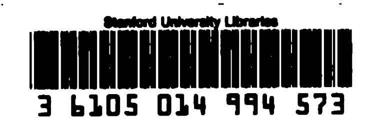
IV. Былины, Старины, Побывальщины: Княжескія, Молодецкія, Безъимянныя.

Приложенія ко II-й Части *).

*) Напечатанныя здѣсь пѣсни нужно бы размѣстить выше: см. текстъ.—*Изд.*

Страницы.





	DATE DUE		